

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1959

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

05
Р 89

ОКТАБРЬ.

1896.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

~~ПЕЧИШЕВСКАЯ~~
~~ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА~~

Пл. Лесная д. 8.

№ 4449 т. 10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

Δ
Pslaw 620.5 ($\frac{1896}{10}$)

ИЮЛ 1939

61*2

Доведено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Октября 1896 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТРАН.
1. Напастъ. Окончаніе. <i>А. Немировскаго</i>	5— 19
2. Реформа Петра Великаго въ сознаніи русск. общества <i>А. Кизеветтера</i>	20— 46
3. Казачка (изъ станичнаго быта) <i>Θ. Крюкова</i> . . .	47— 84
4. Кривоногій. Очеркъ изъ чукотской жизни. <i>Н. Танъ</i> . . .	85—128
5. Робертъ Бернсъ. (Очеркъ по поводу столѣтней годовщины его смерти). Окончаніе. <i>П. Вейнберга</i> . . .	129—155
6. На станціи. Романъ Елены Белау. Перев. съ нѣмецкаго. <i>Т. Кримъ</i>	156—199
7. Выгодное дѣло. Очеркъ. <i>А. Будищева</i>	200—216
8. Человѣкъ. (Стихотвореніе) <i>П. Я.</i>	217—218
9. Поэтъ-ветеранъ. Полное собраніе сочин. <i>Я. П. Полонскаго</i> . <i>М. Протопопова</i>	1— 19
10. Практическая и законодат. постановка мѣръ обществ. призрѣнія <i>Е. Максимова</i>	19— 50
11. Новыя книги:	
<p>К. И. Маслянниковъ: За десять лѣтъ. Изъ дневника неунывающего хозяина.—П. А. Сергѣенко: Безъ якоря.—И. Мясниціи: Гостинодворцы. Повѣсть.—В. Сергѣевичъ: Русскія юридическія древности. Томъ II. Власть. Вып. 2. Совѣтники князя.—Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщ. П. П. Михайлова въ Археологич. институтѣ. — В. П. Вахтеровъ: Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки, книжныя склады, воскресныя школы и повторительные классы.—А. А. Исаевъ: Настоящее и будущее русскаго общества, хозяйства. — Дж. Н. Ингрэмъ: Исторія рабства.—Уильямъ Джемсъ: Психологія</p>	
Новыя книги, поступившія въ редакцію	51— 83

См. на оборотѣ.

	СТРАН.
12. Изъ Германіи. <i>А. Коврова</i>	84—98
13. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	99—122
14. Дневникъ журналиста. <i>С. Южакова</i>	122—147
15. Съ нижегородской выставки. <i>С. Ематьевскаго</i> . .	148—158
16. Хроника внутренней жизни. Вопросы труда на тор- гово-промышленномъ съѣздѣ. <i>Н. Анненскаго</i> .	158—190
17. Объявленія.	

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.
безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

Открыта подписка на 1897 годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Галарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Газарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

- Н. Гаринъ.** Очерки и рассказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Вл. Короленко.** Вѣголодный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Сѣдой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Н. К. Михайловскій.** Критическіе опыты:
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Н. В. Шелгуновъ.** Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.
- М. А. Протопоповъ.** Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.
- С. Н. Южаковъ.** Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Д. Маминъ-Сибирякъ.** Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
- С. Я. Елпатыевскій.** Очерки Сибири. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- К. М. Станюковичъ.** Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Морскіе силуэты. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Н. Сѣверовъ.** Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- В. Строщевскій.** Якутскіе рассказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Ю. Безродная.** Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- А. Шабельская.** Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- В. Немировичъ-Данченко.** Волчья смѣть. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- П. Доброворскій.** Рассказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Э. Арнольдъ.** Свѣтъ Азіи: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
- Э. Реклю.** Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.
- И. И. Дитятинъ.** Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.
- Г. Гиббинсъ.** Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- Ш. Летурно.** Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- М. С. Корелинъ.** Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- С. Сигеле.** Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
- Н. А. Карышевъ.** Крестьянскія вѣтнахлѣбныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 15 к.
- Н. И. Карѣвъ.** Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Г. Буасье.** Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

- С. Р. Гардинеръ.** I. Пуритане и Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- П. О. Эйри.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- С. Н. Кривенко.** На распутии. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Э. К. Ватсонъ.** Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- Н. А. Рубакинъ.** Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- С. Я. Надсонъ.** Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- В. Острогорскій.** Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Р. Левенфельдъ.** Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на велевовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- А. Н. Анненская.** Анна Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посылать почт. марками).
- Дж. Мармери.** Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Э. Реклю.** Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Дж. К. Ингрэмъ.** Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- И. К. Блунчли.** Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (вмѣсто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большой уступки не дѣлается.
- Дж. Леббокъ.** Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- Съ благодѣтельной цѣлю:*
- Путь-дорога.** Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На велевовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
- О. Петерсонъ.** Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Въ добрый часъ.** Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.
- Т. Хиггинсонъ.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣлается.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Издание редакціи журнала „Русское Богатство“.

УДЕШЕВЛЕННОЕ

издание большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ.

Открыта подписка на I и II т.

Содержаніе I т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Содержаніе II т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Оба тома выйдутъ въ ноябрѣ 1896 г.

Подписная цѣна: 3 р. за оба тома.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.

въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — Никитскія ворота, д. Гагарина.

НА ПАСТЬ.

(Окончаніе).

XI.

Въ столичныхъ газетахъ появились публикаціи о продажѣ имѣній князя Александра Владиславича Кейстутъ-Велинскаго. Продавались имѣнія въ четырехъ губерніяхъ, дома въ Москвѣ и еще кое-что. Люди, знавшіе состояніе князя, считали, что опубликованное къ продажѣ составляетъ болѣе трети, почти половину всего, чѣмъ владѣлъ князь. За болѣе подробными свѣдѣніями—сказано въ публикаціи—обращаться къ главноуправляющему князя, отставному маіору Николаю Федоровичу Райскому, —ской губ., въ село Копьевку.

Княгиня, жившая въ Петербургѣ у дочери, была не-пріятно поражена этими неожиданными публикаціями. Она знала, что князь не нуждается и никогда не нуждался въ деньгахъ, и понять не могла, зачѣмъ ему понадобилась продажа такой значительной части его имѣній. Княгиня заволновалась.

Не такое впечатлѣніе произвели эти публикаціи на ея сына: онъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Беззаботный, добрый и еще очень молодой малый, онъ выросъ съ несокрушимымъ сознаніемъ, что все, что ему нужно, у него было, есть и всегда будетъ. Онъ не считалъ денегъ, хотя и не склоненъ былъ къ мотовству; не думалъ о средствахъ отца, никогда не считалъ ни чужихъ, ни своихъ доходовъ, и мысль о нуждѣ ему никогда не приходила въ голову. Возможность очутиться когда либо въ положеніи человѣка нуждающагося, а тѣмъ болѣе бѣднаго, показалась-бы ему прямо противоестественной, какъ противоестественной показалась-бы мысль въ одно прекрасное утро проснуться не корнетомъ—скаго полка, княземъ Александромъ Александровичемъ Кейстутъ-Велинскимъ, а тѣмъ мѣщаниномъ Слойкинымъ, который торговалъ въ мелочной лавочкѣ противъ оконъ его квартиры, или той толстой бабой, которая всегда стояла передъ воротами

каретника, пока его кучеръ закладывалъ лошадей и усаживался на козлы.

Когда мать показала ему публикацію, онъ разсѣянно пробѣжалъ ее и положилъ газету на столъ. Ему и раньше попадались публикаціи о продажахъ лѣса, шерсти, овецъ и проч. въ имѣніяхъ его отца, и также мало останавливали его вниманіе.

Видя, что сынъ слишкомъ небрежно отнесся къ прочитанному, княгиня ему подробно сообщила, какія имѣнія продаются и насколько нѣкоторыя изъ нихъ цѣнны и доходны.

— Папá, конечно, знаетъ объ этомъ, — равнодушно замѣтилъ онъ.

— Но папá продаетъ почти половину своихъ имѣній; лишаетъ насъ... то есть себя... половины состоянія! — нѣсколько раздраженно возразила княгиня.

— Но, папá, вѣдь это — его дѣло.

То же самое: «это — его дѣло» отвѣтилъ ей и зять ея, баронъ.

Не встрѣтивъ поддержки у дѣтей, княгиня рѣшилась обратиться къ маіору Райскому. Она знала, что этому старому товарищу и другу ея мужа несомнѣнно извѣстно все и, прежде чѣмъ обратиться непосредственно къ мужу, она отъ маіора попыталась вывѣдать о цѣляхъ и намѣреніяхъ князя. Маіоръ пріѣхалъ въ Петербургъ, но тоже ничего опредѣленнаго не сказалъ. Самъ онъ изъ писемъ князя могъ, конечно, кой о чемъ догадываться; но и своихъ догадокъ онъ княгинѣ не сообщилъ, предпочитая, чтобъ она узнала, что желаетъ, непосредственно отъ мужа. Князь изъ своего литовскаго имѣнія, черезъ Юлію, переписывался съ маіоромъ; въ ея письмахъ дѣлалъ иногда собственноручныя приписки. Среди различныхъ распоряженій дѣловаго хозяйственнаго свойства встрѣчались намеки, отдѣльныя, отрывочныя фразы, достаточно ясно обнаруживавшіе настроеніе и намѣренія князя. «Мы страдаемъ потому, что страдаютъ другіе. Когда другіе страдаютъ, должны и мы страдать» — писалъ онъ въ одномъ письмѣ. Въ другомъ письмѣ говорилось: «Отецъ Небесный не раздѣлялъ своихъ дѣтей. Мы оставляемъ заразу и смерть на Домнѣ Савосиной, ограждаемъ себя отъ нея, въ страхъ бѣжимъ отъ нея. А Домна Савосина приходитъ и приносить эту заразу и смерть Леночкѣ. Отецъ Небесный не отдѣлялъ своихъ дѣтей никакими преградами»... Въ одномъ письмѣ князь сдѣлалъ большую приписку, въ которой, между прочимъ, сказалъ:... «Леночка своей дѣтской душой понимала то, чего я не понималъ всю жизнь, не понялъ до старости. А теперь стараюсь понимать, хочу понимать, какъ понимала она, моя Леночка»...

Но то, чего желала княгиня достигнуть домашними, такъ

сказать, средствами, въ семьѣ и черезъ семью, стало осуществляться само собою, внѣ семьи и почти помимо ея вліянія. На публикаціи обратили вниманіе и стали о нихъ говорить. Князя Рейстутъ-Велинскаго мало знали въ столичномъ обществѣ. Знали, что это очень богатый, но какой-то странный человекъ: живетъ гдѣ-то въ провинціи, тогда какъ, при своихъ средствахъ, могъ-бы жить въ столицѣ, какъ живутъ другіе, и даже лучше другихъ. Холерное дѣло дало князю нѣкоторую извѣстность, но именно извѣстность такого рода, которая невольно побуждала общество искать совершенно особенныя объясненія его необычайному и странному намѣренію—безъ всякой нужды продавать богатія и цѣнныя родовыя имѣнія. Догадывались, что княземъ руководятъ какія то особенныя соображенія, какая нибудь *идея*. Объ этой *идеѣ* толковали на разные лады. Особенно старался Сергій Сидорычъ. Правда, онъ лучше кого бы то ни было зналъ, что поступки князя менѣе всего объясняются такъ называемыми *идеями*; но въ то-же время онъ зналъ и то, что тамъ, гдѣ будутъ говорить объ *идеѣ*, будутъ говорить и о немъ, Сергѣѣ Сидорычѣ Фоныкинѣ, «искренномъ доброжелателѣ и другѣ несчастной семьи этого добрейшаго и милаго, но все-же страннаго князя, его лучшаго друга»; что, поддерживая толки объ *идеѣ*, онъ постоянно и съ выгодной стороны напоминаетъ и о себѣ, тоже въ извѣстномъ смыслѣ «человѣкъ идей»...

Съ плохо скрываемой брезгливостью выслушивалъ эти непрошенно-участливыя рѣчи баронъ. Но княгиня ему внимала и нерѣдко выражала благодарность «доброму Сергѣю Сидорычу». Польщенный такой признательностью, онъ усерднѣе юлилъ и громче барабанилъ, стараясь, чтобы его слышно было по возможности дальше.

Мало по малу, совокупная сила различныхъ, мало замѣтныхъ вліяній постепенно и незамѣтно вызывала воздѣйствія и противодѣйствія, и въ результатѣ создала для князя маленькія, невѣдомыя и непонятныя ему, но весьма дѣйствительныя препятствія и преграды.

Такъ, одно большое имѣніе, продававшееся весьма дешево, рѣшилъ купить богатый петербургскій баринъ. Но онъ встрѣтилъ въ своемъ обществѣ такіе недоумѣвающіе взгляды, такъ странно приподнятыя брови, что махнулъ рукой и отказался.

Другое имѣніе совсѣмъ уже было продано; оставалось совершить актъ. Благодушный купецъ уже ходилъ по лѣсамъ и высчитывалъ, «сколько выйдетъ тройнику и четверику изъ ствола, сколько кубиковъ—съ комля, вѣтки, и вершинки». Но появились какія то незначительныя, формальныя препятствія, и купчая все не утверждалась. И какъ ни старались

устранить эти формальныя препятствія, кончилось тѣмъ, что пришлось возвратить покупщику полученныя деньги и «безъ всякаго суда и слѣдствія» уплатить ему неустойку.

Князя всѣ эти препятствія удивляли и раздражали. Недоумѣніе, подѣ конецъ, смѣнилось подозрѣніями. Онъ не рѣшался допустить, а тѣмъ болѣе высказывать эти подозрѣнія относительно своей семьи; но нѣчто подобное иногда проскальзывало у него между строкъ. Такъ, въ одномъ письмѣ къ своей дочери онъ мимоходомъ замѣтилъ: «Когда я дѣлалъ зло, я всюду и отъ всѣхъ встрѣчалъ поддержку и помощь». Въ другомъ онъ писалъ женѣ: «Намъ Господь послалъ ангела, Леночку. Она жила съ нами девять лѣтъ, и мы отъ нея при жизни ничему не научились. Неужели и смерть ея ничему насъ не научить?...»

А продажа имѣній все не подвигалась. Удалось сбыть какіе-то заводскіе пая; проданы акціи какого-то банка. Часть вырученныхъ денегъ была положена въ банкъ на имя жены и дѣтей Мити; другая отдана въ одинъ городской пріютъ подѣ именемъ «капитала Леночки». Въ одномъ имѣніи начата постройка большого зданія, говорили, — больницы; въ другомъ приказано очистить и перестроить по плану старую, давно оставленную суконную фабрику. Но, дѣлая эти частичныя распоряженія, князь все ждалъ продажи имѣній.

XII.

Высокая черепичная крыша большого зданія, съ двумя остроконечными башнями, чернѣлась издали на отлогомъ холмѣ. Небольшая рѣчка огибала широко раскинутую деревушку и, извиваясь, терялась въ узкихъ лѣсистыхъ берегахъ. За высокимъ зданіемъ виднѣлся большой старинный паркъ, высились острыя верхушки сосенъ и круглыя куполы раскидистыхъ дубовъ; а далѣе, уходя къ горизонту, чернѣлся вѣковой лѣсъ.

Ройеръ съ своей десятилѣтней дочерью подѣѣзжалъ къ двору широкой, шоссированной аллеей, вдыхая влажный лѣсной ароматическій воздухъ. На дворѣ, вдали отъ главнаго стараго зданія, были раскинуты разныя болѣе новыя постройки, виднѣлись красныя желѣзныя крыши; самому-же зданію, не смотря на позднѣйшія пристройки и перестройки, повидимому, старались сохранить во всей неприкосновенности его старинный, суровый видъ, его незатѣйливую, весьма прочную архитектуру.

Юлія Райская встрѣтила Ройера въ высокой, слабо освѣщенной комнатѣ, со старинной тяжелой мебелью, тяжелыми дубовыми дверьми, узкими, высокими окнами, глубоко сидѣвшими въ толстыхъ, почти полусаженныхъ стѣнахъ.

Юлія замѣтно измѣнилась: на видъ она пополнѣла, что въ общемъ очень выгодно отразилось на ея сухой, нѣсколько мужской фигурѣ; но въ глазахъ не было ни прежняго смѣшливаго огонька, ни задѣвающей игривости. Она казалась старше и солиднѣе.

Она крѣпко пожала руку Ройеру. Когда она обняла его дочь, на глаза ея готова была навернуться слеза; но она сдѣлала усилие и овладѣла собою.

— Папа еще спитъ; только на разсвѣтѣ заснулъ,—сказала она.—Въ послѣднее время, живя неразлучно при князѣ, она и въ присутствіи постороннихъ отвыкла называть его иначе, какъ папа.—Вы куда же, Яковъ Эмануиловичъ?

— Пробираюсь на воды.

— А ты, Аничка милая, какъ выросла,—обратилась Юлія къ дѣвочкѣ.—Только все такая-же худенькая и блѣдная.

— У васъ, Юлія Николаевна, какъ? — спросилъ Ройеръ.

— Да какъ! Сначала, съ весны какъ будто ожилъ немного: бродилъ по парку и такъ, вообще... Онъ это мѣсто вѣдь очень любитъ: при отцѣ, мальчикомъ, здѣсь по лѣтамъ жилъ. Думали,—начинаетъ успокаиваться. А послѣ—опять...

— Что-же собственно?

— Да особеннаго ничего. На видъ,—спокоенъ, даже какъ будто здоровъ. Но я его вѣдь знаю и вижу: уходитъ, съ каждымъ днемъ уходитъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ подумаешь: еще такъ недавно все было тихо, спокойно, столько было счастья. И вдругъ, этотъ ужасный годъ, эта напасть. Точно буря какая-то пролетѣла... Право, порой все кажется сномъ!

— И вы все время здѣсь одни?

— Нѣтъ, какъ можно! Княгиня три раза пріѣзжала, по мѣсяцу жила. Сапа почти два мѣсяца гостилъ. Баронъ былъ два раза; а Ольга съ дѣтьми только на-дняхъ уѣхала.

— Что-же, и не развлекаетъ его это, не утѣшаетъ?

— Странное дѣло! Понять не могу. Княгиня какъ будто утѣшается внуками, ласкаетъ ихъ, возится съ ними... Милыя такіе дѣтишки! А онъ... Вѣдь какъ любилъ Ольгу! Въ Сапѣ души не чаялъ. А теперь и дѣти, и внуки—точно чужіе ему: смотреть на нихъ, молчить, иногда улыбнется, приласкаетъ, такъ, слегка. Леночка точно всю душу его унесла съ собою, точно онъ съ нею все похоронилъ...

— Все о ней?..

— Нѣтъ, и о ней-то собственно почти не говорить, или очень рѣдко. Вчера, уже поздно ночью, вдругъ присылаетъ за мною. Я бѣгу, думаю, не случилось-ли чего съ нимъ. Прихожу. А онъ мнѣ: «скажи, Юля, когда рожденіе Леночки: семнадцатаго или восемнадцатаго сентября?» Забылъ. Каждый годъ,

за мѣсяцъ впередъ, не перестаетъ, бывало, говорить, суетиться, заботиться: что бы подарить ей къ рожденію, чѣмъ-бы порадовать дѣвочку? А тутъ вдругъ забылъ.

Послѣдовало молчаніе. Ройеръ сидѣлъ, прислонившись къ рѣзной спинкѣ тяжелаго, обитаго кожей, стула и смотрѣлъ на высокую кафельную печку, кругомъ и почти до верху задѣланную рѣзной, деревянной рѣшеткой. Черезъ всю комнату, по стѣнамъ, шли высокія полированного дуба панели, и тутъ только Ройеръ замѣтилъ, что и стѣны, вмѣсто обоевъ, обложены тѣмъ-же деревомъ, что придавало комнатѣ тусклый и мрачный видъ.

— Вотъ Митя... онъ еще заботить его, повидимому, больше этихъ дѣтей,—молвила Юлія.—Часто вспоминаетъ о немъ, пишетъ ему, хотя мы и не знаемъ, доходятъ-ли письма. На-дняхъ пришло первое письмо отъ него, такъ папа даже сказалъ: «нужно, говорить, самому съѣздить туда».

— Получили письмо? Что-же пишетъ?—спросилъ Ройеръ...

— Что пишетъ! Мало хорошаго. Антонычъ умеръ.

— Умеръ! Бѣдный старикъ! Расскажите, пожалуйста, Юлія Николаевна!

— Какъ рассказать? и что рассказывать?.. Я лучше вамъ письмо покажу; оно вонъ тамъ, въ кабинетѣ.

Юлія принесла письмо. Большой листъ толстой сѣрой бумаги былъ кругомъ исписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ; совершенно блѣдныя, еле замѣтныя строки чередовались съ другими строками, густыми, черными, точно сажай, и не перомъ, а кистью выведенными буквами. Все письмо было испачкано, въ пятнахъ, измято и крайне неразборчиво.

— Вы, вѣроятно, не разберете; мы и то чуть не цѣлый день его читали. Я его теперь знаю, могу прочесть. Вотъ: «Ариша... только теперь...»—гдѣ это?... да!—«много думаль...»—Ну, это все семейные вопросы. Да, вотъ:—«Больше всѣхъ скучалъ и тяжелѣе другихъ переносилъ бѣдный Тохта...»

— Что это за Тохта?

— Калмыкъ какой-то. Онъ его, видимо, очень жалѣетъ.

— Да, знаю, помню на судѣ. Такъ, дикарь, дитя природы.

— Ну, вотъ дальше:—«... Когда двинулись въ путь, пѣшкомъ въ кандалахъ, Антонычу было очень тяжело. Отставать онъ однако не хотѣлъ, да и нельзя было. Тохта шелъ около него, вслѣдъ старался служить ему, чѣмъ могъ. На одномъ привалѣ Тохта глядитъ ему въ лицо; сморщился, глазки совсѣмъ скрылись: — «Бачка, э-э, бачка! Земля пойдешь, туда земля пойдешь».— Тычетъ пальцемъ въ землю... «И Тохта земля пойдешь... Нѣтъ улусъ, земля пойдешь». И еще больше сморщился... Антонычъ умеръ черезъ недѣлю. До послѣднихъ силъ тащился пѣшкомъ; потомъ его посадили

на телѣгу съ вещами. Я не видѣлъ его въ послѣднія минуты: шолъ впереди, не пустили. Фролъ былъ тамъ. «Правильный, говорить, старичекъ былъ: съ молитвой». Послѣ Антоныча, дней черезъ пять, умеръ и Тохта...»

Юлія умолкла и смотрѣла на Ройера. Онъ сидѣлъ, уставившись на нее исподлобья и кусалъ ноготь. Рука, сжатая въ кулакъ, вздрагивала. Юлія вдругъ залилась слезами.

— Какая я глупая и нервная стала! Ты, Аничка, не смотри на меня. Не хочешь ли вотъ сюда на балконъ; здѣсь цвѣтникъ, рядомъ бесѣдка.—И Юлія быстро уведла дѣвочку, которая уже собиралась было сама заплакать.

— А этотъ Фролъ, представьте, какой чудакъ: знаете, Фролъ, нашъ копьевскій мужикъ?—возвратившись въ комнату, заговорила Юлія, повидимому, спокойно и даже шутливо. Она старалась сдѣлать свое прежнее беззаботно-веселое, «райское», какъ она говорила, лицо и улыбалась Ройеру своими красными отъ слезъ глазами:—Митя пишетъ, что этотъ чудакъ все еще надѣется возвратиться домой, не вѣрить, что его настоящимъ образомъ осудили: «Это такъ, говорить, сумленіе напущено. До большого начальства слухъ дойдетъ, говорить, тогда увидать...»

— Онъ вѣдь прежде все самъ собирался до большого начальства пойти.

— Теперь, видно, раздумалъ.

— Узналъ, должно быть, что не близко къ пути, да и отпуску не дадутъ,—горько улыбнулся Ройеръ.

Въ дверяхъ показался лакей.

— Не хотите ли закусить? — спросила Юлія.—Вы вѣдь двадцать пять верстъ проѣхали, кстати выпили-бы рюмку водки, особенная какая-то, здѣшняя. Представьте, Ренчковскій привезъ въ подарокъ двѣ бутылки.

Ройеръ поднялъ брови.

— Вѣдь онъ тутъ, въ М., служить. Теперь, впрочемъ, опять переводится, чуть-ли не обратно къ намъ. «Не могу, говорить, жить въ этомъ жишовско-польскомъ болотѣ». Русская душа! И русскіе здѣшніе всѣ не по немъ: «Ополячились, говорить, и ожидовились».

— Да, именно, русская душа! Отецъ-то былъ панъ Конрадъ Ренчковскій.

Доложили, что князь всталъ и просить къ себѣ.

Пройдя рядъ покоевъ и довольно широкій корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго глубоко, въ толстыхъ стѣнахъ, виднѣлись невысокія тяжелыя двери, точно входы въ камеры каземата, Ройеръ очутился въ просторной комнатѣ, за которой слѣдовалъ кабинетъ князя. Маленькій казачекъ—Ройеръ узналъ въ немъ копьевскаго знакомаго—отворилъ дверь. Князь сидѣлъ

въ широкомъ креслѣ у письменнаго стола. Свѣтъ отъ большого венеціанскаго окна падалъ на него сбоку и нѣсколько мрачно освѣщалъ его отливомъ темно-коричневой драпировки, больше чѣмъ на половину закрывавшей окно. При входѣ Ройера, князь поднялся и привѣтливо пожалъ ему руку.

— Очень радъ васъ видѣть, Эмануиль...— Князь, очевидно, забылъ: имя гостя.

Ройеръ напелъ его сильно измѣнившимся: онъ не поху-дѣлъ, скорѣе даже пополнѣлъ; но лицо его казалось темнымъ и обрюзглымъ. Борода, прежде полная и волнистая, удлинилась, выпрямилась и, точно смоченная водой, прямо свисла на грудь. Глаза, нѣсколько потускнѣвшіе, все еще смотрѣли, какъ прежде, тепло и участливо.

На столѣ стоялъ большой поясной портретъ Леночки. Рядомъ съ нимъ, въ полинялой сафьяновой рамкѣ—кабинетная фотографическая карточка. Мужчина среднихъ лѣтъ, со шляпой и тросточкой въ одной рукѣ, другой рукой держалъ обнявши стоявшаго рядомъ съ нимъ мальчика лѣтъ десяти. Мальчикъ, въ курточкѣ, съ большими отложными воротничками, напряженно, исподлобья смотрѣлъ своими небольшими глубоко сидящими глазами. По разительному сходству мальчика съ Васей, сыномъ Мити Зубкова, Ройеру не трудно было догадаться, что на карточкѣ былъ самъ Митя, снятый въ годы его дѣтства, когда онъ находился на воспитаніи у старой княгини.

— Какъ это вы къ намъ пожаловали?—спросилъ князь.

— Проѣздомъ, князь. Я вѣдь здѣшній родомъ, и теперь еще кой какая родня здѣсь живетъ.

— Куда-же?

— Заграницу. Везу жену на воды.

— Что съ Софьей... Пантел...?—Князь запнулся и сконфузился: онъ не могъ припомнить имени и отчества жены Ройера.

Ройеръ поспѣшилъ отвѣтить: — Расхворалась она у меня послѣднее время.

— На воды?

— Не знаемъ еще; можетъ быть, на виноградное леченіе, можетъ быть, въ Вильдбадъ. Туда, говорятъ, еще не поздно.

— Вильдбадъ? Да, знаю. Есть два Вильдбада: одинъ въ Вюртембергѣ, другой Вильдбадъ-Гастейнъ въ Верхней Австріи, недалеко отъ Зальцбурга. Я былъ въ обоихъ, еще мальчикомъ, съ покойницей матерью; она лечилась.

Князь смолкъ на время.

— Какъ сейчасъ вижу хозяйку нашу, тирольку,—заговорилъ онъ опять, мягко улыбаясь: — Анна Мозеръ, высокая, костлявая, съ большимъ зобомъ. Все присылала дочерей своихъ съ букетами. Мать покойная очень любила дѣтей... Дѣвочки

пѣли тирольскія пѣсни... Какъ сейчасъ вижу... И пѣсни помню... какъ сейчасъ слышу...

Un wir'i a Kini, un hätt'i a Kroo
Do fin'i mei Kingrei gor schene o-o!..

Князь улыбался:—Точно сейчасъ слышу!..

— Это на какомъ языкѣ?—спросилъ Ройеръ.

— По-нѣмецки. Видите, вы отлично знаете по-нѣмецки... а вамъ не понятно. Я всю жизнь не могъ научиться нѣмецкому языку, а эти пустяки вотъ помню. Это... какъ сказать? горное нарѣчіе... Пустяки помнишь—продолжалъ князь задумчиво.—Важныхъ вещей... какъ сказать... серьезныхъ вещи... мимо проходишь, не всматриваешься, не думаешь... Впрочемъ, умные люди... хорошие, должно быть, думаютъ. А другіе... такъ вся жизнь... не вдумается, не видишь... кому легко живется... пока легко живется...

И онъ поникъ головой.

Юлія быстро выглянула въ стеклянную дверь: Аня съ горничной дѣвушкой проходили по аллеѣ.

— Ты что?—очнувшись, спросилъ князь.

— Я посмотрѣла, куда прошла Аня, дѣвочка Якова Эмануиловича.

— А-а, и ваша дѣвочка здѣсь? Что-же не покажете мнѣ?

Юлія ввела дѣвочку. Князь взялъ ее за руку и долго смотрѣлъ на нее. Аня стояла передъ нимъ, застѣнчиво улыбаясь.

— Помнишь, Аня, въ прошломъ году, на рожденіи Леночки, вы стрѣляли турка?

— Помню.

— Ты хорошо стрѣляла, и Лидочка Ходнева. Сбили турку чалму... а... Леночка не могла: «Я, папочка, не умѣю, я—глупая!..» Не могла, старалась, бѣдненькая, не могла...

— Вася отбилъ носъ турку.

— Вася, да... да. Онъ—мальчикъ... Вася—старше васъ... Помню, плакала.. О чемъ это?

— Куклу Олину разбила. Оля въ коляскѣ каталась, съ козой; Леночка взяла куклу поддержать. Кукла упала, разбилась.

— Да, да, такъ. Бѣдняжка, испугалась: «Отдай, мамочка, Олѣ мою большую куклу!» Испугалась, плакала...

— А въ Копьевкѣ, помнишь, на мостикѣ? — опять спросилъ князь, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да,—поспѣшно отвѣтила Аня:—Вася лодку качалъ, не слушался Ѳедоръ Ивановича.

— Какъ она боялась за тебя! «Аня въ воду упадетъ, Аня упадетъ въ воду!»

— Я не боялась: лодка большая и немножко только качалась.

— Леночка тебя очень любила.. Она всѣхъ любила... сердечко было доброе... всѣхъ любила!—шопотомъ, еле слышно, закончилъ князь. И—опять поникъ

Аня тихо высвободила свою руку изъ руки князя и стояла, робко озираясь, то на отца, то на Юлію. Юлія глазами подозвала ее къ себѣ и, усадивъ, обняла, стараясь ободрить смущенную дѣвочку.

Князь все сидѣлъ молча, уставившись въ уголъ комнаты. Всегда внимательный и гостепріимный, онъ теперь сидѣлъ, не замѣчая присутствія Ройера.

«Уходитъ, съ каждымъ днемъ уходитъ»,—вспомнилъ Ройеръ слова Юліи. И Ройеръ смотрѣлъ на князя, который въ эту минуту казался ему дряхлымъ старикомъ, смотрѣлъ на портреты его погибшихъ дѣтей, смотрѣлъ на Юлію, сидѣвшую съ плотно сжатыми губами...

— А еще недавно,—вспоминались ему слова Юліи,—всѣ были такъ спокойны и счастливы...

Двѣ мухи, сбѣпившись, упали князю на лобъ и, жужжа, скатились къ переносицѣ. Одна улетѣла, другая быстрыми вышагами заходила по носу и вдругъ остановилась подъ самымъ глазомъ. Князь сидѣлъ неподвижно, не моргнувъ ни однимъ мускуломъ лица.

«Точно покойникъ»,—подумалъ Ройеръ.

XV.

Мартовскіе лучи согрѣвали мягкій, увлажненный воздухъ и уже согнали снѣгъ съ полей. Уже пробивалась кой-гдѣ молодая травка; но и безъ этого медленная весна нашего лѣсистаго запада на этотъ разъ очень запоздала: деревья стояли еще совсѣмъ оголенные; въ воздухѣ, хотя и мягкомъ, чувствовалась необычайная по времени прохлада, слышалась недавно ушедшая зима.

У вокзала желѣзной дороги движеніе. Хотя поѣздъ отходить не скоро, но по направленію къ вокзалу видны извозничьи дрожки, экипажи. Показалось нѣсколько треуголокъ, проѣхало духовенство.

— То князь Кейстутъ Вьелински умаръ; его одвозютъ въ Россію, — услужливо пояснилъ молодой человѣкъ сѣдому полному маіору, который на своихъ узенькихъ дрожкахъ проѣзжалъ къ казармамъ и нарочно для того, чтобы осведомиться о причинѣ движенія, громкимъ окрикомъ остановилъ своего по солдатски остриженного кучера.

Послѣ письма Мити, князь, и ранѣе подумывавшій о Саха-

линь, сталъ все чаще говорить о поѣздѣ. Разспросивши Ройера о подробностяхъ путешествія, онъ старался увѣрить себя, что еще до замерзанія восточно-азиатскихъ портовъ успѣетъ прибыть на мѣсто, и съ лихорадочной поспѣшностью сталъ готовиться въ путь. Ни княгиня, ни дѣти, вызванныя телеграммой Юліи, не могли отклонить его отъ этого намѣренія. Но среди сборовъ съ нимъ однажды сдѣлался глубокій обморокъ, послѣ котораго онъ такъ ослабѣлъ, что недѣли три еле могъ держаться на ногахъ. Послѣ онъ оправился; но наступила осень, а затѣмъ и зима.

Угасаль онъ тихо и медленно. Зимой часто призывалъ къ себѣ священника и подолгу оставался съ нимъ.

— Совѣстно жить, батюшка,—сказалъ онъ ему какъ-то:— всю жизнь... долгую жизнь—ничего, кромѣ зла; а доброе дитя, хорошее... всего девять лѣтъ... тлѣетъ въ могилѣ. Совѣстно жить...

— Какъ вы живете, батюшка?—спросилъ онъ его въ другой разъ:—потеряли дѣтей, всю семью, какъ живете? гдѣ силы?

Священникъ, маленькій, на видъ слабый старичокъ, былъ женатъ на больной, слабогрудой женщинѣ, которая родила ему одиннадцать душъ дѣтей и умерла, оставивъ пятерыхъ съ унаследованными отъ нея задатками болѣзни. И эти дѣти умирали въ разныхъ возрастахъ, одинъ за другимъ. Последнимъ умеръ одинъ изъ сыновей, самъ уже будучи священникомъ.

— Какъ жить? Какъ переносите горе?—спрашивалъ князь.

— Эхъ, ваше сіятельство, дорогой мой! Ежели-бы вѣчно жить здѣсь на землѣ, тогда, разумѣется, — мученье безъ границъ, страданіе тяжкое. А мнѣ вѣдь скоро семь десятковъ. Долго-ли? И я увижусь съ ними, сердцу моему милыми и родными... «Аще-бо живемъ, Богови живемъ, аще-же умираемъ, Богови умираемъ»...

Князь самъ себя считалъ и другіе его считали вѣрующимъ христіаниномъ. Но, выслушавъ священника, онъ здѣсь, можетъ быть, впервые понялъ, что нѣтъ въ немъ той простой, той непосредственной вѣры, которою преисполненъ былъ стоявшій передъ нимъ, какъ онъ осиротѣлый, но, въ сравненіи съ нимъ, безмѣрно счастливый старикъ. И онъ желалъ такой вѣры, хотѣлъ молиться о такой вѣрѣ...

Осенью ему прислали изъ Копьевки подробный планъ часовни, выстроенной надъ могилой Леночки. По обѣимъ сторонамъ склепа, въ который поставленъ былъ ея гробикъ, были выложены другіе два склепа и, въ силу какихъ-то правилъ, отдѣлены отъ перваго толстыми стѣнами. Эти два мѣста предназначались для него и княгини.

— Затѣмъ стѣна, затѣмъ стѣна?—все чаще и чаще повторялъ князь.

— Такъ съ планомъ и не разставался почти до послѣдней минуты, — рассказывала потомъ Юлія. — Все жаловался: «Какъ толсты стѣны! какъ толсты стѣны! Разберите стѣнку, положите меня ближе къ моей бѣдной дѣточкѣ, къ моей несчастной Муличкѣ!» Съ этимъ и умеръ.

Здѣсь собственно конецъ моему рассказу. И лишь для тѣхъ, кто захочетъ узнать, какъ поживаютъ теперь нѣкоторыя проходившія здѣсь передъ ними лица, я готовъ прибавить то немногое, что мнѣ самому извѣстно о нихъ.

Ренчковскаго перевели опять на прежнее мѣсто служенія и съ повышеніемъ; служба его идетъ успѣшно, и онъ недалеко отъ превосходительства.

Сергѣй Сидорычъ, послѣ суда цѣлую зиму прожилъ въ Петербургѣ, гдѣ на всѣ лады эксплуатировалъ холерное дѣло. Онъ бывалъ вездѣ, гдѣ его принимали и говорили о немъ, вездѣ, гдѣ его слушали. Скоро однако интересъ къ холерному дѣлу сталъ остывать, и Сергѣй Сидорычъ, къ огорченію своему, замѣтилъ, что одновременно израсходовались самыя лучшія темы его бесѣдъ. Къ концу зимы о холерномъ дѣлѣ и совсѣмъ забыли, не вспоминали и о Сергѣѣ Сидорычѣ. Недовольный, настроенный необыкновенно желчно, онъ уѣхалъ въ деревню, но слѣдующую зиму опять провелъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ навѣщалъ двухъ трехъ стариковъ «изъ прежнихъ» и приобрѣлъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, преимущественно въ средѣ «порядочныхъ молодыхъ людей». Съ ними любилъ онъ послѣ симфоническаго концерта послушать цыганъ, и послѣ театра провести «остатокъ вечера» за скромнымъ ужиномъ и стаканомъ вина.

Заглядывали и къ Яру. Злые языки говорили, что, осторожно и съ оглядкой, онъ проскальзывалъ порой и къ Омону. Но... мало-ли что говорятъ злые языки! Несомнѣнно одно, что Сергѣй Сидорычъ не переставалъ ждать и не терялъ надежды, что о немъ вспомнятъ, что его все таки «призовутъ», хотя-бы еще послѣ какой-нибудь новой «напасти».

Дождется-ли онъ, наконецъ? Осуществятся-ли надежды губернскаго «почти сановника» — сказать, конечно, трудно...

Не такъ просто сложилась судьба Юлія, а также губернскаго остряка Копылина.

Послѣ смерти князя, Юлія переѣхала въ Копьевку. Старикъ Райскій, и прежде обладавшій характеромъ неровнымъ и ворчливымъ, послѣ смерти своего довѣрителя и друга сталъ еще раздражительнѣе, особенно, когда узналъ, что князь за-нѣщаль все его содержаніе сохранить ему пожизненно. Онъ цѣлые дни брюжжалъ и придирался, обзывая всѣхъ, и себя

въ томъ числѣ, тунеядцами и дармоѣдами. Въ томъ самомъ письмѣ къ дѣтямъ и женѣ, которое князь оставилъ вмѣсто завѣщанія, говорилось и о Юліи. Князь писалъ: «на человѣческомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ словъ и въ рукахъ человѣка нѣтъ тѣхъ благъ, которыми можно было-бы отблагодарить ее за любовь, заботы и попеченіе, которыми она окружила мои послѣдніе дни. Я вижу Милосердіе Божіе въ томъ, что, взявъ у меня мою Леночку, Всевышній послалъ мнѣ въ утѣшеніе ее, нашу добрую Юлю». Затѣмъ говорилось, что, желая ее избавить крайней мѣрѣ отъ нужды, князь проситъ ее, въ память Леночки, принять небольшое имѣніице, недалеко отъ Копьевки.

Никто никогда не видалъ у Юліи такихъ страшныхъ, судорожныхъ рыданій, какія охватили ее, когда ей прочли эти строки письма.

Прошелъ годъ. Юлія, которая никогда особенно не предавалась чтенію книгъ, въ деревенскомъ уединеніи пристрастилась къ птицеводству. Все свободное время, которое ей оставляли ея больныя бабы и дѣти, она проводила на птичьемъ дворѣ, выкармливая цыплятъ, гусятъ и курышатъ. Повидимому, она жила совершенно спокойно и даже значительно пополнила за этотъ годъ. Она больше стала походить на своего отца, или, какъ она утверждала, отецъ все больше сталъ походить на нее: «чѣмъ старше ты, папа, становишься, тѣмъ больше ты похожъ на меня».

Копылинъ навѣщалъ въ Копьевку; сначала рѣдко, а потомъ чаще и чаще.

Однажды—это было въ серединѣ лѣта—Юлія съ Копылинымъ были въ аллеѣ сада. Съ утра прошелъ сильный дождь. Убитая щербнемъ дорожка успѣла просохнуть, но вся трава еще была мокра, и на листьяхъ деревьевъ блестѣли капли. Юлія, то затѣмъ, то за другимъ, нѣсколько разъ проходила по травѣ межъ деревьевъ и, наконецъ, принялась отвязывать висѣвшій межъ двухъ березъ старый, почти истлѣвшій гамакъ. Она была въ тонкихъ ботинкахъ и давно промочила ноги, а юбка ситцеваго платья была мокра чуть не до колѣнъ.

— Эхъ, Юлія Николавна! Некому васъ сѣчь!—говорилъ ей, стоя на дорожкѣ, Копылинъ.—Охота простуживаться; вѣдь насквозь промокли.

— Ничего, я всегда такъ. Теплынь какая! Я еще люблю просто, на босую.

— На босую-то оно лучше, не такъ опасно: босую скорѣе обсушишь. А такъ, пока просохнуть чулки, платье...

— Не въ первый разъ,—просохнеть.

— Просохнеть, или схватите лихорадку, а не то и тифъ.

— Ну, ужъ и тифы! А если и тифъ, чтожъ такое? По крайней мѣрѣ развлеченіе; а то... и болѣзнь никакая не беретъ!

N 4449 не.р.

— Развѣ ужъ очень скучно?

— А то весело!

— Знаете-ли, Юлія Николаевна,—сказалъ Копылинъ медленно,—какой совѣтъ я-бы вамъ далъ, чтобъ не было скучно? Чуть не сказалъ: какой благой совѣтъ,—добавилъ онъ и засмѣялся.

— Какой?

— Выйдите замужъ и именно за меня.

Юлія вскинула на него глаза и уже собралась было рассмѣяться. Но, замѣтивъ тревогу на его обыкновенно веселомъ и улыбающемся лицѣ, удержалась и нѣкоторое время, озадаченная, стояла молча.

— Это что-же?—спросила она съ усмѣшкой:—надоѣло каламбурить одному, такъ ищите компаньона?

— Что-то не удастся мнѣ, Юлія Николаевна, въ послѣднее время каламбурить такъ, чтобы самому казалось весело... Другіе сдурю смѣются—по старой памяти, что-ли, а—самому какъ-то не того... Болѣзнь у насъ съ вами одна: мнѣ тоже скучно, Юлія Николаевна!

Копылинъ и теперь улыбался; но въ голосѣ его слышалась неподдѣльная грусть.

— Что-жъ, вдвоемъ, думаете, опять станеть выходить веселѣе?—спросила она, все еще улыбаясь.

— Почему знать? можетъ быть!

И оба смолкли. Юлія стояла, опустивъ голову; улыбка съ ея лица исчезла, и она серьезно, почти сурово смотрѣла въ сторону Копылина. Спустя минуту, она вышла на дорожку и пошла по аллеѣ. Копылинъ хотѣлъ послѣдовать за нею, но она рѣзкимъ движеніемъ руки остановила его и пошла одна.

Копылинъ видѣлъ, какъ вдали, межъ деревьевъ, мелькало въ аллеяхъ ея свѣтлое платье; какъ она два раза входила въ большую березовую бесѣдку и выходила изъ нея; какъ довольно долго простояла на каменномъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ ручей, и, наконецъ, появилась на другой, широкой аллеѣ, ведущей къ дому. Копылинъ, грустный и встревоженный, пошелъ ей навстрѣчу.

— Что-жъ, Юлія Николаевна?

— А мнѣ-то что-же! Смотрите, пеняйте послѣ на себя!..—Юлія сказала это быстро, вскинувъ на него глаза. Она видимо старалась сказать это такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ все это ея нисколько не касалось. Она даже усмѣхнулась и пожала плечами. Но усмѣшка вышла не совсѣмъ натуральна: губы складывались въ улыбку, а глаза не улыбались и мигали быстро и странно.

Копылинъ приблизился къ ней и хотѣлъ взять ея руку. Но она отдернула ее.

— Нѣтъ, погодите еще! Сперва старшихъ...

И, миновавъ его, Юлія быстро пошла по аллеѣ къ дому.

Копылинъ думалъ, что она пошла къ отцу, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ по аллеѣ, ступая осторожно и размѣренно, какъ-бы считая шаги.

Прошло съ четверть часа, Юлія не возвращалась.

— Ахъ, чортъ возьми!—вдругъ встрепенулся Копылинъ,— не прійдетъ-же старикъ-отецъ благословлять насъ сюда, въ аллею... Я кажется жду, что онъ приведетъ сюда самъ свою дочь... Этакая я дубина!

Почти бѣгомъ вышелъ онъ изъ аллеи.

Въ домѣ было пусто и тихо.

— Николай Андреичъ отдыхаютъ, — сказала ему старая горничная. — А барышня прошли, я видала, тѣмъ дворомъ. Должно быть, къ церкви; онѣ все тамъ ходятъ.

Копылинъ пошелъ къ церкви. Еще не дойдя до ограды, онъ издали замѣтилъ открытую дверь часовни. Ближе — онъ увидалъ тамъ Юлію. Она стояла на колѣняхъ передъ большой иконой, на которой изображено было Воскресеніе Христа. Справа, оваренный сіяніемъ лика Христова, стоялъ ангелъ. Въ его лицѣ, какъ живое, улыбалось, кроткое личико Леночки, какъ живые, глядѣли ея добрые, участливые глазки.

Копылинъ не вошелъ въ часовню, остановился въ сторонѣ, прислонясь къ оградѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла Юлія. Изъ ея опущенныхъ глазъ еще текли слезы; мускулы раскраснѣвшагося, вспухшаго лица вздрагивали. Она, видимо, дѣлала усиліе надъ собою.

Молча, подала она руку Копылину...

И—точно не на жизненный пиръ, а какъ съ похоронъ, пошли эти два человѣка отъ церковной ограды.

Что соединило ихъ? Что связывало ихъ? Что толкнуло ихъ другъ къ другу,—его, на исходѣ пятаго десятка, послѣ прожитой, безъ оглядки растерянной жизни, послѣ попусту растраченныхъ силъ, ее, до тридцати лѣтъ никогда не помышлявшую о бракѣ, никогда не воображавшую себя невѣстой, женой?.. Что соединило ихъ?

Что соединяетъ? Что разъединяетъ?..

Соединяетъ-ли жизнь?..

Разъединяетъ-ли смерть?..

А. Немировскій.

Реформа Петра Великаго въ сознаниі русскаго общества.

Когда французскій историкъ берется рѣшать вопросъ объ историческихъ начаткахъ современной Франціи, онъ не колеблется въ выборѣ исходной точки своихъ изслѣдованій и обращается къ изученію великой французской революціи, въ твердой увѣренности найти именно здѣсь, на этомъ глубокомъ рубежѣ между двумя послѣдовательными эрами западно-европейской исторіи, могилу старой и колыбель новой Франціи. Для него это—великій центральный пунктъ историческаго процесса, съ котораго всего легче бросать какъ проспективные, такъ и ретроспективные взгляды на непрерывное теченіе событій, съ котораго всего легче, поэтому, подойти къ уразумѣнію и общаго хода народной исторіи въ ея цѣломъ.

Какую позицію изберетъ русскій историкъ, задавшись аналогичной цѣлью: изслѣдовать историческіе начатки современной Россіи?

Мотивированный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ-бы составить предметъ самостоятельнаго очерка. Но теперь насъ интересуютъ не будущее, а бывшіе русскіе историки. Вопросъ, поставленный нами, далеко не новъ для русской литературы. Онъ уже имѣетъ свою весьма поучительную исторію.

Долгое время репутація такого центральнаго пункта пережитаго нами историческаго процесса безраздѣльно признавалась за реформой Петра Великаго. Въ ней видѣли грандіозный историческій катаклизмъ, который за-разъ и подвелъ окончательные счета старой «московской» исторіи, и могущественно предопредѣлилъ весь дальнѣйшій ходъ нашей исторической жизни. Вотъ почему разсмотрѣніе сущности петровской реформы и оцѣнка ея значенія долгое время служили самой притягательной темой текущей исторической литературы, вотъ почему именно къ разработкѣ этой темы пріурочивались наиболѣе поучительные обобщающіе выводы относительно общаго теченія русской исторической жизни. Вопросъ о реформѣ Петра быстро разрастался и осложнялся подъ перомъ изслѣдователей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ этой литературы все болѣе ступшеывались и тускнѣли въ сознаниі общества и самъ Петръ, какъ конкретное историческое лицо, и его реформа, какъ

реальный историческій фактъ. Имя перваго русскаго императора прибрѣтало чисто символическій смыслъ. Что только не подкладывалось въ разное время подъ это всеобъемлющее имя? Общевропейская, даже общечеловѣческая культура, торжество государственной идеи, могущественное значеніе науки и знанія въ народной жизни, просвѣщенный абсолютизмъ, революціонная ломка историческихъ традицій, измѣна національному духу, обезличеніе народности, разрывъ Государства и Земли—все это и многое другое—до пришествія антихриста включительно,—не разъ покрывалось краткой и энергической формулой: Петръ. Вотъ какіе разнообразныя элементы влетали въ существо «Петровскаго» вопроса. Каждое поколѣніе, каждая общественная группа вносила свою самостоятельную ноту въ его обсужденіе, оплодотворяя все новымъ и новымъ матеріаломъ его дальнѣйшую разработку. Правда, многія изъ прежнихъ построекъ рухнули безвозвратно, когда при свѣтѣ научнаго анализа историческихъ источниковъ, столь долго лежавшихъ подъ спудомъ въ самый разгаръ полемики, передъ нами отчетливѣе выступили очертанія подлинной исторической фигуры Петра и яснѣе обозначился смыслъ совершенныхъ имъ преобразованій. Но эти позднѣйшія открытія, подорвавъ *научное значеніе* предшествующей литературы во многихъ ея выводахъ, нисколько не разрушили ея *историческаго интереса*. Исторія петровскаго вопроса важна и поучительна для насъ не менѣе исторіи петровскаго царствованія. Литература вопроса съ необыкновенной эластичностью отразила на его различныхъ постановкахъ разнообразнѣйшіе повороты общественной жизни, разнообразнѣйшія теченія общественной мысли.—Мы намѣрены предложить вниманію читателей краткій обзоръ различныхъ фазисовъ этого вопроса. Въ нашей литературѣ есть работа, посвященная тому же предмету, мы разумѣемъ статью г. Шмурло «Петръ В. въ русской литературѣ» *). Сопоставивъ разновременно высказанные взгляды на реформу и ея значеніе, авторъ слишкомъ скупо освѣщаетъ тѣ явленія научной и общественной жизни, на почвѣ которыхъ эти взгляды выросли. Пользуясь отчасти матеріаломъ, собраннымъ г. Шмурло, мы пытаемся восполнить указанный пробѣлъ его работы **).

I.

«Петровский вопросъ» завѣщанъ нашему вѣку еще XVIII-мъ столѣтіемъ. Еще при жизни Петра онъ уже былъ поставленъ реб-

*) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1889 г. и отдѣльно.

**) Не можемъ не указать и на другую слабую сторону названной работы: собирая во едино различные сужденія о петровской реформѣ, авторъ нигдѣ не разграничиваетъ субъективныхъ настроеній единичныхъ личностей отъ типичныхъ воззрѣній цѣлыхъ поколѣній или цѣлыхъ общественныхъ группъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть дѣло только съ послѣдними.

ромъ и тотчасъ же раздѣлилъ тогдашнее общество на два непримиримо-враждебные лагеря. И вотъ что любопытно: постановка вопроса сразу приняла свои наиболѣе характерныя черты. Противники далеко и рѣзко разошлись въ *оцѣнкѣ* реформы, исходя изъ полного согласія въ ея *пониманіи*. Лишь только Петръ окончательно взялъ въ свои руки руль государственнаго корабля и далъ почувствовать обществу существо своего политическаго «курса», къ подножію трона тотчасъ понесли и дифирамбы, и проклятія. «Единыя вашими неусыпными трудами и руководженіемъ мы, ваши вѣрные подданные изъ тѣмъ невѣдѣнія на оеатръ славы всего свѣта и тако рещи изъ *небытія въ бытіе* произведены и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены» — такъ ораторствовалъ канцлеръ Головкинъ, поднося Петру императорскій титулъ отъ лица сената по случаю заключенія Ништадскаго мира *). «Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди, однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть и чтобы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ» — такъ писалъ въ своихъ интимныхъ мемуарахъ, не предназначавшихся для публичнаго прочтенія, одинъ изъ шенцовъ петровскаго царствованія, Неплюевъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитой преобразовательной эпохи **). Торжественная официальная рѣчь и интимное изліяніе чувства скромнаго мемуариста поразительно совпадаютъ другъ съ другомъ въ пониманіи и оцѣнкѣ петровской реформы. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сложившимся возрѣніемъ цѣлой общественной группы сторонниковъ реформы. Фигура Петра принимаетъ въ этомъ возрѣніи поистиннѣ героическія очертанія. Это — богатырь, однимъ личнымъ усиліемъ впервые двинувшій громадную страну на путь совершенствованія. Однако, прислушаемся къ другимъ голосамъ современниковъ и мы скоро различимъ въ панегирическомъ хорѣ рѣзкіе диссонансы. «Государь разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое, табакъ тянуть»... «Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, рубли, да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству нѣтъ»... «Какой-де онъ государь, онъ крестьянъ раззорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ...» ***). Вотъ краснорѣчивые отголоски негодующаго ропота противниковъ реформы, сохраненные отъ забвенія документами Преображенскаго приказа. Общество жаловалось на поруганіе старыхъ обычаевъ, нисшая масса прибавляла къ этимъ жалобамъ горькій плачь на непомѣрную тяжесть общенародныхъ жертвъ на текущія государ-

*) П. Собр. Зак. VI. № 3845.

**) Записки Ив. Ив. Неплюева. Спб. 1893. с. 122.

***) Соловьевъ. «Исторія Россіи» т. XV.

ственные нужды. Въ этихъ жалобахъ и обличеніяхъ мы встрѣчаемъ, однако, одну общую ноту съ панегириками ревностныхъ сторонниковъ Петра: здѣсь, какъ и въ противоположномъ лагерѣ, все приурочивается къ личности Петра, его, на этотъ разъ злам, воля разсматривается, какъ единственный источникъ всѣхъ переживаемыхъ бѣдъ.

Россія порезживаетъ рѣзкій переломъ въ своемъ развитіи, единственная творящая сила этого перелома, животворнаго въ глазахъ однихъ, губительнаго въ глазахъ другихъ—личная воля Петра: такова исходная точка всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній современниковъ петровской эпохи. Этой точкѣ зрѣнія на источникъ реформы несбыкновенно посчастливилось. Она надолго пережила своихъ первоначальныхъ адептовъ, превратившись съ теченіемъ времени въ общепризнанную традицію. Мы знаемъ теперь, какъ она далека отъ подлинной исторической дѣйствительности. Мы знаемъ, что преобразовательная программа Петра отнюдь не имѣла характера исторического экспромпта, она уже обращалась во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ въ сознаніи передовыхъ слоевъ московскаго общества за-долго до начала петровскаго царствованія, подсказанная неотразимыми запросами жизни, неотложными государственными нуждами. Мало того, правительство еще до Петра вступило уже на путь практическаго осуществленія намѣченныхъ преобразовательныхъ началъ. Петровская реформа представила собой блестящее *завершеніе* этого преобразовательнаго процесса, непосредственно примыкая, такимъ образомъ, къ предшествующему періоду нашей исторіи и отнюдь не являясь внезапной революціонной ломкой московской старины.

Всѣ эти выводы составляютъ въ настоящее время прочное приобрѣтеніе русской исторической науки. Вотъ почему для насъ особенно интересно прослѣдить зарожденіе и развитіе противоположнаго взгляда, столь долго державшаго подъ своимъ обаяніемъ какъ горячихъ сторонниковъ, такъ и непримиримыхъ враговъ Петра или вѣрнѣе тѣхъ принциповъ, которые въ немъ символизировались.

Цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ мотивовъ попеременно поддерживалъ въ теченіе полутора столѣтій живучесть этого традиціоннаго взгляда на реформу Петра, какъ на внезапный историческій катаклизмъ. Уже сами современники реформы находились въ этомъ отношеніи подъ сильнымъ перекрестнымъ вліяніемъ различныхъ факторовъ.

Прежде всего здѣсь дѣйствовало непосредственное обаяніе выдающейся личности Преобразователя. Намъ нетрудно теперь спокойно заниматься оцѣнкой его качествъ и дѣяній. Передъ нами одни пожелтѣвшіе отъ времени историческіе документы, которые, хотя и дышать жизнью, но уже не имѣютъ никакой власти надъ нашей личной судьбой.

Современники Петра находились въ другомъ положеніи. Они

переживали на собственных нервах водоворотъ быстро мелькавшихъ событій. Они являлись заразой и оцѣнщиками правительственной дѣятельности, и заинтересованной стороной, для которой какъ разъ и предназначались и розы, и тернии вновь создаемаго порядка. Немудрено, что ихъ судъ диктовался гораздо болѣе чувствомъ, чѣмъ анализирующей мыслью. Изобильные царскіе указы то и дѣло ставили ребромъ важнѣйшіе государственные вопросы. Каждый изъ нихъ тотчасъ задѣвалъ цѣлую вереницу давно привычныхъ интересовъ.

Среди этой стремительной преобразовательной горячки, въ этомъ тревожномъ существованіи отъ толчка до толчка, отъ указа до указа, людямъ некогда было вникать въ основную сущность преобразовательныхъ мѣропріятій, мысленно обращаться назадъ и тамъ, въ прошломъ разыскивать историческіе корни волновавшихъ ихъ новыхъ явленій. Они едва успѣвали освоиться съ одной внѣшней оболочкой этихъ явленій, съ тѣмъ, что непосредственно било въ глаза новизной формы, стремительностью принудительнаго распространенія. Вотъ почему имъ не могло быть доступно пониманіе исторической подготовки реформы. Между тѣмъ, передъ ними стояла крупная фигура преобразователя, его изумительно энергическая дѣятельность, крутая и непреклонная воля, сосредоточенная въ его рукахъ громадная власть—все это могущественно приковывало общее вниманіе къ центральной личности Петра.—Было и другое условіе, способствовавшее укорененію подобнаго взгляда на реформу, какъ на внезапную революцію. Чтобы понять истинный характеръ политическихъ воззрѣній и симпатій людей того времени, необходимо принять во вниманіе двигавшіе ими практическіе интересы. Желѣзная диктатура Петра не благопріятствовала развитію взаимнаго тренія внутреннихъ партій. Тѣмъ не менѣе, эти партіи существовали, и элементы будущей борьбы быстро формировались. Условія текущаго историческаго момента придавали, но не затушили самостоятельныхъ притязаній общественныхъ группъ и, можетъ быть, принудительная сдавленность ихъ взаимнаго раздраженія только еще болѣе обостряла это раздраженіе... Реформаторская дѣятельность Петра вызвала на поверхность государственной жизни новые общественные элементы. Это произвело крупную метаморфозу въ рядахъ тогдашняго правящаго класса. У ступеней трона стали новые люди, группа «Петровскихъ птенцовъ», связанная единствомъ служебной карьеры. Крайне несложная карьера... она вся исчерпывается однимъ неожиданнымъ и стремительнымъ скачкомъ изъ безнадёжнаго мрака неизвѣстности прямо къ ступенямъ трона. Все это—люди, взятые отъ гноища, какъ сказалъ бы Иванъ Грозный. Ихъ сказочное превращеніе въ крупнѣйшихъ вельможъ государства имѣло общій источникъ: такъ захотѣлъ Петръ. Потомки старинныхъ фамилій должны были встрѣтить ихъ неожиданное возвышеніе съ недоумѣніемъ и затаенной брезгливостью. Демократическая струя,

ворвавшаяся вмѣстѣ съ реформой въ верхніе общественные слои, опрокинула всѣ завѣты родовитаго боярства, выросшіе на долготѣней исторической привычкѣ къ пропорціональности служебнаго старшинства съ отеческой чѣстью... Такъ стали лицомъ другъ къ другу обломки родовитой знати, и группа ближайшихъ сотрудниковъ Петра—дѣтище преобразовательной эпохи. Имъ предстояла впереди сложная и ожесточенная борьба за политическое первенство.

Вотъ почва, на которой возникъ и обострился петровский вопросъ въ царствованіе Петра. Поклонники старины и приверженцы преобразованій народились не при Петрѣ, то была уже старая междоусобица русскихъ умовъ, начавшая обозначаться приблизительно съ половины XVII столѣтія. Но теперь старые враги какъ бы позабыли хронологію своей борьбы. Петровскіе претенцы отождествили внезапность своего личнаго возвышенія съ ходомъ подготовки того дѣла, къ которому они были приставлены. Для нихъ, для ихъ личной карьеры Петръ дѣйствительно былъ единственнымъ творцомъ, приводившимъ «изъ небытія къ бытію». Имъ естественно было взглянуть и на всю реформу, какъ на внезапный переворотъ, какъ на неожиданную зарю новой эры, а себя самихъ совершенно искренно признать пионерами новыхъ идей. Старые бояре, столь же искренно заблуждаясь, сочли начальнымъ моментомъ своей политической смерти тотъ день, когда Петръ, вернувшись изъ заграничнаго путешествія, впервые тронулъ ножами ихъ пушистыя бороды. Нѣсколько десятилѣтій они смотрѣли спокойно на совершавшуюся кругомъ настойчивую перестройку стараго порядка, мало того, они сами принимали участіе въ этой перестройкѣ и еще со всѣмъ не за долго до воцаренія Петра собственноручно похоронили мѣстничество. Теперь они востребовались, вдругъ понявъ и почувствовавъ, что обломки стараго порядка будутъ ихъ собственной могилой. Они не рассчитывали на подобный исходъ и отказались признать въ реформаторской дѣятельности Петра непосредственное продолженіе собственныхъ опытовъ и проектовъ. Отмѣченная социальная подкладка петровскаго вопроса въ царствованіе Петра можетъ быть всего менѣе отчетливо сознавалась самими современниками, тѣмъ не менѣе, именно она вдохнула настоящую жизненную силу въ развитіе этого вопроса, создавъ изъ теоретическихъ сторонниковъ и противниковъ реформы два крѣпко сплоченные лагеря.

II.

Со смертью Петра они вступили въ открытую борьбу и помѣрялись силами. Первая половина XVIII столѣтія полна знаменательныхъ и тревожныхъ событій, создавшихъ какъ нельзя болѣе благоприятную почву для дальнѣйшаго обостренія петровскаго вопроса. Въ шумныхъ перипетіяхъ подымавшейся партійной борьбы нельзя не видѣть непосредственныхъ слѣдствій предшествующей пере-

Стройки общественных отношений. Общественные элементы, вызванные къ жизни реформой, стремятся укрѣпить за собой занятую позицію, и по смерти преобразователя. старобоярская партія спѣшитъ воспользоваться этой смертью для возстановленія своего упавшаго престижа. Практическіе мотивы, разбивавшіе общество на два враждебные лагеря, сохраняютъ всю свою свѣжесть. Трудно сказать, кто тутъ наступалъ и кто оборонялся. Петровскіе птенцы крѣпко держатся тѣхъ преимуществъ, какія достались на ихъ долю еще въ реформаціонную эпоху: они стремятся сохранить личную близость къ трону при разрѣшеніи спорнаго вопроса о престоло-наслѣдіи и проводятъ на престолъ супругу Преобразователя, которая являлась ихъ естественнымъ кандидатомъ, сама будучи петровскимъ птенцомъ, волею одного Петра превращенная въ Екатерину изъ никому не вѣдомой Марты; въ ихъ рукахъ—вышія государственныя учрежденія, наконецъ, они усердно прикармливаютъ гвардію. Но и у противоположной партіи были свои серьезные союзники. Для нея открывалась возможность опереться на крупное общественное движеніе, назрѣвшее къ этому времени въ средѣ русскаго дворянства и направленное на измѣненіе существенныхъ основъ завершеннаго Петромъ государственнаго порядка. Это было стремленіе къ раскрѣпощенію дворянства, къ освобожденію его отъ обязательной службы, къ превращенію «служилыхъ людей», какими еще оставались въ сущности русскіе дворяне петровской эпохи, въ привилегированный общественный классъ, «содержащійся отъ государства въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи». Отмѣченное движеніе скоро приняло весьма внушительные размѣры; въ немъ была одна сторона, которую съ успѣхомъ могла эксплуатировать старобоярская партія для пораженія своихъ политическихъ противниковъ: конечныя цѣли движенія шли совершенно въ разрѣзъ съ принципами петровской реформы, были направлены къ ниспроверженію созданнаго Петромъ порядка. Какъ извѣстно, старобоярская партія не оказалась на высотѣ своего положенія въ руководствѣ этимъ движеніемъ. Она слишкомъ рѣзко выставила на первый планъ эгоистическія партійныя притязанія. Масса отшатнулась отъ своихъ вождей, движеніе пошло вразбродъ и потерпѣло въ концѣ концовъ рѣшительное фіаско. Правда, освободительное движеніе среди дворянскаго класса не заглохло, оно снова пробилось наружу, но уже подъ другимъ флагомъ, въ иной обстановкѣ и въ всякой связи съ притязаніями старобоярской партіи. Таковъ внутренній смыслъ событій, разыгравшихся по смерти Петра и закончившихся воцареніемъ императрицы Анны *).

Мы упомянули объ этихъ событіяхъ, чтобы показать, какъ сильно должны были вліять на постановку вопроса о Петровской реформѣ

*) П. Н. Миллюковъ. Попытка государственной реформы при воцареніи имп. Анны. Въ «Сборникѣ въ пользу воскресныхъ школъ». М. 1894 г.

во все первое 30-лѣтіе XVIII в. тѣ же самыя взаимныя партійныя счеты, которые мы отмѣтили при жизни Петра. При Петрѣ притязанія этихъ партій лишь формировались и зрѣли. Теперь они съ обѣихъ сторонъ открыто были поставлены на карту. Надежды и страхи, торжество успѣха и горечь разочарованій могли только обострить съ обѣихъ сторонъ у однихъ—преклоненіе передъ реформой, источникомъ доставшихся имъ благъ, у другихъ—ая враждебную критику. вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ той, и съ другой стороны въ сознание общества все глубже вни́дрялось представленіе о реформѣ, какъ о рѣзкомъ кризисѣ, перевернувшемъ естественное теченіе жизни. Съ воцареніемъ Анны разсмотрѣнная партійная борьба пресѣкается и гложетъ. Самыя партіи начинаютъ вырождаться. Жизнь выдвигаетъ мало по малу совершенно новыя комбинаціи общественныхъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе, обращающіеся въ обществѣ взгляды на реформу еще долгое время въ значительной степени сохраняютъ отдаленную связь съ первоначальной постановкой петровскаго вопроса. Традиція давно угасшихъ партійныхъ счетовъ, личныхъ отношеній и впечатлѣній, вынесенныхъ нѣкогда изъ реформаціонной эпохи, усердно поддерживается отдѣльными, долѣе другихъ пощаженными смертью, современниками Петра. Вотъ, напримѣръ, характерныя слова Неплюева, сказанныя имъ на склонѣ своей политической карьеры; когда Екатерина дала согласіе на его просьбу объ отставкѣ, подъ условіемъ указать ей взаимнѣ столь же достойнаго человѣка, Неплюевъ замѣтилъ: «нѣтъ, государыня, мы—Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ, итакъ я не могу ни за кого, ниже за сына своего ручаться» *). Достаточно влущаться въ этотъ характерный отвѣтъ, чтобы тотчасъ почувствовать, какими краснорѣчивыми носителями старыхъ преданій являлись въ это время подобныя Неплюеву очевидцы петровской эпохи.

Между тѣмъ, петровский вопросъ постепенно вступалъ въ новый фазисъ своего развитія подъ вліяніемъ иныхъ факторовъ, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ этихъ отголосковъ прошлаго. Съ воцареніемъ Анны текущая общественная жизнь подпадаетъ воздѣйствію двухъ самостоятельныхъ опредѣляющихъ тенденцій. Съ одной стороны правящія сферы озабочены пресѣченіемъ всякой возможности возобновленія только что улегшихся броженій. На этой почвѣ вырастаетъ диктатура Бирона съ его системой террора. Съ другой стороны, правительство идетъ навстрѣчу нѣкоторымъ притязаніямъ руководящаго общественнаго класса—дворянства. Въ правленіе императрицы Анны мы видимъ рядъ крупныхъ законодательныхъ шаговъ по пути дворянскаго раскрѣпощенія, получающаго теперь мало по малу правительственную санкцію. Каждая изъ

*) Голиковъ. Дополн. къ Дѣян. Петра В., XVII, 449.

этихъ тенденцій внесла свою самостоятельную струю въ развитіе Петровскаго вопроса.

«Бироновщина» страшно тяготила русское общество. Одна, въ сущности случайная и второстепенная черта этой системы чувствовалась наиболее остро: исполнителями системы являлись иностранцы съ Бирономъ во главѣ. Вотъ почему «бироновщина» осаждала въ сознаниі общества двойную горечь. Къ жуткому сознанию необеспеченности и беззащитности своего положенія присоединялось оскорбленное національное чувство. Подъ напоромъ этого чувства сгладились разнообразныя оттънки, недавно раздѣлявшіе другъ отъ друга различные общественные слои. Изъ нихъ образовалась мало по малу одна *національная* партія, поставившая своей ближайшей задачей сверженіе иноземнаго ига. Воцареніе Елизаветы явилось выполненіемъ этой задачи. Елизавета открыто и торжественно развернула знамя національной политики, прекрасно сознавая, какъ тѣсно связанъ успѣхъ ея кандидатуры съ общественной реакціей противъ господства ненавистныхъ иноземцевъ. Ея воцареніе настоячиво выставлялось торжествомъ національнаго дѣла. Въ ближайшіе дни послѣ переворота иностранцы чувствовали себя въ осадномъ положеніи. Солдаты открыто заявляли теперь свою накопившую ненависть, причемъ дѣло доходило до кровавыхъ сценъ, грозившихъ принять широкіе размѣры. А въ это время въ официальномъ перечисленіи преступленій осужденнаго теперь Остермана съ удареніемъ указывалось на то, что онъ «къ важнымъ дѣламъ, которыя до цѣлости всего государства касались, въ *предосужденіе всею російскаго народа* употреблялъ чужихъ націй людей, а не російскихъ природныхъ и, будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, многія славныя и древнія російскія фамиліи опровергать и искоренять... и жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи, какъ надъ знатными, такъ и надъ не знатными... въ дѣйство производить старался» *).

Во времена господства иноземцевъ національная партія, имѣвшая своимъ кандидатомъ Елизавету, любила указывать на оскорбительное для русскаго чувства униженіе въ ея лицѣ прямаго потомства Петра. И при воцареніи она была восторженно привѣтствована, какъ «дщерь Петрова». Такъ, успѣхъ Елизаветы, столь желанный въ видахъ освобожденія отъ иноземнаго господства, естественно совпадаетъ съ апогеемъ Петра. Это весьма любопытный моментъ въ исторіи петровскаго вопроса. Теоретическіе противники реформы и раньше, и много позже видѣли въ ней измѣну національнымъ основамъ русской жизни. Между тѣмъ, какъ разъ въ то время, когда имя Петра достигло наибольшей популярности въ сознаниі общества прошлаго столѣтія, когда эта популярность стала наибо-

*) Ешевскій. Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны. Сочиненія т. II.

лѣе общепризнанной, — Петръ былъ предметомъ поклоненія, какъ *національный герой, его прославляли въ противовѣсъ его преемникамъ, отдавшимъ судьбы родины въ чуждыя руки*. Это поклоненіе Петру съ національной точки зрѣнія отнюдь не соединялось, однако, съ идеализаціей до-петровской старины. И теперь Петру приписывали внезапный переворотъ, возродившій Россію, и теперь придворные проповѣдники съ пафосомъ восклицали: «Петръ обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суконату, деболу; ожелтѣлу, неотесану, ни на какое дѣло неудобну, своимъ руками въ красныя статуи передѣлалъ, да еще и не бездушныя... Одна воѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ то только не худое, что Петрово» *).

Но эти благодѣтельные перемѣны никто не думалъ тогда объявлять измѣной родной исторіи. Нѣтъ, ихъ выставляли, какъ разумное удовлетвореніе назрѣвшихъ *національных* потребностей. — Въ то-же время, начиная съ воцаренія императрицы Елизаветы, «продолженіе Петровыхъ дѣлъ» становится официальнымъ лозунгомъ правительственной политики. Императрица Екатерина II всецѣло воспринимаетъ этотъ лозунгъ. Достаточно извѣстно, какъ любила она называть себя ученицей Петра В. и какъ усердно старалась проявить въ различныхъ внѣшнихъ знакахъ свою духовную близость къ великому преобразователю. Эти старанія не прошли безслѣдно. И въ литературѣ, и въ обществѣ Екатерининъ II нерѣдко присвоивали эпитетъ продолжательницы петровской реформы. Не слѣдуетъ думать однако, что правительственная политика этого времени дѣйствительно усвоила себѣ «духъ» политической системы Петра. Какъ разъ наоборотъ. Главнѣйшіе акты екатерининскаго законодательства нанесли окончательный ударъ остаткамъ этой системы. Закрѣпощенная сверху до низу Россія Петра В. превратилась въ Россію привилегированнаго дворянства и поработеннаго крестьянства. «Продолженіе дѣлъ Петровыхъ», это было лишь официальное общее мѣсто, усердно и настойчиво повторяемое въ виду окрѣпшей національной популярности перваго императора. И вотъ, вся придворная литература — вся эта безконечная вереница проповѣдей, громкихъ одъ, изощренныхъ «надписей» къ портретамъ и статуямъ усердно занялась теперь прославленіемъ Петра. Декламаторы и поэты быстро мобилизовали всѣ ресурсы ложно классическаго стиля. Естественно, они рисовали свои портреты крупными и яркими штрихами. Теперь уже не довольствуются изображеніемъ Петра въ видѣ исполина и героя, его уподобляютъ Богу, творящему изъ ничего. Правда, вся эта офиціозная панегирическая литература нисколько не заботилась о доказательствахъ проводимаго ею взгляда. Восклицанія, риторическія метафоры —

*) Е. Шмурло. Петръ В. въ русской литературѣ. Ж. М. Н. Пр. 1889 г. Июль, стр. 69—70.

вотъ ея единственные орудія. Тѣмъ не менѣе, эта литература сыграла крупную роль въ формировкѣ общественныхъ воззрѣній на эпоху Петра. Она была сильна самой своей стереотипностью, частоповторяемостью своихъ излюбленныхъ повѣстическихъ фигуръ. Своимъ непрерывнымъ жужжаніемъ она приучала средняго читателя безсознательно, по привычкѣ усваивать общія мѣста, ходячіе взгляды.

Взгляды на Петра, какъ на единственнаго двигателя культурнаго роста Россіи, получили теперь новую поддержку. Мы видѣли его первоначальное возникновеніе среди современниковъ реформационной эпохи: онъ зародился подъ непосредственнымъ обаяніемъ личности преобразователя, послѣдовавшая борьба общественныхъ классовъ еще болѣе обострила его, а борьба дворцовыхъ кандидатуръ доставила ему съ момента воцаренія Елизаветы официальное признаніе. Тогда оффиціозная литература занялась его усердной пропагандой, тѣмъ самымъ доведя его до крайней степени утрировки, благодаря особенностямъ своихъ литературныхъ приемовъ.

Тѣмъ не менѣе, это панегирическое направленіе не могло завоевать себѣ во-вторую половину столѣтія безусловнаго признанія. Съ теченіемъ времени петровский вопросъ все болѣе осложнялся и развѣтывался. Панегирику снова было противопоставлено запальчивое отрицаніе историческихъ заслугъ Петра, но теперь, рядомъ съ этимъ запальчивымъ отрицаніемъ, уже нарождался мало по малу и спокойный критическій анализъ его реформаторской дѣятельности. Взглянемъ поочередно на каждое изъ этихъ теченій.

Отрицаніе историческихъ заслугъ Петра возродилось опять таки на почвѣ текущихъ сословныхъ интересовъ.—Петръ довелъ до наивысшаго напряженія старый принципъ закрѣпощенія всѣхъ общественныхъ классовъ государственному тяглу. Всѣ силы общества были призваны въ той или другой формѣ къ обязательному и пожизненному отправленію различныхъ государственныхъ повинностей. То была крайне изнурительная для общества система, но въ ней была одна сторона, которая могла примирить съ ней тѣхъ, кто былъ способенъ возвыситься въ то время до ея обобщающей критики. Система покоилась на принципѣ общественной справедливости. Ея тяжесть была разложена на все общество сверху до низу безъ всякихъ ограниченій и изъятій. Со смертью Петра въ нашей исторіи начинается знаменательный процессъ постепеннаго освобожденія общества отъ этого исключительнаго господства государственнаго начала. Общественные классы мало по малу обрасываютъ съ себя путы закрѣпощеннаго состоянія, формируясь въ свободные, самоуправляющіеся общественные союзы. Этотъ процессъ, начавшійся со второй четверти прошлаго столѣтія, растянулся почти на 1½ вѣка, его заключительнымъ звеномъ слѣдуетъ признать освободительныя реформы позапрошлаго царствованія. На XVIII-й вѣкъ падъ наи-

болѣе болѣзненный промежуточный фазисъ этого труднаго процесса. Раскрѣпощеніе общества началось сверху. Жалованная грамота дворянству 1785 г. подвела уже окончательные итоги дворянской эмансипаціи. Здѣсь наступилъ перерывъ. Процессъ былъ задержанъ совокупностью многочисленныхъ условій. И вотъ, государственный строй утратилъ на долгое время свою прежнюю симметричность. Свобода верхняго общественнаго слоя оперлась на закрѣпощеніе нисшей массы. XVIII вѣкъ можетъ быть названъ эпохой наибольшаго развитія крѣпостнаго права. Сбросивъ съ себя ярмо обязательной ратной службы, превратившись въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и душевладѣльцевъ, получивъ въ свои руки провинціальную администрацію, дворяне привыкали вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить полученныя права, не какъ общія начала, регулирующія весь государственный строй, а какъ одностороннія и исключительныя привилегіи своего сословія. Это и опредѣлило характеръ отрицательнаго отношенія къ петровской реформѣ съ сословно-дворянской точки зрѣнія. Средняя дворянская масса простодушно повторяла возгласы придворныхъ пѣвцовъ, не подозревая никакого противорѣчія между апофеозомъ петровской реформы и всѣми благами только что полученной «грамоты». Представители сословія, теоретики дворянскихъ привилегій сознательно относились къ историческому прошлому и не замедлили перенести на его оцѣнку свои сословныя чувства. Время Петра рисовалось имъ въ мрачномъ свѣтѣ приниженія дворянской чести, когда благородные дворяне должны были раздѣлять съ подлымъ народомъ тягости службы. Наиболѣе характерное выраженіе этого взгляда встрѣчаемъ въ запискахъ кн. Дашковой: «Совсѣмъ не дѣло Петра было лаять по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ. Къ чему было посылать знатныхъ людей за границу учиться ремесламъ и дѣлать изъ дворянъ какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ? Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя трехъ-четырехъ человекъ своей дворни». Отсюда — суровый приговоръ надъ всей дѣятельностью Петра: «Петръ былъ геніаленъ, полонъ энергіи, стремился къ улучшенію, но у него не хватало воспитанія сдерживать свои порывы. Полный насилія, деспотизма, онъ обращался со всѣми, какъ съ рабами... Считать Петра за творца Россіи было бы самымъ грубымъ заблужденіемъ, его твореніе не болѣе, какъ мнимое» *).

Мы не удивимся столь рѣзкому противорѣчію этого *дворянскаго* осужденія реформы съ официальной точкой зрѣнія. Оно явилось естественнымъ плодомъ столь же рѣзкаго противорѣчія между официальной правительственной программой и законодательной практикой того времени. Между двумя этими крайностями во-вторую половину столѣтія выдвигается третье литературное теченіе, не имѣв-

*) Архивъ кн. Воронцова XXI.

шее ничего общаго ни съ официальнымъ панегирикомъ, ни съ запоздалымъ дворянскимъ протестомъ противъ политики Петра. Оно характеризуется стремленіемъ разсматривать дѣятельность Петра въ извѣстной исторической перспективѣ, въ связи съ общимъ состояніемъ тогдашней Россіи. Мы встрѣчаемъ здѣсь не столько *оцѣнку* реформы съ точки зрѣнія какихъ либо отвлеченныхъ положеній или практическихъ интересовъ, сколько ея *разъясненіе* со стороны современныхъ ей народныхъ нуждъ и государственныхъ задачъ. Несомнѣнно, эта новая постановка вопроса знаменовала *собой крупный уступъ исторической мысли*. Можно сказать даже, что она въ значительной степени предвосхищала наиболѣе прочные результаты позднѣйшей чисто научной разработки вопроса. Впрочемъ, пока мы имѣемъ дѣло лишь съ самыми первоначальными зародышами этого плодотворнаго воззрѣнія.—Можно уловить два оттѣнка въ развитіи этого направленія. Въ литературѣ намѣчаются попытки разъяснить реформу 1) со стороны ея *неизбѣжности*, поскольку она вытекла изъ назрѣвшихъ и неотложныхъ нуждъ жизни, 2) со стороны ея *подготовленности*, поскольку она была признана и разработана предшественниками реформатора.

Первое теченіе стоитъ въ самой тѣсной связи съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ нашей общественности прошлаго столѣтія.

Среди разнообразныхъ вопросовъ, притягивавшихъ къ себѣ пристальное вниманіе литературы екатерининскаго времени, одно изъ первыхъ мѣстъ занялъ уже тогда вопросъ о значеніи и послѣдствіяхъ западнаго вліянія на русскую жизнь. Въ извѣстныхъ литературныхъ кругахъ это была излюбленная тема, выясненію которой приписывалась очевидно первостепенная важность и развитіе которой составило очень выпуклую и своеобразную полосу въ тогдашней литературѣ. Вопросъ былъ поставленъ очень круто и опредѣленно. Полезны ли для Россіи плоды западно-европейскихъ вліяній? Уже самая постановка такого вопроса, допускавшая возможность не только положительнаго, но и отрицательнаго отвѣта, является чрезвычайно характерной для прошлаго вѣка, эпохи лихорадочнаго, можно сказать, юношескаго увлеченія новинками «европейскихъ государствъ». Но—что еще знаменательнѣе—на поставленный такимъ образомъ вопросъ давался отвѣтъ, проникнутый духомъ весьма острой и извѣтельной критики. Западное вліяніе разлагалось на составные моменты, затѣмъ ихъ сопоставляли между собой, тщательно взвѣсивая относительную цѣнность каждаго. Свѣтлыя черты неизбѣжно чередовались при этомъ съ тѣновыми, тѣ и другія смѣло выставлялись на публичное обсужденіе. Это знаменательное литературное теченіе еще ожидаетъ своего историка, а въ ожиданіи безпристрастной исторіи его уже окутала легенда; забирающаяся во всѣ темные уголки, которыхъ еще не коснулся свѣтъ научнаго анализа. Писателей этого лагеря (сюда относятся Нови-

ковъ съ его сатирическими журналами, кн. Щербатовъ, Болтинъ) склонны считать принципиальными противниками основныхъ началъ западно-европейскаго просвѣщенія, фанатическими приверженцами національной старины. Ихъ называютъ иногда предшественниками славянофильства. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого воззрѣнія.

Легко угадать, какъ возникла первоначально эта легенда. *Внѣшній* поводъ къ ея возникновенію дали отчасти сами вышеупомянутые писатели. Расчленяя свѣтлыя и темныя стороны занимавшаго ихъ явленія, они подробнѣе и ярче рисовали вторыя, чѣмъ первыя. Это объясняется основной задачей ихъ литературной дѣятельности: они стремились къ искорененію общественныхъ язвъ, не видя такой же настоятельной необходимости въ прославленіи общественныхъ добродѣтелей, — панегиристовъ и безъ нихъ было много въ тогдашней литературѣ. Остальное дополнила невольная и вольная близорукость позднѣйшихъ изслѣдователей. Оригинальная попытка названныхъ писателей критически разобраться въ результатахъ западныхъ вліяній слишкомъ рѣзко расходилась съ господствовавшимъ тогда духомъ рабскаго копированія внѣшнихъ чертъ западно-европейской культуры. Вотъ почему, при бѣгомъ взглядѣ на ихъ литературныя творенія, легко было зачислить ихъ въ безусловныхъ враговъ Европы.

Между тѣмъ, они сами были вскормленниками западнаго просвѣщенія, не скрывали и не стыдились этого. Читайте Щербатова и Болтина. Вы будете поражены ихъ начитанностью въ произведеніяхъ лучшихъ европейскихъ писателей, ихъ непосредственной близостью къ первоисточникамъ западнаго просвѣщенія. Не вражда къ *основамъ* этого просвѣщенія, а какъ разъ наоборотъ, сознательное пониманіе этихъ основъ, высокая оцѣнка ихъ внутреннего содержанія внушали имъ трезвую и злую критику извѣстныхъ сторонъ тогдашняго русскаго европеизма. Они возставали не противъ западнаго вліянія вообще, а противъ извращенныхъ формъ его, губившихъ благіе плоды истинной европеизаціи. Вотъ въ чемъ заключалась суть ихъ литературной проповѣди. Сужденія названныхъ писателей о петровской реформѣ, какъ нельзя лучше, отразили на себѣ эти исходные принципы ихъ міровоззрѣнія. Мы встрѣтимъ у нихъ критику отдѣльныхъ частныхъ этой реформы, но мы напрасно стали бы искать у этихъ, такъ называемыхъ «предшественниковъ славянофильства» принципиальнаго осужденія реформы въ ея цѣломъ. Каждый изъ нихъ съ своей точки зрѣнія отмѣчаетъ отрицательныя стороны западнаго вліянія, и все безъ различія сходятся при этомъ въ высокой оцѣнкѣ исторической роли Петра, какъ зачинщика европеизаціи Россіи. — Сатирическіе журналы Новикова преслѣдовали главнымъ образомъ внѣшній, формальный характеръ западныхъ заимствованій, они вывели передъ читателемъ пеструю галерею каррикатурныхъ типовъ, возникшихъ на почвѣ

дѣтскаго пристрастія къ иноземной *формѣ*, соединеннаго съ полнымъ пренебреженіемъ къ *содержанію* европейскаго просвѣщенія. Не доказываетъ ли это, какъ высоко цѣнили сатирикъ того времени именно это содержаніе? И могъ-ли предположить онъ, осмѣивая «петиметровъ» и «кокетокъ»—обычныхъ жертвъ своихъ сатирическихъ стрѣлъ,—что позднѣйшіе изслѣдователи сочтутъ это за осмѣяніе основъ европейскаго просвѣщенія? Нѣтъ, преслѣдованіе петиметровъ не помѣшало ему высоко цѣнить истинную европеизацію Россіи, и вотъ почему Новиковскіе журналы проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ духу петровской реформы.

Кн. Щербатовъ останавливается на другой сторонѣ вопроса. Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» *) онъ считаетъ возрастающую порчу нравственности продуктомъ новой Россіи, противопоставляя ей идиллическія картины московской патріархальности. Однако, тотъ же самый кн. Щербатовъ написалъ горячую апологію Петра противъ нападокъ на его память со стороны оберъ-прокурора сената Неклюдова **), а въ любопытномъ разсужденіи: «Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ могла Россія сама собой, безъ самовластия Петра В. дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы» ***) доказывалъ, что Россія, не будь Петра, только къ 1892 г. достигла бы той государственной благоустроенности, въ какой ее оставилъ Петръ... Иные находятъ внутреннее противорѣчіе между этимъ преклоненіемъ передъ государственною дѣятельностью Петра и тѣмъ, яко-бы «славянофильскимъ», направленіемъ, которымъ проникнутъ трактатъ о поврежденіи нравовъ. Мы не можемъ согласиться съ такимъ воззрѣніемъ. Щербатовъ точно разграничиваетъ въ своихъ разсужденіяхъ различныя стороны вопроса. Оплакивая утрату привлекательной, по его мнѣнію, московской нравственности, Щербатовъ приводитъ въ связь послѣдующую порчу нравовъ съ ростомъ государства, съ осложненіемъ общественной жизни, которое должно было расшатать устои патріархальнаго уклада. Тѣмъ не менѣе, это преобразование государственной жизни и здѣсь признается такой-же исторической заслугой Петра, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Щербатова. Петръ называется «великимъ въ монархахъ и человѣкахъ», плоды его реформаторскихъ трудовъ рисуются слѣдующими широкими штрихами: «Россія черезъ труды и попеченіе сего государя приобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсь въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли... Науки и художества въ ней стали процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались россияне изъ бородатыхъ въ

*) Русская Старина. 1870—1871 гг.

**) Чтенія Общ. Ист. и Др. 1860 и ч. III.

* ***) Чтенія Общ. Ист. и Др. 1860 г. ч. I.

гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые и позорища благонравные извѣстны имъ учивались». Порча нравовъ признается грустнымъ побочнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ осложненій прежняго безпритязательнаго быта и, тѣмъ не менѣе, не смотря на моралистическій тонъ, которымъ проникнутъ весь трактатъ, это послѣдствіе не уничтожаетъ въ глазахъ Щербатова всей благодѣтельности произведенныхъ реформъ. На протяженіи трактата историкъ постоянно борется съ моралистомъ. Моралистъ симпатизируетъ исчезнувшему патріархальному укладу, но историкъ признаетъ, что этотъ укладъ былъ обреченъ на неизбежную гибель неотвратимымъ ходомъ исторической жизни.

Наконецъ, передъ нами Болтинъ съ своимъ настойчивымъ протестомъ противъ огульнаго пренебреженія родной стариной.

Вооруженный глубокимъ знаніемъ русскаго быта, русской исторіи, Болтинъ часто отрываятъ разумныя основы въ такихъ явленіяхъ русской жизни, гдѣ поверхностное полужнаніе склонно было усматривать однѣ смѣшныя нелѣпицы. Если Новиковъ и Щербатовъ разсматриваютъ печальныя послѣдствія неумѣлыхъ заимствованій *чужого*, то Болтинъ занятъ положительной стороной того же вопроса, выставляя на видъ забытыя достоинства *своего*. И при всемъ томъ, Болтинъ нисколько не повиненъ въ какой либо національной исключительности. Онъ совершенно далекъ отъ мысли, что Россія можетъ, безъ ущерба для своего развитія, обходиться однимъ собственнымъ опытомъ. Болтинъ—всего менѣе человѣкъ крайностей. Это—уравновѣшенный, трезвый умъ. Онъ вѣритъ въ возможность и благодѣтельность гармоническаго совмѣщенія туземнаго и иноземнаго опыта, не думая, что они могутъ помѣшать другъ другу. Онъ и самъ лично совмѣстилъ близкое знаніе русской дѣйствительности съ широкимъ изученіемъ иностранной литературы, сумѣвъ переработать то и другое въ стройное и послѣдовательное міросозерцаніе. И вотъ почему, опять таки нисколько не противорѣча себѣ, Болтинъ посвящаетъ Петру теплыя строки, хотя и критикуетъ его отдѣльныя мѣропріятія. Не видя нужды затушевывать ошибки Петра, Болтинъ высоко цѣнитъ общее значеніе его просвѣтительной политики.

Мы можемъ формулировать теперь, какъ ставился «петровский вопросъ» занимавшими насъ только-что писателями. Петровская реформа была необходима и потому благодѣтельна, несмотря на отдѣльныя неблагопріятныя послѣдствія, косвенно ею обусловленныя (кн. Щербатовъ), и на позднѣйшія утрировки и извращенія здраваго принципа сближенія съ западомъ (Новиковъ).—Сохраненіе положительныхъ сторонъ стараго быта нисколько не противорѣчитъ сближенію съ западомъ, слѣдовательно, реформа Петра, если не во всѣхъ частностяхъ, то по своему общему духу явилась весьма благотворнымъ моментомъ національнаго развитія (Болтинъ).

Въ этой постановкѣ много новаго. Разработка вопроса впервые

переносилась теперь на почву *теоретического* обсуждения. Вместе съ этимъ тотчасъ-же раздвинулись и рамки самой темы. На первый планъ выдвинулся вопросъ о роли западнаго вліянія въ русской жизни вообще и о цѣлесообразности реформы съ этой точки зрѣнія.—Новая постановка вопроса далеко отодвинула изслѣдователей отъ первоначальнаго представленія о реформѣ, какъ о внезапной катастрофѣ. Реформа рисовалась теперь неизбѣжнымъ отвѣтомъ на повелительные запросы жизни. Образъ самаго Петра утратилъ теперь титаническій характеръ: это великій монархъ, но безъ всякихъ сверхестественныхъ атрибутовъ, сынъ своего времени, понявшій великія задачи вѣка, но не чуждый и его заблужденій и пороковъ. Такова основная мысль другаго трактата кн. Щербатова: «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра», *) гдѣ личные недостатки императора объясняются и извиняются уровнемъ нравственнаго развитія современнаго ему общества. Такъ близко подошли названные писатели къ новѣйшимъ научнымъ построеніямъ! Отсюда совсѣмъ уже недалекъ былъ переходъ и къ другому выводу: не только отвлеченное сознаніе въ необходимости реформы, но и ея практическое осуществленіе было исподволь подготовлено еще до-петровскимъ обществомъ. Этого послѣдняго вывода не было сдѣлано въ связи съ разсмотрѣніемъ западныхъ заимствованій. Но онъ былъ сдѣланъ тогда же въ другой связи, не какъ частное приложеніе извѣстнаго общаго взгляда на ходъ русской исторіи, а просто какъ плодъ хорошей ученой школы и, отчасти, фактическаго изученія русскихъ историческихъ источниковъ. Его высказалъ академикъ Миллеръ въ слѣдующихъ знаменательныхъ выраженіяхъ: «На исторію Федора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ В... Исторія должна справедливо... замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго» **).

Этотъ «органическій» взглядъ, конечно, не заключалъ въ себѣ ничего укоризненнаго по адресу Петра, ничего, что могло бы вести къ умаленію его исторической славы. Но общество того времени еще не доросло до настоящаго пониманія этого чисто научнаго взгляда. Вотъ почему онъ не получилъ въ то время должнаго обоснованія и развитія, а между тѣмъ имъ воспользовались враги Петровой памяти съ явной цѣлью укоризны. Такъ, его припилила къ своимъ нападкамъ на память Петра кн. Дашкова, съ разсужденіями которой мы уже познакомились выше.

Такимъ образомъ, къ концу XVIII в. успѣли намѣтиться всѣ основ-

*) Читенія въ общ. Ист. и Др. 1860 г. кн. I.

**) Замысловскій. Царствованіе Федора Алексѣевича.

ные фазисы петровскаго вопроса. XIX в. только наполнилъ новымъ содержаніемъ старыя рамки. Взглядъ Миллера, казалось, начертывалъ определенную программу дальнѣйшей разработки вопроса. Онъ указывалъ на органическую связь реформы съ предшествующими моментами, онъ давалъ въ руки путеводную нить для дальнѣйшихъ поисковъ историческаго матерьяла, онъ переносилъ вопросъ на почву фактическаго изученія исторической дѣйствительности. Оставалось выполнить программу этого изученія, и научное разрѣшеніе вопроса было бы обезпечено.

Однако, до окончательнаго торжества этого органическаго взгляда, до его теоретическаго признанія и до его документальнаго оправданія путемъ собиранія и изученія фактовъ — петровскому вопросу предстояло пройти еще одинъ крупный и знаменательный фазисъ. Мы разумѣемъ знаменитую полемику славянофиловъ и западниковъ.

III.

Съ началомъ XIX столѣтія на время гложетъ прежній оживленный интересъ къ вопросу о значеніи петровской реформы. Мы уже не видимъ въ его обсужденіи сильной самостоятельной мысли. Литература пробавляется отголосками старыхъ воззрѣній, причемъ наибольшее распространеніе получаетъ самое шаблонное изъ нихъ: восторженный панегирикъ. Было бы грубой ошибкой объяснять эту временную задержку въ разработкѣ вопроса пониженіемъ умственныхъ интересовъ общества сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Причина была иная: бѣніе общественной мысли, господствующіе интересы направились въ другую область подъ давленіемъ текущихъ событій.

Экскурсы въ историческое прошлое отодвинулись на задній планъ передъ практической работой надъ разрѣшеніемъ неотложныхъ запросовъ настоящаго и ближайшаго будущаго. «Дней Александровыхъ прекрасное начало», затѣмъ эпопея отечественной войны съ ея прямыми и косвенными послѣдствіями для русскаго общественнаго сознанія — все это существенно измѣнило вкусы и настроенія умственной аристократіи того времени. Роль мыслителя и изслѣдователя поблѣднѣла на время передъ ролью общественнаго дѣятеля. А между тѣмъ, намѣтившаяся тогда практическая общественная дѣятельность уже не имѣла той непосредственной связи съ людьми и интересами петровской эпохи, какъ это было въ началѣ прошлаго вѣка. На исторической сценѣ дѣйствовали уже новыя поколѣнія, новыя общественныя группы и новыя общественныя программы. Такъ прошла первая четверть XIX столѣтія. 30-ые годы представляютъ новый поворотъ въ смѣнѣ господствующихъ общественныхъ теченій. Теоретическіе интересы снова и притомъ съ небывалой раньше силой завладѣваютъ вниманіемъ передовыхъ

слоевъ общества. И тотчасъ же снова становится на первую очередь старый вопросъ о ходѣ и характерѣ нашего національнаго развитія, о значеніи западныхъ вліяній на русскую жизнь и о роли петровской реформы въ исторіи этихъ вліяній. Впрочемъ, этотъ старый вопросъ получаетъ теперь всю свѣжесть самой первой молодости,—такъ новы источники возстановившагося къ нему интереса. Мы видѣли, на какой точкѣ зрѣнія стояли писатели конца прошлаго вѣка, обсуждавшіе національный вопросъ. То была чисто утилитарная точка зрѣнія. Что выгоднѣе для отечественнаго развитія: удержать «свое», ухватиться за «чужое» или искусно совмѣстить то и другое? Вотъ исходные пункты, отъ которыхъ они отправляются въ своихъ разсужденіяхъ. Политическій мыслитель конца прошлаго вѣка смотрѣлъ на тотъ и другой ходъ народнаго развитія — отстаиваніе національныхъ основъ или путь иноземныхъ заимствованій — какъ на различныя политическія программы, различныя *пріемы* постепеннаго совершенствованія общественной жизни. Вотъ почему ихъ и можно было критиковать тогда съ точки зрѣнія политическаго искусства, беря за мѣрило оцѣнки прочность и благотѣльность достигаемыхъ ими практическихъ результатовъ. Новое поколѣніе подошло къ той же самой проблемѣ совсѣмъ съ другой стороны. Теперь тотъ или другой ходъ народнаго развитія сталъ разсматриваться, какъ внѣшнее обнаруженіе извѣстныхъ отвлеченныхъ «началъ», управляющихъ міромъ, и вотъ почему кореннымъ образомъ измѣнилось мѣрило ихъ оцѣнки: цѣнился уже не практическій результатъ даннаго историческаго теченія, а внутренній философскій смыслъ лежащаго въ его основаніи общаго «начала». И такъ, историческіе построенія необходимо предполагаютъ теперь извѣстное *философское міровоззрѣніе*, дающее изслѣдователю руководящую нить при анализѣ историческихъ явленій. Вотъ и источникъ новаго оживленія заглухнувшаго было петровскаго вопроса. Это оживленіе явилось прямымъ послѣдствіемъ жаднаго интереса къ изученію нѣмецкой философіи, которымъ было захвачено молодое поколѣніе 30-хъ годовъ. Изученіе философскихъ системъ, стремившихся къ установленію міропониманія, повлекло за собой самостоятельныя попытки примѣнить результаты этого изученія къ объясненію того конкретнаго матерьяла, который представляла русская дѣйствительность и русская исторія. На почвѣ такихъ-то попытокъ и сложились двѣ противоположныя системы воззрѣній, раздѣлявшія на два враждебные лагеря передовые круги русскаго общества 40-хъ годовъ: славянофильство и западничество. Обѣ системы вышли, такимъ образомъ, изъ одного общаго источника, изъ изученія современныхъ имъ западно-европейскихъ философскихъ теченій. Эта общность исходнаго пункта сильно отпечатлѣлась затѣмъ и на ихъ дальнѣйшихъ разногласіяхъ, и современный изслѣдователь ихъ ожесточенной борьбы не разъ готовъ признать въ этихъ непримиримыхъ врагахъ близкихъ союзниковъ.

Мы не намѣрены излагать здѣсь развитіе славянофильскихъ и западническихъ воззрѣній. Намъ предстоитъ лишь отмѣтить, какъ сталъ теперь петровский вопросъ въ связи съ общимъ построениемъ ихъ доктринъ.

Окунувшись въ изученіе современной ей нѣмецкой философіи, молодежь 30-хъ годовъ сразу попала на очень знаменательный моментъ въ исторіи западно-европейскихъ философскихъ идей. Началась реакція противъ исключительнаго господства диалектическаго метода. Гордые притязанія нѣмецкихъ мыслителей вывести законы міровой жизни путемъ «философской спекуляціи», иначе говоря путемъ однихъ логическихъ операцій — начинали утрачивать свое прежнее обаяніе. Диалектическому методу было противопоставлено непосредственное проникновеніе въ существо живыхъ конкретныхъ явленій, не всегда укладывающихся въ рамки логическихъ построений. За этими конкретными явленіями, за подлинными данными жизни признавалось теперь самобытное, самостоятельное существованіе, независимое отъ «формальнаго развитія разума». Отсюда, силы разума, логическія схемы объявлялись совершенно непригоднымъ орудіемъ для познанія подлиннаго жизненнаго процесса. Съ этого отрицательнаго пункта пошло дальнѣйшее положительное развитіе славянофильскаго ученія.

Старому забракованному орудію познанія было противопоставлено иное: непосредственное проникновеніе истинной жизни.

Предстояло сдѣлать выборъ, компромиссъ представлялся невозможнымъ. Этотъ выборъ безусловно предопредѣлялъ затѣмъ весь дальнѣйшій ходъ просвѣщенія. Такъ намѣчались два разнородные русла народнаго развитія, двѣ различныя образованности, а господство той или другой образованности въ свою очередь неминуемо отпечатлѣвалось на всемъ строѣ жизни, устанавливало два противоположные типа цивилизаціи. «Одна образованность—писалъ родоначальникъ славянофильства Ив. Кирѣевскій — есть внутреннее устройство духа силою извѣщающей въ немъ истины, другая—формальное развитіе разума и внѣшнихъ познаній... первая только имѣетъ существенное значеніе для науки, влагая въ нее тотъ или другой смыслъ, ибо изъ ея источника вытекаютъ коренныя убѣжденія челоуѣка и народовъ, она опредѣляетъ порядокъ ихъ внутренняго и направленіе ихъ внѣшняго бытія, *характеръ ихъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній*, является начальной пружиной ихъ мышленія, господствующимъ звукомъ ихъ душевныхъ движеній, краскою языка, причиною сознательныхъ предпочтеній и бессознательныхъ пристрастій, основою нравовъ и обычаевъ, смысломъ ихъ исторіи...» «вторая образованность устрояетъ развитіе наружной стороны мысли и внѣшнихъ улучшеній жизни». Разъ такъ категорично было установлено противоположеніе этихъ двухъ «образованностей» и вытекающихъ изъ нихъ двухъ укладовъ народнаго развитія, оставалось только подѣлить ихъ между

двумя половинами Европы, объявить первую специфическимъ продуктомъ русской національности, а вторую признать исключительнымъ достояніемъ запада — и славянофильская доктрина была готова. Россія и Европа — два разнородные міра, ибо каждая изъ нихъ воплотила въ своей исторіи одно изъ вышенамѣченныхъ началъ. Отсюда коренное различіе въ ихъ государственномъ развитіи. Западъ односторонне развилъ формальную, виѣшнюю сторону народнаго быта, принудительную государственную организацію, властно предрѣшающую ходъ народной жизни. И древняя Русь, побуждаемая различными виѣшними потребностями, приняла государственную организацію, что выразилось въ призваніи варяжскихъ князей, но здѣсь государство не было признано всеобъемлющей силой, нормирующей все содержаніе жизни, государственной власти былъ отведенъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности, за предѣломъ котораго начиналось господство Земли, Земства. На этомъ противоположеніи Государства и Земли строится затѣмъ вся дальнѣйшая славянофильская схема русской исторіи. Государству — сила власти, Землѣ — сила мнѣнія. Государство — установитель и стражъ виѣшняго порядка, Земля, совокупность свободныхъ народныхъ общинъ, — носительница внутренней нравственной правды, духовныхъ началъ народной жизни....

Мы подошли теперь какъ разъ къ тому пункту славянофильскаго ученія, съ котораго открывается во всей ясности славянофильское воззрѣніе на реформу Петра. До-петровская Русь — идиллическая картина мирнаго согласія Земства и Государства. Граница, раздѣляющая сферу дѣйствія того и другаго, свято соблюдается съ обѣихъ сторонъ. Вотъ почему до-петровская Русь представила собою привлекательное зрѣлище безпрепятственнаго и всесторонняго нарушенія народнаго духа. Затѣмъ вся эта идиллія внезапно исчезаетъ. Государство нарушаетъ неприкосновенность земской самостоятельности, вторгается въ области Земли, насильственно устанавливаетъ чуждый духу русской исторіи «западный» принципъ государственнаго всемогущества. Въ этомъ и заключался, по мнѣнію славянофиловъ, внутренний смыслъ, петровской реформы. «Государство совершаетъ переворотъ, — такъ рисуетъ эту реформу славянофильскій историкъ К. Аксаковъ — разрываетъ союзъ съ землею и подчиняетъ ее себѣ, начинаетъ новый порядокъ вещей. Оно спѣшитъ построить новую столицу, свою, не имѣющую ничего общаго съ Россіей... Измѣняя землѣ русской, народу, государство измѣняетъ и народности, образуется, по примѣру запада, гдѣ наиболѣе развилась государственность, и вводитъ подражательность чужимъ крайямъ, западной Европѣ...»). Въ другомъ мѣстѣ Аксаковъ называетъ реформу Петра «важнѣйшимъ изъ воихъ переворотовъ русской исторіи, ибо онъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева...

*) Сочиненія, т. I. М. 1889 г. с. 53.

Изъ могучей земли, могучей прежде всего вѣрою и внутренней жизнью, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада, путь ложный и опасный... Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и унизительное!» *).

Историческія воззрѣнія западнической партіи формируются въ прямомъ противоположеніи славянофильской схемѣ. Для кого не были обязательны отправные пункты славянофильскаго ученія, кто былъ свободенъ отъ обаянія проникающаго это ученіе духа, тому легко было замѣтить въ этой схемѣ съ перваго же взгляда, даже и при тогдашнемъ состояніи русской исторической науки, произвольное игнорированіе фактовъ. Это давало въ руки противной партіи удобное орудіе критики. Но не возстановленіе подлинныхъ историческихъ фактовъ являлось тогда главной пружиной полемики. Боролись за принципы, за основныя начала мировоззрѣнія, факты играли служебную роль внѣшнихъ иллюстрацій. Вотъ почему западники усердно напирали на точное слѣдованіе фактамъ въ *критической* части своихъ историческихъ экскурсовъ, тамъ, гдѣ они ловили промахи и непоследовательности славянофильскихъ историческихъ построеній, и сами тотчасъ же покидали эту плодотворную почву, лишь только начиналась *положительная*, созидательная часть, гдѣ являлись на сцену ихъ собственные идеалы, ихъ собственные пристрастія. Не Петръ и не Москва сами по себѣ занимали ихъ вниманіе. Дѣло шло о національной исключительности и общечеловѣческомъ развитіи. Петръ и Москва, это лишь условные терминны для обозначенія названныхъ понятій. Западникамъ предстояло доказать, что западноевропейская цивилизація—единственно возможная почва для общечеловѣческаго развитія, что европеизація Россіи—первенствующій по своему значенію фактъ нашей исторіи, лучше всего обнаружившій жизнеспособность русскаго народа и государства. Все это можно было-бы доказать, какъ нельзя лучше, прослѣдивъ постепенный ростъ европеизаціи на пространствѣ всей русской исторіи и отмѣтивъ ея послѣдовательные успѣхи. Но не забудемъ, что западническое воззрѣніе развивалось въ разгаръ полемики, борьбы. Славянофилы выставили вопросъ рѣзко и круто, противопоставивъ Москву и Петра, какъ символы двухъ противоположныхъ принциповъ. Западники приняли вызовъ и стали возражать въ тѣхъ же самыхъ терминахъ. Идиллическая Москва славянофиловъ превратилась у западниковъ въ мертвенное царство безнадѣжнаго застоя, безъ всякихъ признаковъ прогресса, безъ малѣйшихъ зародышей обновленія. Зато Петръ снова былъ провозглашенъ единственнымъ творцемъ «Россіи новой».

*) Сочиненія, т. I. М. 1889 г. с. 30—31.

Славянофильскому апофеозу Москвы былъ противопоставленъ западническій апофеозъ Петра.

Сопоставимъ теперь взгляды обѣихъ партій на петровскую реформу.

Какая бездна между нарисованными ими картинами и какая общность во внутреннихъ свойствахъ ихъ историческаго мышленія. Для обѣихъ партій европеизація Россіи — результатъ мгновенной метаморфозы. Петръ—ея единственный инициаторъ и единственный отвѣтчикъ на судъ исторіи за ея послѣдствія. Какъ живо воскресають передъ нами въ такой постановкѣ вопроса идеи самаго начала прошлаго вѣка! Казалось, полуторавѣковая разработка вопроса сильно двинула его впередъ, оплодотворивъ его обсужденіе необыкновеннымъ богатствомъ новыхъ точекъ зрѣнія. И вдругъ мы неожиданно возвращаемся къ самому начальному, исходному пункту его исторіи. Идеалисты 40-хъ годовъ, подводившіе похъ свои историческіе выводы внушительный фундаментъ философскаго изслѣдованія, пришли къ тѣмъ же самымъ противоположеніямъ Москвы и Петра, на которыхъ остановились въ свое время практическіе дѣльцы петровской эпохи! Впрочемъ, то была лишь кажущаяся связь, за которой скрывалось въ сущности глубокое различіе. Для однихъ Петръ—реальная личность, непосредственно направляющая ихъ личную судьбу, для другихъ это—отвлеченный символъ отвлеченнаго понятія. Одни видятъ въ Петрѣ единственнаго творца новой Россіи, благодаря отождествленію роли Петра въ своей личной судьбѣ съ его ролью въ историческомъ ходѣ народной жизни; другіе приходятъ къ тому же выводу вслѣдствіе обратной крайности, вслѣдствіе полнаго игнорированія живыхъ отношеній петровской эпохи. И тѣ, и другіе не могутъ разглядѣть съ полной ясностью историческаго Петра: одни стоятъ къ нему слишкомъ близко, другіе смотрятъ слишкомъ издалека, плохо различая съ высотъ своего философскаго мышленія индивидуальныя черты историческихъ явленій. Изъ этого различія вытекали весьма знаменательныя послѣдствія.

Въ началѣ прошлаго вѣка взглядъ на реформу, какъ на революцію, стоялъ незыблемо, это былъ выстраданный выводъ, вошедшій въ плоть и кровь современниковъ, какъ непосредственный итогъ личной жизни, а не какъ логическая выкладка. Теперь, въ срединѣ XIX столѣтія это была лишь частная фактическая иллюстрація, которая цѣнилась не столько сама по себѣ, сколько въ качествѣ опыта нагляднаго примѣненія къ историческому матеріалу основныхъ положеній того или другого міровоззрѣнія.

За этотъ взглядъ уже не будутъ цѣпляться во что бы то ни стало, имъ даже совсѣмъ перестанутъ дорожить, лишь только станетъ яснымъ, что отказъ отъ него не повлечетъ за собой крушенія цѣлаго міровоззрѣнія. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Представители обѣихъ партій, не отказываясь отъ своихъ міровоззрѣній,

скоро приступили къ перестройкѣ прежней исторической аргументаціи. Хомяковъ, одинъ изъ главныхъ вождей славянофильства, цѣликомъ принимая аксаковский дуализмъ земли и государства, видитъ въ петровской реформѣ уже не первоисточникъ, а лишь *эпизодъ* ихъ многовѣковой взаимной борьбы. Эта борьба проходитъ для него непрерывной красной нитью чрезъ всю русскую исторію. Онъ не знаетъ эпохи мирнаго сосуществованія этихъ двухъ противоположныхъ началъ. Итакъ, петровская реформа уже не катаклизмъ, а одно изъ послѣдовательныхъ звеньевъ вѣковаго историческаго процесса.

Западникамъ еще легче было отказаться отъ первоначальнаго взгляда на реформу, какъ на внезапный переворотъ. Этотъ взглядъ выросъ у нихъ на почвѣ текущей полемики съ крайностями славянофильской идеализаціи русской старины. На самомъ дѣлѣ, онъ не только не вытекалъ изъ сущности ихъ міровоззрѣнія, но наоборотъ противорѣчилъ какъ основамъ этого міровоззрѣнія, такъ и ихъ общей оцѣнкѣ самой петровской реформы. Въ самомъ дѣлѣ, если реформа Петра разсматривалась, какъ доказательство жизнеспособности русскаго народа, какъ обнаруженіе заложенныхъ въ немъ задатковъ общечеловѣческаго развитія, то не означало ли это въ то-же время, что реформа имѣла свои историческіе корни въ самомъ русскомъ прошломъ, исподволь подготовившемъ почву для европеизаціи Россіи? Мы не удивимся поэтому, что основоположники новаго взгляда на реформу, какъ на плодъ органическаго развитія русской жизни, вышли изъ рядовъ западной партіи. Мы разумѣемъ Кавелина и Соловьева. Такъ философская школа не прошла даромъ для изслѣдователей русской жизни. Полемика славянофиловъ и западниковъ, на первый взглядъ обновившая старое пониманіе реформы, на самомъ дѣлѣ косвенно подготовила переходъ къ новому, истинно научному воззрѣнію.

Мы только что назвали имена писателей, которымъ принадлежить починъ въ новой чисто научной постановкѣ «петровскаго» вопроса.

Въ своей извѣстной статьѣ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», появившейся въ 1847 г. въ *Современникѣ*, Кавелинъ изложилъ свою формулу русскаго историческаго развитія. Содержаніе всей нашей исторіи сводилось здѣсь къ постепенному росту значенія и самостоятельности *личности* въ общественной и государственной жизни, путемъ послѣдовательнаго разложенія первоначальнаго родового строя. Ходъ нашего историческаго развитія обуславливался непрерывной борьбой ветшающаго родового уклада съ крѣпнущимъ государствомъ, борьбой, во время которой отдѣльная личность эмансипируется отъ путъ родовой опеки, становится въ непосредственныя отношенія къ государству и тѣмъ выигры-

ваетъ въ своей самостоятельности. Этотъ процессъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію, отражается въ каждомъ ея эпизодѣ. Можно замѣтить, что кавелинская формула слишкомъ суживаетъ содержаніе нашего историческаго развитія, слишкомъ круто подгоняетъ многообразіе жизни подъ рамки одного процесса, но нельзя не признать, что она вноситъ смыслъ и стройность въ хаосъ историческихъ фактовъ, стремится вскрыть общій законъ историческаго развитія. На почвѣ этой формулы Кавелинъ устанавливаетъ свой взглядъ и на петровскую реформу, какъ на одинъ изъ послѣдовательныхъ эпизодовъ многовѣковой эволюціи. Кавелинъ всю жизнь остался вѣренъ такому взгляду на реформу Петра. Вотъ что писалъ онъ уже въ 1882 г., за три года до смерти, въ «Вѣстникѣ Европы»: «Мысль, будто реформа Петра и петровский періодъ представляютъ какой-то переломъ въ русской жизни, неожиданный, безпричинный, какъ будто съ неба упавшій, — ни на чемъ не основана... Взглядъ на Петра Великаго, какъ на какого-то чуть-чуть не Робеспьера, также обличаетъ глубокое непониманіе русской исторіи, какъ и упреки въ томъ, что онъ былъ антихристъ, заклятый иностранецъ и нестерпимый тиранъ».

Ученныя разысканія Соловьева блистательно подтвердили воззрѣнія Кавелина. Въ томъ же самомъ году, когда появилась статья Кавелина, Соловьевъ защищалъ свою диссертацию «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома». Въ своей рѣчи на диспутъ онъ сказалъ между прочимъ: «До сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ *раздѣлить* русскую исторію; теперь надо стараться напротивъ *соединить* ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное, *надо возсоздать органическій ходъ исторіи*, и онъ самъ отмѣтитъ дѣленія естественныя и необходимыя». Въ 1851 г. вышелъ первый томъ монументальной «Исторіи Россіи» Соловьева. Здѣсь во введеніи были воспроизведены тѣ-же воззрѣнія. Существенной задачей историка поставилось опредѣленіе *связи* между явленіями, открытіе *законовъ*, движущихъ событіями. Кто знакомъ хотя нѣсколько съ «Исторіей» Соловьева, тотъ замѣтилъ конечно, какъ часто отражается на его изложеніи это стремленіе объяснить историческія явленія внутренними причинами закономѣрнаго развитія. Напомню нѣсколько наиболее яркихъ примѣровъ. Взаимныя отношенія древне-русскихъ князей, представлявшіяся нѣкогда хаосомъ историческихъ фактовъ, дѣйствіями голаго произвола, Соловьевъ старается объяснить счетами родового старшинства, вытекающими изъ общихъ условій родового быта. Возвышеніе Московскаго княжества онъ объясняетъ рядомъ внутреннихъ условій: ходомъ колонизаціи, географическимъ положеніемъ Москвы, строемъ удѣльныхъ обществъ, лишенныхъ согласія и единства и, быть можетъ, даже съ нѣкоторой излишней послѣдовательностью, совершенно отвергаетъ вѣншее вліяніе монгольскаго права, на которомъ настаивали нѣкоторые изслѣдователи.

Дѣятельность Ивана Грознаго освѣщается у Соловьева, какъ результатъ общаго хода отношеній между государями и боярствомъ и помимо психопатическихъ чертъ личнаго характера царя. Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ для насъ уже не будетъ неожиданностью, что и въ реформѣ Петра Соловьевъ усматриваетъ естественный итогъ предшествующаго развитія. Это объясненіе отнюдь не голо-словно у Соловьева. Оно подтверждено детальнымъ изображеніемъ русской жизни наканунѣ реформы Петра.

Взглядамъ Кавелина и Соловьева принадлежала будущность. Они нашли себѣ двойную опору. Прежде всего они получили могущественную поддержку въ приложеніи къ историческому изслѣдованію эволюціонной теоріи. Идея эволюціи, идея постепеннаго и послѣдовательнаго развитія въ жизни природы, чело-вѣка и чело-вѣческаго обществѣ, идея непрерывной преемственности смѣняющихся жизненныхъ формъ, давшая такой внушительный толчекъ развитію науки вообще, не прошла безслѣдно и для судебъ науки исторической. Все обновилось теперь: и постановка научныхъ задачъ, и самые методы изслѣдованія. Весь интересъ историческаго изученія падалъ теперь уже не на то, чтобы ссылками на исторію подтвердить излюбленный афоризмъ, а лишь на то, чтобы вскрыть послѣдовательную преемственность въ историческомъ ходѣ народ-ной жизни. Исходная точка новой школы не предрѣшала выводовъ, а устанавливала только надежный методъ ихъ выведенія. Въ ре-зультатѣ неминуемо должна была послѣдовать полная перестройка историческихъ понятій. Виѣсть съ тѣмъ совершенно иначе освѣ-тились въ глазахъ изслѣдователей и такъ называемыя ранѣе «пе-реходныя эпохи». Историкъ уже не мирился съ возможностью вне-запныхъ перекомовъ въ народномъ развитіи. Историкъ вникалъ глубже въ сущность явленія и тамъ, гдѣ до него видѣли скачекъ, онъ открывалъ въ концѣ концовъ ту же непрерывную преемствен-ность жизненныхъ формъ. Въ литературѣ послѣдняго времени за-мѣтно оживилось обсужденіе теоретическихъ вопросовъ историче-ской науки. Спорять о взаимоотношеніи различныхъ сторонъ исто-рическаго процесса, о значеніи личности въ исторіи, о методахъ историческаго изслѣдованія. Эти теоретическіе споры несомнѣнно отразятся такъ или иначе на дальнѣйшей разработкѣ историческаго матеріала. Весьма возможно, что они отложатъ свой слѣдъ и на принципиальной постановкѣ петровскаго вопроса: мы видѣли уже, какъ сильно измѣнялся и осложнялся этотъ вопросъ, въ зависимости отъ смѣны общественныхъ идеаловъ и научныхъ системъ. Тѣмъ не менѣе, мы уже не можемъ ожидать въ дальнѣйшемъ развитіи во-проса прежнихъ скачковъ и зигзаговъ. Выводы Кавелина и Со-ловьева смѣло могутъ быть признаны прочнымъ достояніемъ науки. Помимо теоретическихъ построеній они нашли себѣ и другую на-дежную опору: въ фактическомъ изученіи реформаціонной эпохи.

Эта послѣдняя задача была выполнена мало по малу во вторую половину XIX-го вѣка. Рядъ специальныхъ изысканій вскрылъ изъ подъ спуда массу новаго историческаго матеріала. Стали разбираться въ этомъ матеріалѣ, возстановляя документально подлинныя очертанія реформы. Съ каждымъ новымъ шагомъ въ этомъ направленіи все яснѣе и отчетливѣе вставала передъ глазами изслѣдователей *историческая подготовка* реформы. Эта плодотворная ученая работа, продолжающаяся и въ наши дни, окончательно заравняла пропасть, которая отдѣляла нѣкогда въ сознаніи историковъ старую и новую Россію.

Программа, намѣченная Миллеромъ, теперь исполнена: исторія показала, «сколь много было подготовлено отцемъ и братомъ Петра Великаго». Мы знаемъ теперь, что реформа Петра, вопреки вѣковому предрасудку, почти цѣликомъ была завѣщана XVIII столѣтію концемъ XVII-го вѣка. Исторія не отняла у Петра этимъ открытіемъ титула Великаго. Правда, мы уже не можемъ признать въ появленіи Петра и совершенномъ имъ подвигѣ «историческаго чуда», приведенія Россіи «изъ небытія въ бытіе». Для насъ Петръ не полумифическій герой съ сверхъестественными силами и свойствами. Но современная историческая наука отвергаетъ самую возможность такихъ чудесъ и такихъ героевъ. Она не признаетъ этихъ чертъ ни за однимъ историческимъ дѣятелемъ. За то мы видимъ въ Петрѣ великаго государя, который понялъ назрѣвшіе запросы своего времени, пошелъ навстрѣчу къ ихъ разрѣшенію, не тормазилъ, но усердно вызывалъ къ жизни обозначившіяся въ тогдѣшнемъ обществѣ активныя силы.

Онъ работалъ не одиноко и не въ пустомъ пространствѣ, но онъ сталъ впереди прогрессивнаго теченія своего вѣка. Теорія законмѣрнаго хода народной жизни въ примѣненіи къ петровской реформѣ ничѣмъ не угрожаетъ исторической памяти Петра Великаго.

Ал. Низеветтеръ.

КАЗАЧКА.

(Изъ станичнаго быта).

Въ маленькой комнаткѣ съ низкимъ потолкомъ, съ потемнѣвшими, стариннаго письма, деревянными иконами въ переднемъ углу, съ оружіемъ и дешевыми олеографіями по стѣнамъ находилось два лица: студентъ въ старомъ, форменномъ сюртукѣ и молодая казачка. Студентъ стоялъ на колѣняхъ среди комнаты передъ большимъ раскрытымъ чемоданомъ и вынималъ изъ него книги, разные свертки и—больше всего—кипы литографированныхъ лекцій и исписанной бумаги. Русые волосы его, подстриженные въ кружокъ и слегка въющіеся, въ беспорядкѣ падали ему на лобъ; онъ безпрестанно поправлялъ ихъ, то встряхивая головой, то откидывая рукой назадъ. Молодая собесѣдница его, которая сидѣла на сундукѣ, около двери, съ нѣсколько недоумѣвающимъ любопытствомъ посматривала на эти груды книгъ и лекцій, разложенныхъ на полу вокругъ чемодана.

— Тутъ тебѣ гостинцевъ, не унесешь за одинъ разъ, пожалуй,—сказала ей студентъ.

Она вскинула на него свои каріе, блестящіе глаза и улыбнулась весело и недовѣрчиво. Смуглое лицо ея, продолговатое, южнаго типа, съ тонкимъ прямымъ носомъ, съ тонкими черными бровями и глазами, опущенными длинными темными рѣсницами, было особенно красиво своей улыбкой: что-то вызывающее, смѣлое и влекущее къ себѣ было въ ней, въ этой улыбкѣ, и легкое смущеніе овладѣвало студентомъ каждый разъ, когда продолговатые глаза его собесѣдницы, весело прищурившись, останавливались на немъ, а на губахъ ея играла эта странная усмѣшка.

— Прежде всего—вотъ,—продолжалъ студентъ, съ комическою торжественностью извлекая изъ глубины чемодана одинъ изъ свертковъ.

И онъ развернулъ передъ ней два небольшихъ платка: одинъ шелковый, блѣдно-голубой, другой—шерстяной, тоже голубой, съ яркими цвѣтами на углахъ.

Студентъ (его звали Васи́ліємъ Даниловичемъ Ермаковымъ) пріѣхалъ два дня назадъ изъ Петербурга на каникулы и привезъ, между прочимъ, письма и посылки отъ своихъ станичниковъ, казаковъ атаманскаго полка, къ ихъ родственникамъ. Два дня пришлось ему раздавать эти письма и посылки, пить водку, бесѣдовать съ стариками, утѣшать старухъ, разливавшихся въ слезахъ по своимъ родимымъ сынкамъ, не смотря на его увѣренія, что всѣ они живы и здоровы, и все благополучно, слава Богу. Но что было всего труднѣе, это удовлетворять разспросы казачьихъ женъ — «односумокъ» *), приходившихъ отдѣльно отъ стариковъ и старухъ и спрашивавшихъ о своихъ мужьяхъ съ такими непредвидѣнными подробностями, на которыя растерявшійся студентъ или ничего не могъ сказать, или, отчаявшись, немилосердно вралъ. Теперь онъ разговаривалъ тоже съ одною изъ такихъ «односумокъ»: это была жена его пріятеля, казака Петра Нечаева, — Наталья. Она пришла послѣ всѣхъ, ужъ подъ вечеръ второго дня.

— Это тебѣ, — сказалъ студентъ, подавая ей шелковый платокъ, — а этотъ матери передай.

— Ну, спаси его Христось, — проговорила она, взявши платки и окидывая ихъ опытнымъ опѣнивающимъ взглядомъ.

— А деньжонки-то, вѣрно, еще держатся, не всѣ пропиты? — замѣтила она съ улыбкой.

— Да онъ и не пьетъ, — возразилъ студентъ.

Она недовѣрчиво покачала головой и сказала: — Какъ же! такъ я и повѣрила... Всѣ они тамъ пьютъ, а послѣ говорятъ, что тамъ, дескать, сторона холодная: ежели не пить — пропадешь.

Студентъ, продолжая рыться въ чемоданѣ, очевидно, плохо вслушивался въ то, что она говорила, и ничего не возразилъ.

— Да это не бѣда, — прибавила Наталья, помолчавши съ минуту: — а вотъ лишь бы..... Это я дюже не люблю!

Студентъ поднялъ голову и разсмѣялся. Она произнесла щекотливый вопросъ спокойно, безъ малѣйшей тѣни конфузливости и затрудненія, какъ вещь самую обычную, а онъ, между тѣмъ, ѣсколько смутился и покраснѣлъ.

— Вотъ и письмо, наконецъ, — проговорилъ онъ поспѣшно, подавая ей большой и толстый конвертъ; — написалъ чего-то много...

— Письмо-то я послѣ прочитаю, — спокойно и неторопливо сказала она, — а ты мнѣ Расскажи на словахъ... Живое письмо — лучше.

*) «Односумами» называютъ другъ друга казаки, служившіе въ одномъ полку и, слѣдовательно, имѣвшіе общія суммы; жены ихъ называютъ другъ друга «односумками».

— Да я что-же на словахъ могу сказать?—заговорилъ студентъ, вставая съ мѣста и покоряясь необходимости повторить въ двадцатый разъ одно и то же, что онъ говорилъ всѣмъ односумкамъ объ ихъ мужьяхъ въ эти два дня:

— Живъ и здоровъ, конь тоже здравствуетъ, служба идетъ ничего себѣ, хорошо, скучаетъ немного по родинѣ... по женѣ, главнымъ образомъ,—засмѣявшись прибавилъ онъ.

— Какъ же!—весело усмѣхнулась она,—нѣтъ ты Расскажи Василій Даниловичъ, мнѣ по правдѣ, не скрывай...

И она повторила прежній вопросъ.

Онъ опять взглянулъ не безъ смущенія на ея красивое, нѣсколько загорѣлое лицо. Каріе глаза ея глядѣли на него весело и наивно.

— Объ этомъ я ничего не могу сказать: не знаю,—уклончиво отвѣтилъ онъ,—только, кажется, онъ не изъ такихъ, чтобы...

Веселый взглядъ ея карихъ глазъ перешелъ въ недоумчиво насмѣшливый и тонко-лукавый. «Знаю я вашего брата!»—какъ будто говорила она, хитро улыбувшись.

— Да ты правду говори!—съ дѣланной строгостью воскликнула Наталья.

— Я правду и говорю...

— Ну, а изъ себя какъ онъ сталъ: худой? гладкій?

— Да ничего себѣ, молодцомъ!

— Кормятъ ихъ хорошо? Какъ ихъ жизнь-то тамъ протекаетъ? Ты мнѣ все Расскажи!

— Все, что знаю, Расскажу,—покорно отвѣчалъ засыпанный этими быстрыми вопросами студентъ:—я у него разъ ночевалъ въ казармахъ, видѣлъ, какъ они тамъ живутъ...—ничего, не скучно. И онъ ко мнѣ приходилъ съ товарищами. Играли пѣсни, вспоминали про васъ, пиво пили...

Онъ остановился, придумывая, что-бы еще сказать Натальѣ объ ея мужѣ. Все это, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, онъ говорилъ уже нѣсколько разъ другимъ односумкамъ, и всѣ онѣ глядѣли на него такъ же вотъ, какъ и она, не сводя глазъ, съ жаднымъ любопытствомъ, и слушали эти общія, почти ничего не говорящія фразы съ величайшимъ интересомъ.

— Не хвораетъ онъ тамъ?—помогла она ему вопросомъ, видя его затрудненіе.

— Говорю—здоровъ. Отчего же тамъ хворать?

— А вотъ вы то какой худой стали...—замѣтила она со вздохомъ сожалѣнія:—прежде покраснѣй были, полнолиціе...

Онъ ничего не сказалъ на это.

— Ну, а мнѣ ничего Петро не наказывалъ? не говорилъ?—понижая голосъ, съ какою-то таинственностью, тихо и осторожно спросила Наталья.

Студентъ нѣсколько замаялся, задумался и не тотчасъ отвѣтилъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, посматривая въ сторону и избѣгая ея пытливаго взгляда, онъ нерѣшительно заговорилъ:

— Особеннаго какъ будто ничего... Только,—буду ужъ говорить откровенно (онъ началъ нервно пощипывать чуть пробившіяся пушокъ своей бородки),—толковалъ онъ о какомъ-то непріятномъ письмѣ, о какихъ то слухахъ... Даже плакалъ одинъ разъ—пьяный. Однимъ словомъ, просилъ меня разузнать, тутъ какъ нибудь, стороной... объ тебѣ, собственно...

Онъ окончательно смутился, спутался, покраснѣлъ и замолчалъ...

— Я такъ и знала,—заговорила она спокойно и равнодушно:—напрасно онъ только собираетъ эти глупости!.. Писала вѣдь я ему, чтобы плюнулъ въ глаза тому человѣку, кто набрехалъ про все про это! Знаю вѣдь я, отъ кого это ползетъ, и письмо знаю, кто писалъ... Говорить противно даже про такую низкость, а онъ вѣритъ...

Лицо ея приняло строгое, молчаливо суровое выраженіе. Гордая печаль придавала ему особенную красоту грусти, и студентъ украдкой долго любовался ею.

— Я тоже его разубѣждалъ,—началъ онъ, оправляясь отъ своего смущенія:—и онъ самъ почти не вѣритъ... Но иной разъ сомнѣнія мучать, червякъ какой то гложетъ, особенно, когда подвыпьетъ.

— Глупость все это одна!—сердито нахмурившись, заговорила она.—Такъ и напиши ему мои слова. Онъ писалъ мнѣ въ письмѣ, угроживалъ... Да я и не побоюсь,—онъ самъ знаетъ, что я не изъ такихъ, чтобы испугаться. А захочу сдѣлать чего, сдѣлаю и скажу прямо... Не побоюсь!

Она сдѣлала рукой красивый, рѣшительный жестъ и сердито отвернулась. Ея молодому собесѣднику все въ ней казалось необыкновенно красивымъ, оригинальнымъ и привлекательнымъ; онъ тайкомъ любовался ею и глядѣлъ на нее, хотя больше украдкой, съ нѣсколько робкимъ, но жаднымъ любопытствомъ молодости. Что-то смѣлое, рѣшительное, вызывающее было въ ея сверкнувшихъ на минуту глазахъ... Она сама, видимо, сознавала свою красоту, и быстрый взглядъ ея карихъ, блестящихъ глазъ, который она изъ-подлобья кинула на студента, самодовольно и хитро улыбнулся...

Они долго молчали. Въ окна смотрѣли уже первыя сумерки; голубое небо начало блѣднѣть; отблескъ зари заигралъ на краяхъ длинной одинокой тучки алыми, лиловыми и золотистыми цвѣтами; съ улицы доносились смѣшанные, оживленные звуки весенняго вечера.

— Ну, прощай, односумъ,—сказала Наталья, вставая (она говорила студенту сначала «вы», а потомъ перешла незамѣтно

на «ты»):—извиняй, если надо́бла. А все́таки еще повижу тебя, поразспрошу кое объ чемъ. Благодарю!

— Не за что—сказаль студентъ.—Я бы и сейчасъ разсказаль побольше, да не припомню: какъ то все перепуталось, смѣшалось... Столько новаго передъ глазами, оглядѣться не успѣлъ... Заходи какъ-нибудь, поговоримъ. Я буду очень радъ.

— Я и другихъ односумокъ приведу...

— Пожалуйста! Я буду радъ.

— Мы все какъ то стѣсняемся тебя,—улыбаясь и показывая свои ровные бѣлые зубы, сказала она:—ты ученый, а мы простыя, Богъ знаетъ, какъ заговорить... Либо чѣмъ не потрафишь... Вѣдь мы все проста...

Но насмѣшливо-веселый взглядъ ея, передъ которымъ ея собесѣдникъ чувствовалъ какую то странную неловкость, говорилъ совсѣмъ другое.

— А я, можетъ быть, самъ больше вашего стѣсняюсь,—сказаль студентъ, засмѣявшись, и самъ немного покраснѣлъ отъ своего признанія.

— Какъ хорошо у насъ на родинѣ, право!—прибавиль онъ, смотря въ окно, черезъ густую зеленъ ясеней и кленовъ, росшихъ въ палисадникѣ, на блѣдно голубое небо.

— Хорошо?—переспросила она,—ей, видимо, еще хотѣлось нѣсколько продлить бесѣду:—а тамъ, въ Петербургѣ то, ужели хуже?

— Хуже.

— Хуже?—недовѣрчиво повторила она,—въ городѣ-то? Тамъ, гляди, нарядовъ этихъ? мамзели, небось, въ шляпкахъ?

Онъ разсмѣялся и, встрѣтившись глазами съ веселымъ и наивнымъ взглядомъ ея красивыхъ, продолговатыхъ глазъ, уже смѣлѣе и дольше посмотрѣлъ на нее.

— Ты къ намъ на улицу приходи когда въ праздникъ,—сказала она, слегка понижая голосъ:—пѣсни поиграемъ... На улицѣ-то развязнѣй, свободнѣе, а тутъ все какъ то стѣснительно: то старики твои, то кто посторонній. Приходи!

— Хорошо, приду.

— Ну, прощай! Благодарю за гостинцы, за все!

Она подала ему руку и вышла легкой, щеголеватой походкой. Онъ проводиль ее до крыльца и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, любуясь ея стройной, высокой, сильной фигурой. Она шла быстро, слегка и въ тактъ ходя помахивая одной рукой. Бѣлый платокъ ея долго мелькаль въ легкомъ сумракѣ весенняго вечера и затѣмъ скрылся изъ глазъ за однимъ угломъ длинной улицы... Станица съ своими бѣлыми домиками, съ зеленю садиковъ постепенно окутывалась туманомъ сумерекъ. Ласкающая свѣжесть, смѣшанная съ слабымъ запахомъ груше-

ваго цвѣта и какой то душистой травы, пріятно щекотала лицо и проникала въ грудь живительными струями... Слышался близко гдѣ-то женскій голосъ и шопотъ, гурьба ребятишекъ выбѣжала вдругъ съ пронзительнымъ и звонкимъ крикомъ изъ за угла, поднимая пыль по мягкой дорогѣ, и, словно по командѣ, разомъ сѣла въ кружокъ на самомъ перекресткѣ; потомъ всѣ съ дружнымъ крикомъ «ура» снялись съ мѣста и опять скрылись за угломъ, какъ стая воробьевъ. Жалобно и часто въ сосѣднемъ переулкѣ мычалъ потерявшійся теленокъ, и звуки его голоса рѣзко будили недвижный воздухъ. Въ лавочкѣ пи-ликали на гармоникѣ.

— Какъ хорошо! — подумалъ студентъ, глядя радостнымъ взоромъ въ высокое небо.

II

Наступилъ Троицынъ день. Станица загуляла. Яркіе, пестрые наряды казачекъ, бѣлые, красныя, голубыя фуражки казачковъ, бѣлые кителя, «тужурки», рубахи самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ — все это, точно огромный цвѣтникъ, пестрѣло по улицамъ подъ сверкающимъ, горячимъ солнцемъ, пѣло, ругалось, орало, смѣялось и безостановочно двигалось цѣлый день — до вечера. Дома не сидѣлось, тянуло на улицу, въ лѣсъ, въ зеленую степь, на просторъ...

Садилось солнце.

Мягкій, нѣжно-голубой цвѣтъ чистаго неба ласкалъ глаза своей прозрачной глубиной. Длинные, сплошныя, тѣни потянулись черезъ всю улицу. Красноватый свѣтъ послѣднихъ, прощальныхъ лучей солнца весело заигралъ на крестахъ церкви и на сторонѣ ея, обращенной къ закату. Стекла длинныхъ, переплетенныхъ желѣзомъ, церковныхъ оконъ блестѣли и горѣли расплавленнымъ золотомъ. Въ воздухѣ стоялъ веселый, непрерывный шумъ. Въ разныхъ мѣстахъ станицы слышались пѣсни, гдѣ-то трубачъ наигрывалъ сигналы. Съ крайней улицы — къ степи, — такъ называемой «русской» (гдѣ жили иногородніе носившіе общее названіе «русскихъ») доносился особенно громкій, дружный, многоголосный гамъ.

Тамъ шелъ кулачный бой.

Студентъ Ермаковъ, стоявшій нѣкоторое время въ нерѣшительности среди улицы, пошелъ туда.

Эти праздники были традиціоннымъ временемъ кулачныхъ боевъ. Станица изстари дѣлилась на двѣ части (по теченію рѣки) — «верховую» и «низовую», и обыватели этихъ частей сходились на благородный турниръ почти всѣ, начиная съ дѣтишекъ и кончая стариками.

Толпы ребятишекъ и дѣвчатъ обгоняли Ермакова, направляясь поспѣшно и озабоченно туда же, куда и онъ шель. Молодые казаки, которые попадались ему, одѣты были уже не по праздничному, а въ старыхъ поддевахъ, подпоясанныхъ кушаками, въ чирикахъ, въ бумажныхъ перчаткахъ. Очевидно было, что праздничный костюмъ предусмотрительно перемѣнялся передъ сраженіемъ на расхожій. Лишь казачки, которыя встрѣчались съ Ермаковымъ, были нарядны такъ же, какъ и днемъ.

Шумъ и говоръ становились явственнѣе по мѣрѣ приближенія къ «русской» улицѣ. Что-то молодое, удалое и безпечное было въ этомъ шумѣ, слившемся изъ дѣтскаго крика и визга, изъ дѣвчьяго звонкаго смѣха и пѣсенъ, изъ смутнаго гула разговаривающихъ и кричащихъ одновременно голосовъ. Громкая, веселая или тягучая пѣсня иногда вырывалась изъ него, точно вспыхивала, и мягко разливалась въ чуткомъ воздухѣ. Иногда взрывъ крика дикаго, дружнаго и неистоваго покрывалъ вдругъ все, и топотъ, звуки гулкихъ ударовъ оглашали улицу.

Какое то странное волненіе охватывало Ермакова при этихъ звукахъ и, какъ на охотѣ, трепетно и часто стучало его сердце.

Повернувши за уголъ большого сада съ старымъ высокими грушами и яблонями, уже отцвѣтшими, Ермаковъ вышелъ на самую «русскую» улицу и увидѣлъ пеструю многолюдную толпу, въ которой одни кричали или пѣли, другіе бѣгали и дрались, третья смѣялись, шептались... Трудно было сразу въ этой шумной тѣснотѣ опредѣлить, куда идти, что смотрѣть, кого слушать.

Съ краю, въ самыхъ безопасныхъ мѣстахъ, бѣгали маленькіе ребятишки, гоняясь другъ за другомъ; они пронзительно свистали какимъ то особеннымъ посвистомъ, иногда ныряли въ толпу взрослыхъ и исчезали въ ней безъ слѣда, шмыгая подъ ногами, толкая съ разбѣгу большихъ и получая за это шлепки... Нѣсколько стариковъ въ дубленыхъ тулупахъ, накинутахъ на плечи, сидѣли на бревнахъ и на заваленкахъ и разговаривали, съ невозмутимымъ равнодушіемъ поглядывая на двигавшуюся передъ ними молодежь. Ермаковъ, проходя мимо ихъ, слышалъ, какъ одинъ старикъ говорилъ внушительно, съ разстановкой, дребезжащимъ голосомъ, точно сердился на кого:

— То ты теперь-то свинку или баранчика зарѣжешь да поѣшь мясца, а какъ желѣзная-то дорога пройдетъ, такъ все туда перетаскаешь, и все-таки ничего не будетъ... Голодный будешь сидѣть!

Ермаковъ прошелъ сначала туда, гдѣ было всего шумнѣе и оживленнѣе: въ самомъ центрѣ улицы дрались молодые каза-

чата—одна партія на другую, «верховые» на «низовыхъ». Здѣсь публика была самая многочисленная.

— Ну, ну, ребята! смѣлѣй, смѣлѣй! та-акъ, такъ, такъ, та-акъ! такъ, такъ! бей, бей, бей! бе-е-ей, ребятушки, бей!—слышались голоса взрослыхъ, бородатыхъ казаковъ, за которыми малолѣтнихъ бойцовъ почти не было видно. Лишь пыль подымалась надъ ними столбомъ и долго стояла въ воздухѣ.

Старый, огромный казакъ, по имени Трофимычъ, въ накинутаой дубленой шубѣ, въ смятой фуражкѣ, выпцвѣтшей и промасленной, похожей на блинъ, усердствовалъ больше всѣхъ, словно честь его зависѣла отъ успѣха или неуспѣха его партіи. Онъ руководилъ «низовыми», которые довольно-таки часто подавались назадъ подъ натискомъ «верховыхъ».

— Стой, стой, ребята! не бѣгай! — кричалъ онъ на всю улицу своимъ оглушительнымъ голосомъ. размахивая руками, пригибаясь впередъ и припрыгивая, точно собираясь летѣть, — когда «низовые», не выдержавъ непріятельскаго натиска, обращались въ дружное бѣгство.

— Стой! стой! куда вы, собачьи дѣти? не бѣжи! к-ку-да?!

Но «низовые», не смотря на его неистовые крики, не смотря на изумительно-усердные одобренія и поощренія другихъ зрителей, бѣжали, падали, садились, повергая въ глубокое отчаяніе своего стараго руководителя.

— Ахъ, вы, поганцы, поганцы!—съ отчаяніемъ въ голосѣ кричалъ старикъ—ахъ, вы, дьяволы паршивые, а! Хрипка, въ ротъ тебя убить!—съ ожесточеніемъ хлопнувши фуражку объ землю, обращался старикъ къ одному изъ бойцовъ, плотному шестнадцатилѣтнему казачонку съ обвѣтреннымъ лицомъ, одѣтому въ старый отцовскій китель: — кидайся прямо! не робѣй! смѣло! въ морду прямо бей! Ну, ну, ну, ну! дружнѣй, дружнѣй, дружнѣй! вотъ, вотъ, вотъ, вотъ! бей, наша! бе-ей, бей, бей!.. а-а-та, та-та-а!..

Хрипка, послѣ минутнаго колебанія, кидался съ видомъ отчаянной рѣшимости и самоотверженія въ самый центръ насѣдавшихъ непріятелей. Шапка тотчасъ же слетала у него съ головы далеко въ сторону, но и противоборецъ его немедленно распростирался во прахъ. Примѣръ Хрипки заражалъ всѣхъ его товарищей—«низовыхъ», и вдругъ, точно хлынувшій внезапно дождь, они стремительно кидались на своихъ временныхъ враговъ съ озлобленными и отчаянными лицами, били ихъ по «мордамъ», по «бокамъ», «по чѣмъ попало», сами получали удары, падали, опять вскакивали, кричали и ругались, какъ взрослые, громко и крѣпко и, наконецъ, послѣ отчаянныхъ усилій, достигали того, что непріятель показывалъ тылъ.

Но и со стороны «верховыхъ» не дремали поощрители и

руководители. Точно такъ же и тамъ, окруживъ малышей плотной, непроницаемой стѣной, за которую нельзя было выбиться, бородачи-старики кричали, толкали ихъ насильно впередъ, исподтишка помогали имъ, подставляя ноги «низовымъ», наждавшимъ особенно рьяно. И свалка росла. Было шумно, весело, пыльно... Маленькіе бойцы кружились, прыгали, бѣгали съ захватывающею духъ быстротою и, казалось, не чувствовали усталости.

Ермаковъ остановился около хоровода, у плетня, и сталъ слушать пѣсни. Густая толпа молодыхъ казачекъ и казаковъ столпились вокругъ самого хоровода. Черезъ головы чуть лишь видны были платки и фуражки пѣвицъ и пѣвцовъ.

Хороводная пѣсня была тягучая и нѣсколько тоскливая. Но и въ самой грусти ея, въ ея переливахъ, съ особымъ щегольствомъ и разнообразіемъ исполняемыхъ подголоскомъ, слышалось что то молодое, зовущее, манящее, — слышалось красивое чувство, которое требовало себѣ широкой, вольной жизни, безпечной радости и веселья.

Ужъ ты батюшка-свѣтъ, свѣтелъ мѣсяцъ!
 Просвѣти ты, мѣсяцъ, намъ всю ноченьку!
 Поиграемъ мы со ребятами,
 Съ молодыми все да съ хорошими...

Сначала Ермакову казалось нѣсколько неловкимъ стоять одному: онъ думалъ, что всѣ на него смотрятъ. Но мимо него проходили толпы дѣвчатъ и казачатъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Его безцеремонно толкали, изрѣдка кто нибудь мелькомъ взглядывалъ на него и, не узнавая въ сумеречномъ свѣтѣ, проходилъ мимо. Лишь одна бойкая, любопытная дѣвочка съ большими глазами, заглянувъ ему близко въ лицо и остановившись на минуту какъ разъ противъ него, съ очевиднымъ недоумѣніемъ вслухъ сказала:

— То-ли атаманецъ, то-ли юнкаръ какой?..

Ермаковъ былъ въ бѣломъ кителѣ и лѣтней студенческой фуражкѣ.

Онъ улыбнулся и погрозилъ ей пальцемъ, и она убѣжала, но скоро потомъ опять прошла мимо него съ своей подругой, упорно и съ любопытствомъ всматриваясь въ его лицо. Вдругъ имъ обѣимъ стало чрезвычайно весело: онѣ разомъ фыркнули отъ смѣха и убѣжали прочь, потонувши въ многолюдной толпѣ.

Степнѣло совсѣмъ. Стали драться взрослые казаки. Хороводъ разошелся, и вся почти улица отошла подъ арену борьбы. Ермаковъ очутился какъ-то непримѣтно въ густой толпѣ; его толкали, тѣснили, наступали ему на ноги; онъ самъ толкалъ, пробираясь поближе къ мѣсту сраженія, и съ удо-

вольствием чувствовал себя равноправным членом этой улицы.

— Односумъ, никакъ ты?—раздался около него знакомый голосъ.

Онъ оглянулся и увидѣлъ свою односумку Наталью; она была въ черной короткой кофточкѣ изъ «нанбоку» и въ новомъ шелковомъ, блѣдно-голубомъ платкѣ, подарокъ мужа. Въ сумеркахъ, въ этой молодой толпѣ, лицо ея, казавшееся блѣднымъ въ темнотѣ, опять сразу поразило его своей новой и странной красотой.

— А!—воскликнулъ радостно Ермаковъ, протягивая ей руку.

— Мое почтенье,—проговорила Наталья, подойдя къ нему почти вплотъ и потомъ толкнувшись объ него, притиснутая двигавшеюся толпой, причемъ Ермаковъ почувствовалъ запахъ простыхъ духовъ:—на улицу нашу пришли посмотрѣть?

— Да.

— Ну, а въ Питерѣ-то у васъ бываютъ улицы такія? Или ты не ходишь тамъ?

Она говорила ему то «ты», то «вы».

— Нѣтъ, ходилъ,—отвѣчалъ Ермаковъ,—бываютъ и тамъ «улицы», только не такія.

— Что же, лучше, али хуже?

— По моему—хуже.

— Ну?!—съ искреннимъ удивленіемъ воскликнула Наталья!—Народу-то, небось, тамъ больше? Бабы, дѣвки нарядныя, небось?

— Народу больше, а веселья настоящаго нѣтъ...

— А у насъ вотъ весело! И не шла бы домой съ улицы... я люблю это!

Улыбающіеся глаза ея близко свѣтились передъ Ермаковымъ и приводили его въ невольное, легкое смущеніе.

— Ну, а какъ же, односумъ, напимѣрь, мадамы тамъ разныя?—продолжала она спрашивать снова, отвлекшись лишь на минутку въ сторону кулачнаго боя.

— Есть и мадамы...—отвѣтилъ онъ, не совсѣмъ понимая ея вопросъ.

— Небось, нарядныя? въ шляпкахъ, подъ зонтиками?

— Непремѣнно...

— Екъ такой, небось, и подойти-то страшно? Смѣлости не хватитъ сказать: «позвольте, молъ, мадамъ фу-фу, познаться»... Какъ это мой мужъ тамъ съ ними орудуетъ, любопытно бы взглянуть!.. А онъ на это слабъ...

Они оба разсмѣялись.

Немного погодя, она рассказывала уже Ермакову о нѣсколькихъ случаяхъ невѣрности своего мужа — откровенно,

просто, весело... Толпа колыхалась, толкала ихъ. Иногда Наталья была къ нему близко-близко, почти прижималась; онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла, запахъ ея духовъ и съ удовольствіемъ прикасался къ шелковисто-гладкой поверхности ея кофточки. Ему казалось, что какая-то невольная близость возникаетъ и растетъ между ними; въ груди у него загоралось пока безымянное, неясное и радостное, молодое чувство: кровь закипала; трепетно и часто билось сердце...

III.

— Всѣ на всѣхъ!—слышались вызывающіе крики «верховыхъ» и «низовыхъ» одновременно.

— Зачина-ать!—выпедши на средину улицы между плотными стѣнами бойцовъ, закричалъ молодой казаченокъ въ голубой фуражкѣ, по фамиліи Озерковъ, одинъ изъ бойцовъ будущаго, подающій пока большія надежды.

Онъ громко хлопнулъ ладонями, разставилъ широко ноги, ставши бокомъ къ непріятелямъ, и крикнулъ опять:

— Зачина-а-ать! дай бойца!

Вся небольшая, стройная фигурка его была воплощеніемъ удали, ловкости и проворства.

Изъ верховыхъ выступилъ впередъ неторопливо и нѣсколько неуклюже молодой казакъ съ кудрявой бородой и брякнулъ хриповатымъ голосомъ.

— Давай!

— Ну-ка, Левонъ, давни!—послышались вслѣдъ ему поощрительные крики. Левонъ, —малый плотный, широкоплечій и сутуловатый,—тоже разставилъ широко ноги и принялъ вызывающе-воинственный видъ.

Озерковъ въ два прыжка очутился около него, изогнулся вдругъ почти до земли, крикнулъ, гикнулъ, что было мочи, и ударилъ Леона въ грудь. Въ то же время Леонъ тяжело взмахнулъ кулакомъ и зацѣпилъ по плечу своего противника, но не совсѣмъ удачно—вскользъ и слабо, потому что Озерковъ быстро и легко, какъ резиновый мячъ, успѣлъ отпрыгнуть назадъ. Леонъ погнался было за нимъ съ легкостью, нѣсколько неожиданной для него, въ сопровожденіи еще двухъ-трехъ бойцовъ, но въ это время изъ «низовыхъ» вдругъ выскочилъ высокій, безусый казакъ въ атаманской фуражкѣ, статный красавецъ, и—однимъ ударомъ «смылъ» разбѣжавшагося Леона, точно онъ и на ногахъ не стоялъ. Громкій крикъ обѣихъ сторонъ привѣтствовалъ этотъ ударъ, а красавецъ-боецъ выпрыгнулъ на средину, къ самой линіи верховыхъ, громко хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ:

— Ну-ка, пошелъ!

Ермаковъ, стоя въ толпѣ рядомъ съ своей односумкой, не успѣлъ еще полюбоваться на его статную, красивую фигуру, какъ огромный казакъ изъ «верховыхъ», Ефимъ Бугоръ, стремительно и быстро, съ развѣвающейся широкой бородой, съ гикомъ выскочилъ впередъ и сшибъ молодого атаманца. Это было сдѣлано быстро, почти неожиданно. Молодой боецъ чуть было не опрокинулся навзничъ, почти присѣлъ, сдѣлавши назадъ нѣсколько произвольныхъ, быстрыхъ шаговъ, но удержался и кинулся впередъ съ крѣпкимъ ругательствомъ. Бугоръ скоро его подмялъ подъ себя и почти безпрепятственно ворвался въ центръ непріятелей, а за нимъ стремительной лавой и другіе «верховые» бойцы. Нѣсколько минутъ раздавались среди неистоваго шума и крика глухіе, частые удары, затѣмъ «низовые» дрогнули и побѣжали. Это было не беспорядочное бѣгство, а правильное, хотя и очень быстрое, отступление. Иногда они останавливались стѣной на нѣсколько секундъ и выдерживали атаки нападающихъ. Бугоръ прыгалъ, какъ левъ—съ развѣвающейся гривой, съ громкимъ, торжествующимъ, удалымъ крикомъ.

— Нефедь! кинься, пожалуйста! стань! ей Богу, стань!—убѣдительно просилъ приземистый рыжій казакъ изъ «низовыхъ» рябого огромнаго казака, стоявшаго у плетня, недалеко отъ Ермакова, въ толпѣ женщинъ.

— Нефедка! ты чего же глядишь? — подошедши къ нему, быстро заговорилъ старикъ Трофимычъ, котораго видѣлъ Ермаковъ въ качествѣ руководителя ребятишекъ.

— А ну-ка ушибуть? — пробасилъ глухо Нефедъ, видимо взволнованный:—ихъ вонъ какая сила!

— У насъ есть кому поддержать!—торопливо и ободряющимъ тономъ говорилъ Трофимычъ, понижая голосъ до шопота:—тамъ вонъ за угломъ стоятъ Семенъ Мишаткинъ, Лазарь, Фоломка... Поддержатъ, братъ!

— Да кабы поддержали,—нерѣшительно говорилъ Нефедъ, снимая свою форменную теплушку.

— Эхъ, подлеца Бугра надо-бы ссадить — огорченнымъ голосомъ повторялъ рыжій казакъ: — ты противъ него маецію поддержи, а энтихъ-то молодые наши казаки сшибуть, не то что... Ну скорѣй!

— Охъ, ушибуть они насъ! чуетъ мое сердце—ушибуть!—колебался еще Нефедъ, передавая свою теплушку и фуражку на храненіе какой-то казачкѣ и оставшись въ одной рубахѣ.

Трофимычъ молча сбросилъ свой тулупъ и фуражку, обнаживъ свою лысую голову, и они всѣ трое, пригнувшись подъ плетнемъ, проворно пошли къ «низовымъ», которыхъ угнали уже довольно далеко.

Черезъ нѣсколько минутъ до Ермакова донесся новый взрывъ неистоваго крика, и вдругъ стукъ, гамъ, звуки ударовъ, которые до этого удалялись, стали быстро приближаться къ нему. Вскорѣ показались быстро несущіяся толпы ребяташекъ и тѣхъ изъ взрослыхъ, которые не принимали дѣятельнаго участія въ битвѣ и лишь бѣжали да кричали. Непосредственно за ними, въ облакахъ пыли, пронеслись самые бойцы—«верховые», а за ними «низовые». Огромный Ефимъ Бугоръ быстрѣе вѣтра неся въ самомъ центрѣ, но его настигали и били сзади. Ермаковъ замѣтилъ особенно того молодого казака, котораго въ началѣ схватки сшибъ Бугоръ: онъ положительно насѣдалъ на Бугра, убѣгавшаго безъ оглядки и словно не чувствовавшаго ударовъ. Разъ только Бугоръ попробовалъ остановиться, гикнулъ, сцѣпился съ кѣмъ то, но его тотчасъ же схватили челоуѣкъ шесть, и гулкіе удары по его спинѣ и бокамъ огласили улицу. Нѣсколько «верховыхъ» бойцовъ кинулись ему на выручку, но сила была на сторонѣ «низовыхъ»: массой нахлынули они на эту горсть и погнали дальше. Бугоръ всетаки успѣлъ вырваться. Длинные волосы его развѣвались по вѣтру, какъ львиная грива, и вся фигура его, огромная, стройная, красивая своей силой, напоминала царственное животное.

На слѣдующемъ перекресткѣ «низовые» остановили свое преслѣдованіе и стали отступать. Послѣ неистоваго крика оживленный, торопливый говоръ поражалъ сравнительною тишиной. Усталые бойцы, тяжело дыша, безъ фуражекъ, нѣкоторые съ засученными рукавами и разорванными рубахами, шли назадъ, дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями. Хвалили большею частью противниковъ или товарищей по бою, о себѣ лично никто не упоминалъ: это было не принято и считалось признакомъ дурного тона...

— Ну, дядя Трофимычъ, благодарю! ты меня выручилъ,—говорилъ рыжій казакъ старику Трофимычу, который былъ уже опять въ своемъ дубленомъ тулупѣ:—кабы не ты, ну наклали бы они мнѣ по первое число!

— И ты Бугра славно огрѣлъ... у, хорошо!—одобрительно воскликнулъ Трофимычъ.

— Ну да и онъ, проклятый, цапнулъ меня вотъ въ это мѣсто! Какъ, все равно, колобашка какая сидитъ тутъ теперь...

— Я бѣгу и думаю: ну, пропаль!—торопливо и громко говорилъ молодой атаманецъ въ разорванной рубахѣ, озлобленный противникъ Бугра: — глядь, Нефедушка нашъ... Стой, наша!

Съ полчаса шли оживленные разговоры. Казачата выступали опять далеко за линію и вызывали бойцовъ отъ «верховыхъ».

— Начинать!—несся громкій вызовъ съ одной стороны.

— Начинать!—отвѣчали съ другой.

Нѣсколько разъ такъ переключались, но близко другъ къ другу не подходили; видно было, что у уставшихъ бойцовъ пропала охота продолжать сраженіе. И поздно уже было.

— По домамъ!—крикнулъ кто-то въ лагерѣ «низовыхъ».

— По домамъ! — подхватили звонко ребятишки, пронзительно свистя, визжа и крича.

— «Какъ я шель-прошелъ изъ неволюшки»,—началъ чистый, звонкій баритонъ въ толпѣ казаковъ.

«Съ чужедальной я со сторонушки», — подхватили одинъ за другимъ нѣсколько голосовъ, и пѣсня помаленьку занялась, полилась и наполнила воздухъ. Зазвенѣли женскіе голоса. Ребятишки продолжали свистѣть, гикать, кричать, но ихъ крикъ не нарушалъ гармоніи громкой пѣсни и тонулъ въ ней слабымъ диссонансомъ.

Толпа колыхнулась и тихо двинулась за пѣсенниками, разговаривая, смѣясь и толкаясь. Смѣшавшись съ этой толпой, пошелъ и Ермаковъ вмѣстѣ съ своей односумкой. Кругомъ него молодые казаки безцеременно заигрывали съ казачками: обнимались, шептались съ ними, толкались, иногда схвативши поперекъ и поднявши на рукахъ, дѣлали видъ, что хотятъ унести ихъ изъ толпы; казачки отбивались, визжали, громко били ладонями по широкимъ спинамъ своихъ кавалеровъ и все-таки, видимо, ничего не имѣли противъ ихъ слишкомъ вольныхъ любезностей. Раза два тотъ самый молодой атаманецъ, которымъ Ермаковъ любовался во время кулачнаго боя, проходя мимо, дернулъ за руку и его односумку. — «Да ну тебя! холера!» — вырывая руку, оба раза со смѣхомъ крикнула ему Наталья. Ермакову стало вдругъ грустно въ этой шумной, веселой, беззаботной толпѣ... Онъ почувствовалъ себя здѣсь чужимъ, неумѣлымъ и ненужнымъ... Онъ съ завистью смотрѣлъ на казаковъ, на ихъ непринужденное, вольное, грубоватое обращеніе съ этими молодыми, красивыми женщинами, близость которыхъ возбуждала въ немъ самое смутное и сладкое волненіе... Онъ чувствовалъ постоянное прикосновеніе плеча своей односумки, запахъ ея духовъ, шелестъ платья, съ удовольствіемъ слушалъ ея голосъ, мягкій и тихій, нѣсколько таинственный, словно она старалась сказать что нибудь по секрету. И неясный трепетъ замиранія проникалъ иногда въ его сердце... Но въ то же время онъ ясно сознавалъ, что не могъ бы, при всемъ своемъ желаніи, дѣлать, какъ они, эта окружающая его молодежь, что онъ былъ бы смѣшонъ и неуклюжъ, рѣшившись на такое свободное, непринужденное обращеніе... Онъ не зналъ даже, о чемъ теперь заговорить съ своей односумкой, и молчалъ. Изрѣдка Наталья быстро взгля-

дывала на него вбокъ, и ему казалось, что взглядъ ея блещетъ насмѣшливой, вызывающею веселостью.

— Завидую я тебѣ, односумы!—говорила она.

— Почему?—спросилъ Ермаковъ.

— Да такъ! свободный ты человѣкъ: куда захочешь—пойдешь, запрету нѣтъ, своя воля...

— Некуда идти-то, — сказалъ онъ, слегка вздохнувши и, немного помолчавъ, прибавилъ:

— А я тебѣ, наоборотъ, завидую...

— Да въ чемъ?

— А въ томъ, что ты вотъ здѣсь не чужая, своя, а я какъ иностранецъ... Я родину потерялъ!—съ глубокой грустью вдругъ прибавилъ онъ.

— Ну, не горюй! — не совсѣмъ понимая его, но сочувствуя, сказала она: — поживешь, обвыкнешь, всѣмъ станешь свой, родненькій...

И затѣмъ, наклонившись къ нему близко-близко и шаловливо-ласково заглядывая ему въ глаза, тихонько прибавила:

— Небось такую сударку подцѣпишь...

У него на мгновеніе захватило духъ отъ этой неожиданной, смѣлой близости; сердце громко и часто забилося, знойно вспыхнула кровь... Онъ едва удержался, чтобы не обнять ее, а она засмѣялась тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ и отвернулась.

— Однако домъ вашъ вотъ,—продолжала она уже обыкновеннымъ своимъ голосомъ:—а мнѣ вонъ въ эту сторону надо идти. Жалко улицу бросать, а нечего дѣлать... Прощай! И такъ знаю, что свекровь будетъ ругать: злая да ненавистная!

Ермаковъ пожалъ ея протянутую руку и, послѣ сильнаго колебанія, тихо и смущенно спросилъ:

— Развѣ ужъ проводить?..

Голосъ его сталъ вдругъ неровенъ и почти замиралъ отъ волненія.

— Нѣтъ, не надо, — шопотомъ отвѣчала Наталья, и отъ этого шопота его вдругъ охватила нервная дрожь.

— Боюсь...—продолжала она, пристально глядя на него:— народъ тутъ у насъ такой хитрый... узнаютъ!..

Но блестящій, вызывающій взглядъ ея глазъ смѣялся и неотразимо манилъ къ себѣ.

— Если бы я свободная была,—съ красивою грустью прибавила она и вздохнула. Потомъ лукаво улыбнулась, видя, что онъ упорно, хотя и робко, смотритъ на нее исподлобья влюбленными глазами, и тихо прибавила, не глядя на него:

— Послѣ, можетъ быть, какъ-нибудь поговоримъ... А теперь прощай!...

И она побѣжала легкой и быстрой побѣжкой вслѣдъ за небольшой толпой, которая отдѣлилась и пошла переулкомъ на другую улицу. Ермаковъ видѣлъ, какъ она на бѣгу поправила свой платокъ и скоро смѣшалась съ толпой, изъ которой слышался громкій говоръ и смѣхъ.

Онъ остался одинъ среди улицы.

Неясныя чувства, какъ волны, охватили его и погрузили въ свою туманную глубь. Что-то радостное и грустное вмѣстѣ, неясное, неопредѣленное, смутное, но молодое и свѣтлое, занималось у него въ груди... Онъ улыбался, глядя въ небо, усыянное звѣздами, и хотѣлъ плавать, самъ не зная о чемъ...

Станица уже спала. Тишину ея нарушали лишь удалявшіеся звуки пѣсни и говора толпы. Пѣсня, доносившаяся издали, казалась задумчивѣе и стройнѣе; звуки смягчались въ нѣжномъ, молодомъ воздухѣ весны, расплывались кругомъ и тихо замирали въ неизвѣстной дали.

Ермаковъ вслушивался въ пѣсню, различалъ отдѣльные голоса и переносился мыслью туда, къ этимъ пѣвцамъ, въ тѣсно сбившуюся толпу съ ея беззаботнымъ смѣхомъ, говоромъ, толкотнею, свистомъ и возбуждающимъ попитомъ. Онъ искренно завидовалъ имъ... И грустно ему было, что онъ сталъ чуждъ имъ всѣмъ и стоитъ теперь одиноко, глядя въ глубокій, неясный сумракъ звѣзднаго неба...

Но эта грусть была легка и сладостна... Смутная надежда на какое-то грядущее, невѣдомое счастье подымалась въ его груди; чей то красивый, очаровательный образъ мелькалъ въ воображеніи и манилъ къ себѣ; въ таинственной, душистой мглѣ ночи чей-то робкій шопотъ слышался ему...

Онъ долго стоялъ, размягченный, задумчивый, глядя на роящіяся и мерцающія въ бездонной глубинѣ неба звѣзды, думая объ этомъ небѣ и о своей жизни, о туманномъ, далекомъ городѣ, объ односумкѣ и о родинѣ...

IV.

Время шло. Неторопливо убѣгалъ день за днемъ, и незаметно прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Ермаковъ помаленьку весь погрузился въ станичную жизнь съ ея заботами, радостями и горемъ. Онъ приобрѣлъ значительную популярность среди своихъ станичниковъ «по юридической части»,—какъ мастеръ писать прошенія и давать совѣты. Клиентовъ у него было очень много. Съ иными онъ не отказывался «раздѣлить время» за бутылкой вина, умѣлъ послушать откровенныя изліянія подвыпившаго собесѣдника, который принимался пространно рассказывать ему о своихъ семейныхъ невзгодахъ; любилъ старин-

ныя казачкія пѣсни, нерѣдко и самъ подтягивалъ въ пьяной, разгулявшейся компаніи; аккуратно бывалъ на всѣхъ станичныхъ сборахъ, въ станичномъ судѣ и въ станичномъ правленіи (отецъ его былъ атаманомъ). И виѣшній видъ сталъ у него совсѣмъ почти казачкій: волосы обстригъ въ кружокъ, фуражку надѣвалъ на бекрень, носилъ короткій китель, широкія шаровары и высокіе сапоги; въ довершеніе всего—загорѣлъ «какъ арапъ». Много стариковъ и молодыхъ казаковъ стали ему большими пріятелями и нерѣдко даже твердили ему: «желательно бы намъ поглядѣть васъ въ аполетахъ». Къ немалому своему удивленію и удовольствію, Ермаковъ чувствовалъ теперь себя въ станицѣ почти своимъ человѣкомъ и искренне радовался этому.

Подѣлили луга; наступилъ покосъ; кончились веселыя игры—«веснянки». Свою односумку Наталью Ермаковъ могъ видѣть лишь изрѣдка, больше по праздникамъ. Короткія, почти мимолетныя встрѣчи, веселые, свободные и фамиліярные разговоры мимоходомъ, съ недомолвками или неясными намеками, имѣли въ глазахъ его необыкновенную привлекательность и сдѣлали свое дѣло: онъ, какъ влюбленный, почти постоянно сталъ думать и мечтать о своей односумкѣ. Красивая, стройная фигура ея, противъ его воли, часто всплывала передъ его мысленнымъ взоромъ и манила къ себѣ своей невѣдомой ему, оригинальной, очаровательной прелестью... И сладкая грусть, смутное, тревожное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, но заманчиваго и увлекательнаго, томили его по временамъ, въ часы одиночества и бездѣйствія.

Какъ то въ будни онъ зашелъ отъ скуки въ станичное правленіе. Безлюдно и тихо было тамъ (лѣтомъ, въ рабочее время, дѣла сосредоточиваются исключительно по праздникамъ). Въ «судейской» комнатѣ, на длинныхъ скамьяхъ, въ углу, спалъ старикъ Семенычъ, соединявшій лѣтомъ въ своей особѣ и полицейскаго, и огневщика, и старосту, т. е. старшаго сторожа правленія, въ завѣдываніи котораго находились: архивъ, лампы, углеродъ для истребленія сусликовъ и прочій инвентарь. Въ канцеляріи атамана дремалъ у денежнаго сундука часовой. Изъ комнаты писарей доносился тихій, лѣнивый говоръ.

— Она была родомъ изъ прусскихъ полячекъ,—слышался голосъ:—хорошая дѣвчонка была, бѣленькая, нѣжная, ласкавая такая... Что-жъ ты думаешь? вѣдь я чуть на ней не женился!.. Люціей звали...

Ермаковъ по голосу узналъ рассказчика, военного писаря Антона Курносова, и вошелъ въ «писарскую» комнату. Въ ней находилось только два лица: военный писарь Курносовъ и «гражданскій» писарь Артемъ Сыроватый, бывшій когда-то товарищемъ Ермакова по гимназіи, но «убоявшійся бездны

премудрости». Это были люди молодые, веселые, не дураки выпить и любители прекрасного пола, хотя были оба женаты и имѣли уже дѣтей.

Ермаковъ поздоровался съ ними и присѣлъ къ столу, взявши послѣдній номеръ мѣстной газеты.

— О чемъ вы рассказывали?—спросилъ онъ у Курносова, видя, что тотъ не рѣшается продолжать прерванный разговоръ.

— Да про дѣвченку про одну,—ухмыляясь отвѣтилъ Курносовъ и, нѣсколько смутившись, устремилъ вдругъ внимательный взоръ на одинъ изъ списковъ, лежавшихъ передъ нимъ на столѣ.

— Какъ онъ въ Польшѣ проникалъ на счетъ бабьяго полу,—прибавилъ Артемъ Сыроватый, крутя папиросу:—заразительный человѣкъ насчетъ любви—этотъ Антонъ!

— Ну и ты, братъ, тоже... теплый малый,—возразилъ не безъ самодовольства «заразительный человѣкъ».

— Я-то ничего! Я помаду да монпасе не покупаю...

— Бреши, братъ, больше! Все равно заборы осаживаешь...

Артемъ Сыроватый залился вдругъ хрипящимъ смѣхомъ и закрутилъ головой. Курносовъ обидѣлся и, низко наклонившись, началъ усердно выводить фамиліи въ арматурныхъ спискахъ.

Пріятели часто пикировались другъ съ другомъ—отъ скуки, но это не нарушало ихъ добрыхъ отношеній.

Наступила пауза. Было слышно только, какъ мухи съ однообразнымъ жужжаніемъ бились на окнѣ. Сквозь дыру трехцвѣтнаго національнаго флага, которымъ было завѣшено окно, билъ горячій снопъ солнечныхъ лучей и яркимъ пятномъ игралъ на пыльномъ, темномъ полу. Было томительно и скучно.

— Что новенькаго у васъ?—спросилъ Ермаковъ, прерывая молчаніе.

— Новенькаго?—подхватилъ Сыроватый, по лицу котораго было видно, что онъ готовъ опять прыснуть со смѣху:—новенькаго ждемъ, пока все старое... Впрочемъ есть: говорить, одной жалмѣркѣ ворота вымазали дегтемъ!

— Какой-же?

— Нечаевой Натальѣ... Хорошая жалмѣрка!

Ермаковъ вдругъ смутился, самъ не зная отъ чего, и погрузился на нѣкоторое время въ газету. Образъ его красавицы-односумки, такой гордой и, какъ ему казалось, недосигаемой, и вдругъ ворота, вымазанныя дегтемъ,—это такъ не мирилось одно съ другимъ въ его душѣ, такъ было неожиданно, странно и маловероятно, что онъ не зналъ, что думать...

— Деготь, конечно, матеріалъ дешевый,—продолжалъ Сы-

роватый, принимая вдругъ разсудительный и серьезный тонъ:—лей, сколько влѣзетъ. Только поганый этотъ обычай у насъ, считаю я: какъ побранились бабы между собой или замѣтили за какой провинку, сейчасъ ворота мазать... А напрасно!

— Да, народъ нынѣ скандальный сталъ,—прибавилъ Курносовъ, отрываясь отъ своихъ списковъ,—ну, однако...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ!—возразилъ Сыроватый:—развѣ Наталья роскошной жизни баба?

— А ты думаешь, она за всѣ три года такъ и держится?

Сыроватый пристально посмотрѣлъ на своего пріятеля сбоку и, поколебленный его полнымъ убѣжденіемъ тономъ, спросилъ недоувѣрчиво:

— На кого же говорить?

— На кого—это вопросъ особый... Спроси вонъ атаманца Стрѣлкова,—на часахъ вонъ онъ стоитъ.

— Неужели онъ?—понижая голосъ до шепота и широко раскрывая глаза и ротъ отъ удивленія, спросилъ Сыроватый.

Курносовъ, вмѣсто отвѣта, громко крикнулъ:

— Стрѣлковъ!

— Чего изволите, господа писаря?—отозвался лѣнивый голосъ изъ атаманской канцеляріи.

— Шагай сюда!

— Чего изволите?—остановившихъ въ дверяхъ, сказалъ Стрѣлковъ.

Ермаковъ съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ его молодецкую фигуру. Загорѣлое, смуглое лицо казака съ тонкими красивыми чертами, съ черными наивными глазами глядѣло открыто и добродушно; сдвинутая на затылокъ голубая фуражка, изъ подъ которой выбивались кудрявые, густые волосы, придавали ему оттѣнокъ безпечности, лѣни и вмѣстѣ самой горячей удалы. Неуклюже спитая, широкая гимнастическая рубаша изъ грубой парусины, перехваченная чернымъ ремнемъ, не портила его стройной фигуры съ высокою грудью и лежала красивыми складками. Ермаковъ вспомнилъ, что онъ любовался этимъ атаманцемъ въ кулачномъ бою—на Троицынъ день.

— Стрѣлковъ, говори какъ на духу,—началъ Антонъ Курносовъ, изображая собою нѣкоторымъ образомъ начальство:—кто у Натальи Нечаевой ворота мазалъ?

Стрѣлковъ удивленно поднялъ брови, потомъ широко улыбнулся, показавъ свой ровные, бѣлые зубы, и весело отвѣтилъ:

— Не могу знать!

— Бреешь!

— Никакъ нѣтъ, не брешу...

— Побожись дѣтьми!

— Хоть подъ присягу сейчасъ, истинное слово—не знаю!

— Да вѣдь ты къ ней ходилъ?

— Никакъ нѣтъ... Это вы напрасно!

— Толкуй!

— Ей Богу, напрасно! Говорить все можно, а грѣшить нельзя... Я бы запирались не сталъ, ежели бы что было. Чего не было, то не было, и похвалиться нечѣмъ...

— А помнишь, на Егорія-то мы съ тобой шли?

Стрѣлковъ нѣсколько смутился.

— Ну что же такое?—обращаясь больше къ Ермакову и Сыроватому, началъ онъ оправдываться:—по пьяному дѣлу... Шли мы, дѣйствительно, съ нимъ ночью, и вздумалось мнѣ шибнуть комкомъ земли къ нимъ на дворъ (она иной разъ на дворѣ спитъ, въ арбѣ). Ну и шибнулъ... Попалъ—точно—въ арбу, да только въ ту пору не она тамъ спала-то, а свекоръ ея съ своей старухой. Какъ шумнеть! Ну мы съ Антономъ Тимофеевичемъ тутъ, дѣйствительно, летѣли!.. гдѣ—на лошади, машина бы и то, думаю, не догнала!

— А смѣлый малый этотъ Антонъ!—сказалъ Сыроватый, искоса поглядывая на своего коллегу. «Смѣлый малый» лишь сердито повелъ носомъ въ сторону остряка, но ничего не возразилъ.

— Крутиться-то я крутился около ней,—продолжалъ неторопливо Стрѣлковъ, помолчавши съ минуту;—это грѣха нечего таить... да не выходило дѣло!

— А славная бабенка!—съ восхищеннымъ видомъ тонкаго знатока отозвался Сыроватый.

— Баба, дѣйствительно, куда!—согласился Стрѣлковъ:—у насъ супротивъ нее немного найдется...

— Да неужели-же она за всѣ три года такъ-таки и держалась? Ни въ жизнь не повѣрю!—воскликнулъ Антонъ Курносоевъ голосомъ, полнымъ глубочайшаго сомнѣнія и недо-вѣрія.

Стрѣлковъ пожалъ плечами. Не отвергая законности сомнѣнія, онъ однако сказалъ тономъ защиты:

— Не могу знать! Только народъ-то у насъ какой? Языч-ники! Ежели кого не оговорятъ, не они и будутъ! Брешутъ, какъ собаки! Есть охотники такіе: мужу расписали про нее разныя неподобныя, а онъ оттолъ письмами ее бандируетъ. Въ семьѣ черезъ это разстройство... Тутъ свекровь донимаетъ: такая поганая старушенка, что бѣда!..

Изъ судейской комнаты донеслись звуки шаговъ. Стрѣлковъ вдругъ быстро повернулся, проворно поправилъ пашку и отбѣжалъ на свое мѣсто, къ денежному сундуку. Писаря принялись старательно за свои списки. Водворилась полная тишина. Вошелъ атаманъ въ свою канцелярію и, погромѣвши многочисленными ключами, бывшими у него въ карманѣ

перъ шкафы. Ермакову изъ комнаты писарей слышно было, какъ онъ перекидывался короткими фразами съ Стрѣлковымъ.

— Ну что, братецъ, какъ дѣла?—спрашивалъ атаманъ.

— Ничего, вашбродь!—бойко, по-военному, отвѣчалъ Стрѣлковъ.

— Жарко?

— Такъ точно, вашбродь!

— Ты обѣдалъ?

— Никакъ нѣтъ, вашбродь! Ишшо рано...

Ермаковъ ушелъ домой. Не весело ему было. Горькія сомнѣнія, противъ его воли, заползли и въ его душу, и потускнѣлъ въ его воображеніи очаровательный образъ красивой односумки... Мелкое, ревнивое чувство досады внушало ему разные дурныя мысли о Натальѣ. Онъ испустилъ даже вздохъ сожалѣнія объ ея «обманутомъ» мужѣ... Но потомъ, слегка успокоившись и безпристрастно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ и надъ самимъ собой горькимъ смѣхомъ посмѣялся...

V.

— А я съ горемъ къ тебѣ, односумъ...

Съ такими словами обратилась къ Ермакову Наталья, спустя недѣли три послѣ разговора, слышаннаго имъ въ станичномъ правленіи.

Быль праздничный, жаркій, скучный день. Стояла самая горячая рабочая пора. Станица опустѣла, почти все населеніе ея перекочевало въ степь, въ поля. Безлюдно и тихо было на улицахъ. На загорѣлыхъ, потемнѣвшихъ лицахъ рѣдкихъ прохожихъ лежало глубокое утомленіе. Скучно... Изрѣдка лишь пьяный мужичекъ, поставившій весь свой заработокъ ребромъ, для развлечения малочисленной праздной публики проковыляетъ по улицѣ, разсуждая руками и гаркая по временамъ отрывки какой-то непонятной пѣсни. Промчится верхомъ казакъ «съ бумагами»; чиновникъ проѣдетъ на тройкѣ съ колокольчиками. И затѣмъ все снова погружается въ тишину и вялый сонъ... Зной недвижно виситъ надъ истомленной землей; синее, яркое небо играетъ своею глубокой лазурью... И тишина мертвая кругомъ...

— Съ какимъ же горемъ? — спросилъ Ермаковъ у своей односумки, когда она сѣла около него на крыльцѣ, закрытомъ тѣнью ясеня и дикаго винограда.

Онъ за все это время ниразу не встрѣчалъ Наталью, и рѣзкая переменна въ ней бросилась ему въ глаза. На лицѣ ея, загорѣвшемъ и слегка осунувшемся, обозначилась какая-то горькая складка глубокой грусти и сердечной боли. Усталое

выраженіе какого-то тупого равнодушія и полного безучастія ко всему смѣнило прежнюю веселую, задорную живость и на-смѣшливую кокетливость...

— Вотъ на-ка, почитай,—доставши изъ кармана сложенные втрое нѣсколько листовъ почтовой бумаги, тихо, почти шепотомъ сказала она.

— Отъ мужа?—спросилъ Ермаковъ.

— Да читай, тамъ увидишь, — съ нервнымъ нетерпѣніемъ проговорила она: — отъ кого же, какъ не отъ мужа? Не отъ друга же!..

Онъ искося, быстро взглянулъ на нее и встрѣтилъ ея почти враждебный взглядъ изъ-подъ сердито-нахмурившихся бровей.

— Прочитаемъ,—неторопливо и съ комическою важностью произнесъ онъ, развертывая листки, исписанные крупнымъ и довольно красивымъ почеркомъ.

«Дорогіе мои родители, батюня Никита Степановичъ, а равно мамуня Марина Петровна!—началь Ермаковъ въ полголоса и съ разстановкой:— Съ полученіемъ отъ васъ пріятнаго письмаца, которое было пущено 5-го Іюня и изъ котораго я увидѣлъ ваше полное здравіе и благополучіе, — я благодарю Господа за сохраненіе вашей жизни и, припадая къ стопамъ ногъ вашихъ, прошу я на себя вашего родительскаго прощенія и благословенія, которое будетъ существовать по гробъ моей жизни во вѣки нерушимо. Я, по милости Господа Бога, нахожусь живъ и совершенно здоровъ и во всемъ благополученъ. Затѣмъ, милые родители, примите отъ меня по низкому и по усердному поклону. Премного-милый сестрицѣ Ольгунѣ низкій поклонъ посылаю и заочно цѣлую 1000 разъ. Безумной моей супругѣ—огонь неуголимый! Слышу я, дорогіе мои родители, дурныя вѣсти объ ней, доходятъ до меня письма, отъ которыхъ стыдно мнѣ глядѣть на бѣлый свѣтъ, и товарищи надо мной смѣются. Какъ я уже ей писалъ разъ нѣсколько и ничего не дѣйствуетъ, то теперь вамъ напишу про свое неудовольствіе, хотите — обижайтесь, хотите — нѣтъ, и прошу васъ, дорогіе родители, прочитать со вниманіемъ главу 8-ю»...

Дальше крупно и отчетливо выведено было: «Глава 8-я».

— Почему же осьмая? а гдѣ предыдущія семь главъ? — спросилъ, остановившись на минутку, Ермаковъ, но, не получивъ отвѣта и самъ не придя ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ, приступилъ къ чтенію «осьмой главы».

«Дорогіе мои родители, батюня и мамуня!»—такъ начиналась «осьмая глава»: — «Росъ у васъ въ саду молодой купырикъ, на который сердце ваше радовалось; черезъ нѣсколько лѣтъ поправился вамъ въ чужомъ саду другой купырикъ, и вы купили его, такъ какъ рассчитывали, что онъ будетъ при-

носить вамъ плоды... Но прошло еще нѣсколько лѣтъ, и родной вашъ купырикъ, съ котораго вы надѣялись снимать плоды, невольно у васъ отобрали — самый источникъ вашей жизни... И не хотѣлось вамъ отдавать его этому садовщику, — въ чужую сторону, на царскую службу, — но онъ брать не на долгое время, только на три года съ лишнимъ; когда у васъ брали вашу дорогую садовинку, горько было вамъ отдавать ее, но дѣлать нечего, такъ что сердца ваши обливались кровью... И взяли ту садовинку невольно и посадили въ глушь старыхъ деревьевъ; когда была она у васъ, то расцвѣтала, но теперь не только не расцвѣтаетъ, но едва листья пускаетъ... А то деревцо купленное, которое у васъ осталось, то вы за ней ухаживаете, и она у васъ расцвѣтаетъ, но плода очень мало произносить, потому что сосѣди снимаютъ... Не надо бы такъ хорошо за тѣмъ деревомъ ухаживать, простору ему давать, а надо бы пересадить его въ глушь старыхъ деревьевъ, чтобы оно не могло расцвѣтать. Это я виню садовниковъ, то есть васъ, а то собственно черезъ это дерево и скорбитъ то дерево, которое отобрали у васъ. А собственно почему? Потому что, когда вырывали отобранное дерево, то корни остались тамъ, и оно изъ нихъ вытягиваетъ сокъ; и еще летать листья, такъ что падаютъ — который на голову, который — на сердце. который — на глаза; который падаетъ на голову, то голова болитъ, который — на сердце, то сердце ноетъ, который — на глаза, то не вижу свѣта бѣлаго! Такъ, прошу васъ сдѣлать иначе: пересадить ее въ глушь старыхъ деревьевъ, чтобы они заглушили ее, потому что для васъ будетъ легче и для этого дерева: сейчасъ оно на хорошемъ мѣстѣ и хорошо расцвѣтаетъ, а когда назадъ отдадутъ ваше дерево занужденное, и вы посадите возлѣ этого дерева, то тогда я сдѣлаю такъ, что совсѣмъ оно можетъ засохнуть и не будетъ приносить вамъ плода... Цвѣти, цвѣти, пока морозу нѣтъ, но морозъ придетъ — и цвѣтъ опадетъ! Подлинно расписываюсь казакъ Петръ Нечаевъ».

Прочитавши письмо, Ермаковъ не зналъ, что сказать. Наталья не глядѣла на него, но онъ чувствовалъ, что она ждетъ услышать отъ него что нибудь по поводу прочитаннаго: за этимъ она и пришла, конечно... Онъ медленно сложилъ письмо такъ, какъ оно было раньше сложено, старательно разгладилъ смятые листки на колѣнѣхъ, вздохнулъ и сочувственно произнесъ:

— Да-а...

Потомъ, сообразивши, что такое выраженіе сочувствія не особенно дѣнно, онъ смутился и торопливо спросилъ:

— Давно прислалъ?

— Да съ недѣлю будетъ, — заговорила Наталья какимъ-то сдавленнымъ голосомъ: — отецъ прочелъ и положилъ въ святцы.

Спрашиваю: чего пишешь? — а онъ мнѣ: пооди ты къ черту, такая-сякая! И все это время пряталъ святцы въ сундукъ, да ужъ нынче какъ то забылъ на столѣ. Я вынула и прочла. Назадъ не положила, все одно — отвѣчать.

Она нахмурилась, отвернулась, сморщила глаза, какъ будто отъ яркаго свѣта, но непослушныя, съ трудомъ сдерживаемыя слезинки чуть замѣтно заблестѣли на нихъ.

Въ усталомъ, казавшемся равнодушнымъ и спокойнымъ тонѣ ея медленной рѣчи слышалась горькая и безнадежная тоска. Ермаковъ видѣлъ, что она не столько испугана, сколько глубоко оскорблена и озлоблена этимъ письмомъ, и ему жалко стало ее. Но онъ не зналъ, чѣмъ ее успокоить и утѣшить.

— Опять, вѣроятно, кто нибудь написалъ, — уныло проговорилъ онъ послѣ долгаго безмолвія.

— Не иначе, — подтвердила она: — да я знаю, кто это старается! Онъ ко мнѣ подкатывалъ, рябой дьяволъ, да я утерла его хорошенько... Вотъ онъ теперь, по ненависти, и норовить не тѣмъ, такъ другимъ допечь...

Она злобно вдругъ сжала зубы и правая щека ея нервно задрожала.

— Кабы захотѣла, одно слово бы сказала — и всему конецъ! — глухимъ и осиплымъ голосомъ заговорила она: — ну не буду съ нивкостію съ такою связываться... тѣфу! Пускай онъ вѣрить, пускай грозить... небось не загрозить! Дурное видѣли, хорошее увидимъ нѣтъ-ли — Богъ знаетъ, а какъ чему быть, такъ и быть! Одной смерти не миновать стать...

Она низко наклонила впередъ голову, и долго сдерживаемыя, горячія слезы, — слезы горькой обиды и озлобленія, вдругъ быстро и дружно закатали на ея бѣлый, вышитый передникъ. Ермаковъ совсѣмъ растерялся и положительно не зналъ, что дѣлать, что сказать ей въ утѣшеніе.

— Я напишу ему, чтобы не вѣрилъ этимъ пустякамъ, — началъ онъ, наконецъ, — меня онъ послушаетъ, навѣрно: мы пріатели съ нимъ были...

Она ничего на это не сказала, лишь махнула рукой, не поднимая головы.

— А сокрушаться особенно нечего изъ-за такихъ пустяковъ, продолжалъ онъ уже бодрѣе и увѣреннѣе: — напишу и — дѣло въ шляпѣ! ничего не будетъ...

— Не надо' чертъ съ нимъ, пускай думаетъ... — проговорила она сквозь слезы.

— Зачѣмъ же? Вѣдь ему и самому тоже было бы легче, если бы онъ увѣренъ былъ, что все это неправда... Я знаю: онъ радъ будетъ, когда получить мое письмо...

— Да ты завѣришь? — спросила она съ загорѣвшимися

вдругъ глазами и страннымъ, грубымъ, почти озлобленнымъ голосомъ.

— Что «завѣришь»?—не понимая, спросилъ Ермаковъ.

— Ты завѣришь, что за мной нѣтъ этого... ничего такого?

Онъ посмотрѣлъ на нее удивленными глазами. Когда онъ понялъ, что хотѣла она сказать, сердце его какъ то болѣзненно сжалось. Ему вдругъ и досадно на нее стало, и горько, и еще больше жалко ее: очевидно было, что не легкое бремя лежитъ на ея совѣсти и мучить ее.

— Отчего же не завѣрить?—сказалъ онъ, наконецъ, спокойно и просто, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ.

— Эхъ, ты, односумъ!—сказала она, усмѣхнувшись горькой и снисходительной усмѣшкой, и потомъ грустно прибавила:—хорошая совѣсть у тебя, простая...

Она отерла слезы концомъ передника и глубоко задумалась.

— Ну, ежели хочешь, пиши,—заговорила она послѣ продолжительнаго молчанія: — а то и брось... Я не затѣмъ пришла, чтобы просить объ этомъ, а такъ... даже ужъ горе за сердце взяло! Думаю: пойду хоть поговорю съ кѣмъ-нибудь, авось полегче станетъ... Вотъ къ тебѣ и пришла...

Она остановилась, глядя на него дружелюбно и довѣрчиво, какъ ребенокъ.

— Вотъ и спасибо,—сказалъ онъ весело и съ небольшимъ смущеніемъ.

— И-и, милый мой односумъ, голубчикъ! — воскликнула она вдругъ съ страстнымъ порывомъ, схвативъ его за руку обѣими руками и заплакавши опять: — только не смѣйся надо мной, а ты мнѣ всѣхъ роднѣй сталь... Ты меня жалѣешь... Журить-бранить есть кому, а пожалѣть никто не пожалѣетъ...

Что-то глубоко-трогательное и жалостное было въ ея склоненной, плачущей фигурѣ. Ермаковъ почувствовалъ, какъ громко застучало и заняло сладкой болью его сердце.

— Напишу, напишу, голубушка! — говорилъ онъ нѣжно, отеческимъ тономъ, съ любовью глядя на нее:—это все пустое, перемелется мука будетъ... головы тебѣ онъ не снесетъ — во всякомъ случаѣ.

— Пускай голову снесетъ: мнѣ все равно!—проговорила она съ отчаяніемъ.

— Ну, нѣтъ!

— Я ему виновата, — заговорила она торопливо и сквозь слезы, не поднимая головы,—да онъ самъ причиненъ всему, онъ довелъ... Какъ началъ собирать всѣ эти неподобныя да письмами оттуда попрекать, да грозить... А самъ-то какой былъ? Горе взяло меня, сердце закипѣло! Коль такъ, и пускай будетъ такъ!..

поправимое,—успокоительно проговорилъ
ушѣ плохо вѣрилъ своимъ словамъ.

— Что? — продолжала она съ увлеченіемъ, словно
отчаяніемъ: — пускай! Лучше, не будетъ измы-
слимой... Сердце истосковалось! Иной разъ такъ
, заболитъ, что тошно на бѣлый свѣтъ глядѣть...
... плачешь...

— Напрасно... Наплакаться всегда успѣемъ! «Не горюй,
не тоскуй, моя раздупечка»... Знаешь пѣсню-то? — стараясь
быть развязнымъ, утѣшалъ ее Ермаковъ.

— То пѣсня,—съ грустной улыбкой промолвила Наталья,—
а тутъ—другая... День при днѣ ругаютъ да попрекаютъ све-
корь съ свекровью, изъ дому грозятъ выгнать... Ишь, не по-
коряюсь имъ, дескать, дюже роскошно, будто, веду сама себя...
А тамъ мужъ письмами притѣшаетъ... Хоть топись! Такая
ужъ, видно, доля моя безталанная!.. Вонъ односумки мои,
подруги—имъ житье! Гуляютъ себѣ—горя мало! «Лишь бы,—
говорятъ,—не промахнуться, не родить, а то все поплыветъ
подъ воду»... Ей-Богу, зависть беретъ, глядя на нихъ; а я...
эхъ!..

Она махнула безнадежно рукой и отвернулась. Но слезы
уже смыли ея тоску, облегчили бремя. Черезъ минуту она
точно встряхнулась, качнула задорно головой и, весело
блеснувъ глазами, заговорила:

— Такъ не тужить, говоришь?

— Не тужить,—подтвердилъ Ермаковъ, улыбаясь широко и
ободрительно. Прежняя односумка опять была передъ нимъ съ
своею загадочною улыбкой, съ веселымъ, манящимъ взглядомъ
карихъ глазъ.

— Ну, такъ и такъ!—уже совсѣмъ весело воскликнула она
и насмѣшливо прибавила:—теперь горе по боку, буду гулять!
Осенью мужъ придетъ, плетъ принесетъ, тогда ужъ не до
гульбы...

Она посидѣла съ Ермаковымъ еще немного, спокойно раз-
говаривая уже не о себѣ, а о самыхъ обыденныхъ вещахъ.
Наконецъ, встала и сказала, вздохнувши:

— Ну спасибо, односумчикъ мой миленькій! Все-таки утѣ-
шилъ, разговорилъ мало-мальски... А не быть мнѣ на воскре-
сѣ, чуетъ мое сердце! Ну, да все равно... Прощай...

Онъ проводилъ ее глазами, пока она скрылась за угломъ,
и задумался. Мысли беспокойныя и смутныя бродили въ его
головѣ; онъ не сумѣлъ бы высказать ихъ словами... Вспомнилъ
онъ почему-то свое дѣтство, то золотое время, когда онъ
вмѣстѣ съ Натальей бѣгалъ по улицамъ, игралъ въ кони и...
дрался; разъ, уже будучи во второмъ отдѣленіи приходскаго
училища, онъ былъ поставленъ на колѣнки за то, что навелъ

ей углемъ усы и брови... Какъ будто все это и недавно было...

VI.

Лунная ночь была мечтательно безмолвна и красива. Сонная улица тянулась и терялась въ тонкомъ, золотистомъ туманѣ. Бѣлыя стѣны хатъ на лунной сторонѣ казались мраморными и смутно синѣли въ черной тѣни. Небо, свѣтлое, глубокое, съ рѣдкими и не яркими звѣздами, широко раскинулось и обняло землю своей неясной синевою, на которой отчетливо вырисовывались купы неподвижныхъ вербъ и тополей.

Ермаковъ любилъ ходить по станицѣ въ такія ночи. Шагая по улицамъ изъ конца въ конецъ, въ своемъ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ, въ этомъ таинственномъ, серебристомъ свѣтѣ луны, онъ былъ похожъ издали на привидѣніе. Не колыхнеть вѣтерокъ, ни одинъ листъ не дрогнетъ. Нога неслышно ступаетъ по мягкой, пыльной дорогѣ или плавно шуршитъ по травѣ съ круглыми листочками, обильно растущей на всѣхъ станичныхъ улицахъ. Раскрытыя окошки хатъ блестятъ жидкимъ блескомъ на лунномъ свѣтѣ.

Одинокимъ чувствовалъ себя Ермаковъ среди этого соннаго безмолвія и... грустилъ, глядя на ясное небо, на кроткія звѣзды... Онъ подходилъ къ садамъ, откуда струился свѣжій, сыроватый воздухъ, гдѣ все было молчаливо и черно; сосредоточенно и жадно вслушивался въ эту тишину, стараясь уловить какіе нибудь звуки ночи и... одиноко мечталъ, мечталъ безъ конца. Куда не уносился онъ въ своихъ мечтахъ!

На сосѣдней улицѣ послышался стукъ ночныхъ караульщиковъ, или «обходчиковъ». Въ рабочее время въ обходъ бывають только старики да старухи. Ермаковъ любилъ иногда побесѣдовать съ какимъ нибудь дряхлымъ кавказскимъ героемъ или со старухой, державшей въ своей памяти подробную исторію станицы за послѣднее столѣтіе, не разъ, можетъ быть, самолично сражавшейся съ метелкой или кочергой въ рукахъ противъ ветеринаровъ, являвшихся истреблять зараженный чумою скотъ, противъ землемѣровъ, «рѣзавшихъ» лѣсъ, противъ атамановъ, особенно усердно взыскивавшихъ земскія деньги, и т. п.

Заслышавъ стукъ, Ермаковъ повернулъ по его направленію. Вдругъ до слуха его донеслись тихіе, нѣжные, робкіе звуки пѣсни, и онъ остановился отъ неожиданности, жадно и изумленно вслушиваясь въ нихъ. Пѣли два женскихъ голоса—контральто и сопрано—небезызвѣстную ему пѣсню:

Ужь вы, куры мои, кочеточки!
Не кричите рано съ вечера,
Не будите милаго дружка...

Мотивъ пѣсни былъ не богатый, какъ большая часть мотивовъ казачьихъ пѣсенъ, а ровный и грустный, но въ таинственной, прислушавшейся тишинѣ ночи, въ этомъ серебристомъ блескѣ луннаго свѣта, не громкіе, нѣсколько однообразные звуки пѣсни звенѣли нѣжною грустью, увлекательно и задумчиво, и манили къ себѣ съ какою то неотразимой силою, и заставляли дрожать самыя сокровенныя струны сердца...

Пѣвицы пѣли не спѣша, лѣнливо, съ большими паузами; запѣвало каждый разъ контральто, а сопрано было на «подголоскахъ». Наконецъ, одна особенно грустная, щемящая нота, долго звенѣвшая въ воздухѣ, упала, и пѣсня замерла окончательно.

— Не Наталья-ли это?—подумалъ Ермаковъ, опредѣляя на глазомѣръ разстояніе до пѣвицъ.

Онъ зналъ, что она жила на этой улицѣ, и часто ходилъ здѣсь ночью, хотя ни разу не встрѣчалъ и не видѣлъ ея за послѣднее время: она была почти постоянно въ полѣ. Держась въ тѣни, онъ не спѣша пошелъ къ пѣвицамъ. Ему очень хотѣлось встрѣтиться теперь съ своей односумкой; обаяніе ея, которое онъ раньше испыталъ, все еще не потеряло своей силы; онъ по прежнему изрѣдка грустилъ и вздыхалъ о ней, теряясь въ ревнивыхъ предположеніяхъ о томъ счастливцѣ, котораго обнимали ея сильныя руки и горячо цѣловали красивыя своей горькой усмѣшкой уста.

Но непонятное смущеніе невольно овладѣвало имъ. Онъ уже намѣревался остановиться, какъ вдругъ, недалеко отъ него, старушечій грубый голосъ окликнулъ его:

— Кто идетъ?

Ермаковъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности и, взглянувъ-шись, увидѣлъ небольшую, закутанную въ теплый платокъ фигурку, сидѣвшую въ тѣни, около сваленныхъ на улицѣ бревенъ. Фигурка сидѣла, не шевелясь, и ее можно было принять за пенъ.

— Кто идетъ?—повторила она свой окликъ.

— Казакъ,—отвѣтилъ Ермаковъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ способомъ.

— Почему такъ поздно?—сердито продолжала опросъ неподвижная фигурка.

— По своимъ дѣламъ.

— Какія дѣла по ночамъ? Спать надо! Кабы на мнѣ не обязанность, я бы теперь второй сонъ видѣла...

Когда Ермаковъ подошелъ ближе къ старухѣ и сталъ всматриваться въ ея сморщенное лицо съ крупными чертами, она, узнавши его, добродушно разсмѣялась и воскликнула:

— А я подумала, изъ портныхъ кто: они тутъ часто шлын-

даютъ съ русской улицы... Вы ужъ извиняйте меня старуху: по случаю ночи не угадала...

— Ты чья, бабушка?—спросилъ Ермаковъ.

— Савелія Микуличева, пастухова жена. Врядъ вы его знаете?

Располагая поболтать съ ней, Ермаковъ сѣлъ на бревнахъ около нея, очень довольный встрѣчей, и спросилъ:

— Ты съ кѣмъ въ обходѣ?

— А съ Наташкой,—отвѣчала старуха.

— Съ какой?

— Да вотъ, съ сосѣдкой своей, Нечаевой! Она за-разъ побѣгла домой—«напиться»,—говорить, да застряла чего-то...

— Это вы съ ней сейчасъ пѣсни пѣли?—быстро спросилъ Ермаковъ, съ особеннымъ интересомъ всматриваясь въ старуху.

— А гораздо слышно?—съ удивленіемъ воскликнула она:—ахъ ты, Господи... Я-то, я-то на старости лѣтъ, въ Спасовку, запѣсничивать вздумала!.. Это все она меня, будь она неладна... «Давай да давай сыграемъ, скуку разгонимъ, никто не услышитъ». Вотъ старая дура!..

— А хорошо пѣли! — съ искреннимъ восхищеніемъ отзывался Ермаковъ.

— Да!—недовѣрчиво и укоризненно подхватила старуха:—играли хорошо, а замолчали еще лучше... Мнѣ-то, старухѣ, ужъ вовсе не пристало въ постѣ пѣсни распѣвать... Все черезъ нее: скучно-дескать ей... Думаю: и въ правду тоскуетъ чего то баба, нудится...

— Отчего же?—спросилъ Ермаковъ, видя, что она какъ будто не договорила и остановилась.

— А кто жъ ее знаетъ! Можетъ напущено, а можетъ—такъ сердце болить объ чемъ...

— Какъ «напущено»?

— Какъ напущаютъ тоску-то?—съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ простотѣ и невѣдѣнію своего собесѣдника воскликнула старуха:—есть такіе знатники—злодѣи, чтобы имъ на томъ свѣтѣ въ огнѣ неутолимомъ горѣть!.. Исхудала наша баба, а по замѣчанію, не съ чего больше, какъ съ тоски... Скорбь такая бываетъ...

Старуха глубоко вздохнула, покряхтѣла и покачала сокрушенно головой.

— А то бываетъ и такъ,—продолжала она послѣ минутнаго молчанія:—промашку сдѣлаетъ ихняя сестра жалмѣрка *)... Не удержится, забалуется, заведетъ дружка, а тамъ-глядь—вотъ и прибавка... А ужъ это послѣднее дѣло: и передъ людьми

*) «Жалмѣрками» называются казачки, мужья которыхъ находятся въ полкахъ въ отлучкѣ.

срамота на весь вѣкъ, и мужъ истиранитъ до конца... Вотъ она и скорбь.

— Вотъ оно, вотъ,—подумалъ Ермаковъ, мысли котораго склонялись больше въ сторону послѣдняго предположенія.

— Замѣчаю я,—снова заговорила словоохотливая старуха:—стала ходить она къ Сизоворонкѣ, а энта вѣдь знахарка!.. Лѣчится, должно быть... мужъ, вѣдь, вотъ скоро придетъ изъ полка... А грѣхъ это, смертный грѣхъ! Все про желѣзныя капли меня тутъ разспрашивала да про семибратскую кровь... Жалко бабу, хорошая баба!..

Въ сосѣдномъ дворѣ стукнула калитка. Черезъ минуту Наталья въ темной кофточкѣ и въ бѣломъ платкѣ медленно подошла къ нимъ.

— Это ты съ кѣмъ, Артемьевна?—спросила она, наклоняясь въ сторону Ермакова и пристально всматриваясь въ его лицо.

— Это вы, односумъ?—воскликнула она съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но съ видимымъ удовольствіемъ:—какъ это вы къ намъ сюда попали, на нашу улицу?..

— Пѣсни услышалъ и пришелъ,—сказалъ Ермаковъ, внимательно присматриваясь къ ней,—какъ вы хорошо пѣли!

— Да неужели у васъ тамъ слышно?

— Я думаю, по всей станицѣ слышно...—пошутилъ онъ.

— Ну какъ же!—воскликнула она, недовѣрчиво улыбаясь.

— И меня то во грѣхъ ввела,—заговорила старуха,—чтобъ тебя болячка задавила!

— Да давай еще, тетушка, сыграемъ,—съ живостью и подкупающею веселостью обратилась къ ней Наталья:—охота пришла такая, всю бы ночь прогуляла, пѣсни играла, голосу бы не сводила!

— Ну тебя!—сердито крикнула старуха,—играй сама, а я спать пойду... Тебѣ не болячку дѣлать то, а я за день умаялась...

— Ну, тетушка, миленькая! а я то развѣ не устала? сама съ поля нынче пріѣхала... въ ножки поклонюсь, тетушка!..—горячо и смѣшливо уговаривала Наталья, стоя передъ старухой и тормоша ее за рукава ея старой кофты на ватѣ.

— Да ну тебя!—отмахивалась старуха сердито и шутливо. Наконецъ, она встала и, слегка прихрамывая и кряхтя, пошла домой.

— Въ Спасовку-то люди Богу молятся, а я пѣсни буду играть,—ворчала она уже въ своихъ воротахъ.

— Эхъ, а сыграла бы еще пѣсенку!—воскликнула съ увлеченіемъ Наталья.

— Ты нынче весела,—замѣтилъ осторожно Ермаковъ,—это хорошо.

— Весела?—переспросила она, усмѣхнувшись,—да, разошлась... Не къ добру, знато...

И, точно грусть сразу охватила ее, она вздохнула и примолкла, устремивъ въ неясную даль сосредоточенный, задумчивый взглядъ.

— Эхъ, кабы нашелся такой человѣкъ, чтобы распоролъ мою грудь да заглянулъ, что тамъ есть!—воскликнула она вдругъ послѣ продолжительнаго молчанія, съ безнадежной тоской въ голосъ,—да нѣтъ, вѣрно, такого человѣка не найдется! никому надобности нѣтъ...

Ермаковъ былъ изумленъ такимъ неожиданнымъ переходомъ.

— А я не понимаю сейчасъ этого,—заговорилъ онъ послѣ короткой паузы;—такъ хорошо теперь кругомъ, жить такъ хочется, радоваться, любить... Зачѣмъ горевать? о чемъ тосковать?—восклицалъ онъ съ ораторскими жестами, не безъ удовольствія слушая самого себя.

— И то не отъ чего,—съ печальной улыбкой сказала Наталья:—а сердце болитъ...

— Да отчего ему болѣть то?—съ наивнымъ недоумѣніемъ спросилъ Ермаковъ.

— Есть, стало быть, причина... Эхъ, односумчикъ ты мой, чудачекъ этакій!—глубоко вздохнувши, прибавила Наталья:—славный ты человѣкъ, простой, откровенной души, а нашего дѣла не знаешь и не поймешь... А все таки,—понизивъ вдругъ голосъ и съ ласковой, кокетливой улыбкой заглядывая ему въ глаза, сказала она:—ни съ кѣмъ такъ-то не люблю разговаривать, какъ съ тобой, ни къ кому у меня такого откровенія нѣтъ... Ученый ты человѣкъ, а не гордый...

— Какой я ученый! — возразилъ въ смущеніи Ермаковъ, съ мучительнымъ недоумѣніемъ всматриваясь въ ея блѣдное при лунномъ свѣтѣ лицо и въ прекрасные глаза, свѣтившіеся теперь глубокой грустью. Загадкой стала для него эта красивая односумка.

— А что я у васъ спрошу, односумъ?—заговорила она, послѣ долгаго молчанія, тихимъ и таинственнымъ голосомъ:—бываютъ вѣдьмы на свѣтѣ, или нѣтъ?

— Не думаю,—засмѣявшись, отвѣтилъ Ермаковъ.

— Я тоже не вѣрю!.. Вотъ есть тутъ у насъ старуха-сѣдка, Сизоворонка подъ названіемъ,—на нее говорятъ, что вѣдьма она... Зря болтаютъ, такъ думаю. А что знаетъ она, это вѣрно! Колдунья!

— Неужели?—улыбнулся Ермаковъ.

— Вѣрно! Увидала меня разъ и говоритъ: «чего сохнешь? приди, полѣчу... Откройся, легче будетъ»... Что же? Ходила вѣдь я! Всю мнѣ жизнь мою рассказала... «Черезъ сердце, говорить, свое непокорное ты пропадаешь»...

— И лѣчила?

— Питье какое то дала,—съ неохотою и не тотчасъ отвѣтила на этотъ вопросъ Наталья:—мутить съ него, голова болитъ, а легче нѣтъ...

— Ерунда все это!—съ горячимъ и глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ Ермаковъ.

— Нѣтъ, вѣрно!—такъ же горячо и убѣжденно возразила Наталья:—все истинно! Я знаю, за что пропадаю: за свою гордость я пропадаю... Всѣ такія же, какъ я, да ничего, горя мало: перенесли, покорились... А я не могу покориться... Перенести не могу, ежели кто попрекнетъ мнѣ или посмѣется, или страмить станетъ! Мужъ бить будетъ, это куда ни шло—переносно, а ежели кто со стороны ширнетъ въ глаза, легче помереть!

Она вдругъ смолкла, точно голосъ у нея разомъ оборвался. Ермаковъ не прерывалъ молчанія. Невеселыя думы бродили и въ его головѣ. Онъ не понималъ всей тяжести ея мученій и терзаній, но чувствовалъ къ ней глубокую жалость, несмотря на нѣкоторую ревнивую досаду, которую никакъ не могъ выкинуть изъ сердца. Онъ спрашивалъ самого себя: совѣсть ли ее упрекаетъ такъ, что она не хочетъ скрыть своей супружеской невѣрности (самаго обыкновеннаго явленія въ казачьей средѣ), или потому она такъ и сокрушается, что нельзя уже скрыть проступка, и предположенія старухи объ ея беремености справедливы? Но вопросы эти такъ и остались для него открытыми.

— А зачѣмъ гналась?—печально, унылымъ голосомъ заговорила снова Наталья:—и глупа же, неразумна я была!.. думала счастьеце найти, сердце потѣшить!.. Слова не съ кѣмъ было сказать... всѣ ночи одна просижу, всѣ думушки одна передумаю... Вотъ и налетѣла!.. Вашему брату что? сорвалъ да удралъ... Да еще славу проложить, подлець! А нашей сестрѣ — слезы... наплачешься, нарыдаешься...

— Ну, да теперь тужить нечего,—встряхнувши рѣшительно головой, сказала она:—кутнула разъ и рога въ землю! Двумъ смертямъ не бывать, одной—не миновать! Такъ что ли, односумъ?—задорно улыбаясь и близко наклонясь къ нему, воскликнула она:—лучше не думать! Пусть будетъ, что будетъ, а будетъ, что Богъ дастъ... Придутъ служивые черезъ мѣсяцъ, и мой муженекъ на машинѣ прилетитъ... Выйду на степь, встрѣчу, въ ножки ему поклонюсь... Либо ужъ скажу ему все, пускай изъ пистоля застрѣлитъ... пропадай ты, жизнь! Чтобы сразу! а?... А то лѣтось Рудинъ казакъ пришелъ изъ полка, а жена тяжелая... До полусмерти засѣкъ плетью, и никто не заступился!.. Да толку то! Не все-ли одно? Эхъ, жалко, тетка

Артемовна ушла: еще бы пѣсню сыграли! Учила разъ она меня старинной пѣснѣ:

Кто бы изъ вострой сабли ржавчину вывелъ,

Кто бы изъ мово сердечушка кручинушку вынулъ...

— Ну, и наплакалась же я въ ту пору!.. А она хорошо пѣсни играетъ!.. Ты не задремалъ?

— Нѣтъ,—тихо отозвался Ермаковъ, хранившій все время глубокое молчаніе.

— Ну, посидимъ еще. Я все равно не усну скоро... за ночь то какихъ мыслей не передумаешь? Сколько слезъ прольешь... Да и сны какіе то все страшные снятся: то въ пропасть въ черную-черную летишь—и дна нѣтъ, ухъ, ажъ сердце замираетъ!.. то цыгане съ ножами приснятся, рѣзать кидаются... Иной разъ просто совсѣмъ безъ ума станешь... И на яву-то все какая-то алала *) въ глаза лѣзетъ...

— Нервы!—мрачно буркнулъ Ермаковъ.

Своей грустной повѣстью Наталья привела его въ окончательное уныніе. Онъ угрюмо молчалъ, не зная, о чемъ говорить, хотя тайный голосъ внутри его сильно бунтовалъ противъ всѣхъ доводовъ, которые навѣяла на него грусть.

Когда Наталья начала вдругъ, безъ всякаго видимаго повода, говорить о загробной жизни, расспрашивая, правда ли, что тамъ жгутъ грѣшниковъ въ огнѣ неуголимомъ, онъ, наконецъ, заговорилъ съ комическимъ озлобленіемъ:

— Ерунда все это!

— А слыхалъ, чего попъ въ церкви говорилъ?—возразила она съ недовѣріемъ.

Ермаковъ махнулъ рукой.

— Все это чепуха—муки вѣчныя на томъ свѣтѣ!—сердито заговорилъ онъ:—муки вѣчныя для многихъ—здѣсь, на землѣ, въ этой прекрасной жизни, которая, думаю, не для терзаній всевозможныхъ создана, а для радости, для счастья... Мы сами себѣ иногда создаемъ муки вмѣсто того, чтобы брать отъ жизни, не задумываясь, все свѣтлое и радостное, что она даетъ... Иныхъ людей другіе терзаютъ, а иные сами себя терзаютъ... Зачѣмъ? Развѣ это нужно кому? Это—жизнь?!

Онъ говорилъ съ жаромъ, отчаянно жестикулируя и размахивая руками. Все, что онъ говорилъ, казалось ему несомнѣннымъ и истиннымъ, и онъ даже самъ нѣсколько удивлялся, какъ это раньше ему никогда такъ ясно и отчетливо не представлялось все, что онъ теперь высказывалъ... Точно вдохновеніе осягнуло его въ эту чудную ночь... Наталья плохо понимала его горячую рѣчь, но чувствовала и угадывала ея смыслъ; не находя ей сильныхъ возраженій, она помаленьку

*) Алала—чепуха.

подчинялась ей, и какъ будто легче стало у ней на измученной душѣ... Лицо ея, казавшееся такимъ красиво-блѣднымъ при лунномъ свѣтѣ, глубокіе, темные, грустные глаза, внимательно и съ наивною довѣрчивостью устремленные на увлекающаго оратора, самая близость ея, о которой онъ такъ часто и безнадежно мечталъ, дѣйствовали на него возбуждающимъ образомъ. Взволнованный, охваченный весь какимъ то неяснымъ, сладкимъ и трепетнымъ увлеченіемъ, онъ продолжалъ говорить о непреодолимой жадѣ, всѣми испытанной, всѣхъ увлекавшей жадѣ жизни, любви, наслажденій; утѣшалъ ее, убѣждалъ не особенно мучиться и терзаться совѣстью за увлеченія, такъ какъ это не смертный, а самый обыкновенный, простительный грѣхъ... Говоря о любви, онъ хотѣлъ было высказать ей и свои собственныя чувства, но нѣкоторая робость и сознаніе неумѣстности останавливали его. Устремивши глаза въ высоту, въ глубокий сумракъ неба, гдѣ горѣли неяркія, но ласково мигавшія звѣзды, онъ пѣлъ соловьемъ и остановился только тогда, когда услышалъ вдругъ около себя тихое, неясное всхлипываніе. Онъ оглянулся съ удивленіемъ. Наталья, закрывши лицо концомъ своего бѣлаго платка, тихо плакала и вздрагивала плечами.

— О чемъ же?—съ недоумѣніемъ спросилъ растерявшійся ораторъ.

Она не отвѣчала и продолжала всхлипывать.

Онъ долго смотрѣлъ на нее растерянно, смущенно, молча. Мысли стали путаться у него, лицо горѣло и сердце часто и громко стучало... Наконецъ, онъ близко нагнулся къ Натальѣ и обнялъ ее... Она не уклонялась и не отталкивала его, но все еще продолжала плакать...

VII.

Торжественный трезвонъ только что смолкъ на станичной колокольнѣ. Это былъ мастерской, отчетливый, веселый трезвонъ, исполненный руками художника по этой части, купеческаго сына Петра Пихаева. На этотъ разъ онъ особенно постарался для праздника Успенія Пресвятой Богородицы. Подъ его волшебной рукой маленькіе колокольчики просто смѣялись серебристымъ, дробнымъ смѣхомъ; большіе чуть не выговаривали что то благочестивое, глубоко-серьезное, но не лишенное ликованія и жизнерадостности. Народъ толпами шелъ въ церковь. Солнце только что поднялось надъ вербами. Веселые теплые лучи заиграли на соломенныхъ крышахъ и заблестѣли на листьяхъ высокихъ грушъ и тополей. Тонкій, сизый туманъ еще вился надъ станицей; пахло кизячнымъ дымомъ. Тѣни были длинны и прохладны. Весело начинался день...

Ермаковъ, только что вставшій и умывшійся, чувствуя бодрость во всемъ тѣлѣ, крѣпость въ мускулахъ и потребность двигаться, работать, съ особеннымъ удовольствіемъ черпалъ воду изъ колодца для лошадей. Съ мокрыми волосами, безъ фуражки, въ сѣрой блузѣ, онъ напѣвалъ и насвистывалъ веселые мотивы, подчиняясь безотчетному чувству радости и молодости. Пробуя развившіеся и окрѣпшіе за лѣто мускулы, онъ поднималъ на вытянутой рукѣ ведро съ водой, затѣмъ дѣлалъ всевозможные приемы на «турникѣ», которымъ служила толстая, далеко вытянутая, сухая вѣтка старой груши, приготовился было уже выполнить съ разбѣгу «гопъ на воздухѣ», какъ вдругъ сзади его раздался голосъ:

— Здравія желаю, Василій Данилыч!

Ермаковъ оглянулся и увидалъ въ воротахъ сада полицейскаго казака Гаврила съ большой медалью на груди.

— Мое почтеніе, Гаврилъ,—весело отозвался Ермаковъ, не замѣчая его встревоженнаго вида.

— Папаша дома будутъ, али въ церкви?—спросилъ Гаврилъ, дышавшій тяжело и устало.

— Въ церкви. А что? Ты бѣжалъ какъ будто?—спросилъ въ свою очередь Ермаковъ, обращая вниманіе на встревоженное его лицо.

— Такъ точно. Происшествіе случилось...

— Какое? драка или кража?

Ермаковъ спрашивалъ довольно равнодушно и спокойно, привыкши постоянно слышать о подобныхъ мелкихъ происшествіяхъ въ станицѣ.

— Нечаева Никиты сноха удушилась...—сказалъ Гаврилъ.

— Да ну?!—воскликнулъ, вдругъ блѣднѣя, Ермаковъ.

— Такъ точно.

— Наталья? Не можетъ быть! почему? съ чего?

Гаврилъ недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Господь ее знаетъ,—сказалъ онъ своимъ ровнымъ, глухимъ, замогильнымъ голосомъ:—сейчасъ съ петли сняли. Помощникъ атамана пошелъ составлять протоколъ, папашѣ вашему велѣли доложить...

Всевозможныя мысли вихремъ понеслись въ изумленной головѣ Ермакова. Вопросъ возникалъ за вопросомъ быстро, стремительно, и ни на одинъ не нашлось отвѣта.

Это «происшествіе» было такъ неожиданно и дико, такъ ни съ чѣмъ несообразно, не нужно, такъ поразительно и ужасно!..

— Никиты-то Степаныча самого дома нѣтъ,—продолжалъ Гаврилъ тономъ въ высшей степени равнодушнымъ:—уѣхалъ со старухой на ярмонку: Удивила баба, нечего сказать! Никто отъ нея не думалъ. Такая хорошая, молодецкая женщина, красивая... Вѣдь, сказываютъ, коровъ сама прогоняла, какъ

къ утрени звонили, а черезъ какой нибудь часъ съ петли сняли! Теплая еще была, говорить... Кабы на этотъ случай кто кровь могъ пустить, можетъ быть—и опользовали бы... а то народъ то все несообразный случился... Такъ въ церкви, говорите, папаша-то?—поспѣшно спросилъ онъ дѣловымъ тономъ:—пойду доложу. Счастливо оставаться!

Ермаковъ одѣлся и отправился туда, на мѣсто «происшествія». Недавней бодрости его какъ не бывало... Ноги какъ-то вяло двигались, и сознание какой-то безпомощности проламало все существо, точно чѣмъ то тяжелымъ и огромнымъ придавили его. Маленькимъ, слабымъ и безсильнымъ почувствовалъ онъ себя теперь. Сердце сжалось и заняло тупою, неосмысленною болью, но ни слезъ, ни сожалѣній не нашелъ онъ въ себѣ..

Около дома и въ воротахъ Никиты Нечаева, съ улицы, столпилась гурьба босоногихъ ребятишекъ, которыхъ выгнали, очевидно, со двора. На дворѣ около кухни толпились взрослые... Въ центрѣ этой толпы, за небольшимъ столикомъ, на некрашеномъ табуретѣ, воссѣдалъ помощникъ станичнаго атамана, старый урядникъ съ длинными усами, и рядомъ съ нимъ писарь Артемъ Сыроватый.

— Такъ ты чего же, старая вѣдьма, не смотрѣла за ней!—допрашивалъ помощникъ атамана маленькую, сморщенную, согнутую старушенку, стоявшую передъ нимъ съ такимъ угнетеннымъ видомъ, точно она была уже приговорена къ смерти.

Старушенка эта, какъ оказалось, почевала въ минувшую ночь у Нечаевыхъ вмѣстѣ съ Натальей. Это была та самая знахарка Сизоворонка, про которую Наталья недавно еще рассказывала Ермакову.

— Да кабы знатѣе, кормилецъ ты мой? — говорила она дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ, обнаруживая два желтыхъ зуба:—а то кто же отъ нея думалъ этого? Я разбудила ее: «вставай, говорю, Наташка, коровъ прогоняй», а сама пошла по дому,—у меня своя какая ни есть домашность... И вѣдь ничего то, ничего этакого не примѣтно было! Вставала, коровъ прогоняла, печь затопила... Ахъ ты, Господи, Господи, Царь Небесный!.. — вдругъ залилась она разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ.

— Ну, ну, ну! — крикнулъ помощникъ атамана и грозно зашевелилъ усами,—завыла! Дальше говори!..

Старуха тотчасъ же примолкла и проворно отерла свои красноватые глазки краемъ холстинной занавѣски.

— Да чего дальше-то?—слезливымъ голосомъ продолжала она: — отъ утрени ужъ народъ сталъ итить, а я вспомнила, что рубаху блошную тутъ забыла. Пошла за рубахой... вотъ она, вотъ рубаха то!..

Старуха показала изъ подъ занавѣски какой-то холстинный свертокъ...

— Да ну тебя къ черту, не показывай!—съ брезгливымъ видомъ крикнулъ помощникъ атамана,—не видалъ я рубахъ что-ль!..

— Пошла я за рубахой-то,—продолжала старуха, быстро спрятавши свертокъ опять подъ занавѣску:—въ курень вхожу—никого нѣтъ. Кликнула, — никто не отзывается... Ну, въ кухнѣ, должно быть,—думаю... Вышла изъ куреня то, гляжу, телята спущены съ базу, а нѣтъ никого, и кухня топится... Глянула я, кормильцы вы мои, въ амбарчикъ то, зачѣмъ онъ, думаю, растворенъ? а она... виситъ... моя голубушка...

Сморщенное, коричневое лицо старухи перекосилось и сморщилось еще больше; она готова была опять залиться не-удержимыми слезами, но помощникъ атамана снова зашевелилъ усами, и она продолжала еще болѣе слезливымъ тономъ:

— Ноги у меня подкосились, съ мѣста не сойду... Кой-какъ за ворота выползла; идутъ казаки, а я слова не выговорю, кричу, руками махаю: «какая ужъ бѣда-то, какая ужъ бѣда то!» Прибѣгли они, сняли ее, любушку, съ петли, теплая ишпо была... Ахъ, Мати Божія, Царица ты моя Небесная! Да чего она, любушка, задумала-то! Да какъ это она могла принять на себя! О-о-ой-ой-оой-оо-ой!

Старуха ужъ не въ состояніи была удержаться отъ слезъ, несмотря на грозный видъ начальства, и вдругъ залилась, со-крушенно качая головой.

— Ну, завыла, вѣдьма!—уже значительно мягче сказалъ помощникъ атамана.—Говори, кто снималъ ее?

Ермаковъ протѣснился черезъ толпу, состоявшую больше изъ женщинъ, къ амбару и глянувъ въ его раскрытую дверь. На полу лежалъ трупъ Натальи. Тяжелое, гнетущее было врѣ-лище. Молодая, недавно еще полная жизни и обаятельной красоты, она лежала теперь неподвижною, бездыханною, чуждою всего, что ее окружало. Лицо ея слегка потемнѣло, но не обезобразилось страшной смертью. Бѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся своей нѣжной бѣлизной отъ нижней, загорѣвшей и смуглой части лица. Чья-то заботливая рука закрыла ей глаза, руки сложила на высокой груди и расплела ея роскошныя косы. Выраженіе какого то удивленія и вмѣстѣ глубокаго покоя ле-гло на лицо. Босыя загорѣлыя ноги были вытянуты. Красота ея тѣла, формъ, лица теперь поражала еще больше и вызы-вала во всѣхъ глубокую жалость...

Раздирающіе душу вопли слышались вдругъ сзади Ер-макова, и старая казачка, быстро протѣснившись черезъ толпу, упала надъ трупомъ. «Мать»,—пронеслось по толпѣ.

Ермаковъ ушелъ.

— И чего удумала, Наташка, Наташка!—послышался сзади

его знакомый грубоватый, исполненный скорби голосъ: — и кто отъ тебя, моя болѣзненная, этого думаль-гадалъ? Никому не сказала, никого не спросилася...

Ермаковъ оглянулся. Маленькая старушенка, та самая, которую онъ видѣлъ съ недѣлю назадъ, когда она была въ почномъ обходѣ вмѣстѣ съ Натальей, глядѣла на него скорбными, заплаканными глазами. Горькое недоумѣніе выразалось на ея лицѣ.

— Не думамши, не гадамши! — заговорила она, подходя къ Ермакову и сокрушенно покачивая головой: — измучилась, знато, моя сердечная... Всѣ дни томилась, ягодка! Надясь, въ праздникъ, казаки гуляли ночью, раза три проходили тутъ, по нашей улицѣ съ пѣснями. Таково то хорошо играли! Она сидитъ, моя ягодка, подъ окномъ, пригорюнилась, и мнѣ сна нѣтъ глядя на нее. Подошла къ ней, разговорить хотѣла ея, анъ она и того хуже! всплакнула... «Иди, — говорить, — тетка, спать, и я ляжу». — Пошла я спать, не усну никакъ! Опять кто-то пѣсно проигралъ на улицѣ — одинъ... «Кабы можно имѣть сизы крылышки, возвился бы, полетѣлъ»... Приподнялась я къ окну, — дюже славно, шельмецъ, игралъ онъ ее, просто — говорилъ.. Запелъ онъ насупротивъ ихъ куреня и играетъ: «на томъ мѣстѣ опустился бы, гдѣ раздушечка моя живетъ, сѣлъ бы, сѣлъ бы къ своей сударушкѣ я на правое плечо, поглядѣлъ бы, посмотрѣлъ въ ея бѣлое лицо»... Слышу, хлопнуло окошко (стариковъ-то тоже дома не было, къ дочери въ гости ѣздили), — она одна была. Заразъ онъ къ окну... долго говорили... Слышу, напоследокъ она говорить: — «и не думай, и не думай, грози — не грози, проси — не проси, не будетъ по твоему!» И опять черезъ малое время пошелъ онъ, пѣсно заигралъ. «Замѣчали злые люди, что хорошую люблю»... Такъ и понеслась по станицѣ, какъ онъ ее голосомъ-то своимъ повелъ. Узнала я казака-то: Стрѣлковъ, атаманецъ молодой. Похвалила я въ ту пору ее: «молодецъ, думаю, Натанька! до слабости себя не допустила. А то свяжись, молъ, съ ними, они доведутъ до дѣла»... Анъ вотъ какое дѣло подстигло... И какъ это она, глупуша, не побоялась, не устрашилась! Чего она и думала? Мужа боялась? Да онъ, глядишь, не звѣрь... Ну, гдѣ побилъ бы, а гдѣ бы и пожалѣлъ... Жизнь не радость, да и въ смерти нѣтъ находки...

А день сіялъ веселый, яркій. Горячіе лучи солнца начинали уже томить, тѣнь манила къ себѣ. Небо чистое, нѣжно-голубое, высокое, безмятежно сіяло своей лазурью, раскинувшись далеко-далеко. Веселыя, пестрыя, нарядныя толпы шли отъ обѣдни. Свѣтъ Божій былъ такъ хорошъ, а безмолвная, вѣчная темнота могилы казалась Ермакову такою ужасною, что онъ чувствовалъ, при одной мысли объ ней, какъ холодѣла въ немъ кровь и трепетно замирало сердце...

Ө. Крюковъ.

КРИВОНОГІЙ.

Очеркъ изъ чукотской жизни.

Эуннэкай медленно брелъ по склону высокаго «камня», опираясь на длинное ратовище чэруны *) и съ трудомъ переставляя свои кривыя ступни. Его небольшое и тщедушное тѣло сгибалось подъ тяжестью огромной котомки, навьюченной на спину и поддерживаемой однимъ узкимъ ремнемъ, перетянутымъ черезъ грудь. Товарищи ушли впередъ съ табуномъ **) и сложили свои ноши на его безсильныя плечи. Участь вьючнаго животнаго была его постоянной долей. Все равно, онъ не могъ быть помощникомъ при вѣчной погонѣ за разбѣгающимися оленями, и ему приходилось волей неволей облегчать другихъ пастуховъ отъ излишней тяжести и брать ее на себя. Его лѣвая нога отъ колѣна до лодыжки ныла и болѣла, какъ будто хотѣла переломиться. Спина тоже ныла, уродливая грудь, выгнутая, какъ у птицы, сжималась, словно въ тискахъ. Ремень отъ котомки скатывался на шею и душилъ, какъ петля.

Ноша Эуннэкай имѣла такіе почтенные размѣры, что не всякій вьючный олень могъ бы ее нести. Тутъ было безчисленное множество обуви, которая во время лѣтнихъ скитаній по острымъ камнямъ хребтовъ такъ и горитъ на ногахъ пастуховъ, нѣсколько перемѣнъ мѣховой одежды, три верхнихъ балахона изъ невыдѣланной оленьей кожи, нѣсколько длиннѣйшихъ ратовищъ, подобныхъ тому, которое Эуннэкай держалъ въ рукахъ, большой котелъ, копье, пара большихъ ножей въ полъ аршина длиной.

Несмотря на то, что іюльское солнце палило отвѣсными лучами даже вѣчно холодные камни Становаго хребта, Эуннэкай былъ одѣтъ въ неизмѣнную мѣховую кукашку и такіе же шаровары, а голова его была покрыта рыжей шапкой изъ шкуры двойнаго пыжика. Эуннэкай такъ привыкъ къ этой одеждѣ, что разсматривалъ ее, какъ свою природную шкуру.

*) Чэруна небольшой желѣзный крюкъ на длинномъ ратовищѣ, употребляемый для вываживанія мелкой рыбы изъ воды.

**) Мѣстное русское нарѣчіе называетъ оленье стадо табуномъ.

Отъ зноя онъ не страдалъ. Тенантумгинъ, оленій Богъ, давшій всѣмъ звѣрамъ косматую одежду, одарилъ ее чудесной способностью лѣтомъ-линять и становиться тоньше, чтобы обладатели ея не слишкомъ страдали отъ жара. Эуннэкай былъ созданъ нагимъ и долженъ былъ самъ придумывать для себя защиту отъ измѣнчивости стихій и, конечно, его выдумка не отличалась такимъ совершенствомъ, какъ созданіе великаго родоначальника и творца полярной земли.

Эуннэкай шелъ и раздумывалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оглодалъ послѣднюю косточку, брошенную его братомъ Каулькаемъ, но изъ которой онъ надѣялся извлечь еще какой нибудь съѣдобный матеріалъ, мясо не касалось его устъ. Впрочемъ, онъ не очень страдалъ отъ голода. Чукчи вообще ѣдятъ разъ въ день, а молодые люди, пасущіе стада, сплошь и рядомъ голодаютъ по два и по три дня, особенно въ лѣтнее время. Эуннэкай привыкъ разсматривать голодь, какъ нормальное условіе своей жизни. И въ этомъ отношеніи онъ тоже былъ выносливѣе своихъ оленей.

Солнце поднималось выше и выше, а шагъ Эуннэкай становился все медленнѣе. Утромъ, когда онъ впервые тронулся въ путь, онъ шагаль не такъ тихо и долго не терялъ изъ виду табуна, двигавшагося впереди. Олени поминутно останавливались и щипали свѣжіе листочки на вѣтвяхъ мелкихъ кустиковъ, зелень которыхъ они такъ любятъ. Пастухи то и дѣло отбѣгали въ сторону, чтобы собрать во едино разбредавшихся животныхъ. Табунъ подвигался впередъ довольно медленно. Но потомъ Эуннэкай отсталъ и потерялъ таки его изъ вида. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и табунъ должно быть успѣлъ сдѣлать болѣе половины пути по направленію къ бѣлому *куйвыку* *), дающему желанную защиту отъ комаровъ. А Эуннэкаю предстояло идти еще очень долго. Окружающая мѣстность была знакома ему, какъ его пять пальцевъ. Не даромъ онъ родился и выросъ *на сѣнтухѣ*. **) Онъ узнавалъ каждый уступъ окружавшихъ его вершинъ, каждый изгибъ маленькой горной рѣчки, бѣжавшей по сѣрымъ камнямъ въ узкой ложбинѣ, и зналъ, что ему придется сдѣлать еще много поворотовъ, пока вдали блеснутъ бѣлые линія края широкой наледи, не тающей даже подъ іюльскимъ солнцемъ.

Столбъ комаровъ съ пронзительнымъ жужжаніемъ виселъ надъ головою Эуннэкай, словно призывая къ атакѣ. Комары торопились воспользоваться благопріятными минутами. Время отъ времени Эуннэкай медленно проводилъ рукою по лицу и,

*) Куйвыкуй—нетающая наледь. Такія наледи лежатъ на верховьяхъ многихъ горныхъ рѣчекъ системы рр. Омолона и Колымы.

**) Сѣнтуха—пустыня.

раздавивъ десятка полтора комаровъ, размазывалъ кровь по щекамъ или по лбу. Лицо его было покрыто засохшими пятнами такой крови. Но и помимо этихъ пятенъ, смуглое лицо Эуннэкая было до такой степени испачкано грязью, что даже среди никогда не моющихъ чукотъ заслужило ему название Чара-рамкина т. е. грязного жителя. Глаза его были узки и прорѣзаны наискось, губы некрасиво оттопырились, низкій лобъ, сильно наклоненный назадъ, переходилъ въ худо сформированный несимметричный черепъ. Надъ безобразіемъ Эуннэкая смѣялись молодая дѣвушка на всѣхъ тѣхъ стойбищахъ, гдѣ когда либо показывалась его жалкая фигура.

Рѣчка, по которой лежалъ путь Эуннэкая, носившая ламутское имя Муруланъ, постоянно разбивалась на множество мелкихъ ручьевъ, совершенно наполняя ложбину, пролежавшую между двухъ невысокихъ, но обрывистыхъ горныхъ цѣпей.

Тропа то и дѣло обрывалась и переходила съ лѣваго берега на правый и обратно, перерѣзывая одинъ за другимъ эти безчисленные ручьи. Эуннэкай переходилъ ихъ въ бродъ въ своихъ толстыхъ мѣховыхъ штанахъ, впитывавшихъ воду, какъ губка, и жалкой дырявой обуви, сгибаясь въ три погибели подъ тяжестью ноши и только стараясь, чтобы мелкое, но яростное теченіе не сбilo его съ ногъ. Онъ былъ не очень твердъ на своихъ кривыхъ ступняхъ, смотрѣвшихъ въ разные стороны.

Наконецъ, Эуннэкай совершенно остановился. Онъ ощущалъ непреодолимое стремленіе отдохнуть. Что дѣлать? Величайшій порокъ чукотскаго *риулина* *) былъ въ высшей степени присущъ ему. Онъ любилъ спать. Его товарищи, никогда не отдававшіе сну больше половины своихъ ночей, часто проводившіе по трое сутокъ, не смыкая глазъ, въ постоянномъ охраненіи непокорныхъ табуновъ, больше всего презирали его именно за эту постыдную слабость. Но избавиться отъ нея было выше силъ Эуннэкая. Когда у него болѣла грудь, онъ ощущалъ неодолимое стремленіе свернуться гдѣ нибудь подъ кустомъ или подъ камнемъ и предаться забвенію, уничтожавшему на время его существо.

Сонъ Эуннэкая не былъ здоровымъ сномъ молодого организма, готоваго воспрянуть съ новымъ запасомъ силъ. То была тусклая дремота больного животнаго, апатично отказывающагося отъ всѣхъ проявленій жизни, пелена глухой тьмы, не освѣщавшейся ни однимъ призрачнымъ лучемъ, унылый обморокъ, лишенный грезъ и видѣній, истинное подобіе и преддверіе смерти.

Остановившись на широкой каменной площадкѣ, покрытой

*) Риулинъ—оленій пастухъ.

тонкимъ слоемъ свѣтлозеленаго мха, перемежаемаго бурными и ржавокрасными пятнами лишаяевъ, Эуннэкай сбросилъ свою ношу на землю, не теряя ни минуты опустился около нея, покрывъ лицо платкомъ въ защиту отъ комаровъ, уронилъ голову на мягкую котомку и сразу замеръ, придя въ привычное ему состояніе временнаго небытія. Комары продолжали кружиться надъ его невзрачной фигурой, отыскивая уязвимыя мѣста, слѣпни гудѣли и съ налета опускались на его грудь и руки, безуспѣшно стараясь пробить крѣпкимъ жаломъ, укрѣпленнымъ въ нижней части тѣла, толстый мѣхъ его одеждъ. Только Эуннэкай могъ спать на самомъ солнцепекѣ, окутанный мѣховой одеждой и съ закрытымъ лицомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Эуннэкай проснулся. Горло его было сухо. Ему хотѣлось пить. Онъ спустился внизъ по неровнымъ уступамъ камней и жадно припалъ къ водѣ, не обращая вниманія на то, что воротъ его кулашки мокнетъ въ бѣгущей струѣ, а колѣни погружаются въ сырой песокъ. Его одежда и такъ была наполовину пропитана водой.

Напившись ледяной воды, Эуннэкай усылся на сухой *дресвъ* и сталъ перебирать и разсматривать мелкіе камешки, во множествѣ разсыпанные на берегу рѣки. Пристрастіе его къ маленькимъ рѣдкостямъ, какія можетъ находить пастухъ, вѣчно бродящій по берегамъ рѣкъ и вершинамъ горъ, тоже служило немалымъ поводомъ для постоянныхъ насмѣшекъ надъ нимъ. Эуннэкай собиралъ яркія перья, косточки, обрывки цвѣтныхъ хвостиковъ, которые чукчанки пришиваютъ къ одеждѣ, и т. п. мелочи. Но въ особенности онъ любилъ собирать мелкіе цвѣтные камешки, красные, какъ цвѣтъ шиповника, синіе, какъ глазокъ полярнаго колокольчика, прозрачные, какъ кусокъ рѣчного льда. У него за пазухой всегда копился запасъ такихъ камешковъ, размѣры котораго постепенно увеличивались. Когда коллекція начинала обращаться въ бремя, Эуннэкай не безъ сожалѣнія извлекалъ свое богатство изъ нѣдръ подвижной сокровищницы, чтобы оставить его среди той пустыни, гдѣ оно было собрано. Для этого онъ старался выбрать мѣстечко повыше и поровнѣе, какую нибудь площадку, гладкій уступъ скалы и раскладывалъ на немъ свои камни, выводя изъ нихъ правильные узоры и заимствуя образцы отъ ламутскихъ вышивокъ, которыя ему не разъ приходилось видѣть, — и уходилъ прочь, для того чтобы немедленно начать собираніе новыхъ сокровищъ. Это было проявленіемъ первобытной эстетической потребности въ родѣ той, какая присуща нѣкоторымъ птицамъ, украшающимъ подобными рѣдкостями свои временные павильоны, для весеннихъ прогулокъ.

Только два камня Эуннэкай ни за что не хотѣлъ оставить среди сѣнтухи и носилъ ихъ за пазухой уже третье лѣто.

Одинъ изъ нихъ былъ кусочекъ чернаго агата, обточенный въ видѣ конуса съ отломленной верхушкой и глубокой царапиной на нижней грани, другой — круглый камень дымчатаго цвѣта величиною съ орѣхъ. Эуннэкай придавалъ имъ значеніе амулетовъ и, чувствуя ихъ прикосновеніе къ своей голой груди, ощущалъ, какъ будто, таинственную поддержку среди всевозможныхъ невзгодъ своей жизни. Ему казалось, что даже боль въ его груди смягчается отъ прикосновенія этихъ камней.

Кромѣ камней, Эуннэкай любилъ также цвѣты. На своихъ неуклюжихъ ногахъ онъ иногда взбирался на самые крутые склоны, чтобы сорвать большую желтую лилію, пробившуюся сквозь щели камней, и прижималъ къ лицу нѣжные лепестки, не умѣя дать имъ названія, не имѣя даже словъ, чтобы опредѣлить тотъ или иной оттѣнокъ яркости, будившій въ его сознаніи неопредѣленное чувство красоты. Проходя по горнымъ лугамъ, разукрашеннымъ яркими красками альпійской флоры, онъ иногда бросался на землю, катался, какъ оленій теленокъ, взадъ и впередъ, приминая своимъ тѣломъ алыя, фіолетовыя и голубыя головки, срывалъ ихъ обѣими руками, чтобы приложить къ своимъ щекамъ и волосамъ, и незамѣтно засыпалъ среди цвѣтовъ въ своей бурой *кукашкѣ* *), какъ будто полярная пародія первобытнаго царя природы, заснувшего на пышномъ цвѣточномъ ложѣ, подъ знойнымъ кровомъ тропическихъ небесъ.

Но цвѣты были, по его мнѣнію, хуже камней. Ихъ красота была слишкомъ непрочна. Было бесполезно уносить ихъ съ собою, такъ какъ они тотчасъ же портились и увядали. Ихъ приходилось отбрасывать прочь, не имѣя возможности даже соорудить узорное украшеніе на скалѣ изъ осыпающихся лепестковъ, разлетавшихся по вѣтру, какъ пухъ мертвой птицы.

Однако, на этотъ разъ ему не попалось ничего, что было бы достойно присоединиться къ его сокровищамъ. Дресва на берегу Мурулана состояла изъ обломковъ песчаника тусклаго свѣтложелтаго, сѣроватаго и зеленоватаго цвѣта. Даже формы ихъ были угловаты и неправильны. Маленькая горная рѣчка не имѣла досуга, чтобы правильно обтачивать обломки каменныхъ породъ, загромождавшихъ ея теченіе, и только дробила ихъ на самыя мелкія части, съ шумомъ сбѣгая внизъ по скату долины.

Порывшись немного въ дресвѣ, Эуннэкай поднялся на ноги и неловко полѣзъ обратно на косогоръ. Онъ чувствовалъ себя, всетаки, гораздо лучше прежняго. Продолжительный отдыхъ всегда приносилъ ему облегченіе. Грудь его перестала болѣть, нога ныла значительно слабѣе. Надо было продолжать прерван-

*) Кукашка—мѣховая рубаша.

ный путь, не то ему никогда не добраться до куйвыка. Взваливъ на плечи свою котомку, Эуннэкай довольно бодро пустился въ дорогу.

Смутныя мысли медленно ползли въ его головѣ, слѣдуя другъ за другомъ непрерывнымъ рядомъ, словно цѣнь его хромающихъ шаговъ.

— Вотъ ламуты! думалъ онъ.—Они не носятъ котомки на плечахъ... Лукавые люди! Выдумали взвалить свою тягость на оленью спину. И пѣшкомъ не любятъ ходить! Эйгелинъ, когда увидить ламутское кочеваніе, смѣется: «Хорошъ пастухъ! Свади табуна верхомъ ѣдетъ! Свои ноги жалѣть, а олени нѣтъ!»...

— Правда!—Эуннэкай неодобрительно покачалъ головой.—Грѣшно отягощать лѣгомъ оленей! Это значить служить враждебному духу Кэля, приводящему «хромую болѣзнь»!

Подумавъ о Кэля, Эуннэкай со страхомъ посмотрѣлъ вокругъ. Въдъ и его болѣзнь, конечно, тоже была дѣломъ враждебныхъ Кэля. Ктонибудь изъ нихъ навѣрно возненавидѣлъ его родъ. Можетъ еще дѣдъ или прадѣдъ обидѣлъ его, обошелъ его жертвой, пренебрегъ въ началѣ осени окропить закатъ кровью чернаго оленя, убитаго среди пустыни, или чтонибудь въ этомъ родѣ, а онъ выместилъ злость на Эуннэкай и въ минуту его рожденія вывернулъ ему ногу и исковеркалъ грудь... А что если и теперь онъ не оставилъ Эуннэкай въ покоѣ? Если онъ тутъ, совсѣмъ близко? Въдъ видѣть его глазами нельзя!.. Онъ вспомнилъ, что недалеко находилось ущелье Уннукина, названное такъ по имени чукотской семьи, которую Кэля погубилъ тамъ. Двѣ жены Уннукина родили ему пять сыновей и пять дочерей, и никто изъ нихъ никогда не зналъ, что такое болѣзнь. Но Уннукинъ общалъ злему духу оленя и забылъ исполнить обѣщанье. И вотъ, когда Уннукинъ прикочевалъ въ это ущелье и остановился на ночлегъ, Кэля явился ночью и унесъ его обѣихъ женъ и пять сыновей, и пять дочерей. Только Уннукинъ остался въ живыхъ, въ ужасѣ покинулъ стадо и шатеръ и бѣжалъ, куда глаза глядятъ.

Непріятная дрожь пробѣжала по спинѣ Эуннэкай. Онъ спустился къ рѣкѣ и перебрелъ ее безъ особенной надобности, кое какъ прыгая съ камня на камень, чтобы не слишкомъ замочиться и какъ будто надѣясь сдѣлать текущую воду преградой между Кэля и собой. Теперь тропинка лежала сквозь густые и высокіе кусты тальника и ольховника, сквозь которые Эуннэкай съ трудомъ пробирался, то и дѣло путаясь ногами въ корняхъ, торчавшихъ во всѣ стороны. Онъ шелъ, опустивъ голову и внимательно разсматривая дорогу. Мягкая земля, покрывавшая въ этомъ мѣстѣ каменную подпочву, была вся испещрена слѣдами. Большею частью то были овальные раздвоенные отпечатки оленьихъ копытъ, съ едва намѣченными сзади тон-

кими верхними копытами. Эуннэкай всматривался въ эти отпечатки: то не были слѣды чукотскаго оленя: товарищи его не захотѣли бы прогнать табунъ по такой неудобной заросли и, безъ сомнѣнія, предпочли сдѣлать небольшой обходъ по болѣе открытымъ мѣстамъ. То были, конечно, слѣды Эльвилю (дикаго оленя). Слѣдъ былъ глубже, копыта длиннѣе, задніе пальцы больше вдавлены. А вотъ совсѣмъ свѣжій слѣдъ! О, какой огромный быкъ ходилъ тутъ! Должно быть жиру на бедрахъ по меньшей мѣрѣ на три пальца. Вотъ бы убиты!.. А это чі?.. Между многочисленными слѣдами на самой тропинкѣ ему попался еще отпечатокъ, очень похожій на слѣдъ босой человѣческой ступни, только гораздо шире и со вдавленными основаніями пальцевъ. Но Эуннэкай очень хорошо зналъ, что за человѣкъ оставилъ этотъ отпечатокъ: тотъ самый, который вѣчно ходитъ босикомъ и не носитъ камусной *) обуви.

Онъ остановился, какъ вкопанный, и почувствовалъ, что волосы на его темени начинаютъ приподниматься дыбомъ.

— Безъ собаки хожу!—пронеслось въ его головѣ.—Самъ себя кормлю и никто знать не будетъ!

Слѣдъ былъ совсѣмъ свѣжій, какъ будто *черный старикъ* только что прошелъ по этой тропѣ. Эуннэкай стоялъ, не смѣя перенести ногу черезъ роковой отпечатокъ и не рѣшаясь обойти его сбоку, и пытливо всматривался въ густую листву, какъ будто опасаясь, что вотъ-вотъ покажется страшная морда съ маленькими злыми глазками и оскаленными зубами и потянется къ нему навстрѣчу.

— Что одинъ слѣдъ?—попробовалъ онъ утѣшить себя.—Старикъ, должно быть, ушелъ, Богъ знаетъ куда! Надо и мнѣ уйти поскорѣе!

Но рѣшеніе Эуннэкай умерло, не успѣвъ сформироваться. Въ десяти шагахъ отъ него послышался трескъ сучьевъ... Большая бурая масса поднялась изъ ямы, наполненной прошлогодними сухими листьями, и вышла на дорогу. Эуннэкай увидѣлъ длинную морду, протянутую къ нему навстрѣчу. Маленькіе глазки щурились и мигали, кончикъ носа морщился и безпокойно поворачивался во всѣ стороны, зубы на половину оскالились, все было совсѣмъ такъ, какъ онъ только что представлялъ себѣ.

Медвѣдь остановился на дорогѣ и посмотрѣлъ на Эуннэкай.

— Старикъ!—сказалъ съ отчаяніемъ кривоногій.—Пожалѣй меня! Пощади меня! Во всю мою жизнь я не трогалъ никого изъ твоего рода. Я не говорилъ о тебѣ худо! Встрѣчая слѣдъ твой на дорогѣ, я не ступалъ черезъ него, а обходилъ далеко

*) Камусъ, шкура снятая съ оленьихъ ногъ и употребляемая для выдѣлыванія обуви.

стороной... Пожалѣй меня! Иди къ тѣмъ людямъ, которые на-
носятъ тебѣ обиды, которые говорятъ хвастливо тебѣ навстрѣчу
и приходятъ въ твой домъ съ кольями, чтобы заколотъ тебя и
ѣсть твое мясо!

Эуннэкай дрожалъ, какъ листъ, произнося эти заклинанія.
Медвѣдь вѣроятно былъ сытъ или онъ, дѣйствительно, тронулся
жалобами Эуннэкай. Онъ постоялъ немного, какъ будто бы
ждалъ, не скажетъ ли тотъ еще чего нибудь, потомъ покинулъ
тропинку и, лѣниво переступая, скрылся въ той же чащѣ, откуда
вышелъ. Судя по шуршанью листьевъ и треску мелкихъ сучьевъ
на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ, кажется, опять намѣревался
улежся на отдыхъ и выбиралъ себѣ ложе помягче.

Эуннэкай подождалъ, чтобы медвѣдь скрылся изъ глазъ, и
быстрыми шагами направился впередъ, не забывая обходить
медвѣжьи слѣды, видѣвшіеся на тропѣ. Онъ совсѣмъ забылъ
о ношѣ, лежавшей на его плечахъ, и чувствовалъ неодолимое
стремленіе, какъ можно скорѣе, удалиться отъ опаснаго мѣста.
Если бы онъ не боялся разсердить *старика* слишкомъ замѣт-
ной торопливостью, онъ бы пустился бѣгомъ сквозь кусты, не-
смотря на свою больную ногу.

— Пожалѣлъ старикъ! — думалъ онъ. — Все знаетъ, до
чиста! Зачѣмъ станеть обижать бѣднаго парня, который ни-
когда не говорилъ о немъ худо? А въ прошломъ году онъ
унесъ Айвана прямо съ ночлега. И по дѣломъ! Если дѣдушка
хочетъ зарѣзать оленя, ріулинъ не долженъ тотчасъ же хва-
таться за ружье. Русакамъ вѣдь убиваемъ оленей и ламутамъ
тоже, безъ платы!—говорилъ себѣ Эуннэкай. А Айванъ при-
шелъ на ночлегъ и расхвастался: «Ружье вычищу, говорить,
завтра медвѣдя промышлять стану!» Ну, старику въ обиду ста-
ло!.. Айванъ разбираетъ ружье, а старикъ пришелъ къ костру
и унесъ его вмѣстѣ съ ружьемъ. Айванъ кричалъ и звалъ на
помощь. А другіе пастухи припали лицомъ къ землѣ и боялись
дышать, чтобы старикъ не замѣтилъ и не сталъ вымещать
обиду и на нихъ. А потомъ въ лѣсу нашли отъ Айвана объ-
ѣденную ногу...

— «Старикъ все равно ламуты!—невольно подумалъ Эун-
нэкай.—Одного рода должно быть. Что добудеть, то и ѣсть.
Лисицу и собаку, евражку *) и человѣка. А ламутъ бѣлку
ѣсть и россомеху ѣсть, стариково мясо тоже ѣсть. Все равно
человѣчье! Только мы не ѣдимъ нечистаго и человѣчьяго мяса
тоже не ѣдимъ.

Но тутъ онъ спохватился, что его мысли принимаютъ
кошунственное направленіе, и поскорѣ прибавилъ шагу, ста-
раясь отдѣлаться отъ нихъ.

*) Полярный сурокъ.

Въ этотъ день Эуннакай не отдыхалъ больше и неуклонно шелъ впередъ, стремясь поскорѣй присоединиться къ товарищамъ. Повременамъ онъ подозрительно оглядывался. Онъ боялся, чтобы старикъ не передумалъ и не пустился за нимъ въ погоню. Жидкія рощи корявыхъ лиственницъ, темнѣвшія мѣстами на берегахъ Мурулана и на склонахъ горныхъ вершинъ, окаймлявшихъ его теченіе, по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ рѣки становились все рѣже и приземистѣе и, наконецъ, совершенно исчезли. На южныхъ склонахъ мѣстами еще видѣлись три или четыре тонкихъ искривленныхъ деревца, какъ будто съжившихся отъ стужи, царствующей здѣсь почти цѣлый годъ. Только ползучій кедровникъ широкими пятнами лѣпился по обнаженнымъ буро-коричневымъ склонамъ, пользуясь каждымъ выступомъ, каждой неровностью камней, чтобы разостлать свои кудрявыя цѣпкія вѣтви. Высокій тальникъ и развѣсистый ольховникъ тоже исчезли и замѣнились низкорослыми кустиками не выше полуаршина, жесткими, густыми и курчавыми, похожими на зеленую шерсть, такими сухими, что можно было разводить огонь ихъ тонкими сучьями. Наконецъ, когда солнце уже низко склонилось къ западному краю горныхъ вершинъ, вдали блеснула бѣлая линія желанной наледі. Эуннакай радостно поднялъ голову и еще прибавилъ шагъ.

Стадо паслось на широкой и ровной площади, поросшей густымъ моховымъ ковромъ, шагахъ въ трехстахъ отъ наледі. Съ наступленіемъ вечера потянулъ легкій вѣтерокъ, сдувая большую часть насѣкомыхъ, которыя успѣли укрыться въ травѣ или между листьевъ кустарника. Только самые упрямые изъ комариного воинства еще кружились, звеня крыльями надъ головой оленей, но вѣтеръ препятствовалъ имъ рассчитывать движенія и, когда они опускались внизъ, каждый разъ относилъ въ сторону. Олени, пользуясь промежуткомъ свободы, паслись на моховищѣ, успѣшно вырывая свѣтло зеленый мохъ большими клочьями изъ каменистой почвы и торопясь набить желудокъ, пока комары вновь не возстали изъ праха. Стадо было очень большое, около трехъ тысячъ головъ. Молодые бычки, по зимней привычкѣ, то и дѣло пытались разгребать толстымъ, то правымъ копытомъ воображаемый снѣгъ и каждый разъ только извлекали рѣзкій стукъ изъ твердаго камня. Старые быки степенно бродили взадъ и впередъ, опустивъ головы, увѣнчанныя вѣтвистыми рогами, уже выросшими до полныхъ размѣровъ, но покрытыми еще мягкой гладкошерстной кожей, похожей на черный бархатъ. Старыя матки и молодыя важенки, стройныя, изящныя, какъ будто выточенные изъ мрамора античнымъ рѣзцомъ, видѣлись повсюду. Телята съ черной шерстью,

высокіе, смѣшныя, съ тонкимъ и короткимъ туловищемъ, съ маленькимъ хвостикомъ, задраннымъ кверху, какъ у собаки, бѣгали вокругъ на своихъ длинныхъ ногахъ. Самые робкіе съ тревожнымъ харканьемъ метались по пастбищу, отыскивая матокъ. Другіе не очень заботились о собственной матери. То были любимцы табуна, получавшіе, такъ сказать, общественное воспитаніе. Тѣмъ и самъ можно было видѣть, какъ четверо или патеро такихъ избалованныхъ питомцевъ, обступивъ со всѣхъ сторонъ какую нибудь старую важенку, наперебой другъ передъ другомъ теребили ея короткіе сосцы и, поминутно ударяясь головой объ вымя, настойчиво требовали молока... Важенка стесала смирно, отдавая всецѣло избалованнымъ дѣтямъ табуна, которыя сосали ее по трое и по четверо вдругъ, отбиваясь въ то-же время задними копытами отъ новыхъ претендентовъ.

Каулькай и Кутувія сидѣли на самомъ краю площади у маленькаго костра, протянувшаго по вѣтру длинный и тонкій дымокъ съ развихреннымъ концомъ, похожимъ на кудрявую метелку. Пастухи отдыхали отъ бѣготни, увѣренные, что олени не уйдутъ съ пастбища, пока нѣтъ комаровъ.

— Пришелъ?—сказалъ Кутувія, поднимая голову. Онъ лежалъ на животѣ опираясь локтями объ землю. То былъ здоровый, точно выкованный изъ желѣза человѣкъ съ плоскимъ и широкимъ лицомъ, безформеннымъ носомъ, похожимъ на шишку, и узкими глазками, какъ будто выковыранными тупымъ шиломъ. Черты его лица поражали грубостью, фигура напоминала обрубокъ массивной плахи, поставленный на пару крѣпкихъ прямыхъ кольевъ. За то на своихъ четвероугольныхъ плечахъ Кутувія могъ нести на большое разстояніе *круглую*, т. е. не ободранную и не выпотрошенную оленью тушу.

Каулькай сидѣлъ противъ него на корточкахъ, упираясь подбородкомъ на соединенныя вмѣстѣ колѣни. Онъ также поднималъ лицо по направленію къ новопришедшему и остановилъ на немъ свои большіе глаза орѣховаго цвѣта. Лицо его было совсѣмъ бронзовое, съ суровыми крупными чертами, съ большимъ слегка орлинымъ носомъ и рѣзкой вертикальной морщинкой между нахмуренныхъ бровей. Онъ напоминалъ индѣйскаго вождя изъ племени какихъ-нибудь Семинозовъ или Апачовъ, и глаза невольно искали на его коротко стриженной головѣ традиціоннаго пучка орлиныхъ перьевъ, знаменующаго достоинство предводителя индѣйскихъ воиновъ. Желтая собака, лежавшая у ногъ Каулькай, тоже подняла длинную морду, вытянутую, какъ у лисицы, вильнула долгимъ пушистымъ хвостомъ и снова свернулась въ клубокъ.

Эуннэкай сбросилъ на землю ношу, отдавившую ему плечи, и самъ тяжело опустился около нея. Оживленіе его силъ

исчезло вмѣстѣ со страхомъ, и онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ.

— Эгей!.. отвѣтилъ онъ на привѣтствіе—пришелъ!..

— Что видѣлъ?—спросилъ Кутувія, помолчавъ.

— Нѣтъ!—важно отвѣтилъ Кривоногий. Ему не хотѣлось рассказывать про медвѣдя.

— А я думалъ, что медвѣдь тебя съѣлъ!—сказалъ насмѣшливо Кутувія, оскаливъ два ряда крупныхъ бѣлыхъ зубовъ, похожихъ на лошадиные.

Глаза Эуннэкая широко раскрылись отъ ужаса.

— Не говори! Не поминай!—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Поминай грѣхъ!

— Развѣ видѣлъ?—спросилъ Каулькай голосомъ, въ которомъ слышалась тревога.

Кривоногий утвердительно опустилъ глаза.

— Куда пошелъ?—снова спросилъ Каулькай.

— Не пошелъ. Еще лежитъ!—неохотно отвѣтилъ Кривоногий. Разговоръ положительно казался ему опаснымъ.

— Еще въ табунъ придетъ!—задумчиво продолжалъ Каулькай.—Всѣхъ оленей разгонить.

О подробностяхъ встрѣчи Эуннэкая съ медвѣдемъ никто, однако, не сталъ спрашивать. Онъ вышелъ изъ нея благополучно, стало быть и спрашивать было нечего.

Наступило короткое молчаніе.

— Сколько разъ ложился?—спросилъ Кутувія также насмѣшливо.

Но Эуннэкай не отвѣтилъ. Его глаза были прикованы къ кучкамъ рыбьей шелухи, разсыпанной тамъ и сямъ около костра.

— Нашли?—спросилъ онъ тихо. Ему внезапно до смерти захотѣлось ѣсть.

— Нашли!—безпечно отвѣтилъ Кутувія, поворачиваясь на бокъ и опираясь на локоть.

— Сколько?

— Три!

— Крюкомъ?

— Крюкомъ!

На устахъ Кривоногаго вертѣлся невысказанный вопросъ, но вмѣсто того, чтобы сказать что нибудь, онъ только сплюнулъ въ сторону долгимъ, голоднымъ плевкомъ. Нечего и спрашивать. Очевидно ему ничего не оставили.

— Хочешь ѣсть?—спросилъ Кутувія, потягиваясь.—Пососи матку!

Эуннэкай бросилъ на него укоризненный взглядъ. Кутувія опять насмѣхался. Онъ хорошо зналъ, что Кривоногому ни за что не удастся поймать и осилить дикую оленью матку.

Каулькай медленно поднялся съ мѣста и, захвативъ свой

чауть (арканъ), валявшійся возлѣ, направился къ табуну. Вытянувъ внезапно руку, онъ швырнулъ свитокъ колецъ аркана, по направленію къ ближайшей важенькѣ. Петля развернулась, свистя и описавъ дугу, упала на тонкіе рога животного, которое тщетно пыталось спастись бѣгствомъ. Черезъ минуту Каулькай уже лежалъ брюхомъ на шеѣ важеньки, легко осиливая ея отчаянныя стремленія освободиться.

— Соси!—коротко сказалъ онъ, придерживая голову животного за короткіе, еще не вполне отросшіе лѣтніе рога.

Эуннэкай припалъ къ сосцамъ и началъ тянуть молоко не хуже теленка, по временамъ поколачивая по вымени своими грязными кулаками, чтобы вызвать отдѣленіе молока.

— Мнѣ!—лаконически сказалъ Кутувія, не вставая съ мѣста.

Эуннэкай послушно поднялся съ земли и, вынувъ изъ своей котомки небольшой жестяной ковшикъ, опять припалъ къ сосцамъ оленьей матки, на этотъ разъ не проглатывая высосанное молоко, а выпуская его въ принесенный сосудъ.

— Вай, вай!—сказалъ онъ, поднося Кутувіи ковшъ, въ которомъ плескалось около стакана густаго молока, добытаго такимъ оригинальнымъ способомъ. Кутувія съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ содержимое ковша. Эуннэкай облизывалъ капли, прильнувшія къ нѣсколькимъ бурнымъ волоскамъ, составлявшимъ его усы. Но Каулькай не удовлетворился этимъ.

— Хочешь чопальгинъ?—спросилъ онъ отрывисто, снова собирая свой чауть въ кольца и направляясь къ огромному быку съ вѣтвистыми рогами, который, не подозревая готовящагося нападенія, мирно прогуливался по пастбищу.

— Эгей! отвѣтилъ Кривоногій, утвердительно кивая головой.

Каулькай снова швырнулъ арканъ и поймалъ быка. Почувствовавъ захлестнутую петлю, быкъ отчаянно рванулся впередъ. Арканъ глухо щелкнулъ и натянулся, какъ струна.

— Эй, лопнетъ, лопнетъ!—закричалъ Кутувія, приподнимаясь на колѣни, но Каулькай, перебираясь по аркану, въ одно мгновеніе очутился около быка и мощными руками пригнулъ его голову къ землѣ.

— Рѣжь!—закричалъ онъ запыхавшимся голосомъ.

Кривоногій подбѣжалъ съ огромнымъ ножомъ и остановился въ нерѣшимости.

— Половину!—сказалъ нетерпѣливо Каулькай.

Не долго думая, Кривоногій ударилъ ножомъ по правому рогу оленя и отрубилъ большую лопасть съ тремя острыми и широкими развѣтвленіями. Олень судорожно вздрогнулъ. Кровь тонкой струйкой потекла изъ раны, заливая оленью голову около уха. Каулькай снялъ петлю и отпустилъ быка на волю.

— Перевязать бы!—закнулъ Кривоногій.

— Ёшь, не говори! повелительно сказалъ Каулькай. — Засохнеть, прибавилъ онъ, возвращаясь на прежнее мѣсто.

Кривоногій подобралъ чопальгинъ и, усѣвшись у своей котомки, принялся снимать мясистую кожу съ тонкаго хряща. Опаливъ на огнѣ ея короткую шерсть, онъ съ видимымъ наслажденіемъ принялся кромсать ее на кусочки и отправлять ихъ въ ротъ.

— Вай, вай! сказалъ Кутувія, протягивая руку по направленію къ чопальгину, но, встрѣтивъ взглядъ Каулькай, поспѣшно отдернулъ ее, словно обжогшись.

Каулькай стоялъ напротивъ Кривоногого и, скрестивъ руки на груди, молча смотрѣлъ, какъ онъ управляется съ чопальгиномъ. Нельзя было представить себѣ большей противоположности, чѣмъ эта мощная фигура, составлявшая какъ бы олицетвореніе силы и здоровья, и жалкая болѣзненная фигурка, скорчившаяся напротивъ и опиравшаяся спиной на мягкую котомку, какъ будто одна связка косматой одежды была брошена около другой! И однако Каулькай и Эуннѣкай были родные братья, дѣти старой чукчанки Нэучкатъ, прожившей уже сорокъ лѣтъ на стойбищѣ своего могущественнаго родственника, чукотскаго «короля» Эйгелина *) и вырослившей тамъ своихъ сыновей. Нэучкатъ никогда не жила у мушчины въ патрѣ. Смолоду Эйгелинъ не хотѣлъ отдать ее, чтобы не потерять здоровую рабочую силу, а потомъ какъ то такъ случилось, что никто не пожелалъ трижды обвести ее вокругъ столбовъ своего жилища и подвести для благословенія къ новому огню, добытому изъ святаго дерева. Должно быть чукотскіе парни не очень зарились на ея сутуловатую фигуру съ кривыми плечами и на грубое лицо съ толстыми челюстями, выдавшимися впередъ, какъ у россомахи. Даже дѣти у нея являлись какъ-то невзначай, послѣ случайнаго посѣщенія какого нибудь бродячаго гостя, и появленіе ихъ каждый разъ вызывало удивленіе даже у стараго Эйгелина. Такъ и осталась Нэучкатъ жить у Эйгелина въ качествѣ бѣдной родственницы-рабыни, исполнявшей безпрекословно каждое приказаніе своихъ хозяевъ. Теперь Нэучкатъ была стара. Лицо ея сморщилось, какъ древесная кора, глаза стали плохо видѣть. Изъ всѣхъ сыновей, которыхъ она въ разное время принесла на Божій свѣтъ, уцѣлѣли только два. Всѣ другіе давно умерли. Иныхъ враждебные духи унесли въ подземныя пустыни, когда они были еще не больше слѣпаго щенка, лежащаго у сосцовъ недавно оценившейся суки. Одного унесъ Великій Моръ (оспа), случайно затланувшій въ эту отдаленную страну. Са-

*) Тойонъ оленныхъ чукочъ, называемый въ простонарѣчьи также ко-ролемъ.

мому старшему чаунскіе чукчи переломали ребра на весенней ярмаркѣ въ какой то пьяной ссорѣ, причины которой никогда не зналъ ни одинъ изъ участниковъ.

Но изъ двоихъ уцѣлѣвшихъ одинъ былъ бесполезнымъ уродомъ, непригоднымъ къ охраненію табуновъ, дающихъ человеку жизнь. Только Каулькай удался на славу, какъ молодой олень съ желѣзными рогами, не признавшій власти человека и забодавшій волка на вершинѣ горнаго хребта *). Отцомъ Каулькай называли Тынаймита, который славился когда то на Чаунскихъ стойбищахъ, какъ лучший борецъ и бѣгунъ, и обгонялъ всѣхъ ачековъ **), состязавшихся на пѣшемъ бѣгу. А отцомъ Эуннакай былъ маленькій одноглазый Ауранъ, весь вѣкъ проходившій *упылиномъ* ***) въ чужомъ табунѣ и не выростившій даже пары пряговыхъ оленей, чтобы отвести его карету на погребальный костеръ.

Но и Каулькай съ ранняго дѣтства попалъ въ пастухи чужаго стада и уже 12 лѣтъ пасъ оленей Эйгелина, помогая то тому, то другому изъ его восьми сыновей, чаще всего тяжеловѣсному Кутувію, сердце котораго не отличалось особой оленюлюбивостью и который нуждался въ услугахъ быстроногаго упылина больше, чѣмъ его братья. Эуннакай въ счетъ не шелъ. Онъ бродилъ круглый годъ по сѣнтухъ вмѣстѣ со стадомъ и его вняли пастухомъ, только для того, чтобы не мозолить глаза старому Эйгелину, который не потерпѣлъ бы празднаго пребыванія его на своемъ стойбищѣ, даже если бы его ноги были исковерканы въ десять разъ хуже. Ибо никто не имѣлъ права нарушить завѣтъ Тенантумгина, повелѣвшаго потомкамъ Нэныньяки ****) дни и ночи проводить въ заботахъ о стадѣ.

Эуннакай скоро справился со своимъ чопальгиномъ. Ничтожное количество шкуры, содранной съ роговъ, было слишкомъ незначительной величиной для его голоднаго желудка. Каулькай и Кутувія, которые еще утромъ съѣли три маленькихъ хариуса, извлеченныхъ черуной изъ быстробѣгущихъ струй Мурулана, тоже не чувствовали сытости.

— Попокальгина не видѣлъ? спросилъ Кутувія помолчавъ.

— Нѣтъ!—грустно отвѣтилъ Кривоногіи; онъ очень любилъ попокальгинъ *.*.*.*).

— Хоть бы мышинное гнѣздо найти!—сказалъ Кутувія.

*) Заимствовано изъ чукотской сказки.

**) Ачекъ—молодой человекъ.

***). Упылинь—работникъ.

*****) Герой многихъ чукотскихъ преданій, баснословный предокъ чукотскаго племени.

*****). Растеніе изъ породы крестоцвѣтныхъ, корень котораго употребляется чукчами въ пищу.

— Ламуты говорятъ: грѣхъ!—нерѣшительно сказалъ Кривоногий.—Мышь запасъ собереть, а люди украдутъ!..

— Ты развѣ ламутъ?.. Ты чаучу (чукча),—жестко возразилъ Кутувія.—Тенантумгинъ велѣлъ намъ брать нашу ѣду тамъ, гдѣ мы ее находимъ!.. А ламуты сами ѣдятъ всякую нечисть!

— Мышь потомъ съ горя удавливается на тальничномъ развилкѣ!—сказалъ Кривоногий.—Я самъ видѣлъ!—прибавилъ онъ, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на лицѣ Кутувія.

— Пускай!—сказалъ Кутувія.—Мнѣ какое дѣло? Лишь бы кореньевъ было больше!

— А мышиною отравы не боишься?—спросилъ Каулькай, сощуривъ глаза.—Чукчи увѣряютъ, будто мышь въ защиту отъ грабителей, собираетъ нѣкоторые ядовитые корни, которые и перемѣшиваетъ со своими запасами.

— Медвѣдь не боится, я зачѣмъ бояться стану?—задорно возразилъ Кутувія.—Онъ мышинные амбары пуще нашего раскапываетъ!..

— Со старикомъ не равняйся!—съ удареніемъ сказалъ Каулькай.—Онъ вѣдь все знаетъ. Онъ шаманъ!..

— Шаманъ, шаманъ!—упрямо повторилъ Кутувія.—Кмэкай тоже шаманъ!..

Каулькай засмѣялся.—Харэм-экъ *)—увѣренно сказалъ онъ, усаживаясь на прежнее мѣсто.

— А зачѣмъ онъ женское платье надѣлъ?—подзадоривалъ Кутувія.—Копья не носить, чаутомъ не бросаетъ! Совсѣмъ баба!

— Не говори!—сказалъ Эуннэкай боязливо.—Они велѣли ему женское платье надѣть, когда онъ спалъ пять дней и пять ночей подъ рядъ. Унесли его съ собой, донесли до седьмой бездны и хотѣли запереть въ каменномъ паламѣ безъ двери и безъ лампы!.. Онъ насилу отпросился у нихъ и общалъ надѣтъ кэркэръ и служить имъ весь свой вѣкъ... Я слышалъ, какъ онъ самъ рассказывалъ Эйгелину объ этомъ!..

— Пустое!—настаивалъ Каулькай.—Онъ вѣдь своего тѣла не перемѣнилъ. У него на лицѣ тоже черная борода, а его жена, Ампрынаутъ въ прошломъ году родила ему сына. Настояще ирекалауль мѣняютъ и тѣло. Вотъ я у *торговыхъ домоовъ* **) видѣлъ Эчвака, такъ тотъ самъ родилъ двухъ дѣтей. Вотъ это настоящій ирека-лауль! А если бы Кмэкай былъ у Кэля, онъ владѣлъ бы «вольными голосами». Это всякій знаетъ!.. ***).

*) Отрицаніе.

**) Такъ называютъ чукчи Анюйскую крѣпость, построенную исключительно для весенней ярмарки и въ остальное время года пустынную и запертую на замокъ.

***). Наиболѣе сильными шаманами у чукочъ считаются гермафродиты (ирка-лауль, на мѣстномъ русскомъ арѣчин супанъ), которые, по общему

— А вотъ я ходилъ въ позапрошломъ году на вершину Осоа съ Эйгелиномъ и видѣлъ Кауно! Вотъ шаманъ!—сказалъ Кутувія, понизивъ голосъ.—Вотъ страхъ!—Потушатъ огонь въ пологу, а онъ сейчасъ уйдетъ невѣдомо куда, Туша тутъ, съ нами, а самого нѣтъ! А мы прижмемся другъ къ другу и лежимъ, какъ зарѣзанные олени! Уйдетъ и ходить въ надземныхъ странахъ! Потомъ слышимъ голосъ, высоко, высоко... Это онъ возвращается. А съ нимъ и *тѣ*. Да много! Страхъ! Всякіе! И надземные, и подземные, и изъ-за моря, изъ-за камней, изъ западной тундры... Кричатъ! Перекликаются!.. То влетятъ въ пологъ, то вылетятъ вонъ. И онъ съ ними. А только Кауно сильнѣе всѣхъ Кэля. Такъ и бранить ихъ, какъ Эйгелинъ бабъ. А они все молчатъ или только отвѣчаютъ: эгей!

— Этотъ Кауно вернулъ Нуталькуту украденный увирить (душу),—сказалъ Каулькай.—Самъ Нуталькутъ рассказывалъ. У него Кэля шестой увирить *) украли. Онъ и сталъ сохнуть. Въ табунъ не ходитъ, ѣду не ѣстъ, сномъ не спитъ... Лежитъ день и ночь на землѣ. Умъ мутиться сталъ. «Сбирался, говорить, покинуть и жену, и стадо, уйти вѣлѣсь и стать *косматымъ немнѣмомъ*!» **) Вдругъ пріѣхалъ Кауно. Никто его не звалъ, самъ узналъ. Ну, да какъ не узнаеть? У него ихъ сколько на службѣ. Все ему говорятъ! Я привезъ твою пропажу!—говорить. Сейчасъ велѣлъ поставить пологъ, зажечь четыре лейки (лампъ). Нуталькуту говоритъ: «Раздѣнься до нага! Войди въ пологъ!» Нуталькутъ вошелъ. А въ пологъ никого нѣтъ, только бубень лежитъ на шкурѣ. «Потуши три лейки!»—говорить Кауно.—А самъ совсѣмъ снаружи, даже въ шатеръ не входитъ. Три погасилъ, четвертая еще горитъ. Вдругъ бубень, какъ застучить!.. Какъ загромить!.. Прыгаетъ по пологу до самого потолка. Прыгалъ, прыгалъ, упалъ. Нуталькутъ смотритъ, что будетъ. Видитъ: вылѣзаетъ изъ бубна черный жучокъ. Поползъ по шкурамъ, прямо къ нему. Влѣзъ на ногу поползъ по ногѣ, потомъ по спинѣ, потомъ по шеѣ, потомъ по головѣ. Добрался до макушки и вскочилъ въ голову... Съ тѣхъ поръ Нуталькутъ снова сталъ прежнимъ человѣкомъ. Только имя Кауно велѣлъ ему перемѣнить. «Можетъ, они снова придутъ, говорить, такъ пусть не найдутъ прежняго Укквуна...»

мнѣнію, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ злыми духами. Поэтому люди, желающіе сдѣлаться шаманами, часто надѣваютъ женское платье и усваиваютъ всѣ женскія привычки, объясняя, что Кэля велѣли имъ сдѣлаться такими сушанами. «Вольные голоса» — чревоушщанію, считающееся необходимою принадлежностью настоящаго шамана.

*) По мнѣнію чукочъ душа каждого человѣка состоитъ изъ пяти или шести увиритовъ, одного главнаго и нѣсколькихъ второстепенныхъ.

**) Немнѣмъ—житель. Косматые немнѣмы сродни медвѣдямъ. Они живутъ въ наиболѣе отдаленныхъ лѣсахъ и не показываются людямъ.

Эуннэкай слушалъ чудесный разсказъ съ разинутымъ ртомъ. Когда дѣло дошло до жука, который вскочилъ въ макушку Нуталькута, онъ невольно схватился рукой за собственную голову... какъ будто желая убѣдиться, что тамъ не происходитъ никакихъ исчезновеній и появленій таинственнаго *уы-рита*.

— А ты почаще спи на сѣнгахъ!—сказалъ Кутувія, замѣтивъ его движеніе.—Ни табуна, ни огня, никакой защиты! Украдутъ когда нибудь и у тебя!..

Эуннэкай посмотрѣлъ на него жалобно. Онъ готовъ былъ заплакать:

— Оставь!—сказалъ медленно Каулькай.—Не дразни ихъ! Можетъ, услышатъ.

— А знаешь... Кмэкаю везетъ!—перемѣнилъ Кутувія тему разговора.—Его жена въ прошломъ году родила сына, а теперь и сноха беременна!

— Да вѣдь Винтувіа только семь лѣтъ!—сказалъ Каулькай.—Рано у него дѣти рождаются!

— У него, у него!—передразнилъ Кутувія.—Кто ихъ знаетъ, у кого! Кмэкай сказалъ Чейвунѣ: твоему мужу только семь лѣтъ, а у меня нѣтъ внука. Своруй отъ мужа и отъ меня!.. Только чтобъ не знали, съ кѣмъ! Узнаю, поневолѣ придется колотить!

— А здоровая баба Чейвуна!—сказалъ Каулькай.—Я видѣлъ, она несетъ на спинѣ вязанку дровъ. Некаждый паренъ утащить. Молодецъ Кмэкай!.. Рано сыну жену напелъ! Выростетъ, не придется сторожить чужихъ оленей! Должно быть ему вправду помогаютъ *ты*!

— Выростетъ Винтувіа, она будетъ старая!.. Старая жена, мало радости.

— А вправду, отъ кого Чейвуна ребенка принесла?—настаивалъ Кутувія.—Не отъ тебя ли, Эуннэкай? Ты, кажется, зимою гостилъ у Кмэкай!..

— Оставь!—сказалъ Эуннэкай,—стыдливо опуская глаза.—Мое сердце не знаетъ дѣвокъ!

— Ну, ври, ври!—со смѣхомъ говорилъ Кутувія.

— Славныя дѣвки у ламутовъ!—продолжалъ онъ, закрывая глаза.—На косѣ *уиеръ* *), на груди серебро, на шеѣ бусы. А когда ходить, передникъ такъ и звенить бубенчиками!.. А наши влѣзутъ въ мѣховой мѣшокъ и ходить въ немъ весь вѣкъ!

Не смотря на свой недавній патріотическій окрикъ на Эуннэкай по поводу ламутовъ, Кутувія предпочиталъ *ламутскихъ* дѣвокъ чукотскимъ.

*) Уиеръ, длинная кисть изъ нѣсколькихъ нитей бусъ, привязываемая къ косѣ дѣвушки.

— У Эрема *) Митрея хорошая дѣвка! — лукаво сказалъ Каулькай.—Спина, какъ у важенки, волосы, какъ *кериль таахъ* **). Молодому ачеку хорошая жена!

— Да, хорошая!—проворчалъ Кутувія,—Митрей меньше ста оленей не возьметъ. Это вѣдь цѣлый табунъ!—Худой народъ ламуты!—продолжалъ онъ злобно.—Продаютъ дѣвку, какъ *манщика* ***).

— Развѣ у Эйгелина оленей нѣтъ?—спросилъ Каулькай.—Ваши олени на пяти рѣкахъ. Упавшіе рога, какъ валежники на сѣнтухѣ!..

— Эйгелинъ не хочетъ ламутской невѣстки!—угрюмо сказалъ Кутувія.—Старикъ говорить: «дочь Чэмэги убѣжала отъ Кэргувіи, твоя тоже покажетъ спину. Не дамъ оленей за слѣды на снѣгу!»

— Пускай!—сказалъ Каулькай.—Ламутская родня мало добра. Вонъ у Рольтыэргина на Олоѣ какой былъ табунъ! Одни бычачьи рога стояли, какъ лѣсъ. А какъ взялъ ламутскую дѣвку, такъ ничего не осталось. Шурья, да свояки все съѣли. *Ламутское юрло проглотитъ всю снѣгуху и сытѣе не станетъ!*

Эунэкай молча слушалъ разговоры товарищей. Хотя онъ и сказалъ, что его сердце не знаетъ дѣвокъ, но это не совсѣмъ согласовалось съ истиной. Напротивъ, въ рѣдкія счастливыя минуты отдыха, на большомъ стойбищѣ Эйгелина, когда ему не хотѣлось ни спать, ни ѣсть, когда онъ не долженъ былъ немедленно отправляться въ табунъ и могъ сидѣть у входа въ шатеръ, не двигаясь и не поднимаясь съ мѣста, онъ находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы слѣдить своими узенькими, но зоркими глазками за быстрыми движеніями дѣвушекъ, хлопотавшихъ у огня или мѣвшихъ оленьи шкуры своими крѣпкими руками. Онъ однако не раздѣлялъ вкуса Кутувіи относительно ламутокъ.

«Что хорошаго?—думалъ онъ.—Одежда вся распорота ****). Желѣза столько, что и таскать тяжело. Кругомъ навѣшано, въ глазахъ рябитъ! Кэркэръ гораздо красивѣе: пыжикъ черный, гладкій, на колѣняхъ пестринка. Шея опушена тройнымъ мѣхомъ. Ничего лишняго, гладко, красиво!.. Ламутская дѣвка по-

*) Эремъ староста.

**) Кэргиль таахъ воловистый табакъ. Чукчи очень любятъ воловистый (такъ называемый турецкій) табакъ и предпочитаютъ его русскому (листовому).

***). Манщикъ—олень, выдрессированный для приманки дикихъ оленей во время охоты, цѣнится значительно дороже обыкновеннаго упряжнаго оленя.

****). Чукчи въ насмѣшку называютъ ламутскую одежду распоротою, ибо она состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ частей.

объжить, за сучокъ желѣзками задѣнеть, а чукотская скользить между деревьями, какъ лисица!»

Эуннэкай вспомнилъ, какъ въ минувшую весну онъ странствовалъ съ *муулиномъ* *) во время кочевки и ему пришлось гнать табунъ вмѣстѣ съ Аммой. Дорога шла по крутымъ скаламъ съ перевала на перевалъ. На подъемахъ Амма быстро карабкалась вверхъ, не отставая ни на шагъ отъ оленей, прыгая съ камня на камень, хватаясь руками то за выступы скалы, то за вѣтви кедровника, то просто за снѣгъ. Эуннэкай далеко отсталъ на своихъ кривыхъ ногахъ. Добравшись доверху, онъ совсѣмъ запыхался и принужденъ былъ сѣсть на снѣгъ, чтобы отдышаться. Эуннэкай сидѣлъ на вершинѣ перевала, а Амма быстро спускалась внизъ за своими оленями. Ея легкій силуэтъ мелькалъ то слѣва, то справа, обгоняя табунъ. На гладкихъ спускахъ, покрытыхъ блестящимъ слежавшимся снѣгомъ, она падала на спину и скользила внизъ, сложивъ на груди руки и откинувъ голову, и горный вѣтеръ раздувалъ долгую шерсть на оторочкѣ ея мѣхового наряда. Она и вся была похожа на комочекъ шерсти, гонимый сѣвернымъ вѣтромъ по склону ущелья... Вдругъ быстрымъ движеніемъ она опять вскакивала на ноги и далеко убѣгала къ сторону въ погонѣ за своенравнымъ *печваномъ* **), задумавшимъ избрать для спуска одну изъ боковыхъ тропинокъ. Увы, когда потомъ Эуннэкай догналъ, наконецъ, Амму уже внизу въ глубинѣ долины, она только обвела его презрительнымъ взглядомъ и послѣ того обращала на него гораздо меньше вниманія, чѣмъ на стадо. Дѣвки вообще не засматривались на Кривонорогаго.

— А гдѣ табунъ?—внезапно сказалъ Каулькай, вскакивая на ноги.

Кутувія тоже вскочилъ, и оба они пытливо озирались вокругъ, отыскивая на острыхъ вершинахъ хоть одинъ силуэтъ движущагося животнаго.

— Направо, надъ лѣсомъ!—сказалъ Эуннэкай. Его глаза обладали наибольшей зоркостью.

Неутомонные олени уже успѣли уйти, Богъ знаетъ куда, спустились внизъ, перешли рѣку и собирались теперь на противоположный горный склонъ, безостановочно и поспѣшно, построившись въ долгую походную колонну, какъ будто ихъ призывала туда какая-то неотложная надобность.

Каулькай сорвался съ мѣста, какъ стрѣла, быстро сбѣжалъ по косогору, быстро перешелъ рѣку, не разбирая брода, и черезъ нѣсколько минутъ очутился на противоположной сторонѣ. Высокая фигура его уже мелкала надъ верхней опушкой лѣ-

*) Муулинь—кочевой поѣздъ.

**) Молодой олень.

совъ, направляясь къ ржаво-краснымъ склонамъ большой сопки, куда богатый моховой покровъ манилъ бѣглецовъ.

Кутувія посмотрѣлъ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и опустился на прежнее мѣсто.

— Приведетъ!—безпечно проговорилъ онъ.—Дай трубку!—прибавилъ онъ, протягивая руку къ Кривоногому.

Эуннэкай вытащилъ свой пустой табачный мѣшокъ и потрясъ имъ въ воздухѣ.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ лаконически.

— Что куришь?—спросилъ Кутувія, нахмутивъ брови.

— Трубочную накипь ковырять!—сказалъ Кривоногий.

Съ деревомъ мѣшалъ!

Кутувія проворчалъ что-то невнятное и, вытащивъ изъ-за пазухи собственный табачный мѣшокъ и маленькую оловянную «ганзу», укрѣпленную въ грубой деревянной оправѣ, набилъ ее сѣрымъ крошечкомъ изъ «черкаскаго табаку», смѣшаннаго также съ изряднымъ количествомъ дерева.

— Дай!—тотчасъ же протянулъ руку и Эуннэкай. Онъ уже давно не курилъ.

Кутувія безпрекословно передалъ ему мѣшокъ. Табакъ считается у чукочъ такимъ продуктомъ, въ которомъ никогда нельзя отказывать просящему.

Не болѣе чѣмъ черезъ полчаса явился Каулькай со стадомъ. Онъ пригналъ оленей на то самое мѣсто, гдѣ сидѣли его товарищи.

— Всѣ?—спросилъ Кутувія.

— А то нѣтъ?—переспросилъ Каулькай, усаживаясь рядомъ съ нимъ.

— Дай!—протянулъ и онъ руку къ Кутувіи, видя, что Эуннэкай выколачиваетъ трубку.—Скупой твой отецъ!—сказалъ онъ.—Когда даетъ табакъ, всегда ругается. Тратимъ много, говорить. А мы вѣдь безъ чаю ходимъ, только табакъ и тратимъ!

— Поневолѣ будешь скупымъ!—сказалъ Кутувія.—Ясаки вѣдь надо платить каждый годъ, а у насъ, кромѣ оленей, ничего нѣтъ! А много ли намънѣмы помогаютъ моему старику?..

— За то онъ эрэмъ! Изъ всѣхъ эрэмовъ самый главный! Въ прошломъ году на ярмаркѣ выпивали, *ясачный вождь* говорилъ: ты комиссаръ, я комиссаръ, насъ только двое! *).

— Да, говорилъ!—не унимался Кутувія.—Ему хорошо говорить! Ясачный вождь одной рукой посылаетъ *Солнечному владыкѣ* **) ясаки, а другой рукой отъ него получаетъ деньги,

*) Ясачный вождь, такъ чукчи называютъ исправника, которому даютъ также и старинное названіе комиссара.

**) Солнечный владыка—Государь.

а моему старику ничего не платять! А въ позапрошломъ году на Анюйскій Божій Домъ онъ отдалъ пятнадцать разъ двадцать быковъ. Это вѣдь сколько?

— Ко! *)—отвѣтилъ Каулькай, тряхнувъ головой. Его способности счисления не простирались такъ далеко.

Кутувія быстро придвинулся къ товарищамъ и, протянувъ руки, собралъ всѣ оконечности, принадлежавшія имъ, и соединилъ ихъ вмѣстѣ, прибавивъ къ общей суммѣ и свои собственные ноги.

— Сколько разъ нужно сдѣлать такую связку,—спросилъ онъ, обращая лицо къ Каулькаю,—чтобы получилось такъ много?..—и выпустивъ руки и ноги пріятелей, онъ сложилъ вмѣстѣ свои собственные ладони.—Вотъ сколько!—сказалъ онъ съ удареіемъ.

Каулькай посмотрѣлъ на него и выразилъ свое сочувствіе протажнымъ: Уаэ!

Кутувія былъ, очевидно, очень силенъ въ счетѣ. Не даромъ былъ разговоръ, что Эйгелинъ хочетъ передать ему свое достоинство, помимо старшаго своего сына Тынапа.

— Нашъ лучший табунъ до сихъ поръ не можетъ оправиться отъ потери!—сказалъ Кутувія.—Олени словно стали ниже, потерявъ своихъ старшихъ братьевъ!

— Тенантумгинъ захочетъ, прибавится вдвое!—сказалъ Каулькай ободряющимъ голосомъ.—Лишь бы «хромая» не привязалась къ стаду...

— Эуннэкай! вари чай!—крикнулъ онъ весело Кривоногому.

Кривоногій заморгалъ глазами. Они не видѣли чаю уже болѣе двухъ недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ покинули большое лѣтовье Эйгелина. Однако, онъ не посмѣлъ послушаться брата и, отвязавъ отъ своей котомки большой черный котелъ, спустился къ водѣ рѣки. Кутувія, улыбаясь, проводилъ его глазами.

— Онъ и вправду!—сказалъ онъ.—Чего заваримъ? Чаю вѣдь нѣтъ!

— Я набралъ *ліэ чаю!* **) подмигнувъ Каулькай, показывая на небольшую связку молодыхъ побѣговъ шиповника, завернутыхъ въ его шейный платокъ.

— Заваримъ *это* и будетъ еще лучше, чѣмъ *ліэ*. Мнѣ надоѣло тянуть холодную воду прямо изъ рѣки, какъ олень. Поъемъ горячаго!

Кутувія утвердительно кивнулъ головой. Когда они ухо-

*) Не знаю!

**) *Ліэ* чай настоящій чай. Такъ называютъ чукчи байковый чай, къ которому они питаютъ большое пристрастіе. Побѣги шиповника употребляются иногда взами́нь чаю.

дили со стойбища, Эйгелинъ имъ сказалъ:—Развѣ вы старики? Вы вѣдь молодые парни!—и не далъ имъ ни чайника, ни чаю. Старикъ относился подозрительно къ новому напитку, перенятому отъ русскихъ.—Когда я былъ молодъ, мы не знали, что такое чай!—ворчалъ онъ.—Хлебали супъ изъ моняла *) и кровяную похлебку, по мѣсяцу не видѣли горячаго. А теперь молодой парень безъ чайника ни шагу!

Но Кутувія былъ иного мнѣнія и очень уважалъ не только чай, но и бѣлый блестящій сахаръ, который русскіе привозили такими большими круглыми кусками.

— А сахаръ принесъ?—весело сказалъ онъ Каулькаю.

— Бѣлый камень, хочешь, принесу!—отозвался Каулькай.— Не то ступай на русскую землю и возьми тамъ кусокъ съ сахарной скалы!

Чукчи были увѣрены, что въ русской землѣ есть бѣлыя скалы, откуда выламываютъ сладкій сахаръ.

— А что?—спросилъ несмѣло Эуннэкай, который успѣлъ возвратиться съ водой и прилаживалъ котель у костра на длинный *одонъ* **).—На сахарныхъ скалахъ мохъ растетъ?..

— Видишь!—присвиснулъ Кутувія—Оленолюбивое сердце! Мохъ вспомнилъ! Ну ужъ если растетъ мохъ, то должно быть тоже сладкій.

— А *сердитая вода*?—спросилъ Эуннэкай задумчиво.— Она что?

— Огонь!—сказалъ Кутувія также увѣренно.—Размѣшанъ въ рѣчной водѣ... Русскіе шаманы дѣлають.

— Правда!—подтвердилъ Каулькай.—Зажги ее, такъ вся сгоритъ! Останется только простая вода! Я видалъ!

— Сила ея отъ огня!—продолжалъ Кутувія.—Она жжетъ сердце человѣка! Есть ли что сильнѣе огня?

— Мудры русскіе шаманы!—сказалъ Эуннэкай.—Воду съ огнемъ соединяють въ одно!

Воображеніе всѣхъ троихъ на минуту перенеслось къ чудесной странѣ, откуда привозятъ такія диковинныя вещи; котлы и ружья, черные кирпичи чаю и круглые сахарные камни, ткани, похожія по ширинѣ на кожу, но тонкія, какъ древесный листъ, и расцвѣченные разными цвѣтами, какъ горные дуга весною, и многое множество другихъ дивъ, происхожденіе которыхъ простодушные полярные дикари не могли примѣнить ни къ чему окружающему.

— Эйгелинъ говорить,—медленно сказалъ Эуннэкай, что

*) Моняломъ называется зеленоватая масса полуперевареннаго мху, вынутая изъ желудка убитаго оленя и очищенная отъ не переварившихся растительныхъ волоконъ. Чукчи варятъ изъ нея похлебку.

**) Длинная палка, втыкаемая въ землю и подпираемая рогой вѣткой.— На свободный конецъ одона подвѣшиваютъ чайникъ или котель.

Солнечный Владыка живетъ въ большомъ домѣ, гдѣ стѣны и полъ сдѣланы изъ твердой воды, которая не таетъ и лѣтомъ— ну въ родѣ, какъ *тин-койгингъ* *). А подѣ поломъ настоящая вода, въ ней плавають рыбы, а Солнечный Владыка смотритъ на нихъ. И потолокъ такой же, и солнце весь день заглядываетъ туда сквозь потолокъ, но лицо Солнечнаго Владыки такъ блеститъ, что солнце затмѣвается и уходитъ прочь!.. Я посмотрѣлъ бы!..

— Ты посмотрѣлъ бы!—сказалъ Кутувія съ презрѣніемъ.— А на тебя посмотрѣли бы тоже, или нѣтъ? А что сказалъ бы Солнечный Владыка, когда увидѣлъ бы тебя? Какой грязный народъ живетъ тамъ, за большой рѣкой? А?

Каулькай радостно заржалъ, откинувъ голову назадъ. Мысль о встрѣчѣ Кривоногаго съ Солнечнымъ Владыкой казалась ему необычайно забавною.

— Безумный!—сказалъ онъ ему, успокоившись отъ смѣха.—Тоже захотѣлъ на ту землю! Тамъ такъ жарко, что рыба въ озерахъ лѣтомъ сваривается и русскіе хлебаютъ уху ложками прямо изъ озера. Развѣ олени могли бы перенести такой жаръ? Охромѣли бы! Потѣли бы! А что станется съ чукчей безъ оленьяго стада?

— Что станется съ чукчей безъ оленьяго стада? — повторилъ Кутувія, какъ эхо.—Смотри, Эуннэкай! Олени опрокинутъ твой котелъ!

Дѣйствительно олени такъ и лѣзли въ огонь, не обращая вниманія на близость человѣка, которую въ другое время они не переносятъ. Вѣтеръ улегся такъ же внезапно, какъ и явился, и комариная сила мгновенно воспрянула отъ своего короткаго бездѣйствія. Комаровъ было такъ много, что казалось, будто они слетѣлись сюда со всего свѣта. Изъ края въ край надъ огромнымъ табуномъ мелькали черныя точки, словно подвижные узлы странной сѣти, наброшенной на міръ и ежеминутно измѣнявшей свой видъ. Большіе пауты (оводы) появлялись тамъ и сямъ въ петляхъ этой сѣти, кидаясь изъ стороны въ сторону рѣзкими угловатыми движеніями, одно изъ которыхъ неминуемо заканчивалось на чьей нибудь злополучной спинѣ. Со стороны казалось, будто кто-то швыряетъ въ оленей мелкими камешками.

Пауты были еще страшнѣе комаровъ. Едва почувствовалъ прикосновеніе паута къ своей кожѣ, олень испуганно вздрагивалъ и начиналъ метаться, становиться на дыбы, лягаться задними ногами, усиливаясь прогнать мучителя. Но оводъ сидѣлъ плотно на мѣстѣ, стараясь пробить своимъ крѣпкимъ

*) Слова ледъ и стекло по-чукотски почти тождественны. *Тин-койгингъ*—стеклянная чаша, т. е. стаканъ.

жаломъ тонкую лѣтнюю кожу и, только удовлетворивъ своей кровожадной страсти, улеталъ прочь. Кромѣ крупныхъ паутовъ, были другіе—мелкіе съ цвѣтнымъ полосатымъ брюхомъ и короткими прозрачными крыльями. Движенія ихъ были гораздо проворнѣе. Они не старались усѣсться на оленью спину, а, подлетая къ носу животного, брызгали ему въ ноздри тонкой струей жидкости, заключающей въ себѣ множество мелкихъ, по чрезвычайно вертлявыхъ червячковъ, не больше самой мелкой булавочной головки. Почувствовавъ у себя въ носу предательскую струю, олени принимались отчаянно чихать и тереться носомъ объ землю, что, конечно, нисколько не помогало имъ освободиться отъ червячковъ, которые поспѣшно пробрались въ самое горло, чтобъ тамъ замуроваться въ хрящъ.

Олени упрямо лѣзли въ костеръ, отгоняя другъ друга отъ неширокой струи дыма, дававшей защиту отъ насѣкомыхъ, и опрокинули таки котелъ Эуннакая. Къ счастью, онъ успѣлъ его вовремя подхватить, и только небольшая часть воды вылилась на землю.

— Бѣдные олени!—сказалъ Каулькай, недоброжелательно поглядывая на тучи насѣкомыхъ, носившихся надъ табуномъ. Пастухи сидѣли въ самомъ дыму и мало страдали отъ комаровъ и оводовъ.

— И зачѣмъ это Тенантумгинъ сотворилъ такую нечисть?

— Вовсе не Тенантумгинъ!—возразилъ Кривоногій съжигостью, которой совсѣмъ нельзя было ожидать отъ него.—Станетъ родоначальникъ созидать такое? Комаровъ создалъ Кэля. Я слышалъ, еще мать рассказывала: когда Тенантумгинъ дѣлалъ весь свѣтъ, онъ сдѣлалъ сперва землю, потомъ оленя съ человѣчьей головой, потомъ волковъ и песцовъ, которые говорили по человѣчьему. Потомъ онъ взялъ горсть земли, потеръ между ладонями, и вылетѣли всѣ съ крыльями, гуси лебеди, куропатки. А Кэля набралъ оленьего помета, тоже потеръ между ладонями, и вылетѣли комары, оводы и слѣпни и стали жалить оленей.

— Смотри-ка, Кутувія!—перебилъ Каулькай.—Вотъ этотъ пыжикъ кажется захромалъ. Дай-ка, я его поймаю!

И онъ осторожно сталъ подбираться къ маленькому черному теленку, слегка прихрамывавшему на лѣвую переднюю ногу, и, быстро вытянувъ руку, схватилъ его сзади. Теленокъ сталъ вырываться. Мать съ тревожнымъ хорканьемъ бѣгала около пастуховъ.

— Постой, дурачекъ!—ласково проговорилъ Каулькай.—Посмотримъ только и отпустимъ!

И, затиснувъ теленка между своими могучими колѣнями, онъ вздернулъ вверхъ большую ногу и принялся разсматривать пораженное копыто.

— Не видно!—сказалъ онъ и, вынувъ ножъ, спокойно срёзалъ внутренній краешекъ мягкаго копытка, похожаго скорѣе на хрящъ.

— А ну, посмотримъ!—сказалъ онъ и изо всей силы нажалъ пальцами вокругъ порѣза.

Изъ сѣроватаго хряща показалась капля крови, потомъ капля свѣтлаго гною, потомъ опять кровь, выдавившаяся цѣпью мелкихъ рубиновыхъ капелекъ. Теленокъ, убѣжденный, что пришелъ его послѣдній часъ, судорожно дрожалъ и закатывалъ глаза. Даже сопротивленіе его ослабѣло отъ ужаса.

— Пустяки, пройдетъ!—сказалъ Каулькай и уже готовъ былъ отпустить пыжика.

— Однако, не пройдетъ!—покачалъ головой Кутувія, заглядывая ему прямо въ глаза.

— Конечно не пройдетъ!—согласился тотчасъ же и Каулькай.—Хромая какъ привяжется...

— Не отстанетъ!—докончилъ Кутувія.

— Высохнетъ!..

— Издохнетъ!..

— Понапрасну пропадетъ!..

— Что жъ?..—закончилъ Каулькай и, вынувъ изъ-за пояса ножъ, увѣренной рукой вонзилъ его въ сердце бѣдному пыжику.

Пыжикъ судорожно брыкнулъ ножками. Глаза его еще больше закатились, потомъ повернулись обратно, потомъ остановились.

— Вай, вай! Эуннэкай!—сказалъ Каулькай, бросая на землю убитаго теленка.

Кривоногий обыкновенно исполнялъ всѣ женскія работы.

Черезъ полчаса пиршество было въ полномъ разгарѣ. Хотя олень былъ маленькій, но Эуннэкай приготовилъ всѣ его части по разъ навсегда заведенному порядку, и всѣ блюда чукотской кухни были на-лицо, смѣняя другъ друга. Мозгъ и глаза, сырыя почки и сырая печень, легкое, немного вываленное въ горячей золѣ и только испачкавшееся отъ этого процесса, снаружи черное, внутри кровавое, изрубленный мелко хрящъ носа, кожа, содранная съ маленькихъ рожковъ пыжика и опаленная на огнѣ. Въ котелъ съ горячей водой Эуннэкай положилъ цѣлую грудку мяса и повѣсилъ его надъ костромъ, прибавивъ двѣ или три охапки жесткаго тальничку, который онъ нарвалъ тутъ-же у огнища и бросилъ въ огонь вмѣстѣ съ полусохшими желтозелеными листьями.

— Это лучше твоего лѣз-чая!—сказалъ Кутувія, поглаживая себя по брюху.

Каулькай откинулъ голову назадъ, намѣреваясь заготовить по-прежнему, по не могъ, ибо ротъ его былъ набитъ до не-

возможности. Онъ только что испекъ на угольяхъ тонкія подоски мяса и теперь занимался ихъ уничтоженіемъ. Онъ чуть не поперхнулся и затопалъ ногами по землѣ. Эуннэкай тоже набилъ себѣ ротъ до такой степени, что почти не могъ глотать. Пастухи ѣли съ остервенѣніемъ, дѣйствуя съ одинаковой энергіей и зубами, и руками, и длинными ножами, составлявшими какъ бы продолженіе рукъ, нѣчто въ родѣ длиннаго желѣзнаго ногтя, которымъ можно было съ такимъ удобствомъ выковыривать остатки мяса изъ всевозможныхъ костныхъ закоулковъ. Кости, окончательно очищенные, доставались на долю желтаго Утэя, который разгрызалъ ихъ съ такимъ же остервенѣніемъ и поглощалъ до тла, не оставляя ни крошки. Онъ тоже былъ голоденъ, а косточки пыжика такъ мягки.

Половины пыжика какъ не бывало.

— А шкуру пусть Эйгелинъ отдастъ Михину! — насмѣшливо сказалъ Кутувія. — Ему вѣдь, все равно, долги платить! — и онъ заботливо растянулъ шкурку на землѣ, придавивъ ее камнями.

Удовлетворивъ голодь, пастухи поднялись съ мѣста и пошли осматривать табунъ, какъ бы стараясь возмѣстить усиленнымъ проявленіемъ заботливости свое не совсѣмъ честное поведеніе относительно пыжика.

Они переходили отъ группы къ группѣ, внимательно осматривая каждое животное и стараясь по его внѣшнему виду и въ особенности по походкѣ опредѣлить, не начинается ли у него копытница. Маленькихъ телятъ и пыжиковъ Каулькай чрезвычайно ловко, какъ бы невзначай, хваталъ за ноги и передавалъ ихъ Кутувію, который выкусывалъ у нихъ на ухѣ зубами, то *пятно* своего отца, то свое собственное. Три или четыре раза онъ сказалъ Каулькаю: «Ты самъ!» И тотъ, бросая на него благодарный взглядъ, мѣтилъ оленье ухо собственнымъ пятномъ. Даръ этотъ означалъ, что Эйгелинъ и его дѣти высоко цѣнятъ труды Каулькая. Только усердному упылину собственники дарятъ на счастье нѣсколько телятъ. Маленькій теленокъ съ длинными смѣшно разставленными ушами, похожими на ослиныя, набѣжалъ прямо на Каулькаю и даже толкнулся носомъ въ его колѣни, принимая его, повидимому, за матку.

— Дуракъ! — ласково сказалъ Каулькай, поднимая его на руки. То былъ теленокъ отъ его собственной важенки.

— Эуннэкай! — сказалъ молодой пастухъ, обращаясь къ Кривоногому. — Вотъ, выкуси свою *виюпте*! Пусть у тебя прибавится олень!

Кривоногій съ важнымъ видомъ произвелъ требуемую операцію, потомъ выпустилъ пыжика. Почувствовавъ себя на свободѣ, пыжикъ убѣжалъ со всѣхъ ногъ съ громкимъ хрюканіемъ,

какъ будто жалуясь на боль, причиненную ему въ оплату за довѣрчивость.

— Красиво!—сказалъ Каулькай, любуясь на живописныя группы животныхъ.—Хорошо вылиняли!

— Всѣ черны! — подтвердилъ Кутувія, обводя глазами стадо.—Скоро станутъ жирѣть! Осмотрѣвъ стадо, пастухи погнали его на наледь, гдѣ комары нападали не такъ сильно. Отъ наледи тянула холодная струя, пагубно вліявшая на насѣкомыхъ. Мелкія лужицы воды, блестящія стальнымъ блескомъ на синеватомъ зернистомъ льду, нѣсколько похожемъ на фирнъ ледника, были наполнены трупами комаровъ и оводовъ, какъ нагляднымъ доказательствомъ своего укрощающаго вліянія на бичъ полярнаго лѣта. Олени съ удовольствіемъ выбѣжали на широкую бѣлую площадь и стали кружить взадъ и впередъ по наледи. Они не хотѣли ѣсть, и имъ было пріятно погружать копыта въ прохладныя лужи или топтать ими по гладкому льду, отвѣчавшему имъ рѣзкимъ отзвукомъ. Здѣсь имъ было прохладно, а на сухихъ горныхъ моховинцахъ они задыхались отъ зноя и насѣкомыхъ. Глядя вокругъ себя, они даже получали иллюзію зимы, составляющей для нихъ самое желанное время года.

Эуннэкай примостился у своей котомки и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Лѣто выдалось знойное и лишенное дождей. Вода въ горныхъ рѣчкахъ и ручьяхъ давно сбѣжала внизъ, только Муруланъ, питаемый наледью, не уменьшился. Льдистые островки, во множествѣ разбѣянные вокругъ большой наледи, сперва растаяли, потомъ тоже высохли. Большая наледь таяла съ каждымъ днемъ. Лѣто обѣло ее со всѣхъ сторонъ, обточило кругомъ, какъ кусочекъ сахару, и теперь собиралось повести нападеніе противъ самого центра. Множество мелкихъ ручейковъ, выбѣгавшихъ изъ подъ льда и шумно скатывавшихся внизъ, образуя быструю горную рѣчку, свидѣтельствовали о томъ, что нападеніе въ сущности давно началось и что большая наледь тоже не далека отъ своего конца.

Пониже къ сѣверу, тамъ, гдѣ мелкія рѣчки, сбѣгавшія по горнымъ долинамъ, сливались въ одну широкую и быструю рѣчку, окаймленную густыми лиственничными лѣсами, было еще хуже. Дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ тянулся густыми непрерывающимися тучами на верховья рѣкъ и къ вершинамъ горныхъ хребтовъ. Знойный вѣтеръ, прилетавшій оттуда, приносилъ съ собою запахъ горящаго дерну и сизый туманъ, въ которомъ не было ни капли влаги и который стѣснялъ дыханіе и ѣлъ глаза. Комары и оводы точно рождались изъ этого

дыма и тумана и по своей численности стали напоминать одну из десяти казней, низведенных Моисеемъ на Египетъ.

Олени совѣмъ взбѣсились отъ зноя, то и дѣло убѣгали съ пастбища и мчались, куда, глаза глядятъ, на поиски прохлады и облегченія. То убѣгавъ весь табунъ въ полномъ своемъ составѣ, то небольшіе *отрывки* и даже отдѣльныя единицы. Многіе пропадали безслѣдно, и пастухи ни за что не могли отыскать ихъ. «Хромая» водворилась въ табунъ и со дня на день усиливалась, производя большія опустошенія и угрожая погубить всѣхъ телятъ и двухлѣтковъ. Пастухамъ приходилось круто. Имъ нужно было то бѣжать въ догонку за табуномъ, то отыскивать отбившихся въ сторону, слѣдить за хромаыми, которые имѣли наклонность прятаться въ самыхъ густыхъ заросляхъ тальника, чтобы ожидать тамъ гибели, не поднимаясь съ мѣста.

Недавній голодъ смѣнился обиліемъ, но оно не радовало пастуховъ. Оно покупалось безплодной гибелью множества животныхъ, туши которыхъ приходилось покидать на произволъ судьбы, ибо на плечи Эунякая нельзя было нагррузить всѣхъ издыхающихъ оленей.

Въ непрерывной вознѣ съ оленями Каулькай и Кутувія забыли, что такое сонъ. Отъ суеты и напряженія они сами стали терять разсудокъ, какъ ихъ олени, и иногда имъ положительно трудно было провести границу между природой оленьей и своей собственной. Повременамъ имъ казалось, что зной, мучительный для оленей, нестерпимъ и для нихъ самихъ, и что вмѣстѣ съ оленьими ногами готовы заолѣтъ копытницей и ихъ собственныя, измученныя безостановочной бѣготней по камнямъ.

А между тѣмъ зной, собственно говоря, былъ довольно умѣреннаго характера. Правда, въ полдень солнце дѣйствительно жгло камни своими отвѣсными лучами, но къ вечеру жаръ быстро уменьшался и, когда солнце скрывалось за верхушки скалъ, температура быстро падала, а къ утру лужи на *куйвыкѣ* затягивались тонкимъ ледкомъ. Но пастухи, одѣтые въ мѣховую одежду и привыкшіе считать лѣто случайнымъ промежуткомъ почти не прерывающейся холодной зимы, даже такую степень зноя называли несслыханной и небывалой. — «Богъ прогнѣвался на эту землю!—говорили они—и хочетъ умертвить насъ вмѣстѣ съ нашими стадами!»

На куйвыкъ, прежде отпугивавшій комаровъ своимъ холоднымъ дыханіемъ, они прилетали теперь въ большомъ количествѣ, въ погонѣ за убѣгавшими жертвами. Было что-то противорѣчивое въ этихъ тучахъ насѣкомыхъ, ожесточенно нападавшихъ на бѣдное стадо среди бѣлаго куйвыка, покрытаго замерзшими лужами и окруженнаго побѣлѣвшими отъ инея паст-

бищами. Какъ будто характерные признаки лѣта и зимы ставились и существовали рядомъ, не желая уступить другъ другу мѣсто.

Холодный вечеръ наступалъ послѣ одного изъ особенно безпокойныхъ дней. Солнце такъ низко опустилось на острую верхушку круглой сопки, вырѣзывавшуюся на западѣ въ просвѣтъ горныхъ цѣпей, что можно было опасаться, чтобы оно не зацѣпилось за одинокое сухое дерево, Богъ вѣсть какимъ образомъ забревшее туда и походившее издали на жесткій волосъ, вставшій дыбомъ на окаменѣвшей щекѣ. На вершинахъ поближе уже начиналъ куриться черный туманъ, похожій на дымъ отъ неразгоравшагося костра. Стадо безпокойно ходило по пастбищу, отбиваясь отъ насѣкомыхъ и неутомимо порываясь убѣжать на сосѣднія скалы. Кутувія бѣгалъ взадъ и впередъ, заставляя возвращаться наиболѣе упрямыхъ оленей. «Го-го-гокъ! гокъ! гокъ!» — слышались его рѣзкіе крики, гулко отражаемые далекимъ горнымъ эхомъ. Каулькай растянулся на землѣ, положивъ камень подъ голову, и спалъ мертвымъ сномъ. Среди этихъ дикихъ камней его неподвижная фигура тоже казалась каменной. Кажется, землетрясеніе не могло бы разбудить его. Они чередовались съ Кутувіей, для того чтобы отдохнуть часъ, другой. Дольше этого управляться съ табунномъ было не подъ силу одному человѣку. Эуннэкай сидѣлъ на шкурѣ, подогнувши ноги, и чинилъ обувь брата, изорванную ходьбою по острымъ камнямъ, ожесточенно дѣйствуя огромной трехгранной иглой, въ ухо которой могъ бы пройти даже евангельскій верблюдъ, и грубой ниткой, ссученной изъ сухожилій. Окончивъ работу, онъ тоже растянулся на землѣ, опираясь головой на свою неизмѣнную котомку.

— Эуннэкай! — окликнулъ его знакомый голосъ, и онъ почувствовалъ въ своемъ боку изрядный толчокъ жесткаго *лах-тачнаго* *) носка, крѣпкаго, какъ дерево.

Эуннэкай поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ заспанными глазами. Надъ нимъ стоялъ Кутувія, опять подогнавшій оленей къ самому мѣсту ночлега.

— Полно тебѣ спать! — сказалъ Кутувія. — Ты, какъ Ненныяка, и днемъ спишь, и ночью спишь! Скоро на твоихъ бокахъ сдѣлаются язвы отъ лежанія!

— Эгей! — сказалъ Эуннэкай, готовый снова опустить голову на изголовье. Онъ чувствовалъ себя хуже обыкновеннаго.

Но Кутувія угостилъ его вторымъ толчкомъ, еще крѣпче перваго.

*) Лахтакъ шкура тюлена крупной породы, употребляется на ремни и подошвы.

— Встань! встань! — кричалъ онъ повелительно. — Зачѣмъ я одинъ долженъ держать открытыми глаза, когда вы съ братомъ валяетесь на землѣ, какъ сурокъ около медвѣдя! — И, довольный своимъ остроуміемъ, сынъ Эйгелина отрывисто разсмѣялся.

— Эгей! — покорно повторилъ Эуннэкай и сѣлъ на оленьей шкурѣ, служившей ему постелью. Кутувія поддержнулъ ногой другую шкуру, лежавшую поодаль, и тяжело опустился на нее.

— Худо, тяжело! — сказалъ онъ болѣе спокойно. — Кости моихъ ногъ опустѣли! Весь мозгъ высохъ! Цѣлый день я ни разу не садился съ этими оленями! Они не хотятъ стоять на мѣстѣ хоть бы минуту!

Эуннэкай посмотрѣлъ на стадо. Всѣ олени спокойно лежали на ровной площади пастбища. Нигдѣ не было видно ни одного комара.

— Не теперь, прежде! — сказалъ Кутувія, замѣтивъ его взглядъ. — Теперь хорошо! Тенантумгинъ пожалѣлъ таки насъ и послалъ большой холодъ. Комары валяются на землѣ, какъ сухая хвоя. Они не въ силахъ прокусить гнилой кожи налѣма. Теперь олени немного отдохнуть!

Тѣло Кутувіи понемногу приняло горизонтальное положеніе. Глаза его стали слипаться.

— Если побѣгутъ, разбуди Каулькая! — черезъ силу выговорилъ онъ и смолкъ, какъ пораженный громомъ.

Эуннэкай поджалъ свои кривыя ноги и усѣлся поплотнѣе, поглядывая на оленей глазами, еще не освободившимися отъ сна. Они тоже устали не менѣе пастуховъ и, пользуясь промежуткомъ благословеннаго холода, спали такимъ же крѣпкимъ сномъ, склонивъ головы на вытянутыя переднія ноги. Нѣкоторые телята лежали на боку, протянувъ въ разныя стороны свои тонкія ножки и напоминая трупы, брошенные на землю. Желтый Уталь усталъ больше всѣхъ. Ему приходилось весь день бѣгать за табуномъ на трехъ ногахъ: четвертая была заткнута за веревочный ошейникъ для обузданія его хищныхъ инстинктовъ по отношенію къ телятамъ и хромымъ печвакамъ. Въ настоящую минуту онъ лежалъ на обычномъ мѣстѣ своихъ отдыховъ, свернувшись въ клубокъ и прижавшись спиной къ ногамъ Каулькая, котораго онъ считалъ своимъ хозяиномъ, хотя, собственно говоря, принадлежалъ Кутувіи.

Эуннэкай чувствовалъ себя очень плохо. Грудь его мучительно ныла. Ему казалось, будто кто то сдвливаетъ ее съ боковъ. Отъ этого давленія боль ударяла въ спину и колола гдѣ то сзади. Даже дышать ему было трудно и каждый вздохъ выходилъ съ хрипомъ изъ его открытаго рта. Онъ сидѣлъ скорчившись, протянувъ впередъ голову, опираясь основа-

ниемъ спины объ свою котомку, и смотрѣлъ прямо передъ собой.

— Отчего я такой плохой?—думалъ онъ, — а Каулькай крѣпокъ, какъ большая лиственница у подошвы скалы. И Бутувія крѣпокъ, какъ камень, обросшій мхомъ! Только я плохой, слабый!... Зачѣмъ Тенантумгинъ создалъ меня такимъ худымъ? Хотъ бы немножко иначе! Чтoby грудь не болѣла и нога ходила прямо, какъ у людей!...

Эуннэкай вспомнилъ, что Каулькай назвалъ его Нэнынникой; но вѣдь Нэнынника не весь вѣкъ лежалъ на боку. Потомъ богъ Ваургинъ сжалился и сдѣлалъ его настоящимъ человекомъ. А можетъ и надъ нимъ сжалятся... Вдругъ прилетитъ воронъ, ударится объ землю, станетъ человекомъ и скажетъ: «Вставай, Эуннэкай! Полно тебѣ лежать на одномъ мѣстѣ, какъ охромѣлый пыжикъ! Ходи и ты, какъ человекъ!» И поправитъ его больную грудь и кривую ногу, и дастъ ему высокій станъ и пригожее лицо, красивую одежду изъ бѣлыхъ шкуръ, стадо пестрыхъ оленей, санки въ колокольчикахъ....

Эуннэкай поднялъ голову вверхъ и, видя ворона, пролетавшаго мимо, на минуту подумалъ, не Тенантумгинъ ли это. Но воронъ пролетѣлъ дальше, даже не посмотрѣвъ на Эуннэкаю.

Эуннэкай снова посмотрѣлъ передъ собой долгимъ взглядомъ. Рядъ круглыхъ сопокъ предъ его глазами курился густымъ чернымъ туманомъ, который свивался въ огромные клубы и медленно ползъ внизъ, наполняя долину. «Словно костры!»—думалъ Эуннэкай. Но этотъ дымъ такой холодный и мокрый. Отъ него грудь Эуннэкаю всегда болитъ сильнѣе, и глаза отъ него слипаются... слипаются.... слипаются....

Дальше Эуннэкай уже не думалъ. Сонъ, его истинный властитель, пришелъ такъ же внезапно, какъ всегда, и завладѣлъ его существомъ.

Сверхъ обыкновенія, Эуннэкаю приснился сонъ. Ему снилось, что Тенантумгинъ услышалъ его жалобы, но отнесся къ нимъ совершенно иначе, чѣмъ онъ имѣлъ право надѣяться. Божественный Воронъ, тотъ самый, который когда-то училъ своей каркающей рѣчи поколѣнія людей, лишенныхъ слова, — съ раскрытымъ клювомъ, широко простертыми крыльями и заостренными когтями, прилетѣлъ и прокричалъ у него надъ ухомъ.

— «Тебѣ не нравится больная грудь и кривая нога? Мэркичкинь тури! *) Ругаешь шатеръ, въ которомъ живешь! Не надо ничего! выходи вонъ!» Эуннэкай почувствовалъ, какъ всѣ шесть уврыитовъ, составлявшихъ его душу, покинули брентую

*) Ругательство.

земную оболочку и, дѣйствительно, вышли всѣ. Пять увыритовъ улетѣли въ разныя стороны, какъ испуганныя птицы, но одинъ остался. То онъ, онъ самъ, Эуннэкай. Онъ сталъ совсѣмъ крошечнымъ («какъ ножовый черенъ», — мелькнуло у него въ головѣ) и ощущалъ необычайную легкость.

Но Тенантумгинъ не далъ ему даже осмотрѣться въ этомъ новомъ состояніи, схватилъ его когтями и понесъ вверхъ. Они летѣли быстрѣе дикихъ гусей, перенесшихъ героя сказки Айваналина черезъ широкое море, легче пушинки, восходящей вверхъ на крыльяхъ отвѣснаго вихря, бѣгущаго со скалы на скалу. Эуннэкай въ ужасѣ закрылъ глаза и старался не слушать даже быстрого трепетанія крыльевъ, направлявшихъ кверху безостановочный полетъ.

Когда онъ открылъ глаза, они уже были подъ самымъ небомъ. Мимо нихъ мелькали разные жители небесныхъ пространствъ, на которыхъ Эуннэкай столько разъ смотрѣлъ бывало снизу въ ясныя зимнія ночи, дивуясь тому, что они вѣчно ходятъ тамъ, въ вышинѣ, и ни одному изъ нихъ не придетъ въ голову хоть на минуту спуститься на землю. *Шесть воиновъ* (6 звѣздъ Большой Медвѣдицы) вели ожесточенный бой, потрясая длинными копьями, а рядомъ съ ними сѣрая *скверушка* усе дно грызла оленій рогъ, даже не поднимая головы, чтобы взглянуть на битву (7-ая звѣзда Большой Медвѣдицы). *Стрѣлокъ* напрягалъ лукъ, а *пять женщинъ* загородились сѣтями, чтобы защититься отъ его губительныхъ стрѣлъ (Кассіопея). Широкий *песчаный путь* лежалъ поперекъ всего неба (млечный путь). Множество мелкихъ и крупныхъ оленей тихо бродили по его коленямъ. Дальше *большеголовые братья* ѣхали на своихъ высокихъ прыговыхъ быкахъ (Касторъ и Поллуксъ). *Двѣичья толпа* ожидала прихода жениховъ, *Прищипица* размахивала своей длинной пращей. Много было другихъ, именъ которыхъ не зналъ Эуннэкай.

Только Ун-Пэгеръ, тотъ, который вѣчно пребываетъ на мѣстѣ (Полярная Звѣзда), сверкалъ надъ головой въ недосигаемой вышинѣ.

Достигнувъ неба, воронъ мигомъ отыскалъ въ немъ дыру, прямо подъ ногами Ун-Пэгера и, юркнувъ въ нее, продолжалъ подниматься выше. Эуннэкай увидѣлъ въ вышинѣ другое небо, очу котораго были отличны отъ земныхъ созвѣздіи, издавна знакомыхъ ему. Только Ун-Пэгеръ, который вѣчно пребываетъ въ покоѣ, сверкалъ такъ же высоко надъ головой. Онъ посматрѣлъ внизъ. Прямо подъ нимъ разстилалась черная равнина, убѣгавшая съ каждой минутой въ неизмѣримую бездну, но еще близкая, на которой его острый взглядъ, несмотря на темноту, различалъ смутныя очертанія горъ и широкія пятна лѣсовъ прорѣзанныхъ свѣтлыми полосками бѣгущихъ водъ. Безъ

мѣнія, то была вторая земля, составляющая, какъ извѣстно, изнанку перваго неба, находящагося надъ головой людей. Воронъ продолжалъ подниматься вверхъ, прямо къ подножію Ун-Пэгера. «Въ свой домъ летить!»—подумалъ Эуннэкай, и на мгновеніе ему представились высокій утесъ изъ нetaющаго льда, сверкающій, какъ солнце, въ которомъ выдолблено жилище Тенан-Тумгина, и острая верхушка котораго украшена Полярной звѣздой. Между тѣмъ воронъ уже достигъ второго неба и, безъ труда отыскавъ въ немъ такую же дыру и на томъ же мѣстѣ, нырнулъ въ нее и одновременно миновалъ второе небо и третью землю, составляющую его изнанку, продолжая свое восхожденіе. Когда всѣ шесть небесъ, висящихъ одно надъ другимъ, были оставлены внизу, Эуннэкаю пришлось претерпѣть жестокое разочарованіе. Пролетѣвъ всѣ небеса, воронъ, вмѣсто Ун-Пэгера, повернулъ куда-то въ сторону и, замедливъ полетъ, тихо поплылъ надъ какой-то мрачной страной, ровной и пустынной, какъ ледяная грудь моря, и густо занесенной сугробами чернаго снѣга, опускаясь все ниже и ниже. Мѣстами изъ снѣга торчали какіе-то короткіе сучья. Но, всматриваясь поближе, Эуннэкай различалъ, что это человѣческія кости, погребенныя подъ снѣгомъ въ самыхъ различныхъ положеніяхъ. Они лежали такъ низко, что чуть не задѣвали за эти кости; костлявыя руки протягивали къ нимъ свои непомѣрно длинныя пальцы, похожіе на когти. Если бы воронъ выронилъ Эуннэкаю и предоставилъ ему упасть внизъ, онъ выражали бы готовность тотчасъ же подхватить его маленькое существо, какъ раненнаго птенца куропатки, и сдѣлать его собственной добычей. Пустые глаза череповъ смотрѣли на Эуннэкаю своимъ таинственнымъ взоромъ, скрытымъ въ глубинѣ внутренней темноты. Беззубые рты раздѣвались широко навстрѣчу, подстерегая малѣйшую оплошность ворона, чтобы подхватить и проглотить Эуннэкаю.

— Хорошо, что я такой маленькій!—подумалъ онъ.— Былъ бы по прежнему, кто нибудь непременно поймалъ бы за ногу!

Онъ поднялъ вверхъ голову, чтобы не видѣть ужасныхъ костей, и чуть не крикнулъ Тенантумгину, чтобы тотъ держалъ его крѣпче. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что то былъ совсѣмъ не Тенантумгинъ. Воронъ превратился въ безобразное чудовище со странными крыльями, какъ будто тонкая нерпичья шкура была широко натянута на основу изъ китоваго уса. У чудовища были четыре лапы, похожія на нерпичьи ласты. Переднія, которыми оно держало Эуннэкаю, всецѣло состояли изъ длинныхъ желѣзныхъ когтей, изогнутыхъ, какъ черуна, и выходившихъ изъ самой груди. Заднія были вытянуты вмѣстѣ и поворачивались изъ стороны въ сторону, замѣняя отсутствую-

щій хвостъ. Эуннекай узналъ лицо, блѣдное, какъ у мертвеца, незрячіе глаза, широкій ротъ съ двумя длинными клыками, торчавшими, какъ у моржа.

— Это Кэля!—подумалъ онъ въ ужасѣ.—Поглотитель душъ! Принесетъ въ логовище и съѣстъ!..

Эуннекай хотѣлъ закричать отъ ужаса, но голосъ остановился у него въ горлѣ. Кэля подлетѣлъ къ высокому черному шатру, стоявшему среди пустыни, и проникъ въ него, увлекая съ собою свою маленькую жертву. «Конепъ»,—подумалъ Эуннекай и опять закрылъ глаза.

Но Кэля, должно быть, еще не былъ голоденъ. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же растерзать Эуннекаю, онъ ограничился тѣмъ, что внесъ его въ пологъ, стоявшій у задней стѣны шатра. Сильный свѣтъ внезапно проникъ сквозь закрытыя вѣки Эуннекаю, и онъ невольно открылъ глаза. Въ пологѣ было свѣтло, какъ днемъ. Стѣны его были сдѣланы изъ гладкаго желѣза и блестящи, какъ лезвія топоровъ, привозимыхъ *морскими бородачами* *) на высокихъ огненныхъ судахъ. Не видно было ни входа, ни выхода. Кэля проникъ неизвестно откуда, и отверстіе, пропустившее его, тотчасъ же закрылось. У задней стѣны полога горѣла большая лейка. Свѣтлое пламя бѣлаго костнаго жира поднималось яркими языками на краю широкой желѣзной сковороды, наклоненной на одинъ бокъ, для того, чтобы растопленный жиръ лучше стекалъ къ свѣтлыиъ. Кэля положилъ Эуннекаю на противоположный край, свободный отъ бѣлыхъ пластовъ жира, и уѣлся въ углу полога, повидимому намѣреваясь отдохнуть отъ утомительнаго путешествія. Эуннекай тоже чувствовалъ смертельную усталость и лежалъ безъ движенія на сковородѣ. Какое-то крошечное существо, которое онъ сначала принялъ за деревянную заправку лейки, поднялось съ противоположнаго края сковороды, гдѣ оно сидѣло на желѣзной выемкѣ, у самого пламени, и, подойдя къ Эуннекаю толкнуло его маленькой ножкой, не больше деревянной спички. Впрочемъ Эуннекай и самъ былъ не больше этого маленькаго человѣчка. Эуннекай присмотрѣлся къ подошедшему. Маленькое тѣло его, обтянутое коричневой кожей, сморщившейся въ крошечныя складки, имѣло чрезвычайно странный видъ. Оно было засушено до самой послѣдней степени, напоминая осколокъ ламутской горчи (сушеное мясо), провисѣвшей подъ солнцемъ и вѣтромъ цѣлое лѣто. На немъ повсюду виднѣлись глубокіе изъяны, даже просто дыры, сквозь которыя можно было видѣть переливы свѣтлаго пламени, часть котораго онъ заслонялъ своей спиной. Уцѣлѣвшія части напоминали высушенную пленку, и были такъ тонки, что также свѣтились насквозь,

*) Американскіе мореходы.

пропуская яркіе лучи. На головѣ его не было ни одного волоса, маленькое личико съезжилось, какъ зерно кедроваго орѣха, обожженное огнемъ. Эуннэкай въ первый разъ видѣлъ такое странное существо. Тѣмъ не менѣе ему показалось что-то знакомое въ этой жалкой, скрюченной фигуркѣ.

— Пришелъ?—сказалъ человѣчекъ, толкая его ногой.

Эуннэкай не отвѣчалъ ни слова.

— Эуннэкай, пришелъ? — повторилъ человѣчекъ такимъ страннымъ голосомъ, что Эуннэкай отъ удивленія широко открылъ глаза. Онъ узналъ голосъ Реу, своего старшаго брата, котораго много лѣтъ тому назадъ унесъ Великій Морь.

— Ты что здѣсь дѣлаешь, Реу?—хотѣлъ крикнуть онъ, но Реу предупредилъ его:

— Не кричи!—выразительно шепнулъ онъ, предостерегающимъ взглядомъ указывая на Кэля, крѣпко заснуваго въ углу.—Кэля унесъ меня, чтобы я заправлялъ свѣтильню въ его лампѣ. Уже десять лѣтъ я хожу взадъ и впередъ сквозь горячее пламя! Видишь: на моей головѣ не осталось ни одного волоса, всѣ обгорѣли отъ жара, кожа моя сморщилась, какъ обожженная перчатка, тѣло прогорѣло до дыръ и не можетъ заслонить пролетающей искры. Даже тѣнь моя сгорѣла въ огнѣ! Какъ можетъ человѣкъ жить безъ тѣни?.. А теперь онъ взялъ и тебя! Берегись жить вблизи огня, Эуннэкай! Тѣло твое прогоритъ насквозь! Лицо почернѣетъ, какъ котель, стоявшій у костра 20 зимъ, зубы во рту станутъ, какъ обгорѣлые угли!..

Эуннэкай не отвѣчалъ ни слова.

— Ты спишь, Эуннэкай?..—человѣчекъ опять толкнулъ его ногой.

— Проснись, проснись!.. Есть средство убѣжать отсюда! Пробить дверь въ желѣзномъ пологу!.. Скажи Эуннэкай, что ты ѣлъ въ своей жизни на землѣ?

Эуннэкай подумалъ, подумалъ и отвѣтилъ:

— Оленину!

— А ѣлъ ли ты тюленье мясо? Ылъ ли ты моржовую кожу? Ылъ ли ты китовый жиръ?..

Эуннэкай опять не отвѣтилъ. Онъ боялся сказать: нѣтъ!

— Кто ѣстъ разное на землѣ, тотъ копить большую силу. Онъ можетъ бороться съ Кэля! Скажи, Эуннэкай: ѣлъ ли ты тюленье мясо? Ылъ ли ты моржовую кожу? Ылъ ли ты китовый жиръ?..

Но при одной мысли о борьбѣ съ Кэля, Эуннэкай вздрогнулъ и зажмурился. Онъ опять не отвѣтилъ на роковой вопросъ.

— Мэркичкины тури!—раздался громовой голосъ надъ его головой. Ужасный толчокъ ногою въ грудь разбудилъ Эуннэ-

кая. Кутувія стоялъ надъ нимъ съ лицомъ, искаженнымъ отъ ярости.

— Мэркичкинъ турн! Гдѣ олени?

Эуннэкай вскочилъ, трясаясь всѣмъ тѣломъ, и схватился за грудь. На яву, какъ и во снѣ, онъ не могъ выговорить ни слова. Ни одного оленя не было видно на площадкѣ. Она была такъ тиха и пустынна, какъ будто на ней отъ сотворенія міра не показывалось ни одно живое существо.

— Собака!—сказалъ Кутувія, нанося ему второй ударъ.— Каулькай! Каулькай! Вставай! Твой братъ отпустилъ табунъ!

Но Каулькай, спавшій такимъ непробуднымъ сномъ, пробудился еще раньше окрика. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на ногахъ, бросилъ быстрый взглядъ вокругъ себя, увидѣлъ своихъ товарищей, погрозилъ имъ своимъ загорѣлымъ кулакомъ и опрометью сбѣжалъ по крутому косогору на берегъ Мурулана, протекавшаго внизъ.

— Эй-а! Эй-а!—раздавались его громкіе крики призыва, проникнутые не поддающимся описанію хрипящимъ звукомъ, какой издають олени быки въ пору *порозованія*. Кутувія простоялъ секунду на мѣстѣ, потомъ, быстро подобравъ съ земли шапку, убѣжалъ по противоположному направленію, также начиная многотрудный поискъ.

Эуннэкай долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, держась рукою за грудь. Онъ никакъ не могъ понять, что случилось. Враждебный духъ опять усыпиль его умъ, чтобы увести отъ него оленей и погубить его въ конецъ. Не Тенантумгинъ, а Келя создалъ его, Келя владѣлъ имъ всю жизнь, Келя унесъ его душу въ эту туманную ночь и носилъ ее по надземнымъ пустынямъ, гдѣ никогда не бываетъ дня, и заперъ его въ желѣзный шалашъ для того, чтобы тѣмъ временемъ похитить отъ него табунъ. Эуннэкай машинально собралъ всѣ вещи, связалъ ихъ по обыкновенію въ видѣ плоской и длинной ноши, увѣсичавной котломъ, и уже хотѣлъ взвалить ее на свои плечи, но передумалъ и положилъ ее опять на землю. Надо искать оленей, а за вещами можно будетъ придти потомъ, въ другой разъ. Эуннэкай поднялъ кэнгуну (посохъ), забытую Кутувіей, и опять осмотрѣлся вокругъ. Желтый Утэль, ковыляя на трехъ ногахъ и виляя хвостомъ, подбѣжалъ къ нему. Онъ тоже спалъ и не успѣлъ уйти вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ пастуховъ, а теперь ластился къ Эуннэкаю, какъ будто выражая сочувствіе его горю и обѣщая посильную помощь.

Эуннэкай нагнулся и вытащилъ ногу Утэля изъ-за ошейника.

— Пойдемъ, Утэль! — сказалъ онъ — Станемъ искать табунъ!

Онъ спустился на Муруланъ, но, вмѣсто того, чтобы пе-

рейти на другой берегъ къ линіи противолежащихъ вершинъ, какъ это сдѣлалъ Каулькай, направился внизъ по рѣкѣ, намѣреваясь достигнуть небольшого горнаго ручья, впадавшаго въ Муруланъ, и, поднявшись вверхъ по его теченію, перевалить черезъ горную цѣпь и достигнуть истока другой горной рѣчки Андилва, стекавшей съ противоположнаго склона. То были высокія мѣста, богатая наледями и вѣчно обдуваемая вѣтромъ, постоянное жительство дикихъ оленей и горныхъ барановъ. Они были хорошо знакомы чукотскимъ оленямъ, которые не разъ убѣгали туда, и Эуннэкай надѣялся, что, можетъ быть, и теперь найдетъ тамъ свой убѣжавшій табунъ.

Послѣ ночнаго холода и тумана день выдался такой, какого не бывало и въ началѣ іюля, въ самую жаркую пору лѣта. Легкій вѣтеръ, потянувшій съ востока, увелъ всѣ дымныя тучи, надвигавшіяся отъ горѣвшихъ лѣсовъ, захвативъ по пути и сѣрыя облака тумана, нависшія на горныхъ вершинахъ. Было ясно и тепло. Нѣсколько плоское небо полярнаго горизонта сіяло блѣдной синевой, не запятнанной ни однимъ облачкомъ. Солнечные лучи весело переливались въ свѣтлыхъ струяхъ рѣчки, бѣжавшей по камнямъ. Эуннэкай шелъ и думалъ. Что, если табунъ убѣжалъ совсѣмъ и не вернется обратно? Конечно, Эйгелинъ не обидѣтъ отъ этого: у него есть еще четыре большихъ табуна. Кутувіа уйдетъ въ стадо къ Тынату, но ему и Каулькаю придется плохо. Эйгелинъ въ гнѣвѣ страшенъ. Развѣ не бросился онъ съ ножомъ на ламута Чемегу, когда дочь Чемеги, купленная для Кэргувіа, убѣжала ночью въ свой родной станъ, а Чемега не хотѣлъ вернуть калыма, какъ было условлено? И развѣ Эуннэкай не видѣлъ, какъ онъ колотилъ кольцомъ отъ чаута прямо по лицу своего третьяго сына Эттувію, когда у того ушелъ многочисленный «отрывокъ» изъ табуна?

Впрочемъ, не за себя лично больше всего опасался Эуннэкай. Пусть Эйгелинъ бьетъ его чаутомъ, пусть заколотитъ на смерть, пусть переломаетъ кости, какъ чаунцы переломали его старшему брату на Весеннемъ Торгу, пусть ударитъ его ножомъ въ грудь, какъ убиваютъ худого печвака весною на ѣду! Онъ заслужилъ все это. Да! пусть они зарѣжутъ его и ѣдятъ его тѣло, ибо онъ заставилъ ихъ потерять такъ много священныхъ животныхъ, дающихъ человѣку ѣду и жизнь!

Но мщеніе Эйгелина не ограничится имъ однимъ. Онъ прогонитъ со стойбища старую Нэучкатъ, и она пойдетъ пѣшкомъ скитаться по пустынѣ, ибо всѣ олени Каулькай ушли вмѣстѣ съ табунномъ Кутувіа и не осталось ни одного, чтобы запретъ широкія сани и увезти хоть шатеръ и три столба, основу людскаго жилища. Пойдетъ Нэучкатъ по пустынѣ, питаясь кореньями и дикими травами. Еще захочетъ ли какой нибудь

немнѣмъ дать ей пристанище? И Каулькая прогнать Эйгелинъ, и никто изъ сосѣднихъ владѣльцевъ не захочетъ принять къ себѣ пастуха, который такъ безпеченъ, что отпустилъ стадо. Но у Каулькая крѣпкія ноги. Онъ уйдетъ на другой конецъ *Камня* или туда, гдѣ Морской Чаунъ (малый чаунскій проливъ) наполняется соленой водой во время сѣвернаго вѣтра, а потомъ мелѣетъ, открывая дорогу на далекія пастбища Айо *), какъ разсказываютъ старики, впервые прогнавшіе стада съ сѣверной стороны на Камень. Уйдетъ Каулькай, опираясь на свое копьё, и Эуннѣкай больше не увидитъ его. Сердце Эуннѣкай болѣзненно сжалось. Въ этомъ нехитромъ и незлобивомъ сердцѣ тайлось глубокое, полубезсознательное обожаніе высокаго и статнаго брата, который во всѣхъ отношеніяхъ могъ служить идеаломъ чукотскаго ачека. Эуннѣкай забылъ и про боль въ груди и про больную ногу и быстро шагаль по каменистому берегу, опираясь на посохъ, свободный отъ обычной ноши, чуть ли не въ первый разъ. Растительность на берегахъ рѣки снова получила болѣе разнообразный характеръ. Всѣ кусты травы и цвѣты полярной и альпійской флоры поднимали ему на встрѣчу головы, немного утомленные бездождіемъ и зноемъ, ибо полярная растенія также предпочитаютъ сырость и холодъ. Изъ неплотныхъ каменныхъ расщелинъ выглядывали желтые, алые и голубые вѣнчики, которымъ еще не дано имени на языкѣ человѣка, похожіе то на незабудки, то на колокольчики, то на лиліи. Кочанъ (полярный одуванчикъ) поднималъ свои жесткія головки, опущенныя бѣлымъ пухомъ, похожимъ на клочокъ заячьяго мѣха. Жесткіе пучки дикаго лука, похожіе на стрѣлы, маленькіе кустики Макарши, наминавшія связки полуобдерганныхъ зеленыхъ перьевъ, выглядывали среди нѣжныхъ стеблей «гусяной травы». Дальше абдѣри (чемерица) протягивала широкія листья, подъ которыми прячутся злые духи, когда Тенантумгинъ ударяетъ копьемъ въ основаніе неба, производя громъ. Бѣлые цвѣточки «попокальгина» разстилались по землѣ. Колючій шиповникъ смыкался непроходимой чащей прямо поперекъ его дороги, путая свои иглистыя вѣтки съ корявыми побѣгами низкорослаго ольховника и съ тальникомъ, проникающимъ всюду.

Эуннѣкай упрямо продирался сквозь кустарникъ. Желтый Уталъ бѣжалъ трусцой сзади на своихъ короткихъ ногахъ.

Верховье Андилвы ничѣмъ не отличалось отъ Мурулана. Вдали мелькали бѣлыя линіи наледи. Можно было подумать, что это та самая, отъ которой нѣсколько часовъ тому назадъ разошлись въ разныя стороны чукотскіе пастухи. Выйдя изъ густой тальничной заросли и вскарабкавшись на уступъ, идти

*) Островъ Сабадей, отдѣленный отъ материка узкимъ проливомъ.

по которому было гораздо удобнѣе, Эуннэкай вдругъ остановился и сталъ внимательно всматриваться впередъ. Два или три смутныхъ силуэта мелькнули. Богъ знаетъ на какомъ разстояніи предъ его глазами. То, конечно, были олени. Ужъ не ихъ ли табунъ? Эуннэкай побѣждалъ впередъ по каменнымъ плитамъ, поросшимъ мхомъ, подирыгивая на одной ногѣ, а другою подпираясь, какъ костылемъ, и помогая себѣ своимъ крѣпкимъ посохомъ, съ широкимъ роговымъ набалдашникомъ, укрѣпленнымъ на концѣ.

Онъ напоминалъ большаго лѣнялаго гуся, убѣгающаго отъ собаки и помогающаго себѣ на бѣгу безперымъ крыломъ.

Съ уступа открывался видъ на широкое поле, покрытое крупными кочками и поросшее мелкимъ тальникомъ. Мѣстами между кочками блестѣла вода, на зло засухѣ сохранившаяся въ этомъ мѣстѣ. Стадо оленей, рассыпавшись между кучами мелкихъ кустовъ, паслось на полѣ, опщипывая тонкія тальничныя вѣточки и вырывая болотныя травы изъ влажной почвы. Одного бѣлаго взгляда было достаточно для Эуннэкай, чтобы опредѣлить, что это олени не тѣ, которые недавно ушли у него. Ихъ было меньше, и наружный видъ ихъ былъ совсѣмъ иной. То былъ крупный олень на высокихъ ногахъ, большей частью свѣтлосѣраго цвѣта, съ развѣсистыми рогами и длинной вытянутой головой. То было ламутское стадо. Пастуховъ не было видно. Ламутскіе олени гораздо смирнѣе чукотскихъ, и пастухъ можетъ безопасно засыпать въ стадѣ, не опасаясь, что его животныя убѣгутъ, воспользовавшись его оплошностью. Эуннэкай отправился къ ламутскому стаду, рассчитывая все-таки узнать что нибудь отъ пастуховъ о своихъ потерянныхъ оленяхъ.

Стойбище было совсѣмъ близко. Онъ сперва не замѣтилъ его изъ-за лѣска, у опушки котораго оно было раскинуто, и теперь прямо направился къ нему.

Пять небольшихъ шатровъ лѣпились другъ около друга. Они состояли изъ тонкаго кожаннаго покрова, кое-какъ укрѣпленнаго на переплетѣ жердей и испещреннаго множествомъ дыръ, прожженныхъ искрами, отлетающими внутри отъ очага. Таковы ли были огромные чукотскіе шатры, укрѣпленные на крѣпкихъ столбахъ, оболочка которыхъ состояла изъ твердой и косматой оленьей шкуры, гдѣ малѣйшая дыра тщательно починивалась!

У каждаго шатра вытягивался длинный рядъ аккуратно спитыхъ и завязанныхъ переметныхъ сумъ. Все ламутское имѣніе было внутри этихъ сумъ, нигдѣ не было видно опрокинутыхъ саней, мѣшковъ съ рухлядью, шкуръ и т. п. скарба, который всегда разбросанъ на чукотскомъ стойбищѣ.

Внѣшняя обстановка ламутскаго стойбища носила харак-

терь воздушности, какого то птичьего хозяйства, которое можно каждую данную минуту подхватить чуть ли не под мышку и унести безъ всяких хлопотъ, поднять съ земли, перекинуть черезъ оленью спину и поскакать, куда глаза глядятъ, оставивъ на случайномъ мѣстѣ ночлега только кучку пепла отъ остывшаго костра.

Старый тощій ламуть, въ фигурѣ котораго было тоже что-то птичье, сидѣлъ у входа въ шатеръ, внимательно разсматривая кремневый замокъ, вынутый изъ короткой пищали. Онъ поднялъ на Эуннэка свои маленькіе круглые глаза, тоже похожіе на глаза птицы, даже какъ будто имѣвшіе внутреннее вѣко, но мутные и потускнѣвшіе, лишенные выраженія и какъ будто мертвые и, не выразивъ никакого удивленія, снова опустил ихъ на свою работу.

— Пришель?—произнесъ онъ однако обычное чукотское привѣтствіе.

— Гдѣ мои олени?—обратился къ нему Эуннэкай, даже не отвѣчая на привѣтствіе. Онъ повидимому полагалъ, что весь міръ знаетъ уже объ его потерѣ и не нуждается въ объясненіяхъ.

Ламуть опять поднялъ голову и посмотрѣлъ на него своими тусклыми глазами. Ламутовъ обвиняли, и не безъ основанія, въ присвоеніи оленей, убѣжавшихъ изъ чукотскихъ стадъ, даже прямо въ кражѣ, и старикъ опасался, что Эуннэкай имѣетъ въ виду какой нибудь случай въ этомъ родѣ.

— Войди!—сказалъ онъ, оставивъ безъ отвѣта невразумительный вопросъ, и посторонился отъ входа.

Эуннэкай поднялъ занавѣску, опущенную полоской медвѣжьей шкуры и замѣнявшую дверь, и пролѣзъ внутрь шатра. Въ шатрѣ было чисто и пахло пріятнымъ смолистымъ запахомъ отъ свѣженарубленныхъ вѣтвей лиственницы, разостланныхъ по землѣ. Поверхъ вѣтвей были постланы огромныя шкуры *полевыхъ* оленьихъ *быковъ*, убитыхъ ламутскими ружьями. По стѣнамъ были опрятно подвязаны узкіе ровдужные полога съ ситцевой занавѣской, въ которой ламуты обыкновенно проводятъ ночь. Одинъ пологъ былъ спущенъ, и изъ него торчали двѣ длинныя и тощія ноги, въ красивыхъ ровдужныхъ штиблетахъ, обтянутыхъ, какъ трико, и сверкавшихъ на сгибѣхъ ногъ чрезвычайно затѣйливой вышивкой изъ красиво подобраннаго цвѣтнаго бисера. Нѣсколько мужчинъ, молодыхъ и старыхъ, сидѣли на шкурахъ въ разнообразныхъ позахъ, не занятые ничѣмъ, если не считать короткихъ трубокъ, которыя они поминутно наполняли изъ своихъ узорчатыхъ табачныхъ мѣшковъ какимъ то бѣлымъ крошевомъ, въ которомъ, кромѣ измельченнаго дерева и трубочной накипи, едва ли былъ какой нибудь иной элементъ. Въ ламутскихъ вышитыхъ кисетахъ рѣдко водится настоящій табакъ.

Вся одежда ламутовъ сверкала красными и голубыми узорами вышивокъ, какъ цвѣты на каменныхъ склонахъ, которые недавно миновалъ Эуннэкай. Ему бросились въ глаза ровдужные и мѣховые кафтаны, обшитые чернымъ, зеленымъ и краснымъ сафьяномъ, перемежающимся въ клѣтку, дорогимъ алымъ сукномъ, маленькій кусочекъ котораго покупается пятью бѣлками, четыреугольные нэлэкэны *), вышитые бисеромъ, крапеной лосиной шерстью, похожей на цвѣтной шелкъ, и еще Богъ знаетъ чѣмъ, отороченные красивой полосой черного пушистаго мѣха, обшитые маленькими пунсовыми хвостиками, сдѣланными изъ кусочковъ шкуры молодого тюленя и окрашенными однимъ изъ затѣйливыхъ способовъ, извѣстныхъ только ламутскимъ женщинамъ. На шапкахъ, на огнивыхъ и табачныхъ мѣшкахъ, на мѣховыхъ сапогахъ и ровдужныхъ штиблетахъ, даже на колыбели, въ которой лежалъ грудной младенецъ, на маленькомъ сѣдлѣ, выглядывавшемъ изъ-за полога и походившемъ на игрушечное, вездѣ и всюду сверкали затѣйливые узоры ламутскихъ украшеній. Надъ небольшимъ огнемъ, разложеннымъ среди шатра, висѣлъ маленький котелокъ, въ которомъ варилось нѣсколько кусковъ мяса. Количество пищи совсѣмъ не соответствовало великолѣпнѣю ламутскихъ костюмовъ. Еслибы раздѣлить ее поровну между всѣми присутствующими, то каждому могло бы достаться только по самому маленькому кусочку. У котла хлопотала дѣвушка съ длиннымъ желѣзнымъ крюкомъ въ рукахъ, въ такомъ же красивомъ нарядѣ, испещренномъ всевозможными вышивками и, кромѣ того, обвѣшанная съ головы до ногъ бусами, серебряными и мѣдными бляхами, бубенчиками, желѣзными побрякушками на тонкихъ цѣпочкахъ и тому подобнымъ добромъ. Огромный уйэръ, знакъ того, что его владѣтельница еще не продана никому въ жены, изъ восьми рядовъ крупныхъ бусъ, вплетенныхъ въ косы, достигалъ до пяти и оканчивался серебрянными бляшками. Массивный колокольчикъ, привязанный къ переднику, издавалъ звонъ при каждомъ движеніи. Несмотря на озабоченность Эуннэкай, онъ невольно замѣтилъ голубые глаза и бѣлокурые волосы ламутской красавицы и необычайную бѣлизну ея круглаго лица.

— Какъ русская дѣвка!—подумалъ онъ. Онъ видѣлъ русскихъ только разъ въ жизни, во время посѣщенія ярмарки, но зналъ, что у нихъ бываютъ глаза, похожіе на небо, а волосы на увядшую траву. Широкія скулы этого молодого лица и ужасный монгольскій носъ съ вывороченными ноздрями не остановили на себѣ вниманія Эуннэкай. У него тоже были такія скулы и такой носъ.

Нэлэкэнь ламутскій передникъ.

Въ центрѣ группы ламутовъ сидѣлъ высокій человѣкъ въ ровдужномъ кафтанѣ съ безбородымъ лицомъ и злыми глазами, похожими на совиные. То былъ Уляшканъ, сынъ старика, сидѣвшаго у входа, настоящій хозяинъ шатра. Онъ поднималъ голову навстрѣчу вошедшему, и во взглядѣ его зажглась неприязнь. Онъ ненавидѣлъ чукочъ отъ всей души, но, какъ и всѣ ламуты, боялся этихъ пришельцевъ, дерзко занимавшихъ лучшія пастбища исконной ламутской земли.

— Пришелъ?—сказалъ онъ сурово.

— Эгей!—нетерпѣливо отвѣтилъ Эуннэкай.

— Какія вѣсти?—спросилъ ламуть.

— Гдѣ мои олени?—разразился Эуннэкай угнетавшимъ его вопросомъ.

Ламуть посмотрѣлъ на него еще суровѣе.

— Садись!—указалъ онъ ему рукой на мѣсто по другую сторону огня.—Позови Ивандяна!—обратился онъ къ молодому парню съ рябымъ лицомъ и высокимъ остроконечнымъ затылкомъ, похожимъ на опрокинутую грушу, покрытымъ гладко расчесанной шапкой волосъ, остриженныхъ въ скобку.

Ивандянъ, стройный и тонкій, съ правильными чертами и нѣжнымъ цвѣтомъ кожи, съ высокимъ прямымъ лбомъ, сдвинутымъ на вискахъ и придававшимъ его лицу задумчивое выраженіе, вошелъ въ шатеръ и присѣлъ на корточкахъ рядомъ съ группой ламутовъ. Онъ долженъ былъ служить переводчикомъ. Уляшканъ и самъ довольно хорошо говорилъ по чукотски, но для пущей важности хотѣлъ говорить съ пришельцемъ при помощи чужаго языка.

— Спроси его!—сказалъ онъ, нахмуривъ брови—какихъ оленей онъ пришелъ спрашивать въ домахъ чужаго ему племени?

— Я потерялъ оленей—сказалъ Эуннэкай, не дожидаясь перевода.—Гдѣ мои олени?

Онъ понималъ немного по ламутски.

Уляшканъ потерялъ терпѣніе и разразился цѣлой рѣчью, направленной противъ всѣхъ чукочъ вообще и противъ настойчивыхъ притязаній пришельца въ частности. Онъ говорилъ не безъ краснорѣчія и видимо увлекался собственными словами. Ивандянъ почти съ такимъ же наслажденіемъ переводилъ его рѣчь на чукотскій языкъ. Ламуты были рады излить свое негодованіе, накопленное за многіе годы,—на несчастнаго парня, который въ отвѣтъ на словесную обиду не могъ прибѣгнуть къ обычному аргументу несловоохотливыхъ чукочъ, т. е. кулачной расправѣ или прямо къ ножу.

— Зачѣмъ ты вошелъ въ домъ чужаго племени и сѣлъ около чужаго тебѣ огня съ такими странными рѣчами?—говорилъ ламуть.—Развѣ ты нанялъ ламутовъ себѣ въ сторожа, что спрашиваешь у нихъ о своихъ потеряхъ? Таковы ваши

чукотскіе обычаи! Вы входите въ чужое жилище, но у васъ нѣтъ на языкѣ словъ пріязни! Въ рѣчахъ, дающихъ радость слушателю, вы неискусны!.. Почему ты, будучи молодымъ и увидѣвъ людей, старше тебя, не обратился къ нимъ со словами привѣта? Почему ты не ждалъ, чтобы они сами обратились къ тебѣ съ дѣловитой рѣчью?.. Таковы ваши чукотскіе обычаи! Вы не знаете ни старшинства, ни покорности, бродите все равно, какъ олени въ лѣсу... Или ты пришелъ искать своихъ потерь въ моемъ домѣ, своихъ оленей въ моемъ стадѣ?.. Смотри! у насъ нѣтъ ничего чужого!... Или ваши отцы еще мало отняли у нашихъ, придя на эту землю?.. Они заняли лучшія пастбища, стали станомъ на каждой рѣкѣ!.. Стада дикого оленя, которыя были нашими стадами и давали намъ пищу, не нуждаясь ни въ дневной, ни въ ночной охранѣ, бѣжали предъ запахомъ помета вашихъ стадъ!.. Ламуты остались безъ пищи, но отъ вашей щедрости и отъ вашего богатства не воспользовались ничѣмъ... Развѣ чукча оживитъ голоднаго человѣка безъ платы? Но кто виноватъ, что лѣсной хозяинъ унаслѣдовалъ бѣду изъ нашихъ лѣсовъ?.. Красному Солнцу наскучило смотрѣть на ваши насилія и обиды! Оно наказываетъ васъ за то, что вы скупы къ бѣдному, и разгоняетъ ваши стада, превращая ихъ въ дикія, на благо каждой рукѣ, которая можетъ держать пицаль. У него спроси, куда ушло твое стадо! Его глаза видѣли бѣгство... Если благосклонно, скажете!...

Эуннэкай плохо слушалъ слова Уляшкана и вольное переложеніе Ивандяна, упрощавшаго по необходимости высокопарныя выраженія оратора, чтобы приспособить ихъ къ болѣе первобытному строю чукотскаго языка. Онъ понялъ только, что ламуты не знаютъ, гдѣ его олени, и какъ будто даже сердятся на него за то, что онъ хочетъ отыскать ихъ. Странныя мысли приходили ему въ голову. Не увели ли его стадо полевые олени, заколдованные Лѣснымъ Хозяиномъ, чтобы умножить его вольные табуны? Не унесли ли его шаманы изъ таинственной страны, расположенной за семью морями, гдѣ косматые жители пасутъ бѣлыхъ собакъ, чтобы питаться ихъ жиромъ и внутренностями?

Въ сердцѣ его словно что-то оборвалось. Онъ успѣлъ прилѣпиться къ мысли, что здѣсь онъ найдетъ указаніе относительно своей утраты. Если ламуты дѣйствительно ничего не знали объ его стадѣ, значить оно не приходило на наледь Андильвы, и поиски въ этихъ мѣстахъ были бесплодны. Куда же идти? Вернуться на Муруланъ и отправиться влѣво или вправо по горнымъ ущельямъ и вершинамъ, отыскивать уже не стадо, а кого нибудь изъ товарищей, ушедшихъ по тому направленію раньше его... Но Кутувія не захочетъ смотрѣть

на его лицо и прогнать его толчками, как коростливую собаку, а Каулькаю онъ и самъ не хотѣлъ показываться на глаза.

Ламутъ прекратилъ, наконецъ, свою глѣвную рѣчь, тѣмъ болѣе, что ѣда была готова. Дѣвушка выложила мясо на широкую доску, накрошила его мелкими кусочками, ссыпала ихъ на желѣзную тарелку и поставила передъ мужчинами.

— Ъшь съ нами! — сказалъ Уляшканъ, указывая рукой на дымившуюся горку мясныхъ кусочковъ.

Эуннэкай машинально обогрѣлъ огонь и припалъ на корточки рядомъ съ Ивандяномъ, взялъ одинъ кусокъ, положилъ его въ ротъ, но, не успѣвъ проглотить, внезапно поднялся на ноги и вышелъ вонъ, оставивъ ламутовъ въ немаломъ удивленіи насчетъ внезапности своего ухода. У входа въ шатеръ онъ подобралъ свой посохъ, оставленный по обычаю снаружи, и медленнымъ шагомъ побрелъ внизъ по Андильвѣ, покинувъ стойбища чужого народа. Желтый Утѣль послѣдовалъ за нимъ, грустно опустивъ косматый хвостъ. Онъ тоже былъ убѣжденъ въ бесполезности поисковъ Эуннэкай.

Каулькай нашелъ табунъ на другой день вечеромъ. Олени быстро шли впередъ, выстроившись въ колонну, и только неустойчивыя ноги быстрого рѣулина могли наверстать значительное разстояніе, уже оставленное ими позади. Кутувіа описалъ большой кругъ и снова вышелъ на Муруланъ, на день пути ниже по теченію, потомъ поднялся вверхъ и засталъ Каулькаю на прежнемъ пастбищѣ съ найденнымъ стадомъ. Эуннэкай больше не показывался людскимъ глазамъ, и куда онъ дѣвался, никто не могъ узнать. Быть можетъ, онъ сложилъ свои кости, высохшія отъ усталости, у подножія уединенной скалы, какъ старый Омрокъ, или, боясь вернуться къ товарищамъ, отправился къ лѣснымъ людямъ и сдѣлался ихъ братомъ, или черный старикъ, который вѣчно ходитъ босикомъ, разсердился на его нерадѣніе и приготовилъ ему новую встрѣчу, менѣе безобидную, чѣмъ въ первый разъ? Кто можетъ рѣшить это? Даже желтый Утѣль не вернулся обратно, чтобы сообщить хоть псамъ на стойбищѣ своимъ собачьимъ языкомъ, непонятнымъ людямъ, о судьбѣ, постигшей Эуннэкай. Мать не зажгла его костра святымъ огнемъ, добытымъ отъ деревяннаго Бога. Братъ не закололъ надъ его трупомъ упряжныхъ оленей, чтобы онъ могъ переѣхать ледяныя поля, отдѣляющія область, не знающую ночи, гдѣ ведутъ блаженную жизнь безсмертныя дѣти Крѣкая среди безчисленныхъ стадъ, чьи олени не нуждаются въ охранѣ и убиваютъ другъ друга рогами по мановенію ихъ владѣтелей.

Н. Танъ.

Робертъ Бернсъ.

(Очеркъ. По поводу столѣтней годовщины его смерти).

(Окончаніе).

II.

Трудно вообразить себѣ противоположность разительнѣ той, которую представила новая обстановка Бёрнса, сравнительно съ прежней. Изъ маленькаго мѣстечка, гдѣ главный, почти исключительный контингентъ населенія составляли поселяне, гдѣ жизнь вращалась въ узкомъ кругу повседневныхъ интересовъ, нашъ поэтъ сразу попадаетъ въ городъ, служившій въ ту пору блестящимъ средоточіемъ всей Шотландіи. Широкое и быстрое движеніе науки, благодаря университету, на каеэдрахъ котораго являлись такіе люди, какъ историкъ Робертсонъ, политико-экономъ Адамъ Смитъ, философъ Дугальдъ Стюартъ, кипучая умственная—въ духѣ XVIII, ст. жизнь въ «салонахъ», которыми Единбургъ могъ въ это время соперничать даже съ Парижемъ, шумный водоворотъ общественной жизни, тоже, пожалуй, въ духѣ XVIII вѣка, съ его «философской» жаждой насладиться всеми радостями скоротечнаго существованія, наконецъ—просто кутежи, въ самомъ обыкновенномъ значеніи этого слова, съ грубымъ и широко распространеннымъ во всѣхъ классахъ общества пьянствомъ, дѣлавшимъ изъ Единбурга «городъ клубовъ и тавернъ»—вотъ что охватило Бёрнса съ первыхъ же минутъ его вступленія на эту новую почву. Но вступленіе это было блистательное, о какомъ поэтъ, не смотря на тайныя притязанія его на славу, не могъ и грезить. Все, что только было въ Единбургѣ выдающагося въ области науки, литературы, искусства, весь цвѣтъ высшего общества, въ его мужскихъ и женскихъ представителяхъ—все пошло навстрѣчу «самородку-поету», съумѣвшему за плугомъ создать такіа чудесныя вещи. «Нашъ городъ—писала одна барыня своимъ знакомымъ,—сталъ вверхъ дномъ съ этимъ поэтомъ-земледѣльцемъ... Испортать этого человѣка, если возможно его испортить... По всей вѣроятности, онъ будетъ завтра на балу охотниковъ, вслѣдствіе чего у всѣхъ дамъ и у всѣхъ модистокъ голова пошла кругомъ. Нѣтъ газоваго чепчика дешевле двухъ гиней, а то заплотите и десять,

двѣнадцать...» Въ торжественномъ собраніи масонской логи (Бёрнсъ уже прежде вступилъ въ масонское общество) гроемейстеръ ордена предложилъ тостъ «за Каледонію и Каледонскаго барда, брата Бёрнса»—и всѣ присутствующіе отвѣчали выраженіемъ восторженнаго сочувствія. Не обходилось, конечно, и безъ любовныхъ исторій, на которыя Бёрнсъ, какъ мы знаемъ, былъ такой мастеръ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ его знакомыхъ писалъ ему даже изъ Лондона: «Здѣсь много говорятъ о вашей интимности съ герцогинею Гордонъ и другими знатными дамами...» А эта герцогиня Гордонъ играла весьма видную роль не только въ Единбургскомъ, но и въ лондонскомъ обществѣ, и Бёрнсъ былъ, по ея собственнымъ словамъ, «единственный человѣкъ, бесѣда съ которымъ заставляла ее терять подъ ногами почву...» Когда онъ проходилъ по улицѣ, люди средняго и низшаго класса указывали на него чуть не пальцами, слѣдовали за нимъ, а когда изъ аристократическихъ салоновъ онъ появлялся въ сборищахъ людей съ менѣе громкими именами, но среди которыхъ были и писатели, и учителя, и купцы, и ремесленники, — тогда оваціи принимали, можетъ быть, черезъ чуръ шумный, но за то глубоко-искренній характеръ, въ которомъ и тѣни не было того, все таки, любопытствующе-покровительственнаго чувства, которое играло свою роль въ отношеніяхъ къ поэту высшаго круга. Такое отношеніе, впрочемъ у многихъ скоро уступало мѣсто другому—невольному сознанию превосходства этого деревенскаго парня передъ ними, свѣтилами разнаго рода, въ томъ, что касалось простаго здраваго смысла, свѣжести, силы и оригинальности сужденія, разнообразія сферъ и предметовъ, на которыя, безъ всякаго участія систематической, съ профессорской кафедрой преподаваемой науки, распространялось это сужденіе, наконецъ—необычайной способности выражать, формулировать свою мысль. Въ бесѣдахъ, гдѣ выступалъ онъ, точно ступеньками вывались люди съ заслуженно громкими именами, которые обыкновенно царили въ салонахъ, кабинетахъ, аудиторіяхъ: знаменитый Робертсонъ сознавался, что онъ въ жизни своей не встрѣчалъ человѣка, въ разговорѣ котораго обнаруживалось бы больше силы и больше дѣятельности ума, чѣмъ въ разговорѣ Бёрнса; другіе съ удивленіемъ говорили о необычайной способности его выражать свои мысли, о здравости и глубинѣ его воззрѣній на жизнь, о «великолѣпнн его ума и блестящей энергіи его краснорѣчія въ тѣ минуты, когда чувства его были возбуждены», о «могущественности» его рѣчи, о томъ, что «и мысли его, и ихъ выраженіе обладали одинаковою силой, и какихъ бы предметовъ ни касались онѣ, въ нихъ не было и тѣни общихъ мѣстъ...»

Если видѣли и признавали это другіе, то сознавалъ, конечно, и самъ поэтъ. Сбросивъ свое деревенское платье и одѣвшись по городскому, но съ нѣкоторою кокетливою оригинальностью — свойствомъ, которое, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, было у Бёрнса обще съ Байрономъ—поэтъ вошелъ въ эти гостинныя такъ, какъ будто

его мѣсто всегда было здѣсь. «Онъ велъ себя—свидѣтельствуетъ другой біографъ, университетскій профессоръ, бывшій въ личныхъ сношеніяхъ съ нашимъ поэтомъ—съ приличіемъ и спокойствіемъ, которыми вѣроятно былъ обязанъ увѣренности въ своемъ здоровомъ смыслѣ и быстротѣ улавливанія тѣхъ оттѣнковъ въ обращеніи съ людьми, которыми, какъ ему было извѣстно, онъ обладалъ. Это въ очень значительной степени облегчалось для него тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ никогда не пытался усвоивать себѣ приемы утонченнѣе своихъ обычныхъ, и не старался постоянно привлекать къ себѣ благосклонность своихъ новыхъ знакомыхъ. У него было слишкомъ много проникаемости для того, чтобы ему доставляло особенное удовольствіе показываться въ видѣ интеллектуальнаго курьеза, но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ фатовства какого нибудь Конгрева (писатель 18-го вѣка), чтобы требовать собственно для своей личности того почтенія, которое, какъ это было очевидно, оказывалось только его таланту. Съ рѣдкимъ счастьемъ онъ сумѣлъ найти надлежащую средину между тѣмъ и другимъ... Онъ держалъ себя просто, но безъ вульгарности; въ немъ было мало внѣшней мягкости, и для всякаго становилось ясно, что на малѣйшую обиду онъ отвѣтитъ очень рѣшительно, если не жѣстоко; но точно также дѣлалось сразу очевидно, что людямъ, относившимся къ нему съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, нечего было бояться съ его стороны какой нибудь грубой или оскорбительной выходки. Въ обществѣ женщинъ онъ былъ совершенно «корректенъ» и старательно наблюдалъ за собою»... А вотъ еще свидѣтельство Дугласа Стюарта: «Вниманіе, предметомъ котораго онъ оставался все время своего пребыванія въ городѣ, было таково, что могло бы вскружить всякую другую голову. Но на него, сколько я могъ замѣтить, это не производило ни малѣйшаго неблагоприятнаго вліянія. Онъ держалъ себя теперь, какъ и всегда впослѣдствіи, просто, серьезно и независимо, очень явственно обнаруживая сознаніе своего достоинства, но безъ малѣйшихъ признаковъ надменности или тщеславія... Будь въ его натурѣ немного больше тонкости и снисходительности, онъ былъ бы еще привлекательнѣе; но онъ привыкъ въ маленькомъ кругу своихъ обыкновенныхъ знакомыхъ предписывать законы, и его боязнь всего, что граничило съ пошлостью или пресмыкательствомъ, дѣлала его манеру обращенія нѣсколько рѣзкою и жѣстокою»... Эта рѣзкость, о которой говоритъ Дугласъ Стюартъ, проявлялась у «айршайрскаго пахаря» (ploughman) съ особенной силой и ужъ совсѣмъ не въ салонномъ тонѣ и духѣ, тогда, когда онъ слишкомъ чувствительно для себя сталкивался съ спѣсью или съ невѣжествомъ той свѣтской знати, къ которой, какъ мы уже знаемъ, онъ всегда относился съ чисто демократическимъ негодованіемъ. Приглашаетъ его, напримѣръ, одна мѣстная аристократка къ себѣ на вечеръ, но онъ со своею проникаемостью и подозрительностью усматриваетъ въ этомъ приглашеніи намѣреніе хозяйки попотчи-

вать своихъ гостей поѣтомъ, какъ деревенской диковинкой—и отвѣчаетъ ей, что будетъ имѣть честь явиться въ ея салонъ, если она вмѣстѣ съ нимъ пригласитъ къ себѣ и ученую свинью (которую въ то время показывали въ Единбургѣ)... Или однажды, въ его присутствіи, какой-то господинъ невѣжественно и съ глупою самоуверенностью начинаетъ порицать стихотворенія Грея, извѣстнаго автора «Сельскаго Кладбища».—Я вижу, сэръ—выпаливаетъ ему нашъ деревенскій неучъ—что можно превосходно судить о поэтѣ по ширу и ватерпасу, но при этомъ быть отчаяннымъ дуракомъ...

Весьма естественно, что подобныя выходы приходились не по сердцу большинству этой знати, а если прибавить къ этому постепенное охлажденіе празднаго любопытства, то не покажется удивительнымъ, что біографъ Локкартъ (котораго мнѣ приходилось уже не разъ цитировать), рассказывая о второй зимѣ, проведенной Бэрнсомъ въ Единбургѣ, писалъ: «Нѣтъ надобности особенно напрягать воображеніе, чтобъ составить себѣ представленіе о томъ, что долженъ былъ чувствовать и думать кружокъ ученыхъ (почти весь состоявшій изъ духовныхъ лицъ или профессоровъ) въ присутствіи этого пришлеца съ широкими костями, загорѣвшимъ лицомъ, сверкающими глазами, который однимъ шагомъ проложилъ себѣ дорогу между ними и, только что выпустивъ изъ ружья плутъ, явно обнаруживалъ всею своею манерою обращенія и своимъ разговоромъ полное убѣжденіе, что, находясь въ обществѣ самыхъ выдающихся людей своей страны, онъ былъ, именно, тамъ, гдѣ имѣлъ право быть,—въ присутствіи этого земледѣльца, который едва-едва удостоивалъ ихъ легкой лести, по временамъ показывая имъ, что ихъ вниманіе лгало ему,—который спокойно и увѣренно мѣрлся въ бесѣдахъ и спорахъ съ самыми образованными умами своего времени, побивая остроты самыхъ знаменитыхъ салонныхъ «козѣровъ» широкими потоками веселости, пропитанной всею кипучею жизнью генія... Но самое худшее для этихъ господъ было вѣроятно то, что имъ была извѣстна привычка его развеселять и оживлять тѣ кружки, на которые они смотрѣли очень свысока, еще чаще, чѣмъ ихъ кругъ,—оживлять и увеселять краснорѣчіемъ не менѣе великолѣпнымъ, умомъ, по всей вѣроятности, еще болѣе смѣлымъ и который—о чемъ могли догадаться они съ самаго начала,—былъ направленъ именно противъ нихъ»... Это—въ кружкѣ ученыхъ людей; собственно въ «обществѣ» дѣло должно было пойти еще хуже. «При первомъ его появленіи въ этихъ салонахъ (т. е. въ первую зиму) пишетъ Алленъ Кеннингемъ, тоже очевидецъ—двери знати раскрывались предъ нимъ мгновенно, поворачиваясь на своихъ золотыхъ петляхъ. Гораздо холоднѣе оказался пріемъ во второй разъ (т. е. вторую зиму). Двери милордовъ и миледи открывались предъ нимъ съ медлительною вѣжливостью; его принимали съ холоднымъ и сдержаннымъ соблюденіемъ приличій, рѣдко просили посидѣть подольше, еще рѣже—повторить визитъ...» Не малую роль въ этомъ измѣненіи отношеній игралъ и извѣстный

уже намъ «дневникъ» Бёрнса, тѣмъ болѣе, что поэтъ не стѣснялся показывать результаты своихъ наблюденій многимъ изъ болѣе близкихъ къ нему людей. А результаты эти были повидимому совсѣмъ не утѣшительные. «Одинъ изъ его друзей — свидѣтельствуешь тотъ же Кёнингемъ — неоднократно рассказывалъ, съ какимъ негодованіемъ поэтъ говорилъ о недружелюбномъ приѣмѣ его въ добромъ городѣ Эдинбургѣ... онъ пріѣхалъ въ Эдинбургъ въ твердомъ убѣжденіи, что его талантъ поставитъ его на высокую ступень въ обществѣ; онъ вернулся оттуда не безъ раздраженія и горечи въ душѣ...» Эти послѣдніе слова указываютъ на чисто личную причину этого «раздраженія» и этой «горечи». Что такая причина существовала, и притомъ въ значительной степени—это несомнѣнно и—естественно; нѣтъ такого поэта «міровой скорби», у котораго личные обстоятельства не служили бы болѣе или менѣе существеннымъ источникомъ его поэтическихъ изліяній, и, конечно, ни Гейне, ни Леопарди, ни даже Байронъ не были бы такъ рѣзки въ выраженіи своего негодованія, отчаянія, безвѣрія, не выносили они горькаго опыта изъ собственной своей жизни.. Но какъ у нихъ — разсматривая ихъ и какъ поетовъ, и какъ людей—личное я возводилось затѣмъ въ я всего человѣчества, такъ было и у Бёрнса: очевидно—особенно для всякаго, близко знакомаго съ натурою этого поэта—что не исключительно субъективное чувство руководило имъ, когда въ своемъ дневникѣ онъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее: «Представьте себѣ человѣка съ дарованіемъ, сердце котораго полно честной гордостью, въ чьей душѣ живетъ сознаніе, что всѣ люди равны, и который однако «воздастъ честь, кому подобаешь честь». И вотъ онъ за столомъ знатнаго господина встрѣчаетъ сквайра... Каково же должно быть его огорченіе и смущеніе, когда онъ видитъ, что здѣсь человѣкъ, умственными способностями равняющійся развѣ только какому нибудь жалкому портняжкѣ, и сердце котораго не стоитъ трехъ грошей, вызываетъ интересъ и вниманіе, въ которыхъ отказываютъ сыну генія и бѣдности. Въ этомъ отношеніи благородный лордъ Гленкериъ (одинъ изъ покровителей Бёрнса) ранилъ меня до глубины души, потому что я его уважаю, чту и искренно люблю. Разъ у себя за обѣдомъ онъ выказалъ столько вниманія, и такого исключительнаго вниманія единственному болвану, находившемуся въ этой компаніи (такъ какъ тутъ были только хозяинъ, этотъ болванъ и я), что я едва удержался, чтобъ не кинуть ему выраженіе своего презрѣнія и негодованія... Очевидно, говорю, что тутъ личное чувство Бёрнса было перенесено на общую почву, что единичный фактъ послужилъ предметомъ для обобщенія на основаніи многихъ горькихъ опытовъ. Все, что этотъ прямой, рѣзкій, великодушный и надѣленный безграничною теплотою души сынъ деревни видѣлъ здѣсь передъ собой и вокругъ себя,—пустая суетность этого блестящаго общества, вопіющія на его взглядъ проявленія неравенства состояній, жалкое мѣсто, отводимое въ свѣтѣ таланту и уму, сравнительно съ неза-

служенными титулами и отличіями—все это, обогащая печальную сокровищницу житейскихъ наблюденій нашего поэта, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливало, растравляло то мрачно-мизантропическое настроеніе, которое было въ немъ—одной изъ типичнѣйшихъ жертвъ «болѣзни вѣка»—настроеніемъ органическимъ и такъ странно уживалось съ такою же органическою жизнерадостностью, которую могли сокрушить и, наконецъ, дѣйствительно сокрушили лишь суровыя внѣшнія обстоятельства. Въ натурѣ другаго рода все это отзывалось бы не съ такою глубиною и рѣзкостью, вызывало бы на сатирическія размышленія, приводило бы въ концѣ концовъ къ философскимъ выводамъ о непреложности такихъ явленій, о безпомощности борьбы съ ними, даже негодованія противъ нихъ; натура Бёрнса была далеко не такова: слова Байроновскаго Манфреда: «терпѣніе свойственно только вялымъ животнымъ», нашъ поэтъ, этотъ непосредственный предшественникъ творца «Манфреда», могъ повторить съ гораздо большею силою и гораздо меньшею отвлеченностью. Чистѣйшимъ «байронизмомъ» отзываются слова одного изъ его тогдашнихъ писемъ: «Я игрушка, я жалкая жертва мятежной гордости, ипохондрическаго воображенія, смертельной чувствительности и бездамскихъ страстей. Очень бы хотѣлось мнѣ умереть, но врядъ ли я умру... Боюсь, что я почти погибшій человекъ; но надѣюсь, что все пойдетъ наилучшимъ образомъ. Придите (воскликаетъ Бёрнсъ тѣмъ отчасти напыщеннымъ тономъ, которымъ страдаютъ его *письма* сравнительно съ его *стихотвореніями*)—придите ко мнѣ, упорная гордость и непоколебимая рѣшительность! Сопровождайте меня въ этомъ жалкомъ мірѣ!..» Отъ такихъ душевныхъ припадковъ, отъ внутренней борьбы и внѣшнихъ потрясеній, отъ этого свѣтлаго общества, все яснѣе и яснѣе показывавшаго ему разстояніе, долженствовавшее существовать между слугою сохи и знатнымъ барономъ, поэтъ уходилъ въ тѣ болѣе близкіе къ нему по общественному положенію кружки, о которыхъ я говорилъ выше, и въ которыхъ ему дѣйствительно жилось и дышалось легче; но тутъ выступали на сцену, съ отсутствіемъ всякой сдержанности, даже съ полной необузданностью, кутежи и оргіи, въ которыя Бёрнсъ погружался все больше и больше... Что побуждало его къ этому пьянству, которое усиливало его мизантропическое настроеніе, отымало у него—покрайней мѣрѣ въ *эту* пору его жизни—возможность и охоту работать и сильно расшатывало его здоровье? Простая ли склонность къ подобному препровожденію времени, или тотъ же самый внутренній разладъ, тѣ-же личные несчастья или невзгоды,—которыя заставляли и Байрона предаваться самымъ безпечнымъ увлеченіямъ этого рода, подъ гнетомъ которыхъ пало такъ много талантливейшихъ представителей литературной «богеми» въ Европѣ, и съ которыми, къ несчастью, такъ хорошо знакомы и мы, русскіе, по нашимъ Меямъ, Рѣшетниковымъ, Помяловскимъ... По всей вѣроятности, причина—вторая, и въ подтвержденіе этого мнѣнія мнѣ влѣпилось

наются слова письма Бёрнса по поводу одного изъ сильнѣйшихъ любовныхъ увлеченій, окончившагося печально: «я часто старался ее забыть, я погружался во всевозможныя безпорядочности и оргіи—масонскія собранія (!), пьянство и другія безумства, чтобы выгнать ее изъ моей головы...»—вспоминается и то обстоятельство, что, чѣмъ мрачнѣе и тяжелѣе становилась постепенно его жизнь, тѣмъ болѣе усиливалось это «погруженіе себя во всевозможныя оргіи»...

Въ такомъ настроеніи закончилъ онъ свой эдинбургскій періодъ—несомнѣнно самый важный періодъ его жизни—и вернулся на родину, выбитый изъ прежней колеи и не попавшій въ новую. «Въ концѣ этого страннаго періода—замѣчаетъ Карлейль въ своемъ блестящемъ этюдѣ—Бёрнсъ мрачно сводитъ итогъ своимъ барышамъ и потерямъ и размышляетъ о своемъ хаотическомъ будущемъ. Деньгами онъ сталъ нѣсколько богаче; славой и призваніемъ счастья—безконечно богаче; но въ сущности—онъ такой же бѣднякъ, каковымъ былъ до сихъ поръ. Нѣтъ, даже бѣднѣе, потому что его сердце съ этихъ поръ терзается горячкою свѣтскаго честолюбія; и въ продолженіи еще многихъ лѣтъ этотъ недугъ будетъ причинять ему непродолжительныя муки и ослаблять его силу въ стремленіи къ благороднымъ цѣлямъ...» Карлейль очень вѣрно усмотрѣлъ этотъ новый элементъ въ душѣ нашего поэта; только, мнѣ кажется, слова «свѣтское честолюбіе» (worldly ambition) не совсѣмъ правильно выражаютъ эту сторону душевнаго настроенія Бёрнса. «Въ темной неизвѣстности живу я, въ темной неизвѣстности и останусь, хотя никогда еще ни у одного молодого поэта и молодого воина сердце не билось жадной славой такъ пламенно, какъ бьется мое сердце»,—писалъ Бёрнсъ ранѣе. Теперь онъ вышелъ изъ «темной неизвѣстности» въ яркую, можно сказать въ лучезарную «извѣстность», теперь эта слава блеснула ему такъ ослѣпительно для него самого и для другихъ, и онъ безъ суетнаго тщеславія, безъ мелочной погони за нею, въ ея сіяніи, увидѣлъ возможность осуществленія своихъ грезъ, теперь окунулся онъ и въ ту кипучую общественность, которая какъ мы уже знаемъ, также составляла коренную потребность его натуры. Что же будетъ однако дальше?—спрашивалъ онъ себя, угнетаемый разочарованіемъ второй половины эдинбургскаго періода, попрежнему стоя лицомъ къ лицу съ «проклятымъ» вопросомъ о матеріальномъ существованіи и пытаясь взглянуть въ свое будущее, которое при такихъ условіяхъ естественно представлялось ему «хаотическимъ»... А покажѣсть надо было ѣхать, надо было снова приняться за прежнія работы, войти въ прежнюю обстановку. Стихами—какъ увидѣлъ Бёрнсъ, не смотря на довольно выгодную продажу второго изданія своихъ стихотвореній—жить нельзя было, да онъ и доказалъ впоследствии, что при сочиненіи стиховъ не только не имѣлъ въ виду никакого «гонорара», но и считалъ этотъ гонораръ чѣмъ-то позорнымъ для свободнаго поэтическаго творчества. Не допустить его до этого возвращенія на ферму

создать для него обстановку, въ которой геній его свободно и мощно распустилъ бы свои крылья, а практическая жизнь перестала бы налегать на него своими жесткими и губительными сторонами — объ этомъ не подумалъ ни одинъ изъ тѣхъ его покровителей, которые *могли-бы* это сдѣлать... И вотъ Берисъ снова въ своихъ мѣстахъ, и снова фермеръ — съ прибавленіемъ еще къ этому, какъ мы скоро увидимъ, должности акцизнаго чиновника!..

Въ «своихъ мѣстахъ» сразу приняли его въ радушія объятія громкая слава и то «рубище», на которомъ эта слава является такою «яркою заплатой».

Славой пользовался онъ здѣсь, какъ мы знаемъ, и прежде, но теперь она была въ глазахъ этого скромнаго населенія санкціонирована эдинбургскою знатію и, слѣдовательно, поднялась еще выше; предъ почетомъ преклонились теперь и тѣ изъ его «плебейскихъ братьевъ», которые до сихъ поръ смотрѣли на него съ враждебнымъ чувствомъ и въ числѣ которыхъ находился старіеъ Армуръ, отецъ возлюбленной Бериса, Дженъ, тотъ самый, что до сихъ поръ и слышать не хотѣлъ о бракѣ безпутнаго сочинителя стиховъ, «кутилы» и «безбожника» съ его дочерью. «Если не доставало чего нибудь — такъ писать Берисъ въ это время одному изъ своихъ друзей — чтобы вселить въ меня полное отвращеніе къ семьѣ Армуровъ, то ихъ никакая, рабская угодливость сдѣлала бы это». Но для насъ важно то впечатлѣніе, которое это произвело на душу поэта. Уже въ только что приведенномъ письмѣ онъ вспоминалъ о «своемъ любимомъ героѣ, Сатанѣ Мильтона», а нѣсколько дней спустя, въ другомъ письмѣ, говорилъ: «Я никогда не считалъ человѣческій родъ способнымъ на что нибудь высокое и великодушное; но надменное высокомеріе эдинбургскихъ патриціевъ и рабство моихъ плебейскихъ братьевъ... внушили мнѣ полное отвращеніе ко всему человѣческому роду. Я купилъ себѣ карманнаго Мильтона и постоянно ношу его при себѣ, чтобы изучать чувства, неукротимое величіе, непоколебимую независимость, отчаянную смѣлость и благородный вызовъ всякому страданію этой великой личности Сатаны. Несчастье сторожить на дорогѣ человѣческой жизни; поэтическая душа чувствуетъ себя не на мѣстѣ и жалко неспособною въ практической дѣловой сферѣ. Прибавьте къ этому, что непредвидѣнные безумства, сумасшедшія прихоти, непрерывно, подобно ignes fatui, сбивающія меня съ прямого пути спокойствія и сдержанности, сверкаютъ своими обманчивыми огнями передъ поднятыми въ высь глазами бѣднаго барда до тѣхъ поръ, пока онъ «не низвергнется, какъ Сатана, туда, гдѣ нѣтъ уже никакой надежды»... «Многочисленные узы знакомства и дружбы, которыя я имѣю или думаю, что имѣю, были изслѣдованы мною самымъ тщательнымъ образомъ, но чортъ бы ихъ побралъ — всѣ онѣ изъ такой тоненькой пряжи,

что—я увѣренъ—не выдержали бы дуновенія малѣйшаго противнаго вѣтерка»...

Положеніе осложнилось еще неожиданнымъ обстоятельствомъ—женитьбой на Женѣ Армуръ, съ которой онъ не прерывалъ связи въ послѣднее время передъ отъѣздомъ въ Единбургъ и которая какъ разъ теперь снова сдѣлалась матерью—двухъ близнецовъ. Отецъ опять оттолкнулъ ее, оба новорожденныхъ скончались, на рукахъ несчастной оставался еще одинъ, прежній ребенокъ, всѣ отворачивались отъ «безнравственной» женщины; больная, безпріютная, почти нищенствующая, стояла она безропотной жертвой увлеченія своимъ дорогимъ Робертомъ... Черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда на родину и свиданія съ Женѣ въ ея отчаянномъ положеніи, онъ писалъ о ней къ оставленной имъ въ Единбургѣ своей новой возлюбленной: «Пріѣхавъ сюда сегодня утромъ, я повидался съ одною особой. Она мнѣ отвратительна—я ее терпѣть не могу!.. Невыносимая приторность, вульгарность души, продажная лѣсть (!)...» А нѣсколько дней спустя, въ другомъ письмѣ: «...Я нашелъ здѣсь Женѣ прогнанною, какъ мученица, покинутою, бѣдною, безъ друзей—все это изъ-за старой исторіи... Я примирилъ ее съ ея судьбой, примирилъ съ ея матерью, я нанялъ для нея комнату, я купилъ ей кровать краснаго дерева, я далъ ей гинею, я цѣловалъ ее до тѣхъ поръ, пока она не успокоилась въ неизъяснимой и лучезарной радости. Но—какъ это случается со мною почти всегда,—велъ себя съ изумительною осторожностью и благоразуміемъ. Я взялъ съ нея клятву—и частнымъ образомъ, и торжественную, что она никогда не будетъ пытаться предъявлять на меня свои права, какъ на мужа (хотя бы ее увѣрили, что она имѣетъ на то право, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ), ни при моей жизни, ни послѣ моей смерти. Она повиновалась, какъ добрая дѣвушка...» Все это не мѣшаетъ ему скоро послѣ того жениться, и отнюдь не по принужденію: мало того—не мѣшаетъ послѣ женитьбы писать ей чисто любовныя, чувственно-пламенные стихотворенія. «Ночью, днемъ, въ полѣ, дома, мысль о тебѣ воспламеняетъ мою грудь, и непрерывно я произношу и пою твое имя; я живу только для того, чтобы любить тебя. Будь я осужденъ странствовать далеко за моремъ, далеко за предѣлами заходящаго солнца,—всегда... я не переставалъ бы любить тебя...» Само собой разумѣется, что эта любовь, продолжающаяся и послѣ «медоваго мѣсяца», хотя уже безъ проявленій такого пыла, не служитъ для него ни малѣйшимъ препятствіемъ къ завязыванію новыхъ любовныхъ связей; но спѣшу сдѣлать теперь же необходимую оговорку: разъ что нашъ поэтъ принялъ на себя обязательство быть матеріальной опорой семьи,—глубоко вкорененное въ немъ чувство долга и то понятіе семейственности, которое съ дѣтства было привито ему въ отцовскомъ домѣ, взяли верхъ надъ всѣми остальными соображеніями и сдѣлали изъ него такого семьянина, который, будучи Ро-

бертомъ Берисомъ, принявъ даже ненавистную для него должность акцизнаго надсмотрщика!

Онъ принялъ ее, когда увидѣлъ, что дохода съ одного фермерства не хватитъ даже на ту скудную жизнь, которую приходилось ему вести. И не мудрено: ферму снялъ онъ въ такой мѣстности, которая, какъ замѣтилъ ему опытный въ этомъ дѣлѣ человекъ, старикъ Кенингемъ, доказала, что выборъ дѣлалъ поэтъ, а не фермеръ,—мѣстности весьма живописной, съ романтическимъ характеромъ, но для предпріятія дѣловаго совсѣмъ негодной.

Работалъ онъ съ утра до ночи, отдавая краткіе и рѣдкіе досуги своей бѣдной музѣ, но дѣла отъ этого нисколько не поправлялись. Опять приходилось ему «заставлять каждую гинею исполнять обязанности пяти гиней», опять письма его наполнялись гнѣвными проклятіями бѣдности, опять передъ нимъ каждую минуту была перспектива тюрьмы за долги... И въ это самое время его точно поддразнивала популярность, слава, которою онъ продолжалъ пользоваться въ «своихъ мѣстахъ», непосредственно изъ сердца выходящее восторженное сочувствіе народной массы къ своему народному поэту;—въ одномъ мѣстѣ она, при полученіи письма Роберта Бериса по какому нибудь дѣлу, сбѣгается, чтобы посмотрѣть на его почеркъ; въ другомъ—когда онъ проѣзжаетъ по большой дорогѣ на своей популярной лошаденкѣ Жюни Геддсъ, фермеры съ рабочими кидаютъ свои полевые работы и горячо упрасниваютъ его заѣхать освѣжиться кружкою вина; въ третьемъ—при остановкѣ его въ какой нибудь гостинницѣ въ глухую полночь, когда всѣ уже спятъ, вѣсть о его прибытіи мгновенно разносится по всему дому и будить всѣхъ, и всѣ восторженно чествуютъ и угощаютъ дорогого гостя... Но не тревожной душѣ Бериса можно было удовлетвориться всѣми этими триумфами въ тѣсномъ кружкѣ и семейнымъ очагомъ, хотя онъ и говорилъ въ одномъ изъ своихъ, относящихся къ этой порѣ, стихотвореній, что въ «созданіи счастливаго домашнего очага для дѣтей и жены заключается истинный пафосъ и истинное величіе человеческой жизни...» Отрицательныя стороны его теперешняго существованія были слишкомъ крупны и слишкомъ многочисленны. «Мои нервы—писалъ онъ брату—въ проклятомъ состояніи; я чувствую, какъ эта ужасная ипохондрія овладѣваетъ каждымъ атомомъ моей души... Нѣтъ силъ выносить больше... Освободись я только отъ этой проклятой фермы, мнѣ дышалось бы гораздо легче...» А въ другомъ письмѣ читаемъ: «Я такъ жалокъ и ничтоженъ въ жизни, такъ утомленъ исполненіемъ своихъ обязанностей, что у меня, какъ у Мильтоновскаго Адама, нѣтъ почти ни одной минуты, когда я не пожелалъ бы «радостно улечься въ лоно моей матери и пребывать въ мирѣ». Но жена и дѣти обязываютъ меня бороться съ теченіемъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь внезапный шеваль не опрокинетъ бѣдной барки, или, въ равнодушномъ чередованіи годовъ, ея собственная дряхлость не обратитъ ее, наконецъ, въ негодныя доски...» Отъ этихъ жалобъ

фактическаго свойства онъ переходитъ къ обобщеніямъ въ родѣ слѣдующихъ: «Не находите ли вы (это онъ пишетъ одной изъ своихъ пріятельницъ), что люди, которымъ небо благопріятствовало въ органическомъ устройствѣ ихъ духа (а такіе люди несомнѣнно есть) могутъ обладать чистотою, нѣжностью, достоинствомъ, изяществомъ души, не приносящими никакой пользы, напротивъ того — дѣлающими человека неспособнымъ къ работѣ дѣйствительно важной — прокладыванію себѣ дороги въ жизни...» Или: «Нужно признать, что если вы отнимаете у человека мысль о существованіи за гробомъ, то истинною мѣркою человѣческаго поведения становится *примичное и непримичное*. Добродѣтель и порокъ, по сколькоу они свойства сердца, имѣютъ въ этомъ случаѣ для свѣта вообще почти такое же значеніе и такую же цѣнность, какія принадлежать гармоніи и дисгармоніи въ видоизмѣненіяхъ звука. Тонкое чувство чести, какъ чуткое къ музыкѣ ухо, можетъ иногда доставлять обладателю ихъ наслажденія, невѣдомыя для болѣе грубыхъ органовъ массы. Но если принять въ соображеніе рѣзкій скригъ и вопіющіе диссонансы земного существованія, весьма дурно настроеннаго, то можно держать большое пари, что вышеупомянутый обладатель былъ бы точно также счастливъ и несомнѣнно точно также уважаемъ истинными судьями общества, и при отсутствіи вѣрнаго уха или добраго сердца...» Или еще: «Изъ всѣхъ мартирокоговъ, какіе когда либо были написаны, нѣтъ исторій болѣе плачевныхъ, чѣмъ исторіи жизни повтовъ. Возьмите существо нашего рода, надѣлите его воображеніемъ сильнѣе обыкновеннаго и чувствительностью болѣе тонкою, вкорените въ немъ неодолимое влеченіе къ такимъ фантастическимъ удовольствіямъ, какъ составленіе причудливыхъ букетовъ изъ дикихъ цвѣтовъ, отыскиваніе тайнаго пріюта сверчка по его стрекотанью, наблюденіе за любовными играми капризныхъ бабочекъ, — однимъ словомъ, дайте ему работу, которая будетъ вѣчно отвлекать его отъ путей матеріальнаго заработка, — но въ то же время, однако, надѣлите его, какъ проклятіемъ, склонностью болѣе живою, чѣмъ во всякомъ другомъ человекѣ, къ тѣмъ житейскимъ наслажденіямъ, которыя можетъ покупать только денежный заработокъ; наконецъ, переполните чашу его бѣдствій, внушивъ ему высокомѣрное сознаніе своего достоинства — и вы создадите такимъ путемъ существо почти столь же несчастное и жалкое, какъ поэтъ... Обольстительная поэзія то же, что обольстительная женщина: ее всегда обвиняли въ томъ, что она сбиваетъ людей съ дороги благоразумія, увлекаетъ ихъ во всяческія затрудненія, мучить ихъ бѣдностью, клеймитъ позоромъ, погружаетъ въ кипучій водоворотъ гибели...»

Въ настоящемъ случаѣ, къ обстоятельствамъ, намъ уже извѣстнымъ, присоединилось и поступленіе Бернса на акцизную службу — горькая иронія судьбы, такая же, какая одѣлала Сервантеса интендантскимъ чиновникомъ, или поставила юношу Гейне

за прилавокъ въ бакалейномъ магазинѣ!.. Но въ этомъ, пожалуй, не было бы ничего слишкомъ ужаснаго, если бы это новое занятіе не шло самымъ вопіющимъ образомъ въ разрѣзъ съ натурой и воззрѣніями Бернса, если бы эта акцизная служба, считавшаяся въ то время въ Шотландіи далеко не почтенной, не вызывала въ поэтѣ чувства отвращенія и негодованія. «Обыскивать и осматривать боченки съ водкой у старухъ!—говорилъ онъ въ одномъ стихотвореніи à propos; — увы, увы! неужели такой грязью выпачкаются мои лавры!..» Еще недавно самъ онъ называлъ акцизныхъ чиновниковъ «проклятыми пивками», прося чертей «схватить эту сволочь и запечь ихъ въ пирогахъ изъ сѣры для бѣдныхъ осужденныхъ на вѣчныя муки пьющихъ людей»—и вотъ теперь самъ онъ за 50 фунт. въ годъ жалованья сдѣлался такой же «пивкой!» Мало того: предъ человѣкомъ, доставившимъ ему это мѣсто, онъ раздражается стихотворнымъ панегирикомъ совершенно въ родѣ тѣхъ, какіе писались въ его время голодающими стихотворцами разнымъ милостивцамъ! Правда, что затѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ письмахъ, и въ стихотвореніяхъ онъ не перестаетъ выставять на видъ, что этотъ шагъ—жертва, приносимая имъ семьѣ, и пишетъ наприимѣръ: «у меня есть жена и двое мальчишекъ, нужно, чтобы у нихъ были и супъ и рубище. Вы сами знаете, какъ гордо мое сердце, мнѣ нѣтъ надобности хвалиться передъ вами,—но я готовъ дѣлать метлы, плести корзины изъ тростника, лишь бы только не заставлятъ ихъ терпѣть лишения». Правда, что во многихъ случаяхъ, когда ему было извѣстно, что преступленіе совершаютъ изъ-за куска хлѣба люди дѣйствительно бѣдные, онъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы и даже предупреждалъ тайкомъ о грозившей имъ опасности со стороны надзора... Мы не станемъ здѣсь чинить безпощадный судъ надъ этимъ новымъ противорѣчіемъ поэта, тѣмъ болѣе, что онъ искупалъ его тяжелыми нравственными муками вообще, независимо отъ этого обстоятельства, и страшною физическою усталостью уже собственно по этому новому занятію. «Я написалъ бы вамъ раньше — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ—но я такъ разбитъ и утомленъ своими акцизными дѣлами, что едва могу рѣшиться сдѣлать усиліе для того, чтобы сѣсть писать кому бы то ни было...» И въ другомъ: «Я горемыка надсмотрщикъ, жалкій и проклятый, осужденный продѣлывать верхомъ на лошади по крайней мѣрѣ двѣсти миль каждую недѣлю, осматривать грязные резервуары и покрытые пѣной боченки»... Онъ скачетъ сломя голову, онъ и не въ переносномъ смыслѣ ломаетъ себѣ то руку, то ногу, падая съ своей бѣдной лошадежки, — и въ то же время ведетъ дѣла своей проклятой и злополучной фермы... Ни минуты физическаго покоя, ни минуты нравственнаго отдыха...

Казалось бы, въ такомъ состояніи не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было высшихъ интересахъ, умственныхъ и нравственныхъ, о какихъ бы то ни было занятіяхъ внѣ круга доставляющихъ кусокъ насущнаго хлѣба. Но Бернсъ находилъ время и возможность

заботиться о своихъ ближнихъ, о ихъ духовномъ развитіи, даже объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія — онъ самъ нуждавшійся въ каждомъ грошѣ!.. По его инициативѣ и его почти единоличнымъ стараніямъ устраивается—первая въ Шотландіи—передвижная бібліотека для сельскаго населенія, и онъ беретъ на себя все управленіе предпріятіемъ, становится здѣсь казначеемъ, бібліотекаремъ и цензоромъ (т. е. дѣлаетъ выборъ книгъ). Когда умеръ почти въ нищетѣ юноша-поэтъ Брусъ, и друзья умершаго, собираясь издать его стихотворенія, чтобы помочь старухѣ-матери, обращаются къ Бернсу съ просьбой проредактировать это изданіе и прибавить нѣсколько собственныхъ стихотвореній,—онъ съ радостью берется за это дѣло и предоставляетъ издателямъ—конечно бесплатно—взять изъ его неизданныхъ стиховъ все, что имъ будетъ угодно. Когда на одного сельскаго учителя обрушиваются преслѣдованія мѣстнаго начальства, Бернсъ усердно ходатайствуетъ за него предъ высшимъ начальствомъ и пишетъ одному изъ очень вліятельныхъ лицъ, покровительствомъ котораго онъ продолжаетъ пользоваться: «Правда—и я сознаю силу этого замѣчанія—что человѣкъ въ моемъ смиренномъ и жалкомъ положеніи очень ошибается относительно какъ самаго себя, такъ и воззрѣній свѣта, когда онъ настолько самонадѣянъ, что предлагаетъ нуждающемуся свое вліятельное ходатайство предъ такими высокопоставленными и высокоуважаемыми лицами, какъ вышеупомянутые мною (т. е. главное учебное управленіе). Но... что же было мнѣ дѣлать? Человѣкъ способный, человѣкъ талантливый, человѣкъ добродѣтельный и мой другъ... развѣ могъ я оставаться спокойнымъ и безмолвнымъ и въ бездѣйствіи смотрѣть, какъ онъ погибаетъ! Да и скорѣе проползъ бы на колѣняхъ къ скаламъ и горамъ и умолялъ бы ихъ обрушиться на его преслѣдователей и раздробить ихъ — ихъ и ихъ злобу...»

Неутомимо заботясь о другихъ, физически изнеможенный, внутренно и внѣшне терзаемый, погружавшійся все чаще и чаще и въ простое грубое опьяненіе,—Бернсъ не забывалъ и о своемъ внутреннемъ мірѣ, повинувшись въ этомъ случаѣ той неодолимой потребности мыслителя и поэта, которую не могли подавить въ немъ никакія житейскія невзгоды. Только что употребленное слово «мыслитель» не слѣдуетъ, конечно, принимать въ его обычномъ смыслѣ, какъ не назовемъ мы въ *этомъ* смыслѣ мыслителемъ столь родственнаго Бернсу во многихъ отношеніяхъ нашего Кольцова, съ его Grüblerei надъ многими отвлеченно-философскими вопросами; но неизмѣримо выше этого наивнаго, простодушнаго, оцущью блуждающаго въ этой области Кольцова—шотландскій поэтъ съ его глубокимъ умомъ, изумительнымъ чутьемъ, умѣньемъ какъ-то инстинктивно проникать иногда въ самую суть такихъ вещей, смыслъ которыхъ вполне раскрывается только для людей, получившихъ серьезное научное образованіе. Такъ, когда одинъ изъ тогдашнихъ ученыхъ-эстетиковъ прислалъ ему свое сочиненіе «О вкусѣ», гдѣ излагалась

метафизическая теорія ассоціаціи въ нашемъ умѣ предметовъ невидимыхъ и видимыхъ, представляющихъ ему прекрасными, — то Бернсъ отвѣчалъ ему письмомъ, по поводу котораго знаменитый Дугласъ Стюартъ высказалъ свое удивленіе, что этотъ «необразованный шотландскій пахарь составилъ себѣ ясное понятіе объ общихъ началахъ ученія ассоціаціи», — удивленіе, которое въ свою очередь вызвало замѣчаніе Карлейля: «мы скорѣе думаемъ, что вещи, гораздо болѣе тонкія, чѣмъ ученіе ассоціаціи, были уже съ издавна близко продуманы и усвоены имъ...» Слѣды этого рода умственной работы мы находимъ въ его письмахъ и нѣкоторыхъ, относящихся именно къ этому времени, стихотвореніяхъ; на нее же указываетъ и усердное занятіе его чтеніемъ разныхъ философовъ — преимущественно современныхъ, причемъ все его предпочтеніе отдается тѣмъ изъ нихъ, которые, согласно главному теченью XVIII в. въ Англіи, стояли на почвѣ эмпиризма и здраваго смысла. Къ чтеніямъ въ этой отрасли присоединяются и чтенія поэтовъ англійскихъ и французскихъ, влияющихъ собственно на поэтическую производительность его, — производительность, которая если и ослабла сравнительно съ предшествовавшею, то всетаки не прекращалась, принявъ однако на-ряду съ прежнимъ, самобытнымъ, непосредственнымъ, чисто-поэтическимъ теченіемъ другое — подражательное и довольно тяжеловѣсное. Эту перемѣну создали только что упомянутыя чужія влияния. Исходя изъ той истины, что каковъ бы ни былъ поэтический талантъ, но одна «непосредственность», безъ помощи широкаго образованія, никогда не выдвинетъ его на ту дорогу, по которой шествуютъ поэты міровые, Бернсъ, однако, не имѣя хорошаго руководителя, подпалъ влиянію того дурнаго вкуса, который, какъ я уже говорилъ въ началѣ этого очерка, господствовалъ, за весьма немногими исключеніями, въ тогдашней англійской литературѣ. Какъ Байронъ, по совершенно нестижимой причинѣ, ставилъ почти на недостижимую высоту Попа, такъ и Бернсъ взялъ его себѣ въ образецъ, и нѣсколько произведеній, относящихся къ этому времени, написаны въ этой вылощенной сухой формѣ, на строго «классическомъ» англійскомъ языкѣ, представлявшемъ далеко не отрадную противоположность живому, кипучему, образному шотландскому языку самостоятельныхъ произведеній нашего поэта, и съ содержаніемъ тоже отнюдь не поэтическимъ. Но такой поэтъ, какъ Бернсъ, не могъ, конечно, долго оставаться въ цѣпяхъ *такой* подражательности и на *такой* почвѣ, и если пресловутый Попъ пришелъ бы въ неописанный ужасъ отъ всего, что написалъ его поклонникъ Байронъ, то написанное Бернсомъ вообще, наряду и одновременно съ этими подражаніями, заставило бы автора «Похищеннаго Локона» перевернуться въ гробу отъ ужаса и отъ отвращенія, — такъ какъ между этими произведеніями находился знаменитый «Томъ О'Шантеръ» — это удивительное соединеніе въ одной и той же фантастической пьесѣ шутки, смѣха и кидущаго въ дрожь ужаса... Въ то-же самое время создавалъ онъ такія вещи, какъ удивитель-

ное по глубинѣ и теплотѣ чувства обращеніе къ «Маріи въ Небѣ»,— въ тоже самое время были у него въ головѣ и драматическіе замыслы, для чего онъ изучалъ Шекспира и другихъ драматурговъ (хотя врядъ ли написалъ бы онъ въ этомъ родѣ что нибудь выдающееся),—въ то-же самое время выходило изъ подъ его пера то, что составляло главную силу его, какъ поэта—пѣсни съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ и все съ тою же неуываемою свѣжестью и силою, въ чисто народномъ духѣ. Правда, въ отношеніи количественномъ производительности этого періода довольно бѣдная, особенно въ сравненіи съ предшествовавшею; но когда подумаешь, среди какихъ истинно каторжныхъ обстоятельствъ совершалась эта поэтическая работа, то и въ виду немногаго созданнаго — между которымъ притомъ, повторяю, были вещи гениальныя—какъ не подивиться необычайной силѣ духа этого человѣка и необычайной поэтичности его темперамента!...

Но само собой разумѣется, что все это, увеличивая его славу, нисколько не улучшало его матеріальнаго положенія, тѣмъ болѣе, что многихъ своихъ стихотвореній онъ не печаталъ, а за печатавшіеся рѣзко отказывался получать какой бы то ни было гонораръ. Положеніе это, напротивъ, еще ухудшалось со дня на день, благодаря разстройству дѣлъ на фермѣ, и Берись увидѣлъ, наконецъ, полную невозможность продолжать заниматься этимъ дѣломъ; надо было ограничиться единственнымъ ресурсомъ существованія, остававшимся въ его распоряженія,—ресурсомъ, правда, весьма скуднымъ, но по крайней мѣрѣ вѣрнымъ и не сопряженнымъ ни съ какими денежными убытками. Отнынѣ фермеръ Берись превращается исключительно въ акцизнаго чиновника; отъ работы, въ которой было для него все таки столько родного, переходилъ онъ теперь уже безраздѣльно къ ненавистному для него и такъ вопіюще дисгармонировавшему съ его натурою ремеслу; изъ живописнаго, поэтическаго уголка перебирается онъ со всею семьєю на душный чердакъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ съ его мелочными интересами, глухою спячкою большую часть года и шумными развлеченіями въ теченіи нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ, когда съѣзжалась изъ своихъ помѣстьевъ окрестная знать. «Это была среда шумная или мертвенная, но всегда одинаково грубая... Самая очевидная опасность заключалась въ томъ, что этотъ городъ кишѣлъ всякаго рода увлеченіями, противъ которыхъ нашему поэту весьма трудно было бы устоять. Вторая—въ томъ, что ему предстояло прійти въ соприкосновеніе съ денежною или родовою аристократією въ тѣ моменты, когда она обнаруживаетъ самую оскорбительную роскошь свою, и въ тѣхъ развлеченіяхъ, гдѣ она съ хвастовствомъ выноситъ на показъ животную грубость. Въ немъ, столь щекотливомъ по отношенію и къ истинной аристократіи—аристократіи таланта, столкновеніе съ этою кичливою роскошью должно было вызывать раздраженіе. Она не могла не возбуждать присущихъ

ему демократическихъ чувствъ; онъ неминуемо долженъ былъ стать во враждебное положеніе къ обществу...» Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ; къ этому присоединились и нѣсколько другихъ обстоятельствъ,—и такимъ образомъ въ декабрѣ 1791 г. начался послѣдній актъ этой мрачной и горестной трагедіи, которой предстояло протянуться четыре съ половиною года—цѣлая вѣчность для несчастнаго страдальца, бывшаго главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея.

IV.

«Милый мой Энсли—такъ писалъ Бернсъ скоро послѣ переселенія въ Демфрисъ (названіе города) одному изъ своихъ друзей—можешь ты помочь больному духу? Можешь ты сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ тревожной и страдающей душѣ среди ужасовъ раскаянія, сожалѣнія, угрызений совѣсти, головной боли, тошноты и всѣхъ остальныхъ псовъ ада, направленныхъ на несчастнаго, провинившагося въ грѣхѣ пьянства?... О, какой я *misérable perdu!* (эти слова въ письмѣ по французски). Я пробовалъ все, что обыкновенно развлекало меня, доставляло мнѣ удовольствіе—но напрасно. Мнѣ суждено сидѣть здѣсь подобно памятнику мщенія, которое постигаетъ злыхъ;—сизжу, считая каждый стукъ маятника, между тѣмъ какъ онъ медленно, медленно считаетъ эти лѣнивые, негодные часы, которые (будь они прокляты!) проходятъ предо мною, каждый вслѣдъ за своимъ сосѣдомъ и каждый съ ношею душевной муки на спинѣ—ношею, которую онъ обрушиваетъ на мою голову... И некому сжалиться надо мною: жена моя бранитъ меня, ремесло мое доводитъ до изнеможенія, и грѣхи мои смотрятъ мнѣ прямо въ лицо, каждый рассказывая исторію горше той, что я слышу отъ его товарища... Какой адъ и во мнѣ, и вокругъ меня!...»

Эти слова отчасти характеризуютъ тотъ образъ жизни, который отнынѣ поэтъ будетъ вести до тѣхъ поръ, пока не свалитъ его съ ногъ тяжелый недугъ, и какъ нельзя лучше—то настроеніе, которое, только усиливаясь съ каждымъ днемъ, не оставитъ его уже до самой смерти. «Въ этомъ городѣ—замѣчаетъ одинъ изъ его старыхъ биографовъ—его кутежи сдѣлались значительнѣе и обычнѣе; глупые молодые люди изъ числа судейскихъ мелкихъ чиновниковъ, молодыхъ врачей, приказчиковъ и его сослуживцевъ по акцизу жадно толпились вокругъ него и отъ времени до времени заставляли его пить съ ними, чтобы наслаждаться его смѣлымъ умомъ». Но изъ этихъ кружковъ, хотъ отчасти соблюдавшихъ человѣческое достоинство среди густыхъ винныхъ паровъ, поэтъ чаще уходилъ—и уже добровольно—въ самые низшіе слои, къ тѣмъ «отщепенцамъ» общества, «веселую» часть которыхъ онъ, много лѣтъ тому назадъ, такъ великолѣпно изобразилъ въ своей знаменитой (уже

упоминавшейся мною) кантатъ—и тутъ разгулъ пьянства переходилъ уже всякіе предѣлы. Что побуждало его къ этому? «Я часто старался, — читаемъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ его писемъ, — ближе, чѣмъ это было совмѣстимо съ благонадежностью моей репутаціи—знакомиться съ тою частью человѣческаго рода, которую обыкновенно обозначаютъ общимъ терминомъ негодяевъ, воришекъ и т. п.,—съ тѣми, которые, вслѣдствіе беззаботной расточительности или необузданныхъ страстей, были доведены до нищеты; хотя они низко пали, благодаря своимъ безуміямъ, и иногда пятнають себя преступленіемъ, но я часто находилъ въ нихъ нѣкоторые изъ самыхъ благородныхъ добродѣтелей: великодушіе, безкорыстіе дружбы и даже скромность—въ высшемъ развитіи этихъ качествъ». Играла-ли, кромѣ того, въ этихъ плачевныхъ увлеченіяхъ значительную роль потребность утопить въ этомъ дикомъ самозабвеніи свои внутреннія тревоги? Или выражался въ этомъ его протестъ противъ тѣхъ слоевъ общества, которые стояли недосыгаемо выше этихъ отщепенцевъ и негодующее раздраженіе противъ которыхъ, всегда жившее въ душѣ Вернса, теперь возростало въ ней все сильнѣе и сильнѣе? Или же наконецъ—по мѣрѣ того, какъ эта сторона его поведенія отталкивала отъ него не только чопорныхъ моралистовъ, но и искреннихъ его доброжелателей и друзей — находило себѣ въ этихъ трущобыныхъ кутежахъ выраженіе то же самое «дѣланіе на зло, на перекоръ», которое побуждало почти такимъ же образомъ поступать и Байрона въ пору его венеціанскихъ оргій?.. Какъ бы то ни было, но это препровожденіе времени, въ соединеніи еще съ грубымъ половымъ развратомъ, который теперь, въ этихъ же притонахъ, сталъ по временамъ замѣнять прежнія «любовныя» увлеченія—все болѣе и болѣе затягивало въ себя бѣднаго поэта, быстро разрушая его и безъ того расшатанное здоровье и также быстро усиливая мрачность и безотрадность его внутренняго состоянія... Вышеприведенное письмо, какъ я замѣтилъ, хорошо выражаетъ это внутреннее состояніе. Оно важно для характеристики Вернса, какъ типическаго представителя этихъ жертвъ «болѣзни вѣка» съ ихъ слабостью воли, съ ихъ «ужасами раскаянія, сожалѣнія, угрызений совѣсти» исчезающими въ душѣ также быстро, какъ они возникаютъ въ ней,—съ ихъ малодушнымъ эгоизмомъ, уживающимся съ самою безграничною любовью къ людямъ—эгоизмомъ, который побуждаетъ Вернса жаловаться даже на свою жену, бывшую образцомъ самоотверженнѣйшей нѣжности и любви, но отголоски котораго, съ такими чертами, какъ извѣстнаго рода театральная «позировка» своими страданіями (тоже не чуждая Вернсу) слышатся намъ (какъ ни странно можетъ показаться это сравненіе) даже въ Тургеневскомъ «Рудинѣ», его первообразѣ Жоржъ-Зандовскомъ «Орасѣ» и многихъ членахъ современной имъ семьи... Въ этомъ отношеніи полны огромнаго значенія и интереса принадлежащіе къ этому періоду жизни Вернса письма его, и мнѣ

остается только сильно пожалеть, что размеры, этого «очерка» не позволяют остановиться здесь на этих драгоценных документах... На этих страницах «мартиролога» нашего поэта останавливает особенное внимание следующее обстоятельство, любопытное, как лишний материал для характеристики и самого Бернса, и тогдашнего английского общества.

Мы уже знаем, что единственным источником существования Бернса в эту пору осталось жалованье его, как акцизного чиновника. При переезде в Демфрис, это жалованье, благодаря ходатайству одного из влиятельных друзей поэта, было повышено с 50 ф. на 70, и он надеялся на дальнейшее увеличение, когда явилась на некоторое время опасность полной потери должности. Это было накануне знаменитого 1793 года—и великое потрясение, вызванное французской революцией, немедленно отозвалось в Англии, отозвалось отрицательно и положительно—отрицательно сильнее, чем положительно. Английская почва была совсем неблагоприятна для революционного движения в смысле насильственного переворота. «До кануна французской революции—говорит Бокль,—англичане дошли, оставаясь консерваторами и христианами, в противоположность французам, свободным мыслителям и революционерам»...—«Наша конституция—писал в своих «Разсуждениях», обращаясь к французам, Бокль, один из самых ожесточенных врагов французской революции, требовавший, чтобы Франция была вычеркнута из карты Европы,—наша конституция не фиктивный договор фабрикации вашего Руссо, годный лишь для того, чтобы его нарушали каждые три месяца, но действительный договор, благодаря которому король, дворянство, народ, церковь сдерживают друг друга и чувствуют, что сдерживаются один другим... Мы относимся с благоговием к королям, с любовью к парламентам, с покорностью к судьям, с почтением к священникам, с уважением к дворянству. Мы решились сохранить институт церкви, институт монархии, институт аристократии, институт демократии—каждый в той мере, в которой он существует—но не больше»... Этою конституцией—важнейшим продуктом знаменательной революции 1688 г., создавшей и утвердившей здание английской свободы—дорожили, как драгоценным национальным достоянием, люди всех партий и всех оттенков, от самого реакционного до самого либерального; но в применение ее на деле вошли с течением времени крупные злоупотребления, и общественное мнение, созданное тою же революцией, сдвигавшееся в сущности «настоящим владыкою Англии» начало, в лице многих лучших людей страны, Фокса, Пейна, Пристли, громко и энергично требовать возвращения конституции ее первоначальной чистоты. Вот почему взрыв французской революции, наряду с мрачной и доходившей иногда до бешенства оппозицией в роду Борковской, вызвал и проявление несомненных

симпатій къ ней. «Всѣ лучшіе англійскіе поэты, всѣ лучшіе мыслители, вся университетская молодежь единодушно привѣтствовали самыми восторженными восклицаніями парижскія событія. Всѣ юноши съ горячимъ сердцемъ, съ пламенной душой, которымъ суждено было современемъ сдѣлаться крупными поэтами XIX в.—сыновья французской революціи»... Въ Англіи быстро стали возникать одинъ за другимъ клубы, общества, одни названія которыхъ—«Конституціонное Бюро», «Общество революціи», «Общество друзей народа», и т. п.—уже ясно говорить о ихъ назначеніи и характерѣ; къ нимъ дѣятельно присоединилась и часть печати. Въ Шотландіи это движеніе пошло еще сильнѣе, благодаря какъ преобладанію тамъ демократическаго духа и демократической организаціи кальвинистской церкви, такъ и пищѣ, которую находило недовольство въ плачевномъ состояніи Шотландіи, утратившей политическую независимость со времени соединенія трехъ королевствъ подъ скиптромъ Британіи и стонавшей подъ деспотическимъ гнетомъ своего правителя Генриха Дендоса. Но, какъ въ Англіи либеральное движеніе вызвало со стороны правительства, чиновничества и партій торіевъ сильнѣйшую оппозицію, выражавшуюся часто въ совершенно противозаконныхъ преслѣдованіяхъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ, такъ и въ Шотландіи,—собственно въ средоточіи ея, Эдинбургѣ—гдѣ партія тори была могущественна, преслѣдованія приняли очень крупныя размѣры. Нужно ли говорить, къ какой сторонѣ примкнулъ Вернсъ? Съ одной стороны поэтически-восторженное одушевленіе отвлеченными идеями «свободы, равенства и братства», сладостно и глубоко отзывавшимися въ его сердцѣ, съ другой—находившее здѣсь такую обильную пищу его раздраженіе противъ знати, наконецъ—сознаніе настоятельной потребности реформъ и устраненія злоупотребленій—все это вызвало въ душѣ нашего поэта горячій откликъ на новое движеніе. Легко также понять, въ какой формѣ выразилось это сочувствіе: порывистость, рѣзкость, полное подчиненіе впечатлѣнію данной минуты должны были найти себѣ здѣсь самое полное примѣненіе. Забывая свое акцизное, т. е. чиновничье званіе, нашъ поэтъ совершаетъ одну «неосторожность» за другою. На конфискованномъ при его же посредствѣ контрабандномъ суднѣ онъ покупаетъ четыре пушки и посылаетъ ихъ въ парижскій Конвентъ при письмѣ, въ которомъ проситъ принять этотъ даръ, какъ знакъ его удивленія и уваженія;—къ редактору основанной въ это время радикальной газеты онъ пишетъ: «продолжайте! раскрывайте твердою рукой и съ неукротимымъ сердцемъ ту страшную массу испорченности, которую у насъ называютъ политикой и правительственной наукой»;—своему поэтическому дарованію онъ даетъ просторъ или въ мѣткихъ эпиграммахъ, или въ великолѣпныхъ «одахъ», какъ «Видѣніе» (это уже второе стихотвореніе подъ такимъ заглавіемъ), гдѣ предъ поетомъ, среди живописно-таинственныхъ развалинъ Ленклюденскаго аббатства, является суровое и величественное привидѣніе, и онъ во-

кликается: «будь я каменная статуя, его смѣлый взгляд вызвалъ бы во мнѣ трепетъ смущенія и испуга, а на его головномъ уборѣ было явственно начертано священное слово «свобода». Съ его арфы лились болѣзненные звуки, которые заставили бы мертвыхъ проснуться, чтобъ внимать имъ, и увя! то была повѣсть горя, какой никогда еще не слышало британское ухо! Радостно пѣло оно о прошедшихъ дняхъ, съ горькимъ плачемъ говорило о нынѣшней порѣ...» Городъ былъ полонъ разказами о бурныхъ (часто въ винномъ чаду), совсѣмъ ужъ непозволительныхъ выходкахъ Бернса въ формѣ зажигательныхъ рѣчей, тостовъ и т. п. въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, выходахъ даже такихъ, напримѣръ, какъ требованіе исполненія театральнымъ оркестромъ извѣстной революціонной пѣсни «Ca ira»—и притомъ при такой обстановкѣ театральной залы, которая дѣлала подобное требованіе чѣмъ-то совершенно чудовищнымъ въ глазахъ зрителей... Правда, что въ немъ, какъ въ огромномъ большинствѣ его соотечественниковъ, совершенно отсутствовали революціонно-разрушительныя, въ тогдашнемъ французскомъ духѣ, стремленія; правда, что и для него дѣло шло главнымъ образомъ о ненарушимомъ сохраненіи конституціонныхъ началъ, и онъ былъ совершенно искрененъ, когда въ своемъ защитительномъ письмѣ по поводу обрушившихся на него преслѣдованій, говорилъ, что «читать и будетъ всегда читать съ самою солидною лояльностью монарха Великобританіи, какъ влючъ (выражаясь масонскими терминами) священнаго свода англійской королевской конституціи»—и къ этому прибавилъ слѣдующее заявленіе: «Что касается до принциповъ реформы, то я признаю британскую конституцію, какою ее установила революція (т. е. 1688 г.), самую славную конституцію, какая только существуетъ въ мірѣ или какую, можетъ быть, способенъ представить себѣ умъ человѣка. Но въ тоже время я думаю,—а извѣстно, какія высокопоставленныя и замѣчательныя лица держатся съ нѣкотораго времени такого же мнѣнія—что мы значительно отступили отъ коренныхъ началъ конституціи и—главное—что плачевная и пагубная система нравственной испорченности проникла въ отношенія между исполнительною властью и нижнею палатой...» Правда все это, но точно также вполне естественнымъ представляется сдѣланное ему со стороны начальства внушеніе, что (такъ передаетъ онъ самъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ), «его дѣло было работать (на службѣ), а не думать, разсуждать, и что каковы бы ни были люди или принимаемые ими мѣры, его обязанность—оставаться безмолвнымъ и послушнымъ». Пришлось по неволѣ (впрочемъ только на время, потому что натура Бернса не могла не прорываться) прикусить языкъ и вообще сдерживать себя; пришлось сказать себѣ, написавъ это стихами на оконномъ стеклѣ своего любимаго трактира: «Если ты хочешь вмѣшиваться въ политику, а положеніе твое въ свѣтѣ смиренное, то помни хорошенько, что слѣдуетъ тебѣ быть глухимъ и слѣпымъ и

предоставлять сильнымъ міра сего слышать и видѣть...»—пришлось даже, все изъ-за тѣхъ же семейныхъ интересовъ и снова съ тѣмъ же страннымъ, почти трусливымъ малодушіемъ, которое, какъ мы уже знаемъ, овладѣвало сильною и неукротимою натурой Вернса, когда бѣдность давала себя слишкомъ сильно чувствовать,—пришлось, говорю, даже унижаться и, моля вліятельнаго покровителя о заступничествѣ предъ начальствомъ, грозившимъ ему отказомъ отъ службы, съ напыщеннымъ пафосомъ «просительныхъ писемъ» писать: «Вы сами мужъ и отецъ. Вы знаете, что стало бы съ вами, если бы вамъ пришлось увидѣть дорогую вашему сердцу жену и вашихъ бѣдныхъ, едва начинающихъ говорить малютокъ брошенными на произволъ судьбы, униженными, оставленными почти безъ необходимой поддержки жалкаго существованія. Увы, неужели такова должна быть моя участь—и это вслѣдствіе проклятыхъ и черныхъ навѣтовъ адской и несправедливой зависти... Судьба сдѣлала васъ могущественнымъ, меня слабымъ; вамъ она дала покровительство, мнѣ зависимость. Касайся дѣло только меня, я не хотѣлъ бы прибѣгать къ вашему великодушію; будь я одинъ и безъ семейныхъ узъ, я презиралъ бы слезы, накапливающіяся въ моихъ глазахъ, я умѣлъ бы смѣло смотрѣть въ глаза несчастію, умѣлъ бы перенести разореніе,—потому что вѣдь въ концѣ концовъ «тысячи воротъ смерти остаются открытыми». Но, о милосердный Боже! тѣ требованія нѣжнаго сердца, тѣ права и узы, которыя я вижу предъ собою въ настоящую минуту—какъ все это подавляетъ мужество и ослабляетъ рѣшимость! Вы позволили мнѣ, какъ человѣку, обладающему нѣкоторыми достоинствами, пользоваться вашимъ покровительствомъ; какъ человѣкъ честный, я, сколько мнѣ извѣстно, имѣю право на ваше уваженіе. Позвольте же мнѣ обратиться къ этимъ сладостнымъ чувствамъ; умоляю васъ спасти меня отъ нищеты, которая грозитъ уничтожить меня и которую я—буду утверждать это до моего послѣдняго вздоха—не заслужилъ...» Это письмо, какъ выше замѣчено, было написано по поводу угрожавшаго Вернсу увольненія въ отставку. Благодаря ходатайству двухъ покровителей, собственно эта опасность была устранена, но такъ какъ «политическая неблагонадежность», въ которой обвиняли его, продолжала всетаки отъ времени до времени сказываться то въ той, то въ другой формѣ, то надежды его на новое увеличеніе жалованья, на полученіе лучшаго мѣста рушились безповоротнo, и, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые изъ его біографовъ, онъ еще больше запилъ съ горя и еще глубже погрузился въ свою раздраженную ипохондрію...

А поэтический темпераментъ въ это время и въ тѣ немногіе дни, которые суждено было ему еще прожить на свѣтѣ, дѣлалъ свое дѣло. Вдохновенныя строфы въ родѣ вышеупомянутаго «Видѣнія», такіа стихотворенія, какъ «Обращеніе Роберта Брюса къ своей арміи», о которомъ Карлейль замѣтилъ, что «до тѣхъ поръ, пока сохраняется горячая кровь въ сердцѣ шотландца или человѣка вообще, она будетъ бѣжать кипучимъ потокомъ при звукахъ этой воинственной оды», мѣт-

кія и всегда свѣжія эпиграммы, и главное—пѣсни самого разнообразнаго содержанія, создававшіяся въ мгновеніе и подъ впечатлѣніемъ даннаго мгновенія—все это почти непрерывно выходило изъ-подъ пера этого физически и нравственно разбитаго, близкаго къ смерти человѣка. И чудесною страницей въ исторіи этихъ годовъ его поэтическаго творчества является его безкорыстное, съ теперешней и общей точки зрѣнія донъ-кихотское отношеніе къ своей поэтической работѣ, продолжавшееся и тогда, когда каждый лишній грошъ представлялся для него капиталомъ. Какъ недавно въ Эллислендѣ онъ не хотѣлъ брать денегъ за свое сотрудничество въ сборникѣ народныхъ шотландскихъ пѣсенъ Джонсона, такъ теперь онъ даже съ негодованіемъ отвергалъ всякій гонораръ за участіе въ предпріятіи нѣкоего Томсона — предпріятіи, состоявшемъ въ сочиненіи пѣсенъ на старыя народныя мелодіи, и которое Бернсъ, независимо отъ его чисто-поэтическаго значенія, признавалъ дѣломъ патріотическимъ, истинно національнымъ. Томсонъ попробовалъ было прислать ему, послѣ доставленія части работы, пять фунтовъ стерлинговъ; Бернсъ отвѣчалъ ему: «Увѣряю васъ, что вы оскорбили меня присылкой денегъ. Это унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Не возвращаю ихъ вамъ потому, что это отзывается бы позировкой и аффектаціей, но что касается до продолженія этого рода сношеній кредитора съ должникомъ, то клянусь вамъ тою честью, которою увѣнчана статуя *безкорыстія Роберта Бернса*, что при малѣйшемъ словѣ вашемъ на этотъ счетъ я съ негодованіемъ уничтожу всѣ наши прошедшія связи и съ той минуты сдѣлаюсь совершенно чужимъ для васъ человѣкомъ»... Правда, что представляется не совсѣмъ понятнымъ, почему Бернсъ такъ упорно отказывался отъ гонорара, тогда какъ счелъ совершенно возможнымъ взять деньги за первыя два изданія своихъ стихотвореній,—и соблаженіе, хотя и возможно справедливое, что въ первомъ случаѣ имѣло у него мѣсто побужденіе патріотическое, не выдерживаетъ, однако, строгой критики потому, что, кромѣ этихъ «патріотическихъ» работъ, были у него, какъ мы только что видѣли, и такія, за которыя ничто не мѣшало ему получать вознагражденіе;—правда, что не нахожу я ни у одного біографа объясненія страннаго факта, почему повторявшееся нѣсколько разъ при жизни Бернса изданіе его эдинбургскаго Сборника не принесло собственно ему ни копѣйки и доставляло доходъ только издателю;—но, такъ или иначе, а старая исторія не измѣнялась: слава шла crescendo, «имя его громко раздавалось въ парламентѣ, въ устахъ людей, которыми гордилось ихъ время, какъ имя человѣка, который составлялъ гордость своей страны» а бѣдность усиливалась еще въ большей степени, да и семья не переставала увеличиваться. Одинъ изъ его друзей и покровителей, графъ Маръ, получивъ извѣстіе (оказавшееся ложнымъ), что поэтъ отставленъ отъ службы, предложилъ ему устроить подписку въ его пользу; но Бернсъ остался Бернсомъ,

и въ письмѣ къ Мару онъ, опровергнувъ слухъ о своей отставкѣ, отъ всякаго «пособія» отказался.

Между тѣмъ конецъ подходилъ замѣтными и быстрыми шагами. Поэтъ видѣлъ и чувствовалъ его, и могъ бы сказать то, что много лѣтъ спустя говорилъ на смертномъ одрѣ страдалецъ Гейне:

„Дни, года, вѣка ужасной пытки,
Шагъ за шагъ, какъ сѣрныя улитки,
Все ползутъ—и вдоль своей дороги
Далеко вытягиваютъ ноги“...

Эти «дни», превращавшіеся въ «вѣка», тянутся для него теперь въ прогрессирующемъ физическомъ страданіи, въ размышленіяхъ надъ своею прошедшею жизнью, въ тихой, меланхолической покорности судьбѣ, смѣнившей прежнюю раздражительность, въ горькихъ думкахъ о будущей участи своего семейства, которому, и безъ того многочисленному (шестеро дѣтей) предстояло еще увеличиться именно въ это время. Въ началѣ января 1796 г. болѣзнь его усилилась такъ, что онъ лишился возможности исполнять свою должность, и къ столькимъ тревогамъ его прибавилось еще опасеніе (оказавшееся неосновательнымъ), что у него по этой причинѣ будетъ отнято или, по крайней мѣрѣ, уменьшено содержаніе. Остановилась и его поэтическая дѣятельность! «Ахъ, милый мой Томсонъ—писалъ онъ издателю сборника—боюсь, что еще не скоро, очень не скоро запую я снова свои пѣсни. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ послѣдній разъ, все время сидѣлъ я на рѣкахъ вавилонскихъ и плакалъ; что я живу—объ этомъ мнѣ давало знать только нажиманіе тяжелой руки болѣзни, и я считалъ время по ударамъ, которые наносила боль. Ревматизмъ, простуда и лихорадка заключили между собою во мнѣ страшный союзъ; я закрываю глаза въ страданіи и отрываю ихъ безъ надежды. Смотрю на весенній день и говорю съ блѣднымъ Фергюсономъ: «Скажите, для чего доброе небо надѣлило жизнью несчастныхъ и страждущихъ»?..—Въ іюнѣ врачъ посоветовалъ ему попутаться въ морѣ, и онъ поѣхалъ въ блѣдную деревушку на морскомъ берегу, гдѣ жизнь его потянулась въ полнѣйшемъ и плачевнѣйшемъ одиночествѣ (ѣхать туда съ семейю не позволяли матеріальныя обстоятельства) и откуда онъ скоро послѣ пріѣзда писалъ своему другу: «Ахъ, милый мой, боюсь, что не долго еще придется вамъ слышать голосъ барда. Уже восемь или десять мѣсяцевъ я боленъ, и проводилъ все это время то въ постели, то вѣдъ ея; но за послѣдніе три мѣсяца ревматизмъ измучилъ меня до послѣдней степени и совсѣмъ приблизилъ къ гробу. Вы бы не узнали меня, если бы встрѣтили теперь. Блѣдный, высохшій и до такой степени слабый, что иногда не могу встать со стула безъ чужой помощи... Бодрость душевная—улетѣла!.. Очень прошу васъ употребить все влияніе ваше и вашихъ друзей, чтобы акцизное управленіе не уменьшало моего жалованья. Если оно на это не согласится, то мнѣ придется покончить свои счеты, какъ подобаетъ

поэту: если не умру отъ болѣзни, то пропаду съ голоду»... Мучила его и мысль о нѣсколькихъ долгахъ, которые онъ оставилъ послѣ себя, и такъ велика была въ немъ (между прочимъ и по воспоминанію о прошломъ) боязнь всякаго судебного преслѣдованія, что напоминаніе объ одномъ изъ нихъ—сдѣланное правда въ очень грубой и жесткой формѣ—несомнѣнно ускорило его кончину; нельзя безъ сильнаго волненія, смѣшаннаго даже съ какимъ-то ужасомъ, читать двѣ—почти послѣднія въ его жизни—записки по этому поводу. «Послѣ всего моего фанфаронскаго хвастовства независимостью—писать онъ Томсону—проклятая необходимость заставляетъ меня умолять васъ о присылкѣ мнѣ пяти фунтовъ. Одинъ жестокий негодяй, которому я долженъ по счету за сукно, вообразивъ себѣ, что я умираю, подалъ на меня ко взысканію и непремѣнно посадить меня въ тюрьму. Ради Бога, пришлите мнѣ эту сумму—и какъ можно скорѣе. Простите эту настойчивость, но мысль объ ужасахъ тюрьмы сводить меня съ ума. Не прошу этихъ денегъ въ даръ, потому что обещаю и даю слово—какъ только выздоровлю, дать вамъ на пятнадцать фунтовъ самаго отборнаго сорта пѣсенъ, какія вы когда-нибудь видѣли... Простите, простите!» И въ то же самое время онъ умолялъ своего двоюроднаго брата: «Милый братъ, когда вы предложили мнѣ денежную помощь, я не думалъ, что она мнѣ такъ скоро понадобится. Одинъ негодяй—суконщикъ, которому я долженъ по довольно крупному счету, вообразивъ себѣ, что я умираю, подалъ на меня ко взысканію и непремѣнно засадить въ тюрьму мое исхудалое тѣло. Можете ли вы ссудить мнѣ немедленно десять фунтовъ? О, Джемсъ, если бы вы знали гордость моего сердца, то пожалѣли бы меня вдвойнѣ. Увы! Я не привыкъ нищенствовать! Хуже всего то, что мое здоровье начало улучшаться, и докторъ увѣряетъ меня, что печаль и уныніе составляютъ половину моего недуга. Представьте себѣ мой ужасъ, когда это дѣло обрушилось на меня!.. Какимъ языкомъ говорить мнѣ съ вами? О, не отказывайте мнѣ... Проклятая воля могущественной необходимости... Спасите меня отъ тюрьмы... Не знаю, что я написалъ. Предметъ письма слишкомъ ужасенъ; я не смѣю его перечестъ... Прощайте...»

«18-го іюля—такъ заключаетъ рассказъ о жизни нашего поэта одинъ изъ его новѣйшихъ біографовъ—Бернсъ вернулся въ Демфрисъ на маленькой тележкѣ. Когда онъ слѣзалъ съ нея, присутствующіе замѣтили, что онъ едва держался на ногахъ и съ большимъ трудомъ добрался до своей двери. Для видѣвшихъ, какъ онъ входилъ въ свой домъ, было ясно, что онъ никогда уже не переступить живымъ этого порога. Чуть только въ Демфрисѣ разнеслась вѣсть, что Бернсъ вернулся изъ поѣздки и умираетъ, весь городъ пришелъ въ сильное волненіе. Алленъ Кеннингемъ, бывшій очевидцемъ, такъ рассказываетъ объ этомъ: «Тревожное состояніе населенія, какъ высшихъ, такъ и низшихъ слоевъ, было очень велико. Гдѣ сходились двое-трое, разговоръ шелъ о Бернсѣ, и только

о немъ одномъ. Говорили объ исторіи его жизни, о его личности и сочиненіяхъ, о его остроумныхъ словахъ и саркастическихъ отвѣтахъ, о слишкомъ ранней смерти его—говорили съ энтузіазмомъ и иногда съ глубокимъ состраданіемъ. Все, что онъ сдѣлалъ, и все что онъ могъ еще—какъ они надѣялись—сдѣлать въ будущемъ, становилось предметомъ бесѣды. Многіе останавливали д-ра Мак-свеля на улицѣ и спрашивали: «Какъ чувствуетъ себя Вернсъ?» Докторъ, качая головой, отвѣчалъ: «хуже не можетъ быть»—и проходилъ, чтобы на дальнѣйшемъ пути подвергаться такимъ же разспросамъ. Я слышалъ, какъ одинъ изъ такой группы наивно спросилъ: «Какъ вы думаете, кто же теперь будетъ нашимъ поэтомъ?»

Въ теченіе трехъ или четырехъ дней, прошедшихъ между его возвращеніемъ домой и смертью, онъ почти все время находился въ бреду. Но когда друзья сходились около его постели, старое остроуміе на нѣсколько минутъ возвращалось къ нему... Жена, находившаяся въ послѣднихъ дняхъ, почти послѣднихъ часахъ беременности, не могла ухаживать за нимъ, а четверо безпомощныхъ дѣтей ходили изъ комнаты въ комнату, глядя на своихъ несчастныхъ родителей... На четвертый день по возвращеніи, 21 іюля 1796 г., Вернсъ заснулъ послѣднимъ сномъ *). Дѣти стояли вокругъ его постели, и старшій сынъ долго послѣ того помнилъ всѣ подробности этихъ печальныхъ минутъ.

Вѣсть о смерти Вернса прозвучала по всей Шотландіи, какъ похоронный звонъ, сообщающій о великой національной утратѣ. Люди точно проснулись, чтобы почувствовать громадность дара, который былъ посланъ судьбою ихъ поклѣннѣю въ лицѣ этого поэта и которому въ сущности они оказали такой маленькій почетъ. Они спрашивали себя, не слѣдовало ли имъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано, чтобы продлить въ достаткѣ и спокойствіи эту столь богато одаренную жизнь, и угрызения совѣсти смѣшивались съ всеобщей печалью.

«Само собой разумѣется, что послѣдовали торжественныя похороны, на которыя сошлось все населеніе Демфриса и окрестностей, знать и простой народъ, и гдѣ въ процессіи появились не совсѣмъ-то кстати солдаты и волонтеры съ затынутыми въ черный крепъ барабанами и опущенными ружьями. Въ ту самую минуту, какъ тѣло поэта опускали въ могилу, его жена давала жизнь новому сыну... Мѣсто, гдѣ схоронили его, находилось въ углу кладбища св. Михаила, и могила нѣкоторое время оставалась безъ всякаго кладбища. Нѣсколько лѣтъ спустя, жена поставила тутъ простой, безпритязательный камень, съ обозначеніемъ на немъ имени и возраста умершаго, а также двухъ сыновей, погребен-

*) Вернсъ умеръ тридцати семи съ половиною лѣтъ—роковой, по странной случайности, возрастъ, въ которомъ пресѣклась жизнь столькихъ выдающихся людей: Байронъ, Пушкинъ, Бѣлинскій...

ныхъ на этомъ же мѣстѣ. Хорошо было бы, если бы тѣлу поэта позволили спокойно лежать въ той могилѣ, куда опустила его семья. Но благонамѣренная, хотя невѣжественная услужливость не допустила этого. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Бёрнса, неуклюжій, громадный мавзолей, сооруженный на собранныя по общественной подпискѣ деньги, былъ поставленъ въ недалекомъ разстояніи отъ перваго мѣста его погребенія. Сооруженіе это было украшено мраморною, весьма не граціозною фигурой, изображавшею «музу Койлы, находящую поэта за плугомъ и набрасывающую на него свой вдохновляющій плащъ», и къ этому прибавили длинную, велерѣчивую надпись на тяжеломъ латинскомъ языкѣ, какъ будто какая бы то ни было надпись, сочиненная учеными педантами, могла замѣнить простое имя Роберта Бёрнса. Когда мавзолей былъ оконченъ, именно 19 сентября 1815 г., могилу открыли, и присутствующіе съ изумленіемъ увидѣли фигуру Бёрнса, повидимому, оставшуюся въ такомъ же видѣ, въ какомъ ее положили сюда столько лѣтъ назадъ. Но какъ только стали ее приподымать, все тѣло рассыпалось прахомъ, и цѣлыми остались только голова и кости; эти останки были тутъ же снесены въ мавзолей, приготовленный для нихъ принатія. Но и теперь праху поэта не суждено было пребывать мирѣ. Въ мартѣ 1834 г., когда умерла его жена, мавзолей снова открыли, чтобы положить ее рядомъ съ мужемъ. И тутъ нѣсколькимъ демфрисскимъ френологамъ было дозволено святотатственно потревожить бѣдные останки. Въ ночь съ 31 марта на 1 апрѣля эти люди наложили свои холодные пальцы на черепъ Бёрнса, «примѣряли на немъ свои шляпы и нашли ихъ всѣ слипкомъ малыи для него», прикладывали свои инструменты, записывали величину такъ называемыхъ органовъ и «пришли къ пріятному для нихъ выводу, что Бёрнсъ обладалъ достаточною способностью для сочиненія такихъ вещей, какъ *Субботній вечеръ поселанина*, *Томъ О'Шантеръ* и *Къ Маріи въ небѣ*. Исполнивъ это, они снова положили голову въ священную могилу, гдѣ, надо надѣяться, ее уже никогда больше не потревожатъ. Мавзолей, какъ снѣ ни плохъ, слѣдался мѣстомъ поклоненія, куда ежегодно съ разныхъ концовъ земли стекаются сотни путешественниковъ, чтобы взглянуть на послѣдній пріютъ шотландскаго поселанина-поэта...

Позволяю себѣ думать, что въ настоящемъ очеркѣ, насколько это было возможно при сравнительной съ важностью предмета краткости, я сгруппировалъ тѣ факты, которые дадутъ довольно ясное понятіе объ этой удивительной личности, объ этой жизни, которую онъ самъ такъ хорошо сравнивалъ съ «разрушеннымъ храмомъ», находя въ немъ «силу, пропорціональность въ одиѣхъ частяхъ» и въ то же время—«какія жалкія трещины, какія развалины въ другихъ!»—и которая такъ поэтически изображена имъ въ стихотвореніи «Эпитафія барда»:

«Если есть на свѣтѣ неразумный человѣкъ, управляемый своими прихотями, слишкомъ живой, чтобы разсуждать, слишкомъ пылкій, чтобы повиноваться, слишкомъ робкій, чтобы искать, слишкомъ гордый, чтобы льстить,—пусть онъ приблизится къ этой могилѣ и на этомъ дерновомъ холмикѣ прольетъ слезу состраданія...

«Если есть человѣкъ, свѣтлый умъ котораго можетъ указывать другимъ надлежащій путь въ жизни, но который самъ мчится по этой дорогѣ безумно, неудержно, какъ волна,—пусть онъ остановится здѣсь и сквозь проступающія на глазахъ слезы смотритъ на эту могилу.

«Бѣдный обитатель ея обладалъ способностью быстро узнавать, мудро познавать и глубоко чувствовать жаръ дружбы и другое, болѣе сладостное, пламя; но неосмотрительныя безумія погубили его и запятнали его имя...»

И вслѣдъ за этимъ изображеніемъ поэтъ съ горькой ироніей надъ собой даетъ «читателю» наставленіе, которое такъ плохо примѣнялось на дѣлѣ имъ самимъ: «Будетъ ли твоя душа устремляться на крыльяхъ фантазіи за предѣлы полюса, или суждено ей среди низменныхъ заботъ воздѣлывать эту земную юдолю,—знай, что контроль надъ самимъ собой, контроль благоразумный и осторожный, есть корень мудрости».

Предъ нами прошелъ Вернсъ, какъ человѣкъ—съ его истинно трагическою судьбой, созданной ему и другими, на которыхъ вѣчно останется это позорное пятно, и самимъ собою, въ чемъ онъ такъ поэтически сознавался самъ, когда говорилъ, что онъ злѣйшій врагъ себя и завидуетъ только «дикой лошади», рыскающей въ лѣсахъ Азіи, потому что у нея не бываетъ такого желанія, котораго она не могла бы осуществить, и устрицѣ, которая лишена и боязни, и желаній». Онъ прошелъ передъ нами съ тѣмъ недугомъ, который терзалъ его съ раннихъ лѣтъ до смерти — вѣчною войною между плотью и духомъ, находившею себя пищу въ томъ, что онъ «слишкомъ сильно чувствуетъ болѣзненные побужденія *современнаго* человѣка, т. е. несоразмѣрность между желаніемъ и возможностью»;—прошелъ съ очень характеристическимъ соединеніемъ въ немъ самыхъ противоположныхъ положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ, соединеніемъ, какъ выразился Байронъ (который могъ бы эти слова въ очень значительной долѣ примѣнить къ себѣ самому) «нѣжности, грубости, чувственности, великодушія и низменности, грязи и божественности и все это въ перемѣшанномъ видѣ»;—прошелъ и какъ натура въ высшей степени благородная, съ высокими умственными и душевными дарами, умственною силою самаго крѣпкаго мужчины, чувствительностью самой нѣжной женщины,—и какъ существо съ болѣе низменными инстинктами, принимавшими часто форму необузданныхъ, дикихъ страстей, причемъ посредникъ между этими двумя крайностями стояла слабая и нервнительная воля, такъ часто подавлявшая, уничтожавшая самыя лучшія стремленія... И Карлейль былъ правъ, когда говорилъ, что, «онъ интересуется и трогаетъ насъ главнымъ образомъ не какъ поэтъ, а какъ человѣкъ»...

Петръ Вейнбергъ.

НА СТАНЦИИ.

Романъ Елены Белау.

(Переводъ съ нѣмецкаго Т. Криль).

IV.

Масляница въ разгарѣ.

Волна глупцовъ, которую каждый годъ выбрасываетъ въ Мюнхенъ житейское море, разлилась по улицамъ, подгоняемая рѣзкимъ мартовскимъ вѣтромъ. Она несла съ собой всевозможные диковинные образчики человѣческаго рода, веселые и нарядные; морозный вѣтеръ щипалъ имъ носы, забираясь подъ черныя маски однихъ, трепалъ пестрыя ленты на головахъ другихъ и до нѣкоторой степени портилъ уличное веселье. Тѣмъ не менѣе оживленная суматоха продолжалась весь день. Остроты выходили немножко неуклюжими и тяжеловатыми отъ холода, имъ приходилось преодолевать сопротивленіе закованныхъ членовъ, и это усиліе лишало ихъ блеска и гибкости. Нужно было какъ нибудь отогрѣваться. Всѣ ощущали это и торопились укрыться въ рестораны, кафе и пивныя.

На улицахъ было совершенно темно. Вся пестрая, разряженная толпа стремилась къ свѣту, какъ стая ночныхъ бабочекъ. Надо было и себя показать, и другихъ посмотреть. Всѣ, кого заморозилъ холодъ на улицѣ, здѣсь—въ теплыхъ, людныхъ, накуренныхъ комнатахъ, быстро оттаивали и снова становились смѣлыми и предприимчивыми.

Въ большихъ свѣтлыхъ комнатахъ кафе Луитпольдъ, за круглыми мраморными столиками сидятъ всевозможныя парочки и одинокіе посѣтители, наблюдающіе людской потокъ, непрерывно стремящійся изъ одной двери въ другую. У углового столика помѣстилось трое посѣтителей. Въ глазахъ молодого человѣка свѣтится наивная юношеская любовь.

Бѣдный влюбленный юноша! Мы немного знакомы съ нимъ; до сихъ поръ мы считали его такимъ солиднымъ, такимъ благо-разумнымъ, вполне *comme il faut*... *comme il faut*-Мейеръ! Обѣ его сосѣдки въ черныхъ шелковыхъ маскахъ. На одной

изъ нихъ коричневое шерстяное платье, на другой черное шелковое, которое такъ удивительно красиво и своеобразно облакаетъ стройную фигуру дѣвушки, что Гастельмейеру она представляется окруженной какимъ то облакомъ. Онъ чувствуетъ себя нѣсколько не по себѣ. Она неотступно стоитъ передъ его глазами, даже когда онъ смотритъ на другую. До сихъ поръ жизнь давалась ему очень легко, и ему представляется, что и на этотъ разъ все кончится хорошо, даже очень хорошо. Всю жизнь онъ думалъ, что любовь пренепріятная исторія, теперь онъ старается объ этомъ не думать.

— Меня здѣсь никто не знаетъ, — говоритъ дѣвушка въ черномъ шелковомъ платьѣ, — я сниму на минутку маску.

Гастельмейеръ мечтательно смотритъ на нее, ему нетерпѣливо хочется видѣть ея лицо.

Она поднимаетъ маску, резинка держитъ еще ее на волосахъ, но лицо уже свободно. Горящія, полныя жизни глаза напряженно и внимательно глядятъ на толпу.

Еще въ январѣ, послѣ напугавшаго его шумнаго вечера у Ковальскихъ, Гастельмейеръ рѣшилъ какъ можно скорѣе обратиться изъ этой своего рода сортировочной станціи; теперь былъ мартъ, а онъ и не думалъ приводить въ исполненіе своего намѣренія. Онъ сдѣлался другомъ всего семейства. Сегодня Олли была поручена ему.

Товарищи его давно догадывались, въ чемъ тутъ дѣло; сначала они молчали, потомъ стали улыбаться, позднѣе (слишкомъ поздно!) дружески предостерегали его, а потомъ опять стали улыбаться и пожимать плечами. Гастельмейера уже нельзя было спасти. Онъ первый разъ попалъ въ западню.

— Послушай, Фредъ, меня здѣсь ни одинъ человѣкъ не знаетъ, я тоже сниму маску; мнѣ душно.

— Какъ хочешь, — отвѣтилъ Гастельмейеръ, и вторая дѣвушка тоже сняла маску.

Это была Анна изъ Роормоса. Но Гастельмейеръ не смотрѣлъ на нее. Его взглядъ былъ прикованъ къ прелестной оригинальной дѣвушкѣ, сидѣвшей по другую сторону стола. А она, казалось, не замѣчала ничего, кромѣ пестрой, движущейся толпы. Анна твердымъ и яснымъ взглядомъ посмотрѣла на своего стараго товарища. — Погибъ ты, совсѣмъ погибъ — говорили ея глаза.

Ея розовыя щеки слегка поблѣднѣли, и она взглянула на прелестную дѣвушку.

— Ужъ очень ты важничаешь, — подумала Анна, — хоть бы взглянула на него, а онъ-то сидитъ передъ ней, какъ дуракъ!.. Онъ унизилъ себя въ ея глазахъ тѣмъ, что такъ откровенно выказалъ свою любовь... Хорошо вамъ, мушкетерамъ, — подумала она, и улыбнулась, сдерживая вздохъ.

Никто не обращалъ на нее вниманія, и она сидѣла одинокая и покинутая, рядомъ со своимъ старымъ товарищемъ, съ тѣмъ, кого она въ мысляхъ никогда не отдѣляла отъ себя, кто былъ всегда другомъ и братомъ одинокой дѣвушки, съ кѣмъ соединялись всѣ ея лучшія воспоминанія; мысли невольно уносили ее далеко изъ этой душной, тѣсной залы, влекли ее вонъ изъ города, туда, въ тихій, печальный Роормось. И на душѣ у нея становилось спокойнѣе и грустнѣе.

Теперь она узнала, что такое одиночество... тяжелое, гнетущее одиночество. Она боялась возвращаться въ родной домъ, но и отсюда ей хотѣлось уйти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видѣть все это,—нѣтъ, это слишкомъ больно, до глубины души больно, выше силъ человѣческихъ! Какъ будто кто-то вдругъ загасилъ весь свѣтъ, оварявшій ея жизнь. И вокругъ становилось все темнѣе и темнѣе, пустыннѣе и пустыннѣе. Она жала руки подъ мраморнымъ столикомъ и сидѣла молча, пораженная неожиданнымъ ударомъ.

Одному изъ проходившихъ мимо понравилась розовая, бѣлокурая дѣвушка и, слѣдуя свободнымъ обычаямъ маскарадовъ, онъ обнялъ ее за плечи, намѣреваясь поцѣловать.

Она вскрикнула отъ испуга и вскочила.—Господи, что же это?—сказала она.

Нахалъ громко засмѣялся и исчезъ въ толпѣ. Гастельмейеръ очень строго посмотрѣлъ на него.

— Ну что же, уйдемъ мы наконецъ?—спросила Анна.

— Изъ за этого?—съ улыбкой шепнулъ ей Гастельмейеръ. Погоди немного, я буду лучше охранять тебя.—Потомъ онъ снова заговорилъ съ Олли, которая горѣла желаніемъ все видѣть, все слышать.

— Посмотрите, посмотрите сюда, господинъ Гастельмейеръ, пожалуйста!—ежеминутно восклицала она.—Какъ хорошо мы сдѣлали, что взяли меня сюда!—сказала она.—Ну, подумайте сами: когда дѣвушка видитъ, какъ люди двигаются совершенно свободно и естественно, безъ всякихъ стѣсненій? Вѣдь у натурщиковъ этого не увидишь.

— А вамъ это доставляетъ большое удовольствіе?»

— Удовольствіе? Какое же удовольствіе? Но это необходимо. Я давно жаждала этого.

— Вѣдь вотъ какая вы любительница удовольствій!

Дѣвушка вспыхнула, темные глаза ея сверкнули; она, казалось, не могла сразу подыскать словъ.

— Нѣтъ!—сказала она,—значитъ вы меня не поняли. Въ нашемъ смыслѣ мнѣ это не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія,—это совсѣмъ другое. Я смотрю на все и учусь, учусь, всѣмъ существомъ учусь. И я чувствую,—что только такъ и можно чего нибудь достигнуть, когда видишь жизнь,

а то вѣдь мы, женщины всегда стоимъ въ сторонѣ отъ жизни. Что тутъ сдѣлаешь... Я хочу видѣть, какъ люди живутъ. Понимаете вы меня?—Чтобы лучше заставить его понять, она положила свою руку на его рукавъ.—Неужели это такъ трудно понять? Вѣдь я такой же художникъ, какъ и вы. Вы не представляете себѣ, какъ трудно женщинѣ находить жизнь и правду. Ей никогда не показываютъ правды.

Олли привлекала вниманіе: у ихъ столика столпились маски и заговаривали съ ней. Гастельмейеръ хотѣлъ рыцарски защитить свою даму.

— Оставьте, оставьте,—попросила она и опять положила свою руку на его, вѣроятно для того, чтобы помѣшать ему встать. Она смѣялась, болтала со всѣми и отвѣчала на всѣ шутки.

Около нихъ сѣли двѣ маски, по виду два академика, одинъ переряженный кухаркой, а другой судебнымъ приставомъ. Послѣдній спросилъ ее, чѣмъ она занимается.

— Рисуемъ понемножку,—сказала она.

— Чтожъ, сама рисуешь или, можетъ быть, другъ твой рисуетъ, а ты... помогаешь.

— Нѣтъ, сама рисую.

— Художница? Ну, у тебя много не опишешь. Что у тебя есть? Перепачканный холстъ, зубная щеточка, а, можетъ быть, и той нѣтъ, кисти, да плохенькое платьишко. Навѣрно, самое лучшее сегодня надѣла.

— Конечно,—сказала Олли, сверкая смѣющимися глазами.—Если и не ты, то такой же какъ ты, пожалуй, дѣйствительно будетъ у насъ завтра.—Она, смѣясь, обратилась къ Гастельмейеру: въ самомъ дѣлѣ къ намъ завтра придетъ, приставъ, пресмѣшно право. Гастельмейеръ растерянно взглянулъ на нее.

— Смотри,—сказала маска,—какъ бы онъ не унесъ и тебя съ твоими плутовскими глазами. Ужъ я бы на его мѣстѣ не оплошала.

— Чтожъ, я согласна,—сказала Олли,—это будетъ недурно.

— Смѣло—сказала маска, обращаясь къ своему спутнику,—надо намъ будетъ показать этого чертенка нашему дрессированному льву.—Олли и на это засмѣялась. Она вообще всему смѣялась.

— Оставьте вы ихъ,—прошептала ей Гастельмейеръ ввоннованнымъ шепотомъ.—Въ концѣ концовъ вамъ не будетъ пріятно, если онъ станетъ приставать къ вамъ.

— Пріятно не будетъ, но совершенно безразлично. Посмотрите вонъ на того, какіе онъ влюбленные глаза дѣлаетъ, настоящій гусь! Право, маскарадъ не здѣсь, а тамъ, въ жизни вездѣ маскарадъ. Здѣсь люди держатъ себя, какъ имъ нра-

вится, какъ имъ удобнѣе; только здѣсь можно видѣть естественныя движенія, а тамъ все маріонетки. Какъ я вамъ благодарна, что вы привели меня сюда!

— Право, я думаю,—сказалъ угрюмо Гастельмейеръ,—что еслибы васъ такой молодецъ поцѣловалъ, вы бы и въ эту минуту наблюдали и учились.

— Конечно,—отвѣтила она.—Я бы не обратила вниманія на поцѣлуй.

— Ну!—сказалъ Гастельмейеръ; онъ охотнѣе всего взялъ бы ее за руку и увелъ изъ этой комнаты.

— Лизала васъ когда нибудь собака?—спросила Олли—конечно, это непріятно, и по возможности стараешься избѣжать этого, но... Ея глаза опять открыли въ толпѣ что-то интересное, овладѣвшее всѣмъ ея вниманіемъ. Нѣтъ,—сказала она, какъ бы про себя,—какъ можно быть художникомъ, не зная жизни!

Гастельмейеръ обратился къ Аннѣ и тихонько сказалъ ей:

— Не думай о ней ничего дурного. Ее нужно видѣть дома, она хорошая дѣвушка. Она не такая, какъ другія, а рисуетъ она дѣйствительно блестяще; любой мужчина позавидовалъ бы ей. Только, знаешь, для дѣвушки это все таки лишнее.

— Лишнее?—переспросила Анна.—Мнѣ кажется, что я понимаю ее лучше, чѣмъ ты. Это совсѣмъ не лишнее. Она дѣйствительно хорошая дѣвушка.

Сердце сжалось у Анны при этихъ словахъ, но она должна была сказать ихъ.

— Вотъ какъ! меня удивляетъ, что ты такъ смотришь. Мнѣ казалось, что тебѣ не нравятся такого рода женщины,—проговорилъ онъ.

Анна не продолжала разговора, она смотрѣла на толпу, какъ будто и она видѣла тамъ что то; но она не видѣла ничего передъ собой, ничего, кромѣ безграничной пустоты, въ которую она погружалась теперь и, какъ ей казалось, навсегда.

— Ну, а какъ же будетъ съ судебнымъ приставомъ?—тихо спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— А что?—прошепталъ онъ.

— Она сказала, что къ нимъ придетъ завтра приставъ. Это шутка?

— Конечно,—поспѣшилъ увѣрить Гастельмейеръ, хотя въ глубинѣ души онъ думалъ:—А почему бы и нѣтъ? у насъ и не такія вещи случаются.

— Фрейлейнъ Олли—тихо обратился онъ къ ней, когда она на минуту замолчала,—что вы такое говорили только что по поводу судебного пристава?

— А что? Я говорила, что онъ придетъ къ намъ завтра.—Серьезно. Онъ возьметъ у насъ нѣсколько вещей,—сказала

Олли невозмутимо,—это изъ-за мясника. Онъ ни за что не хочетъ больше ждать.

— Такъ,—сказалъ Гастельмейеръ, повидимому, совершенно спокойнымъ тономъ.

Такое полнѣйшее равнодушіе къ жизненнымъ невгодамъ раздражало его, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ всегда овладѣвало изумленіе, когда онъ думалъ о трудовой жизни Олли и о бѣднягѣ Эрвинѣ, который все писалъ и писалъ на такія темы, что никакой издатель не соглашался печатать, хранилъ у себя въ портфель всевозможныя воззванія къ человѣчеству и возставлялъ въ своихъ романахъ противъ того, съ чѣмъ всѣ спокойно мирились. И хотя, не смотря на все свое усердіе, они не могли обезпечить себѣ сколько нибудь сноснаго существованія, но это нисколько не смущало ихъ, и они тащили за собой туда-же и Эмиля, какъ будто идти по этому пути было величайшимъ счастьемъ. Произведенія Олли также не пользовались особеннымъ успѣхомъ,—они были слишкомъ своеобразны и нисколько не льстили вкусамъ толпы.—Бѣдняжка,—подумалъ Гастельмейеръ. Ему хотѣлось взять на руки это нѣжное, хрупкое созданіе и унести ее куда нибудь подальше отъ этой мелочной, унижительной суетлоки. Онъ чувствовалъ себя по отношенію къ ней типичнымъ сильнымъ мужчиной передъ типичной слабой женщиной. Какой могъ быть выходъ изъ теперешняго положенія? Онъ уже видѣлъ ее въ нуждѣ и бѣдности, съ нѣжнымъ организмомъ, надломленнымъ отъ чрезмѣрной работы, голода и нищеты, но и тутъ онъ не могъ вообразить ее себѣ лишенной мужества и энергіи, съ потухшимъ огнемъ въ глазахъ. Онъ видѣлъ ее во всевозможныхъ положеніяхъ, но никогда она не представлялась ему забитой жизнью, измѣнившейся, уставшей думать. Никогда еще женщина не волновала его такъ, какъ она, ни одна не поглощала до такой степени его мыслей, ни въ одной онъ не ощущалъ такъ сильно духовной стороны ея существа. До сихъ поръ на него производила впечатлѣніе только свѣжесть молодости. А здѣсь,—конечно, и здѣсь молодость оказывала на него вліяніе, но это прекрасное, юное тѣло казалось только легкой оболочкой чего-то неизвѣстнаго ему, что онъ первый разъ почувствовалъ въ женщинѣ.

Да, первый разъ. До сихъ поръ всѣ женщины казались ему состоящими изъ тѣла и самаго маленькаго кусочка души, насколько совершенно необходимо, да и этотъ кусочекъ души наводилъ на него страшную скуку. Только самая молодая женщина казалась ему женщиной, а если молодость уже прошла, то и женщина для него не существовала,—онъ видѣлъ въ ней что-то другое, что-то чрезвычайно непріятное. Мать свою онъ любилъ, потому что она была его мать, Анну, — потому

что она принадлежала къ его семьѣ. Всѣ остальные женщины представлялись ему чѣмъ-то чуждымъ, какой-то низшей расой. До сихъ поръ, къ счастью, ему еще не приходилось близко сталкиваться съ ними; но онъ всетаки любилъ создавать въ своемъ воображеніи идеаль женщины, которому онъ, впрочемъ, не придавалъ особаго значенія; этотъ идеаль онъ прилагалъ ко всѣмъ женщинамъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Онъ попробовалъ было приложить его и къ Олли, но тутъ какъ-то ничего не вышло. Растеніе это не поддавалось опредѣленію.

Во всякомъ случаѣ онъ иначе представлялъ себѣ этотъ вечеръ. Олли рѣшительно не хотѣла смотрѣть ни на что, кромѣ толпы, а между тѣмъ ему хотѣлось именно Аннѣ показать, какъ обстоятъ его дѣла. Онъ зналъ и раньше, что Олли хорошо относилась къ нему, но такой вечеръ былъ самымъ удобнымъ случаемъ, чтобы придать нѣсколько иной характеръ ихъ дружескимъ отношеніямъ, а онъ такъ страстно желалъ этого! Олли долго сидѣла молча съ нимъ рядомъ, наблюдая за потокомъ масокъ, стремившихся мимо; вдругъ она обратилась къ нему и сказала:—У меня къ вамъ большая просьба, господинъ Гастельмейеръ.

— Что такое?—спросилъ Гастельмейеръ тревожно. Онъ былъ какъ будто заряженъ электричествомъ, всякое обращеніе Олли извлекало изъ него искру, на мгновенное облегчающую его сердце.

— Проводите насъ въ танцевальную залу. Мнѣ хочется видѣть, что тамъ дѣлается.

У него явилось такое ощущеніе, какъ будто кто-то ударилъ его по лицу. Нѣтъ, женщина его идеала никогда не сказала бы этого! Прежде всего она не знала бы даже о существованіи такихъ танцевальныхъ залъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ маслянистыхъ баловъ; а еслибы она и слышала о нихъ случайно, она никогда не созналась бы въ этомъ при мужчинѣ.

Но Олли повидимому ни мало не заботилась объ его идеалѣ.—Пойдемте,—настойчиво просила она.

— Нѣтъ, фрейлейнъ Олли, это вещь неподходящая,—сказалъ онъ, оправившись нѣсколько отъ неожиданнаго удара,—и меня удивляетъ даже, какъ могла вамъ придти въ голову подобная идея!—Онъ проговорилъ это тономъ отеческаго внушенія.

— Вы нѣсколько туги на пониманіе, право,—сказала Олли насмѣшливо и нѣсколько нетерпѣливо.—Хотѣла бы я знать, сколько разъ должна я вамъ объяснять это?

— Ахъ, это опять тоже,—сказалъ Гастельмейеръ, постоянно забывавшій о художественной дѣятельности Олли; для него была слишкомъ непривычна мысль, что женщина можетъ быть

еще чѣмъ нибудь, кромѣ просто женщины. На этотъ разъ онъ чувствовалъ, что обязанъ во чтобы то ни стало помѣшать Олли исполнить ея желаніе. Это въ самомъ дѣлѣ было невозможное желаніе. Онъ бы самъ себѣ далъ пощечину, еслибы повелъ на такой балъ невинную молодую дѣвушку изъ хорошей семьи, и это онъ-то—Гастельмейеръ!

Но кто можетъ сохранить свое достоинство, когда его подхватываетъ и несетъ бурный ураганъ, да еще не простой ураганъ, а ураганъ любви, что, конечно, гораздо хуже.

Не прошло и получаса, какъ они всѣ трое шли по направлению къ танцевальной залѣ. Дѣвушки опять надѣли маски и плащи, на чемъ настояла Анна. Милая, добрая Анна!..

— Пойдемъ,—сказала она,—почему же не пойти, если ей хочется, если ей это нужно для ея рисованья... Я это прекрасно понимаю,—спокойно продолжала она,—еслибы я хотѣла нарисовать корову, то я бы тоже не тогда стала рисовать ее, когда она ѣсть въ хлѣву, а когда она пасется на лугу.

— Ну, да,—сказалъ Гастельмейеръ,—женщины всегда стоятъ другъ за друга.

— А гдѣ же и смотрѣть на нихъ, какъ не въ Луитпольдѣ, продолжала она—Настоящіе телята! Каждый скачетъ по своему. Людямъ, какъ и скотинѣ, надо иногда дать немножко воли.

Олли и Анна отлично ладили другъ съ другомъ. Анна была мужественная дѣвушка: Олли являлась причиной ея страданья, именно поэтому она особенно заступалась за нее.

— Я буду крѣпко держаться за тебя,—сказала Анна Гастельмейеру, поднимаясь по крутой каменной лѣстницѣ въ танцевальную залу.

— Конечно, держись, и вы также, фрейлейнъ Олли.

По всей лѣстницѣ стояли унылыя старыя елки; зимой онѣ служили для украшенія комнатъ, а теперь съ нихъ обсыпались послѣднія потемнѣвшія иглы. Въ узкихъ корридорахъ, гдѣ люди, проходя, постоянно задѣвали за вѣтви, сухія деревья превратились въ настоящія метлы. Множество мужчинъ и женщинъ толпилось передъ входомъ, большая часть женщинъ были въ элегантныхъ черныхъ шелковыхъ платьяхъ съ открытыми шеями и руками. Почти на всѣхъ были черныя маски и странные капюшоны на головахъ. Они уже видѣли много такихъ фигуръ въ кафе Луитпольдъ. Анна крѣпко прижималась къ Гастельмейеру.

— Тебѣ ничего, что я такъ крѣпко прижимаюсь къ тебѣ? спросила она его опять. Въ этомъ вопросѣ было что-то такое, на что всякій другой обратилъ бы вниманіе, но Гастельмейеръ не замѣтилъ ничего, озабоченно пробираясь впередъ съ своими двумя дамами.

— Такъ вы рѣшительно хотите туда?—спросилъ онъ еще разъ.

Анна промолчала, а Олли спокойно сказала:— Да.

Они вошли. Былъ перерывъ между танцами, и пары ходили взадъ и впередъ, какъ и на всякомъ другомъ балу. И здѣсь стѣны были украшены жалкими, растрепанными, засохшими елками. Анна уже не такъ крѣпко держалась за Гастельмейера. Здѣсь все было также, какъ и вездѣ, какъ въ Оберсдорфѣ, на примѣръ, или у нихъ, когда они два-три раза въ зиму устраивали танцы. Дамы, быть можетъ, черезчуръ нѣжно опирались на руки своихъ кавалеровъ, но она замѣтила это еще въ кафе. Туалеты ихъ также выглядѣли нѣсколько иначе, чѣмъ костюмы почтенныхъ оберсдорфскихъ дамъ. Какъ замѣчательно все на нихъ сидѣло, какъ граціозно и, въ то-же время, какъ важно онѣ себя держали... впрочемъ, пожалуй, это не важность, а что-то другое. Нѣкоторыя изъ нихъ казались Аннѣ чрезвычайно странными, на другихъ было неприятно смотрѣть, такія онѣ были жалкія, въ короткихъ, истрепанныхъ домино. Всѣ трое спокойно шли дальше. Навстрѣчу имъ попался какой-то болѣзненный человѣкъ, повидимому рабочій, въ воскресномъ платьѣ. Онъ подошелъ прямо къ Олли, приподнялъ кружева ея маски и хотѣлъ сунуть ей въ ротъ еловую вѣтку, бывшую у него въ рукахъ.

— На, ѣшь,—сказалъ онъ.

Гастельмейеръ привлекъ дѣвушку къ себѣ.

— Что, не нравится?—вскричалъ бѣднякъ, покатываясь со смѣху. Вамъ развѣ обѣихъ нужно? Уступите-ка мнѣ этого жука.

Гастельмейеръ повлекъ за собой дѣвушекъ. Музыка заиграла, и начался вальсъ. Танцующія пары нѣжно прижимались другъ къ другу.

— Какая тутъ духота,—сказала Анна.

— Хотите выпить чегонибудь?—спросилъ Гастельмейеръ.

— Здѣсь! ни за что на свѣтѣ,—воскликнула она.—Вы вѣдь тоже не хотите?

Олли покачала головой. Ей некогда было отвѣчать, она внимательно и молча разсматривала всѣхъ, не обращая вниманія на своихъ спутниковъ.

Прежде чѣмъ началась кадрили, они дошли до сравнительно тихаго уголка и остались тамъ, но скоро всевозможныя парочки такъ наводнили этотъ уголокъ, что они очутились въ страшнѣйшей тѣснотѣ. Олли на минуту оставила руку Гастельмейера. Этимъ не замедлил воспользоваться какой-то сильно подвыпившій господинъ, съ цилиндромъ на затылкѣ; онъ съ преувеличенной вѣжливостью отвѣсилъ ей низкій поклонъ и пригласилъ на танецъ.

— Милочка,—сказалъ онъ и также попытался приподнять ея маску. Олли подала ему руку, и они отправились танцевать. Анна замѣтила это раньше Гастельмейера и слегка вскрикнула.

— Ваша сестрица?—спросилъ господинъ, наклоняясь къ Олли;—онъ поднялъ руку и послалъ Аннѣ воздушный поцѣлуй, вѣроятно, въ видѣ утѣшенія.

У него были толстыя губы, блестящіе, черные глаза, онъ казался сильно навеселѣ. Онъ провелъ Олли на мѣсто, и музыка заиграла.

Если вальсъ носилъ довольно непринужденный характеръ, то кадрили далеко оставила его за собой. Безпрестанно слышались поцѣлуи, а нѣкоторые кавалеры даже щипали своихъ дамъ за руки, такъ что на нихъ оставались красные знаки.

Дама, танцовавшая визави съ Олли, укусила своего кавалера за щеку.—Олли содрогнулась отъ отвращенія.

— Не дотрогивайтесь до меня,—съ негодованіемъ шепнула Олли своему кавалеру, замѣтивъ что-то подозрительное въ выраженіи его лица.—Не дотрогивайтесь до меня,—повторяла она ему все съ большей яростью.

Это повидимому очень забавляло его, по крайней мѣрѣ онъ началъ обращаться съ своей дамой съ преувеличенной вѣжливостью и уваженіемъ.—И Олли видѣла разгоряченныя лица, горящіе глаза, несдержанныя движенія, слышала визгъ и вскрикиванья... Наконецъ началось такое столпотвореніе, что у нея уже все перепуталось въ глазахъ, ей казалось, что она очутилась не среди людей, а среди стада дикихъ, бѣснующихся обезьянъ. Какъ только танецъ кончился, Олли поспѣшила къ тому мѣсту, гдѣ стояли Гастельмейеръ и Анна. Когда она добралась до нихъ, добродушное, розовое лицо Гастельмейера было блѣдно, и онъ смотрѣлъ на нее неподвижнымъ взглядомъ.

— Поцѣловалъ онъ васъ?—спросила Анна. Олли отрицательно покачала головой.

— Онъ бы поплатился за это,—угрюмо промолвилъ ея защитникъ.

Олли дрожала отъ волненія, у нея кружилась голова; она оперлась на руку Анны, такъ какъ Гастельмейеръ не предлагалъ ей свою.

— Ты, вѣроятно, опять думаешь, что она пошла танцевать для удовольствія?—спросила Анна,—не правда-ли?

— Я не мастеръ разбираться въ такихъ сложныхъ вещахъ, холодно отвѣтилъ Гастельмейеръ.

Олли подняла голову; до сихъ поръ она повидимому не обращала особеннаго вниманія на Гастельмейера.

— Вамъ непріятно, что я протанцевала съ нимъ,—спокойно сказала она.—И вы поэтому не предложили мнѣ руки? Ска-

жите пожалуйста, есть у васъ пріатели, которые проводятъ здѣсь вечера?

Гастельмейеръ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ вопроса.

— Скажите-же,—повторила она.

— Пріатели? Ну, конечно, есть,—коротко отвѣтилъ онъ.

— И имъ вы также не подаете руки?

— Боже мой,—сказалъ Гастельмейеръ,—вѣдь это же совершенно иного рода вещь.

— Безъ сомнѣнія,—подтвердила Олли.—Ваши друзья приходятъ сюда, конечно, для своего удовольствія?

— Разумѣется.

— И часто?

— Что за допросъ?

— Я бы очень хотѣла знать, часто-ли они сюда приходятъ?—продолжала она спрашивать.

— Ну, когда имъ нечего дѣлать, и когда придетъ охота, они, конечно, довольно часто заходятъ, особенно на масляницѣ.

— Возможности каждый вечеръ, и такъ идутъ цѣлые мѣсяцы, быть можетъ, годы?

— Что же мнѣ за дѣло до этого?—сказалъ Гастельмейеръ.

— Ну, а я бы не подала имъ руки, мнѣ бы противно было смотрѣть на нихъ и я презирала бы ихъ, понимаете, презирала бы! Да!

— Напрасно,—сказалъ Гастельмейеръ.—Они могутъ быть вполне порядочными людьми; въ мушкетѣ это ничего не значить.

— Даже если они находятъ здѣсь удовольствіе, если они съ наслажденіемъ купаются въ этой грязи? А если дѣвушка только посмотритъ на это, не чувствуя ничего, кромѣ презрѣнія и отвращенія, вы считаете ее загрязненной, опозоренной! Вы осмѣливаетесь не подавать ей руки. Я вѣдь прекрасно видѣла все. — Олли говорила дрожащимъ голосомъ. — Уйдите, оставьте меня, мнѣ не нужно такихъ защитниковъ! Вообще я не нуждаюсь больше въ защитѣ. Все, что я хотѣла видѣть, я видѣла. Какъ только намъ, женщинамъ, удастся рисовать людей? я просто сама не понимаю. — Она пожала плечами. — Намъ, порядочнымъ женщинамъ, приходится видѣть жизнь только съ казоваго конца. Все въ порядкѣ, мужчины всѣ такіе безукоризненные—образцовые женихи, примѣрные мужья, кроткіе, какъ овечки! Мы видимъ людей, какъ директоръ школьниковъ, только на экзаменѣ. Ну, а я не хочу быть слащавой въ искусствѣ, не хочу. Я хочу правды! И если вы меня за это презираете,—презирайте! Не подавайте мнѣ вашей руки—мнѣ не нужно!

Съ этими словами она повернулась и исчезла въ толпѣ. Гастельмейеръ и Анна послѣшили за ней.

— Она вонъ туда побѣжала въ дверь,—вскричала Анна.

Они съ трудомъ пробрались между танцующими парами и подошли къ двери. Передъ ними была крутая каменная лѣстница.

— Ея ужъ нѣтъ здѣсь,—сказала Анна.

— Можетъ быть, она въ передней,—предположилъ Гастельмейеръ, страшно встревоженный.

— Она навѣрно ушла совсѣмъ,—сказала Анна съ увѣренностью.—Пойдемъ скорѣе въ переднюю, и возьмемъ наши вещи.

Гастельмейеръ побѣждалъ и черезъ минуту вернулся съ вещами всѣхъ троихъ.

— Какъ ты скоро разыскалъ ихъ,—сказала Анна. — Они бѣгомъ спустились по грязной лѣстницѣ, мимо засохшихъ деревьевъ и вышли на улицу.

Гастельмейеръ взялъ карету, помогъ Аннѣ сѣсть въ нее, далъ кучеру указанія, и они поѣхали къ дому, напряженно смотря въ окна. Они надѣялись такимъ образомъ догнать на дорогѣ оскорбленную дѣвушку. Шелъ снѣгъ, рѣзкій вѣтеръ игралъ снѣжинками, сметалъ ихъ съ крышъ, наметалъ сугробы на углахъ домовъ, залѣцлялъ снѣгомъ окна, крутилъ и гналъ передъ собой по улицѣ снѣжную пыль. И въ такую то мятель бѣдное нѣжное созданіе было гдѣ-то тутъ, на улицѣ!

— Не такъ скоро,—крикнула Анна кучеру,—мы можемъ не замѣтить ее.

— Она, вѣроятно, пошла по дорогѣ домой,—проговорилъ неуувѣренно Гастельмейеръ.

— Конечно,—отвѣтила Анна. Когда они пересѣкали площадь Одеона, она замѣтила у воротъ парка маленькую темную тѣнь.

— Вотъ она,—крикнула она кучеру и, едва карета остановилась, она выпрыгнула изъ нея.

— Оставайся тутъ, она можетъ испугаться,—шепнула она ему и побѣжала по снѣгу. Маленькая тѣнь не исчезала.

— Наконецъ то мы васъ нашли,—сказала Анна, накидывая ей на плечи пальто. Она почувствовала, какъ сильно дрожало маленькое хрупкое тѣло.

Олли молчала. Обѣ дѣвушки пошли къ каретѣ, по дорогѣ Анна сказала своей спутницѣ:—Не сердитесь на него. Сердце у него пылаетъ, а въ головѣ туманъ... Въ этомъ все дѣло...

Олли ничего не отвѣтила, но слегка вздрогнула. Отъ матери и отъ тетюшки Ценглеинъ она уже не разъ слышала подобные намеки. Они говорили ей о солидномъ состояніи Гастельмейера, о томъ, какое бы это было счастье для ихъ семейства. Мать вся сіяла при этихъ разговорахъ. Олли, напротивъ, волновалась и сердилась.—Деньги, деньги! только объ этомъ они въ сущности и думаютъ, только объ этомъ!—думала она съ раздраженіемъ.—Всѣмъ имъ очень мало дѣла до искусства, а мамѣ меньше всѣхъ, сколько она ни говоритъ о немъ. А

вѣдь сама же насъ всѣхъ сдѣлала художниками! — «Съ нимъ ты можешь спокойно заниматься своей живописью, — объ этомъ также надо подумать», — говорили они ей. — А тутъ еще и деньги, и любовь! Этого на каждомъ шагу не встрѣтишь, — прибавляла тетушка Ценглейнъ.

Когда она входила въ карету, на помощь ей протянулась чья то рука и такъ нѣжно и осторожно коснулась ея, какъ будто она была фарфоровая кукла или какая нибудь святыня. Ей стало теплѣе на сердцѣ отъ нѣжнаго пожатія этой руки, хотя гнѣвъ ея еще не совсѣмъ прошелъ. Первый разъ въ жизни она почувствовала себя подъ чьей то заботливой охраной.

— Проводи ее наверхъ — сказала Анна, когда карета остановилась на Блютенштрассе. — Я отлично доѣду одна.

Дверь захлопнулась за ними, и она поѣхала дальше, одна, съ сердцемъ полнымъ горечи и отчаянія... Она вошла по темной лѣстницѣ въ тѣсную квартирку своей старой тетки, къ которой она прѣхала на масляницу, и для нея настала тяжелая, мучительная ночь.

Для Олли эта ночь была также непохожа на остальные; она должна была разсуждать, взвѣшивать, обдумывать, а между тѣмъ она такъ не привыкла разрѣшать жизненные вопросы.

— Онъ меня не понимаетъ, — говорила она себѣ, лежа съ широко открытыми глазами. — Но онъ такой добрый и такъ любитъ меня. Кажется, люди вообще никогда не понимаютъ другъ друга. Ну, развѣ мама, напримѣръ, понимаетъ меня, или Эрвинъ, или Эмиль? или тетушка Ценглейнъ? Должно быть, этого и требовать нельзя, полного пониманія! Хотѣлось бы мнѣ знать, есть ли гдѣ нибудь люди, которые понимаютъ другъ друга.

Съ самой первой встрѣчи ей понравился его голосъ. А какъ онъ сегодня пожалъ ей руку, когда помогалъ ей войти въ карету... это глубоко тронуло ее: такъ нѣжно, такъ дружески, такъ... ну, какъ бы это сказать? Еще никогда она не испытывала ничего такого. Все было въ этомъ пожатіи — и просьба о прощеніи, и глубокая любовь, и еще что-то. Да, она была для него чѣмъ-то очень дорогимъ, — его святыней, она это тогда же подумала. Теплое, хорошее чувство охватило все ея существо — быть для кого нибудь святыней!

Онъ готовъ стать передъ ней на колѣни, нѣтъ... этого онъ, конечно, не сдѣлаетъ, это было бы такъ смѣшно. Вѣдь ей пришлось бы тогда смотрѣть ему прямо въ лысину.

Когда они подымались по лѣстницѣ, онъ вдругъ взялъ ея обѣ руки и поцѣловалъ. Влюбленный человѣкъ всегда немножко смѣшной, — но въ немъ это не было ей непріятно. И смѣшно, и въ то же время пріятно. Положительно, онъ ей нравился.

— Если только онъ не помѣшаетъ мнѣ работать, если все останется такъ, какъ есть, почти такъ... тогда, пожалуй. Изъ дому придется уѣхать. Ну, что за бѣда?—подумала она.

Она чувствовала, что это не слишкомъ тяжело для нея. Они поѣдутъ вмѣстѣ въ Парижъ, она будетъ тамъ учиться, сколько захочетъ. Господи, она такъ страстно мечтала всегда объ этомъ! Тамъ она найдетъ все, чего ей еще не хватаетъ. Жаль только, что вся семья этого желаетъ.

Она не отдавала себѣ яснаго отчета, почему это жаль, но все-таки ей было жаль. Она чувствовала, что чего-то тутъ не хватаетъ, и искала причину въ томъ, что своимъ согласіемъ она какъ будто исполнить желаніе всей семьи. Нѣтъ денегъ! Эта мысль, прикрытая громкими фразами, скрывалась подъ всѣмъ, что они дѣлали, была тайной пружиной всей ихъ жизни; она создавала литературныя терзанія Эрвина, она заставляла коверкать бѣднаго Эмиля, она побуждала мать постоянно твердить Олли о ея талантѣ, о необходимости учиться, работать. Искусство мать считала самымъ благороднымъ средствомъ зарабатывать деньги. Ихъ жизнь была погоней за деньгами; они все надѣялись, что цѣной своихъ страданій они приобретутъ, наконецъ, благосостояніе.

Олли давно поняла это, и это возмущало ее, отдаляло отъ семьи. Бѣдность не пугала ее нисколько.

V.

И вотъ, все это уже перешло въ область прошлаго—и мечты, и разочарованья, и всѣ эти милыя, наивныя глупости; и внутренняя борьба, и колебанья, и вообще все свадебное настроеніе. Они повѣнчались въ маѣ, къ общей радости всего семейства, а теперь подходило уже Рождество. Лѣто смѣнилось зимой, а въ ихъ жизни произошли еще болѣе крупныя перемѣны.

Какъ сонъ промелькнули мимо нея влюбленность, помолвка, свадьба. Ей были чужды мысли, которыя наполняли-бы на ея мѣстѣ голову всякой другой дѣвушки, живущей въ нормальныхъ условіяхъ,—она не переживала сладкихъ чувствъ невѣсты. До тѣхъ поръ она едва ли когда нибудь испытывала жажду любви. Сердце ея было слишкомъ полно и безъ этого. Эта «любовная исторія», какъ она называла ее про себя, казалась ей въ сущности совершенно излишней. Она съ трудомъ нашла для нея мѣсто.

Все время помолвки на душѣ у нея лежала тяжесть, какъ послѣ слишкомъ поспѣшной покупки. Она хорошо знала это чувство, она испытывала его всякій разъ, когда ей попадали въ руки деньги, и она покупала что нибудь совершенно ненужное ей.

Во время помолвки ей часто снился сонъ, который она видѣла раньше всякій разъ, когда ее тяготила такая глупая покупка: комната, наполненная всевозможными вещами, громадные массы тряпокъ, и все это принадлежитъ ей, она должна все разобрать и привести въ порядокъ. А вещи все прибываютъ и прибываютъ. Она теряется, не знаетъ, что дѣлать. Кучи тряпокъ растутъ, загораживаютъ свѣтъ, лишаютъ ее воздуха, давятъ, тѣснятъ ее.

Во снѣ маленькія дневныя ощущенія разрастались и принимали уродливыя формы. Она просыпалась подавленная, полная смутнаго страха. Она замѣтила, что передъ свадьбой сонъ этотъ еще чаще снился ей; но она не задумывалась надъ этимъ. Вообще ей еще не приходилось задумываться надъ жизненными вопросами. Ей казалось, что все дѣлается само собой, и жизнь идетъ сама собой. Всѣ ея мысли принадлежали искусству; тамъ онѣ находили себѣ работу, онѣ трудились, какъ муравьи, что то создавали, строили, боролись. А жизнь?.. Желала ли она когда-нибудь этого брака? Никогда. А между тѣмъ онъ устроился.

Ее вдругъ стали окружать всевозможными удовольствіями. Какъ будто весь воздухъ наполнился свѣтомъ и радостью. Вездѣ цвѣты, цвѣты, и все для нея. Всѣ обращались съ ней такъ, какъ будто она вновь родилась, совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше, когда она не была невѣстой. На нее обращали особенное вниманіе. Всѣ ея желанія исполнялись, какъ въ день именинъ. А онъ? Такъ безгранично добръ, такъ счастливъ, какъ только можетъ быть человѣкъ съ такой... маленькой лысинкой,—и все это изъ за нея! Господи! изъ-за нея!

Жизнь она знала только въ мечтахъ. Настоящей жизни изъ плоти и крови она еще не видѣла. Все время помолвки она работала по-прежнему и не любила, когда Гастельмейеръ возвращался раньше изъ своей мастерской и, сидя тихонько за ея стуломъ, смотрѣлъ, какъ она работала. Ей это не нравилось.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не допускаю никакихъ посягательствъ на мои права,—смѣясь говорила она ему.—Вѣдь ты не забылъ нашего уговора? На какомъ условіи я выхожу за тебя?—Она вопросительно смотрѣла на него.—Чтобы ты не мѣшалъ мнѣ работать?—Она ждала его отвѣта, а онъ заключалъ ее въ объятія и покрывалъ поцѣлуями ея лицо.—Ну, конечно, конечно, моя радость,—говорилъ онъ, безпечно думая:—тамъ посмотримъ, что будетъ.

Онъ думалъ о ея первомъ ребенкѣ, и эта мысль такъ радовала и восхищала его, что онъ не хотѣлъ выпускать дѣвчушку изъ своихъ объятій. Мысленно онъ уже видѣлъ, какой теплой, материнской любовью будутъ горѣть когда ни-

будь эти темные глаза. У него будетъ свой домъ, теплый, уютный домъ, именно такой, о какомъ онъ всегда мечталъ. Онъ пересадитъ къ себѣ этотъ чудный цвѣтокъ, и цвѣтокъ расцвѣтетъ еще пышнѣе, въ здоровой обстановкѣ, въ хорошемъ воздухѣ, у него, подъ заботливой охраной его любви.

Онъ защититъ ее, оградитъ отъ жизненныхъ невзгодъ. Онъ думалъ: «Если я не женюсь на ней, что съ нею будетъ? Найдется ли кто нибудь другой, у кого хватитъ мужества изъ любви къ ней породниться со всѣми этими людьми? А если она не встрѣтитъ никого, дастъ-ли ей счастье ея искусство, это суровое искусство, не знающее ни покоя, ни удовлетворенія? А если результаты не будутъ соответствовать затраченной энергій. Хватитъ ли у тебя мужества, бѣдняжка, думалъ онъ съ ласковой нѣжностью.—А лишенія, а вѣчная нужда?»

Онъ прижималъ ее къ груди и гладилъ ее курчавую головку, растроганный всѣми этими мыслями и о себѣ, и объ ней. О, она будетъ счастлива, но и ему также будетъ хорошо. Его домашніе совершенно напрасно такъ недовольны его поступкомъ. Если бы Анна не заступилась за него, онъ бы, пожалуй, рассорился со своими стариками изъ-за этой свадьбы. Но съ ея помощью миръ, съ грѣхомъ пополамъ, былъ заключенъ.

Во время вѣнчанья священникъ сказалъ имъ проповѣдь; серьезныя, строгія слова его падали, какъ тяжелые, угловатые камни, холодно и неумолимо; онъ изображалъ все совершенно иначе, не въ томъ яркомъ, радостномъ свѣтѣ, въ какомъ она привыкла воображать это себѣ, и сердце ея сжалось отъ смутнаго страха. Что она въ сущности сдѣлала? Какой это ужасный шагъ! Почему съ ней никто не говорилъ такъ раньше, когда еще было время? Почему?

Нервная дрожь охватила ее. У нея закружилась голова, черезъ фату, спускавшуюся ей на лицо, видѣла она, какъ въ туманѣ, фигуры гостей, мать въ слезахъ, по обыкновенію разстроенную и несдержанную, сконфуженное лицо Эмиля, Эрвина, такого же утомленнаго и разслабленнаго, какъ всегда, смѣющееся личико тетюшки Ценглеинъ и другихъ мало знакомыхъ родственниковъ.

Холодныя лица! — Только Анны ей не было видно. Ни одного лица, которое говорило бы ей: «приди ко мнѣ, я успокою тебя, помогу тебѣ». А тотъ человѣкъ рядомъ съ ней? Вотъ это-то и есть самое ужасное. Они стоятъ теперь рядомъ, неразлучно! Онъ навѣки принадлежитъ ей и она ему, а между тѣмъ никогда еще онъ не казался ей такимъ далекимъ, чуждымъ. Она вздрогнула, и ей захотѣлось опереться на кого-нибудь, но только не на него; нѣтъ, она должна опираться

только на себя самоё; больше нигдѣ и никогда не будетъ она искать опоры. «Нѣтъ, я никому не отдамъ свою волю», безсознательно и неслышно прошептала она.—а онъ привлекъ ее къ себѣ, такъ какъ его испугала ея мертвенная блѣдность; и опять онъ такъ заботливо и нѣжно дотронулся до нея, что, какъ и въ тотъ разъ, она была глубоко тронута. Но все-таки теперь онъ прикасался къ ней, какъ къ своей собственности.

Невыразимый страхъ овладѣлъ ею, страхъ передъ тѣмъ, что ее ожидало въ будущемъ, горькое сожалѣніе о томъ, что она дожила до сихъ поръ, не слыхавъ буквально ни одного разумнаго слова. Никто не наталкивалъ ее на самые важные жизненные вопросы, и она жила безпечно, ни о чемъ не думая. И вотъ, теперь пришли эти новыя для нея мысли, эти смутныя предчувствія, страхъ, пробужденный словами посторонняго человѣка.

Могучіе, тяжелые звуки органа гулко раздавались въ пустой церкви, подымались, какъ волны, подступали къ самому сердцу и еще выше, выше.

Потомъ настала тишина. Обрядъ окончился: слезы и поцѣлуи, взволнованныя торжественныя лица, рыданія матери, смутный гулъ голосовъ, и она идетъ подъ руку съ мужемъ, который крѣпко прижимаетъ къ себѣ ея руку. Все это казалось ей сномъ, неяснымъ, тяжелымъ сномъ.

Но среди этого хаоса смутныхъ чувствъ ей хотѣлось одно только знать твердо и опредѣленно; она склонилась къ уху своего мужа и взволнованнымъ голосомъ прошептала ему:

— Скажи мнѣ одно: вѣдь ты не будешь мѣшать мнѣ работать? Правда?—Она съ тревогой ждала его отвѣта.

— Олли—съ удивленіемъ прошепталъ онъ ей въ отвѣтъ—Дѣвочка моя! неужели тебѣ и теперь не хочется сказать ничего другого? неужели ничего?

— Нѣтъ, ради Бога, отвѣтъ мнѣ,—повторила она съ мольбой въ голосъ.

— Работай,—сказалъ онъ,—почему же нѣтъ. Работай, сколько хочешь.

Это было не то, чего ей хотѣлось. Не такихъ словъ она ожидала. Но какихъ, она и сама не знала хорошенько. Ей хотѣлось, чтобы все было для нея ясно въ жизни, а жизнь для нея заключалась въ искусствѣ. Она должна идти тѣмъ путемъ, который приближаетъ ее къ ея искусству. А между тѣмъ, что дѣлала она до сихъ поръ? Она воздвигала себѣ все новыя препятствія. Ей такъ пріятно было сознать себя любимой. Суровый, морозный воздухъ вокругъ нея смѣнился мягкимъ, весеннимъ дуновеньемъ; ей казалось, что подъ вліяніемъ его любви она стала лучше, нѣжнѣе, хотя сама она не со-

всѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ, отвѣчала на его любовь. Она только принимала ее, но принимала съ удовольствіемъ.

И вдругъ, такая отвѣтственность, такой шагъ! Какъ будто повязка спала съ ея глазъ. Печальная и задумчивая, сидѣла она рядомъ съ нимъ въ каретѣ по дорогѣ домой, не испытывая и тѣни того застѣнчиваго счастья, которымъ молодой мужъ объяснялъ себѣ ея молчанье.

Но все таки странный вопросъ послѣ вѣнчанья беспокоилъ его. «Что это значило?—думалъ онъ про себя.—Почему она спросила именно объ этомъ? Что она думала въ то время?» Онъ пытливо посмотрѣлъ на прелестную, блѣдную дѣвушку, сидѣвшую, какъ ему казалось, такъ робко и застѣнчиво въ своемъ бѣломъ, воздушномъ платьѣ.

Онъ самъ купилъ ей матерію для этого бѣлаго платья, а она сама скроила его себѣ. Ея ловкія, смѣлыя руки произвели нѣчто менѣе всего похожее на скромное и строгое подвѣнечное платье; съ широкими рукавами, скрѣпленными сзади, съ свободной таліей, оно такъ удивительно красиво и изящно облекало ея стройную фигуру, какъ будто она въ немъ родилась. Въ немъ было что то удивительно свѣтлое и радостное, но, конечно, это было все, что угодно, только не костюмъ невѣсты. А какъ оно было сшито! Анна не могла скрыть своего удивленія. Никто, кромѣ Олли, не могъ бы надѣть его. Тетуска Ценглейнъ умирала отъ смѣха, увидѣвши эти «тряпки», но, когда Олли надѣла ихъ на себя, она сказала: «Измумительно! Но, но, но...» Больше она ничего не произнесла по этому поводу, только съ значительнымъ видомъ вздернула свой носикъ и подмигнула, какъ всегда, когда ее что-нибудь удивляло и смѣшило.

Но при первомъ удобномъ случаѣ она не могла не сказать своему другу Гастельмейеру: «Обратили вы вниманіе на подвѣнечное платье Ольги? Вѣдь это цѣлая исторія, только умѣйте читать. И вся въ одномъ словѣ—артистичность. Если все пойдетъ, какъ слѣдуетъ, у васъ будетъ прелесть какъ хорошо! Жена—настоящій ангелъ, милая, живая, оригинальная. И какъ она полюбитъ васъ, если только полюбитъ. Такую женщину надо только сдумать разбудить, понимаете вы? Но, но... темпераментъ... онъ также видѣнъ по платью. Справитесь ли вы съ нимъ? Артистическій также. Храни васъ Господь! Тутъ пахнетъ подгорѣлымъ супомъ и разными другими прелестями. Если не принимать этого къ сердцу, да если притомъ деньги будутъ, тогда ничего. Ну, а коли нелады начнутся — избави Богъ! Знаете, много я видѣла подвѣнечныхъ платьевъ,—она подмигнула ему и вздернула носикъ,—но такого!..»

Никогда еще Гастельмейеръ не встрѣчалъ такой милой старушки. Онъ всегда позволялъ ей болтать, что угодно, не при-

давая особаго значенія ея словамъ. Ея длинноногій спутникъ, чтобы потѣшить ее, называлъ ее старенькой феей. Гастельмейеру это очень нравилось.

Олли заперла за собой дверь своей комнаты снимала подвѣсное платье, чтобы одѣться по дорожному передъ свадебнымъ путешествіемъ. Наступалъ ясный майскій вечеръ. Разсѣянно опустила она на стулъ передъ зеркаломъ и медленно сняла съ головы вѣнчальный уборъ и фату. Кружевной воротникъ ложился густыми складками, оставляя открытой ея красивую шею. Она сложила руки и внимательно смотрѣла въ зеркало на свое отраженіе. Мягкій, золотистый отблескъ зари освѣщалъ ее.

— Какъ красиво, право,—сказала она, разсматривая свое изображеніе.—Какъ жаль, что... очень жаль. Долго просидѣла она такъ, не отводя глазъ отъ зеркала, погруженная въ мечты. Она и раньше часто сживала такъ передъ зеркаломъ, нисколько не скрывая, что это доставляло ей удовольствіе. Она любила свое лицо, свою фигуру, свои руки. Все это ей нравилось, и она съ благодарнымъ чувствомъ любовалась своей красотой. Эта красота была ея собственность. Она знала и цѣнила ее. Она смотрѣла на себя, какъ на произведеніе искусства. Въ тихіе часы ночи она, въ мечтахъ, окружала всевозможнымъ счастьемъ это лицо.

Слава—о ней она мечтала больше всего. Какъ страстно жаждала она славы! Какъ будутъ блистать эти глаза, если когда нибудь великое свершится, слава и почетъ окружатъ ее. Слава! Люди будутъ знать ее, удивляться ей. Другой награды ей не нужно. И почему это невозможно? Что значили въ сравненіи съ ней всѣ тѣ, кто вмѣстѣ съ ней началъ. Она далеко, далеко оставила ихъ за собой. Но люди проводятъ жизнь, какъ во снѣ, и все вокругъ совершается само собой, какъ во снѣ. И вотъ, какъ во снѣ, легкомысленно захотѣлось ей испытать, что значить быть любимой. Быть любимой! Безсознательно подчинилась она этому желанію, и все совершилось дальше само собой, въ полномъ порядкѣ и въ то же время какъ будто въ глубокомъ снѣ.

Глухіе звуки органа и тяжелыя, безпощадныя слова все раздавались у нея въ ухахъ. На нее легла отвѣтственность, которую нельзя сложить съ себя. Разсудительный человѣкъ съ лысинкой, съ сіяющими счастьемъ глазами, съ покорнымъ видомъ неразрывно связанъ съ ней. Она уже больше не одна. Ужасно! Эта мысль холодомъ прошла по ней.

Она все еще смотрѣла въ зеркало. Какъ поблѣднѣла она! Въ губахъ было особенное, напряженное выраженіе, а широко

раскрытые глаза какъ будто молили о помощи. Все выраженіе лица казалось ей совершенно чуждымъ. Какъ глупо, какъ безразсудно поступила она, какую тяжесѣ взывали на себя и для чего? Инстинктивная потребность въ ласкѣ безсознательно толкнула ее на этотъ шагъ. Ей такъ нужна была нѣжная ласка. Изъ ея семьи никто не понималъ этого. Еслибы когда нибудь въ сумерки кто нибудь изъ родныхъ привлекъ ее къ себѣ и приголубилъ, приласкалъ, какъ ласкаютъ котенка, быть можетъ, ничего бы этого и не случилось; быть можетъ, тогда нѣжное пожатіе руки маленькаго человѣка, сознаніе, что она его святыня, не тронуло бы такъ ея сердца.

Это сознаніе, что она его святыня, эта внимательная, трогательная нѣжность привязала ее къ нему, за время ихъ помолвки. Ея сердце не требовало бурной страсти, горячихъ поцѣлуевъ, нѣтъ, оно жаждало именно этого мягкаго дуновенія нѣжности, освѣжающаго душу и тѣло.

— Непостижимо!—сказала она сама себѣ. Глаза ея вдругъ опять вспыхнули. Внутренній огонь вновь загорѣлся въ ней; всякій разъ, когда онъ разгорался, она чувствовала себя сильной, могучей, счастливой. Надо идти впередъ, что-бы тамъ ни было, впередъ, къ цѣли! Если задача стала труднѣе, надо собрать больше силъ и бороться, бороться до послѣдняго вздоха!

— Это еще ничего не значить, что мы не поѣдемъ теперь въ Парижъ, мой милый другъ,—сказала она,—ты мечтаешь о настоящемъ свадебномъ путешествіи, по всей формѣ, и боишься, что твоя Олли... Да, да, я вѣдь тебя хорошо знаю! Сначала ты пообѣщалъ ѣхать въ Парижъ, а потомъ взялъ назадъ или отложилъ до другого раза. Предусмотрительный человѣкъ!—Она улыбнулась.—Только это тебѣ не поможетъ. Мы еще побываемъ въ Парижѣ, не надѣйся, что я сойду когда нибудь съ своего пути; нѣтъ, нѣтъ, мой милый, никогда!—Она встала и медленно сняла съ себя свое подвѣчное платье. Съ улыбкой посмотрѣла она на едва скрѣпленный лифъ, на большіе стежки.—«Дѣйствительно, небрежно сшито, въ высшей степени небрежно». Она равнодушно отбросила лифъ. «Но я все-таки не такая дурная—серьезно сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—все, что могу, я сдѣлаю. Ты и не подозреваешь, какую ты себѣ взялъ жену, добрый мой другъ. Но все-таки даю тебѣ слово здѣсь, сама передъ собой, что постараюсь все устроить, какъ можно лучше».

Она проговорила это серьезно и твердо и, отодвинувъ зеркало, стала поспѣшно одѣваться.

Но, какъ уже сказано, вмѣстѣ съ лѣтомъ прошли всѣ эти веселыя, и грустныя минуты, нѣжныя и торжественныя настроен-

нiя медоваго мѣсяца, и ссоры, и примиренья, и огорченiя, и все, что переживаютъ молодые въ первое время послѣ свадьбы.

Они уже много пережили. Гастельмейеру казалось, что прежде въ шесть лѣтъ онъ не переживалъ столько, сколько за эти шесть мѣсяцевъ со времени свадьбы.

Во время свадебнаго путешествiя онъ мечталъ, что они и по возвращенiи будутъ продолжать ворковать, сколько душѣ угодно, но онъ сильно ошибся. Она неутомимо работала каждый день съ утра до вечера. Съ утра ихъ отгораживали другъ отъ друга мольберты, и первый разъ въ жизни ему пришлось наблюдать удивительное, непоколебимое упорство такой женщины, ея страстную преданность своему дѣлу. Конечно, ему было бы прiятнѣе дѣлать эти наблюденiя не теперь и не на своей молоденькой женѣ. Съ несравненно большимъ удовольствиемъ побродилъ бы онъ съ ней вдвоемъ гдѣ нибудь по горамъ; но было тутъ что-то, разбивавшее всѣ его планы. Раза два-три онъ предлагалъ ей пройтись, и они бродили вмѣстѣ, но настоящаго веселья какъ-то не выходило. Вдобавокъ ко всему она не привыкла ходить, скоро уставала, а все, что встрѣчалось на пути, слишкомъ поглощало ея мысли. Она не умѣла просто и непосредственно наслаждаться природой: все, что она видѣла, она сейчасъ же перерабатывала въ своемъ умѣ, и ее всегда волновала мысль, какъ бы она передала на полотнѣ то, что видѣла. Она никогда не находила покоя и забвенья. Когда женщина отдается чему нибудь, она отдается всей душой, всѣмъ существомъ. Это лежитъ въ характерѣ женщины: искусству, какъ и любви, онѣ готовы жертвовать жизнью.

Онъ не воображалъ, что Олли могла обладать такою способностью работать, но когда онъ увидѣлъ, чего она достигла при своей поразительной молодости, онъ долженъ былъ повѣрить въ ея страстную настойчивость. Какъ относился онъ самъ къ работѣ въ двадцать лѣтъ! Чѣмъ онъ былъ въ двадцать лѣтъ? Что онъ умѣлъ дѣлать? Боже мой! Какое сравненiе онъ и Олли! Онъ работалъ, конечно, но онъ не отказывался также и отъ жизненныхъ удовольствiй. Вся жизнь лежала тогда передъ нимъ. Онъ могъ смѣло расточать ее и онъ такъ и поступалъ, а эта молоденькая женщина работала, казалось ему, какъ приговоренный къ смерти, который долженъ во что бы то ни стало окончить заданный ему урокъ. Такое впечатлѣнiе производило на него ея отношенiе къ дѣлу. Но, помимо этого, она была такъ мила, такъ кротка и терпѣлива, его милая, маленькая жена. Онъ не чувствовалъ ни тѣни разочарованiя. Ни въ чемъ онъ не могъ упрекнуть ее. Но... она до нѣкоторой степени осталась ему чужой. Онъ не свыкся съ ней. Она тревожила его. Она была не изъ тѣхъ женъ, которыя растворяются въ личности мужа.

Первое время послѣ свадьбы онъ говорилъ ей иногда:

— Если бы ты когда нибудь отдала мнѣ всю себя—свою душу, свои мысли! Ты совсѣмъ непохожа на замужнюю женщину, точно легкомысленная дѣвушка, которая въ объятьяхъ одного думаетъ о другомъ. И этотъ другой—твое искусство.

— Развѣ ты не зналъ этого раньше?—отвѣчала она ему.

Въ Мюнхенѣ они устроили себѣ маленькое гнѣздышко, — мастерскую и двѣ комнаты. Они собирались работать въ одной мастерской, пока не разбогачьются. Передъ свадьбой все было готово вчернѣ, и только по возвращеніи изъ путешествія они принялись за окончательное устройство своей квартиры. Олли это, повидимому, доставляло большое удовольствіе. Она розыскивала разныя вещи, которыхъ никто другой ни за что не нашелъ бы, и платила не слишкомъ дорого. Гастельмейеръ не могъ нарадоваться, какъ умно принялась она за дѣло; только очень ужъ поспѣшно все дѣлалось: съ утра до вечера она хлопотала, безъ отдыха бѣгала по магазинамъ. Каждую минуту раздавались звонки, и носильщики приносили разныя свертки; въ квартирѣ стоялъ немолчный стукъ и громъ, какъ будто нельзя было терять ни минуты времени.

— Куда ты такъ торопишься, дорогая моя? — спрашивалъ Гастельмейеръ.

— Сколько же мнѣ времени терять на это, по твоему? — отвѣчала она.

Наконецъ, все было такъ или иначе приведено къ концу, и Гастельмейеръ расположился мирно отдохнуть, но не тутъ то было. Онъ воображалъ, что теперь наступитъ полное затишье, и мечталъ уютно устроиться въ своей новой квартирѣ, но мечты эти были преждевременны: не такъ-то легко «уютно устроиться».

Съ тѣхъ поръ, какъ они зажили дома, они еще ни разу не ѣли сколько нибудь по-человѣчески. Во время уборки это казалось Гастельмейеру вполне естественнымъ, хотя и не слишкомъ ему нравилось. Онъ былъ немного избалованъ въ ресторанѣ, гдѣ онъ обѣдалъ до женитьбы. Ему и нѣсколькимъ его товарищамъ каждый день готовили определенный кусокъ мяса, подъ такимъ соусомъ, къ какому онъ привыкъ дома. Онъ былъ не прочь хорошо поѣсть, и сумѣлъ подружиться съ хозяйкой, такъ что объ немъ усиленно заботились и кормили его на славу. Вкусъ у него былъ чрезвычайно тонкій, онъ замѣчалъ малѣйшую неисправность въ кушаньяхъ и громко жаловался. Столъ, за которымъ онъ предсѣдательствовалъ, приобрѣлъ хорошую репутацію.

Олли по своему невѣдѣнію очень легко смотрѣла на кухонный вопросъ. Дома она не привыкла къ хорошо приготовленнымъ и вовремя поданнымъ блюдамъ. Они питались такъ, какъ

обыкновенно питаются въ семьяхъ, гдѣ хозяйки не имѣютъ никакого представленія о кулинарномъ искусствѣ и вообще о веденіи хозяйства. Большинство людей довольствуется такимъ неинтереснымъ, бездушнымъ, непривлекательнымъ способомъ накормливанья себя; но когда молодые люди, немедленно послѣ свадьбы, убѣждаются, что они обречены на такой печальный способъ питанія, они становятся раздражительны, нелюбезны, теряютъ свое жизнерадостное настроеніе. Они привыкли къ лучшей жизни до свадьбы, и имъ есть съ чѣмъ сравнивать.

Олли безъ большихъ колебаній наняла кухарку; она была далека отъ мысли о томъ, какую важную роль играетъ кухарка. Но зато кухарка очень быстро поняла, что судьба послала ей рѣдкое счастье, что она полная госпожа въ своихъ владѣніяхъ и что маленькая хозяйка ровно ничего не смыслитъ въ хозяйствѣ.

Олли работала съ утра до вечера, а послѣ обѣда посѣщала уроки рисованія; въ промежуткахъ она добросовѣстно принималась за хозяйство, но безъ всякой системы, какъ въ потемкахъ. Она пыталась приготовить что нибудь къ ужину, такъ какъ кухарка была обыкновенно занята въ это время своими личными дѣлами. Ей приходила въ голову идея какого нибудь кушанья, она пробовала осуществить ее—не хватало яицъ.—Боже мой, а кухарки на бѣду не было дома. Она выдумывала что нибудь другое—не доставало муки.

Она страшно утомлялась. Если-бы еще все нужное было приготовлено для нея заранѣе, а то она обо всемъ должна была подумать сама. Этого она не умѣла, голова у нея начинала кружиться. Все, за что она ни бралась, было въ безпорядкѣ. Она начинала готовить фантастическое кушанье изъ того, что было подъ рукой; сначала все шло хорошо, но потомъ съ нимъ что нибудь всегда случалось—оно свертывалось или расплывалось; получалось нѣчто похожее на то, если смѣшать всѣ оставшіяся на палитрѣ краски; въ отдѣльности всѣ цвѣта прекрасны, а вмѣстѣ выходитъ что-то непріятное, грязновато-сѣрое.

Такъ кончалась въ отсутствіе ея легкомысленной кухарки вся ея страпня изъ молока, мяса, муки, картофеля и овощей. Часто послѣ такой неудачной попытки, сконфуженная и огорченная, она бросала результаты ея подъ плиту, гдѣ доваривались ея кушанья; мужъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а она должна была выдерживать испытующій насмѣшливый взглядъ кухарки, лишившій ее мужества сдѣлать той какое нибудь замѣчаніе. Тогда она нерѣшительно, сознавая свою вину, говорила ей:

— Пожалуйста, будьте такъ добры, сходите поскорѣе въ мясную, только пожалуйста поскорѣе. Она не рѣшалась войти

въ комнаты, пока не появлялось что нибудь съѣстное. И она чувствовала себя такой усталой.

Съ двѣнадцати лѣтъ она постоянно работала. Съ этого возраста ее начали учить; одинъ другъ ея отца—извѣстный художникъ, замѣтивъ выдающіяся способности ребенка, самъ сталъ заниматься съ ней. Она никогда не знала настоящей дѣтской жизни. Въ отношеніи чувствъ она осталась все тѣмъ же ребенкомъ, сдѣлавшись художникомъ страстнымъ и чистымъ душой.

Жизнь и ея требованія смущали ее; у нея не было опредѣленныхъ житейскихъ правилъ, такъ какъ она мало думала о вещахъ, не касающихся ея искусства. Они какъ будто вдругъ выплывали изъ тумана и пугали ее, когда она случайно на- талкивалась на нихъ. Обѣдъ всегда являлся такою пугавшею ее неожиданностью. Господи, уже такъ поздно! Что она заказывала кухаркѣ? Что та приготовила? Какъ приготовляла? Не забыла-ли она чего нибудь? Да въ сущности почти ничего не было приготовлено. Что же теперь дѣлать? Тысячи вопросовъ, одинъ другого непріятнѣе, и какъ разъ, когда она только что совсѣмъ ушла въ работу. А мужъ? Онъ уже нѣсколько разъ посматривалъ на часы. Почему онъ не напомнилъ раньше?

— Почему ты не сказалъ, что такъ поздно?—спрашивала она его.

— Потому что я терпѣть не могу всей этой безтолковой суетни.

Онъ былъ недоволенъ. Жизнь никакъ не могла войти въ колею. А стирка! А расходная книжка, а уборка комнатъ! А распре- дѣленіе времени, а дрова! И, главное, безпрестанная ѣда—завтраки, обѣды, ужины. Все это были призраки, выплывавшіе изъ тумана и приводившіе ее въ ужасъ.

Какъ она мучилась и утомлялась. Въ это же время она рисовала первую картину на заказъ, бѣгала вечеромъ на урокъ, мечтала о славѣ и счастьѣ, и внутри у нея все трепетало отъ прилива страстнаго увлеченія работой. Кромѣ того, она еще учила Эмиля и ни на минуту не забывала о немъ. Она преслѣдовала его лѣнь, никогда не уставала возиться съ нимъ и молила Бога послать ему немножко больше усердія, чувства долга и энергіи, чтобы достичь хоть самыхъ скромныхъ результатовъ. Да, время было неспокойное, и не удивительно, что Гастельмейеръ молилъ небеса о мирномъ отдыхѣ.

Было еще нѣчто, наполнявшее смутной тревогой душу Олли: ночью ее охватывалъ порой невыразимый, тайный ужасъ и она съ тоской молила: «Боже мой, Боже мой, неужели? Нѣтъ, нѣтъ, не надо пока, не надо». Днемъ она старалась усиленной работой отгонять эти мысли. Украдкой она проли-

вала горячія слезы. Главное, никто не долженъ ни о чемъ догадываться.

Она работала еще больше, если это возможно. «Какъ приговоренный къ смерти», постоянно приходило на мысль Гастельмейеру. Да, она работала съ тоской и тревогой въ сердцѣ. Но картины ея были дѣйствительно прекрасны, поразительны, — самъ Гастельмейеръ долженъ былъ признать это. Но признавалъ онъ это неохотно, безъ всякаго удовольствія. Олли чувствовала, что онъ не живетъ одною съ нею жизнью. Впрочемъ, она и не ожидала этого ни отъ кого. Ея счастье, вся ея жизнь лежала въ будущемъ. Когда придетъ слава, тогда, тогда начнется ея жизнь!

Но теперь одна мысль тяготила ея душу. Она вѣрила и не вѣрила, боялась, колебалась и мало по малу убѣдилась окончательно.

Однажды вечеромъ, когда лампы еще не были зажжены, они сидѣли вдвоемъ въ полутемной комнатѣ. Печка топилась, слегка потрескивая. На улицѣ шелъ снѣгъ. Олли сидѣла, вся съежившись, въ углу дивана. Она только что попала въ эту мятель, возвращаясь изъ города съ занятій. Она работала безъ отдыха, и какъ она устала! Ей было холодно, до мозга костей холодно, и ноги всѣ промокли, но у нея не хватило силъ переменить чулки и башмаки. Она чувствовала себя больной и совсѣмъ разбитой. Гастельмейеръ сидѣлъ у окна.

— Олли, переменяла-ли ты башмаки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Я такъ устала,—проговорила она и заплакала.

Онъ подошелъ къ ней.

— Что съ тобой, бѣдняжка моя дѣвочка?—спросилъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣни.

И вотъ онъ стоитъ на колѣняхъ, какъ она когда-то представляла себѣ, и она смотритъ прямо ему въ лысину, бѣлѣвшую при свѣтѣ сумерекъ: ей стало смѣшно и скучно, и безнадежно грустно.

Онъ пощупалъ ея ноги.

— Совсѣмъ мокрыя! сказалъ онъ.—Дай, я сниму съ тебя башмаки.

Она не шевелилась, и онъ неумѣло разстегнулъ пуговки, стянулъ чулки и сталъ растирать холодныя, какъ ледъ, ноги. Потомъ онъ принесъ одѣяло и заботливо закуталъ ихъ.

— Прилягъ поудобнѣе,—сказалъ онъ.

Онъ опять стоялъ передъ ней на колѣняхъ, ласкалъ ее и, казалось, хотѣлъ что-то сказать ей. Но слова не шли у него

съ языка, въ комнатѣ было совсѣмъ тихо, только дрова слегка потрескивали. Наконецъ, онъ рѣшился прервать молчаніе. Склонившись къ самому ея уху, онъ прошепталъ ей:

— Олли, голубка, моя дорогая, вѣдь ты скрываешь отъ меня что-то, правда, Олли, да?

Онъ былъ сильно взволнованъ и опять прикасался къ ней нѣжно и бережно, какъ къ святынь. Онъ еще что-то прошепталъ ей на ухо. Бурный потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ Олли и она ничего ему не отвѣтила. Все ея тѣло вздрагивало отъ рыданій; онъ схватилъ ея руки и повторилъ тотъ-же вопросъ. Она молча кивнула ему въ отвѣтъ, и онъ вдругъ точно переродился.

— Олли!—воскликнулъ онъ радостно—ну, теперь все будетъ хорошо. Онъ весь сіялъ счастьемъ и прижималъ ее къ своей груди. Ему не приходило въ голову, что это существо, осчастливившее его однимъ кивкомъ головы, мучится страхомъ, тоской и недоумѣніемъ.

Что-то теперь будетъ? Она чувствовала себя разбитой, безпомощной. Тяжелыя, неумолимыя слова тамъ, передъ аналогомъ, опять раздавались въ ея головѣ, какъ звуки органа. У нея не хватало больше силъ. Еще это! Жизнь со всѣхъ сторонъ врывается къ ней, тянула ее внизъ изъ того свѣтлага рая, который она создала себѣ и гдѣ она такъ была счастлива одна. Она видѣла впереди только горе, борьбу и страданья, а Гастельмейеръ былъ счастливъ, болталъ безъ умолку и глядѣлъ ей въ глаза съ преданной любовью.

Она отвернулась отъ него. Ей было непріятно смотрѣть на него; онъ казался ей жалкимъ и немного смѣшнымъ. «Бѣдный!»—подумала она.

Всѣ эти мысли проходили въ ея головѣ уже въ полусознательномъ состояніи. Въ ту же ночь она опасно заболѣла.

VI.

Душа будущаго человѣка, готовившагося вступить на нашу печальную землю, снова куда то улетѣла, судьба рѣшила избавить ее отъ земной жизни.

Олли, больная и слабая, лежала въ постели. Первое время глухая, щемящая боль не покидала ее—ей казалось, что она отняла жизнь у этого будущаго человѣка. Она вся отдалась этимъ безплоднымъ, болѣзненнымъ ощущеніямъ. Но, нѣтъ, нѣтъ, она не должна давать имъ власти надъ собой. Ея мысли должны сбросить съ себя бесполезный гнетъ. Что случилось, того ужъ не вернешь.

Она вспомнила, какъ мучило ее тревожное ожиданіе, какой

беспомощной и слабой она себя чувствовала, какъ требованіи жизни, поднимаясь подобно морскимъ волнамъ, грозили затопить ея душу. Она сознавала, что всѣ ея мечты угрожали разлетѣться дымомъ.

Теперь судьба подарила ей немного больше времени. Какъ хорошо воспользуется она этимъ временемъ! Главное—серьезно и честно во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ не долженъ имѣть причины жаловаться на нее, нѣтъ, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. А работа? Какая свѣтлая радость, какая страстная жажда работы охватывали ея душу. Она вся горѣла желаніемъ поскорѣе приняться за нее. А онъ, бѣдный, добрый другъ, онъ такъ радовался раньше, а теперь самъ же постоянно утѣшалъ ее, былъ полонъ вниманія, заботливости, нѣжности. Олли молча выслушивала его утѣшенія, она сознавала, что онъ не пойметъ ее, если она начнетъ объяснять ему свои чувства. Да и почему долженъ онъ понимать ее? Ни отъ кого она этого не требовала. Она все еще была убѣждена, что никогда люди не понимаютъ другъ друга и что въ сущности каждый человѣкъ живетъ совершенно одиноко. Поэтому она не страдала отъ своей скрытности и молчанія.

Она не принадлежала къ тѣмъ непонятымъ натурамъ, которыя вѣчно недовольны, вѣчно терзаютъ себя и другихъ, такъ какъ имъ представляется, что люди недостаточно понимаютъ всю важность ихъ душевныхъ состояній. Она не походила на жалкій котелокъ, который воображаетъ, что весь міръ долженъ бы смотрѣть на него, какъ на огнедышащій вулканъ, и злиться, когда оказывается, что онъ, никѣмъ не замѣченный, кипитъ и бурлитъ надъ своимъ маленькимъ огонькомъ. Она скорѣе напоминала маленькій ручеекъ, никогда еще не выходящій изъ своихъ береговъ.

Впрочемъ, ея молчаніе объяснялось еще одной причиной. Она ясно чувствовала, что, если она выскажетъ ему все, онъ будетъ считать ее дурною, и она не сумѣетъ разяснить ему, что онъ ошибается.

На время болѣзани Олли Гастельмейеръ уговорилъ Анну пріѣхать къ нимъ и заняться ихъ хозяйствомъ.

У нихъ сразу стало спокойно и уютно, какъ будто добрый геній слетѣлъ въ ихъ домъ. Гастельмейеръ былъ доволенъ, ему жилось хорошо. Анна готовила ему домашнія кушанья. Гастельмейеръ говорилъ съ ней, какъ съ добрымъ другомъ, открывалъ передъ ней свое сердце. Онъ рассказывалъ ей про Олли, про то, что у нихъ все какъ-то не налаживается, что она ни о чемъ не хочетъ думать, кромѣ своей живописи, да и не умѣетъ ни за что приняться.

— И потомъ, знаешь, Анна, я думалъ, что она будетъ гораздо болѣе огорчена.—Анна спокойно и серьезно слушала

его. Они стояли въ мастерской. Начатая картина Олли была сдвинута въ уголъ, а на мольбертѣ Гастельмейера стоялъ маленький, простенькій ландшафтъ, одинъ изъ тѣхъ ландшафтовъ, которые онъ постоянно писалъ и на которые всегда находилъ покупателей.

— Фредъ,—сказала Анна,—какъ же ты представлялъ себѣ все раньше? Ты, правда, воображалъ себѣ женщину какимъ то чудомъ.

— Почему? — спросилъ онъ, — что же я такого требую? Какое же чудо?

— Вѣдь ты же зналъ, что она художница, и самъ преклонялся передъ ея талантомъ. Вспомни, какъ самъ ты рисовалъ въ двадцать лѣтъ?

— Что и говорить!—сказалъ Гастельмейеръ.—Но вѣдь у нея же и прилежаніе какое-то отчаянное. Правда, устаетъ и смотрѣть то на нее.

— Если бы женщина въ двадцать лѣтъ рисовала такъ, какъ Олли,—перебила она его,—да при этомъ была хорошей кухаркой, держала весь домъ въ порядкѣ, все дѣлала во время и аккуратно... представь себѣ только, что бы это было! А ты еще жалуешься, что она не достаточно огорчается! Чудной ты право! Ну, вообрази себѣ хорошенько, что бы съ вами было. Дѣтей, слава Богу, на свѣтѣ довольно, а родителей настоящихъ не такъ то много. Боже милостивый, какъ подумаешь, какіе бы вы были родители!

— Ну, будь же благоразуменъ, Фредъ,—продолжала она,—подумаи, каково бы было намъ въ Роормосѣ, если бы ты былъ несчастливъ. Но капельку разума надо всетаки имѣть, чтобы быть счастливымъ.

— Ты всегда сведешь на то, что я оселъ,—сказалъ Гастельмейеръ.

— Глупости!—отвѣтила Анна,—но, знаешь, вы, мужчины не можете относиться къ намъ просто. Женщина на вашъ взглядъ должна быть всегда вполне законченнымъ человекомъ; вамъ и въ голову не приходитъ, что она можетъ, какъ и вы сами, постепенно развиваться и совершенствоваться.

— Пожалуй, въ этомъ есть доля правды, — согласился Гастельмейеръ.—Ты умная дѣвушка, Анна, но ты стала что-то очень серьезной послѣднее время,—далеко не такая насмѣшница, какъ была раньше.

— Особенной насмѣшницей я, кажется, никогда не была, Фредъ. Сколько я помню, я всегда была очень спокойной.

— Спокойной, да, но болѣе веселой, какъ тѣ прекрасные, тихіе дни въ Роормосѣ.

— Вотъ это вѣрно,—сказала она,—я вѣдь сама стала те-

перъ кусочкомъ Роормоса. Человѣкъ мало-по-малу сливается съ тѣмъ, что его окружаетъ.

— Боже мой,—сказалъ Гастельмейеръ, — тогда я современемъ сдѣлаюсь маленькой сортировочной станціей. — Онъ разсказалъ Аннѣ, какъ его зять—Эмиль окрестилъ свое семейство, и спросилъ ее, помнить-ли она его разсказъ о той сортировочной станціи, противъ которой онъ раньше жилъ.

— Да, — сказала она серьезно. — Я сама просила тебя переѣхать оттуда.

— Помню. Ну, вотъ видишь ли, такую же маленькую сортировочную станцію начинаемъ мы понемногу устраивать здѣсь... такъ, небольшое отдѣленіе той, что на Блютенштрассе. У насъ, какъ и въ Блютенштрассе, вѣчно приходится что нибудь убирать и принимать какія нибудь рѣшенія. Мы постоянно ходимъ взадъ и впередъ по комнатамъ и убираемъ, точь въ точь такъ, какъ беспокойная мамаша, Эрвинъ, Эмиль и Олли, пока она жила дома. Мы принимаемъ рѣшеніе начать все съизнова, выдумываемъ удивительное распредѣленіе времени, которое никогда не приводится въ исполненіе; мы рѣшаемъ все устроить по новому, мы исполнены радужныхъ надеждъ и намѣреваемся прежде всего переимѣнить кухарку. Но изъ всѣхъ этихъ благихъ намѣреній въ концѣ концовъ ничего не осуществляется, и мы опять все убираемъ безъ видимой пользы, совсѣмъ какъ въ Блютенштрассе. Какъ я все это ясно себѣ представляю!... Знаешь! если бы у насъ было достаточно денегъ, и бѣдняжка Олли могла стоять здѣсь въ длинной бѣлой одеждѣ и писать картины, а я въ опредѣленное время подавала бы ей руку и вель ее къ столу, между тѣмъ какъ слуга отворялъ-бы передъ нами двери, — тогда ничто не мѣшало бы ей вѣчно жить въ мірѣ фантазій, куда естественно влечетъ такое волшебное созданье, какъ она. Боже мой, какая бы это была чудная жизнь! Ты не можешь себѣ представить, Анна, какъ она хороша!.. Знаешь, она заказала себѣ два такіа длинныя бѣлыя платья, ей хотѣлось всегда ходить дома въ бѣломъ. Сколько было возни съ этими платьями! Никакъ нельзя было добиться съ ними толку, они оба всегда были грязныя. Кухарка никогда не стирала ихъ во время и считала большой несправедливостью требованье, чтобы длинныя бѣлыя платья всегда были вымыты и вычищены. Она всякій разъ намѣренно забывала стирать ихъ. Мы рѣшили отдавать ихъ въ прачешную, это оказалось безумно дорого; наконецъ, мы попытались чистить ихъ химическимъ способомъ, изъ этого ничего не вышло. Теперь они куда то заброшены. Мнѣ очень хотѣлось какъ нибудь устроить это съ платьями. Когда она стояла такъ въ мастерской, рядомъ со мной, вся бѣлая и нѣжная, и неутомимо работала, у меня всегда являлось желаніе встать и поцѣловать

края одежды или концы ея волосъ. Я никогда не былъ вполнѣ спокоенъ: въ этомъ зрѣлищѣ было что-то невыразимо пріятное, волнующее душу.

Анна спокойно слушала его. Когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Все, что я могу сдѣлать для васъ, я охотно сдѣлаю. Во первыхъ, прежде чѣмъ уѣхать, я найду вамъ другую кухарку.

— Ну, ты вѣдь еще не собираешься уѣзжать, надѣюсь.

— Пора ужъ ѣхать,—сказала она,—имъ тамъ трудно безъ меня.— Легкій вздохъ приподнялъ ея грудь, тотъ вздохъ, который вырывается иногда у спокойнаго, сильнаго, но глубоко несчастнаго человѣка.

— Жаль,—сказалъ Гастельмейеръ,—очень жаль.

Анна, дѣйствительно, незамѣтно привела въ образцовый порядокъ маленькое хозяйство. Она переѣхнула кухарку, завела расходную книжку, убрала шкапы и комоды, устроила кладовую, повѣсила всѣ ключи на кольцо, привязавъ къ каждому записочку; она положила на столъ Олли аспидную доску для записыванья бѣлья и привязала къ ней грифель. Наконецъ, она составила даже росписаніе обѣдовъ на цѣлый мѣсяцъ впередъ, чтобы Олли не приходилось постоянно выдумывать, а только измѣнять что нибудь, если захочется; кухаркѣ она сдѣлала самыя подробныя наставленія. Олли была ей безконечно благодарна и обѣщала свято исполнять все.

— Да, Олли, исполняй все это,—сказала ей дѣвушка.— Сдѣлай его счастливымъ. Онъ очень, очень хорошій человѣкъ.— Она такъ мягко и такъ серьезно сказала это, что Олли невольно взглянула ей въ глаза; но глаза эти смотрѣли спокойно и ясно, хотя и не весело. Они казались такими понятными. И только, когда повѣздъ уносилъ ее вдаль, эти понятные глаза стали вдругъ непонятными, и горячія слезы неудержимо полились изъ нихъ, здѣсь, среди чужихъ людей.

Казалось, что у нихъ, дѣйствительно, побывалъ добрый геній и принесъ благословеніе ихъ дому. Въ немъ воцарился миръ, все шло гладко и спокойно. Олли стала кротка и мила, какъ дѣтя. Когда она первый разъ подошла къ своему мольберту и поставила его на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ нѣсколько недѣль тому назадъ, глаза у нея были полны слезъ. Она сама не понимала, почему она была такъ взволнована и такъ счастлива; ее всю переполняло сознаніе, что она опять можетъ работать, опять идти впередъ къ своей цѣли. Но она все-таки еще не вполнѣ хорошо себя чувствовала.

Наступило Рождество. За недѣлю до него она принялась за работу, и въ эту недѣлю она первый разъ послала на выставку портретъ или, лучше сказать, картину своей работы.

Изображена была старушка, сидящая у окна при свѣтѣ угасающаго дня. Моделью ей служила тетушка Ценглейнъ. Она должна была сидѣть спиной къ окошку, свѣтъ падалъ, такъ сказать, мимо нея, едва задѣвая ее. Лицо было въ тѣни, къ большой досадѣ тетушки Ценглейнъ. Кромѣ того она послала еще двѣ картинки, которыя она написала во время путешествія; ея старый учитель настаивалъ, чтобы она непременно выставила и ихъ, такъ какъ ему онѣ очень понравились.

Олли была въ сильнѣйшемъ волненіи. Первый разъ она входила въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Ей не хотѣлось выказывать этого волненія, но оно билось въ ея жилахъ, все время тревожило ее; даже за работой не находила она покоя. Она не могла оставаться неподвижной и все время искала себѣ какого нибудь дѣла въ домѣ.

Гастельмейеръ наблюдалъ за ней и думалъ про себя: „Вотъ, теперь она боится, мучится, бѣдняжка“, а ей онъ говорилъ:

— Знаешь, ты не думай, чтобы по этой выставкѣ можно было о чемъ нибудь судить. Она изъ рукъ вонъ плоха, да и цѣнители такіе, что, что бы они ни говорили, не стоитъ обращать вниманія.

— Конечно, — соглашалась Олли, но думала она иначе. Она сама себя ненавидѣла за свою глупость, но все-таки она была глубоко взволнована.

— Расскажи же мнѣ, что говорятъ твои товарищи, — спрашивала она его черезъ нѣсколько времени.

— Знаешь, когда мы сходимся, мы меньше всего говоримъ объ искусствѣ, — отвѣчалъ ей Гастельмейеръ. — Да ты думаешь, они станутъ обращать вниманіе на работы женщины; какъ же! Ты слишкомъ многого отъ нихъ требуешь. Самое большее, чего можно ждать, это что кто нибудь изъ нихъ скажетъ: „Гастельмейеръ, а твоя жена ничего себѣ пишетъ“. И то это будетъ много, слишкомъ много! Я то не думаю, что и такъ кто нибудь скажетъ, но возможно.

Наканунѣ праздника Олли ушла изъ дому вѣстѣ съ Эмилемъ. Они хотѣли купить рождественскаго карпа, а, главнымъ образомъ, Олли пошла, чтобы немного развлечься.

Они купили удивительнаго золотистаго карпа, большого и тяжелаго, и понесли его въ корзинѣ домой, такъ какъ имъ не хотѣлось, чтобы приказчикъ убивалъ его на ихъ глазахъ. Эмиль несъ его, и карпъ почему то ужасно бился, хотя обыкновенно онъ спокойно лежитъ въ корзинѣ.

На площади стоялъ цѣлый лѣсъ рождественскихъ елокъ. Все вокругъ говорило о наступающемъ праздникѣ, люди спѣшили куда то, на крышахъ лежалъ блестящій снѣгъ, даже въ воздухѣ чувствовалось Рождество.

— Теперь твоя очередь, Олли, поднимать у насъ исторію.

Надо же тебѣ было выставлѣть именно передъ Рождествомъ. Хорошо еще, что ты не такая, какъ Эрвинъ и мама,—сказалъ Эмиль своимъ обычнымъ ворчливымъ тономъ.—Они всѣ тамъ, дома, точно кукушки, съ тѣхъ поръ, какъ прочли про тебя въ газетѣ. Слава Богу, что ты не такая, какъ другіе. Тебѣ это, кажется, рѣшительно все равно.

— Да о чемъ ты говоришь?—спросила Олли, задыхаясь. Утромъ она искала газету, но мужъ сказалъ ей, что ея не приносили. Значить, онъ зналъ, онъ хотѣлъ скрыть отъ нея. Вотъ и случилось это страшное, непоправимое.

— Развѣ ты ничего не знаешь? — удивился Эмиль; онъ взглянулъ на сестру, въ глазахъ у нея видно было страданье.— Вотъ еще! станешь ты обращать вниманіе на такія глупости! Никогда!

Олли остановилась, у нея кружилась голова, она ничего не сказала, ничего не спросила. Да и о чемъ было спрашивать!

Холодъ вдругъ пронизалъ ее до костей. Все вокругъ стало печально, мертво, непріятно; и суматоха, и уличный шумъ, все было противно. Но какъ она оваябла!

Пройдя молча еще нѣсколько шаговъ, она сказала:

— Возьмемъ извозчика.

— Что-жъ, отлично. — Они усѣлись на извозчика вмѣстѣ съ своей рыбой.

— У тебя губы совсѣмъ побѣлѣли,—сказалъ Эмиль.

— Глупости.

— Право.

— Нѣтъ,—сказала Олли,—мнѣ это совершенно все равно. Пусть себѣ говорятъ, что хотятъ. Я сама знаю, что часто мои картины безобразны, непріятны, но за-то это жизнь, сама жизнь, а про остальное могутъ говорить, что угодно.

— „Аффектація“, „сочиненность“, говорятъ они,—пробурчалъ Эмиль. Олли выпрямилась, крупныя слезы стояли у нея въ глазахъ.

— Это неправда,—вскричала она, — я докажу имъ, что это неправда. Въ мастерской навѣрно уже прочитали это. Вотъ-то они, должно быть, обрадовались... Они вѣдь тамъ всѣ мнѣ завидуютъ.

— Проклятье! Проклятье! Проклятье!—воскликнулъ Эмиль и ударилъ лѣвой рукой по колѣну, такъ какъ правой онъ придерживалъ корзину съ рыбой.

Онъ думалъ, что Гастельмейеръ не поблагодаритъ его за то, что онъ разсказалъ все Олли. Кромѣ того его злили также тѣ, изъ мастерской.

— Ну, ничего, другой разъ будетъ лучше... т. е. я хочу сказать, что тотъ оселъ лучше напишетъ, критикъ-то ихъ. А

можетъ быть, и другой будетъ писать. Сегодня Эрвинъ въ пылу негодованія хотѣлъ сейчасъ же бѣжать куда-то и устроить скандалъ. Мама также хотѣла кому-то устроить скандалъ. Они совсѣмъ просто съ ума сошли. Я долженъ былъ все время унимать ихъ. Впрочемъ, они, конечно, никуда не пошли, да они и не знали, куда именно имъ идти, не бѣгать же просто по улицамъ. Потомъ пришла тетушка Ценглейнъ, ее, какъ и всегда, все это очень разсмѣшило, и она сказала: „Это оттого, что она не нарисовала какъ слѣдуетъ моего лица. Это ужъ что-то очень странное—рисовать человѣка и помѣщать въ тѣни его лицо, какъ будто я стыжусь показать свое лицо. Портретъ безъ лица. Мои знакомые, которымъ я говорила, что мой портретъ на выставкѣ, не могли довольно надивиться». Тетушка Ценглейнъ совсѣмъ вышла изъ себя.

Эмиль старался отбѣнить комическую сторону дѣла. Онъ зналъ, какъ тонко понимала Олли все комическое. Но когда сердцу нанесена рана, то тутъ ужъ ничѣмъ не поможешь; если даже человѣкъ глубоко затаилъ боль и улыбается, рана все-таки даетъ о себѣ знать, внутренняя боль лишаетъ свободы движений, все идетъ какъ-то иначе, чѣмъ раньше.

„Да, помочь уже было нельзя, это почувствовалъ и Эмиль, взглянувъ на сестру. „Проклятье! Проклятье! Проклятье!“ Она выглядѣла такой несчастной, такой хрупкой, такой страдающей. Ему никогда не бывало особенно жалко Эрвина и маму, когда они подымали крикъ при всякой неудачѣ, но безмолвное горе Олли тронуло его сердце.

— Да ну, успокойся же,—сказалъ онъ карпу, такъ какъ не могъ придумать ничего другого.

Дома онъ разсказалъ Гастельмейеру все, что случилось, и показалъ ему рыбу.

— Значитъ, она все знаетъ и, какъ на зло, передъ самымъ Рождествомъ. Проклятье! Проклятье!

Онъ непроизвольно перенялъ у Эмиля это своеобразное выраженіе и употреблялъ его именно въ тѣ моменты, когда и Эмиль чувствовалъ въ немъ потребность. Они выразительно переглянулись. Оба прекрасно понимали другъ друга.

— Не будемъ больше упоминать объ этомъ, если она сама не заговоритъ,—сказалъ Гастельмейеръ.

Она не заговорила и вообще вела себя такъ, какъ будто ничего не случилось. Рыбу они пустили въ большой чанъ съ водой, гдѣ она, повидимому, прекрасно себя чувствовала. Она казалась тамъ замѣчательно красивой.

Когда кухарка хотѣла начать чистить карпа, Олли не позволила.

— Нѣтъ, пусть онъ живетъ,—сказала она.

— Такъ что же готовить? — спросила, смѣясь, кухарка и подумала про себя: „Ну, опять начались выдумки“.

— Возьми селедокъ, вѣдь это тоже рыбы,—сказалъ Эмиль, онъ также вошелъ въ кухню посмотрѣть на карпа.

— Отлично, купите селедокъ,—сказала Олли.

— Только надо бѣгомъ бѣжать,—замѣтилъ Эмиль,—а то ихъ не найдешь. Мы нѣсколько разъ хотѣли ихъ купить, да все не успѣвали. Ну, маршъ, скорѣй! — Онъ плеснулъ на нее водой изъ-подъ карпа.

Эмиль былъ грубоватъ и фамильяренъ со всѣми кухарками. Какъ наиболѣе хозяйственный членъ семьи, онъ бывалъ всегда въ дружбѣ съ кухаркою, и онъ думалъ, что кухарки созданы въ сущности для его развлечения. Онъ устраивалъ имъ всякія штуки, обливалъ ихъ водой, просыпалъ въ кухнѣ золу, сбрасывалъ съ лѣстницы корчагу съ угольями. Если онъ замѣчалъ на чашкѣ или тарелкѣ неотмытое яичное пятно, онъ дѣлалъ перомъ рамку вокругъ него и подписывалъ число, когда было сдѣлано пятно. Или онъ клалъ на плохо вымытыя чашки записку, на которой крупными буквами было написано: „Эти чашки не употребляются“, внизу онъ подписывалъ „Чистота“ и нѣсколько разъ подчеркивалъ это слово, а еще ниже писалъ: „Прошу не уничтожать этой записки, такъ какъ она въ скоромъ времени можетъ мнѣ понадобится“.

Вообще онъ былъ грозой кухарокъ, безъ него хозяйство на Блютенштрассе окончательно рушилось бы.

И на этотъ разъ кухарка вовремя принесла селедокъ. Но она казалась въ очень скверномъ расположеніи духа.

— Чюно это за праздники! — сказала она сосѣдней кухаркѣ. — Кажется, моя барыня ни во что не вѣритъ. Ничего она не велѣла готовить къ празднику, ровнешенько ничего. Вечеромъ у насъ будутъ селедки! — Кухарка не считала рождественской елки, а между тѣмъ они купили елку, и послѣ обѣда Олли медленно и равнодушно принялась украшать ее.

Да, когда человѣкъ таить въ себѣ глубокое горе, онъ можетъ и говорить, и улыбаться, но всѣ движенія его какъ-то связаны, даже причиняютъ ему боль, и все кажется инымъ, чѣмъ раньше. Какъ трудно давалось Олли украшеніе дерева, какъ медленно оно подвигалось впередъ, и какъ она устала, какъ устала! Какъ будто свинецъ былъ налитъ въ ея жилы.

Ей пришло въ голову выраженіе ея матери. Каждое „да“ въ жизни — счастье, каждое „нѣтъ“ — несчастье. Она никогда не соглашалась съ этимъ; но это было вѣрно. Какъ она ненавидѣла тоску и безнадежность, дарившія всегда у нихъ въ домѣ, она презирала эти чувства, и вотъ они наполняли ея душу. Надъ ней какъ будто тяготѣло проклятiе.

Печальное начало на пути къ славѣ. Какой свободной и

гордой она всегда себя чувствовала,—ей казалось, что съ ней не могло случиться ничего дурного. Неудачи? Боже мой, какое же это имѣть значеніе? Она всегда предвидѣла неудачи. Она строго осуждала тѣхъ, кто слишкомъ сильно принималъ къ сердцу всякую удачу и неудачу и совершенно терялъ голову; и вотъ, при первомъ же случаѣ, она испытывала точь въ точь то же самое. Она какъ будто вдругъ очутилась въ густомъ туманѣ.

Очевидно, что судить о чемъ нибудь со стороны и самой переживать это — двѣ вещи совершенно различныя. Она со стыдомъ припоминала свою прежнюю суровость. Всѣ ея мысли казались ей фальшивыми,—это были мысли осужденной.

Все внутри ея померкло, казалось ей жалкимъ, незначительнымъ, не имѣющимъ права на существованіе. И изъ-за чего? Изъ-за того, что какой-то неизвѣстный написалъ что-то неодобрительное о ея картинахъ, что именно, она даже не знала хорошенько.

Ей было безразлично, какъ и что онъ написалъ. Что за жалкое существо безвѣстный художникъ, котораго никто не понимаетъ и не цѣнитъ, кромѣ его самого! Онъ хватается за всякую рецензію, хочеть сказать что нибудь въ свою защиту, хочеть доказать, что онъ правъ, что картины его превосходны, что только дураки могутъ не понимать ихъ...

— Дойти до такого униженія!

Нѣтъ! Она будетъ безмолвно переносить всѣ удары; ни одной жалобы, ни слова въ оправданье себя; но въ тайникахъ души она сохранить вѣру въ себя и никогда не унижить себя такъ, какъ всѣ они. Пусть на смерть поражаютъ ея душу и тѣло, отъ нея не услышать стона.

Проклятіе искусства, поражающее слабыхъ, обрушилось на нее. Да, она вдругъ очутилась среди густого тумана, окутавшаго все кругомъ. Онъ распространился по всему дому, загасилъ рождественское веселье, легъ тяжестью на сердце бѣднаго Гастельмейера. Это было первое Рождество, которое онъ проводилъ не въ своемъ родномъ Роормосѣ.

Рождество въ Роормосѣ! Знакомая, милая сердцу картина невольно вставала передъ нимъ въ вечеръ сочельника. Сколько приготовленій, какое оживленье, какой чудесный запахъ! Рождественскія кушанья! рождественское пиво! рождественскій карпъ! Цѣлыя кучи всевозможныхъ рождественскихъ печеній и воздушныхъ, и тяжелыхъ,—и все это благоухаетъ. Бѣготня, суматоха, торопливая уборка хлѣва при свѣтѣ фонарей, надо успѣть все кончить и переодѣться по праздничному.

Въ комнатахъ добрая, милая мама въ большомъ бѣломъ передникѣ приготовляетъ всѣмъ подарки. Ея совѣтъ не видно за кучами носковъ, платковъ, блузъ и передниковъ, орѣховъ

и яблоковъ. А Анна убираетъ елку, вѣроятно, какъ разъ въ то же время, какъ Олли. Въ сочельникъ все шло по строго заведенному порядку. Отецъ у своей конторки раскладывалъ деньги по пакетикамъ, на каждый прикладывалъ печать и крупнымъ нетвердымъ почеркомъ надписывалъ имя того, кому пакетъ предназначался. Это было настоящее Рождество. Снаружи глубокий бѣлый снѣгъ и тихія горы, внутри спокойный, радостный праздникъ. А тутъ? Еслибы все еще было такъ, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ примирился бы съ этимъ Рождествомъ, мечтая о будущемъ; но теперь у нихъ было какъ-то особенно мрачно.

Докторъ не позволилъ имъ съ Олли сѣздить въ Роормосъ. И какъ можно было спрашивать? Неужели это жалкое, убитое существо—его Олли, его цвѣтущая красавица Олли?

Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на нее. Заговорить ли съ ней объ этой глупой исторіи, которую она такъ принимала къ сердцу? Онъ не рѣшался: ему казалось, что лучше молчать, не растравлять ея раны. Такъ стояли они передъ елкой, совершенно чужіе другъ другу. Дерево было украшено одними блѣдными розами, это было очень красиво, но совсѣмъ не напоминало обыкновенной рождественской елки. Гастельмейеръ ни разу не видалъ ничего подобнаго.

— Ты ничего не повѣсила на него, Олли. Анна всегда обвѣшивала его всевозможными разноцвѣтными бонбоньерками, наполненными разными сладостями, а мама нарочно наготовляла всякихъ печеній.

Олли съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она чувствовала себя немного оскорбленной, что ему не понравилась ея елка. Сколько она себя помнила, она каждый годъ украшала ее такъ и всегда думала, что ничего не можетъ быть красивѣе; только во снѣ можно увидѣть дерево, такъ густо усыпанное розами. Но въ сущности теперь это было ей безразлично; это ощущеніе только на мгновеніе промелькнуло въ ней. Ей казалось, что теперь ужъ ничего не стоитъ дѣлать, что она перестала существовать. Также на мгновеніе промелькнула у нея мысль, что и онъ, вѣроятно, любитъ свою рождественскую елку, и ей стало досадно, что она не спросила его раньше.

Все, что она думала, было безпросвѣтно мрачно. Такъ вотъ какою она оказалась при первой жизненной неудачѣ! Хуже, чѣмъ всѣ другіе! Да, но вѣдь это не просто случайная неудача: она упала въ пропасть при первомъ вступленіи въ настоящую жизнь и теперь лежала на днѣ, вся разбитая. Все въ ея головѣ принимало гигантскіе размѣры—она сама сознавала это, но она не владѣла своими чувствами и мыслями.

А Гастельмейеръ въ это время думалъ тоже невеселыя

думы. Докторъ говорилъ съ нимъ относительно Олли. Онъ спрашивалъ его, отчего умеръ отецъ Олли. «Должно быть, отъ чахотки, какъ почти всѣ поляки», отвѣтилъ онъ. Въ этихъ словахъ сказалось то равнодушіе, съ какимъ онъ относился ко всей семьѣ Олли. Онъ не зналъ хорошенъко, отчего тотъ умеръ. Но ему было неловко передъ докторомъ, и онъ, не вставая съ мѣста, крикнулъ въ другую комнату, гдѣ лежала Олли:

— Олли, отчего въ самомъ дѣлѣ умеръ твой отецъ?

— Шш...—произнесъ докторъ, чтобы остановить его; но было уже поздно. Какъ глупо было напоминать ей объ этомъ! Но Олли отвѣтила спокойнымъ голосомъ... До сихъ поръ онъ слышитъ, какъ она это сказала:

— Папа умеръ отъ какой-то горловой болѣзни.

Она сказала такъ тихо, что только Гастельмейеръ могъ разслышать.

— Отъ горловой болѣзни,—повторилъ онъ доктору.

— Та-акъ,—сказалъ тотъ и, сдѣлавъ нужныя указанія, ушелъ.

Почему именно теперь припомнилось ему это. Онъ очень досадовалъ тогда на себя. Было что-то безконечно грустное въ этомъ воспоминаніи, въ самомъ голосѣ Олли, во всемъ. Какъ она сказала это—сама больная! Веселыя мысли не шли ему въ голову, на сердцѣ лежала тяжесть, а вѣдь они любили другъ друга и все могло бы быть такъ хорошо!

Изъ кухни также не доносилось пріятныхъ, праздничныхъ запаховъ. «Вѣдь у насъ будетъ карпъ?»—спросилъ Гастельмейеръ, когда вмѣстѣ съ кухаркой въ комнату ворвалась волна какого-то непонятнаго запаха.

— Онъ такой красивый,—смущенно сказала Олли,—мнѣ не хотѣлось... онъ плаваетъ тамъ въ водѣ. Вѣдь селедки тоже рыбы. Вы хорошо ихъ обжарили, не правда ли?—обратилась она просящимъ голосомъ къ кухаркѣ.

— Ну,—сказалъ Гастельмейеръ,—этого я тоже никогда не видывалъ!—Это открытіе окончательно испортило его настроеніе; впрочемъ, было еще одно обстоятельство, раздражавшее его: матушка, Эрвинъ, Эмиль, тетушка Ценглейнъ и ея долговязый спутникъ, словомъ вся сортировочная станція должна была встрѣтить Рождество у нихъ, помочь имъ съѣсть селедокъ. Вотъ такъ Рождество—безцвѣтное, бездушное!..

И они всѣ пришли—разстроенные, печальные: со времени болѣзни Олли они еще первый разъ собрались всѣ вмѣстѣ. Безпокойная дама явилась въ роли сочувствующей матери. Теперь у нея было двое, о комъ можно было вздыхать и сокрушаться. Незадолго передъ тѣмъ Эрвинъ опять доставилъ ей случай потрепать свои нервы и поплакать, сколько душѣ

удобно. Это всегда какъ нельзя лучше удавалось ему. Пока елка горѣла, она съ Эрвиномъ и долговымъ юношей вступила въ литературный споръ, такъ что они всё ничего не видѣли и не слышали.

— Ахъ, ты, бѣдняжка! — сказала тетюшка Ценглейнъ Олли. — Хоть бы кто нибудь изъ васъ попробовалъ что нибудь другое. Нельзя же человѣку ни въ чемъ не знать счастья... Вотъ, возьми-ка это, по крайней мѣрѣ, сорвешь свою досаду. — Она протянула Олли пакетъ, на которомъ ея бисернымъ почеркомъ было написано: «къ портрету безъ лица»...

Какъ это произошло? — въ эту минуту настроеніе Олли вдругъ перемѣнилось.

— Не знать счастья? — сказала она, смѣясь. — Ты такъ думаешь, тетюшка Ценглейнъ? Ты думаешь, что я очень мучаюсь? Да нисколько. Не знать счастья? Нѣтъ, счастье будетъ, полное, настоящее счастье. Не такое жалкое счастье, крошечку тутъ, крошечку тамъ, а сразу большое, большое счастье. Я вдругъ ясно почувствовала, что все, чего я хочу, исполнится. Надо работать, а потомъ придетъ и награда, о какой я всегда мечтала. У меня хватитъ силы работать, и я достигну всего, чего хочу, и всё признають это!

Это была прежняя свободная, гордая дѣвушка, вѣрющая въ свою красоту, въ свои силы, въ свое призванье.

— Ты не знаешь, тетя, какъ я могу работать. Если-бъ ты только знала!

— Посмотрите, — сказала маленькая старушка, — что это за женщина! Вотъ это я понимаю! Такой я люблю тебя. А такими злосчастнымъ горемыкамъ ни въ чемъ счастья не бываетъ.

Общее настроеніе совершенно измѣнилось. Олли была такъ возбуждена, что и остальные развеселились. Гастельмейеръ былъ очень доволенъ, и у него встрѣча праздника вышла недурная, нечего было такъ грустить о „настоящемъ“ Рождествѣ.

Селедки оказались очень вкусными; Гастельмейеръ раскупорилъ двѣ бутылки бѣлаго вина, присланнаго ему изъ дому, и вся компанія, на время успокоившись, мирно веселилась.

А въ кухнѣ плавалъ, радуясь жизни, золотистый карпъ, прекрасная рождественская рыба.

— Благодарю тебя, дорогая моя, Олли, — тихо сказала Гастельмейеръ и горячо обнявъ свою жену.

— Благодарить не за что, — серьезно отвѣтила она. — Я вѣдь не нарочно.

— Тѣмъ лучше, — замѣтилъ онъ.

— Мимъ, бѣдный мой Мимъ, — такъ называла она его иногда. Она прижалась лицомъ къ его груди. — Какое несчастье для тебя, что ты на мнѣ женился.

— Глупенькая! — сказалъ онъ.

— Серьезно. Мнѣ такъ жалко тебя,—она сказала это ласково, какъ старшая, и такъ просто, что онъ почувствовалъ странное ощущеніе. Какъ будто темное облако опять закрыло солнце, только что выглянувшее было изъ тумана.

— Какая ты горячая, Олли, и такая возбужденная,—тревожно спросилъ онъ.

— Я немножко простудилась.

Безпокойная мамаша первая замѣтила это. „Олли, что съ твоимъ горломъ?—сказала она,—ты опять совсѣмъ охрипла. Какъ это съ тобой случилось?“

Нервная дама почувствовала себя въ своей стихіи и была такъ взволнована и разстроена, какъ только можно себя представить. Она забила страшную тревогу изъ-за горла Олли.

— Вы увидите, теперь она не отдѣляется отъ этого всю зиму. Вѣдь это старая исторія. Она распростудилась изъ-за этой глупѣйшей исторіи съ рыбой. И въ концѣ концовъ намъ не пришлось даже попробовать ея. Ну, что она будетъ дѣлать тамъ въ водѣ?

— Жить, просто жить,—спокойно сказала Олли.

VI.

Третій день праздника.

Олли чувствуетъ себя нехорошо. Простуда, схваченная ею въ сочельникъ, усилилась, но она все-таки работаетъ, не обращая на это никакого вниманья. У нея есть и модель. Сильная крестьянская дѣвушка сидитъ передъ ней, подперши рукой подбородокъ; она смотритъ такъ сонно и равнодушно, какъ только можетъ смотрѣть натурщица, сидящая цѣлые часы въ одномъ и томъ же положеніи.

На картинѣ Олли дѣвушка изображена подъ яблоней, сохранившей еще кое гдѣ опадающіе цвѣты. Время цвѣтенія подходитъ къ концу. Листья начинаютъ распускаться, а завядшіе цвѣты придаютъ вѣтвямъ нѣсколько блеклый оттѣнокъ. Изъ своего путешествія Олли привезла наброски такого дерева и идею этой картины. Блѣдный, туманный майскій вечеръ. Дерево стоитъ среди поля, на которомъ только что работала дѣвушка. Туманъ, бѣдная равнина, кусты терновника, ивы. Дѣвушка сидитъ усталая, разбитая. Кажется, что она прислушивается къ пѣнію птички на деревѣ или къ далекому вечернему благовѣсту. Во всей ея позѣ должно сказываться утомленіе сильнаго человека, равнодушное, спокойное созерцательное настроеніе, овладѣвающее имъ послѣ тяжелой работы.

Олли была счастлива, что нашла, наконецъ, модель для своей картины. Черезъ нѣсколько времени послѣ начала сеанса,

сильные члены дѣвушки опускались, какъ послѣ самой тяжелой работы. Въ нихъ появлялось что-то слабое, безпомощное, напоминавшее спящаго ребенка.

Гастельмейеръ вернулся домой. Олли подозвала его къ себѣ и шепнула ему:

— Мимъ, правда, въ ней есть какая-то поэзія.

— Ты знаешь, — сказалъ Гастельмейеръ, — я не большой любитель такой блѣдной, туманной поэзіи; но все-таки хорошо, очень хорошо. — Помнишь, я говорилъ тебѣ какъ-то, что кто нибудь, можетъ быть, скажетъ мнѣ по поводу твоихъ картинъ: „Гастельмейеръ, а вѣдь твоя жена недурно пишетъ?“ — Олли кивнула головой, не отрываясь отъ работы. — Ну, такъ вотъ теперь мнѣ и въ самомъ дѣлѣ сказалъ это одинъ изъ нихъ. И знаешь, кто? Огъ него я всего менѣе ожидалъ. Зато ужъ на его отзывъ можно смѣло положиться — Коппертъ!

— Не можетъ быть! — вскричала Олли, пораженная неожиданной радостью. Палитра выпала у нея изъ рукъ.

— Онъ, по своему обыкновенію, пробурчалъ это въ бороду. Я, впрочемъ, не особенно его должблываю.

— Какъ можешь ты это говорить, Мимъ.

— Развѣ ты его знаешь?

— Его самого — нѣтъ, но его картины! Сколько я себя помню, я всегда любила ихъ больше всего. Онъ единственный художникъ въ Германіи, который именно такъ рисуетъ, какъ по моему слѣдуетъ. — Олли была сильно взволнована, щеки ея горѣли. — Мимъ, неужели это правда? — спросила она еще разъ, съ тревогой смотря на него. — Можетъ быть, это была шутка?

— Да нѣтъ же, совершенно серьезно! И что это тебя такъ волнуетъ? Онъ сказалъ совсѣмъ просто.

— Видишь-ли, онъ единственный художникъ, который беретъ жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ прикрасть и въ то-же время такъ глубоко. Какъ я завидовала ему всегда! — Въ порывѣ радости она горячо обняла мужа. — Значить, онъ правда сказалъ это! — Она вдругъ сильно закашлялась и должна была выпрямиться. — Недавно я была въ пинакотекѣ, смотрѣла картины старыхъ мастеровъ. Какъ я преклонялась всегда передъ ними, передъ многими изъ нихъ, какія минуты переживала я тамъ! Но, знаешь, тамъ, передъ этими дивными, потемнѣвшими полотнами, я невольно вспомнила простыхъ, обыкновенныхъ людей Копперта, глубокія человѣческія чувства, изображаемые имъ, блѣдное солнце, сѣрый колоритъ его картинъ, и мнѣ показалось, что я заперта въ роскошную, но тѣсную комнату, а свѣжій, чистый воздухъ и свобода — тамъ, у Копперта.

— Олли, — сказалъ Гастельмейеръ, — побудь хоть немно-

жечко на землѣ; тебя такъ и влечетъ въ небеса. Право, ты оттого все и больна.

— Ахъ, Мимъ, какъ жалко, что ты не такъ его понимаешь, какъ я!

— Я просто нѣсколько спокойнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ ты, моя дѣвочка. Современемъ онъ самъ измѣнится. Такимъ, какъ онъ теперь, онъ не останется.

— Останется, Мимъ, навѣрно останется, ручаюсь жизнью. Ты не долженъ смѣшивать его съ тѣми людьми, которые хотятъ, во что бы то ни стало, идти въ уровень съ жизнью и не понимаютъ ее, которые слѣдуютъ за модой и измѣняются вмѣстѣ съ модой. Неужели тебѣ надо объяснять это? Онъ изъ чистаго золота.

— Я и не подозрѣвалъ, что онъ твой кумирь.

— Мимъ, не серди меня.

— Я—тебя?—засмѣялся онъ.—Да вѣдь ты мнѣ слова сказать не дала. Онъ придетъ къ намъ сегодня послѣ обѣда, посмотрѣть твои работы.

Олли видимо испугалась; въ смущеніи она взялась снова за палитру, она хотѣла работать, но у нея дрожали руки.

— Нѣтъ, не могу,—сказала она, откладывая палитру.

— Да и обѣдать пора,—спокойно замѣтилъ Гастельмейеръ.

— Не можетъ быть,—сказала Олли.

— Гдѣ же твои часы, Олли? Они всегда должны лежать около тебя, чтобы ты вовремя кончала передъ обѣдомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же они? — разсѣянно повторила Олли,—я помню, что я не заводила ихъ. Они, кажется, упали за кровать нѣсколько дней тому назадъ.

— И ты тамъ ихъ и оставила?

— У меня не было палки, а они очень далеко лежать.

— Причина основательная.

— Не ворчи, Мимъ,—попросила она.

Гастельмейеръ не сомнѣвался, что обѣда придется еще подождать. Онъ сѣлъ въ кресло и взялъ книгу. Олли отпустила натурщицу и попросила принести горячей воды и мыла, чтобы вымыть кисти. Когда кухарка принесла это, она сказала ей:

— Пожалуйста, поторопитесь сегодня съ обѣдомъ. Что у насъ къ обѣду? Только, пожалуйста, поскорѣе.

— Вотъ хозяйка! — подумалъ Гастельмейеръ, слышавшій ея распоряженія. Онъ былъ въ дурномъ настроеніи, ему хотѣлось ѣсть, хотѣлось чего нибудь получше, а между тѣмъ онъ былъ увѣренъ, что ничего хорошаго ожидать нельзя.

Когда, наконецъ, обѣдъ былъ поданъ, Гастельмейеръ приподнялъ крышку миски и спросилъ съ раздраженіемъ:

— Что это за бурда?—Олли не разслышала его словъ.

— Я спрашиваю, что это еще за бурда?

— Право не знаю, Мимь.—Она все еще была въ сильномъ волненіи и едва притрогивалась къ пищѣ.

— Мимь, когда же онъ придетъ?

— Боже ты мой, опять онъ! Точно бомба упала въ нашъ домъ! Олли, да возьми ты себя въ руки. Эти вѣчныя волненія добромъ не кончатся. И еще съ такимъ кашлемъ. Ты вѣдь совсѣмъ больна, тебѣ бы надо лежать въ постелѣ. Просто я его не приму; можетъ придти въ другой разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Мимь, что ты говоришь?—воскликнула она въ волненіи.—Когда является, наконецъ, счастье!.. Какъ ты только можешь, Мимь. Но нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь! Она встала и съ тревогой смотрѣла на него.

— Богъ знаетъ что! Этакій шумъ поднимать изъ-за сущаго пустяка. Не стыдно-ли тебѣ, глупенькая? Пусть себѣ приходитъ.—А скажи, пожалуйста, нашъ карпъ все еще тамъ, въ чану плаваетъ? Сколько же времени онъ будетъ проживать у насъ? Какъ тебѣ кажется, не лучше ли было бы, если-бы онъ лежалъ здѣсь на блюдѣ, подъ хорошимъ соусомъ, вмѣсто этой невозможной баранины. Я ужъ не говорю о себѣ, но и тебѣ было бы очень полезно сѣсть кусочекъ такого карпа.

— Ахъ, нѣтъ, Мимь,—отвѣчала она,—не говори такъ. Я знаю, онъ тебѣ не дастъ покоя, но я, право, не могу. Онъ сталъ совсѣмъ ручной.

— Ты думаешь, онъ сталъ хуже отъ этого?

— Конечно, я не могла бы сѣсть ни кусочка его.

— Ну, а для меня, дорогая моя, совершенно все равно, ручной онъ или нѣтъ. Наше меню далеко не такъ разнообразно, чтобы мы могли спокойно наблюдать, какъ наше лучшее блюдо бесполезно, хотя и пріятно, проводить дни свои въ чану съ водой.

— Какое ты кровожадное животное, Мимь,—сказала Олли.

— Кровожадное! когда я голоденъ! Можешь быть увѣрена, что, если никто изъ васъ этого не сдѣлаетъ, я самъ зажарю этого самонадѣяннаго господина.

— Нѣтъ, Мимь, не надо,—сказала Олли, положивъ голову ему на плечо и ласково проводя рукой по его лысинѣ. Она любила дѣлать это, но ему это не слишкомъ нравилось.—Оставь мнѣ его, Мимь. Оставь мнѣ карпа.

— Хорошо, если ты будешь больше заботиться о томъ, чтобы у насъ было что нибудь порядочное на обѣдъ. Въ первый же разъ, когда подадутъ такую бурду, какъ сегодня, онъ простится съ жизнью.

— Въ первый разъ? — Ну, нѣтъ, Мимь, въ третій разъ! Всегда ужъ надо потерпѣть до третьяго раза.

— Пожалуй, но дальше — ни минуты. Такъ что если завтра, послѣзавтра и еще разъ, тогда простись съ нимъ!

Въ это время вошла кухарка.

— Вы должны теперь какъ можно лучше готовить,—сказала Олли.—Если вы еще три раза приготовите такъ плохо, какъ сегодня, то баринъ зажаритъ самъ себѣ карпа. Такъ ужъ, пожалуйста, постарайтесь. Все должно быть самое лучшее. Понимаете?

— Конечно,—смѣясь сказала кухарка. Ее здѣсь все очень забавляло. Впрочемъ, и эта кухарка поняла уже свою роль въ домѣ.

Послѣ обѣда Гастельмейеръ прилежъ немножко отдохнуть. Олли не давала ему спать, говоря:

— Не дѣлай этого, Мимъ, ты растолстѣешь.

— Развѣ тебѣ это непріятно? — спросилъ онъ. Но ужъ, если растолстѣю, такъ развѣ отъ сна, а ужъ никакъ не отъ ѣды.

— Неужели же тебѣ пріятно было бы растолстѣть?

— Да,—угрюмо произнесъ Гастельмейеръ.—Я хочу жить въ довольствѣ.

— Какое же это довольство, таскать на себѣ жиръ!

— Мнѣ нравится.

— Ну, а я не хочу толстаго мужа!

Она взяла его за ногу и хотѣла стащить съ дивана.

— Будетъ тебѣ, егоза!—вскричалъ онъ.

Она продолжала возиться, стараясь всѣми силами стащить его съ дивана, наконецъ, она закашлялась, и голосъ ея опять приобрѣлъ хриплый звукъ. Щеки у нея пылали.

— Да будетъ же, Олли, ты, правда, совсѣмъ больна!—сказалъ онъ. Но она, какъ распалившійся ребенокъ, не отставала и всячески тормошила его.

— Этакая бочка,—сказала она.

— Фу, Олли!

— Право, совершенная бочка.

Ему совсѣмъ не по вкусу была вся эта глупая возня послѣ обѣда. Но эта прелестная женщина, почти ребенокъ—его жена! Ей приходили въ голову самыя невѣроятныя идеи, она дурачила и мучила его всякими способами.

— Какой у тебя голосъ!—сказалъ онъ, — хриплый, какъ у вороны.

— Неужели?—съ испугомъ спросила она. Правда, Мимъ? Можетъ быть мнѣ нельзя и показаться съ нимъ.

— Ага! Такъ отказать ему?

— Нѣтъ, нѣтъ, Мимъ! Нельзя отталкивать свое счастье. Но, какъ глупо, Мимъ, что у меня именно сегодня такой голосъ. Во всемъ мнѣ несчастье! И это всегда такъ было.

Всегда, когда у меня бывала какаянибудь радость, чтонибудь да случалось, что мнѣ мѣшало, какаянибудь простуда, насморкъ. Неужели тутъ ничѣмъ нельзя помочь?

— Успокойся немножко, это самое лучшее.

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда голосъ совсѣмъ пропадетъ, и слова не скажешь!

— Боже ты мой, вѣдь вотъ женщина!

— Постой, Мимъ, я знаю, что сдѣлать. — Она побѣжала и черезъ минуту вернулась съ палитрой и кистью. Она стала за его спиной.

— Ну, кажется, она, наконецъ, успокоилась, теперь будетъ работать,—подумалъ онъ, укладываваясь поудобнѣе. Вдругъ онъ почувствовалъ какое-то странное, пріятное ощущеніе на своей лысинѣ. Но что могло бы быть пріятно его лысинѣ, кромѣ роста новыхъ волосъ?

— Олли, что ты дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Я рисую тебѣ волосы, прекрасные волосы!—сказала она.

Онъ окончательно вышелъ изъ терпѣнія. «Для нея, кажется, нѣтъ ничего святого въ мірѣ», пробормоталъ онъ, вставая, и вышелъ изъ комнаты. Олли побѣжала за нимъ. Онъ, ворча, укладываваясь на постель, но она не давала ему покоя.

— Мимъ, милый, дорогой, ну не сердись,—она такъ его упрасивала, такъ ласкала и приставала, что онъ, наконецъ, простилъ ее.

— А знаешь, Мимъ, вѣдь у тебя тутъ выше еще есть волоса.

— Олли!—вскричалъ онъ сердито.

— Мимъ, вѣдь онъ единственный человѣкъ въ Мюнхенѣ, у котораго лицо.

— Кто?

— Коппертъ!

— Такъ. Ну, а скажи, пожалуйста, — спросилъ Гастельмейеръ, что же у меня такое, если у него одного лицо.

— Рѣпа, Мимъ.

— Подвинься, пожалуйста, немножко,—сказалъ Гастельмейеръ,—да и поди лучше куданибудь, я спать хочу.—Онъ серьезно разсердился. Но на этотъ разъ она не обратила на это вниманія. Ей пришлось въ голову переодѣться. Но потому что она подумала, что это будетъ глупо и чересчуръ поженски; она хотѣла быть такою, какъ она есть, а не приготовленной нарочно. Кромѣ того, она хорошо знала, что все, что она носила, шло къ ней. Она не могла ни одного дня проносить платья, не подходившаго къ ней. Все, что она носила, было легко, облегалo ея фигуру такъ ловко и естественно, какъ кожа.

ВЫГОДНОЕ ДѢЛО.

Разсказъ.

Мытищевъ пріѣхалъ въ усадьбу Сукноваловой на велосипедѣ. Отъ его имѣнья до усадьбы Сукноваловой всего 15 верстъ, и Мытищевъ любитъ ѣздить туда такимъ образомъ. И скоро, и весело, да и человѣка брать не нужно; велосипедъ можно безъ всякихъ предосторожностей бросить у крыльца.

Мытищевъ такъ и сдѣлалъ. И, щурия глаза, онъ оглядывалъ всю щеголеватую, недавно выстроенную усадьбу Сукноваловой, обильно освѣщенную лучами заходящаго солнца. Усадьба по истинѣ была великолѣпная. Всѣ ея постройки, начиная съ помѣстительнаго о двухъ этажахъ дома, были возведены изъ камня и крыты желѣзомъ. Видѣлся даже кое-какой стиль. Дворъ, обширный и ровный, былъ тщательно выметенъ и посыпанъ желтымъ пескомъ. Все поражало здѣсь блескомъ и чистотою. Усадьба эта выстроена три года тому назадъ, подъ надзоромъ Сукноваловой, жестоко скучавшей въ то время отъ бездѣлья и развлекавшей себя постройками. Это имѣнье приносить ей доходу до девяти тысячъ въ годъ, сама-же Сукновалова считается въ миллионѣ. Она единственная дочь теперь уже умершаго купца Ивана Сукновалова, суконнаго фабриканта, мельника и землевладѣльца. По происхожденію онъ былъ крестьянинъ, но одѣвался европейцемъ. Свои толстые пальцы онъ любилъ украшать дорогими перстнями, а на лѣвой рукѣ носилъ даже браслетъ,—память по своей рано умершей женѣ. Кромѣ того, на носу онъ носилъ синіе очки, впрочемъ по необходимости. Однажды, разглядывая въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ устройство револьвера, онъ нечаянно спустил курокъ; пуля по счастью прошла мимо его носа, и ему только опалило вѣки. Послѣ этого онъ и надѣлъ на носъ синіе очки, и его почему то прозвали въ уѣздѣ Бисмаркомъ, хотя онъ ничего общаго съ желѣзнымъ канцлеромъ не имѣлъ. Впрочемъ, Бисмаркъ этотъ далъ дочери хорошее образованіе. Теперь ей 25 лѣтъ, она еще дѣвушка и живетъ со старухой теткой Аграфеной Михайловной, которую зоветъ «тетенькой незнайкой», такъ какъ она

почти каждую свою фразу начинаетъ словами: «Не знаю ужъ какъ, Аксющенька». Тетушка эта бездѣтная вдова, дама очень полная и рыхлая. Она очень любитъ баню и чай пьетъ съ медомъ, увѣряя, что сахаръ перегоняютъ черезъ собачью кость. Кромѣ этого, она любитъ послушать хорошаго дьякона и ведетъ переписку съ однимъ монахомъ изъ Афонскаго монастыря.

Мытищевъ припомнилъ все это, оглядывая Сукноваловскую усадьбу. И тутъ онъ услышалъ веселый хохотъ на балконѣ. Онъ сразу узналъ голосъ Ксеніи Ивановны и торопливо пошелъ въ садъ, разсчитывая, что вся ихъ компанія уже въ сборѣ и пьетъ на балконѣ чай. У Ксеніи Ивановны Сукноваловой бывали преимущественно мушны и притомъ неженатые, иначе сказать женихи, такъ какъ она считалась самой богатой невѣстой въ уѣздѣ. Мытищевъ шелъ къ балкону. Ему 28 лѣтъ; лицо у него худощавое и красивое, лобъ выпуклый и блѣдный, русые волосы слегка вьются. Сразу видно, что онъ изнѣженъ, избалованъ и... весь въ долгу. И въ походкѣ, и въ костюмѣ, и во всѣхъ его движеніяхъ сквозитъ небрежность, пожалуй, даже кокетливая. И его усы небрежно отпущены книзу, хотя подбородокъ тщательно выбрить. Пожалуй, и концы усовъ онъ растрепалъ умышленно передъ зеркаломъ.

Мытищевъ вошелъ на балконъ. Тамъ уже было нѣсколько человѣкъ—люди хорошо извѣстные Мытищеву. Всѣ группировались вокругъ стола, на которомъ, пуская изъ подъ крышки кудрявый паръ, кипѣлъ самоваръ. Ксенія Ивановна ѣла съ блюдечка земляничное варенье, и ея губы были ярче, чѣмъ всегда. Тетушка Аграфена Михайловна пила съ медомъ чай, поглядывая на всѣхъ своими смѣющимися глазами. Глаза у нея смѣялись постоянно и что-то ужъ очень добродушно. Кромѣ хозяйки и ея тетушки за столомъ сидѣли Борисоглѣбскій, Пальчикъ и Потягаевъ. Всѣ они ближайшіе сосѣди Ксеніи Ивановны. Борисоглѣбскій высокій брюнетъ, молодой и видный. По всему видно, что онъ не дурно поетъ баритономъ и весьма этимъ гордится. И бороду свою онъ подстригаетъ, какъ и всѣ баритоны: не такъ коротко, какъ тенора. Пальчикъ—юноша лѣтъ двадцати двухъ, безъ усовъ и безъ бороды, бѣлокурый и хорошенькій, съ глазами молодой дѣвушки. Одѣтъ онъ во все пестрое. А Потягаевъ челоуѣкъ лѣтъ сорока; онъ очень молчаливъ, и въ уѣздѣ его зовутъ «дудакомъ». Говорять, рѣдко кто слышалъ крикъ этой птицы. Наружностью онъ, что называется ни то, ни се, и о немъ забываютъ тотчасъ же, какъ онъ является. Одѣвается онъ бѣдно, на выборахъ всѣмъ кладетъ направо, а Ксенія Ивановна зоветъ его «гіероглифомъ».

Всѣ гости попивали чай. Ксенія Ивановна, увидѣвъ Мы-

тищева, встала къ нему на встрѣчу. Она очень красивая дѣвушка, нѣсколько полная блондинка съ ясными сѣрыми глазами.

— А я васъ заждалась, Михайло Сергѣичъ,—сказала она съ улыбкой,—мы собираемся кататься на лодкѣ, а я и думаю: неужто безъ Михайла Сергѣича ѣхать?

Она, улыбаясь, подала Мытищеву руку. Голосъ у нея лѣнивый и пѣвучій, а улыбка сердечная и хорошая.

Мытищевъ сталъ здороваться со всѣми, а Ксенія Ивановна опустила на стулъ дождать варенье.

— Что вы такъ долго къ намъ не заглядывали? — спросила она Мытищева, когда тотъ принялъ отъ Аграфены Михайловны свой стаканъ чаю.

— Дѣла-сь,—отвѣчалъ Мытищевъ,—все выгоднаго дѣла искалъ, деньги нужны до зарѣзу.

— Какъ такъ?

— Да развѣ вы не слышали, что мое имѣнье назначено въ продажу? Да-сь. Я вотъ сижу съ вами да балясничаю, а между тѣмъ у меня—«на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга!»

Борисоглѣбскій, ходившій въ это время по балкону, заложивъ въ карманы руки, пропѣлъ баритономъ:

А на лбу роковыя слова:

Продается съ публичнаго торга!

— Какая жалость,—вздыхнула Сукновалова и, обратившись къ Борисоглѣбскому, замѣтила:

— Да будетъ вамъ дудѣть-то!

Борисоглѣбскій, вытянувъ шею, пропѣлъ:

— Do, do, mi, fa...

— Неужто это правда? — съ участіемъ спросила Ксенія Ивановна Мытищева.

— Во истину, — отвѣчалъ тотъ и, махнувъ рукою, добавилъ:

— Да будетъ говорить объ этомъ; я же всегда зналъ, что этимъ окончу свои дни. Скажите-ка лучше, надѣ чѣмъ вы тутъ смѣялись?

Ксенія Ивановна поставила на столъ локти и глянула на Мытищева. Она была въ простомъ холстинковомъ платьѣ, и ея тяжелая золотистая коса лежала просто и красиво на ея головѣ. Внезапно она показалась Мытищеву похожей на сестру милосердія.

— А смѣялись мы вотъ надѣ чѣмъ,—отвѣчала она. Спросила я ради шутки Андрюшу Пальчика, для чего онъ ко мнѣ каждый день ѣздитъ. Неужто, говорю, вы думаете, что я за васъ замужъ пойду? А у него вдругъ слезы въ глазахъ. Я говорю, и радъ не ѣздитъ, да меня мамаша посылаетъ.

Пальчикъ покраснѣлъ, и его глаза опять стали влажны.

— А потомъ,—продолжала Ксенія Ивановна,—онъ намъ сюжетъ своего предполагаемаго разсказа говорилъ.

— Да,—перебилъ ее Пальчикъ,—я и съ вами, Михайло Сергѣичъ, весьма желалъ бы посоветоваться. Для дебюта я хотѣлъ бы написать что-нибудь оригинальное, вотъ я и надумалъ написать разсказъ, гдѣ будетъ только синій цвѣтъ. Онъ будетъ весь выдержанъ въ синемъ тонѣ.

Мытищевъ покосился на Пальчика.

— Что-же, это недурно. Только, надѣюсь, дѣйствіе разсказа происходитъ у васъ на землѣ, а не въ небесахъ и не въ ведрѣ съ синькой?

Пальчикъ двинулся на стулѣ.

— Зачѣмъ-же въ ведрѣ съ синькой! Все описываемое мною происходитъ на полянѣ васильковъ. Понимае

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его Ж.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать

противоположному берегу. Ксенія Ивановна правила рулемъ и напѣвала:

Андрюша Пальчикъ,
Хорошій мальчикъ.

Порою она посматривала на Мытищева и думала:—Я знаю что онъ злой и нехорошій, почему же онъ мнѣ правится? Развѣ злость достоинство? или ужъ мы такъ испорчены, что намъ нравятся только пороки?

Лодка ткнулась въ берегъ. Всѣ вышли и направились въ березовую рощу. Ксенія Ивановна подошла къ Мытищеву.

— Предложите мнѣ вашу руку,—сказала она.

— И сердце?—спросилъ Мытищевъ, насмѣшливо приподнимая брови.

— Нѣтъ, пока только руку,—отвѣчала та.

— Тебя я вольный сынъ эфи-и-ра-а-а,—пропѣлъ Борисоглѣбскій и развелъ руками, слегка выворачивая локти, какъ это дѣлаютъ оперные пѣвцы.

Пальчикъ заспорилъ съ Потягаевымъ, у кого лучше лошади, у Зотова или у Свистунова. Потомъ Мытищевъ разсказалъ, какъ у него два года тому назадъ жила въ кучерахъ баба, скрывавшаяся отъ мужа.

— И знаете, чѣмъ она себя выдала?—говорилъ Мытищевъ.—Пріѣзжаю я какъ-то съ нею на ярмарку. Кучеровъ на ярмаркѣ видимо невидимо. И всѣ кучера, какъ кучера, пріѣхали и по кабакамъ разошлись. А мой кучеръ по краснымъ лавкамъ шляется да ситца щупаетъ. Тутъ ее урядникъ и накрылъ.

Борисоглѣбскій сдержанно разсмѣялся. Потягаевъ и Пальчикъ опять завели споръ о лошадяхъ.

Тѣмъ временемъ Ксенія Ивановна и Мытищевъ отстали отъ всѣхъ.

— Знаете что,—шепнула Ксенія Ивановна своему спутнику,—идемте домой черезъ переходъ.—Тутъ недалеко черезъ рѣчку переходъ есть. Пусть насъ здѣсь поищутъ. Мнѣ ужасно хочется позлить Борисоглѣбскаго.

И она, круто повернувшись, пошла вонъ изъ березовой рощи, къ берегу рѣчки. Мытищевъ послѣдовалъ за нею.

— Правда-ли, что вы очень злы?—спросила его Ксенія Ивановна,—когда они уже скрылись изъ глазъ Борисоглѣбскаго и Потягаева.

— Правда,—отвѣчалъ Мытищевъ.

— На кого-же вы злы: на людей или на судьбу?

— На себя, на себя самого,—отвѣчалъ Мытищевъ какъ-бы съ досадой.

— За что-же вы злитесь на самого себя?

Мытищевъ дернулъ себя за усь.

— А за то, что человѣкъ я не глупый, но ни къ какому труду не способенъ, то есть положительно не способенъ. Я могу умереть подъ знаменемъ, посадить самого себя на колъ, хлпнуть на отчаянно-рискованномъ предпріятіи миллионъ или прожить въ одинъ годъ сто тысячъ, но каждый день вколачивать по одному маленькому гвоздику въ одну и ту-же доску, вотъ на это я швахъ! Тутъ у меня и лѣнь, и апатія, и оскомина! А между тѣмъ вколачиванье каждый день по одному гвоздику и есть самое настоящее дѣло. И только люди, способные на это, обречены на жизнь будущую. А всѣхъ насъ, какъ сорную траву, ввергнуть въ печь огненную. Объ этомъ даже въ писаніи сказано. Такъ каково-же мнѣ-то вотъ сидѣть, сложа ручки, да ждать, когда меня въ печь бросать. Вѣдь у меня тоже какое тамъ ни на есть самообіе въ сердцѣ обрѣтается. А тутъ, вдругъ иди на растопку!

Мытищевъ сердито разсмѣялся.

— Все это хорошо,—сказала Ксенія Ивановна,—но правда-ли, что вы вызывали на дуэль Свистунова, приревновавъ его къ его-же женѣ?

Мытищевъ пожалъ плечами.

— Что это? допросъ?

Ксенія Ивановна продолжала:

— А это не вы прозвали моего батюшку Бисмаркомъ?

— Нѣтъ, я прозвалъ его иначе.

— А всетаки прозвали! За что?

— Какъ за что? Пришелъ онъ въ нашъ уѣздъ тихимъ и смирнымъ манеромъ, пришелъ—и маленькій участокъ земли купилъ. И тотчасъ-же для всѣхъ благодѣтелемъ оказался. Взаимы на право и на лѣво даетъ; деньги дастъ и закладную къ себѣ въ карманъ положить. И на губахъ у него всегда улыбка ласковая блуждаетъ; и говоритъ онъ по просту, безъ затѣй, вмѣсто «прежде» и «въ ту минуту»—«допрежъ» и «въ таю въ минутую». Однимъ словомъ прекрасная русская душа. Ну-съ, и наложила прекрасная русская душа въ бумажникъ свой закладныхъ этихъ самыхъ видимо невидимо. А на насъ въ эту пору машинная лихорадка напала, бельгійскіе глыбодробители, да сѣноворошилки мы выписывали; выписывали мы ихъ и, какъ вамъ это по исторіи государства російскаго извѣстно, въ сарай поломанными запирали. А Иванъ Сукноваловъ въ это время землю кривой сохой пахалъ, да съ своихъ озимей нашихъ телятъ загонялъ. И не успѣли мы оглянуться, какъ и имѣнья наши, и мельницы, и фабрики къ Ивану Сукновалову отошли. Всѣхъ задавилъ.

— Давить-то васъ, стало быть, ничего не стоило,—прошептала Ксенія Ивановна и добавила:

— Зачѣмъ вы рассказали мнѣ все это?

Мытищеву показалось даже, что она начинает блѣднѣть.

— А затѣмъ, чтобы вы знали объ этомъ, — отвѣчалъ онъ. — А давить насъ, дѣйствительно, легко было; мы сами подъ пята къ нему ползли. Должно быть, ужъ такое призваніе наше: у кого нибудь подъ пятой обрѣтаться.

Они замолчали. Вокругъ темнѣло. Только узкая фіолетовая полоска слабо свѣтилась на западѣ. Неподалеку, на тусклой поверхности узкой рѣчки сверкали серебристыя звѣзды. Онѣ покачивались, какъ свѣтящіеся моллюски, и даже можно было видѣть, какъ шевелились ихъ безпокойныя рѣснички. Лѣнивая струя соннаго вѣтра опажнула лицо Ксеніи Ивановны, словно ласкаясь.

— Ксенія Ивановна, ау! — раздалось изъ березовой рощи, и голосъ Борисоглѣбскаго, кокетливо картавя, пропѣлъ:

— Чи-удныя ді-ѣ-вы, ді-ѣ-вы мои...

— Идемте скорѣе, — прошептала Ксенія Ивановна, — насъ ищутъ.

Мытищевъ прибавилъ шагу.

— Кстати, что за человѣкъ Борисоглѣбскій? — спросила его Сукновалова.

— Онъ очень хорошій человѣкъ, — отвѣчалъ Мытищевъ, сердито дергая себя за усь. — Главное мнѣ нравится въ немъ его бережливость. Этотъ не проживется. Онъ очень экономенъ и, хотя всегда носитъ свѣжее бѣлье, но ради экономіи не держитъ у себя въ усадьбѣ ни ночного сторожа, ни собаки. Онъ исполняетъ самъ эти двѣ должности. Выйдетъ ночью на крылечко и сперва по-собачьи полаетъ, — а голосъ у него, сами знаете, звонкій, далеко слышно!.. такъ сперва по-собачьи полаетъ, а потомъ палочка о палочку постукаетъ и закричитъ: — Долой, Волчокъ, чтобъ тебя! — Эдакъ онъ раза три-четыре ночью выйдетъ. Я какъ-то ночью мимо его усадьбы ѣду, а онъ сидитъ на крылечкѣ и лааетъ. Я ему и крикнулъ: — Здравствуйте, Борисоглѣбскій! — Онъ меня за это терпѣть не можетъ: на выборахъ всегда мнѣ черняка кладетъ. А разъ я къ нему ветеринара попросилъ съѣздить. «Заѣзжайте, говорю, къ Борисоглѣбскому; у него Волчекъ кажется бѣситься начинаетъ. Борисоглѣбскій, говорю, чуть не плачетъ». Тотъ и заѣхалъ; про Волчка спрашиваетъ, а Борисоглѣбскій отъ злости губы до крови кусаетъ!

Ксенія Ивановна было расхохоталась, но тотчасъ-же притихла. Они были уже возлѣ рѣчки и перешли ее черезъ деревянный помостъ.

— Ксенія Ивановна, ау! — раздалось изъ березовой рощи.

— Вернемтесь къ нимъ, — проговорилъ Мытищевъ, — а то Пальчикъ расплачется, слышите, у него въ голосѣ слезы.

— А что за человѣкъ Пальчикъ? — спросила Ксенія Ивановна, какъ бы не вполнѣ разслышавъ слова Мытищева.

— Что за человекъ? Вы-же сами недавно изволили прогнать: «Андрюша Пальчикъ, хорошій мальчикъ!» Онъ такой дѣйствительно и есть. Только безобидчивъ ужъ больно. Это какая-то манная каша съ сахаромъ. Мамаша его до сихъ поръ на смиренное мѣсто сажаетъ. И онъ ничего, слушается. Какъ-то я заѣзжаю къ нимъ, а онъ въ уголкѣ на стулѣ сидитъ, и лицо у него печальное-препечальное. Увидѣлъ меня, съ мѣста не встаетъ, а только возится шибко. Я говорю: «здравствуйте, юноша!» и онъ опять на стулѣ возится, а встать не встаетъ. Весь покраснѣлъ, на лбу даже потъ выступилъ, а все сидитъ. Я говорю: «что съ вами, голубчикъ?» а онъ еще пуще крамѣетъ, въ глазахъ слезы и на носу потъ. Тутъ ужъ его мамсенька вошла и съ смирнаго мѣста его отпустила. «Вставай, говоритъ Андрюшенька, видишь, чужіе люди пріѣхали. Только чтобъ въ другой разъ у меня этого не было!» Сказала и пальцемъ ему погрозила. Тутъ онъ всталъ, а за что онъ наказанъ былъ,—не знаю.

— Да вы что? кажется, не вѣрите?—спросилъ Мытищевъ.— Да вѣдь его мамсенька родомъ казачка въ сажень ростомъ. Она и трубку курить. А трубку она люлькой зоветъ. «Глашка, говоритъ, дай-ка мнѣ мою люльку пососать!» А голосъ у нея, какъ у протодьякона, и на подбородкѣ три бородавки, каждая съ семишникъ, и всѣ съ волосами. И когда она въ меланхоліи, то начинаетъ волосы на нихъ покручивать да въ ротъ себѣ забирать. Чисто Тарасъ Бульба какой-нибудь усь своей закусылъ, рѣзать татарву собирается. И вы опять не вѣрите?—да вѣдь она не то что сына, она разъ урядника на пожарѣ избила, да вѣдь какъ стукнула-то, такъ съ ногъ и срѣзала. Тотъ только всталъ, почесался да и говорить: «Эхъ, вотъ кого-бы въ полицмейстеры!» А онъ, нужно вамъ сказать, изъ городскихъ въ урядники-то попалъ. Мужики не даромъ-же ее «безмѣномъ» прозвали.

— И вовсе не мужики прозвали, а вы,—сказала Ксенія Ивановна, слегка улыбаясь.

Мытищевъ дернулъ себя за усь.

— А развѣ это не вѣрно? Она также, какъ инструментъ этотъ при случаѣ обвѣситъ любить.

— А хозяйка она хорошая,—добавилъ онъ, немного помолчавъ,—у нея все въ прокъ идетъ. У нея даже индюки индюшатъ выводить. Да чему вы не вѣрите? Вѣдь она, конечно, не съ голыми руками къ нимъ подходитъ. Индюки, конечно, по лукошкамъ сидѣть не любятъ; они любятъ больше около индюшекъ фуфыриться, вотъ какъ Борисоглѣбскій около дамъ, да она тутъ къ уловкѣ нѣкоторой прибѣгаетъ. Выпроситъ на винокуренномъ заводѣ бражки даромъ да и напоитъ индюковъ пьяными. Такъ пьяными ихъ по лукошкамъ на яйца и раса-

жасть. А тѣ сидятъ пьяные-препьяные, украшенья свои черезъ носъ перевѣсятъ, а дѣтей всетаки выводятъ. Эта баба тоже не проживется.

— Будетъ вамъ шутоваться,—замѣтила Ксенія Ивановна почти грустно.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ Мытищевъ.

— Ау, Ксенія Ивановна!—прилетѣлъ изъ березовой рощи плаксивый возгласъ.

— Ну, манная кашка съ сахаромъ, кажется, сейчасъ разрыдается,—вздыхнулъ Мытищевъ и добавилъ:

— А вѣдь его тоже въ печь ввергнуть. Борисоглѣбскаго не ввергнуть, тотъ приспособится. Тотъ будетъ общественные огороды караулить и самому себѣ «долой!» кричать.

— А какъ вы себя зовете?—спросила Сукновалова, или вы только для другихъ мастеръ на прозвища?

— Себя я зову «На горѣ Увертышъ»,—отвѣчалъ Мытищевъ.

— Это почему?

— Да такъ-съ. Усадьба моя, какъ вамъ извѣстно, на горѣ, и живу я, стало быть, на горѣ, ну и отъ долговъ до сихъ поръ довольно ловко увертывался. Вотъ и выходитъ «на горѣ увертышъ».

Они снова оба притихли.

— Отчего вы не женитесь?—внезапно спросила Мытищева Ксенія Ивановна.

— То есть, какъ это, почему?

— Да такъ. Мнѣ кажется, что, еслибы женились, изъ васъ порядочный человѣкъ могъ выйти. Дѣломъ вы занялись-бы, на службу что-ли поступили-бы. А теперь вы только даромъ явыкъ околачиваете.

Мытищевъ покосился на Сукновалову.

— Благодарю за комплиментъ,—отвѣчалъ онъ.—Да и на комъ жениться? на васъ? но развѣ вы повѣрите мнѣ, если я скажу, что люблю васъ? Вы сейчасъ-же во мнѣ стяжательскія намѣренія заподозрите. А я тоже самолюбивъ немножко. Нѣтъ, жениться не стоитъ.

Ксенія Ивановна шла тихо и смотрѣла куда-то въ бокъ.

— Ну, а если,—проговорила она,—я сама первая скажу вамъ, что люблю васъ?

Мытищевъ пожалъ плечами.

— Если вы скажете это сами, такъ все равно вы заподозрите искренность моего отвѣта и хищническія попользованія мнѣ припишете. Нѣтъ, между нами пропасть лежитъ, Ксенія Ивановна!

Они еще нѣсколько шаговъ прошли молча. Сукноваловой казалось, что лицо Мытищева блѣднѣетъ и становится печаль-

нымъ. Онъ замѣтно похорошѣлъ. Она все замедляла и замедляла шаги. Усадьба была уже совсѣмъ близко.

— Какая-же между нами пропасть, Михайло Сергѣичъ?—прошептала Сукновалова.

Мытищевъ дергалъ концы распушенныхъ усовъ, точно сердился.

— А вотъ какая,—заговорилъ онъ, — я запутавшійся въ долгахъ дворянинъ Михайло Мытищевъ, а вы купеческая дочка—милліонерша Ксенія Сукновалова. И если-бы мы даже искренно полюбили другъ-друга и поженились, въ глазахъ многихъ порядочныхъ людей я былъ-бы ни больше ни меньше, какъ Альфонсъ. Да при одной мысли объ этомъ все мое самолюбіе встаетъ на дыбы! Я могу продать родовыя земли, даже фамилію, но тѣло свое и душу... Ахъ, Ксенія Ивановна, мнѣ холодно даже отъ одной мысли, что меня могутъ подозрѣвать въ этомъ!

— Нѣтъ, между нами пропасть!—заклучилъ онъ.

Они двигались среди тихой поляны, окутанной сумерками.

— Вы говорите,—прошептала Сукновалова и запнулась, вы говорите: «я могу продать родовыя земли и даже фамилію». Кромѣ того, вы говорите всегда, что ищете выгоднаго дѣла, чтобъ удержать имѣнье отъ продажи. Такъ, стало быть, еслибы я вамъ предложила, такъ неужели... постойте, у меня голова кружится...

Ксенія Ивановна провела рукою по лбу. Она сильно блѣднѣла; Мытищевъ косился на нее.

— Такъ стало быть,—заговорила она, медленно вытягивая слово за словомъ,—такъ стало быть, если-бы я предложила вамъ женитьбу на себѣ, какъ выгодное дѣло, то вы согласились-бы?

— Я говорю,—продолжала она,—что если-бы тотчасъ-же послѣ свадьбы мы разѣхались въ разныя стороны, и каждый изъ насъ жилъ, какъ ему хочется, то неужели... вообще, приняли-бы вы эти условія, если они, конечно, останутся въ тайнѣ? Вѣдь тогда васъ не сочтутъ за Альфонса, а только... ну, какъ тамъ хотите, такъ и зовите. Вѣдь вы уйдете отъ меня тотчасъ же послѣ обряда.

Она засмѣялась вся блѣдная, но тотчасъ-же оборвала смѣхъ.

— Иначе,—отвѣчалъ Мытищевъ,—вы желаете приобрѣсти у меня фирму?

Ксенія Ивановна шла, потупивъ глаза.

— Какъ хотите, такъ и зовите,—отвѣчала она.

Мытищевъ передернулъ плечами.

— Вѣдь вотъ въ васъ батюшкины то инстинкты и сказались!—началъ онъ черезъ нѣкоторое время. Непремѣнно

вамъ чего нибудь купить хочется, да и купить-то у человѣка запутавшагося. Желательно власть денежекъ опутить. А впрочемъ, такія условія принимаю и фирму свою продаю. Въ этомъ случаѣ меня, по крайней мѣрѣ, мошенничкомъ будутъ считать, а не Альфонсомъ. Свободу чувствъ и образа мыслей я всетаки за собою оставляю. А подлость,—каждый человѣкъ дѣлаетъ подлости, все дѣло въ мѣркѣ.

Онъ опять передернулъ плечами и добавилъ:

— А много-ли вы мнѣ за мою фирму отвалите?

— Все, кромѣ Черниговки и имѣющагося при ней капитала,—сказала Ксенія Ивановна.

Черниговкой называлось имѣнье, гдѣ жила сейчасъ Сукновалова. Тутъ все было «Черниговка»: и усадьба, и рѣчка, и липовая роща на холмѣ, и даже топкая балка въ поймахъ, такъ что Мытищевъ говаривалъ, что эта мѣстность похожа на Ивана Иваныча Иванова.

— Такъ все, кромѣ Черниговки,—повторила Ксенія Ивановна. Она все еще не поднимала глазъ на Мытищева, и казалось ея былъ слабъ, какъ у больной.

— По рукамъ что-ли?—спросила она.

— По рукамъ, отвѣчалъ Мытищевъ.

Они уже были въ усадьбѣ. Ксенія Ивановна послала звать гулявшую за рѣчкой компанію и опустила на балконѣ на стулъ. Мытищевъ похаживалъ по балкону. Онъ все сердился, а Ксенія Ивановна, казалось, была въ возбужденномъ состояніи.

— Такъ вы помните наши условія,—говорила она.

— И вы помните, отвѣчалъ Мытищевъ,—правъ на мою личность вы не имѣете никакихъ. Я продаю фирму, а не отдаюсь въ рабство.

— Я это помню, но вѣдь я тоже могу держать себя, какъ мнѣ будетъ угодно?

— Какъ угодно-съ; я удеру за границу, и если вы заведете себѣ любовника, то у меня будетъ цѣлый гаремъ.

— Великолѣпно. Но до свадьбы я тоже могу дурачиться?

— Сколько хотите.

— И вы не боитесь, что я запачкаю вашу фамилію?

— Нисколько. Есть одинъ способъ запачкать фамилію, отвѣчалъ Мытищевъ,—это сдѣлать при росчеркѣ кляксу. Другихъ способовъ я не знаю.

— Хотя, добавилъ онъ немного помолчавъ, вамъ болѣе удобенъ былъ бы для замужества Потягаевъ. Вѣдь у него золотое сердце, у этого чудака. При подачѣ голосовъ на земскихъ собраніяхъ онъ всегда примыкаетъ къ меньшинству изъ сожалѣнія. Какъ-то я говорю ему: «Зачѣмъ вы это къ мнѣнію Зотова присоединились? вѣдь ихъ всего четыре человѣка вы-

скочило». «Изъ жалости, говорить, Михайло Сергѣичъ; посмотрѣлъ я на нихъ: и всего-то ихъ четверо, да и говорятъ они глупости. Я ужъ къ нимъ въ пятое и пошелъ!» Бѣднякъ и не думаетъ, что онъ обидѣлъ ихъ своей солидарностью съ ними. А дома посмотрите, какъ онъ живетъ. Вѣдь у него три незамужнихъ сестры и четыре тетки. Всѣ доходы его не большіе на нихъ уходятъ, а себѣ онъ во всемъ отказываетъ. Въ купальнѣ при постороннихъ даже раздѣваться стѣсняется: бѣлья многого не хватаетъ. Да, это золотое сердце!

Мытищевъ замолчалъ. Трудно было догадаться, говорить-ли онъ серьезно или шутить. Между тѣмъ на балконъ вошли Пальчикъ, Борисоглѣбскій и Потягаевъ. Они были разсержены шуткой Ксеніи Ивановны всѣ, за исключеніемъ Потягаева, который невозмутимо пробрался въ свой уголъ.

Между тѣмъ Ксенія Ивановна стала упрашивать Борисоглѣбскаго что-нибудь спѣть. Однако, тотъ долго не соглашался; онъ былъ сердитъ на нее. Ксенія Ивановна продолжала упрашивать, хватая его за руки. Внезапно она какъ-будто развеселилась и раскраснѣлась, хотя веселость ея походила на истерику. Она не смотрѣла на Мытищева, но можно было догадаться, что каждый ея жестъ предназначался для него.

Въ концѣ концовъ Борисоглѣбскій размякъ и спѣлъ подъ акомпаниментъ Сукноваловой «Азру» и балладу «Ночной смотръ». Голосъ у него былъ, дѣйствительно, очень не дуренъ, и послѣ пѣнія онъ расхаживалъ по балкону, какъ генераль, выигравшій битву.

— Хорошій у васъ голосъ,—говорила ему Сукновалова, верхнія ноты у васъ одно очарованіе!

Она все еще была взволнована и постоянно вздрагивала плечами.

— А кстати, отозвался изъ своего угла Мытищевъ, какъ поживаетъ вашъ Волчокъ? У него ужасно музыкальный лай; особенно ему удаются верхнія ноты.

Потягаевъ покраснѣлъ, Пальчикъ фыркнулъ, а Ксенія Ивановна продолжала смотрѣть куда-то въ бокъ, какъ-бы не замѣчая и не слыша Мытищева.

Борисоглѣбскій повернулся къ Мытищеву.

— Мой Волчокъ, отвѣчалъ онъ, живъ и здоровъ. Это очень благонравная собака и не кусаетъ людей ни за что, ни прочто.

— Оржаная каша сама себя хвалить,—буркнулъ себѣ подъ усы Мытищевъ.

— Это уже не остроумно, а просто глупо, проговорила Ксенія Ивановна, внезапно поблѣднѣвъ. Она какъ-бы съ отвращеніемъ передернула плечами и скороговоркой добавила:

— Ахъ, господа, я и забыла сказать вамъ, что я выхожу замужъ за господина Мытищева.

И прежде, чѣмъ ей успѣли принести поздравленія, она увлекла съ балкона Борисоглѣбскаго, упрасивъ его спѣть «Ночи безумныя». Она была въ какомъ-то экстазѣ. Мытищевъ, блѣднѣя, покуривалъ свою сигару.

Вскорѣ она вернулась на балконъ вмѣстѣ съ Борисоглѣбскимъ. Онъ велъ ее подъ руку, а она что-то говорила ему на ухо вся покраснѣвшая, какъ-бы въ опьяненіи. Борисоглѣбскій громко хохоталъ, запрокидывая голову и выставляя кадыкъ. Мытищевъ точно ежился отъ озноба. Пальчикъ и Потягаевъ съ недоумѣніемъ поглядывали на всѣхъ. Между тѣмъ Сукновалова и Борисоглѣбскій сѣли рядомъ; онъ что-то нашептывалъ ей на ухо, а она хохотала, и въ ея смѣхъ слышалась злость. Потомъ она что-то шепнула ему на ухо, и тотъ, какъ-бы въ отвѣтъ на ея слова, поймалъ ея руки и сталъ поочередно цѣловать ихъ.

Тогда Мытищевъ всталъ и медленно двинулся къ нимъ; онъ былъ блѣднѣй полотна и съ трудомъ волочилъ ноги. Ксенія Ивановна поняла, что у него разрывается отъ бѣшенства сердце, и ея лицо освѣтилось торжествомъ и злостью. Борисоглѣбскій, увидѣвъ Мытищева, отодвинулся отъ нея, и это ее окончательно взорвало. Она крикнула ему:

— Не бойтесь его! По условію онъ не имѣетъ никакого права ревновать меня; я могу дѣлать все, что мнѣ угодно!

— Вы не смѣете!.. крикнула она Мытищеву.

Мытищевъ стоялъ передъ нею, мѣрая ее съ головы до ногъ. Ксенія Ивановна замѣтила, что пальцы его рукъ дрожали, между тѣмъ какъ его взглядъ былъ дерзокъ до наглости.

— Вы не смѣете,—вызывающе повторяла она, содрогаясь всѣмъ тѣломъ.

Взглядъ Мытищева точно подзадоривалъ ее. Она перевела духъ, точно собираясь съ силами.

— Отецъ мой,—наконецъ выговорила она,—отецъ мой скупалъ ваши земли, а я покупаю васъ самихъ!

Мытищевъ все смотрѣлъ на нее; оно точно устать, и его взоръ уже потухъ.

— Все это справедливо, съ трудомъ выговорилъ онъ, все это совершенно справедливо, но я отказываюсь отъ этой сдѣлки. Не могу-съ! Что дѣлать, дрянъ-человѣчишка, не выдержалъ, силъ не хватило; выше головы хотѣлъ прыгнуть! Ну, а вы молодцомъ, силища! И папашу вашего перещеголяли, съ чѣмъ васъ отъ души поздравляю!

Онъ хотѣлъ еще что-то добавить, но махнулъ рукой и надѣлъ шляпу. И все такъ же съ трудомъ волоча ноги, онъ

сошелъ съ балкона въ аллею. Тамъ онъ на минуту остановился и, повернувшись къ балкону, проговорилъ:

— Господинъ Борисоглѣбскій, я, кажется, назвалъ васъ «Волчкомъ» или чѣмъ-то въ родѣ этого, такъ вѣдь адресъ мой вы знаете!

Онъ двинулся аллеей.

— Постойте, крикнула ему Ксенія Ивановна, постойте, Михайло Сергѣичъ! надо-же разоблачить нашу шутку! Ея лицо выражало ужасъ. Мытищевъ, не оборачиваясь, стоялъ и ждалъ.

— Господа,—проговорила Ксенія Ивановна, трепеща всѣмъ тѣломъ,—господа, я солгала. Михайло Сергѣичъ не дѣлалъ мнѣ предложенія; это я сдѣлала ему предложеніе, и онъ мнѣ отказалъ. Господи, куда уйти отъ срама! Она всхлипнула и поднесла руку къ глазамъ. Мытищевъ стоялъ и слушалъ, не поворачиваясь.

— Господа, продолжала она, это было вчера, да вчера, а сегодня, сегодня мнѣ сдѣлалъ предложеніе Андрюша Пальчикъ, и я согласилась. Не правда-ли, Андрюша? Да что-же вы молчите, наконецъ?

Пальчикъ смотрѣлъ на нее изумленными, какъ у ребенка, глазами.

— Правда, отвѣчалъ онъ, краснѣя.

— Черезъ недѣлю и свадьба должна быть,—проговорила Ксенія Ивановна, не правда-ли Андрюша? да что-же вы молчите, Господи!

— Да, правда,—отвѣчалъ Пальчикъ и снова покраснѣлъ. Борисоглѣбскій надменно улыбнулся. Мытищевъ двинулся аллеей.

— Михайло Сергѣичъ,—крикнула Ксенія Ивановна, куда-же вы? Михайло Сергѣичъ, вернитесь на минутку!

Она подбѣжала къ периламъ балкона и, опираясь на нихъ руками, заглядывала въ глубину сада, какъ-бы ожидая отвѣта. Мытищевъ скрылся во тьмѣ. А она все еще стояла и ждала чего-го съ горящими глазами. Наконецъ, она оторвалась отъ перилъ; лицо ея было блѣдно; Потягаеву показалось даже, что у нея подкашиваются ноги; онъ придвинулъ ей стулъ.

— Ушелъ,—прошептала она, какъ-бы обращаясь ко всѣмъ. Она опустила на стулъ и растерянно улыбнулась.

— Что, бишь, я еще сказать хотѣла?

Она потерла себѣ лобъ и опять растерянно улыбнулась. Нѣсколько минутъ она точно что-то припоминала.

— Плохи дѣла Мытищева, внезапно сказалъ Борисоглѣбскій, теперь его имѣнье съ торговъ пойдетъ. Денегъ онъ нигдѣ не достанетъ.

— Дядя заплатить проценты,—отозвался Пальчикъ, у него дядя весьма богатый человекъ и часто за него платить.

— Вотъ дядю за глаза ругаетъ,—замѣтилъ Борисоглѣбскій, а подачки отъ него беретъ. Ловкій паренъ этотъ Мытищевъ.

Ксенія Ивановна оглянулась на него, усталая и разбитая.

— Во-первыхъ, Мытищевъ ругаетъ дядю и въ глаза, и за глаза, сказала она.— А во вторыхъ, дядя платитъ за него въ банкъ, потому что дорожить родовымъ имѣньемъ. Ему жаль не племянника, а имѣнье.

Борисоглѣбскій качнулъ головой.

— Нѣтъ, Мытищевъ храбръ только на словахъ.

— Однако онъ васъ обругалъ, а вѣдь вы на дуэль его не—вызовете? замѣтила Ксенія Ивановна.

Борисоглѣбскій всталъ, отыскалъ свою шляпу и, сухо откланявшись, исчезъ съ балкона.

— А теперь,—проговорила Ксенія Ивановна, обращаясь къ Потягаеву и Пальчику,—я попросила-бы васъ оставить меня одну. Я устала, и мнѣ хочется спать. Я ужасно устала.

Потягаевъ и Пальчикъ встали. Пальчикъ хотѣлъ было на прощаньи поцѣловать руку Ксеніи Ивановны, но та сказала: — Нѣтъ ужъ до слѣдующаго раза, и добавила:—Какъ вамъ не стыдно врать? развѣ вы дѣлали мнѣ предложеніе?

Пальчикъ сконфузился, а Потягаевъ сказалъ:

— Вотъ и у насъ въ контрольной палатѣ, когда я служилъ тамъ, былъ подобный-же случай. Одна невѣста отказала жениху, нашему чиновнику, а тотъ взялъ да и застрѣлился. Пуля вошла сюда, показалъ онъ на свой лобъ и, повернувшись затылкомъ, добавилъ:

— А вышла отсюда.

— Да неужто-же, «гіероглифъ»?

Ксенія Ивановна устало улыбунулась и вошла въ домъ. Она прошла къ себѣ въ спальню и, быстро раздѣвшись, легла въ постель. Тяжелыя гардины на окнахъ были спущены; въ комнатѣ горѣлъ китайскій фонарикъ. Ксенія Ивановна хотѣла было позвать горничную, но передумала и лежала, поставивъ локти на подушки и подперевъ руками голову. Ей было тяжело и скверно. О бракѣ съ Пальчикомъ она не думала серьезно; впрочемъ, если Мытищевъ ее не любитъ, не все-ли равно, за кого ни выйти? Больше всего ее оскорбляло презрѣніе Мытищева.

Ксенія Ивановна подняла голову. Въ комнату вошла Аграфена Михайловна.

— А я къ тебѣ,—сказала она съ обычной улыбкой,—вечеромъ-то я все въ кухнѣ сидѣла, съ странницей проходящей разговаривала, а сейчасъ Кондратъ съ почты письмо мнѣ при-

везъ; съ Афона письмо-то, отъ монаха моего. Духовный стишокъ, святая душа, мнѣ писать, убогой вдовицей меня въ стишкѣ называетъ.

По всему, съ двойнымъ подбородкомъ, лицу Аграфены Михайловны прошло свѣтлое облако.

— Нужно будетъ святой душѣ двѣ красненькихъ бумажки послать,—добавила она.

Ксенія Ивановна вдругъ расплакалась и потянулась къ ней обѣими руками.

— Тяжко мнѣ, тетуська!

Аграфена Михайловна опустила къ ней на свѣжее бѣлье постели. Ксенія Ивановна плакала, уткнувшись къ ней въ колѣни.

Ея лицо внезапно стало похоже на лицо красивой крестьянской дѣвушки. Въ короткихъ словахъ она передала теткѣ, какъ больно ее обидѣлъ Мытищевъ. Она прижималась лицомъ къ пухлымъ колѣнямъ тетки и безпомощно всхлипывала.

За окномъ спальни послышался сдержанный капелъ.

— И, родимущка, — говорила Аграфена Михайловна, — выходи, право, за Пальчика, Пальчикъ мужемъ хорошимъ будетъ. Наша сестра много черезъ побои страдаетъ, а этотъ правомъ тихъ.

Она долго бесѣдовала съ племянницей на эту тему и затѣмъ, благословивъ и поцѣловавъ ее, ушла къ себѣ.

— Ксенія Ивановна, — раздался подъ окномъ голосъ Потягаева, — дозвольте поговорить съ вами одну минуточку.

Ксенія Ивановна, завернувшись въ одѣяло, подошла къ окну. Она слегка раздвинула гардины, просунула голову и одну руку и, распахнувъ окно, увидѣла фигуру Потягаева, всю залитую луннымъ свѣтомъ.

— Вы дѣйствительно выходите замужъ за Пальчика? — спросилъ онъ ее.

Ночная прохлада ласково коснулась лица Ксеніи Ивановны, опанула ее всю и затопила собою комнату.

— Ну, а если-бы такъ, — отвѣчала она.

— Стало быть мнѣ надѣяться ужъ нечего? А то, вы знаете, при постоянныхъ отлучкахъ могутъ быть упущенія по хозяйству.

Потягаевъ вздохнулъ и замялся.

— Можете не надѣяться, — отвѣчала Ксенія Ивановна, кутаясь въ одѣяло, — а бывать, у меня бывайте, хоть изрѣдка. Вѣдь вы добрый? вѣдь вы очень добрый?

Ксеніи Ивановнѣ показалось, что у Потягаева задрожали губы.

— Вѣдь вамъ меня жалко? — повторила она.

Потягаевъ хотѣлъ что-то сказать, но заморгалъ глазами,

махнулъ рукою и, тяжело вздыхая, пошелъ отъ окна. Онъ даже, какъ будто, спотыкался.

«Вѣдь вотъ золотое сердце,—думала Ксенія Ивановна, укладываясь въ постель,—а глупъ, непроходимо глупъ. Ахъ, какая тоска! Съ умными нехорошо, — обидять, а съ глупыми скучно»!

• Ал. Будищевъ.

Человѣкъ.

I.

Природа говорить: «Пускай ты царь творенья—
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ, въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты властитель мой?
«Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ?
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ?
«Глупецъ! я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты моихъ смиреннѣйшихъ псовъ.
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ-городовъ!
«Я выплюю грозный моръ съ его сестрой-войною,
Цвѣтуція поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну солнце мглою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!
«Повѣрь, мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ надеждъ. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ. Ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага, ни добра нѣтъ для меня, ни зла.
«Въ побѣдномъ шествіи къ невѣдомой святинѣ
Не знаю цѣли я, начала иль конца;
Рождаю и топчу безъ гнѣва и гордыни
Слона и червяка, глупца и мудреца.
«Живи-жь, какъ все живетъ! Минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!»

II.

Такъ въ вихрѣ, въ молніяхъ, въ грозѣ стихій Природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ: «свобода!»
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:

«Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,—
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
«Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь!
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Цѣпами ты мой трупъ холодный окуешь.
«Мертва ты и слѣпа въ своей красѣ суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу,—погибни, тьма!
«Скажу: зажгись, разсвѣтъ! Взойди адемъ въ пустынь,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!»

П. Я.

Поэтъ-ветеранъ.

Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго. Въ пяти томахъ.
Спб. 1896 г.

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.
Некрасовъ.

I.

Никто въ началѣ не рѣшитъ,—
Въ годъ или два поэтъ истратитъ
Свои сокровища, иль хватить
Даровъ его на много лѣтъ.
Лукавый недоверчивъ свѣтъ...
Но если чуетъ онъ богатство
Неустойчивое, тогда
Безплодны зависть и вражда:
Поэтъ богачъ,—не знаетъ рабства
И вѣкъ обычнаго суда.

Такъ говоритъ, въ пьесѣ г. Полонскаго «Разговоръ», одинъ литературный критикъ. Намъ хочется немного поспорить съ этимъ критикомъ. Замѣтимъ прежде всего, что нѣтъ и не бывало такихъ поетовъ-богачей, которые бы стояли «вѣкъ обычнаго суда». Совершенно наоборотъ: чѣмъ богаче поэтъ, тѣмъ болѣе онъ подвергается *обычному суду*, т. е. суду критики—это до того очевидно, что не нуждается въ доказательствахъ. Затѣмъ, очень рискованно измѣрять богатство поэта его литературною продуктивностью, а въ особенности числомъ лѣтъ его дѣятельности. Можно, пожалуй, это, но, какъ говорится, можно да осторожно. Если Богъ далъ вѣку, то отчего же поэту не писать хотя бы пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ подрядъ? И если при этомъ поэтъ обладаетъ усердіемъ, то отчего ему не написать соответственное число томовъ? Вопросъ о *богатствѣ* поэта, все таки, еще этимъ не разрѣшается. Всякій школьникъ со-считаетъ, что обладатель милліона грошей бѣднѣе, нежели владѣлецъ тысячи имперіаловъ.

Вотъ пока и все, что мы хотѣли возразить «критику», изображенному г. Полонскимъ. Хитрить мы не желаемъ и потому скажемъ

безъ обиняковъ, что наши возраженія «критику» направлены собственно по адресу самого г. Полонскаго. Дѣло въ томъ, что г. Полонскому хватило его даровъ на очень много лѣтъ: онъ началъ писать съ 1840 года и благополучно продолжаетъ писать до сего времени—періодъ времени не маленькій. Изъ этого однако совсѣмъ не слѣдуетъ, что г. Полонскій «поэтъ-богачъ», какъ полагаетъ его легкомысленный «критикъ», точно также какъ Лермонтовъ, поработавшій настоящимъ образомъ всего какихъ нибудь 3—4 года отнюдь не поэтъ-бѣднякъ. «Неистощимое богатство» г. Полонскаго оказалось дѣйствительно неистощимымъ, но не потому, что оно было очень велико, а потому, что растрчивалось съ самою благоразумною экономіей: по небольшому томику въ десять лѣтъ. Съ такою умѣренностью во сто лѣтъ не разворишься, не испишешься, даже при очень небольшомъ основномъ фондѣ. Однако—спѣшимъ оговориться—читатель впалъ бы въ самую жестокую несправедливость, если бы нашу метафору насчетъ милліона *грошей* цѣликомъ примѣнилъ къ г. Полонскому. Въ сокровищницѣ г. Полонскаго, конечно, есть и гроши, но ихъ такъ же мало, какъ и имперіаловъ, а наполнена она большею частью четвертаками и полтинниками стараго чекана... Что мы этимъ хотимъ сказать? Да только то, что сказано о г. Полонскомъ болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ: «г. Полонскій обладаетъ въ нѣкоторой степени тѣмъ, что можно назвать чистымъ элементомъ поэзіи и безъ чего никакія умныя и глубокія мысли, никакая ученость не сдѣлаютъ человека поэтомъ». Вотъ именно, именно: г. Полонскій—поэтъ, поэтъ истинный, несомнѣнный, неподдѣльный. Но все таки онъ—поэтъ только въ *нѣкоторой степени*. Чего же ему не достаетъ?

Цитированныя выше слова принадлежатъ Бѣлинскому. Написавъ ихъ, Бѣлинскій продолжаетъ: «Но и одного этого (т. е. обладанія чистымъ элементомъ поэзіи) также еще слишкомъ мало, чтобы въ наше время заставить говорить о себѣ, какъ о поэтѣ. Знаемъ, знаемъ, скажутъ многіе: нужно еще направленіе, нужны идеи! Такъ, господа, вы правы; но не вполнѣ: главное и трудное дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы имѣть направленіе и идеи, а въ томъ, чтобы не выборъ, не усиліе, не стремленіе, а прежде всего сама натура поэта была непосредственнымъ источникомъ его направленія и его идей. Еслибъ сказали Лермонтову о значеніи его направленія и идей,—онъ, вѣроятно, многому удивился бы и даже не всему повѣрилъ; и не мудрено: его направленіе, его идеи были—онъ самъ, его собственная личность, и потому онъ часто высказывалъ великое чувство, высокую мысль, въ полной увѣренности, что онъ не сказалъ ничего особеннаго».

Бѣлинскій писалъ это, имѣя передъ собой едва десятую часть того матерьяла, которымъ обладаемъ теперь мы для сужденія о г. Полонскомъ. Г. Полонскій высказался вполнѣ, и мы можемъ теперь сказать вотъ что: требованіе Бѣлинскаго отъ поэта не усиливаться, не намѣряться, не выбирать, а спокойно отдаваться

непосредственнымъ влеченіямъ своей натуры—это требованіе исполнено г. Полонскимъ самымъ блистательнымъ образомъ. Два основныя качества г. Полонскаго (чудеснѣйшія два, и стоятъ на-шихъ всѣхъ) это искренность и доброжелательность. Чего же ему не достаетъ? спросимъ еще разъ. Не достаетъ самостоятельности и устойчивости, не достаетъ, говоря общѣе и короче, именно той натуры, которой Бѣлинскій совѣтуетъ непосредственно отдаваться. Поэтъ безъ натуры! Не такая ли же это бессмыслица, какъ и сказочный человѣкъ безъ тѣни? Нѣтъ, это не бессмыслица. Всѣ мы очень хорошо понимаемъ выраженіе «безхарактерный человѣкъ»: почему же мы затруднимся передъ понятіемъ или выраженіемъ—«безхарактерный талантъ»? Талантъ г. Полонскаго не подлежитъ ни для кого сомнѣнію: онъ чувствуется въ самомажѣйшей вещичкѣ, написанной г. Полонскимъ. Но сущность этого таланта почти неуловима. *Искренность и доброжелательность*, сказали мы о талантѣ или о *натурѣ* таланта г. Полонскаго, но что же это за характеристика? Такіе нравственные признаки столь же мало выразительны, какъ и паспортные физическіе признаки—чистое лицо, сѣрые глаза, умѣренный носъ. И это нисколько не наша вина, а вина (если тутъ есть вина) самого г. Полонскаго, потому что и всѣ другіе его критики, начиная съ Бѣлинскаго и кончая г. Евгеніемъ Гаршинымъ, ничего иного о немъ не сказали, кромѣ того, что онъ—талантъ, искренній, милый, симпатичный талантъ. А дальше что? А дальше ничего: *направленіе* г. Полонскаго состоитъ въ отсутствіи направленій или, что одно и то же, въ присутствіи почти всѣхъ возможныхъ направленій,—вотъ прямо высказываемое или только подразумеваемое резюме всѣхъ критическихъ разсужденій о г. Полонскомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, о г. Полонскомъ можно сказать то, что сказалъ Левъ Толстой о своемъ Каратаевѣ: «часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то и другое было справедливо». Если въ этой фразѣ слово «справедливо» замѣнить словомъ «искренно», то характеристика будетъ совсѣмъ вѣрна. Дѣло въ томъ, что г. Полонскій поэтъ не какихъ нибудь идей и идеаловъ, а поэтъ душевныхъ настроеній и расположеній. Дурное расположеніе духа и хорошее расположеніе духа—это элементарныя, всѣмъ по собственному опыту извѣстныя психическія состоянія. Встали вы съ постели, какъ говорится, лѣвой ногой («желудокъ не въ порядкѣ»—замѣтить тутъ какой нибудь грубый матеріалистъ), и вотъ вашъ день испорченъ и для васъ, и для окружающихъ: вы попикируетесь съ своей супругой, сдѣлаете желчное замѣчаніе прислугѣ, распечете на службѣ ни за что ни про что своихъ подчиненныхъ, нагрубите своему начальнику. Ничего, бѣды нѣтъ: завтра вы встанете правой ногой («хорошо выспался», замѣтить тотъ же матеріалистъ) и съ супругой будете нѣжны, съ прислугой ласковы, съ подчиненными обходительны, съ начальни-

комъ почтительны. Все это забудется, пройдетъ безслѣдно, потому что... потому что вы не обладаете талантомъ г. Полонскаго. Какъ человѣкъ обыкновенный, вы сорвете сердце на супругъ и на прислугъ, а г. Полонскій, какъ поэтъ, фиксируетъ и увѣковѣчить свое дурное расположеніе духа въ прекрасномъ стихотвореніи, въ которомъ даже намека не будетъ о неисправности желудка и о тяжести въ головѣ—фи!—а будетъ рѣчь или о глухихъ прогрессистахъ, или, вообще о черствыхъ сердцахъ людей. Такъ какъ г. Полонскій (дай Богъ ему и впредь добраго здоровья!) большею частью находится въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, то и сердитыхъ, ворчливыхъ, хмурыхъ стихотвореній у него мало, а въ большинствѣ случаевъ его произведенія отличаются самымъ благодушнымъ характеромъ. Впрочемъ, у него все есть: есть стихотворенія бодрныя, унылыя, веселыя, грустныя, томныя, задумчивыя, страстныя, меланхолическія, сердитыя, негодующія, сострадающія, проклинающія, благословляющія и т. д. Еще бы! Доживши до маститой старости, человѣкъ волей-неволей пройдетъ черезъ всю гамму возможныхъ ощущеній и настроеній, а такъ какъ г. Полонскій человѣкъ не простой, а одаренный особой чуткостью и впечатлительностью, то онъ переиспыталъ и выразилъ не только всѣ душевныя настроенія, но и оттѣнки настроеній. И въ этомъ состоитъ содержаніе всѣхъ пяти томовъ поэтическихъ произведеній г. Полонскаго.

Мы готовы совершенно серьезно, безъ всякой ироніи, поздравить съ этимъ и самого поэта, и его многочисленныхъ читателей и почитателей. На нѣтъ и суда нѣтъ, и надо умѣть пользоваться тѣмъ, что намъ отъ чистаго сердца предлагаютъ. Г. Полонскій не изъ тѣхъ властныхъ поэтовъ, которые увлекаютъ насъ за собой, хотимъ ли мы того или не хотимъ, которые сердца волнуютъ, мучатъ, какъ своеправныя чародѣи, внушаютъ намъ свои идеи, заставляютъ насъ радоваться *своими* радостями и страдать *своими* страданіями. Его роль другая, гораздо болѣе скромная, но все таки благодарная: г. Полонскій—всеобщій конфидентъ, не поэтъ-властелинъ, поэтъ-пророкъ, поэтъ-деспотъ, а поэтъ—другъ, нѣжный, кроткій другъ, который и посмѣется, и поплачетъ, и погруститъ, и порадуется, и даже—если вы молоды—пошалитъ съ вами. Вотъ вы, напр., читатель, чѣмъ то, кажется, разстроены и возмущены. Что съ вами? «Что со мной! Но это не жизнь, а мука-мученская, не люди, а деревянные манекены какіе то!» Да, да!

Какая жизнь! о, Боже мой!
 Какіе страшные пигмеи!
 Добро бъ глупцы, добро бъ злодѣи
 Неотразимою враждой
 Меня терзали! Нѣтъ! съ глупцами
 Я бъ тратить словъ не сталъ; съ врагами
 Я бъ вышелъ на открытый бой.
 Но какъ бороться съ пустотой
 Полуслѣпой, полуглухой,

Которая мутить и кружить?
Какая жизнь! Какой хаосъ!

Вотъ это самое я и говорю, скажетъ читатель, успокаиваясь. А вы, молодой читатель, отчего такъ невнимательны, взволнованы и безпрестанно поглядываете на окно противоположнаго дома? Знаемъ мы, знаемъ, знаемъ съ г. Полонскимъ, въ чемъ дѣло:

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!
Выходи жъ ко мнѣ навстрѣчу!
Съ жаждой подбѣуя,
Къ сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

А вы, другой молодой читатель, о чемъ такъ глубоко и даже скорбно задумались среди своихъ фоліантовъ? Думайте, думайте—
«думы съ вѣтромъ носятся, вѣтра не догнать» — но не теряйте бодрости:

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.
Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и только при немъ
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Наконецъ, вы, читательница, о чемъ вы грустите? Отчего вы такъ уныло бродите по своей комнатѣ, и голова ваша опущена, и на глазахъ у васъ слезы?

Что за жизнь у меня!—И тѣсна, и темна,
И скучна моя горница; дуетъ въ окно....
За окошкомъ растетъ только вишня одна
Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна
И, быть можетъ, погибла давно....
Что за жизнь! Полинялъ пестрый пологъ цвѣтъ,
Я больная брожу и не їду къ роднымъ;
Побранить меня некому,—милаго нѣтъ....
Лишь старуха ворчить...

И такъ далѣе. Этими четырьмя примѣрами (взятыми нами только изъ *одного*, перваго тома, а вѣдь всѣхъ томовъ *пять*) мы и ограничимся. Идите къ г. Полонскому всѣ вы, такъ или иначе задѣтые жизнью, въ особенности со стороны чувства, всѣ вы, влюбленные, оставленные, хандрящіе, тоскующіе, воспоминающіе, сомнѣвающіеся: всѣхъ васъ приголубитъ отзывчивый поэтъ, никого не укоритъ и не обидитъ, всякаго пойметъ и утѣшитъ. «Да въ чемъ же тутъ утѣшеніе-то?» воскликнетъ иной желчный читатель. Какъ въ чемъ? Именно въ раздѣленіи чувства и заключается вся отрада утѣшенія. Раздѣленная радость—двойная радость, раздѣленное горе—полугоре,

это известно всякому, сколько нибудь жившему чувствомъ, человеку. Впрочемъ, мы имѣемъ живое свидѣтельство со стороны насчетъ того утѣшительнаго и успокоительнаго значенія, какое имѣютъ произведенія г. Полонскаго для иныхъ страдающихъ душъ. Вспомните Наташу Ихменеву Достоевскаго изъ романа «Униженные и оскорбленные»: въ тотъ моментъ, когда она поджидала своего безпутнаго Алешу и уже предчувствовала, что близокъ конецъ ея счастью,—мучительную тоску ожиданія она раздѣляла съ Ваней (см. романъ) и... съ г. Полонскимъ. «Какъ это хорошо! Какіе это мучительные стихи, Ваня!» говорила она, декламируя какъ разъ тѣ стихи, которые мы только что цитировали. *Я больная брожу...* эта «больная» какъ тутъ хорошо поставлено! *Побранить меня некому*—сколько нѣжности, нѣги въ этомъ стихѣ и мученій отъ воспоминаній, да еще мученій, которыя самъ вызвалъ да и любуешься ими.... Господи, какъ это хорошо! Какъ это бываетъ!» Такъ восклицала Наташа, и такъ, конечно, восклицали и восклицаютъ всѣ тѣ, которые избрали г. Полонскаго своимъ confidentомъ, т. е. не полѣнились найти въ его произведеніяхъ именно то, которое соотвѣтствовало бы ихъ душевному настроенію. «Господи, какъ это хорошо! Какъ это бываетъ»—это скажутъ всѣ тѣ читатели г. Полонскаго, которые сильно захвачены какимъ нибудь чувствомъ, все равно—радостнымъ или горестнымъ, потому скажутъ, что сердце сердцу вѣсть даетъ. Г. Полонскій пережилъ все или почти все, что они въ данный моментъ переживаютъ, и изобразилъ все это въ очень хорошихъ, искреннихъ стихахъ: читайте и смигчайтесь, согрѣвайтесь сердцемъ. Если вы чувствительны къ музыкѣ и испытали ея вліяніе «въ минуту душевной невзгоды», то значеніе г. Полонскаго для васъ понятно: его поэзія—та же музыка, то бравурная, то меланхолическая, но всегда благозвучная, всегда талантливая.

Ужасно, однако, трудно писать литературный портретъ г. Полонскаго. Вотъ мы сдѣлали общій контуръ его фізіономіи и должны сознаться, что достигли пока только очень отдаленнаго сходства. Мы должны отгнать покрѣпче именно ту черту, что въ своей отзывчивости г. Полонскій очень несамостоятеленъ. Не только тѣ или другія вліянія жизни заставляютъ звучать «лиру» г. Полонскаго, но и вліянія чисто индивидуальныя, такъ что отзывчивость г. Полонскаго нерѣдко переходитъ просто въ подражательность. Приведемъ одинъ, только одинъ, но за то яркій примѣръ. Въ нашей журналистикѣ давно существуетъ недоразумѣніе (къ сожалѣнію, тутъ и моего капля яда есть), въ силу котораго имена трехъ поетовъ—Майкова, Фета и Полонскаго ставятся за одну общую скобку, какъ жрецовъ, такъ называемаго, «чистаго искусства». Оставляя здѣсь г. Майкова въ сторонѣ, попробуемъ сопоставить дарованія Фета и г. Полонскаго. Это совершенно различные таланты. Г. Полонскій не только не чуждается, но разыскиваетъ вліянія и теченія общественной жизни, тогда какъ Фетъ, отмежевавши себѣ область

утонченныхъ ощущеній разнаго рода, въ качествѣ *поэта* (не публициста), не тревожился никакими вопросами и знать ничего не хотѣлъ, кромѣ соловья и розы. Талантъ г. Полонскаго, такимъ образомъ, оказывается гораздо шире и разностороннѣе, нежели талантъ Фета, но вотъ въ чемъ бѣда: талантъ Фета—узкій, но характерный талантъ, съ рѣзко опредѣленными чертами, талантъ г. Полонскаго несравненно болѣе широкій, но безхарактерный талантъ. Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья, и конечно: съ этой позиціи сбить Фета было невозможно; никакія общественныя волненія и даже бури не отвлекли бы его отъ розы. Если бы существовалъ музыкальный инструментъ съ звучною, но *единственною* струною, мы сравнили бы его съ Фетомъ, тогда какъ г. Полонскаго можно сравнить съ воловой арфой, которая не только Эолу послушна, но и звучитъ въ униссонъ со всякимъ другимъ инструментомъ. Такъ это и было у г. Полонскаго съ Фетомъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ, имѣя, слѣдовательно, за плечами *пятьдесятъ лѣтъ* литературной дѣятельности, г. Полонскій посѣтилъ Фета въ его имѣніи. Первымъ плодомъ этого посѣщенія было стихотвореніе «Въ гостяхъ у А. А. Фета», стихотвореніе, доказывающее, что г. Полонскій явился къ пѣвцу розы, настроенный очень саркастически противъ его поэзіи. *Тишею сторою оконной ты ночлегъ мой занавѣсилъ*, говорилъ г. Полонскій, обращаясь къ Фету, *не спрячетъ солнца ласки никакая занавѣска*—чувствуете ли вы тутъ тонкую аллегорію? А дальше идетъ еще рѣшительнѣе:

Уголъ мой для сновъ не тѣсенъ
(Если бъ даже снились боги...)
Чу! меня въ свои чертоги
Кличетъ Муза птичьихъ пѣсенъ.
Но, какъ рабъ иной привычки,
Жажущій иного счастья,
Врядъ ли я приму участіе
Въ этой птичьей переключкѣ!

Муза птичьихъ пѣсенъ—да вѣдь самъ Писаревъ, этотъ неумимѣйшій гонитель фетовской поэзіи, не сумѣлъ бы выразиться язвительнѣе и остроумнѣе! Нѣтъ, ужъ не г. Полонскій будетъ вторить Фету! Онъ жаждетъ иного счастья, иной поэзіи, а розу воспѣвать не станеть! Однако, посмотрите на слѣдующую страницу: на ней помѣщено другое стихотвореніе, которое, какъ и первое, помѣчено «д. Воробьевка» (такъ, должно быть, называлась усадьба Фета), и вотъ это стихотвореніе цѣликомъ:

Зной,—и все въ томительномъ покоѣ,—
Въ патнахъ свѣта тѣни спать въ аллеѣ...
Только чуткой чудится лилеѣ,
Что гроза таится въ этомъ зноѣ.
Блѣдная, понизла у балкона,—
Ждетъ грозы,—и грезится ей, бѣдной,
Что далекой бури призракъ блѣдный
Сталъ темнѣть въ лазури небосклона....

Грезы лѣта кажутся ей былью,—
 Грозъ и бурь она еще не знаетъ,
 Ждетъ... зоветъ... и жутко замираетъ,
 Золотой осыпанная пылью.....

Какая муза — птичьихъ или человѣческихъ пѣсенъ внушила г. Полонскому это стихотвореніе? Поэтъ-хозяинъ поетъ про розу, поэтъ-гость поетъ про лилею—неужто это не та самая «птичья переключка», отъ участія въ которой г. Полонскій только что отказался? Но что прикажете дѣлать! Противъ натуры, говорить, не пойдешь, а противъ отсутствія натуры не пойдешь тѣмъ болѣе. Г. Полонскому довольно было провести въ непосредственномъ общеніи съ Фетомъ нѣсколько дней, чтобы настроиться по его каймертону.

Такихъ, чисто «фетовскихъ» стихотвореній у г. Полонскаго немного, и во всякомъ случаѣ каждому такому стихотворенію можно противопоставить стихотвореніе діаметрально противоположнаго характера: кто чего хочетъ, тотъ у г. Полонскаго того и просить, скажемъ мы еще разъ. Мы не знаемъ напр., кто подразумѣвается подъ инициалами К. Ш. въ стихотвореніи «Въ альбомѣ К. Ш.», но можемъ поручиться, что это не единомышленникъ Фета и не поклонникъ его поэзіи, потому, что въ его «альбомѣ» г. Полонскій написалъ слѣдующія замѣчательныя восемь строкъ:

Писатель, если только онъ
 Волна, а океанъ—Россія,
 Не можетъ быть не возмущенъ,
 Когда возмущена стихія.
 Писатель, если только онъ
 Есть нервъ великаго народа,
 Не можетъ быть не пораженъ,
 Когда поражена свобода.

Неизвѣстному К. Ш. это маленькое, но сильное стихотвореніе навѣрное чрезвычайно понравилось, какъ оно нравится и намъ, но что сказалъ бы о такой ереси Фетъ? Я вовсе не то хочу сказать, что г. Полонскій, вполнѣ обладая стихомъ, сознательно *поддается* подъ разнообразные вкусы своихъ друзей, знакомыхъ и просто читателей: онъ былъ бы въ такомъ случаѣ не поэтъ, тѣмъ болѣе не «искренній», а былъ бы онъ просто жонглеръ стиха и фокусникъ поэзіи. Но г. Полонскій—сама искренность, искренность, подъ которую никакое искусство и мастерство формы не поддается. Дѣло объясняется все тѣмъ же и все такъ же: чрезмѣрною отзывчивостью г. Полонскаго на дуновенія всѣхъ золотъ, бореевъ, аквилоновъ и зефировъ свѣта. Онъ волна, и онъ возмущенъ, онъ—нервъ и онъ пораженъ—и все это вполнѣ искренно. Но если рядомъ съ нимъ становится съ своею монотонною свирѣлью Фетъ, онъ быстро успокаивается, забываетъ объ океанѣ—Россіи и о свободѣ, потерпѣвшей поражение, и все свое вниманіе отдаетъ осыпан-

ной золотой пылью лидеѣ. Онъ не можетъ не вторить солисту, а если солиста по близости нѣтъ, онъ отзывается на всякія случайныя и не случайныя вѣянія и дуновенія. Въ этомъ заключается поэтическая роль г. Полонскаго, и въ этомъ сущность его таланта. Но если нѣтъ по близости солиста, т. е. нѣтъ ничего сильнаго личнаго вліянія и если нѣтъ вѣяній, т. е. нѣтъ въ жизни волнующихъ событій, а есть тишь да гладь, да божья благодать? Ну, тогда умолкаетъ и арфа г. Полонскаго, и въ этомъ обстоятельствѣ заключается объясненіе, почему г. Полонскій написалъ сравнительно такъ немного, и этимъ же объясняется свѣжесть, неистощимость дарованія г. Полонскаго. *Немного*—потому, что жизнь наша—жизнь тихая, безъ большихъ бурь, да и солистовъ въ поэзіи мало и уже давно ихъ у насъ нѣтъ вовсе; *неистощимо*—потому что великое несчастье истощенія можетъ постигнуть только самостоятельное, истинное творчество.

Ничего новаго о г. Полонскомъ мы пока не сказали и лучше всѣхъ это извѣстно самому г. Полонскому. Намъ хотѣлось бы только убѣдить поэта-ветерана, что въ такомъ представленіи критики о немъ нѣтъ для него ничего и обиднаго: *вторить*, конечно, далеко не то же что *творить*, но въ такой же мѣрѣ далеко не то же, что и *перепевать*. Талантъ аккомпаниатора очень почтенный, нужный и не часто встрѣчающійся талантъ. Понять этого г. Полонскому рѣшительно не угодно. Возвращался онъ однажды съ Парнаса, послѣ визита Аполлону и повстрѣчался съ бульдогомъ, который сказалъ ему: «Аполлонъ твой—старый грѣшникъ». Г. Полонскому пройти бы мимо—стоитъ ли съ собакой связываться? Но онъ счелъ нужнымъ вступить въ пререканія:

О, бульдогъ, бульдогъ! сказалъ я,
Чѣмъ тебѣ Парнасъ жѣшаетъ?
Мой Парнасъ есть просто уголь,
Гдѣ свобода обитаетъ,
Гдѣ свободенъ я отъ всякихъ
Ретроградовъ, нигилистовъ,
Отъ властей литературныхъ
И завистливыхъ артистовъ.
Аполлонъ мой—просто старый
Мой настройщикъ—не перуны
Въ міръ онъ мечетъ и не стрѣлы,
А натягиваетъ струны.

Какъ хотите, но эти замѣчанія г. Полонскаго не кажутся намъ ни достаточно опредѣленными, ни достаточно убѣдительными. Неужели свобода состоитъ въ томъ, чтобы удалиться въ уголь настолько глухой и оброшенный, что въ него не долетаютъ даже отзвуки борьбы между крайними и другъ другу враждебными воззрѣніями? Далѣе, неужели назвать Аполлона старымъ настройщикомъ струнъ менѣе обидно для Аполлона, нежели назвать его старымъ грѣшникомъ? Что Аполлонъ веселой Эллады былъ по меньшей мѣрѣ не праведникомъ—это всякому школьнику извѣстно, но чтобы онъ

былъ не болѣе, какъ настройщикомъ струнъ, то это совершенная неправда: перуновъ онъ не металъ, это такъ, но онъ именно металъ стрѣлы изъ своего губительнаго лука, да сверхъ того у него была другая, постоянная обязанность: онъ освѣщалъ и животворилъ міръ яркими лучами своего свѣта. Вотъ каковъ былъ *настоящій* Аполлонъ. Бульдогъ былъ довольно близокъ отъ истины, когда въ отвѣтъ на реплику г. Полонскаго замѣтилъ:

Ну, такъ я же всенародно
Буду лаять, что ты прѣсень,
Что для критики не ясенъ
Смыслъ твоихъ туманныхъ пѣсень.

Это весьма невинное замѣчаніе подѣйствовало на г. Полонскаго чрезвычайно раздражительно, и онъ воскликнулъ:

О, бульдогъ, чужія рѣчи
Ты по дѣтски повторяешь
И ошейника на шеѣ
У себя не замѣчаешь.
Если пѣснь моя туманна,
Значить жизнь еще туманнѣй,
Значить тамъ и зги не видно,
Гдѣ былъ виденъ парусъ ранній.
Если пѣсня, какъ барометръ,
Вамъ не лжетъ насчетъ погоды,
Злитесь вы, зачѣмъ такъ вѣренъ
Этотъ градусникъ свободы.

Бульдогъ отвѣчаетъ на это очень слабо, общими фразами: «ты не нашъ, ты—лирикъ, но второстепенный, классикъ, либераль, эстетикъ». Тѣмъ не менѣе этотъ отвѣтъ такъ разобидѣлъ г. Полонскаго, что онъ «захватилъ его (бульдога) ошейникъ», послѣ чего послѣдовало многоточіе, а послѣ многоточія бульдогъ «пугливыми скачками, жалобно визжа, скрылся за чужими воротами». Такъ-съ, понимаемъ. Вотъ какой легкій способъ раздѣлываться съ неприятными критиками!

Но не въ томъ дѣло. Конечно, можно бы и даже, быть можетъ, стояло бы поговорить объ этомъ эпизодѣ, такъ мало приличествующемъ «незловобивому поэту» и еще менѣе отвѣчающемъ требованіямъ «спокойнаго искусства»—но . . . не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ мы находимъ у г. Полонскаго, въ формѣ шутильной сатиры, едва ли не самую серьезную изъ его самозащиты и самоопредѣленій. Это самоопредѣленіе свидѣтельствуетъ ли о достаточной ясности самосознанія? Разбираемое нами стихотвореніе относится къ семидесятымъ годамъ, т. е. къ такому времени, когда г. Полонскому было ужъ давно пора «познать самого себя»: позади его уже лежало болѣе тридцати лѣтъ литературной дѣятельности. Мы видимъ однако, что г. Полонскій запальчиво оспариваетъ оцѣнку своей поэзіи, представленную нашей литературной критикой, до того запальчиво, что заставляетъ бульдога «по дѣтски повторять чужія рѣчи», т. е. рѣчи нашей критики. Буль-

догъ, какъ мы видѣли, былъ даже побить разсерженнымъ поэтомъ— до того, значить, были дики и глупы его рѣчи. Однако, правъ ли поэтъ въ своемъ негодованіи? Справедлива ли его самооцѣнка? Вотъ эти вопросы мы и попробуемъ сейчасъ рѣшить.

Но... намъ тутъ почти и дѣлать нечего: поставленные нами вопросы рѣшаются, можно сказать, сами собою. Сличите, пожалуйста, по существу содержаніе двухъ приведенныхъ нами отрывковъ, начинающихся обращеніемъ къ бульдогу, и неясность понятій г. Полонскаго обнаружится предъ вами во всей очевидности. Не для критики неясенъ г. Полонскій, а больше всего для самого себя,—вотъ что можно сказать *всенародно*. Въ первомъ отрывкѣ («О, бульдогъ, бульдогъ!») прославляется свобода и во второмъ отрывкѣ («О, бульдогъ») прославляется свобода же, но развѣ въ этихъ отрывкахъ объ одномъ и томъ же говорится? Въ первомъ изъ нихъ восхваляется независимость, которую отрадно ощущаетъ поэтъ, уединившійся въ тихій уголъ, независимость отъ всякихъ партій, отъ литературныхъ властей и отъ зависти соперниковъ. Такая независимость недорогаго стоитъ и представляетъ собой отнюдь не принципъ, не знамя, а всего только личное пріятное ощущеніе. Поэтъ удаляется отъ дразгъ жизни, съ облегченіемъ восклицаетъ «уф!» и мы понимаемъ и даже, пожалуй, сочувствуемъ ему: отчего же и не отдохнуть, въ самомъ дѣлѣ? Но это и все, чѣмъ мы можемъ почтить его. Удаляясь въ «уголъ», въ келью подъ елью, поэтъ перестаетъ быть общественнымъ дѣтелемъ и, стало, быть утрачиваетъ для насъ всякій интересъ. Пусть его бесѣдуетъ съ Аполлономъ, т. е. съ *своимъ* Аполлономъ, не съ Аполлономъ борцомъ и животворцемъ, а со старымъ настройщикомъ Аполлонушкой—что намъ до этой стариковской воркотни, прерываемой быть можетъ только понюшками табачку да жалобами на поясницу? *Перестаетъ быть общественнымъ дѣтелемъ*, говорю я, потому что дѣйствительно въ такомъ свѣтѣ представляетъ г. Полонскій (въ *первомъ* отрывкѣ) своего поэта: вѣдь онъ, этотъ поэтъ, удаляется въ общество Аполлонушки не отъ *дразгъ* жизни только, не отъ зависти соперниковъ, интригъ редакторовъ и преслѣдованій цензоровъ (кого же иначе разумѣть подъ именемъ «литературныхъ властей?»), но и отъ *борьбы* жизни, отъ борьбы идей, представляемыхъ всевозможными партіями, отъ ретроградовъ до нигилистовъ. Теперь обратитесь ко второму отрывку и посмотрите, какой «съ Божіей помощью оборотъ» даетъ дѣлу г. Полонскій. Оказывается, что г. Полонскій и не думалъ спасаться отъ жизни въ уголокъ, для бесѣды со старымъ настройщикомъ, а напротивъ того, напряженнымъ образомъ слѣдитъ за жизнью и даже такъ, что если въ жизни туманъ, то и въ его пѣсняхъ туманъ, если въ жизни холодно, то и въ пѣсняхъ у него не тепло. Онъ чувствителенъ къ жизни, какъ чувствителенъ барометръ къ погодѣ и, кромѣ того, онъ термометръ или «градусникъ свободы». Вотъ какое у него ампула! Хотите знать, какова стоитъ погода (въ метафорическомъ смыслѣ) въ Рос-

сін? Это очень просто: прочтите послѣднее стихотвореніе г. Полонскаго, и вы узнаете дѣло съ точностью до полуградуса. Однако, позвольте: вмѣстѣ съ бульдогомъ мы скажемъ, что для насъ не ясенъ даже субъективный смыслъ многихъ пѣсень г. Полонскаго, а ужъ объ общественномъ смыслѣ и говорить нечего. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, вспомнимъ хотя бы написанный въ гостяхъ у Фета гимнъ лилеѣ: въ немъ говорится о *ночь* и о *на-двигающейся прозѣ*, и какъ же это понимать прикажете? Въ обратномъ смыслѣ, должно быть. Но въ такомъ случаѣ г. Полонскому такъ бы и сказать бульдогу: я, молъ, поэтический барометръ и термометръ, показывающій погоду въ *обратномъ смыслѣ*. Однако, насъ не удовлетворило бы и такое объясненіе. Вотъ большая поэма г. Полонскаго «Кузнечикъ—музыкантъ». Это во внѣшнемъ отношеніи прекрасно написанная, музыкальная, граціозная бездѣлушка, по которой, сколько ни вчитывайтесь, можно сказать относительно погоды только одно: термометръ стоитъ на нулѣ, а барометръ показываетъ «переменно», т. е. въ сущности ничего не показываетъ. Потому на нулѣ и ничего, что въ poemѣ даже и слова нѣтъ о людяхъ и людской жизни, а идетъ мило-шутливая рѣчь о насѣкомыхъ,—кузнечикахъ, бабочкахъ, комарахъ, пчелахъ и это рѣшительно отъ чистаго сердца, безъ всякихъ коварныхъ аллегорій. Между тѣмъ поэма написана въ самую горячую, самую страдную пору русской исторіи—въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Вотъ и извольте повѣрить г. Полонскому на слово, что онъ—«градусникъ свободы» въ прямомъ ли, въ обратномъ ли смыслѣ!

Необходимо отмѣтить еще одинъ эпизодъ изъ бесѣды поэта съ бульдогомъ, эпизодъ, въ которомъ неясность мысли г. Полонскаго выразилась еще рельефнѣе. Среди своихъ нотацій бульдогу, г. Полонскій высказываетъ такое обвиненіе:

Ваши пѣсни слободскія
Вы не разъ подогрѣвали
На огнѣ заемной мысли,
И онѣ—признайся—лгали.
Эти градусники лгали
До того, что мы въ морозы
Нараспашку выбѣгали
Поглядѣть—растутъ ли розы?

Насколько вѣрнымъ градусникомъ были пѣсни самого г. Полонскаго—мы уже видѣли. Много ли въ нихъ было самостоятельной, *не заемной* мысли—мы уже говорили и еще будемъ говорить. Но хотѣлось бы очень узнать намъ, какія такіе лживые «слободскіе пѣсни» заставляли г. Полонскаго искать розъ на морозѣ? Какія же, значить, это были ликующія, радостныя, торжествующія пѣсни! Мы обязаны разъяснить это дѣло, потому что тутъ, въ этомъ обвиненіи въ сознательной оптимистической лжи, затронуто нравственное достоинство цѣлой литературной эпохи, уже перешедшей въ исторію,

но дорогой для насъ не по воспоминаніямъ только, но и по тому духу преемственной солидарности, который насъ, современныхъ дѣятелей, съ нею связываетъ. И такъ, какія же это были «слободскія пѣсни»? О какой литературной слободѣ идетъ рѣчь? Но тутъ не можетъ быть и сомнѣнія: рѣчь идетъ о литературныхъ прогрессивныхъ фракціяхъ эпохи шестидесятыхъ годовъ и о поэзіи того времени, типичнѣйшимъ представителемъ которой былъ, разумѣется, Некрасовъ. Вотъ какія пѣсни соблазняли г. Полонскаго искать, пренебрегая простудой, розъ на морозѣ! Неужели столь заслуженному и маститому литератору, какъ г. Полонскій, можетъ быть неизвѣстно, что именно, именно къ этимъ пѣснямъ предъявлялись обвиненія совершенно противоположнаго свойства, и эти обвиненія были до того настойчивы, что вынудили Некрасова къ самозащитѣ? Мы считаемъ своимъ долгомъ даже не безъ нѣкоторой торжественности напомнить объ этой самозащитѣ, такъ какъ въ ея виду всѣ обвиненія, идущія со стороны г. Полонскаго, обращаются противъ его собственнаго лагеря (если только можно говорить о лагерѣ г. Полонскаго), являются водой на наше колесо. Напрасно, говорилъ Некрасовъ, упрекаютъ насъ въ томъ, что въ нашихъ пѣсняхъ много тоски, что мы любимъ толковать о нашихъ «немощихъ». Эти упреки давно уже слышатся, но не служатъ они ни къ чему:

Коли намъ такъ писалось и пишется,
Значить—есть и причина тому!
Не заказано вѣтру свободному
Пѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ;
Спокойнъ вѣку дождемъ разбиваются
Надъ родной стороною небеса;
Гнутса, стонуть, подъ бурей ломаются
Спокойнъ вѣку родные лѣса;
Спокойнъ вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кипитъ,
Вторить ей наша муза свободная,
Вторить ей—или честно молчить.

И такъ, вотъ какого рода пѣсни побуждали г. Полонскаго искать розъ на морозѣ! пѣсни, подобныя заунывному стону волка и тоскливому вою вѣтра въ поляхъ! Друзья и единомышленники г. Полонскаго (какъ напр. Страховъ) упрекали Некрасова и его школу за пессимизмъ ихъ пѣсенъ, г. Полонскій тѣ же самыя пѣсни изображаетъ въ безразсудномъ оптимизмѣ... Что отсюда слѣдуетъ? Нѣсколько выводовъ отсюда слѣдуютъ, сдѣлать которые мы предоставляемъ собственнымъ силамъ читателя, а сами замѣтимъ только, что несчастный бульдогъ былъ очевидно совершенно напрасно поколоченъ...]

Есть однако въ разбираемомъ стихотвореніи одно мѣсто, которое свидѣтельствуетъ, что г. Полонскій былъ близокъ къ тому, что-

бы понять свое настоящее призваніе и значеніе. Упомянувъ о томъ, что Аполлонъ натягиваетъ для него струны, г. Полонскій замѣчаетъ:

У меня вѣдь ихъ не мало
Въ сердцѣ звучно обрывалось,
И отъ этихъ звуковъ сердце
Трепетало и сжималось.

Вотъ, именно, это самое всегда и говорила о г. Полонскомъ критика, повторяемъ это самое теперь и мы. Метафора г. Полонскаго конечно, не точна и не удачна: струны его сердца не обрывались, какъ у какого нибудь Байрона или даже нашего Лермонтова, а тихо и мелодически звучали, дѣйствительно возбуждая въ другихъ, соотвѣтственно настроенныхъ сердцахъ нѣкоторый сочувственный трепетъ. Порванная струна сердца, да еще сердца великаго, звучить, чаще всего, едва выносимымъ отчаяніемъ, а г. Полонскій можетъ только грустить, лить тихія слезы. Это сердцу не опасно, не надрываетъ, а умиротворяетъ его. Мы думаемъ, въ концѣ концовъ, что настройщику—Аполлону было очень мало дѣла надъ струнами сердца г. Полонскаго. Натура г. Полонскаго—натура уравновѣшенная, гармоническая, созданная не для борьбы, а для созерцанія, не для бурь, а для тихаго наслажденія при ясномъ солнцѣ и безоблачномъ небѣ, для тихой грусти при ненасти. Да, г. Полонскій очень точный «градусникъ», но не той погоды, которая на улицѣ стоитъ, а той, которая въ данную минуту у него въ душѣ установилась.

Скажемъ опять: г. Полонскій вполне исполнилъ завѣтъ Бѣлинскаго о томъ, чтобы не выборъ, не усиліе, не стремленіе, а прежде всего сама натура поэта была непосредственнымъ источникомъ его направленія и его идей. Никогда г. Полонскій не выбиралъ, не усиливался, не стремился, а просто выражалъ то, что ему непосредственно думалось и чувствовалось. Однако, точно ли это достоинство? Справедливъ ли завѣтъ Бѣлинскаго и не можетъ ли онъ повести къ очень серьезнымъ недоразумѣніямъ? *Натура*—это конечно много и важно, но все таки, кромѣ натуры, есть еще культура, роль которой въ томъ и состоитъ, чтобы дары натуры укрѣпить, расширить, развить. Указавъ на Лермонтова, который (что очень возможно) самъ не признавалъ значенія высказываемыхъ имъ идей, считая ихъ весьма обыкновенными, Бѣлинскій дѣлаетъ такое сравненіе: «такъ силачъ безъ вниманія, мимоходомъ, откидываетъ ногою съ дороги такой камень, котораго человѣкъ съ обыкновенною силою не сдвинуть бы съ мѣста и руками». Сравненіе вѣрно, какъ сравненіе, и совсѣмъ несостоятельно, какъ аргументъ. *Во-первыхъ*, не подлежитъ сомнѣнію, что «силачъ» былъ бы еще гораздо сильнѣе, если бы свою натуральную силу постарался развить гимнастическими упражненіями; *во-вторыхъ* для людей обыкновенной силы и обыкновеннаго здоровья, образъ жизни «силачей» не можетъ и не долженъ служить примѣромъ; *въ-третьихъ*, именно, для людей

слабыхъ и болѣзненныхъ необходимъ извѣстный режимъ, выработанный на основаніи твердыхъ гигиеническихъ правилъ. Но тоже самое и въ сферѣ духа: *стремленіе, усиліе, выборъ*, изгоняемые Бѣлинскимъ изъ области поэзіи, обязательны для всякаго желающаго осмыслить, одухотворить свою жизнь. Такой человекъ долженъ, принужденъ *стремиться* къ расширенію своихъ знаній, дѣлать *усилія* для усвоенія и уразумѣнія новыхъ для него идей, наконецъ, *выбирать* между многочисленными и разнообразными ученіями и системами. Развѣ самъ Бѣлинскій не стремился, не усиливался, не выбиралъ, когда приступалъ къ своимъ философскимъ занятіямъ? Почему же однимъ поэтамъ предоставляется право или вмѣняется въ обязанность руководствоваться единственно тайнственными интуиціями, идти по пути, указуемому собственнымъ вдохновеніемъ? Не самъ ли Бѣлинскій съ сожалѣніемъ указывалъ на умственную неразвитость и необразованность Мочалова, несомнѣннаго «силача»? Не онъ ли при этомъ указывалъ на примѣръ Каратыгина, который по естественному таланту былъ не болѣе, какъ пигмей, въ сравненіи съ Мочаловымъ, но котораго опасала «выучка»? Но что говорить! Въ «Дневникѣ» Никитенки за 1840 годъ, между прочимъ, записано слѣдующее: «У меня былъ Кольцовъ, нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ по своей простотѣ и задушевности стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ «Отечеств. Записокъ»: они его развратили. Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ гегелевской философіи. Неученый и неопытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ «покровителей», онъ, пройдя севозъ ихъ руки, утратилъ свое драгоцѣннѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ». Главный сотрудникъ «От. Зап.», о которомъ здѣсь говорится, былъ конечно Бѣлинскій, и можно вообразить, какимъ негодованіемъ загорѣлся бы онъ, если бы прочелъ эту замѣтку Никитенки. Но чѣмъ же взглядъ Никитенки отличается отъ взгляда Бѣлинскаго? Бѣлинскій осуждаетъ въ поэтѣ стремленіе, усиліе, выборъ—и тоже самое осуждаетъ Никитенко въ Кольцовѣ. Бѣлинскій указываетъ на непосредственное чувство, какъ на единственный или важнѣйшій источникъ вдохновенія поэта, Никитенко усматриваетъ «драгоцѣннѣйшее богатство» Кольцова въ «простомъ, искреннемъ чувствѣ и въ здоровомъ смыслѣ». Буквально тоже самое! Между тѣмъ Бѣлинскій дѣйствительно наставлялъ Кольцова въ объектахъ и субъектахъ и былъ бы правъ, вознегодовавъ на Никитенку, потому что подучить Кольцова въ самомъ дѣлѣ не мѣшало, но былъ бы правъ относительно Никитенки, а не относительно самого себя: въ этомъ случаѣ онъ себѣ несомнѣнно противорѣчилъ. Безспорнаго «силача» Кольцова онъ хотѣлъ вооружить еще знаніемъ, нисколько не опасаясь—и вполне справедливо—обезси-

лить, «развратить» его философіей. Въ отзывѣ о г. Полонскомъ онъ проводилъ совершенно иной взглядъ.

II.

«Къ чему вы это говорите?—съ недоумѣніемъ спросить насъ читатель. Г. Полонскій, какъ извѣстно, человѣкъ университетскаго, европейскаго образованія и стало быть толковать по его поводу о самоучкѣ-Кольцовѣ нѣтъ никакого резона». Какъ бы намъ объяснить съ читателемъ покороче? Развѣ вотъ какъ. Одинъ фельдфебель читалъ рекрутамъ такое наставленіе: «направо—кругомъ есть совершенно тоже самое, что и налѣво—кругомъ; только оно совершенно противоположное». Ну, вотъ нѣчто подобное мы имѣемъ и въ нашемъ случаѣ. Кольцовъ, не получивъ никакого школьнаго образованія, всѣми силами стремился къ уясненію для себя разныхъ отвлеченныхъ идей; г. Полонскій, искусившись въ университетѣ во всякихъ субъектахъ и объектахъ, всю свою жизнь знать не хотѣлъ никакихъ общихъ идей. Кольцовъ не успѣлъ, а г. Полонскій вполне успѣлъ въ своемъ стремленіи, и въ результатѣ у обоихъ—никакого опредѣленнаго міросозерцанія. Вотъ и выходитъ и «совершенно тоже самое», и «совершенно противоположное» въ одно и тоже время.

Переходя отъ характеристики таланта г. Полонскаго къ опредѣленію основъ его міросозерцанія, мы должны сказать именно то, что сказали: никакого опредѣленнаго міросозерцанія у г. Полонскаго не имѣется. Г. Полонскій не скажетъ, какъ Декартъ: *cogito ergo sum*; онъ скажетъ какъ Гейне: *ja, ich küsse, also leb'ich*. Всякое міросозерцаніе однако есть извѣстная система *идей*, а не ощущеній, а такъ какъ г. Полонскій никакихъ идей знать не хотѣлъ и жилъ только настроеніями и ощущеніями, то искать у него какой нибудь системы нельзя, по отсутствію самого матерьяла для систематизаціи. А изъ настроеній, конечно, ничего прочнаго не выдѣлишь, уже по одному тому, что *les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas*. Вчера я былъ веселъ, сегодня грустенъ, завтра быть можетъ буду сердитъ—и что же дальше? Всѣ эти, имѣющія одинаковое право на бытіе, настроенія между собой не имѣютъ никакой иной связи, кромѣ моей физической и нравственной личности. Объективный міръ тутъ не причемъ, а вѣдь міросозерцаніе есть, конечно, созерцаніе міра объективнаго.

Поискавши хорошенько, разумѣется можно найти кое что въ этомъ отношеніи и у г. Полонскаго. Вѣкъ прожить не поле перейти, и какъ бы ни чуждался всякихъ идей и направленій, много прожившій и къ тому же наблюдательный и талантливый человѣкъ, всетаки мы должны найти у него нѣчто теоретически-цѣльное, хотя бы только въ видѣ житейскаго опыта. Добродѣтельныя сентенціи да преисполненные благомыслия афоризмы, въ которые обычно

венно облакается, такъ называемый, житейскій опытъ, конечно не-большого стоятъ, но вѣдь г. Полонскій поэтъ, да еще лирикъ, такъ что, надо надѣяться, онъ сумѣетъ влить живую кровь поэзіи въ сухія формулы разсудочности. Напи съ вами, читатель, надежды не напрасны. Есть у г. Полонскаго поэма «Собаки», которую мы считаемъ самымъ задушевымъ и самымъ серьезнымъ его произведеніемъ, хотя онъ и называетъ ее «юмористической». Не юмористическая это поэма, а аллегорическая: не собаки, а люди, подъ псевдонимами собачьихъ кличекъ, фигурируютъ въ ней. Авторъ писалъ свою поэму болѣе пятнадцати лѣтъ, съ 1875 по 1891 годъ, и этотъ фактъ наглядно показываетъ, какое значеніе онъ придавалъ сюжету. Дѣйствительно, въ этой поэмѣ сконцентрирована вся философія г. Полонскаго, или—если слово философія здѣсь неумѣстно—всѣ общіе теоретическіе итоги «ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ» автора. Странная это поэма... То шутивая, то горькая, то безнадежно-унылая, то вдругъ съ чего-то сердитая, она живо отражаетъ въ себѣ личность автора, столь перемѣнчиваго въ своихъ настроеніяхъ. Но въ ней есть и общія воззрѣнія, и вотъ на нихъ-то мы теперь и остановимся. Для начала возьмемъ хоть это:

Звѣрчество! шепталъ я—ты святое слово!
Звѣрчество! какъ лирикъ повторялъ я снова,
Ты велико, свято и меня пугаешь.
Оттого-ль ты страшно, оттого-ль ты грозно,
Что ручныхъ и хищныхъ ты объединяешь...
Звѣри сотни тысячъ лѣтъ блуждаютъ розно
И бѣгутъ другъ друга, и грызутъ другъ друга,
И у нихъ на мордахъ то печать испуга,
То печать злодѣйства; слишкомъ кротокъ слабый,
Слишкомъ кровожаденъ сильный. Ахъ! когда бы
Звѣрство намъ во имя звѣрчества утратить,
Да, стремись за правдой, глазъ назадъ не пятить,
Не позорить мысли, не позорить чувства!
Полюбить науки свѣтъ и блескъ искусства...
Вѣдь, пока мы звѣри, до скончанья вѣка
Будемъ мы подъ грозной властью человѣка...

Что это такое—платоническое благопожеланіе или сознательный идеалъ? И то и другое тутъ есть, т. е. есть тутъ желанія неразумныя, невозможныя и есть желанія вполне осуществимыя и даже иногда на половину осуществленныя. «Ахъ! когда бы звѣрство намъ во имя звѣрчества утратить»,—это желаніе, конечно, можетъ быть поставлено на ряду съ извѣстнымъ благопожеланіемъ другого поэта нашего, очень близкаго къ г. Полонскому и по духу, и по размѣрамъ таланта:

Ой, кабы Волга-матушка вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, жить начать сначала!

Такъ какъ рѣчь идетъ не о звѣряхъ, но о людяхъ, то формула г. Полонскаго принимаетъ такой видъ: «ахъ! когда бы человѣчность

намъ во имя человѣчества утратить». Зачѣмъ бы это могло понадобиться? Рѣшительно незачѣмъ, какъ незачѣмъ Волгѣ бѣжать отъ Астрахани къ Твери! Ничего, кромѣ безчисленныхъ бѣдъ, отъ исполненія этихъ странныхъ желаній не произошло бы, и потому пусть Волга течетъ по старому, и пусть, по старому же, человѣчность растетъ въ людяхъ, а не утрачивается ими. Предыдущіе стихи мы обсуждать не беремся, потому что, хотя въ нихъ и слышится живое, тревожное чувство, но въ мысли какая-то путаница: съ одной стороны звѣрчество объединяетъ хищныхъ и ручныхъ, а съ другой «звѣри сотни тысячъ лѣтъ блуждаютъ розно и бѣгутъ другъ друга и грызутъ другъ друга». Такъ въ чемъ же выражается ихъ объединеніе? За то прочія пожеланія вполне удобопонятны и осуществимы: «стремясь къ правдѣ, глазъ назадъ не пятить»—о, да, да, да! Кое гдѣ это уже и достигнуто, значить будетъ достигнуто когда нибудь и у насъ. «Не позорить мысли, не позорить чувства», т. е. уважать мысль и чувство—конечно опять о, да! «Полюбить науку и искусство»—дай то бы Господи! Такимъ образомъ между нами и г. Полонскимъ устанавливается полная солидарность.

Перейдемъ прямо къ заключенію поѣмы. Оно состоитъ изъ пророчества нѣкоего «духа», а самое пророчество таково:

Все же и донинѣ цѣльнымъ человѣкомъ
 Быть въ народѣ—страшно. Чтобъ идти за вѣкомъ
 Или съ нимъ бороться, надо быть титаномъ.
 Чтобъ изъ состраданья прикоснуться къ ранамъ
 Ближнихъ и сказать имъ: исцѣлитесь, братья!
 И затѣмъ спокойно выносить проклятія,
 Надо быть блаженнымъ. Участь человѣка
 Чистаго—быть жертвой звѣрскаго вѣка.
 Но гряди, счастливецъ! На словахъ, на дѣлѣ
 Будь сотрудникъ Божій и въ согбенномъ тѣлѣ.
 Силу вѣчной правды и любви постигнуть
 Только люди, только вѣра и усилія
 Пробиваться къ свѣту придадутъ имъ крылья.
 Быть вездѣ, со всѣми: лишь они достигнутъ
 Цѣли—формахъ жизни дать то совершенство
 Что создастъ народамъ высшее блаженство:
 Знать, любить и вѣрить, и искать дорогу
 Въ безднѣ безконечныхъ переходовъ къ Богу.

Вотъ вѣра и вотъ философія г. Полонскаго. Это какой-то лирическій идеализмъ или, пожалуй, идеалистическій лиризмъ, въ которомъ субъективное чувство и отвлеченная мысль такъ слились другъ съ другомъ, что тутъ одинаково трудно или одинаково легко говорить и за, и противъ. Мало того: тутъ перемѣшаны даже такія противоположныя чувства, какъ уныніе, казалось бы, совсѣмъ неутѣшное («участь человѣка чистаго—быть жертвой») съ самою бодрою и даже восторженною надеждою («но гряди счастливецъ!») Вотъ тянется длинное, безконечное крестное шествіе на Голгофу, а вотъ въ сторонѣ стоитъ г. Полонскій и съ слезами энтузіазма воскли-

цасть: осанна! Это прекрасно, потому что вѣдь неисчислимныя тысячи кричатъ: распни Его! Но это въ тоже время вызываетъ какое-то горькое чувство, и кто сознаетъ за собою право собственного подвига, тотъ быть можетъ безжалостно скажетъ г. Подонскому: видно чужая-то ноша не тянетъ, о, восторженный поэтъ! А мы, этого права не имѣющіе, что мы скажемъ? Вамъ рѣшать, читатель.

М. Протопоповъ.

Практическая и законодательная постановка мѢръ общественнаго призрѣнія.

I.

Уже около четырехъ лѣтъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ работаетъ особая коммиссія по пересмотру законовъ объ общественномъ призрѣніи, которая, какъ передаютъ газеты, должна представить свои труды на законодательное разрѣшеніе въ текущую сессію Государственнаго Совѣта. Важность предмета, разрабатываемаго этой коммиссіей, всего лучше опредѣляется количествомъ бѣдныхъ и убогихъ, нуждающихся въ общественномъ попеченіи. По даннымъ европейской статистики, число бѣдныхъ и инвалидовъ простирается въ разныхъ странахъ отъ 4,1 до 9,4% населенія. Хотя эти данныя недостаточно точны, но онѣ даютъ нѣкоторое представленіе о размѣрахъ нужды въ общественномъ призрѣніи. О Россіи мы долго не имѣли даже и такихъ свѣдѣній. Только въ послѣднее время, благодаря земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, явилась возможность установить хотя нѣкоторыя приблизительныя данныя о количествѣ лицъ нуждающихся въ призрѣніи въ 34-хъ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія. При производствѣ въ нихъ подворныхъ переписей, земскіе статистики регистрировали время отъ времени и отдѣльныя категоріи лицъ, для которыхъ необходимо общественное попеченіе. По отношенію же къ одной категоріи нуждающихся—слѣпыхъ—у насъ производилось даже массовое изслѣдованіе, принятое въ 1886 г. по почину и на средства Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ. Оно дало намъ общую цифру нуждающихся въ призрѣніи лицъ этой категоріи. Для опредѣленія же хотя бы приблизительной цифры остальныхъ категорій нуждающихся, необходимо обратиться къ свѣдѣніямъ объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, добытымъ земскими изслѣдованіями, и изъ сопоставленія ихъ уста-

новить среднія числа, которыя распространить затѣмъ на всѣ неизслѣдованныя мѣстности. Такой способъ исчисленія былъ уже примененъ нами и если не далъ совершенно точныхъ цифръ, то во всякомъ случаѣ установилъ достаточно вѣроятныя данныя, устраняющія необходимость пользоваться гадательными и даже произвольными свѣдѣніями о количествѣ лицъ нуждающихся въ призрѣніи, не основанными на мѣстныхъ фактическихъ изслѣдованіяхъ. Пользуясь вычисленными раньше процентными отношеніями отдѣльныхъ категорій нуждающихся къ населенію *) и принимая общее количество послѣдняго въ 120 мил. душъ об. пола, находимъ, что на всей территоріи имперіи должно состоять:

душевнобольныхъ	0,15 %	къ населенію или	180.000	душъ об. п.
слѣпыхъ	0,20 %	»	»	» 240.000 « » »
калѣкъ	0,55 %	»	»	» 660.000 » » »
дряхлыхъ	0,14 %	»	»	» 168.000 » » »
немошныхъ	0,20 %	»	»	» 240.000 » » »
глухихъ и глухонѣ- мыхъ.	0,12 %	»	»	» 144.000 » » »
ѣдоковъ при всѣхъ вышеозначенныхъ ка- тег. нуждающихся	1,00 %	»	»	» 1.200.000 » » »
подкидышей, забро- шенныхъ дѣтей и круглыхъ сиротъ	0,63 %	»	»	» 756.000 » » »

Такимъ образомъ общее число лицъ указанныхъ категорій, нуждающихся въ общественной помощи, простирается почти до 3.600.000 душъ (3.588 т. д.), составляющихъ около 3% (собственно 2,99) населенія. Но ими, разумѣется, не ограничивается число нуждающихся въ призрѣніи. Кромѣ лицъ, требующихъ общественнаго попеченія по возрасту своему, физическимъ или душевнымъ недостаткамъ, законодательствами всѣхъ странъ къ числу нуждающихся въ призрѣніи причисляются тѣ трудоспособные и здоровые люди, «кои по временнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ впали въ нищету» и не могутъ сами снискивать себѣ пропитаніе. Наибольшее число такихъ нуждающихся даютъ въ Россіи безземельно-бездомные крестьяне, затѣмъ отхожіе рабочіе и переселенцы. Въ общей для имперіи цифрѣ они составляютъ:

безземельно-бездомные.	1,54%	къ насел. или	1.848.000	д. об. п.
переселенцы	0,09%	»	»	» 108.000 » » »
отхожіе рабочіе	0,15%	»	»	» 180.000 » » »

Слѣдовательно, общее количество лицъ нуждающихся въ призрѣніи превышаетъ 5.720 тыс. душъ, составляющихъ 4,77% къ населе-

*) См. Труды Комиссіи статсъ-секр. К. Е. Грота и «Нов. Сл.» № 6-й.

нію. Цифры эти выведены съ крайней осторожностью и могут считаться скорѣй уменьшенными, чѣмъ преувеличенными; но такъ какъ онѣ установлены не теоретически, а на основаніи мѣстныхъ изслѣдованій и при томъ болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ даннымъ западно-европейской статистики, то мы и остановимся на нихъ при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса объ общественномъ призрѣніи.

Размѣръ нужды, опредѣляемый огромнымъ количествомъ лицъ, требующихъ о себѣ попеченія, несомнѣнно великъ. Но, чтобы судить о степени напряженности этой нужды, необходимо ознакомиться съ тѣми средствами, которыми удовлетворяется она при отсутствіи правильно организованныхъ мѣръ призрѣнія. Важнѣйшее изъ этихъ средствъ—нищенство. По даннымъ 1883 г., число нищихъ въ Европейской Россіи достигало 300 т. д. об. п. Въ настоящее время число это едва ли уменьшилось; напротивъ того, голодъ 1891—92 г. и многіе экономическіе процессы, совершающіеся въ деревнѣ, заставляютъ предполагать, что оно возросло и притомъ весьма значительно. Нищенствуютъ на Руси всѣ: и калѣки, и сироты, и душевнобольные, и безработные, и погорѣльцы, и даже поголовно крестьяне нѣкоторыхъ селъ и деревень, уходящіе на нищенскій промыселъ всѣмъ міромъ. По даннымъ пензенской губернской земской управы, 15% всѣхъ душевнобольныхъ, не пользующихся общественнымъ призрѣніемъ и находящихся «на попеченіи родныхъ», специально занимается нищенствомъ и бродяжничествомъ. Психически и физически здоровыя лица, попадая въ среду нищихъ, быстро слабѣютъ отъ неприглядной обстановки новой жизни, отвыкаютъ отъ труда и даже дѣлаются неспособными къ нему; при этомъ они совершенно деморализуются и становятся истиннымъ бременемъ для общества и государства. Въ силу этого нищенство всегда очень близко граничить съ преступленіемъ. По свѣдѣніямъ той же пензенской управы, около 8% нищихъ душевно-больныхъ были уличены въ преступленіяхъ противъ собственности, противъ жизни, въ поджогахъ и въ др. уголовныхъ дѣяніяхъ. При крайнемъ развитіи нищеты и нужды преступленіе нерѣдко является единственнымъ спасеніемъ отъ голодной смерти. Поэтому самыя неимущіе классы населенія—поденщики, чернорабочіе и бродяги даютъ наибольшій процентъ преступленій. Изъ общаго числа лицъ, осужденныхъ окружными судами въ 1888 г., на долю указанныхъ классовъ населенія приходится 20,7%, хотя общая численность этихъ классовъ въ государствѣ составляетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое меньшій процентъ къ населенію. Впрочемъ, рассматривая эти данныя, необходимо имѣть въ виду, что нищенство и преступность не всегда и не для всѣхъ нуждающихся въ общественномъ попеченіи составляютъ возможный и достижимый исходъ. Многіе изъ нихъ должны отказаться отъ него вслѣдствіе своей болѣзненности, немогущности, вслѣдствіе предпринимаемыхъ мѣръ безопасности и, наконецъ, нравственныхъ причинъ. Всѣмъ такимъ нуждающимся, не пользующимся общественнымъ призрѣніемъ, остается

одинъ исходъ—преждевременная смерть. Насколько распространенъ этотъ ужасный исходъ, можно судить изъ того статистическаго факта, по которому незаконнорожденныхъ дѣтей на каждую тысячу умираетъ больше на 182, чѣмъ законнорожденныхъ. По такому разсчету въ Россіи ежегодно умираетъ около 16 тысячъ дѣтей свыше нормы, выяснившейся для законнорожденныхъ. Шестнадцать тысячъ ежегодныхъ дѣтскихъ смертей, только изъ-за того, что для нихъ нѣтъ пріютовъ, нѣтъ организованнаго попеченія и ухода—это слишкомъ много даже для Россіи! Но не для однихъ только дѣтей предстоитъ такой ужасный исходъ. Исслѣдованія д-ра Обухова установили, что съ ростомъ нужды въ крестьянскомъ населеніи растетъ и смертность его. Въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губ. въ средѣ многоземельныхъ крестьянъ смертность опредѣляется въ 2,44% къ населенію, въ тѣхъ же уѣздахъ для безземельныхъ она поднимается почти вдвое—до 4,66%. Очевидно, что бѣдность и отсутствіе помощи въ нуждѣ неизмѣнно приводитъ къ значительному увеличенію смертности.

Такимъ образомъ, естественнымъ послѣдствіемъ бѣдности и недостаточной организованной помощи для нуждающихся группъ населенія являются нищенство, преступность и усиленная смертность, т. е. такія именно явленія, которыя совершенно не могутъ быть терпимы въ сколько нибудь культурномъ обществѣ. Грозя многими милліонамъ лицъ, явленія эти указываютъ, насколько велика и неотложна потребность въ такой организаціи общественнаго призрѣнія, которая спасла бы массу человѣческихъ жизней и вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы однимъ изъ лучшихъ средствъ къ охраненію общественной безопасности. Организаціи, преслѣдующія эти цѣли, существуютъ во всѣхъ странахъ, не исключая и Россіи. Но насколько удовлетворяютъ онѣ своей задачѣ практически и по законодательной постановкѣ—это другой вопросъ, къ разрѣшенію котораго, по отношенію къ нашему отечеству, мы и обратимся въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

II.

Крайнія проявленія бѣдности, убожество и калѣчество составляли настолько постоянное явленіе во всѣ историческія эпохи, что даже въ самомъ отдаленномъ прошломъ не могли не обращать на себя вниманія и не вызывать попытокъ къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, къ смягченію ихъ. Попытки эти восходятъ къ глубокой древности и, напримѣръ, у насъ въ Россіи относятся къ княжескому періоду. Сначала эти попытки носили исключительно религіозный характеръ и имѣли въ виду не столько помощь ближнему, сколько спасеніе души благотворителя. Но затѣмъ, постепенно онѣ складывались въ болѣе или менѣе опредѣленную систему и принимали характеръ государственныхъ мѣропріятій. Для осуществленія ихъ,

также постепенно, возникалъ цѣлый рядъ учреждений, имѣвшихъ цѣлью проведеніе въ жизнь, или отдѣльныхъ специальныхъ видовъ помощи, или цѣлой системы ихъ. Одни изъ такихъ учреждений, дѣйствовавшихъ въ разное время на Руси, давно уже покончили свое существованіе, но другія, особенно возникшія при Александрѣ I и въ послѣдующее время, сохранились до сихъ поръ и продолжаютъ развивать свою дѣятельность, въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя были поставлены имъ. Открытыя одновременно: Александровскій комитетъ о раненыхъ, Россійское общество Краснаго Креста, Комитетъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, Попечительство о домахъ трудолюбія и нѣкоторыя другія благотворительныя учрежденія оказываютъ помощь не всѣмъ категоріямъ и разрядамъ нуждающихся, а только тѣмъ изъ нихъ, ради поддержки которыхъ они были созданы и сьорганизованы. Слѣдующій рядъ филантропическихъ учреждений—вѣдомство Императрицы Маріи, Императорское человеколюбивое общество и нѣсколько другихъ — преслѣдуетъ болѣе общія цѣли и стремится оказывать помощь, если не всѣмъ, то очень многимъ категоріямъ нуждающихся. Не смотря на широкое распространеніе своей полезной дѣятельности, учрежденія эти получили преимущественное развитіе въ столицахъ и крупныхъ городскихъ центрахъ, а потому не оказываютъ существеннаго вліянія на постановку дѣла призрѣнія въ провинціи, среди преобладающей въ Россіи массы сельскаго и уѣзднаго городского населенія. Нужды послѣдняго въ области призрѣнія, согласно существующимъ узаконеніямъ, должны удовлетворяться сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами, частными обществами, земскими и городскими учрежденіями, а гдѣ первыя не введены—приказами общественнаго призрѣнія. Дѣятельность этихъ мѣстныхъ организацій по призрѣнію опредѣляетъ постановку его въ провинціи, для самаго многочисленнаго класса населенія, а потому представляется намъ наиболѣе интересной и важной. Въ какой мѣрѣ нужда въ призрѣніи удовлетворяется каждымъ изъ этихъ установленій, даютъ понятія слѣдующія данныя.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ для комиссіи по пересмотру законовъ объ общественномъ призрѣніи *), въ 28-ми земскихъ (безъ столичныхъ) и въ 16-ти неземскихъ губерніяхъ, число крестьянскихъ сословныхъ благотворительныхъ учреждений въ сельскихъ поселеніяхъ было къ концу 1891 г. очень не велико и не достигало даже 70-ти. Въ нихъ призрѣвалось всего 1167 душъ об. пола, на содержаніе которыхъ расходовалось лишь немногимъ болѣе 27¹/₂ тыс. руб. Весьма вѣроятно, что губернскими начальствами, составившими для комиссіи эти свѣдѣнія, не зарегистрированы нѣкоторыя

*) Матеріалы по обществ. призрѣнію. Нѣкот. данныя о состояніи общ. призр. въ Россіи.

малоизвѣстныя даже уѣзднымъ властямъ сельскія заведенія для призрѣнія бѣдныхъ. Но тѣмъ не менѣе, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сельское населеніе Россіи почти не знаетъ даже простѣйшихъ типовъ благотворительныхъ заведеній, что къ нимъ оно не чувствуетъ никакой склонности и, вѣроятно, почти не строить ихъ, по крайней мѣрѣ, на свой счетъ. Поэтому безошибочно можно утверждать, что число такихъ заведеній, содержимыхъ сословными крестьянскими обществами, очень и очень не велико и едва ли особенно много превышаетъ число, приводимое комиссіей. Вѣроятнѣе допустить, что въ средѣ крестьянскаго населенія преобладаютъ не закрытые способы призрѣнія (т. е. при посредствѣ помѣщенія нуждающихся въ заведенія), а открытые, выражающіеся въ помощи на дому. Однимъ изъ такихъ, наиболѣе распространенныхъ видовъ призрѣнія, считается поочередное кормленіе нищихъ въ крестьянскихъ семьяхъ, при которомъ нуждающіеся въ призрѣніи лица ежедневно или еженедѣльно переходятъ отъ двора къ двору и получаютъ въ нихъ пищу, а иногда и кровъ. Для многихъ убогихъ и больныхъ такой способъ помощи оказывается чрезвычайно тяжелымъ, нерѣдко ведущимъ къ ускоренію ихъ гибели. Среди сектантовъ, болѣе другихъ склонныхъ къ организованной благотворительности, послѣдняя тоже выражается почти исключительно въ формѣ открытаго призрѣнія: выдачи пособій на обзаведеніе, хозяйственной подмоги и т. п. Въ большинствѣ же случаевъ у нихъ, какъ и въ остальномъ крестьянскомъ населеніи, благотворительность не имѣетъ организованнаго характера и принимаетъ видъ неразборчивой раздачи милостыни. Въ такой формѣ она, разумѣется, не уничтожаетъ, а только увеличиваетъ нищенство со всеми его послѣдствіями и разумѣется даетъ въ борьбѣ съ нищетой одни лишь отрицательные результаты. Въ организованномъ же видѣ общественное призрѣніе въ крестьянскихъ обществахъ мало развито, почти ничтожно и, по своей примитивности, тяжело для самихъ нуждающихся. Коренной причиной малаго развитія организованнаго общественнаго призрѣнія въ средѣ сельскаго населенія необходимо признать тотъ заколдованный кругъ, который создается бѣдностью его: чѣмъ бѣднѣе крестьянское общество, тѣмъ больше въ немъ лицъ нуждающихся въ призрѣніи и, слѣдовательно, тѣмъ больше потребность въ организованной помощи, но и тѣмъ меньше средствъ къ осуществленію ея, и наоборотъ — чѣмъ богаче общество, тѣмъ оно меньше нуждается въ мѣрахъ по призрѣнію и тѣмъ больше у него средствъ къ осуществленію его. Очевидно, что пока крестьяне будутъ предоставлены въ организаціи призрѣнія собственнымъ средствамъ и силамъ, до тѣхъ поръ они не выйдутъ изъ этого заколдованнаго круга, и общественное призрѣніе по прежнему будетъ отсутствовать у нихъ.

Немного даютъ въ области призрѣнія и церковно-приходскія попечительства, которыя, по закону о нихъ, благотворительную дѣятельность свою ставятъ едва-ли не на послѣднее мѣсто въ числѣ

остальныхъ четырехъ задачъ своихъ. Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя, преимущественно столичныя, попечительства, успѣвшія прочно организовать и обезпечить свое благотвореніе значительными капиталами и недвижимостью. Въ числѣ такихъ попечительствъ особенно выдѣляются: Знаменское, Андреевское, Преображенское и нѣкоторыя другія. Въ провинціи же такія попечительства, не смотря на то, что число ихъ достигало въ 1893 году 14.564, развиваютъ благотворительную дѣятельность очень мало и ограничиваются преимущественно заботами о благолѣпіи храма. На этотъ предметъ они удѣляли въ томъ же году 2.033,000 р., на поддержаніе причтовъ шло 174 т., а на школы и дѣла благотворенія вмѣстѣ всего 357.890 р. Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляется эта послѣдняя сумма между школой и благотворительностью мы не имѣемъ. Но насколько незначительна послѣдняя, можно судить изъ подсчетовъ, сдѣланныхъ комиссіей по пересмотру законовъ объ общественномъ призрѣніи. По ея даннымъ оказывается, что 536 зарегистрированныхъ церковно-приходскихъ попечительствъ призрѣвали 24.734 душъ, т. е. каждое попечительство въ среднемъ призрѣвало по 46 лицъ, тогда какъ каждое частное благотворительное общество неземскихъ губерній призрѣвало въ среднемъ по 534 лица, а каждое такое общество въ земскихъ губерніяхъ помогало 3.707 нуждающимся. Если къ этимъ даннымъ прибавить еще и тотъ общезвѣстный фактъ, по которому огромное, можно сказать, подавляющее большинство церковно-приходскихъ попечительствъ совершенно бездѣйствуетъ въ области призрѣнія, то станетъ понятнымъ ихъ малое, почти ничтожное вліяніе на удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ по призрѣнію. Вліяніе это не увеличивается и тѣми 480 больницами и 729 богадѣльнями, которыми располагали въ 1893 г. монастыри и церкви, такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ призрѣвалось всего 9.700 лицъ, т. е. въ среднемъ по 8 человекъ въ каждомъ. Нѣкоторые изъ 160 православныхъ братствъ, числившихся въ томъ же году, въ свою очередь, имѣли благотворительныя заведенія, значеніе которыхъ было не больше и не лучше аналогичныхъ церковно-приходскихъ учреждений. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что монастыри въ иныхъ случаяхъ имѣютъ свои страннопріимные дома, безвозмездныя трапезы и т. п. установленія, служащія главнымъ образомъ для нуждъ богомольцевъ. Но и съ присоединеніемъ всѣхъ этихъ учреждений, имѣющихъ цѣлью общія нужды призрѣнія, благотворительная дѣятельность церковныхъ организацій увеличится очень мало и едва-ли превыситъ тѣ 357 т. р. расхода, которыми, по отчету оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, выражается расходъ церковныхъ попечительствъ на совмѣстныя нужды школъ и общественного призрѣнія. Чрезвычайная бѣдность сельскихъ приходовъ, содержащихъ церковныя попечительства, и постороннія благотворенія цѣли, преслѣдуемыя послѣдними, несомнѣнно служатъ, помимо другихъ причинъ, серьезной и важной помѣхой въ развитіи ихъ филантропической дѣятельности.

О сравнительной дѣятельности по общественному призрѣнію земскихъ и городскихъ учреждений, частныхъ обществъ и приказовъ общественнаго призрѣнія дають, между прочимъ, представленіе слѣдующія данныя, собранныя той же комиссіей. Въ 28-ми земскихъ губерніяхъ, по этимъ даннымъ, насчитывалось въ 1891 г. 3.552 установленія для призрѣнія, въ которыхъ получали различнаго рода помощь, не исключая и медицинской, около 12 мил. лицъ. На эту помощь расходовалось тогда же 10.724.000 р. На каждую земскую губернію приходилось, такимъ образомъ, 127 установленій, до 427 т. человѣкъ, получающихъ пособие, и свыше 383 тыс. рублей расхода. Если же изъ подсчета исключить медицинскія установленія, а остальные распределить между содержащими ихъ учреждениями, то получимъ слѣдующія данныя *):

по вѣтмъ 28 губерніямъ:

	Земскихъ.	Городскихъ и сослов.	Частныхъ.	Всѣхъ.
Установленій. . . .	176	497	417	1.090
Призрѣваемыхъ. . .	11.479	314.576	746.091	1.072.146

на 1 земскую губ. приходится:

Установленій. . . до	6,3	17,7	14,9	до 39
Призрѣваемыхъ. . .	409	11.235	26.646	38.291

Для 16-ти неземскихъ губерній въ трудахъ комиссіи имѣются слѣдующія данныя:

	Приказа общ. призрѣнія.	Город. и сосл. общ.	Частныхъ.	Всѣхъ.
Установленій. . . .	39	102	676	817
Призрѣваемыхъ. . .	1.596	2.888	56.038	60.522

на 1 неземскую губ. приходится:

Установленій. . . .	2,6	6,83	45	54,4
Призрѣваемыхъ. . .	106	193	3.736	4.035

Изъ приведенныхъ данныхъ особое вниманіе обращаетъ на себя сравнительно большее число установленій для призрѣнія, приходящееся на каждую неземскую губернію (54,4), чѣмъ на каждую земскую (39). Но заключать отсюда о лучшей постановкѣ общественнаго призрѣнія въ неземскихъ губерніяхъ, чѣмъ въ земскихъ, было бы совершенно неосновательно. Напротивъ того, обращаясь къ цифрѣ призрѣваемыхъ лицъ, мы видимъ, что въ каждой неземской губерніи общественнымъ попеченіемъ пользуется только 4.035 лицъ, тогда какъ въ каждой земской имъ пользуется 38.291 душъ об. пола. Отсюда очевидно, какъ недосыгаемо высоко поставлено дѣло призрѣнія въ земскихъ губерніяхъ сравнительно съ неземскими. Если въ послѣднихъ наблюдается нѣкоторый перевѣсъ въ числѣ установленій по призрѣнію, то это объясняется исключительно боль-

*) Мат. по общ. призр. Нѣк. дан. и т. д.

шимъ развитіемъ въ нихъ церковно-приходскихъ попечительствъ, малое участіе которыхъ въ дѣлѣ призрѣнія мы отмѣтили выше.

Далѣе приведенныя данныя указываютъ, что наибольшую дѣятельность по общественному призрѣнію проявляютъ частныя благотворительныя общества, затѣмъ городскія общественныя учрежденія вмѣстѣ съ сословными, земскія учрежденія и, наконецъ, приказы общественного призрѣнія. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе дѣятельность этихъ учреждений.

Ко времени введенія земскихъ учреждений въ 55-ти приказахъ общественного призрѣнія состояло: больницъ 519 и отдѣленій ихъ 5, домовъ умалишенныхъ 33 и отдѣленій 6, богадѣленъ и инвалидовъ домовъ 107 и отдѣленій 4, сиротскихъ домовъ 21 и отдѣленій 2, воспитательныхъ домовъ 8 и отдѣленій 14, училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей 16, фельдшерскихъ школъ 4, смирительныхъ и рабочихъ домовъ 27 и отдѣленій 3, а всего 735 заведеній и 34 отдѣленія. Кромѣ того, всѣ приказы общественного призрѣнія, за исключеніемъ эстляндскаго и лифляндскаго, отпускали опредѣленныя пособія губернскимъ гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, а нѣкоторые изъ приказовъ западныхъ губерній содержали на свой счетъ воспитанниковъ и пансіонеровъ въ гимназіяхъ и пансіонахъ.

Затѣмъ, насчетъ приказовъ содержалось съ 1852 г. 140 стипендіатовъ въ медицинскихъ факультетахъ университетовъ и медико-хирургической академіи. Наконецъ, приказы нѣкоторыхъ губерній обязаны были участвовать въ содержаніи 4-хъ женскихъ училищъ и 7-ми институтовъ благородныхъ дѣвицъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. Общая сумма расходовъ ихъ на женскія учебныя заведенія простиралась до 70 т. р.; на остальные же указанныя нужды народнаго образованія они отпускали 105 т. р., такъ, что общій расходъ приказовъ общественного призрѣнія по смѣтной статьѣ «пособій учебнымъ заведеніямъ и содержанія пансіонеровъ» не превышалъ 175 т. р. въ годъ *). Сравнивая эти данныя, касающіяся начала шестидесятыхъ годовъ, съ приведенными выше относительно 1891 года, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ дореформенное время на одну губернію въ среднемъ приходилось 9,5 больницъ, и одинъ домъ умалишенныхъ существовалъ почти на полторы губерніи (на 1,4 губ.). Какъ и питочно было число этихъ учреждений, тѣмъ не менѣе оно еще уменьшилось въ 16 неземскихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствовали приказы общественного призрѣнія. Теперь въ нихъ приходится на одну губернію только около 7-ми больницъ, а одинъ домъ умалишенныхъ учрежденъ почти на двѣ губерніи (на 1,8). Затѣмъ, богадѣленъ и инвалидовъ домовъ въ шестидесятыхъ годахъ числилось на одну губернію въ среднемъ по 2, теперь же въ каждой изъ тѣхъ же

*) Матер. по земск. общ. устройству, т. I. Изд. Хоз. Д-та М. В. Д.

неземскихъ губерній приходится ихъ по 1,75. Одинъ сиротскій или воспитательный домъ былъ учрежденъ въ дореформенное время на 1,2 губ., теперь же приказы общественнаго призрѣнія имѣютъ одно такое учрежденіе на 2,66 губ. При этомъ и число призрѣваемыхъ не увеличилось, а уменьшилось. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ въ 111 богадѣльныхъ и инвалидныхъ домахъ призрѣвалось 8.827 чел., т. е. почти 80 лицъ въ каждомъ изъ этихъ заведеній, въ 1891 же году на каждое изъ нихъ приходилось въ среднемъ уже только по 41 призрѣваемому. Въ дореформенное время 22 воспитательныхъ дома и 23 сиротскихъ содержали 4.044 дѣтей, т. е. почти по 90 въ каждомъ, теперь же число ихъ въ заведеніяхъ приказовъ уменьшилось до 40. Такимъ образомъ, какъ число заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія въ каждой губерніи, такъ и количество призрѣваемыхъ въ нихъ значительно уменьшилось въ послѣдніе тридцать лѣтъ,—что служитъ самымъ яснымъ и опредѣленнымъ указаніемъ на полную несостоятельность приказовъ общественнаго призрѣнія, какъ органовъ общественной благотворительности.

Совершенно иную картину даютъ земскія губерніи. Здѣсь число больницъ почти утроилось и возрасло въ среднемъ на губернію съ 9,5 до 26,6. Домъ умалишенныхъ приходится уже не на полторы губерніи, какъ въ дореформенное время, а почти каждая губернія имѣетъ два такихъ заведенія. Число богодѣленъ и инвалидовъ домовъ увеличилось въ пять разъ: вмѣсто двухъ богадѣленъ на одну губернію въ шестидесятыхъ годахъ, теперь ихъ насчитываютъ до 9,8. Сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ приходится въ настоящее время по 2 на губернію, тогда какъ прежде одинъ такой домъ существовалъ на 1,2 губерніи. Кромѣ того, въ земскихъ губерніяхъ установленъ цѣлый рядъ новыхъ видовъ благотворительной помощи и учреждены новые типы заведеній для призрѣнія бѣдныхъ. Такими относительно крупными успѣхами въ общественномъ призрѣніи земскія губерніи обязаны совмѣстной дѣятельности въ этой области земскихъ учреждений, городского самоуправления и частныхъ благотворителей.

Разсмотрѣвъ въ подробностяхъ земскую дѣятельность въ области общественнаго призрѣнія за 30 лѣтъ, мы имѣли уже случай отнѣсать въ печати общіе результаты ея *). Начавъ свою работу—говорили мы—по крайне запущенному и неупорядоченному дѣлу, при чрезвычайно неблагоприятныхъ условіяхъ, съ уменьшенными капиталами общественнаго призрѣнія и съ пониженными спеціальными поступлениями на нужды его, съ разстроенными финансами и при недостаточной внимательности къ своимъ нуждамъ со стороны административныхъ властей,—земскія учрежденія тѣмъ не менѣе

*) См. брошюру нашу «Очеркъ земской дѣятельности по обществ. призрѣнію».

сдѣлали для общественнаго призрѣнія немало. Удѣливъ, напр. въ 1890 г., на народное здравіе 36,3% всѣхъ своихъ необязательныхъ расходовъ (10.343 т. р.), а на народное образованіе 25,3% (7.226 т. р.), земства нашли возможнымъ третье мѣсто по своимъ расходамъ предоставить общественному призрѣнію, ассигновавъ на него 2.787 т. р., составлявшихъ 9,78% необязательныхъ расходовъ. При этомъ земства и по многимъ другимъ статьямъ своихъ смѣтъ и, особенно, по народному здравію удѣляли на нужды призрѣнія значительныя суммы, повышая такимъ образомъ расходы на него, если и не до той высоты, какъ на народное образованіе, то во всякомъ случаѣ близко къ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ земства неизмѣнно стремились обезпечить дѣло призрѣнія постоянными средствами и прежде всего капиталами. Въ 1869 г. имъ было передано 6.500.000 р. капиталовъ, принадлежащихъ приказамъ общественнаго призрѣнія. Несмотря на крайній недостатокъ средствъ, земства въ теченіе 20 лѣтъ увеличили эти капиталы до 8.585 т. р. и, кромѣ того, образовали пенсіонный капиталъ въ 400 т. р. и америтальный почти въ 1½ мил. руб. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ накапливаются и другіе капиталы, предназначенные на благотворительныя цѣли. Таковы капиталы на пособіе переселяющимся крестьянамъ, на содержаніе стипендіатовъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на устройство и содержаніе домовъ и колоній умалишенныхъ, колоній малолѣтнихъ преступниковъ, пріютовъ для подкидышей, на вспоможеніе низшимъ служащимъ въ земствѣ и ихъ семействамъ, вообще на нужды крестьянъ, на субсидіи ссудосберегательнымъ товариществамъ, на улучшение медицинской части, на постройку земскихъ зданій (въ особенности школъ и благотворительныхъ заведеній), на устройство быта безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и на ссуды имъ для покупки земли, на устройство вспомогательныхъ кассъ сельскихъ учителей, на выдачу мелкихъ ссудъ нуждающимся, на благотворительность вообще и на многое другое. Разширеніе средствъ на дѣло общественнаго призрѣнія даетъ возможность земскимъ учрежденіямъ развить его значительно больше, чѣмъ это дѣлали прежніе приказы. Въ то время какъ послѣдніе имѣютъ на губернію 2,6 заведеній съ 106 призрѣваемыми, земства на свои средства содержатъ 6,3 такихъ заведеній съ 409 призрѣваемыми въ нихъ. Но устройствомъ закрытыхъ заведеній далеко не исчерпывается земская дѣятельность по призрѣнію. Приказы общественнаго призрѣнія знаютъ и практикуютъ почти исключительно закрытыя формы призрѣнія *), земства же предпочитаютъ, повидимому, открытые способы помощи. Поэтому, кромѣ оказанія собственно призрѣнія, т. е. доставленія

*) Исключеніе составляетъ раздача подкидышей на воспитаніе по деревнямъ; но и этотъ видъ призрѣнія практикуется по отношенію лишь къ небольшому количеству дѣтей.

нуждающимся крова, пищи и ухода, а для дѣтей—призрѣнія и воспитанія, земскія учрежденія въ своей благотворительной дѣятельности нерѣдко преслѣдуютъ цѣли предупрежденія бѣдности и нищеты. Нѣкоторые земства устраиваютъ для переселенцевъ и отхожихъ рабочихъ бараки и временныя помѣщенія, питательныя станции, страннопріимныя дома, бюро и конторы для приисканія работъ, организуютъ общественныя работы на мѣстахъ, оказываютъ помощь при наводненіяхъ, неурожаяхъ и другихъ стихійныхъ бѣдствіяхъ, образуютъ капиталы для выдачи ссудъ лицамъ, неимѣющимъ законной кредитоспособности, и практикуютъ другіе виды помощи. Въ цѣляхъ организаціи взаимопомощи земства учреждаютъ или содѣйствуютъ учрежденію эмеритальныхъ, вспомогательныхъ и т. п. кассъ и обществъ. Хотя всѣ эти виды призрѣнія не получили еще, за недостаткомъ средствъ, сколько нибудь широкаго распространенія, но важно уже, что они намѣчены, выдвинуты или поддержаны земствомъ и, такимъ образомъ, получили право на законное существованіе и на развитіе въ будущемъ. Главнѣйшая же заслуга земства заключается въ томъ, что оно, выдѣливъ изъ области призрѣнія медицинскую помощь въ самостоятельную часть управленія и принявъ почти всецѣло расходы по организаціи ея на свой счетъ, освободило тѣмъ городскія, сословныя и частныя общества отъ необходимости заботиться о медицинской помощи, предоставивъ имъ возможность обратить свое вниманіе на нужды призрѣнія. Повысивъ при этомъ въ населеніи интересъ къ общественнымъ дѣламъ и живымъ примѣромъ подтвердивъ важность участія въ нихъ общественныхъ силъ, земское самоуправленіе тѣмъ самымъ вызвало населеніе къ самостоятельности и къ инициативѣ въ дѣлахъ, по привычкѣ, считавшихся въ неземскихъ губерніяхъ «предметомъ вѣдѣнія» приказовъ и другихъ казенныхъ учрежденій и потому почти запретныхъ для частныхъ лицъ и обществъ. Этимъ, по преимуществу, нравственнымъ вліяніемъ земскаго самоуправления только и можетъ быть объяснена значительно большая дѣятельность общественныхъ силъ (самаго земства, городского управленія и частныхъ обществъ) въ губерніяхъ, имѣющихъ земское самоуправленіе, по сравненію съ таковыми же, лишенными этого блага. Затѣмъ, земскимъ учрежденіямъ принадлежитъ серьезная заслуга въ выясненіи вопроса объ обязанностяхъ по призрѣнію. Высказываясь, по предложенію мин. внутр. дѣлъ, по вопросу о примѣненіи 535 ст. уст. о общ. призр., земства находятъ, что тѣ изъ нуждающихся въ общественной помощи лицъ, которые имѣютъ свои средства, но вынуждены пользоваться попеченіемъ отъ общества (напр. душевнобольные), обязательно должны оплачивать свое содержаніе. Обязанности родственниковъ лицъ, нуждающихся въ призрѣніи, тоже не отвергаются ими въ принципѣ, какъ не отвергаются и обязанности сельскихъ общинъ. Тѣмъ не менѣе ни родственному, ни сословно-общинному призрѣнію земства, повидимому, не отводятъ значительной роли, высказывая

постоянно, что общая бѣдность крестьянскаго населенія, какъ въ отдѣльныхъ семьяхъ, такъ и въ общинахъ, настолько велика, что исключаетъ возможность правильной постановки на ихъ средства какой бы то ни было формы призрѣнія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда семья и община достаточно состоятельны, онѣ, разумѣется, обязаны оказывать помощь своимъ нуждающимся и содержать ихъ въ заведеніяхъ для призрѣнія. Но такихъ случаевъ въ жизни немного, и потому тягота призрѣнія должна перейти на болѣе крупныя общественныя организаціи: на волость или на уѣздное земство. Въ такомъ родѣ высказалось 254 земскихъ собранія и крестьянскихъ присутствій изъ общаго числа 292-хъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ. Этими отзывами земства вопросъ о сословномъ крестьянскомъ призрѣніи можетъ считаться осужденнымъ навсегда: безсословность въ расходахъ (волостныхъ или земскихъ) на призрѣніе, очевидно, считается важнѣйшимъ условіемъ для правильной и болѣе широкой постановки этого дѣла.—Далѣе небезынтересно отмѣтить, что для упорядоченія земской дѣятельности въ различныхъ областяхъ «предметовъ земской дѣятельности» и въ томъ числѣ въ области общественнаго призрѣнія, наше самоуправленіе въ теченіе всей своей исторіи постоянно стремилось къ устройству специальныхъ мѣстныхъ губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ и даже сельскихъ органовъ. Таковы учреждаемые земствомъ врачебныя комитеты, санитарныя комиссіи, экономическіе и сельскохозяйственныя совѣты и бюро, попечительства для завѣдыванія отраслями благотворительной дѣятельности и т. п. учрежденія. Предназначая для каждой категоріи ихъ особыя функціи и обязанности, земскія учрежденія пытались образовать и особый составъ созданныхъ ими органовъ. Достаточное количество попытокъ учредить ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, въ цѣляхъ проведенія въ жизнь всего дѣла призрѣнія или только отдѣльныхъ частей его, показываетъ на созрѣвшую въ земствѣ и въ населеніи потребность въ нихъ и на необходимость облегчить способы къ открытію губернскихъ, уѣздныхъ и мѣстныхъ (т. е. волостныхъ и сельскихъ) органовъ общественнаго призрѣнія.

Такова въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ дѣятельность земства въ области призрѣнія, количественно и качественно превышающая въ значительномъ размѣрѣ какъ дѣятельность сословныхъ обществъ и церковно-приходскихъ попечительствъ, такъ и приказовъ общественнаго призрѣнія. Но несомнѣнно при этомъ, что и земская дѣятельность далеко недостаточна и, по сравненію съ размѣрами нужды въ призрѣніи, должна считаться даже ничтожной. Главная заслуга земства заключается въ выдѣленіи изъ области призрѣнія и постановкѣ медицинской части, въ пробужденіи общественной самодѣятельности въ призрѣніи, въ расширеніи области послѣдняго и въ правильномъ освѣщеніи многихъ темныхъ вопросовъ этого сложнаго дѣла.

Дѣятельность городского самоуправления, какъ мы уже видѣли,

количественно превосходить земскую. Всѣ городскія управленія имперіи расходуютъ въ общемъ на нужды призрѣнія, судя по даннымъ за 1893 г., до 6.025.675 р. Большая часть этихъ расходовъ, а именно, 4.852.286 р., упадетъ на городскія управленія земской Россіи. Однако, сдѣлать заключеніе по этой значительной цифрѣ о повсемѣстной въ городахъ удовлетворительной постановкѣ призрѣнія, было бы неосновательно, такъ какъ въ указанной суммѣ заключаются дѣйствительно большія, простирающіяся до 4.068.779 р., затраты двухъ столичныхъ и одесскаго городского общественныхъ управленій, за вычетомъ которыхъ на всѣ остальные города 34-хъ земскихъ губерній остается, изъ общаго ассигнованія на нужды общественнаго призрѣнія, только 783.507 руб. На такую сумму поставить дѣло сколько нибудь правильно и широко въ огромной части имперіи, разумѣется, невозможно. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ городскія управленія предназначаютъ на общественное призрѣніе поразительно малыя средства. Такъ всѣ города Олонецкой губ. отпускали въ 1893 г. на призрѣніе бѣдныхъ всего 1683 р., Уфимской—3096 р., Смоленской—4100, Полтавской—4382 р. и т. д. Вообще городскія управленія 11-ти губерній ассигнуютъ на благотворительную часть такъ мало, что сумма такихъ ассигнованій для каждой изъ этихъ губерній не достигаетъ даже 10 т. р. въ годъ. Затѣмъ города 13-ти губерній расходуютъ на призрѣніе въ общей суммѣ для каждой изъ нихъ отъ 11-ти до 20 т. р.; пять губерній—отъ 20 до 50 т., а города губерній Орловской, Пермской, Казанской, Таврической и Херсонской (безъ Одессы) отпускаютъ на общественное призрѣніе отъ 50 до 111, 2 т. р. на губернію. Отсюда очевидно, что изъ общаго числа земскихъ губерній только въ послѣднихъ пяти да въ столицахъ и въ Одессѣ городскія управленія доставляютъ на потребности благотворенія относительно значительныя суммы, на которыя дѣло призрѣнія возможно поставить нѣсколько лучше, чѣмъ въ остальныхъ городахъ. Поэтому указанные губерніи и города располагаютъ въ общемъ и относительно большимъ противъ другихъ количествомъ благотворительныхъ учреждений и заведеній. Въ среднемъ же для всѣхъ городовъ 28-ми земскихъ губерній (не считая столичныхъ) количество установленій для общественнаго призрѣнія очень невелико и, вмѣстѣ съ сословными (купеческими, мѣщанскими и ремесленными), не превышаетъ 497. Отъ нихъ получаетъ закрытое и открытое призрѣніе свыше 314,5 тыс. нуждающихся. На каждую губернію, такимъ образомъ, приходится 17,7 городскихъ благотворительныхъ установленій и болѣе 11,2 тыс. призрѣваемыхъ. Цифры эти, по сравненію съ исчисленными для земскихъ учреждений, довольно велики, но такъ какъ сумма средняго расхода городовъ каждой губерніи въ отдѣльности (кроме столичныхъ) почти не превышаетъ 23 т. р., то очевидно, что большинство изъ 11,2 т. лицъ, пользующихся попеченіемъ отъ городовъ, получаетъ его въ самыхъ дешевыхъ видахъ (напр., въ формѣ бесплат-

наго ночлега), едвали могущихъ удовлетворить потребностямъ нуждающихся. Въ неземскихъ губерніяхъ и областяхъ городское призрѣніе поставлено еще слабѣе. Въ нихъ даже многіе губернскіе города тратятъ на благотворительность всего лишь по нѣскольку сотъ рублей. Болѣе 20 т. расходуютъ Лодзь, Оренбургъ и Ревель; Иркутскъ тратитъ свыше 40 т., Астрахань свыше 76 т.; болѣе же 100 т. отпускаютъ: Кіевъ—112,7 т., Варшава—153,4 т. и Рига—385.530 р. Такимъ образомъ, только эти три города расходуютъ 651,6 т. р., всѣ же остальные города и городскія поселенія 37-ми неземскихъ губерній и областей ассигнуютъ всѣ выѣсты на нужды призрѣнія 521,7 т. р., что составляетъ немногимъ болѣе 14 т. р. на каждую губернію или область. При такихъ расходахъ естественно ожидать, что въ 16-ти изъ этихъ губерній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ трудахъ комиссіи, насчитывается только 102 благотворительныхъ городскихъ учреждений и 2,888 призрѣваемыхъ, т. е. на каждую губернію 6,83 установленія и 193 призрѣваемыхъ. Очевидно, что дѣло призрѣнія бѣдныхъ здѣсь еще только зарождается. Несмотря на это, при сужденіи о правоспособности городскихъ общественныхъ управленій устроить и развить у себя дѣло призрѣнія, необходимо принять въ разсчетъ, что въ общемъ они расходуютъ свыше 6 мил. р., т. е. не только много больше церковно-приходскихъ попечительствъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, но и больше земскихъ учреждений, что число городскихъ благотворительныхъ установленій относительно довольно значительно, а количество призрѣваемыхъ въ нихъ насчитывается сотнями тысячъ, что, наконецъ, крупныя городскія центры тратятъ значительныя суммы на дѣло призрѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ стремятся поставить его на вполне правильныхъ и широкихъ началахъ. Такого рода стремленія обнаружались въ Екатеринбургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Харьковѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Особаго вниманія заслуживаетъ новая организація общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.

Въ 1891 г. московская городская дума постановила ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи городскому управленію Москвы «учреждать участковыя попечительства о бѣдныхъ для сбора пожертвованій, раздачи пособій нуждающимся и постоянного наблюденія за призрѣваемыми». По утвержденіи этого ходатайства московская городская дума приняла разработанный особой комиссіей, подъ предсѣдательствомъ проф. В. И. Герье, проектъ положенія объ участковыхъ попечительствахъ, а въ концѣ 1894 г. постановила выдавать ежегодно по 1.000 р. каждому изъ имѣющихъ открыться въ Москвѣ первыхъ 40 городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Затѣмъ, для начала дѣла дума избрала 24 участковыхъ попечителя и товарищей къ нимъ, утвердила предложенныхъ этими попечителями членовъ совѣта для каждого попечительства и, черезъ городского голову, обратилась съ воззваніемъ ко всѣмъ городскимъ жителямъ, которыхъ просила «безъ исключенія и безъ различія званія и

пола вступать въ ряды попечительствъ». Такимъ образомъ организовались мелкіе органы общественнаго призрѣнія—попечительства, каждое изъ которыхъ состоитъ изъ попечителя, его товарища, отъ 4 до 10 членовъ совѣта и неограниченнаго количества сотрудниковъ, приглашаемыхъ попечителемъ и утверждаемыхъ въ этомъ званіи совѣтомъ. Затѣмъ, почти всѣ попечительства подраздѣлились на болѣе мелкіе отдѣлы и районы, которыми завѣдуютъ члены совѣта съ сотрудниками. Пречистенское, напр., попечительство раздѣлено на 43 района. Всѣ попечители вмѣстѣ, подъ предсѣдательствомъ городского головы, составляютъ общее городское попечительство, которое является для Москвы центральнымъ руководящимъ органомъ. Такая организація сразу вызвала замѣтное оживленіе въ постановкѣ дѣла призрѣнія въ Москвѣ. Благодаря тому, что на призывъ думы откликнулось 1.721 лицо, пожелавшихъ принять личное участіе въ городской благотворительности, явилась возможность индивидуализировать помощь бѣднымъ, т. е. организовать ее такъ, чтобы положеніе каждаго нуждающагося, обращающагося за помощью, было изслѣдовано, чтобы самая помощь соответствовала нуждѣ и основывалась на личномъ участіи благотворищаго къ благотворимому. Добровольные дѣятели въ области призрѣнія собрали въ Москвѣ, не считая вещей и разныхъ предметовъ, около 140 т. р. на нужды общественнаго попеченія и получили 60 т. р. отъ думы и до 38 т. р. отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны. Разсмотрѣвъ въ теченіи года 21928 просьбъ и прошеній, попечительства г. Москвы приняли въ свои убѣжища 668 престарѣлыхъ лицъ и 342 ребенка, а кромѣ того роздали деньгами въ пособіе бѣднымъ 237.874 руб. 52 к. Виды открытой помощи всегда соответствовали нуждамъ бѣдныхъ и были чрезвычайно разнообразны. Нуждающіеся получали на руки деньги, хлѣбъ, необходимыя вещи, за нихъ вносились квартирная плата, выкупъ за заложенныя вещи, стоимость паспорта или больничной контромарки; имъ предоставлялась врачебная помощь, лѣкарства, средства на похороны, на отправку на родину; затѣмъ нуждающіеся получали работу и имъ прискивались мѣста. Въ общемъ дѣятельность новой организація оказалась удачною и способною поставить дѣло призрѣнія на должную высоту. Примѣръ Москвы не остался безъ вліянія и уже вызываетъ въ нѣкоторыхъ городахъ подражаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ внесетъ въ дѣло городской благотворительности новое направленіе и значительно оживитъ ее.

Наибольшее количество филантропическихъ учреждений и наибольшее число призрѣваемыхъ имѣли, въ 44-хъ губерніяхъ, о которыхъ собраны комиссіей свѣдѣнія,—частныя благотворительныя общества и установленія. Здѣсь названная комиссія насчитала ихъ, безъ церковно-приходскихъ попечительствъ, до 560, почти съ 800 т. призрѣваемыхъ и съ 850 тыс. руб. расхода *). Общая цифра

*) Матер. по обществ. призр. Нѣк. дан. и т. д.

установленій, приведенная комиссіей, должна казаться сильно уменьшенной. Однако, при разсмотрѣніи ея необходимо принять во вниманіе прежде всего, что въ счетъ 44-хъ губерній, о которыхъ комиссія получила свѣдѣнія, не вошли двѣ столичныхъ. Между тѣмъ, въ одномъ Петербургѣ къ 1890 г. числилось приблизительно 220 частныхъ благотворительныхъ установленій, имѣвшихъ на своемъ попеченіи 57 т. нуждающихся и расходовавшихъ болѣе 1½ мил. руб. Затѣмъ, въ Москвѣ такихъ установленій было до 80 съ 88 т. нуждающихся и бюджетомъ болѣе чѣмъ въ 1 мил. р. Въ Ригѣ, не вошедшей въ подсчетъ, расходовалось частными учрежденіями и лицами до 400 т. р.; не менѣе того давали и жители Одессы. Такимъ образомъ, присоединивши только частную благотворительность этихъ четырехъ городовъ, получимъ почти 1000 установленій, призрѣвающихъ не менѣе 1 мил. нуждающихся и расходующихъ на это болѣе 4 мил. руб. Къ этому итогу необходимо присоединить частную благотворительную дѣятельность остальныхъ 27-ми губерній и областей, о которыхъ комиссія не имѣла свѣдѣній. Оставаясь на той же почвѣ приблизительныхъ вычисленій, мы должны будемъ допустить, что въ этихъ 27-ми губерніяхъ и областяхъ дѣйствуетъ, по всей вѣроятности, до 350 учреждений, помогающихъ, по крайней мѣрѣ, полумилліону нуждающихся и располагающихъ бюджетомъ свыше чѣмъ въ 520 т. р. Судя, по количеству утверждаемыхъ министерствомъ внутр. дѣлъ уставовъ благотворительныхъ обществъ, необходимо допустить, что число частныхъ установленій по крайней мѣрѣ вдвое превосходитъ приведенныя цифры. Свѣдѣній о нихъ, къ сожалѣнію, не имѣется. Но, принимая во вниманіе, что они не были зарегистрированы губернскимъ начальствомъ тѣхъ 44-хъ губерній, которыя сообщили комиссіи свои данныя, возможно допустить, что дѣятельность ихъ незначительна и что они не исполняютъ сколько нибудь замѣтной роли въ общемъ дѣлѣ постановки общественнаго призрѣнія. Но, даже и не считая ихъ, необходимо признать, что значеніе частной благотворительности у насъ весьма существенно. Въ дореформенное время въ Россіи существовало только 17 частныхъ благотворительныхъ обществъ, причемъ для открытія ихъ всякій разъ требовалось Высочайшее соизволеніе. Съ упрощеніемъ порядка открытія частныхъ благотворительныхъ установленій и съ общимъ культурнымъ движеніемъ русскаго общества, число ихъ за какихъ нибудь 30 лѣтъ возросло на цѣлыя тысячи, а расходы поднялись до нѣсколькихъ милліоновъ. Явленіе это настолько важно и крупно, что съ нимъ невозможно не считаться при будущемъ законодательномъ упрядоченіи дѣла призрѣнія.

Разсмотрѣвъ средства и способы, служащіе къ удовлетворенію нужды въ призрѣніи, попытаемся подвести, разумѣется въ приблизительныхъ исчисленіяхъ, нѣкоторые итоги имъ. Относительно земскихъ губерній мы установили, какъ легко убѣдиться изъ приве-

денныхъ данныхъ, что общественнымъ попеченіемъ пользуется въ нихъ только 1.900 т. л. об. пола. Безъ помощи же остаются тамъ крайней мѣрѣ 1.300 т. нуждающихся *). Дѣлая подобныя же вычисления для неземскихъ губ. и руководствуясь приведенными выше данными, не трудно подсчитать, что во всей имперіи общественное призрѣніе оказывается приблизительно 3 мил. лицамъ и ужъ никакъ не болѣе 3 1/2 мил. При этомъ, однако, необходимо имѣть въ виду, что для большей части призрѣваемыхъ, общественное попеченіе ограничивается такими примитивными и дешевыми видами (въ родѣ ночлега, ничтожной подачи и т. п.), которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ удовлетворить даже насущнѣйшихъ и необходимѣйшихъ нуждъ лицъ, ищущихъ призрѣнія. Помощь, напр., восьми стамъ тысячамъ нуждающихся, получающимъ ее отъ частныхъ обществъ 28-ми земскихъ губерній, обходится въ среднемъ на каждого около 1 р. 10 к.; городскія общества въ тѣхъ же мѣстностяхъ ассигнуютъ немногимъ болѣе 2 р. на каждого обращающагося къ нимъ за пособіемъ. Въ такихъ размѣрахъ помощь, разумеется, не можетъ считаться достаточной, а потому положеніе даже тѣхъ 3—3 1/2 мил. нуждающихся, которые находятся на общественномъ попеченіи, заслуживаетъ серьезнаго вниманія къ себѣ. Но кромѣ ихъ, безъ всякой помощи остается еще отъ 2 до 2,2 милліоновъ нуждающихся, которые, какъ мы уже видѣли, неизбежно имѣютъ передъ собой одинъ изъ трехъ исходовъ: нищенство, преступленіе и преждевременную смерть. При такой организаціи дѣла призрѣнія нуждающихся, которая допускаетъ, съ одной стороны, неоказаніе помощи цѣлымъ милліонамъ людей, а съ другой—вполнѣ недостаточную помощь другимъ милліонамъ, страдаетъ и безопасность остальнаго населенія, и нравственное достоинство его, и общественное благоустройство. Поэтому вопросъ объ упорядоченіи призрѣнія необходимо признать чрезвычайно важнымъ и настоятельнымъ. Упорядоченіе же его при современномъ законодательствѣ объ общественномъ призрѣніи невозможно, а потому практически вопросъ сводится прежде всего къ пересмотру существующихъ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ къ разсмотрѣнію значенія которыхъ въ постановкѣ всего дѣла мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ.

III.

При ознакомленіи съ постановленіями русскаго законодательства по общественному призрѣнію невольно бросается въ глаза чрезвычайная обширность его (болѣе 1,700 статей!) и крайняя разбросанность почти по всѣмъ частямъ свода законовъ. Наибольшее число статей, касающихся общественнаго попеченія, сгруппировано въ т. XIII, въ «Уставѣ о общественномъ призрѣніи». Затѣмъ, важныя въ практическомъ отношеніи статьи вошли въ «Уставъ о преду-

*) Нов. Слово № 7.

прежденіи и пресѣченіи преступленій» (т. XIV св. зак.), а также въ «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ» (12 іюня 1890 г.) и въ «Городовое Положеніе» (11 іюня 1892 г.). Постановленія, касающіяся общественнаго призрѣнія, занимаютъ въ послѣднихъ двухъ Положеніяхъ не болѣе нѣсколькихъ пунктовъ одной статьи, но ими въ значительной мѣрѣ опредѣляется объемъ дѣла въ рукахъ земскихъ и городскихъ учреждений, вслѣдствіе чего значеніе ихъ весьма велико. Не безразличными для дѣла являются также и нѣкоторыя статьи «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», «Устава о земскихъ повинностяхъ», законовъ о состояніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ частей свода. Не имѣя въ виду перечислять всѣхъ постановленій нашего законодательства по общественному призрѣнію, а тѣмъ болѣе излагать подробно содержаніе ихъ, мы тѣмъ не менѣе попытаемся отмѣтить здѣсь какъ общую характеристику важнѣйшихъ изъ этихъ законоположеній, такъ въ особенности тѣхъ изъ нихъ, неопредѣленность которыхъ или несоотвѣтствіе ихъ дѣйствительнымъ условіямъ жизни, служатъ крупнымъ тормазомъ въ правильной и широкой, соотвѣтствующей размѣрамъ нужды, постановкѣ въ Россіи дѣла общественнаго попеченія во всемъ его объемѣ.

«Уставъ о общественномъ призрѣніи» начинается изложеніемъ «положеній общихъ», которыя касаются общаго завѣдыванія призрѣніемъ, мѣстнаго завѣдыванія имъ и «предметовъ призрѣнія» (т. е. формъ и видовъ, въ которыхъ проявляется оно). Обратимся къ краткому изложенію этихъ положеній, опредѣляемыхъ закономъ.

По ст. 1-й «Устава», главное завѣдываніе дѣлами общественнаго призрѣнія принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, общій же «мѣстный надзоръ за соблюденіемъ предписанныхъ» въ уставѣ «постановленій о общественномъ призрѣніи возлагается на главныхъ начальниковъ губерній и областей, а равно на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности» (ст. 2). Затѣмъ, уставъ указываетъ, что «завѣдываніе общественнымъ призрѣніемъ въ губерніяхъ и уѣздахъ поручается состоящимъ въ нихъ земскимъ учрежденіямъ», а гдѣ таковыхъ нѣтъ—«приказамъ общественнаго призрѣнія или замѣняющимъ оныя установленіямъ» (ст. 3). Далѣе устанавливается, что «попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и прекращеніе нищенства въ городахъ» и принятіе нѣкоторыхъ другихъ мѣръ по призрѣнію въ нихъ «принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства подлежащихъ городскихъ общественныхъ управленій» (ст. 8); мѣры же «общественнаго призрѣнія крестьянъ относятся къ вѣдѣнію сельскихъ и волостныхъ управленій, по принадлежности» (9). Этимъ и исчерпываются «положенія общія», касающіяся общаго и мѣстнаго завѣдыванія общественнымъ призрѣніемъ. Изъ нихъ очевидно, что законодатель не имѣлъ въ виду никакихъ спеціальныхъ, кромѣ приказовъ, органовъ по призрѣнію и завѣдываніе имъ возложилъ на учрежденія, исполняющія и многія

другія обязанности. Не касаясь этого вопроса въ подробностяхъ, какъ неимѣющаго первостепеннаго значенія, мы тѣмъ неменѣе считаемъ необходимымъ отмѣтить, что общественное призрѣніе тѣсно связано съ общимъ хозяйственнымъ управленіемъ, а въ частности съ экономическими мѣропріятіями, съ народнымъ продовольствіемъ, съ медицинской частью и т. п. «предметами вѣдѣнія», а потому естественно должно входить въ кругъ дѣятельности того центрального учрежденія, которое руководить и всеми остальными изъ указанныхъ отраслей управленія. Но при этомъ возможно, что обширность и сложность дѣла призрѣнія, а также огромный кругъ лицъ и установленій, которыхъ касается оно, вызовутъ необходимость учрежденія въ указанномъ вѣдомствѣ самостоятельной части для завѣдыванія имъ. Дѣло въ такомъ случаѣ, вѣроятно, выиграетъ; но тѣмъ не менѣе для интересовъ его гораздо большее значеніе имѣетъ вопросъ о мѣстномъ завѣдываніи имъ. Приведенный нами очеркъ сравнительной дѣятельности по призрѣнію крестьянскихъ обществъ, приказовъ, земскихъ и городскихъ учреждений и частныхъ благотворительныхъ установленій въ достаточной мѣрѣ уясняетъ этотъ вопросъ.

Въ дѣйствующемъ законѣ, очевидно, проведено то начало, по которому завѣдываніе призрѣніемъ на мѣстахъ поручается въ большинствѣ случаевъ общественнымъ союзамъ, обязаннымъ нести матеріальныя жертвы на осуществленіе заботъ по призрѣнію. Такъ, «мѣры призрѣнія крестьянъ относятся къ вѣдѣнію сельскихъ и волостныхъ управленій», очевидно потому, что по послѣдующимъ статьямъ (580, 581 и 582) того же устава «престарѣлые, дряхлые и увѣчные члены сельскихъ обществъ», если они не имѣютъ родственниковъ, или если послѣдніе бѣдны, «призрѣваются на счетъ крестьянскихъ обществъ». Призрѣніе ихъ, «а равно круглыхъ сиротъ составляетъ обязательную мірскую повинность крестьянскихъ обществъ». Тѣ же обязанности крестьянскихъ обществъ возлагаются на нихъ и пунк. 6-мъ ст. 179-й т. IX св. зак. «общ. полож. о крест., вышедш. изъ крѣп. завис.» Въ силу этихъ обязанностей, естественно было предоставить крестьянскимъ обществамъ и завѣдываніе «мѣрами призрѣнія». Точно тоже начало проводится и по отношенію къ земству и городамъ. Возложивъ на нихъ завѣдываніе призрѣніемъ, законъ поручаетъ земствамъ «оказаніе пособій нуждающемуся населенію разрѣшенными способами» (п. 3 ст. 2 полож. о губ. и уѣздн. земск. учр.) и, кромѣ управленія заведеніями, въ числѣ предметовъ вѣдѣнія земствъ, указываетъ «попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ, неизлѣчимыхъ больныхъ и умалишенныхъ, а также сирыхъ и увѣчныхъ» (пунктъ 7-й той же ст.). Къ такимъ же предметамъ вѣдомства городскихъ управленій, пунктомъ V, ст. 2 городского положенія, отнесены «попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства; устройство благотворительныхъ и лечебныхъ заведеній» и т. п. Такимъ образомъ и здѣсь обязанности по

завѣдыванію являются слѣдствіемъ обязанностей по призрѣнію. Это направленіе выдерживается дальше по отношенію къ сословнымъ городскимъ обществамъ и по отношенію къ частнымъ благотворительнымъ установленіямъ. Вездѣ, гдѣ общество даетъ средства на призрѣніе, оно, въ лицѣ своихъ представителей, или своихъ же общественныхъ управленій, является главнымъ распорядителемъ дѣла, на которое несетъ общественные сборы. Рѣзкое исключеніе составляютъ приказы общественного призрѣнія, которые, помимо своихъ средствъ, требуютъ весьма значительныхъ ассигнованій изъ земскихъ источниковъ, пользуются добровольными пожертвованіями и приношеніями, штрафами и другими средствами мѣстныхъ обществъ, и не смотря на это до сихъ поръ остаются учрежденіями почти исключительно бюрократическими. Полная непригодность приказовъ общественного призрѣнія, какъ органовъ этого дѣла, признана еще при введеніи земскихъ учрежденій, когда дѣятельность ихъ была осуждена и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и законодательными властями. Поэтому говорить подробно о необходимости упраздненія ихъ едва ли представляется какая либо надобность. Достаточно указать на приведенныя выше данныя о результатахъ дѣятельности ихъ, чтобы видѣть, что они совершенно отжили свой вѣкъ. Въ тѣхъ же данныхъ находятся важныя указанія и на степень возможности для сословныхъ организацій исполнять возложенныя на нихъ обязанности по призрѣнію. Крестьянскія общины несомнѣнно имѣютъ въ своей средѣ больше другихъ сословныхъ обществъ лицъ, нуждающихся въ призрѣніи, а между тѣмъ они дѣлаютъ для призрѣнія ихъ меньше всѣхъ остальныхъ учреждений и при томъ такъ, что чѣмъ бѣднѣе общины и, слѣдовательно, чѣмъ больше въ нихъ нуждающихся, тѣмъ меньше онѣ могутъ удѣлять и, дѣйствительно, тѣмъ меньше удѣляютъ своихъ средствъ для помощи имъ. Кромѣ того, при общей бѣдности нашего крестьянскаго населенія, въ немъ возможны только самыя примитивныя способы призрѣнія, едва улучшающіе положеніе призрѣваемыхъ, и совсѣмъ невозможна, требующая болѣе значительныхъ средствъ, правильная система общественного попеченія. Поэтому оставлять призрѣніе крестьянъ на обязанности общинъ, къ которымъ принадлежатъ они, значитъ идти на переборъ и вопреки всему нашему опыту и умышленно пресѣкать возможность развитія дѣла. Тоже самое должно сказать и по отношенію къ городскимъ сословіямъ. По 200 ст. устава общ. призр. за пользованіе въ больницахъ «неимущихъ больныхъ, принадлежащихъ къ разнымъ вѣдомствамъ или же городскимъ и сельскимъ обществамъ, взыскивается плата съ означенныхъ вѣдомствъ или обществъ, вѣдѣнію коихъ принадлежатъ призрѣваемые». Въ силу этой статьи мѣщанскія общества и ремесленныя, гдѣ они существуютъ, несутъ тяжелые расходы на лѣченіе лицъ, принадлежащихъ къ ихъ общинамъ, несмотря на то, что члены этихъ обществъ не освобождаются отъ земскихъ и городскихъ сборовъ ни вообще, ни въ тѣхъ частяхъ

ихъ, которыя идутъ на содержаніе больницъ. Такъ какъ при этомъ городскія сословія заботятся и о другихъ мѣрахъ призрѣнія по отношенію къ своимъ членамъ, то обязанности ихъ въ этой области оказываются весьма значительными, а въ не большихъ и не богатыхъ обществахъ, по бѣдности ихъ, совершенно неисполнимыми. Больше же состоятельныя сословія—купеческое и дворянское, по дѣйствующему закону, не призываются къ обязательному призрѣнію своихъ членовъ, а потому уплачиваютъ расходы на этотъ предметъ только въ качествѣ плательщиковъ земскихъ и городскихъ сборовъ. Самыя же бѣдныя и наименѣе платежеспособныя сословія—крестьянское и мѣщанское несутъ повинность общественнаго призрѣнія вдвойнѣ: и какъ сословія, обязанныя заботиться о призрѣніи своихъ членовъ, и какъ земскіе или городскіе плательщики. Уничтоженіе этой несправедливости тѣмъ необходимѣе, что она безцѣльна, такъ какъ сословныя обязанности по призрѣнію непосильны общинамъ и только препятствуютъ улучшенію самаго дѣла.

Но если сословныя общины должны быть избавлены отъ призрѣнія своихъ членовъ и обязанность эта должна сдѣлаться безсословной, то отсюда логически вытекаетъ ненужность и сословныхъ органовъ призрѣнія, которыми въ уѣздахъ служатъ, по закону, волостныя и сельскія управленія. Столь мелкіе органы весьма важны и имѣютъ значеніе въ цѣляхъ индивидуализаціи призрѣнія, такъ какъ дѣятели этихъ органовъ, зная мѣстныхъ жителей и мѣстныя нужды, могутъ скорѣй и лучше изслѣдовать нужду каждого ищущаго общественнаго попеченія и цѣлесообразнѣй направить помощь ему. Но для этого нѣтъ надобности въ сословныхъ органахъ. Напротивъ того, участіе въ этомъ дѣлѣ учителя, врача, священника, помѣщика и другихъ представителей деревенской интеллигенціи, не принадлежащей къ крестьянскому обществу, способно только оживить и улучшить дѣло. Поэтому сословныя органы призрѣнія въ деревняхъ, съ большей пользой, могутъ быть замѣнены всесословными организаціями, въ родѣ попечительствъ, комиссій и т. п. учреждений, создаваемыхъ и теперь время отъ времени земствомъ для санитарныхъ и нѣкоторыхъ другихъ цѣлей. Подобныя учрежденія знакомы населенію и будутъ въ деревняхъ такими же земскими органами по призрѣнію, какими являются въ Москвѣ городскія участковыя попечительства по отношенію къ городскому общественному управленію.

Установленныя закономъ обязанности по призрѣнію земствъ и городскихъ думъ выполняются ими, какъ мы уже видѣли, лучше, чѣмъ другими учрежденіями. Какъ ни незначительна дѣятельность ихъ въ области призрѣнія сравнительно съ нуждой, она, все таки, и количественно, и качественно обращаетъ на себя вниманіе. Стѣсненные средствами и неотложностью многихъ другихъ своихъ обязанностей, земства и города не могли развить дѣла общественнаго призрѣнія соотвѣтственно нуждѣ въ немъ, но тѣмъ не менѣе первыя

изъ нихъ прочно поставили одну изъ отраслей этого дѣла (медицинскую), а оба вмѣстѣ намѣтили правильные пути въ другихъ отрасляхъ и не останавливались во многихъ случаяхъ передъ осуществленіемъ ихъ. Поэтому имъ естественно принадлежитъ руководящая на мѣстахъ роль въ призрѣніи. Можно только пожалѣть, что законъ не достаточно подробно уясняетъ эту роль, не указываетъ способовъ осуществленія земствами и городами обязанностей по призрѣнію, не уясняетъ имъ ихъ правъ, необходимыхъ для проведенія въ жизнь мѣропріятій этого рода, и не предоставляетъ на нихъ особыхъ, сколько нибудь значительныхъ, средствъ и источниковъ ихъ. Даже въ цѣляхъ завѣдыванія дѣломъ призрѣнія современный законъ не даетъ вполне опредѣленныхъ указаній. Съ одной стороны, несомнѣнно, что исполненіе всѣхъ возложенныхъ на земство обязанностей весьма важно сосредоточить въ одномъ земскомъ органѣ—въ управѣ, но съ другой стороны, очевидно, что чрезвычайная сложность дѣлъ земскихъ и городскихъ управъ, лишенная возможности воспользоваться опытомъ другихъ лицъ, препятствуетъ правильной и широкой постановкѣ ихъ. Законъ, по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, выходитъ изъ этого неудобнаго положенія тѣмъ, что предоставляетъ земскимъ собраніямъ, «для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и управленія, въ помощь земскими управамъ», избирать особыхъ лицъ «какъ изъ гласныхъ, такъ и изъ владѣльцевъ, имѣющихъ право непосредственнаго голоса въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ», а земскія управы уполномочиваетъ «для управленія земскими имуществами и заведеніями» и для исполненія спеціальныхъ обязанностей «приглашать постороннихъ лицъ (ст. 105 положен. о губ. и уѣздн. земск. учр.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ не разрѣшаетъ собраніямъ привлекать къ дѣлу лицъ, неимѣющихъ права голоса въ земствѣ, не опредѣляетъ ни взаимнаго отношенія между избираемыми собраніями лицами и управами, не устанавливаетъ компетенціи ихъ и порядка дѣйствій. А между тѣмъ участіе возможно большаго количества мѣстныхъ жителей въ нѣкоторыхъ земскихъ дѣлахъ чрезвычайно важно, не только потому, что воспитываетъ ихъ въ общественныхъ интересахъ, но и потому, что оживляетъ эти дѣла, привлекая къ нимъ постоянно новыя силы, количественно ограниченныя Положеніемъ 1890 г. Къ такого рода дѣламъ относится и общественное призрѣніе, успѣхъ котораго всецѣло зависитъ отъ участія въ немъ общества. Поэтому намъ казалось бы, что создать для помощи управамъ въ дѣлѣ завѣдыванія призрѣніемъ въ уѣздахъ и городахъ особые совѣщательные земскіе и городскіе органы (попечительства), въ которые вошли бы представители мѣстнаго общества, весьма полезно и желательно. Такія уѣздныя земскія и городскія попечительства о бѣдныхъ, направляя дѣятельность членовъ ихъ на спеціальный предметъ, постепенно заинтересовывали бы имъ общество и изощряли бы его въ изысканіи способовъ и средствъ для осуществленія помощи бѣднымъ, воспи-

тывали бы въ немъ нравственное чувство состраданія къ ближнему, а вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняя по преимуществу совѣщательную роль при управахъ, не препятствовали бы имъ направлять свою дѣятельность по призрѣнію въ общей связи съ остальными отраслями земской и городской компетенціи. Если при этомъ управы будутъ обязаны, по примѣру созданной земствомъ санитарной и медицинской организаціи, давать объясненія собраніямъ и думамъ по своимъ разногласіямъ съ попечительствами и по своимъ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ постановленіями этихъ попечительствъ, то послѣднія несомнѣнно приобрѣли бы авторитетъ и могли бы привлечь въ свою среду болѣе независимыхъ и дѣятельныхъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи. Всѣ эти соображенія въ одинаковой мѣрѣ примѣнимы и къ губернской организаціи, въ средѣ которой губернское земское попечительство еще необходимѣе, чѣмъ уѣздныя, такъ какъ на немъ должна лежать серьезная и важная обязанность по объединенію всѣхъ дѣйствующихъ въ предѣлахъ губерніи установленій по общественному призрѣнію и частной благотворительности.

Такимъ образомъ организація заведыванія призрѣніемъ несомнѣнно должна всецѣло основываться на организаціи обязанностей по общественному попеченію; но при этомъ необходимо, чтобы обязанности по призрѣнію возлагались на тѣ общественныя союзы, которые по матеріальнымъ средствамъ своимъ въ силахъ вынести ихъ и чтобы органы заведыванія призрѣніемъ сьорганизовались при возможно большемъ участіи образованнаго общества и всего населенія. Этимъ условіямъ удовлетворить, съ одной стороны, возложеніе всѣхъ обязанностей по призрѣнію не на сословныя общества, а на всесословныя земства и городскія управленія, которымъ для этого могли бы быть предоставлены необходимые источники средствъ или матеріальная помощь отъ правительства, а съ другой—организація мелкихъ—участковыхъ уѣздныхъ и участковыхъ же городскихъ попечительствъ, служащихъ для индивидуализаціи помощи, затѣмъ уѣздныхъ земскихъ и городскихъ попечительствъ, для помощи управамъ въ заведываніи по дѣламъ призрѣнія въ уѣздахъ и городахъ, губернскихъ попечительствъ для тѣхъ же цѣлей и объединенія всей благотворительности въ губерніи и, наконецъ, компетентнаго центрального въ имперіи органа общественнаго призрѣнія. Безъ такой законодательной постановки органовъ призрѣнія и обязанностей въ области его едва ли возможно рассчитывать на какія нибудь существенныя улучшенія въ немъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при колебаніи и нерѣшительности въ проведеніи указанныхъ положеній, можно даже ожидать значительнаго ухудшенія въ дѣлѣ призрѣнія. Если бы, напр., обязанности по призрѣнію были размежеваны новымъ законодательствомъ такъ, что призрѣніе нуждающихся крестьянъ осталось бы на обществахъ, а попеченіе о бѣдныхъ другихъ сословій отошло бы къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, то результаты вышли бы довольно печаль-

ные. Современный законъ, устанавливая обязанности крестьянскихъ обществъ по призрѣнію, возлагаетъ и на земство попеченіе о нуждающемся населеніи вообще, т. е. въ томъ числѣ и о крестьянскомъ вслѣдствіе чего земскія учрежденія, по мѣрѣ развитія своей благотворительной дѣятельности, освобождаютъ отъ такой же крестьянскія общины. Возложеніе же на безсословныя учрежденія спеціальной заботы о призрѣніи нуждающихся другихъ, кромѣ крестьянскаго, сословій вынудить ихъ организовать свое призрѣніе прежде всего для этихъ сословій и, за израсходованіемъ всѣхъ средствъ, или совсѣмъ отказаться отъ призрѣнія крестьянъ, или вести его на незначительныя суммы, остающіяся послѣ удовлетворенія нуждъ въ призрѣніи другихъ сословій. Такое положеніе дѣла будетъ несомнѣнно значительно хуже теперешняго.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ обязанностяхъ по призрѣнію, необходимо еще остановиться на призрѣніи отъ родственниковъ и отъ учреждений и лицъ, на которыхъ работали нуждающіеся. Эти формы попеченія предшествуютъ собственно общественному призрѣнію и, сокращая тѣмъ область примѣненія послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ потребность въ средствахъ, необходимыхъ для него. По дѣйствующему законодательству (ст. ст. 106, 172 и 194-я т. X, ч. 1 св. зак.), «мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей», «родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію», и, наконецъ, «дѣти обязаны», если родители ихъ находятся въ бѣдности, дряхлости или немощи, «доставлять имъ пропитаніе и содержаніе по самую ихъ смерть». По распространенному мнѣнію, кругъ родственниковъ, обязанныхъ призрѣвать своихъ нуждающихся родныхъ, недостаточно великъ и требуетъ расширенія. Поэтому многіе желаютъ распространить обязанности по призрѣнію родственниковъ соотвѣтственно ихъ праву наслѣдовать другъ отъ друга, и между прочимъ на дѣда и бабу, на внуковъ и внучатъ, на братьевъ и сестеръ, даже на дядей и тетокъ, на племянниковъ и племянницъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на болѣе отдаленныхъ родственниковъ. По поводу такихъ пожеланій необходимо замѣтить, что сопоставленіе права наслѣдованія и обязанности призрѣвать было бы умѣстно лишь въ томъ случаѣ, если бы родственники всегда имѣли одинаковыя шансы или получить наслѣдство, или принять обязанность по призрѣнію. Но такъ какъ въ дѣйствительности въ средѣ достаточныхъ людей преобладаютъ шансы на наслѣдство, а среди бѣдныхъ наоборотъ — на полученіе обязанностей по призрѣнію, то установленіе послѣднихъ въ соотвѣтствіи съ правомъ наслѣдованія равносильно усиленію и увеличенію тяжести призрѣнія, лежащей а бѣднякахъ. Чѣмъ бѣднѣй населеніе, тѣмъ больше отдѣльныя семьи будутъ имѣть родственниковъ, нуждающихся въ ихъ помощи, и тѣмъ тяжелѣй будетъ обязанность ихъ по отношенію къ нимъ. Въ виду этого расширеніе прогивъ установленнаго закономъ круга

родственниковъ, обязанныхъ призрѣвать своихъ нуждающихся родныхъ, имѣетъ тотъ же характеръ, что и закрѣпленіе порядка призрѣнія отъ крестьянскихъ обществъ, и равносильно новому обложенію бѣдности и безпомощности на борьбу съ этой же бѣдностью и безпомощностью. Что такая система призрѣнія приводитъ къ отрицанію призрѣнія, мы видѣли уже на примѣрахъ благотворительной дѣятельности сельскихъ обществъ. На основаніи этого, съ увѣренностью можно утверждать, что съ указанной стороны современный законъ о родственномъ призрѣніи не долженъ подлежать измѣненіямъ. Но онъ необходимо долженъ быть дополненъ въ цѣляхъ призрѣнія узаконеніями объ облегченіи способовъ розысканія подлежащими органами и дѣтьми незаконныхъ отцовъ и матерей, этими послѣдними—ихъ сожителей и объ установленіи быстро осуществляемаго права со стороны органовъ призрѣнія отбирать отъ родителей, воспитателей и хозяевъ промышленныхъ и т. п. заведеній истязуемыхъ, дурно содержимыхъ и развращаемыхъ ими дѣтей. Всѣ практически занимавшіеся дѣломъ призрѣнія очень хорошо знаютъ, какъ часто приходится встрѣчаться, въ особенности въ крупныхъ городскихъ центрахъ, съ оставляемыми безъ всякихъ средствъ къ жизни женщинами и дѣтьми, о которыхъ сожители ихъ и незаконные отцы не считаютъ нужнымъ заботиться, какъ тяжела судьба покинутыхъ дѣтей и какому ужасному обращенію подвергаются они въ отдѣльных случаяхъ. Для всѣхъ очевидна крайняя необходимость быстрой помощи такимъ категоріямъ нуждающихся, а потому едва ли необходимо доказывать пользу упрощеннаго, напр. у мирового судьи, вмѣсто окружнаго суда, разсмотрѣнія и разбора такихъ дѣлъ, возбудяемыхъ не только потерпѣвшими, но и органами призрѣнія.

Переходя къ обязанностямъ по призрѣнію отдѣльныхъ учреждений и лицъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти обязанности не составляютъ какого либо новшества, а во многихъ случаяхъ признаются дѣйствующимъ законодательствомъ. Статьями 210, 212, 213, 214 и послѣдующими устава общ. призр. опредѣляется порядокъ призрѣнія въ больницахъ гражданскаго вѣдомства воинскихъ чиновъ, на основаніи уплаты за пользованіе и содержаніе ихъ причитающихся суммъ военнымъ и морскимъ вѣдомствами. По ст. 288 и приложенію къ ней, отставные воинскіе чины, поступившіе на службу по рекрутскому уставу 1862 г., получаютъ отъ казны трехрублевое въ мѣсяцъ пособіе. Постановленіями «о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія» (ст. ст. 483—563) опредѣляется порядокъ призрѣнія этихъ лицъ на основаніи принадлежности ихъ къ духовному вѣдомству. Всѣми этими и нѣкоторыми другими узаконеніями устанавливается призрѣніе со стороны отдѣльныхъ вѣдомствъ по отношенію къ лицамъ, служащимъ въ нихъ, и ихъ семьямъ. Уставомъ о пенсіяхъ и эмеритальными кассами служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ этотъ принципъ утверждается еще болѣе. Наконецъ, въ фабричномъ законодательствѣ находимъ по-

пытки распространить его и на предпріятія частныя. Отсюда очевидно, что нашъ законъ признаетъ справедливымъ привлекать правительственныя и общественныя учрежденія, а также и частныя предпріятія къ призрѣнію тѣхъ лицъ, которые на службѣ имъ потеряли свое здоровье и силы. Многія изъ такихъ учреждений какъ желѣзныя дороги, частныя фабрики и заводы содержатъ обширный штатъ служащихъ и рабочихъ, которые цѣлый свой вѣкъ трудятся на ихъ пользу и, потерявъ силы, выбрасываются прямо на улицу безъ всякихъ средствъ или возвращаются на попеченіе ихъ сословныхъ общинъ, съ которыми они порвали всякую связь. Такая несправедливость должна быть устранена и всѣ эти учрежденія должны призрѣвать своихъ нуждающихся тружениковъ. Финляндскій законъ идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше и справедливо привлекаетъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ прислугу, къ обязанностямъ по призрѣнію ея. Это постановленіе финляндскаго закона было бы своевременно осуществить и у насъ одновременно съ привлеченіемъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учреждений и предпріятій къ оказанію попеченія ихъ нуждающимся служащимъ и рабочимъ.

Съ установленіемъ указанныхъ обязанностей учреждений и частныхъ лицъ на долю общественнаго призрѣнія несомнѣнно останется меньшее число лицъ, нуждающихся въ помощи, а слѣдовательно уменьшится и потребность въ средствахъ, необходимыхъ для организаціи и постановки призрѣнія. Но тѣмъ не менѣе, при томъ огромномъ количествѣ нуждающихся въ общественномъ попеченіи, на которое указывали мы, потребуются все таки очень значительныя средства. Вопросъ о пріисканіи ихъ является однимъ изъ наиболѣе важныхъ и серьезныхъ вопросовъ. По дѣйствующему уставу обществ. призрѣнія, средства эти образуютъ: недвижимыя имущества благотворительныхъ установленій (ст. 10), капиталы (ст. 12) и устанавливаемые земскими учрежденіями «въ необходимыхъ случаяхъ особые на сіи предметы сборы на общемъ, установленномъ для нихъ, основаніи» (ст. 15). Остальныя средства составляютъ: 1) пособія отъ городовъ и отъ казны, 2) подаванія, пожертвованія и завѣщанія, 3) пенныя и штрафныя деньги и 4) хозяйственные и случайные доходы (ст. 17). Уже самое обиліе источниковъ, опредѣляемыхъ закономъ, указываетъ на значительную потребность въ средствахъ, которая должна еще больше увеличиться при сколько нибудь лучшей постановкѣ дѣла призрѣнія. Оставаясь на почвѣ дѣйствующаго законодательства, такое увеличеніе можно установить, если не въ значительныхъ, то все же въ довольно замѣтныхъ размѣрахъ. Такъ, по отношенію къ пособіямъ, можно воспользоваться примѣчаніемъ къ ст. 18, по которому «часть прибылей городскихъ общественныхъ банковъ дозволяется, по желанію городскихъ обществъ или учредителей, отдѣлять... на устройство и содержаніе благотворительныхъ заведеній». Имѣя въ виду, что такіе банки освобождены отъ уплаты 5%-аго дополнительнаго сбора, казалось бы, что

примѣчаніе къ ст. 18 можно изложить въ такомъ смыслѣ, чтобы сборъ съ этихъ банковъ на дѣла призрѣнія былъ обязательнымъ. Такое начало не чуждо нашему законодательству, по которому до начала шестидесятихъ годовъ кредитныя операціи доставляли относительно большія средства на дѣла призрѣнія. Къ упомянутымъ сборамъ можно было бы привлечь и другія предпріятія и учрежденія, свободныя отъ 5%-аго налога, а, именно, нѣкоторые банки, ссудо-сберегательныя кассы и т. д. Затѣмъ, закономъ не предусмотрѣны нѣтакіе виды «подаваній и пожертвованій», которыми обыкновенно характеризуется болѣе дѣятельное отношеніе къ сбору пожертвованій. Законъ имѣетъ въ виду преимущественно сборы посредствомъ выставляемыхъ въ разныхъ мѣстахъ кружекъ и не устанавливаетъ сборовъ въ тѣ же кружки посредствомъ обхода съ ними жертвователей. Имѣя въ виду, что по, приблизительному расчету, одна Москва даетъ ручной раздачей милостыни до 2 $\frac{1}{2}$, милл. рублей, возможно допустить, что энергичные дѣятели участковыхъ попечительствъ, обходя съ кружками молящихся въ церквахъ и въ мѣстахъ скопленій народа, объѣзжая зажиточныхъ людей по домамъ или посылая съ кружками же самихъ нуждающихся на церковныя паперти, сумѣютъ увеличить притокъ средствъ на нужды призрѣнія. Хотя, при недостаткѣ мѣстныхъ дѣятелей, и нельзя ожидать сразу повсемѣстнаго значительнаго увеличенія пожертвованій, но тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, особенно при содѣйствіи провинціальной интеллигенціи, указанный способъ дастъ суммы, которыми нельзя пренебрегать. Что касается «пенныхъ и штрафныхъ денегъ», которыя отмѣчаются закономъ, какъ источникъ средствъ на призрѣніе, то для увеличенія его едва ли можно что нибудь сдѣлать. Тѣмъ не менѣе подтвердить болѣе строгое и неуклонное исполненіе закона о штрафахъ и пеняхъ было бы не лишнее, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ онъ несомнѣнно не исполняется. Такъ, по п. IX-му ст. 41 уст. общ. призр., на нужды призрѣнія обращаются «взысканія по три копѣйки съ рубля за просрочку по ссудамъ подъ залогъ товаровъ изъ государственнаго банка и городскихъ общественныхъ банковъ». Эта статья, при соблюденіи ея, могла бы служить довольно важнымъ источникомъ средствъ на призрѣніе, но она, повидимому, остается мертвою буквою закона. Въ числѣ хозяйственныхъ и случайныхъ поступленій на нужды призрѣнія законъ предусматриваетъ доходы отъ учреждаемыхъ при благотворительныхъ заведеніяхъ «аптекъ» (пунк. 2, ст. 44), «отъ фабрикъ, заводовъ и другихъ хозяйственныхъ заведеній» (п. 3-й ст. 44) и т. п. Едва ли можно сомнѣваться, что открытіе земскихъ аптекъ должно не только доставить земству новыя средства на призрѣніе, но и улучшить самое аптечное дѣло. Точно также увеличить ихъ можетъ предоставленіе органамъ призрѣнія права учреждать свои торгово-промышленныя предпріятія, напр. сельскія потребительныя лавочки, склады кустарныхъ издѣлій и т. п. заведенія.

Поэтому, законодательство о постепенной передачѣ алчечной монополіи въ руки земства и о развитіи хозяйственныхъ учреждений, устраиваемыхъ органами общественнаго призрѣнія, составляя существенное условіе въ предоставленіи средствъ на призрѣніе, будетъ весьма полезнымъ дополненіемъ къ дѣйствующему закону. Затѣмъ, частнымъ благотворительнымъ обществамъ предоставляются довольно широкія права по сбору средствъ при помощи различныхъ увеселеній, чтеній, базаровъ, лоттерей и т. п. Тѣмъ больше основаній предоставить такія же права официальнымъ органамъ призрѣнія, если они пожелаютъ воспользоваться ими. Наконецъ, необходимо еще упомянуть о возможности, безъ новаго ассигнованія отъ государственнаго казначейства, удержать значительную сумму на нужды призрѣнія. Въ настоящее время по департаменту государственнаго казначейства расходуются болѣе 4-хъ милл. руб. на 3-хъ и 6-ти рублевыхъ пособій нижнимъ воинскимъ чинамъ, отбывавшимъ воинскую повинность по уставу 1862 г. Пенсіонеры эти постепенно вымираютъ и освобождающіяся суммы, вмѣсто снятія со счетовъ, могли бы, безъ всякаго новаго ассигнованія, расходоваться на другіе виды общественной помощи. Возможность полученія этой суммы вѣроятно, а потому на нее необходимо обратить самое серьезное вниманіе.

Такимъ образомъ, развивая и улучшая современное законодательство по призрѣнію, возможно добиться, безъ всякой ломки финансовой системы, замѣтнаго увеличенія средствъ на него. Но и за всѣмъ тѣмъ, въ виду огромнѣйшей нужды въ призрѣніи, ихъ вѣроятно окажется недостаточно. Въ такомъ случаѣ, едва ли придется миновать установленіе особаго налога для бѣдныхъ. Бѣдность не можетъ служить источникомъ средствъ на борьбу съ бѣдностью же, а потому налогъ этотъ, вездѣ гдѣ онъ существуетъ, имѣетъ объектомъ своимъ богатство. Такая же организація его, разумѣется, по примѣненію ко всѣмъ жителямъ, независимо отъ того, подлежатъ ли они современному земскому и городскому обложенію или неподлежатъ, необходима и у насъ, такъ какъ безъ нея едва ли можно будетъ прочно поставить дѣло призрѣнія во всемъ его объемѣ.

Мы уже говорили, что въ «положеніяхъ общихъ» устава общ. призр. есть нѣкоторая попытка опредѣлить самый предметъ общественнаго призрѣнія. Статья 7 указываетъ, что «предметы» собственно «по призрѣнію суть: 1) установленіе, содержаніе и управленіе богоугодныхъ и общественныхъ заведеній... и 2) заведываніе подобными заведеніями, стѣ частныхъ лицъ и обществъ учрежденныхъ»... Такое опредѣленіе, очевидно, не исчерпываетъ даже самыхъ простѣйшихъ и распространеннѣйшихъ «предметовъ по призрѣнію». Оно, какъ мы уже видѣли, нѣсколько пополняется болѣе новымъ законодательствомъ. Такъ, полож. о губ. и уѣздн. земск. учрежд. возлагаетъ на земство «оказаніе пособій нуждающемуся населенію разрѣшенными закономъ способами» и обязываетъ ихъ попеченіемъ «о призрѣніи бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, больныхъ и умалишен-

ныхъ, а также сырыхъ и увѣчныхъ». Къ предметамъ же вѣдомства городскихъ управленій, дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ отнесено «попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства; устройство благотворительныхъ и лечебныхъ заведеній» и т. п. Такимъ образомъ, хотя уставъ общ. призр. и пополняется въ этой части своей, но не настолько, чтобы можно было уяснить себѣ «предметы по призрѣнію». Для послѣдней цѣли необходимо установить задачи призрѣнія, объектъ ихъ и способы, при которыхъ должны выполняться эти задачи. Между тѣмъ современный законъ или не даетъ совсѣмъ этихъ опредѣленій, или указываетъ ихъ очень недостаточно. Въ немъ нѣтъ такихъ руководящихъ положеній, какія встрѣчаются, напр., въ саксонскомъ законодательствѣ, по которому призрѣніе бѣдныхъ имѣетъ цѣлю: 1) предупрежденіе бѣдности, 2) оказаніе помощи уже обѣднѣвшимъ и 3) наблюденіе за употребленіемъ помощи. Имѣя подобныя указанія, не трудно ориентироваться въ вопросахъ о томъ, кому слѣдуетъ помогать и какими способами. Нашъ законъ говоритъ, какъ мы уже видѣли, только о «попеченіи» вообще да о «прекращеніи нищенства», не давая при этомъ никакихъ общихъ руководящихъ началъ. Также недостаточно и даже сбивчивъ онъ и при опредѣленіи нуждающихся, подлежащихъ призрѣнію. По земскому положенію, пособія оказываются вообще «нуждающемуся населенію»; между тѣмъ такія пособія во время продовольственной нужды или эпидемій могутъ легко перейти границы призрѣнія, которое должно имѣть своей цѣлю только помощь отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, а не группамъ населенія, составляющимъ уже предметъ экономической политики. Но кто эти лица и семьи, въ какомъ положеніи должны находиться онѣ, чтобы получить право на призрѣніе? Могутъ ли пользоваться этимъ правомъ трудоспособные люди, потерявшіе работу, завѣдомые тунеядцы и т. п.? На всѣ эти вопросы въ нашемъ законѣ или совсѣмъ нѣтъ отвѣтовъ, или они даются неопредѣленно, безъ указанія способовъ призрѣть всѣхъ нуждающихся. Самый вопросъ о томъ, всѣ ли нуждающіеся подлежатъ призрѣнію, т. е. считается ли послѣднее обязательнымъ, или необязательнымъ, — остается открытымъ. Съ одной стороны, по общему смыслу перечня предметовъ вѣдѣнія земскихъ и городскихъ учрежденій, а также по ст. 57 уст. общ. пр., указывающей, что «обязательными для земства признаются всѣ предметы расходовъ, установленные симъ уставомъ» — необходимо признать, что призрѣніе есть повинность обязательная; но съ другой стороны, законъ указываетъ случаи, когда только «должно стараться» о примѣненіи тѣхъ или другихъ мѣръ призрѣнія, а сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ не признаетъ обязательнымъ для городовъ устройства заведеній для призрѣнія. Способы оказанія помощи опредѣляются нѣсколько полнѣе, но тоже далеко не всѣ и недостаточно ясно. Такъ, ст. 162 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій говоритъ, что принадлежащіе къ городскимъ и сельскимъ обществамъ нищенствующіе,

если они въ состояніи работать, должны быть «употребляемы по усмотрѣнію на разныя работы, престарѣлыя же и дряхлыя.... отсылаемы въ богадѣльни, больницы и др. богоугодныя заведенія». А распространяется ли эта статья на другія сословія—неизвѣстно. По ст. 165 «нищіе, влвшіе въ убожество отъ несчастныхъ обстоятельствъ,.... когда они изъ разночинцевъ,... отдаются мѣстною полиціею, съ разрѣшенія губернатора, на попеченіе мѣстныхъ заведеній общественнаго призрѣнія». А что дѣлать съ такими же нищими въ дворянѣ? Кромѣ того, могутъ ли богоугодныя заведенія призрѣвать нищихъ внѣ своихъ стѣнъ, или, оставляя ихъ у себя, должны ли они для каждой категоріи нуждающихся предоставлять соответствующее ей призрѣніе? Эти вопросы опять остаются не разрѣшенными. По 166 ст. работа доставляется здоровымъ нищимъ, внезапно лишившимся въ пути средствъ. По этому поводу на практикѣ возникаютъ вопросы: должно ли, напр., земству доставлять работу обѣдѣвшему разночинцу, если онъ не нишій, не былъ въ пути и лишился средствъ не внезапно, а постепенно? Будетъ ли считаться такая помощь, «разрѣшенною закономъ?» Вообще объ открытомъ призрѣніи, т. е. о призрѣніи внѣ заведеній, въ законѣ есть только неопредѣленные указанія, по которымъ пособія выдаются «на содержаніе крайне обѣдненныхъ семействъ». Не семейнымъ же людямъ такихъ пособій, повидимому, выдавать нельзя. При этомъ указы общ. призр. назначаютъ такіа пособія не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ. Такое стѣсненіе одного изъ важнѣйшихъ видовъ помощи въ настоящее время не можетъ имѣть за собой никакихъ оправданій.

Отсюда видно, что постановленія закона, должнствующія опредѣлить «предметы по призрѣнію», т. е. задачи его, категоріи нуждающихся, подлежащія попеченію, и самые способы попеченія, прежде всего, съ внѣшней стороны, имѣютъ тотъ недостатокъ, что разбросаны по разнымъ частямъ свода законовъ, не систематизированы и вслѣдствіе этого для пользованія ими требуютъ предварительнаго тщательнаго изученія. Затѣмъ большинство постановленій слишкомъ неопредѣленны и очень мало уясняютъ задачи призрѣнія. Виды и способы помощи намѣчены неполно и сбивчиво; задачи, объемъ, интенсивность и правильность постановки призрѣнія совсѣмъ не обозначены, а категоріи нуждающихся не имѣютъ ни общаго опредѣленія, ни подробнаго перечня. Подробная регламентація этихъ сторонъ дѣла едва ли была бы полезной, она скорѣе стѣснила бы мѣстную инициативу и предприимчивость отдѣльныхъ дѣятелей. Но съ другой стороны, та неопредѣленность, сбивчивость и даже противорѣчивость въ постановленіяхъ закона, на которую указали мы, тоже можетъ только тормазить развитіе дѣла призрѣнія. Поэтому вопросъ о болѣе правильномъ законодательномъ опредѣленіи этихъ сторонъ дѣла будетъ разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, если регламентація каснется однихъ лишь общихъ руководящихъ опредѣленій, указывающихъ цѣли и задачи дѣла и предоставитъ разрѣшеніе частно.

стей, на основаніи установленныхъ общихъ началъ, мѣстнымъ органамъ. Въ этихъ видахъ въ законѣ полезно указать, что общественное призрѣніе имѣетъ цѣлью помощь преимущественно отдельнымъ лицамъ и семьямъ, что всегда, когда возможно, помощь эта должна направляться къ предупрежденію бѣдности и нищеты, что оказаніе ея должно быть индивидуализировано, что закрытые и открытые способы общественнаго попеченія должны быть приспособляемы къ дѣйствительнымъ потребностямъ нуждающихся, что къ числу послѣднихъ должны причисляться всѣ безъ исключенія лица, испытывающія недостатокъ въ насущнѣйшихъ потребностяхъ, что ближайшее опредѣленіе видовъ помощи, размѣровъ ея и продолжительности предоставляется мѣстнымъ органамъ и т. д. и т. п. Такая регламентація не стѣснила бы частной инициативы и лишь дала бы ей опредѣленное направленіе въ весьма широкихъ рамкахъ.

Такимъ образомъ, наше дѣйствующее законодательство объ общественномъ призрѣніи въ очень малой мѣрѣ соответствуетъ требованіямъ современной жизни и въ настоящемъ видѣ своимъ служить не малымъ препятствіемъ къ удовлетворенію тѣхъ нуждъ по призрѣнію, которыя были намѣчены нами выше. Поэтому пересмотръ подлежащихъ законовъ предпринять вполне своевременно, вслѣдствіе настоятельной нужды въ томъ. Остается пожелать тодько, чтобы онъ былъ сдѣланъ въ томъ именно смыслѣ, какъ было указано въ предшествующемъ изложеніи, т. е. въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ опытомъ и съ очевидными указаніями жизни, вполне выясненными богатыми матеріалами, собранными и разработанными въ комиссіи по пересмотру устава о общественномъ призрѣніи. Иной исходъ трудовъ по выработкѣ новаго закона о призрѣніи бѣдныхъ породилъ бы многія затрудненія, такъ какъ полумѣры въ немъ или сохраненіе прежнихъ основаній въ распредѣленіи обязанностей по призрѣнію, въ завѣдываніи имъ и тому подобныхъ отжившихъ постановленій стараго закона, способны, какъ мы уже говорили, не упорядочить дѣло, а только ухудшить его.

Евг. Максимовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Б. И. Маслянниковъ. За десять лѣтъ (1886—1895). Изъ дневника неунывающего хозяина. Спб. 1896.

Когда мы (т. е. собственно я, авторъ этой рецензіи), получили изъ редакціи въ числѣ другихъ книгъ „для отзыва“. брошюру г. Маслянникова, мы подумали, что произошла ошибка: наша (т. е. пишущаго эти строки) некомпетентность въ сельскохозяйственныхъ вопросахъ очень хорошо извѣстна редакціи, въ числѣ сотрудниковъ которой есть, однако, люди совершенно свободно разсуждающіе и о травосѣяніи, и о фосфоритномъ удобреніи, и о племенномъ скотѣ и пр. и пр. Имъ бы, конечно, и говорить съ г. Маслянниковымъ или о г. Маслянниковѣ, хозяинѣ-специалистѣ, тогда какъ мы... что такое мы? Наши свѣдѣнія по этимъ вопросамъ не далеко ушли отъ свѣдѣній того героя Глѣба Успенскаго, который гдѣ то прочиталъ, что въ Россіи приходится четверть лошади на какую то тамъ, прахъ ее побери, квадратную душу. Гдѣ жъ намъ, послѣ этого, бесѣдовать съ г. Маслянниковымъ? Вѣдь онъ не только хозяинъ-практикъ, имѣющій собственное Монрепо, но и хозяинъ-теоретикъ, издатель журнала „Сельскій Хозяинъ“ и даже еще болѣе того: г. Маслянниковъ—пророкъ сельскаго хозяйства, пока еще, правда, непризнанный, но предназначенный судьбою спасти погибающее благосостояніе Россіи. Это ужъ вѣрно, это самъ г. Маслянниковъ говоритъ. Вотъ его слова: „многое изъ того, что мною предсказывалось, уже, къ несчастью, осуществилось, какъ многое изъ того, что предлагалось для поддержанія сельской промышленности, осталось безъ вниманія и до настоящаго времени, несмотря на несомнѣнную необходимость и неотложность для поддержанія падающаго въ озабочивающей прогрессіи нашего общаго благосостоянія“ (предисловіе). Каково великолѣпіе! И съ такимъ то великолѣпіемъ просятъ побесѣдовать насъ, скромнѣйшихъ профановъ!

Тѣмъ не менѣе, мы приступили къ чтенію брошюры великолѣпнаго г. Маслянникова. Прочитавъ десятокъ страницъ, мы поприободрились; еще десятокъ страницъ—и мы воспрянули духомъ; еще десятокъ—и мы настроились на самый веселый ладъ, освободившись отъ всякаго страха передъ архиспециалистомъ. Помилуйте, какой г. Маслянниковъ специалистъ, какой сельскій хозяинъ! Это фельетонистъ, юмористъ, полемистъ, памфлетистъ, наконецъ, замѣчательный

стилисть—вотъ что такое г. Маслянниковъ. Все это—чисто литературныя свойства, для оцѣнки которыхъ мы вполне компетентны, такъ что брошюра г. Маслянникова по праву попала въ наши руки. И такъ, вотъ напр. образчикъ изящнаго стиля г. Маслянникова: одна газета напечатала „двѣ жаркія передовыя статьи, отъ которыхъ несло еврейскимъ своекорыстіемъ, подбитымъ либерализмомъ проституціи мысли“ (94). А вотъ образчикъ остроумія г. Маслянникова: „я въ прошломъ году состраусиль, чтобы не сказать струсиль“ (159). Вотъ образчикъ полемической ѣдкости: „какая, подумашь, гармонія: *Недѣля* и гордость, гордость и *Недѣля*! Невольно вспомнишь, по аналогіи: корова и сѣдло, сѣдло и корова!“ (39). Вотъ образчикъ памфлетической бойкости: „русскій газетчикъ новѣйшей формаціи и преимущественно газетчикъ такъ называемой большой печати, предсказанный М. Н. Катковымъ подъ именемъ *разбойника пера*, отличается исключительными (sic!) развязностью, дерзостью и безповоротной обезстыженностью, замѣняющими у него положительныя знанія“ (140). „Письма изъ деревни“ Энгельгарта г. Маслянниковъ называетъ „не любо не слушай“ (10), и это можетъ служить образчикомъ его юмора.

Блестящему литературному таланту г. Маслянникова вполне соотвѣтствуетъ сила его ума, могущество его логики. Всѣ мы слышали и читали о печальномъ положеніи нашего сельскаго хозяйства, но кто виноватъ въ этомъ положеніи? Отнюдь не сами хозяева: „при всей тяжести современной обстановки русскаго сельскаго хозяина, его еще всѣ корятъ тѣмъ, что онъ, будто бы, исключительно самъ виноватъ во всемъ, ибо-де занятыя деньги или прожилъ, или прохозяинничаль безъ толку“. Это говоритъ г. Маслянниковъ на 150 стр. своей брошюры. Но на 25 стр. той же брошюры мы находимъ вотъ что: „каждый изъ насъ, хозяевъ, плачущихъ о томъ, что наши продукты не идутъ за границу, побываешь охотно во всевозможныхъ „бадахъ“, „въ очаровательномъ Парижѣ“, увидить даже бой быковъ въ Испаніи, подъ вліяніемъ „безподобной Карменъ“. Онъ изучитъ лучшіе „отели“, узнаетъ, гдѣ что смотреть, пьютъ или ѣдятъ, но ни за что ни одинъ не поищетъ коммиссіонеровъ, не свезетъ образцовъ, не предложитъ товара, не изучитъ никакого производства, и т. д.“. И такъ хозяева-дворяне несостоятельны. На кого же надѣяться? Не на крестьянъ: „я—говоритъ г. Маслянниковъ—всегда предостерегалъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія покупкой земель для нашего крестьянина, а особенно въ теперешнихъ тяжкихъ условіяхъ. Уже въ печать начали проникать печальныя послѣдствія крестьянскаго кредита. *И въ рукахъ крестьянъ земля не всегда крѣпко держится*“ (55, курсивъ авто-

ра). Кто же, наконецъ, явится настоящимъ хозяиномъ земли? Г. Маслянниковъ знаетъ кто: „теперь уцѣлѣтъ преимущественно лишь землевладѣлецъ-коммерсантъ, напрасно поруганный у насъ съ легкой руки г. г. Н. Щедрина, Глѣба Успенскаго и ихъ послѣдователей. Какихъ только кличекъ не надавали землекладѣльцу-коммерсанту наши бытописатели, сатирики и шутники всѣхъ видовъ.—Современный купецъ землевладѣлецъ ведетъ свое дѣло въ большинствѣ прекрасно и такъ же твердо и съ знаніемъ дѣла, какъ и торговлю. Главное же въ томъ, что *весь (?) хозяинъ-купецъ сидитъ на мѣстахъ и самолично руководитъ своимъ хозяйствомъ* (курсивъ автора). Мало того, купецъ-хозяинъ болѣе подвиженъ въ нововведеніяхъ, ибо силенъ матерьяльно и уменъ въ разсчетѣ. Притомъ же онъ болѣе склоненъ къ чтенію серьезнаго, прикладнаго, нежели всякій иной, который алчетъ болѣе такъ называемаго современнаго, французско-латературнаго, способнаго развивать скорѣе цинизмъ и половыя аномаліи...”

Все это въ самомъ дѣлѣ напечатано, на стр. 53.

У нашего сельскаго хозяйства есть коварный врагъ, на котораго г. Маслянниковъ торжественно и указываетъ; этотъ врагъ—земство, облагающее земли совершенно непосильными налогами. Собственно г. Маслянниковъ не противъ земскаго самоуправленія: „я протестую—говоритъ онъ—*лишь противъ земской расточительности, хотя бы и съ самыми благими намыреніями*» (курсивъ автора). А въ чемъ выражается эта расточительность? Въ расходахъ на врачебную помощь и народное образованіе. „Нечего напирать на то, что большинство земскихъ расходовъ идетъ на врачебную помощь и народное образованіе. Эти потребности дѣйствительно весьма важны, но и относительно ихъ необходимо также соображеніе съ возможностью. Надо помнить, что просвѣщенный, но бѣдный человѣкъ еще болѣе чувствителенъ къ тягости этого положенія“... Это напечатано на стр. 43, а на стр. 116 г. Маслянниковъ нашелъ таки „потребность“, ради которой можно не жалѣть земскихъ денегъ. Потребность, эта состоитъ въ слѣдующемъ: „нѣкоторые полагаютъ и не безъ основанія, что пора бы отказаться отъ выборной мужицкой полиціи. Они находятъ, что сельская полиція изъ постороннихъ деревнямъ и селамъ, назначаемыхъ отъ правительства, людей, будетъ стоять на большей высотѣ и можетъ приносить гораздо больше пользы общественному порядку и безопасности“. Дороголько вѣдь это будетъ стоить, однако? Ничего: „содержаніе такого важнаго въ настоящее время института должно быть возложено на всѣхъ и отнесено насчетъ земскихъ сборовъ. Несомнѣнно, что такая реформа обойдется не дешево, но

предъ этимъ обстоятельствомъ едва ли можно останавливаться, когда нынѣшнее полицейское устройство, при радикально измѣнившемся строѣ нашей жизни, является вреднымъ анахронизмомъ" (118). Врачебная безпомощность и почти повальная безграмотность—это не анахронизмы или, по крайней мѣрѣ, анахронизмы безвредные, а вотъ „нынѣшнее полицейское устройство“—анахронизмъ вредный. Гм! Но позвольте, однако. Перечисляя недостатки „нынѣшняго полицейскаго устройства“ г. Маслянниковъ замѣчаетъ: „въ упадкѣ крестьянскаго кредита большую роль играетъ также настоящая сельская полиція“ (119). Пусть, но вѣдь для г. Маслянникова это должно представляться не виной, а заслугой сельской полиціи: не онъ ли, на стр. 55, говорилъ о *печальныхъ послѣдствіяхъ* крестьянскаго кредита и предостерегалъ противъ его расширенія? Но у г. Маслянникова свой идеалъ административной сельской власти, какъ это видно изъ его очерка идеальнаго земскаго начальника: „это человѣкъ не особенно нуждающійся, авторитетный, рѣшительный, съ твердымъ характеромъ и *обладаетъ значительнымъ здоровьемъ и физической силой* (курсивъ нашъ), а также и даромъ слова“ (112). Последнее условіе намъ кажется излишнимъ. При твердости характера и при значительной физической силѣ,—къ чему краснорѣчіе?

Есть, однако, въ нашей жизни цѣлая категорія учреждений, къ которымъ г. Маслянниковъ чувствуетъ глубокую нѣжность,—не въ идеалѣ только, а въ ихъ конкретномъ осуществленіи: это наши частные земельные банки. То есть опять таки, какъ сказать? Г. Маслянниковъ любитъ говорить на двое, любитъ всегда оставлять за собой лазейку, куда бы онъ въ крайности шмыгнуть могъ. Такъ на стр. 143 онъ съ жаромъ предостерегаетъ противъ „всякаго, а тѣмъ болѣе принудительнаго обезцѣненія акцій земельныхъ банковъ“, такъ какъ это „могло бы неминуемо напугать капиталистовъ“ и „уронило бы стоимость *полезнѣйшаго русскому землевладѣнію закладной листа*“ (курсивъ нашъ), а на слѣдующей страницѣ онъ торжественно заявляетъ: „лично я всегда былъ противъ всякаго *искусственнаго спасенія нашего землевладѣнія непродуктивными кредитомъ, какъ бы онъ дешевле ни былъ*“ (курсивъ автора). Видите, какъ хорошо: лично г. Маслянниковъ противъ банковъ; но не лично онъ находитъ, что закладной листъ—полезнѣйшая вещь для землевладѣнія. Логикѣ тутъ, конечно, нѣтъ, но смыслъ и даже тонкій, есть: дѣло въ томъ, что г. Маслянниковъ, какъ видно изъ брошюры, не только землевладѣлецъ, но и директоръ тульскаго поземельнаго банка. Въ качествѣ землевладѣльца, онъ предостерегаетъ отъ кре-

дита, даже самага дешеваго, въ качествѣ директора онъ говорить: кредитъ полезнѣйшая вещь.

Довольно. На 34 стр. своей брошюры г. Маслянниковъ признается, что ему иногда хочется *уйти отъ самого себя* (курсивъ автора). Если ужъ, въ минуты просвѣтленія, г. Маслянниковъ самъ себѣ становится противенъ, тѣмъ естественнѣе соскучиться въ его обществѣ намъ съ читателемъ.

II. А. Сергѣенко. Безъ якоря. Москва 1896.

Имя г. Сергѣенка ровно ничего не сказало намъ, и мы сочли его дебютантомъ въ литературѣ. Однако, прочитавъ нѣсколько десятковъ страницъ, мы стали что-то смутно припоминать: какъ будто мы это все гдѣ-то уже читали, въ какомъ то журналѣ и даже не очень давно, но гдѣ и когда именно? Этого мы такъ и не могли вспомнить, но, дочитавши книжку, убѣдились окончательно, что всѣ рассказы, входящіе въ ея составъ, уже были напечатаны раньше и намъ не безъизвѣстны.

Это обстоятельство даетъ довольно точную мѣрку для дарованія г. Сергѣенка. Ярко-талантливое произведеніе долго и прочно остается въ памяти именно потому, что дѣйствуетъ не только на память, но и на воображеніе, и на умъ. Безцвѣтные образы и бессодержательныя слова проходятъ черезъ наше сознаніе безслѣдно, и нужны усилія воли, чтобы *заставить* себя запомнить ихъ, если это почему нибудь требуется. Стихотвореніе Пушкина или Лермонтова, или Кольцова, или Некрасова достаточно прочесть 5—6 разъ, чтобы твердо запомнить его, но попробуйте запомнить любое стихотвореніе любого изъ современныхъ нашихъ стихослагателей, и вы измучаетесь, прежде чѣмъ добьетесь цѣли. Мы забыли г. Сергѣенка—и это значитъ, что его рассказы были безцвѣтны; но мы вспомнили г. Сергѣенка—и это значитъ, что всетаки въ его рассказахъ было нѣчто оригинальное, не шаблонное, свое собственное. Жаль только, что къ произведеніямъ г. Сергѣенка, можетъ быть примѣнена извѣстная фраза Лессинга, съ небольшими измѣненіями: то, что хорошо у г. Сергѣенка, то не оригинально, а то, что оригинально—не хорошо.

Къ хорошимъ, но не оригинальнымъ произведеніямъ мы относимъ рассказы „Богиня Діана“ и „Гриша“; къ оригинальнымъ, но не хорошимъ—рассказы „Встрѣча съ Апемантомъ“ и „Самистъ“. Эти четыре рассказа, составляющіе книжку г. Сергѣенка, носятъ общее заглавіе „Безъ Якоря“—заглавіе несомнѣнно въ своемъ родѣ оригинальное, потому что неудобопонятное. Кто безъ якоря, безъ какого якоря? Если—другого объясненія мы не придумали—авторъ хотѣлъ указать, какъ на

общую черту своихъ главныхъ героевъ, на отсутствіе въ нихъ твердыхъ нравственныхъ началъ, то это указаніе вѣрно только относительно „богини Діаны“ и невѣрно относительно Гриши, „самиста“ и Апеманта. Богиня Діана—это молодая провинціальная барышня, которая, будучи ослѣплена своимъ успѣхомъ на костюмированномъ балѣ, быстро пошла по наклонной плоскости, тою „дорогой обычной“, о которой говорится у Некрасова. Но Гриша—это гимназистъ, покончившій съ собой самоубійствомъ именно потому, что былъ не въ силахъ снести тяжелое нравственное оскорбленіе: присутствіе „якоря“, т. е. чуткой совѣсти, тутъ вполне очевидно. Про „Апеманта“ и „самиста“ нечего и говорить: нравственные понятія ихъ очень оригинальны, даже эксцентричны, но они крѣпко за нихъ держатся, именно какъ за спасительный „якорь“. Если можно указать на кого, какъ на человѣка „безъ якоря“, то это конечно на самого г. Сергѣенка. Хорошія, но не оригинальныя его повѣсти „Богиня Діана“ и „Гриша“ написаны въ духѣ нашей обычной морали; оригинальныя, но не хорошія повѣсти „Встрѣча съ Апемантомъ“ и „Самистъ“ написаны въ декадентскомъ вкусѣ, въ духѣ той новоявленной морали, которая гласитъ: „я человѣкъ, но все человѣческое чуждо мнѣ“. Исповѣдывать такую мораль значить, по мнѣнію г. Сергѣенка, быть „самистомъ“ т. е. самобытнымъ, самостоятельнымъ, оригинальнымъ человѣкомъ. Не будемъ спорить съ г. Сергѣенко: пусть его разубѣдитъ время, жизнь, собственный опытъ, если, какъ надо думать, авторъ еще молодой, не установившійся человѣкъ. Не будемъ „резониться съ нимъ“ (говоря излюбленнымъ, но чрезвычайно курьезнымъ выраженіемъ г. Сергѣенка) даже въ томъ случаѣ, если онъ окончательно перейдетъ въ декадентскую секту и даже приметъ отъ г. Волинскаго „большую печать“: ему-же хуже, а намъ печалиться не о чемъ.

И. Мясницкій. Гостиниодворцы. Повѣсть. Москва 1896.

Вотъ огромная книга, почти въ шестьсотъ большихъ страницъ, о которой совершенно достаточно написать всего какой нибудь десятокъ строкъ. „Тѣхъ же щей, да пожиже влей“, говоритъ русская поговорка. Г. Мясницкій—это московскій г. Лейкинъ,—но съ тѣми ограниченіями, которыя указываются въ вышеприведенной пословицѣ. Той безобидной веселости, которая отличаетъ нашего г. Лейкина, у г. Мясницкаго нѣтъ и слѣда: онъ суховатъ, блѣдноватъ, длинноватъ и скучноватъ. Это, пожалуй, второстепенно, но вотъ что существенно важно: г. Мясницкому нельзя вѣрить, какъ бытописателю. Одна изъ героинь его, купеческая замоскворѣцкая дѣ-

вущка выходить по принужденію замужъ за купческаго сына, кутилу и развратника, будучи влюблена въ его родного брата, очень добродѣтельнаго и благонравнаго молодого человѣка. Подъ вѣнцомъ она узнаетъ, что благонравный купчикъ тоже любитъ ее, и что же? Она, уже будучи повѣнчана, бѣжитъ къ брату своего мужа, и они начинаютъ жить да поживать, да дѣтей наживать. Г. Лейкинъ! Прибѣгаемъ подъ защиту вашего высокаго авторитета: возможно ли это среди петербургскихъ гостиннодворцевъ, даже такихъ, которые не смѣшиваютъ гіену съ гігиеной? Нѣтъ, невозможно. Тѣмъ паче—заключаемъ мы—это невозможно въ Москвѣ, которую даже ея бардъ—г. Боборыкинъ обозвалъ „Китай-городомъ“.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ II. Власть. Выпускъ 2. Совѣтники князя. Спб. 1896.

Новая книга проф. Сергѣевича, составляющая одинъ изъ выпусковъ большого труда, печатаемаго имъ съ 1890 года, можетъ быть разсматриваема и какъ вполне самостоятельное цѣлое, нимало не утрачивая при этомъ своего интереса и значенія. Давъ своей работѣ не совсѣмъ ясное заглавіе: „Совѣтники князя“, авторъ въ сущности предлагаетъ въ ней читателю изслѣдованіе о княжеской и царской думѣ въ теченіе X — XVII вв. и о политической роли русскаго духовенства, равно какъ объ его отношеніяхъ къ свѣтской власти за тотъ же періодъ времени, посвящая этимъ вопросамъ двѣ довольно значительныя по объему главы; двѣ другія главы заняты рабоборомъ высказанныхъ ранѣе въ литературѣ по даннымъ вопросамъ мнѣній. Таковы внѣшнія рамки книги. Что касается ея содержанія, то въ бѣглой библіографической замѣткѣ невозможно, конечно, дать сколько-нибудь обстоятельный и подробный разборъ его, уже въ силу важности затронутыхъ авторомъ темъ и количества относящагося къ нимъ матеріала требующій много мѣста. Мы не считаемъ, однако, удобнымъ ограничиться лишь общимъ отзывомъ о трудѣ г. Сергѣевича. Почтенный профессоръ выставилъ въ немъ такъ много новыхъ и оригинальныхъ положеній, долженствующихъ преобразить наши воззрѣнія на русскую исторію, что мы рѣшаемся нѣсколько подробнѣе остановиться по крайней мѣрѣ на главнѣйшихъ выводахъ книги, которая уже по одному имени ея автора можетъ занять видное мѣсто въ нашей небогатой историко-юридической литературѣ. Г. Сергѣевичъ очень недоволенъ всѣми существующими взглядами на характеръ и значеніе княжеской думы и на первой же страницѣ книги рѣзко противопоставляетъ имъ собственную точку зрѣнія, согласно ко-

торой эта дума была не „постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей“, а „только актомъ думанія, дѣйствіемъ совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ“ (337). Эту точку зрѣнія, одинаково примѣняемую имъ какъ къ X-му, такъ и къ XVII вѣку, авторъ усердно доказываетъ и довольно послѣдовательно проводить во всей первой половинѣ своей книги. Мы узнаемъ, что, при неустойчивости государственной жизни въ первые вѣка нашей исторіи, учрежденіе постоянного совѣта „было и невозможно, а для князя и совершенно ненужно“ и что поэтому древне-русскій князь имѣетъ дѣло не съ думою, какъ учрежденіемъ, а съ „думцами“, какъ отдѣльными лицами, и съ ними „совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находить это нужнымъ и желательнымъ“ (338—9). Такъ какъ князь совершаетъ однородные акты управленія то единолично, то по совѣту съ думцами, то „это значить, что „дума“ князя есть актъ его доброй воли, а не обязанность“ (341—2). Самый составъ думъ при такихъ условіяхъ, естественно, всегда опредѣляется лишь усмотрѣніемъ и доброй волей князя; „воля же князя опредѣляется его пониманіемъ окружающаго, которое, въ свою очередь, опредѣляется вкусами князя, его привычками, способностями и т. д.“ (349, 347). Итакъ, князь до-московскаго періода не стѣсненъ никакими обязательствами по отношенію къ своимъ думцамъ: совѣтуясь, когда хочетъ и съ кѣмъ хочетъ, онъ можетъ призвать на свой совѣтъ одно лицо и цѣлое вѣче, которое тогда „превращалось въ княжью думу“ (348). Первое впечатлѣніе этого смѣлаго построенія — его недоконченность. Идя совершенно такимъ же путемъ, можно съ равнымъ успѣхомъ доказать, что въ древности не существовало вѣча, какъ особаго учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, оно для князя тоже было „совершенно ненужно“, съ нимъ князь иногда совѣтуется, а иногда и не совѣтуется въ своихъ дѣйствіяхъ, значить, все дѣло во вкусахъ князя, его привычкахъ и т. д. Отъ неопредѣленности, хотя бы и весьма значительной, учрежденій, вполне естественной на первыхъ порахъ исторіи народа, заключать къ полному ихъ отсутствію значить обнаруживать чрезмѣрный догматизмъ правовѣрнаго юриста. Г. Сергѣевичъ правильно указываетъ на отрывочность и краткость нашихъ источниковъ для даннаго времени, но все же и въ нихъ онъ могъ бы найти мѣста, несогласныя съ его взглядомъ. Таковъ хотя бы рассказанный, но недосказанный почтеннымъ авторомъ эпизодъ съ кн. Владиміромъ Мстиславичемъ въ 1169 г. Задумавъ безъ совѣта съ дружиной походъ на кіевскаго князя Мстислава въ союзѣ съ Берендичами, онъ обратился къ дружинѣ, но получилъ отвѣтъ: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“. Тогда князь „рече,

взрѣвъ на дѣцкы: „а се будутъ мои бояре“, и отправился къ союзникамъ, но тѣ, увидавъ его „безъ мужій“, не только отказались отъ задуманнаго предпріятія, но и перебили его новосозданныхъ бояръ и едва не убили его самого. Очевидно, дружинники XII вѣка и даже Берендичи деожались нѣсколько иныхъ взглядовъ на безусловность права современнаго имъ князя опредѣлять составъ своей думы, нежели г. Сергѣевичъ. Впрочемъ, послѣдній слишкомъ хорошо знаетъ лѣтописи, чтобы не обратить никакого вниманія на всѣ подобныя мѣста въ нихъ, и мы не даромъ сказали выше, что онъ лишь „доцольно“ послѣдовательно проводить свой взглядъ. Полною послѣдовательностью онъ не отличается и по временамъ проговаривается утвержденіями, разрушающими его собственные выводы. Переходя къ московскому періоду, онъ говоритъ, что уже удѣльные князья, совѣщаясь съ „молодшими“ людьми, нарушали этимъ „общеустановившіяся понятія о княжескихъ думахъ“ (352). Если были „общеустановившіяся понятія“ насчетъ того, кто долженъ быть княжескимъ думцемъ, то, значить, не все же въ составѣ думы зависѣло отъ воли и усмотрѣнія князя, отъ его вкусовъ и привычекъ. Нѣсколькими страницами выше авторъ даетъ намъ другое цѣнное указаніе: „думы князя, говоритъ онъ, могли въ значительной степени ограничивать его усмотрѣніе“, князю приходилось „убѣждать ихъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній“, и „общее дѣйствіе было возможно только тогда, когда думы соглашались съ княземъ“ (348). Итакъ, мы имѣемъ „общеустановившіяся понятія“, какими опредѣлялся составъ думы, и волю думцевъ, которая ограничивала добрую волю и усмотрѣніе князей. Отъ первоначальнаго построенія г. Сергѣевича остается послѣ этого не очень много, если только что-нибудь остается, и мы можемъ спокойно согласиться съ авторомъ въ томъ, что зависимость кievскаго князя отъ думцевъ „была не безусловна“, тѣмъ болѣе, что никто никогда не доказывалъ обратнаго положенія. Но эти оговорки въ глазахъ автора не имѣютъ такого значенія и не мѣшаютъ ему возвращаться къ главнымъ его мыслямъ. Такъ какъ зависимость князя отъ думцевъ покоилась на правѣ отъѣзда послѣднихъ, то съ уничтоженіемъ этого права въ московскомъ государствѣ исчезли, по мнѣнію автора, и всякія ограниченія, налагаемыя на волю государя существованіемъ вольныхъ думцевъ. Въ Москвѣ есть думные люди, но они не имѣютъ еще права по своему положенію давать совѣты государю; послѣдній „совѣщается съ такими думами, которыхъ пожелаетъ привлечь въ свою думу“ и такимъ образомъ думы въ смыслѣ учрежденія не оуществуетъ въ Москвѣ (357, 360—1). Рядомъ съ этимъ авторъ не колеблется однако же признать, что „въ думу приглашаются, обыкновенно,

только думные чины" (365). Исходнымъ пунктомъ для автора служить то соображеніе, что невольные слуги не могли уже имѣть политическихъ правъ передъ лицомъ государя, но и этого взгляда онъ не выдерживаетъ до конца. Если вѣрить ему, въ періодъ вліянія Сильвестра и Адашева на Грознаго, „дума состоитъ изъ постоянныхъ членовъ, которые не только даютъ совѣты, который можно принять и не принять, и связываютъ волю государя“. Чѣмъ-же они связываютъ ее? — убѣжденіемъ. Это несомнѣнно плохая гарантія, настолько плохая, что читатель можетъ не повѣрить точности нашей передачи словъ г. Сергѣевича. Но вотъ фраза послѣдняя, непосредственно слѣдующая за приведенной нами выше и поясняющая ее: „избранная рада имѣетъ свои убѣжденія, настаиваетъ на нихъ и проводить ихъ“, а далѣе почтенный профессоръ прямо уже говоритъ объ „ограниченіи власти“ царя въ это время, надо полагать, его же собственной властью, ибо другой въ распоряженіи Сильвестра не было (367). Минуемъ, впрочемъ, эту частную непоследовательность и будемъ продолжать изложеніе общихъ взглядовъ автора. Не будучи особымъ учрежденіемъ, не имѣя опредѣленного состава, а составляясь на каждый отдѣльный случай по особому усмотрѣнію государя, дума не имѣла и опредѣленной компетенціи, а дѣлала только то, что приказывалъ ей царь (380, 394). Однако же авторъ находитъ въ московскомъ государствѣ судебно-административныя боярскія коллегіи съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, но не имѣющія ничего общаго съ думой. По его словамъ, первая „такая коллегія возникла у насъ въ 1564 г.“ при учрежденіи Грознымъ опричнины, когда для завѣдыванія обще-государственными дѣлами была образована „коллегія земскихъ бояръ“ (397). Авторъ знаетъ случаи, когда эта „коллегія“ является и думой, но тѣмъ не менѣе жалѣетъ, что мы не знаемъ ея состава, который онъ признаетъ постояннымъ (399, 397). Это тѣмъ болѣе странно, что самъ же авторъ приводитъ мѣста изъ лѣтописи и актовъ, въ которыхъ говорится, что земщину вѣдали „всѣ бояре“. Въ „земскихъ боярахъ“ мы имѣемъ, значитъ, не какую-то новую коллегію, а ту самую думу, которой никакъ не можетъ найти почтенный авторъ, и если признавать вмѣстѣ съ нимъ, что 97 статья Судебника, требовавшая въ новыхъ дѣлахъ „всѣхъ бояръ приговору“, составляла „несомнѣнное ограниченіе царской власти“ (369), то пришлось бы, пожалуй, признать, что Грозный и въ эпоху опричнины былъ ограниченнымъ государемъ. Нѣчто подобное, впрочемъ, авторъ и утверждаетъ, кстати сказать, въ другомъ мѣстѣ книги, выставляя только дѣятелями ограниченія не бояръ, а народъ и духовенство. Равсказывая именно объ отъѣздѣ Грознаго въ 1564 г. въ

Александровскую слободу и о челобитьѣ москвичей, чтобы онъ вернулся, авторъ такъ характеризуетъ дѣйствія Грознаго въ данномъ случаѣ: „это договоръ царя съ народомъ, а не актъ неограниченной власти“ (611). Возвращаясь еще къ думѣ, отмѣтимъ, что авторъ, указывая на возникновеніе въ XVII в. расправной палаты, не признаетъ никакой связи между нею и думой.

Читатель, убѣдившійся изъ первой части книги проф. Сергѣевича въ ничтожествѣ совѣтниковъ московскихъ государей передъ лицомъ послѣднихъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, вѣроятно, прочтетъ слѣдующее мѣсто изъ второй части книги: „характеризовать власть московскихъ государей постояннымъ признакомъ абсолютизма на всемъ пространствѣ многовѣкового существованія московскаго государства едва-ли можно. Власть московскихъ государей находится въ процессѣ постоянного возрастанія. Съ каждымъ царствованіемъ она все болѣе и болѣе высвобождается изъ тѣхъ узъ, которыя опутывали ее въ древности“ (606). Такого рода узами не могла быть народная воля, такъ какъ вѣче уже очень рано исчезло; подобныя узы видятъ иногда въ существованіи боярской аристократіи, но авторъ отвергъ права этого класса, поскольку они могли бы проявиться въ дѣятельности боярской думы. Оказывается что стѣсняющія власть князей узы заключались во власти, какую имѣло надъ ними духовенство, или, точнѣе, въ правахъ послѣдняго. По утвержденію почтеннаго профессора, абсолютизмъ въ христіанскомъ государствѣ, вообще, невозможенъ. „Только языческіе императоры, говоритъ онъ, были абсолютны во всѣхъ дѣлахъ и могли устанавливать даже поклоненіе такимъ богамъ, какіе имъ нравились; съ принятіемъ христіанства языческій абсолютизмъ свѣтской власти сдѣлался невозможенъ“ (604). Такъ какъ, однако, языческіе императоры, вводя новыя божества, въ большинствѣ случаевъ не могли отмѣнять поклоненіе старымъ, то, можетъ быть, и имъ не принадлежала абсолютная власть? Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что взгляды уважаемаго юриста на отношеніе христіанскаго ученія къ различнымъ политическимъ теоріямъ нѣсколько смутны и противорѣчивы. Въ двухъ мѣстахъ своей книги онъ, полемизируя съ С. М. Соловьевымъ и г. Дьяконовымъ, защищаетъ мысль, что духовенство, опираясь на ап. Павла, должно было признавать богоустановленной всякую власть, а не только самодержавную (588, 612—3), въ третьемъ — называетъ „христіанскою мыслью“ утвержденіе Грознаго, что „земля правится Божиимъ милосердіемъ... и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводами“ (607). Какъ и въ другихъ случаяхъ, это частное противорѣчіе автора самому себѣ не помѣшало ему возвратиться къ свсей главной

мысли и развить ее въ рядѣ детальнѣхъ положеній. Если, вообще, христіанскіе государи не могутъ быть самодержцами, то и древне-русскіе и московскіе князья необходимо были ограничены, и притомъ, именно, духовенствомъ. Авторъ это и утверждаетъ, и не только утверждаетъ, но пытается и доказать путемъ обращенія къ источникамъ. Духовенство давало совѣты князьямъ по различнымъ отраслямъ управленія, и князья сами иногда обращались къ нему за такими совѣтами. Это положеніе авторъ подкрѣпляетъ извлеченными изъ лѣтописи фактами. Противъ положенія, выставленнаго въ такой формѣ, думаемъ, никто не будетъ спорить, но доказательства подобраны авторомъ не всегда удачно. Онъ приводитъ, напр., эпизодъ изъ княжескихъ усобицъ, имѣвшій мѣсто въ 1097 г. когда отправленный кіевлянами митрополитъ Никола устроилъ примиреніе между кіевскимъ княземъ Святополкомъ и вооружившимся противъ него союзомъ князей, во главѣ котораго стоялъ Владиміръ Мономахъ (507). Не говоря уже о томъ, что въ данномъ случаѣ митрополитъ былъ лишь посломъ отъ вѣча и, слѣдовательно, игралъ въ дѣлѣ примиренія лишь пассивную роль, кромѣ него былъ и другой посолъ — вдова кн. Всеволода, мачиха Мономаха, и ей-то лѣтописецъ отводитъ во всемъ этомъ дѣлѣ первое мѣсто (П. С. Р. Л., I, 112). Не особенно убѣдителенъ и тотъ примѣръ, что патр. Филаретъ съ освященнымъ соборомъ представлялъ въ 1619 г. ц. Михаилу о тяжеломъ положеніи государства (513): въ качествѣ отца государя патр. Филаретъ пользовался совершенно особымъ положеніемъ. Въ иныхъ же случаяхъ авторъ беретъ изъ своихъ источниковъ не все, что они ему даютъ. Приводя, напр., увѣщаніе, съ какимъ обратился въ 1149 г. еп. Евфимій къ кн. Изяславу, уговаривая его помириться съ кн. Юріемъ, авторъ опускаетъ результатъ этого увѣщанія, выраженный лѣтописью въ такихъ словахъ: „онъ же не восхотѣ, надѣяся на множество вой“. Точно также, извлекая изъ лѣтописи увѣщанія игумена Поликарпа кн. Ростиславу „правду дѣяти, въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованіи стояти“, авторъ опускаетъ характерный отвѣтъ Ростислава, смыслъ котораго ясенъ уже изъ начальныхъ его словъ: „отче! княженіе и міръ не могутъ безъ грѣха быти“ (507—8; П. С. Р. Л., II, 43, 95). Путемъ этихъ мелкихъ оговорокъ мы хотѣли лишь подчеркнуть тотъ фактъ, что князья XII в. уже знали ту разницу между грѣхомъ и преступленіемъ, между религиозными и политическими обязанностями, какая иногда ускользаетъ отъ современныхъ юристовъ. Что касается г. Сергѣевича, то онъ на основаніи приведенныхъ примѣровъ говоритъ о „руководящей роли епископовъ въ дѣлахъ свѣтской политики“ (513) и указываетъ послѣдствія, постигавшія князей въ

случаѣ неповиновенія ихъ такому руководительству, — въ видѣ кары отлученія, налагавшейся на нихъ духовною властью. Изъ десяти примѣровъ наложенія отлученія или угрозы имъ, приведенныхъ авторомъ на сс. 514—520, въ пяти случаяхъ такое наказаніе примѣнялось по чисто перковнымъ дѣламъ, въ трехъ — оно постигало князей по причинамъ, намъ совершенно неизвѣстнымъ, и въ двухъ только случаяхъ было примѣнено по дѣламъ свѣтской политики, и то съ цѣлью подчиненія удѣльныхъ князей великому. Думаемъ, что такого рода примѣры ничего не доказываютъ въ желательномъ для автора смыслѣ. Авторъ разсуждаетъ иначе и заключаетъ, что духовенство было „необходимыми и самовольными совѣтниками“ князя. „Каждый священникъ, замѣчаетъ онъ, былъ уже совѣтникъ“. Итакъ, бояре не были обязательными совѣтниками московскаго князя и исполняли лишь то, что онъ приказывалъ, но за то каждый священникъ являлся необходимымъ совѣтникомъ князя и ограничивалъ его волю своею. Къ счастью еще авторъ, хотя и не совсѣмъ послѣдовательно, прибавляетъ тутъ же, что „невозможно опредѣлить юридическое значеніе этихъ совѣтовъ“ (528). Мы боимся только, что такимъ юридически неопредѣляемымъ правомъ совѣта, исполненіе котораго не было обязательно, обладали и всѣ, вообще, подданные московскаго государя, а не одни священники. Авторъ считаетъ, однако, еще нужнымъ для подтвержденія своихъ положеній обратиться къ практикѣ отношеній представителей духовной и свѣтской власти. Обратимся и мы къ приводимымъ имъ примѣрамъ этой практики, въ которыхъ мы встрѣтимъ немало любопытнаго. Въ доказательство вмѣшательства духовенства въ политику государей авторъ приводитъ здѣсь посланіе митр. Макарія къ Грозному съ увѣщаніемъ не предаваться нецѣлоумудрію и пьянству, а отъ свидѣтельствъ лѣтописи объ участіи епископовъ въ скрѣпленіи присягой мира между князьями заключаетъ, что „епископы становились необходимыми судьями князей“ въ соблюденіи ими договоровъ (527—8, 529). Проф. Сергѣевичъ издавна, вообще, пользуется репутаціей большого знатока лѣтописей. Мы лично склонны даже думать, что въ его распоряженіи находятся и имъ изучены весьма интересные неизданные списки древнѣйшихъ лѣтописей, довольно сильно отличающіеся отъ напечатанныхъ. Иначе мы не умѣемъ объяснить себѣ нѣкоторыхъ мѣстъ его книги. Доказывая, что „епископы принимаютъ дѣятельное участіе въ самомъ заключеніи мира, склоняя къ нему воюющія стороны“, почтенный профессоръ приводитъ, между прочимъ, слѣдующіе факты. Въ 1136 г., во время войны кн. Ярополка съ Ольговичами, „начатые переговоры о мирѣ не удались. Тогда вступилъ въ дѣло митрополитъ Михаилъ. Онъ „сталъ, по выраженію лѣтописи,

ходить съ крестомъ между противниками" и успѣлъ склонить Ярополка къ уступкамъ" (531). При этомъ разсказѣ стоитъ ссылка на Ипатьевскую лѣтопись, но въ изданной подъ этимъ именемъ лѣтописи данный эпизодъ разсказанъ иначе: тамъ говорится, именно, что Ярополкъ, собравъ большое войско, не сталъ, однако, биться съ врагами, а „створи съ ними миръ и цѣловавше крестъ межю собою, ходячю межи ими честному Михаилу митрополиту со крестомъ“, о совѣтахъ же митрополита нѣтъ ни слова (П. С. Р. Л., II, 14); иначе говоря, митрополитъ былъ простымъ посредникомъ, а не инициаторомъ при заключеніи мира. На той же страницѣ встрѣчаемъ у г. Сергѣевича и другой, столь же загадочный по своему происхожденію разсказъ. Въ 1138 г. Всеволодъ Ольговичъ выгналъ кн. Вячеслава изъ Кіева. По разсказу автора, при этомъ, именно митрополитъ убѣдилъ Вячеслава уступить Кіевъ, и почтенный ученый знаетъ даже, почему онъ такъ поступилъ: онъ „хорошо понималъ, что Вячеславу не одолѣть Всеволода“. Къ сожалѣнію, въ печатной Лаврентьевской лѣтописи, на которую ссылается г. Сергѣевичъ, мы опять не находимъ этого, такъ хорошо объясненнаго имъ, поступка митрополита. Тамъ говорится, что Всеволодъ, подступивъ подъ Кіевъ, послалъ сказать Вячеславу: „иди съ добромъ изъ города“, тотъ биться не захотѣлъ, и „смирилъ ихъ митрополитъ“; по разсказу же Ипатьевской лѣтописи, Вячеславъ, когда Всеволодъ началъ жечь дворы въ Кіевѣ, самъ отправилъ митрополита посломъ къ Всеволоду, заявляя, что готовъ уйти изъ Кіева; въ источникѣ т. о. опять нѣтъ инициативы митрополита (П. С. Р. Л., I, 134; II, 15). Возьмемъ еще одинъ примѣръ, нѣсколько болѣе рѣзкій. По увѣренію г. Сергѣевича, подкрѣпленному ссылкой на Лаврентьевскую же лѣтопись, въ 1101 г. митр. Николай упросилъ кн. Святополка возвратить взятому въ плѣнъ кн. Ярославу Ярополчичу „не только свободу, но и часть владѣній, обязавъ его договоромъ“ (534). Лѣтопись опять не знаетъ послѣдняго факта. По просьбѣ митрополита, Ярославу дана была свобода, повидимому, условная, съ обязательствомъ жить въ Кіевѣ, откуда онъ бѣжалъ и, будучи снова схваченъ, до смерти былъ уже въ заточеніи. Вотъ и все, что говоритъ лѣтопись, совершенно умалчивая о возвратѣ ему владѣній (П. С. Р. Л., I, 117). Послѣ такихъ пріемовъ доказательства уже не приходится удивляться, когда авторъ факты сверженія епископовъ по волѣ князей приводитъ въ доказательство власти митрополитовъ надъ князьями (536—7) или свидѣтельствуешь о „важности“ права печалованія (533) и путемъ всѣхъ этихъ доводовъ приходитъ къ заключенію о „подчиненномъ отношеніи князей къ представителямъ духовной власти“ (539), которое прекратилось лишь къ концу

XVII вѣка. Мы не можемъ уже, къ сожалѣнію, останавливаться на многихъ другихъ интересныхъ положеніяхъ въ книгѣ г. Сергѣевича, въ родѣ доказательства силы религиозныхъ идей въ XVI в. образомъ жизни царя Грознаго въ Александровской слободѣ (556; позволимъ себѣ надѣяться, что, когда почтенному юристу придется писать о XVIII столѣтіи, онъ столь же удачно воспользуется всешутѣйшимъ оборотомъ Петра I), въ родѣ утвержденія, что учрежденіе патриаршества создало „новыя опасности“ для свѣтской власти (557 и сл.) и т. д. Нашъ отчетъ и такъ уже непомѣрно разросся и надо спѣшить къ концу. Во второй главѣ своей книги, полемизируя съ проф. Ключевскимъ, авторъ предупреждаетъ „юныхъ любителей отечественныхъ древностей“ отъ излишняго довѣрія къ выводамъ московскаго профессора, между прочимъ, потому, что, хотя „онъ большой знатокъ памятниковъ“, но „ему не удастся правильная конструкція находящихся въ его рукахъ богатствъ“ (451). Мы не будемъ оспаривать этого отзыва, но рѣшимся присоединить къ нему для юныхъ любителей исторіи предостереженіе относительно неудобства чрезмѣрнаго довѣрія и къ послѣдней книгѣ проф. Сергѣевича, не думая, конечно, отрицать этимъ ея многихъ частныхъ достоинствъ. Конструкція почтеннаго ученаго въ большинствѣ случаевъ обладаетъ всѣми виѣшними признаками правильности, но фактовъ онъ знаетъ подчасъ нѣсколько больше, чѣмъ ихъ имѣется въ памятникахъ, и толкуетъ ихъ нѣсколько произвольно, что придаетъ его общимъ выводамъ чрезмѣрную оригинальность.

Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщ. П. П. Михайлова въ Археологическомъ Институтѣ 23-го марта 1895 года. Спб. 1897.

Брошюра г. Михайлова представляетъ нѣчто странное по пріемамъ, изложенію и пѣлямъ. По словамъ автора, это лишь предварительная работа, которая должна составить введеніе къ задуманному имъ изслѣдованію. Однако читатель встрѣчается въ концѣ брошюрки такую фразу: „Я все же питаю смѣлую надежду, что изъ этого сырого матеріала, послѣ тщательной обработки, выйдетъ хотя нѣчто похожее на введеніе къ проектируемой мною работѣ. Итакъ, до свиданія“. И такъ—книжка г. Михайлова представляетъ лишь отрывокъ, изъ котораго „послѣ переработки“ можетъ выйти нѣчто, похожее на какое то „введеніе“ къ какому то „изслѣдованію“. Это, конечно, освободило-бы насъ отъ обязанности—давать отчетъ объ этомъ эмбрионѣ будущаго введенія къ будущему изслѣдованію,—если-бы яркая своеобразность взглядовъ автора не заслуживала сама по себѣ хотя-бы краткой отмѣтки. Г-нъ

Михайловъ, несомнѣнно, сильно интересуется женскимъ вопросомъ и выступаетъ въ позѣ горячаго апологета женщины. Но въ чемъ собственно заключается его интересъ къ женскому вопросу, сказать, право, трудно. Повидимому мечты г. Михайлова не останавливаются на полной женской эмансипаціи; его идеалы обращены къ блаженнымъ временамъ матриархата, онъ хлопочетъ о порабощеніи мужчины женщиной. Такой выводъ дерзаемъ сдѣлать, руководясь фразами въ родѣ слѣдующихъ: „Къ несчастію человечества, альтруистическая гинайкократія падаетъ, уступая мѣсто отцовству или патриархату съ его эгоистическими принципами“ (стр. 28), или: „Но главная причина паденія матриархата заключается въ роковой ошибкѣ самой женщины, которая допустила и даже научила мужчину заниматься земледѣліемъ, сама же польстилась охотой и войной. Не сдѣлавъ первобытная женщина этого промаха, земля бы пользовалась прежнимъ авторитетомъ и *гинайкократія существовала-бы и понынѣ*“ (стр. 30). Съ точки зрѣнія автора этого классическаго положенія смѣна матриархата патриархатомъ есть „трагическое событіе“; женщина пыталась „огнемъ и мечемъ“ (?) свергнуть ненавистную мужскую тираннію и возстановить гинайкократію“, но, грезить далѣе нашъ юный социологъ, послѣдней такъ и не удалось „къ *крайнему сожалѣнію*“ преодолѣть народившійся чудовищный патриархатъ (стр. 28, 30). Почти вслѣдъ за приведеннымъ положеніемъ авторъ спѣшитъ напасть на Жиро Телона, обзывая его „чужакомъ“ за то, что онъ смотритъ на первое признаніе мужчиной своего отцовства, какъ на актъ благороднаго самоотреченія, достойный какого нибудь великаго героя древнихъ временъ. Г. Михайловъ въ негодованіи восклицаетъ: „Вѣроятно чужакъ Телонъ видитъ высшую цѣль въ порабощеніи женщины“ (стр. 31). Не станемъ спорить, что Жиро Телонъ *)—чужакъ, но если г. Михайловъ видитъ теперь высшую цѣль въ порабощеніи мужчины и вернулся къ идеаламъ матриархата, то право запутаешься въ рѣшеніи вопроса, какой изъ двухъ чужаковъ чуднѣе,—русскій или французскій.

Видя въ женщинѣ эпохи гинайкократіи всѣ вышія достоинства, украшающія человѣческую личность,—авторъ не находитъ словъ для заклеиванія патриархата, который, по его словамъ (стр. 34), представляетъ „печальную и въ то же время возмутительную картину полного порабощенія и гнусной эксплуатаціи женщины“. Авторъ увѣряетъ читателя, что

*) Giraud Teulon—авторъ довольно извѣстной у насъ книги *Les origines du mariage et de la famille*, переведенной на русскій языкъ при журналѣ *Знаніе*. Спб. 1876.

женщины этого періода, „сохраняя въ воспоминаніи славное время гинайократіи, возмущаются такимъ порядкомъ вещей, у нихъ возникаетъ реакція противъ такого крайняго деспотизма“,—реакція, вслѣдствіе которой „нелюбящая жена, насильно выданная замужъ, не желая лицемѣрить и притворяться, бросаетъ своего незаконнаго съ нравственной точки зрѣнія (насиліе не есть законъ) мужа и увлекается любовью своего избранника. Дочь, желающая выйти замужъ по своей склонности и будучи останавливаема родителями, тайно отдается своему обожателю“ (стр. 34—35). Эта милая, хотя и нѣсколько рискованная тирада г. Михайлова сопровождается не менѣе любопытными комментаріями и заключается восклицаніемъ: „Проституція!—вотъ какое богатое наслѣдство оставилъ намъ патріархальный полигамическій строй“. Попрекнувъ по дорогѣ отжившую „древне-еврейскую книжную премудрость“, которая будто бы по сіе время пользуется „популярностью“ (стр. 38), и автора книги *Das Mutterrecht* за слабость—смотрѣть на многое съ исключительно религіозной точки зрѣнія (стр. 6), погрузивъ о томъ, что „на великомъ банкетѣ природы для *современной* женщины не поставлено прибора“, авторъ раздражается противъ народной мудрости, которая „не перестаетъ обливаться женщина въ отвратительными помоями своего остроумія“, и противъ современныхъ „клоуновъ мысли, которые тщетно пытаются доказать умственное превосходство мужчины надъ женщиною“.

Читателю, надѣмся, ясно теперь, съ какимъ пылкимъ рыцаремъ женщины онъ имѣетъ дѣло. Впрочемъ пылкая смѣлость—повидимому отличительная черта нашего автора: иначе онъ не рѣшился бы выступить публично, съ арсеналомъ какихъ-то ученическихъ тетрадокъ...

В. П. Вахтеровъ. Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки, книжные склады, воскресныя школы и повторительные классы. М. 1896.

Цѣль трехъ статей г. Вахтерова, вошедшихъ въ его книжку, — ознакомленіе читающей публики съ тѣмъ, что и какъ дѣлается у насъ для внѣшкольнаго образованія народныхъ массъ, причемъ попутно высказываются замѣчанія чисто практическаго характера и нѣкоторыя пожеланія, для осуществленія которыхъ, къ сожалѣнію, наша дѣйствительность даетъ еще слишкомъ мало благопріятныхъ условій. Самая интересная и обширная статья книги посвящена „Воскреснымъ школамъ и повторительнымъ классамъ“ (стр. 147—359). Къ сожалѣнію, почтенный авторъ оставилъ совершенно въ сторонѣ одно изъ лучшихъ орудій для народнаго образова-

нія, одинаково примѣнимое и къ грамотнымъ, и къ совершенно безграмотнымъ слоямъ населенія: мы разумѣмъ публичныя народныя чтенія (въ видѣ-ли отдѣльных лекцій, или цѣлыхъ курсовъ), которымъ, при условіи болѣе или менѣе здороваго роста нашей общественности, предстоитъ несомнѣнно блестящее будущее. Въ эту народную аудиторію, въ праздничное время (обыкновенно, при отсутствіи разумнаго развлечения или поученія, проводимое самымъ нежелательнымъ образомъ) съ удовольствіемъ бѣжитъ и ребенокъ, и старикъ, и лихой деревенскій грамотей, и совершенный неучъ; она является своего рода общественнымъ собраніемъ, гдѣ по поводу прочитаннаго слышатся необычныя разговоры, порой горячій обмѣнъ мыслей. Такимъ образомъ публичныя народныя чтенія, какъ орудіе для внѣшкольнаго образованія народа, занимаютъ, безспорно, одно изъ первыхъ мѣстъ, — и приходится выразить большое сожалѣніе, что г. Вахтеровъ не затронулъ этого важнаго предмета. Надо думать, что это простая случайность, тѣмъ болѣе, однако, печальная, что авторъ, повидимому, склоненъ придавать своей книжкѣ большое практическое значеніе, помѣщая въ концѣ ея образцы прошеній для открытія воскресныхъ школъ, библіотекъ, книжныхъ лавокъ и т. п. Можно замѣтить, что подобныя практическія свѣдѣнія по народнымъ чтеніямъ еще болѣе необходимы, при спутанности и разнообразіи условій открытія и существованія послѣднихъ. Незачѣмъ, разумѣется, упоминать, что нашъ авторъ стоитъ очень горячо за широкое и свободное распространеніе у насъ среди народа книгъ, за открытіе возможно большаго числа воскресныхъ школъ и библіотекъ, освобожденныхъ отъ безцѣльныхъ формальностей и слишкомъ ужъ стѣснительной интеллектуальной опеки, которая взрослому разрѣшаетъ читать лишь дѣтскую книжку съ картинками, а для ребенка рскомендуетъ нерѣдко произведенія не только устарѣвшія, но порой и составляющія библіографическую рѣдкость, не стоящую притомъ переизданія.

По условіямъ, при которыхъ авторъ писалъ свои статьи, вошедшія въ разбираемую книжку, онѣ не отличаются ни достаточной яркостью и силой изложенія, ни полнотой аргументаціи и правильностью перспективы, въ которой авторъ располагаетъ тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ на своемъ пути внѣшкольное образованіе. Тѣмъ не менѣе, — предметъ самъ по себѣ такъ простъ и ясенъ, что нельзя не согласиться съ главными положеніями, которыя иллюстрируетъ авторъ своей книгой. Можно различно оцѣнивать относительное значеніе частной и общественно-государственной инициативы въ дѣлѣ образованія, но нельзя не согласиться, что частная инициатива въ этой области является факторомъ во всякомъ случаѣ очень

важнымъ, и въ значительной степени вызывается даже просто чувствомъ общественнаго самосохраненія. „Когда подумаешь, пишетъ г. Вахтеровъ (стр. 265), объ этой массѣ безграмотныхъ людей,—становится страшно за наше будущее. Холерные беспорядки, чумные бунты, распространеніе сектъ, невозможныхъ по своему изувѣрству среди сколько-нибудь образованнаго народа, въ родѣ скопчества, проявленія дикаго суевѣрія въ сожженіи вѣдьмъ и колдуній... появленіе самозванныхъ митрополитовъ, патріарховъ, юродивыхъ... прогрессивное ухудшеніе крестьянскаго хозяйства. особенно ярко выразившееся въ 1891 и 1892 годахъ... полная зависимость безграмотнаго люда отъ пройдохи-писаря и деревенскаго адвоката, все возрастающая пропасть между высшими классами, стоящими на высотѣ европейскаго образованія, и народомъ, спускающимся чуть-ли не до уровня дикарей,—пропасть, обусловливающая взаимное отчужденіе, непониманіе, а иногда и ненависть: все это только часть безчисленныхъ и страшныхъ послѣдствій безграмотности народа“. Мы вполне раздѣляемъ взглядъ г. Вахтерова на общеобразовательный характеръ воскресной школы и не можемъ также не признать всей правоты слѣдующаго, напримѣръ, замѣчанія (стр. 340): „Всѣ мы знаемъ, что невѣденіемъ закона никто не въ правѣ отговариваться, и не дѣлаемъ почти ничего для ознакомленія народа съ такъ часто мѣняющимися законоположеніями, относящимися къ общинѣ, волости, земству, суду. Народъ не знаетъ своихъ правъ и становится часто только поэтому жертвою эксплуатаціи ловкаго пройдохи, деревенскаго кулака, „аблакаты“ и т. д. Отмѣтимъ наконецъ, что г. Вахтеровъ въ своей книжкѣ, хотя и бѣгло, упоминаетъ о возможности у насъ народнаго университета, о всей своевременности развитія движенія University Extension (распространеніе университетскаго образованія) и о попыткѣ этого рода (въ Москвѣ)—*комисіи по организаціи домашняго чтенія*, издавшей два выпуска *Программъ домашняго чтенія*. Вопросы самообразованія и распространенія университетскаго образованія въ Россіи дѣйствительно назрѣли, требуютъ тщательной и немедленной разработки. И въ этомъ движеніи форма публичныхъ курсовъ, является наиболѣе удобной и желательной, такъ какъ оперировать одними программами домашняго чтенія, хотя бы энциклопедическаго характера, пока невозможно. Намъ нуженъ, говоритъ справедливо г. Вахтеровъ (стр. 199), цѣлый рядъ общеобразовательныхъ организацій, разнообразныхъ, какъ сама жизнь, и по своимъ программамъ, и по составу читателей или слушателей, и руководителей, и по своимъ ближайшимъ задачамъ“.

А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 1896.

Книга проф. Исаева читается съ большимъ интересомъ. Въ ясной и общедоступной формѣ она трактуетъ о самыхъ важныхъ и животрепещущихъ вопросахъ русской общественной жизни и русскаго народнаго хозяйства. Книга эта не представляетъ собою серьезнаго научнаго изслѣдованія, въ ней мало новаго и оригинальнаго; за то старыя истины, о которыхъ теперь, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забываютъ, подчеркиваются въ ней съ рѣдкой въ наше время опредѣленностью; въ книгѣ встрѣчается, кромѣ того масса весьма остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній относительно различныхъ государственныхъ мѣропріятій въ области русскаго народнаго хозяйства, какъ и относительно основныхъ воззрѣній нашихъ народниковъ.

По своему содержанію книга раздѣляется на двѣ части: въ первой разбирается вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ, вторая трактуетъ о русскомъ народномъ хозяйствѣ и его вѣроятныхъ дальнѣйшихъ судьбахъ. Проф. Исаевъ — противникъ экономическаго матеріализма; онъ приходитъ къ тому общему выводу, что экономическими причинами нельзя объяснить всѣхъ явленій общественной жизни, но его возраженія прибавляютъ мало новаго къ той критикѣ, какой подверглась эта теорія въ русской литературѣ. Гораздо интереснѣе вторая половина книги, останавливающаяся на различныхъ сторонахъ русскаго народнаго хозяйства. Авторъ прежде всего приводитъ рядъ статистическихъ данныхъ, краснорѣчиво доказывающихъ, что за послѣднее время Россія значительно и быстро подвигается впередъ по пути капитализма. Почти во всѣхъ сферахъ русскаго народнаго хозяйства, въ области обрабатывающей промышленности, транспорта, кредита, внѣшней торговли и проч., „рѣзко обозначаются черты, которыя отличаютъ развитіе экономической жизни въ Западной Европѣ и Америкѣ“. „Все это оправдываетъ выводъ, что Россія переживаетъ тотъ періодъ экономическаго развитія, который Западъ пережилъ 50 лѣтъ тому назадъ... А если такъ, то не позволительно-ли утверждать, что въ будущемъ наше народное хозяйство будетъ повторять то, что уже пережито опередившими насъ народами?“ Здѣсь проф. Исаевъ подходит къ разбору взглядовъ народниковъ. У нашихъ народниковъ, говоритъ онъ, мы часто встрѣчаемъ мысль о возможности широкаго развитія у насъ артельнаго производства. „Мысль о возможности достигнуть этой цѣли идетъ двумя путями. Во-первыхъ, говорится съ удареніемъ о томъ, что новое промышленное развитіе Россіи искусственно, что ее толкнули на этотъ путь только послѣ освобожденія крестьянъ и что легко

было остаться въ то время вѣрнымъ основнымъ и самобытнымъ условіямъ нашей экономической жизни. Во-вторыхъ, въ современной русской дѣйствительности указываются начала, которыя еще живы, могущественны и способны поднять на себя такой тяжелый трудъ". Первое положеніе проф. Исаевъ считаетъ абсолютно невѣрнымъ. „Мы должны прежде всего от мѣтить то глубокое заблужденіе, что 30 лѣтъ тому назадъ русское народное хозяйство оставило свой самобытный путь, порвало съ традиціями и ступило на дорогу, которой оно не должно было избирать. Сѣтованіе, что такъ случилось, предположеніе, что нужно было строить новую экономическую жизнь на старыхъ и чисто русскихъ устояхъ, повергаетъ каждого, сколько нибудь знакомаго съ прошлымъ Россіи, въ серьезное недоумѣніе. Какіе, спрашивается, устои давала намъ дореформенная Россія?“ Въ области сельскаго хозяйства дореформенная Россія давала намъ подневольный трудъ со всѣми темными его сторонами; техника производства была самая примитивная, урожайность полей была ничтожная. То же самое можно сказать относительно кустарныхъ промысловъ и ремеслъ дореформенной Россіи. Городская промышленность не представляла ничего своеобразнаго сравнительно съ 3. Европой, что позволяло-бы говорить о какихъ-то особенныхъ, самобытныхъ чертахъ. Наконецъ, ошибочно думать, что наша крупная промышленность ведетъ свое начало лишь съ 60-хъ годовъ: мануфактуры встрѣчаются у насъ уже со времени Петра I; начало желѣзнодорожнаго дѣла относится еще къ 50-мъ годамъ, а наше рѣчное судоходство стало развиваться съ 40-хъ годовъ. Такимъ образомъ, капитализмъ со всѣми темными его сторонами вовсе не былъ чѣмъ-то совершенно неизвѣстнымъ для крѣпостной Россіи. Проф. Исаевъ дѣлаетъ поэтому слѣдующій выводъ: „до-реформенный юридико-экономическій строй не давалъ условій для пересозданія русскаго народнаго хозяйства по новому образцу, который былъ-бы невѣдомымъ словомъ и за предѣлами нашей родины“.

Авторъ останавливается затѣмъ на разборѣ тѣхъ началъ, которыя, по мнѣнію народниковъ, дадутъ Россіи возможность быстро миновать тѣ стадіи развитія, черезъ которыя прошла 3. Европа, и помогутъ ей „воздвигнуть болѣе совершенное зданіе народнаго хозяйства“. Къ этимъ началамъ относится широкое развитіе артелей, „наличность въ русскомъ образованномъ классѣ довольно большаго числа людей, готовыхъ всѣми силами служить дѣлу улучшенія народной жизни“, „готовность самого правительства стать на путь такихъ экономическихъ преобразованій, которыя поднимаютъ благосостояніе массы населенія“, наконецъ, наша община. Относительно нашихъ артелей А. А. Исаевъ замѣчаетъ, что онѣ распро-

страняются лишь тамъ, гдѣ промыселъ не сложенъ; за то мы почти совершенно не находимъ артелей въ большинствѣ отраслей кустарной промышленности и, особенно, въ крупномъ производствѣ. „Ни въ нашихъ артеляхъ, ни въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ я не вижу ничего, что было бы своеобразно и отличало бы нашъ бытъ отъ жизни Запада. Правда, артели въ простѣйшихъ промыслахъ распространены у насъ болѣе, чѣмъ на Западѣ или въ Америкѣ. Однако, насколько рѣчь идетъ о подготовленности къ артельному общенію въ болѣе сложныхъ предпріятіяхъ, Западная Европа и Америка пользуются, по сравненію съ нами, очень крупными преимуществами“. А. А. Исаевъ считаетъ далѣе ошибочнымъ мнѣніе, будто въ Россіи образованные классы выдѣляютъ изъ своей среды больше людей, готовыхъ настойчиво и самоотверженно работать на пользу народа, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ З. Европѣ. „Я не вижу основаній утверждать, чтобы, даже въ случаѣ исчезновенія выѣшнихъ преградъ, русское образованное общество проявило болѣшую энергію и большее самоотверженіе при служеніи бѣднѣйшимъ классамъ народа, нежели мы то находимъ на Западѣ“. Авторъ подвергаетъ затѣмъ оцѣнкѣ различныя государственныя мѣропріятія въ области народнаго хозяйства за послѣднія десятилѣтія. Разборъ народно-хозяйственной политики Россіи составляетъ самыя блестящія страницы въ книгѣ проф. Исаева. Вся эта политика, по его мнѣнію, направлена на укрѣпленіе и развитіе крупной капиталистической промышленности. Нашъ государственный банкъ служитъ преимущественно крупному производству: средняя цѣнность учтеннаго векселя за 30-лѣтіе (1861—90 г.) колебалась между 1,078 и 2,290 рублями. Нашъ промысловый налогъ ложится на мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ въ 2, 3, 5, 10 разъ относительно болѣшимъ бременемъ, чѣмъ на крупныхъ. Фабричныя законы послѣднихъ лѣтъ составляютъ, съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ, значительные шаги назадъ; законъ 24 апрѣля 1890 г. меньше охраняетъ женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ, чѣмъ законы 82 и 85 годовъ. Дѣятельность крестьянскаго банка весьма ограничена: площадь крестьянской земли увеличивалась при помощи крестьянскаго банка въ среднемъ на 185,000 десятинъ въ годъ, между тѣмъ, если бы эта площадь возрастала лишь соотвѣтственно росту крестьянскаго населенія, она должна была-бы увеличиваться ежегодно на 1,320.000, т. е. въ 7 разъ больше. Ничтожная роль крестьянскаго банка выступаетъ еще ярче, если сравнить его дѣятельность съ дѣятельностью дворянскаго банка. „Возникнувъ на 2 года позднѣе крестьянскаго, дворянскій банкъ роздалъ за 9 лѣтъ (1885—93) въ ссуду 343 милліона противъ 70 милліоновъ рублей, выданныхъ крестьян-

скимъ, т. е. за менѣе долгій срокъ почти въ 7 разъ болѣе“. Законъ 8 іюня 1893 г., ограничивающій право сельскихъ обществъ производить передѣлы земли „сдѣлаетъ общинный строй для многихъ милліоновъ крестьянъ искусственнымъ созданиємъ, не соотвѣтствующимъ условіямъ мѣстной жизни“, а законъ 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ не въ силахъ, по мнѣнію А. А. Исаева, ни воспрепятствовать обезземеленію крестьянъ, ни помѣшать внутреннему разложенію общины. Наконецъ, государственныя мѣропріятія на пользу кустарныхъ промысловъ и артельного труда должны быть признаны совершенно ничтожными.

Но можетъ быть община является тѣмъ союзомъ, „который служить хранилищемъ великой творческой силы, способной обновить русскую жизнь и создать невѣдомые образцы и для другихъ народовъ?“ Какъ „убѣжденный защитникъ общины“, проф. Исаевъ считаетъ возможнымъ ея дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе, онъ признаетъ совершенно ошибочнымъ мнѣніе, будто общинное землевладѣніе является преградой для успѣховъ сельскаго хозяйства, но онъ все-таки расходится съ народниками относительно того, „будто-бы община можетъ побороть индивидуалистическія теченія, которыя обнаруживаются въ русской жизни все съ большею силою, и что изъ нея можетъ выработаться болѣе совершенный экономическій укладъ“.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Съ дополненіями изъ трудовъ Валлона, Турмана, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новоборской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896 г.

Мы приступили къ чтенію книги Ингрэма съ большими ожиданіями, такъ какъ его имя уже давно пользуется вполне заслуженной извѣстностью. Выступивъ впервые на поприще экономической литературы въ 1878 г. маленькой брошюрой „The present position and prospects of Political Economy“, онъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе и скоро занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди англійскихъ представителей исторической школы политической экономіи. Въ названной брошюрѣ, какъ и въ напечатанной затѣмъ „Исторіи политической экономіи“, переведенной на русскій языкъ, авторъ съ особенной силой подчеркиваетъ мысль Ог. Конта, что экономическія явленія должны изучаться въ связи съ другими факторами общественной жизни, что политическая экономія есть не болѣе, какъ часть соціологіи. Поэтому, приступая къ чтенію его книги „Исторія рабства“, мы думали, что изученіе и этого соціальнаго явленія будетъ соединено у

него съ изслѣдованіемъ другихъ сторонъ общественной жизни, что это изученіе будетъ поставлено на широкую историческую почву. Мы еще болѣе укрѣпились въ нашихъ ожиданіяхъ, когда прочитали краткое предисловіе автора, гдѣ онъ. между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Въ первой части книги я старался держаться главнымъ образомъ исторической, а не антикварной точки зрѣнія и нигдѣ не вдавался въ подробности... Я писалъ не для школьниковъ, но для массы мыслящихъ и образованныхъ мужчинъ и женщинъ, и потому стремился, по отношенію къ исторіи рабства, дать широкіе взгляды и общія идеи, какія должны входить въ составъ умственной пищи cadaго развитаго человѣка“. Къ сожалѣнію, ожиданія наши не совсѣмъ оправдались: именно „широкихъ взглядовъ и общихъ идей“ мы находимъ въ книгѣ Ингрэма слишкомъ мало; тамъ-же, гдѣ авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя обобщенія, гдѣ онъ даетъ общую оцѣнку изучаемымъ явленіямъ, его взгляды выражены то недостаточно опредѣленно и ясно, то совершенно односторонне. Отъ историка-экономиста мы вправѣ были ожидать, что изслѣдуемое имъ явленіе будетъ разсматриваться въ связи съ хозяйственными условіями изучаемой эпохи. Не нужно быть сторонникомъ экономического матеріализма, чтобы признать, что при изученіи такого явленія, какъ рабство, историкъ долженъ обращать особенное вниманіе на то, насколько это явленіе обуславливалось хозяйственнымъ строемъ той или другой страны, и насколько оно, въ свою очередь, вліяло на хозяйственный строй, а этого-то мы въ книгѣ Ингрэма не находимъ. Разбирая, напр., вопросъ о рабствѣ въ древнемъ Римѣ, онъ указываетъ на источники рабства, каковыми являлись война, право кредитора обращать въ рабство должника и проч., но онъ не раскрываетъ намъ того взаимодѣйствія, какое существовало между этимъ явленіемъ и экономическими условіями древняго Рима. Какъ извѣстно, въ первую эпоху римской исторіи, приблизительно до пуническихъ войнъ, рабство было еще сравнительно слабо распространено, и это слабое развитіе рабства вполне соответствовало условіямъ тогдашняго хозяйства: господству мелкаго и средняго землевладѣнія и отсутствію крупныхъ хозяйствъ. Земля обрабатывалась самостоятельными крестьянами или мелкими арендаторами, рабочія силы крестьянина и членовъ его семьи были вполне достаточны для обработки его участка земли; при такихъ условіяхъ, въ трудѣ рабовъ нуждались сравнительно мало. Когда-же позднѣе, благодаря цѣлому ряду разнообразныхъ причинъ (постепенному присвоенію патриціями общественныхъ земель, тяжелымъ налогамъ и военнымъ повинностямъ, разорившимъ мелкихъ крестьянъ и вынудившимъ ихъ въ концѣ концовъ къ отчужденію своихъ

земельныхъ участковъ и проч.), стало развиваться въ Римѣ крупное землевладѣніе, тогда спросъ на рабскій трудъ увеличился, и рабство достигло апогея своего развитія. Съ другой стороны, сильный притокъ рабовъ, благодаря удачнымъ войнамъ, въ свою очередь оказалъ вліяніе на измѣненіе характера римскаго хозяйства: рабы вытѣснили мелкихъ арендаторовъ, и прежнія мелкія хозяйства постепенно уступили мѣсто латифундіямъ. Безъ такого изученія взаимодѣйствія между рабствомъ и социальнo-экономическимъ строемъ той или другой эпохи, изслѣдованіе о рабствѣ не можетъ претендовать на научно-философское значеніе.

Уничтоженіе рабства и замѣна его другими формами несвободы также не могутъ быть объяснены вполне правильно, если не принять во вниманіе измѣненій въ технику производства, необходимости перейти отъ экстенсивнаго къ болѣе интенсивному хозяйству, постепенной замѣнѣ натурального хозяйства денежнымъ и проч. Между тѣмъ Ингрэмъ, изучая вопросъ объ уничтоженіи рабства, почти совершенно не останавливается на этихъ измѣненіяхъ въ области народнаго хозяйства. Онъ придаетъ въ этомъ вопросѣ слишкомъ большое значеніе нравственнымъ и религіознымъ причинамъ, именно распространенію христіанства, личному вліянію духовенства и проч., хотя никакихъ вѣскихъ доводовъ въ пользу своего взгляда не приводитъ. Наоборотъ, онъ самъ указываетъ на то, что въ Римѣ, еще до распространенія христіанства, стали относиться къ рабамъ гораздо мягче, и это отразилось не только на нравахъ и философіи того времени, но и на законодательствѣ. Книга Ингрэма трактуетъ не только о рабствѣ въ древнемъ мірѣ, но и о рабствѣ новаго времени, т. е. объ африканской торговлѣ невольниками и рабствѣ негровъ; она даетъ намъ, кромѣ того, краткія и отрывочныя свѣдѣнія о рабствѣ въ Россіи и на магометанскомъ Востокѣ.

Русское изданіе производитъ какое-то странное впечатлѣніе. Оно снабжено „дополненіями“, „приложеніями“ и „добавленіемъ“ (стр. 103) изъ трудовъ Валлона, Турмана, Рамбо, Лависса и др. Тамъ, гдѣ эти дополненія напечатаны въ видѣ особыхъ главъ и указаны имена авторовъ, они являются довольно умѣстными, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ читаются съ большимъ интересомъ, чѣмъ страницы, писанныя самимъ Ингрэмомъ. Но многія дополненія помѣщены посреди главъ, принадлежащихъ перу Ингрэма, и текстъ этихъ дополненій, безъ обозначенія ихъ авторовъ, заключенъ между звѣздочками; это совершенно путаетъ читателя, а мѣстами даже нѣтъ никакой возможности разобратъ, кому принадлежитъ текстъ,—Ингрэму или какому нибудь другому писателю. Читая, напр., главу III, читатель постоянно остается въ не-

доумѣнія относительно того, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, съ Ингрэмомъ или съ какимъ-либо совершенно неизвѣстнымъ авторомъ. Въ разбираемой книгѣ имѣется также нѣсколько „примѣчаній редактора“, между тѣмъ имя редактора совершенно не указано.

Улльямъ Джемсъ. (профессоръ психологіи въ Гарвардскомъ университетѣ) *Психологія* (Text Book of psychology). Переводъ съ англійскаго И. И. Лапшина. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джемса». Физиологическій отдѣлъ книги проредактированъ М. Н. Римскимъ-Корсаковымъ (съ 66 рисунками и схемами). Спб. 1896.

Хотя имя Вилльяма Джемса уже давно было хорошо извѣстно специалистамъ философовъ и психологамъ, но только съ 1890 г., т. е. съ выхода въ свѣтъ его обширнаго сочиненія: „Principles of psychology“, его научная репутація окончательно и твердо установилась. Два года спустя Джемсъ издалъ сокращенное изложеніе своего главнаго труда, и это изложеніе теперь появляется въ русскомъ переводѣ г-на Лапшина.

Оба сочиненія, какъ двухтомныя „Principles of psychology“, такъ и однотомное „Text Book of psychology“ (которое является не простымъ сокращеніемъ предыдущей книги, но значительно переработаннымъ изданіемъ) сдѣлались предметомъ обстоятельныхъ рецензій и статей, появившихся въ различныхъ философскихъ журналахъ Европы и Америки, такъ что научная индивидуальность Джемса хорошо охарактеризована лучшими специалистами въ области психологіи.

Всѣ критики Джемса сходились прежде всего въ одномъ: въ томъ, что В. Джемсъ является весьма оригинальнымъ и независимымъ мыслителемъ; такъ, напр., Селли говоритъ: „Проф. Джемсъ прежде всего оригиналенъ — энергически, агрессивно оригиналенъ“ (Mind. Vol. XVI. p. 344). И эта „агрессивная оригинальность“ направлена главнымъ образомъ противъ ассоціаціонистовъ и эволюціонистовъ. Однако, не слѣдуетъ думать, будто Джемсъ, критикуя эволюціонное ученіе, противопоставляетъ ему свою теорію, долженствующую замѣнить эволюціонную философію. Это предположеніе было-бы вдвойнѣ ошибочно, ибо, во первыхъ, то философское ученіе, къ которому, очевидно, склоняется нашъ авторъ, отнюдь не можетъ считаться оригинальнымъ: это обыкновенный дуализмъ; а во вторыхъ, онъ энергически подчеркиваетъ свое желаніе изложить психологію, какъ *естественную науку*, т. е., независимо отъ какой-бы то ни было философіи. Этотъ естественно-историческій методъ заключается, по мнѣнію Джемса, въ томъ, что „каждая наука принимаетъ на вѣру извѣстныя дан-

ныя, предоставляя философіи подвергать критикѣ ихъ истинность и значеніе" (стр. 1). „Какъ одно *нѣчто* можетъ познать *другое*—это составляетъ проблему такъ называемой теоріи знанія. Какимъ образомъ такая вещь, какъ „состояніе ума“, вообще можетъ существовать—это составляетъ предметъ раціональной (называемой такъ въ отличіе отъ эмпирической) психологіи. Полная истина о „состояніяхъ сознанія“ станетъ извѣстной только тогда, когда и теорія знанія, и раціональная психологія скажутъ свое послѣднее слово. Тѣмъ временемъ о нихъ можетъ быть собрана масса условныхъ истинъ, которыя неизбѣжно войдутъ въ составъ болѣе широкой истины, когда для этого наступитъ время. Такой временный сводъ положеній о состояніяхъ сознанія и о познании, которымъ эти состоянія сознанія пользуются, и есть то, что я разумѣю подъ психологіей, какъ естественной наукой“ (стр. 2).

Однако „независимость“ психологіи Джемса отъ какихъ бы то ни было общихъ теорій идетъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько дальше, чѣмъ слѣдуетъ. Что авторъ пытается создать психологію независимо отъ какихъ-бы то ни было метафизическихъ теорій, это, конечно, весьма хорошо, и можно только пожелать, чтобы онъ еще больше освободился отъ этихъ теорій, т. е., чтобы онъ еще больше обуздывалъ свои дуалистическія и спиритуалистическія симпатіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ также желательно, чтобы хаосъ конкретныхъ и частныхъ явленій былъ по возможности сведенъ къ однообразію явленій простыхъ и общихъ; а этого именно мы и не находимъ въ книгѣ Джемса. Этотъ недостатокъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ метода, усвоеннаго нашимъ авторомъ, который не только не считаетъ отсутствіе высшаго руководящаго принципа за недостатокъ, но даже почти гордится этимъ обстоятельствомъ. Критики указывали на несистематичность его *Principles of psychology*, и вотъ что говорить по этому поводу авторъ въ предисловіи къ своей второй книгѣ: „Вообще, наперекоръ моимъ критикамъ, я склоненъ думать, что упрекъ въ „несистематичности“ изложенія въ данномъ случаѣ не есть упрекъ по существу дѣла, такъ какъ мы получаемъ живое пониманіе душевныхъ явленій, удерживая наше вниманіе какъ можно дольше на конкретныхъ состояніяхъ нашего сознанія во всей ихъ цѣльности, между тѣмъ какъ анализъ психическихъ „элементовъ“ есть, такъ сказать, анализъ *post mortem*. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ жизненными явленіями, а съ искусственными абстракціями“. Что Джемсъ *начинаетъ* не съ абстрактныхъ элементовъ, а съ сложныхъ конкретныхъ явленій, въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается одно изъ достоинствъ

его Психологіи; жаль только, что онъ, *начавши* такъ хорошо, *не продолжаетъ* столь-же хорошо, т. е. не идетъ путемъ разложенія и анализа къ отысканію простѣйшихъ и общихъ явленій. Но это значило-бы признать справедливость „Mind-Stuff theory“ (теоріи элементарнаго матеріала сознанія), опроверженію которой посвящена VI глава его Principles of psych. Теорія психическихъ пылинокъ (Mind-Dust), теорія возникновенія сложныхъ психическихъ явленій путемъ комбинацій явленій простѣйшихъ находитъ въ лицѣ Джемса энергическаго и талантливаго критика, открыто заявляющаго, что онъ предпочитаетъ теорію души (soul-theory), волнуемой нѣкоимъ таинственнымъ образомъ (in some mysterious way) вслѣдствіе измѣненій въ состояніяхъ мозга. Конечно, можно попытаться открыть высшій руководящій принципъ психологіи и помимо „Mind-stuff theory“, которая является только одною изъ попытокъ открыть этотъ принципъ, но для этого, по мнѣнію Джемса, еще не настало время. „Можно сказать, говоритъ онъ на стр. 391,—что въ настоящее время психологія находится приблизительно на томъ фазисѣ развитія, въ какомъ была физика и ученіе о законахъ движенія до Галилея“.

Если Джемсъ и не пытается сдѣлаться Галилеемъ психологіи, то все-же его труды, безспорно, будутъ способствовать тому, „чтобы ускорить его появленіе“; ограничиваясь болѣе частными „естественно-научными“ вопросами, авторъ даетъ рядъ блестящихъ монографій; таковы, напримѣръ, его изслѣдованія „вниманія“, „ассоціаціи“, „воспріятія времени“, „воспріятія пространства“, его знаменитая теорія эмоций (эта теорія весьма сходна съ теоріею Ланге, о которой см. рецензію въ № 8 „Русск. Богат. за 1896 г.).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ:

Д. Е. Филимоновичъ. Волшебная флейта. Сказка для не совсѣмъ маленькихъ дѣтей. Керчь. 96. Ц. 3 к.

Божія дѣти. Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Изд. Южно-Рус. Общ. Печатнаго Дѣла. Одесса. 96. Ц. 15 к.

А. В. Кругловъ. Все пріатели. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Изд. книжн. маг. М. Клюкина, М. 96.

А. В. Кругловъ. Первое говѣнье. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Изд. М. Ключкина. М. 96. Ц. 40 к.

Анна Догановичъ. Въ кругу дѣтей. Разказы для дѣтскаго чтенія. Изд. М. Ключкина. М. 97. Ц. 40 к.

Ил. Смирновъ. Родное. Разказы для дѣтей. Изд. 2-е. М. Ключкина. М. 96. Ц. 75 к.

П. А. Сергѣенко. Безъ якоря. Изд. М. Ключкина и Д. Ефимова. М. 96. Ц. 1 р.
Братья Гракхи. Эпизодъ изъ римской исторіи Н. Лятошинскаго. Житомиръ. 95. Ц. 25 к.

Харьзовскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1896 г. подъ ред. В. В. Иванова. Вып. X. Харьковъ. 96.

Х. фонъ Хейденфельдтъ. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Переводъ съ нѣм. В. Мосоловой. Изд. второе Д. П. Ефимова. М. 97. Ц. 40 к.

Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ третій. Изд. І. Юровскаго. Спб. 96. Подп. цѣна за 6 т.—3 р. 50 к.

Необыкновенные разказы Эдгара Поэ. Переводъ съ англійскаго. Книги І-ая и II-ая. Изд. А. С. Суворина. Спб. 96. Ц. кажд. тома—60 к.

Царь изъ дома Давида. Съ англійскаго Е. М. Изд. А. С. Суворина. Спб. 96. Ц. 60 к.

Д. Кайгородовъ. „Лепестки“. Разказы, очерки и картинки. Изд. А. С. Суворина. Спб. 96.

Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. П. Е. Мартыанова. Томъ III-й. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. Нефедовъ. Дѣтство Протасова. Повѣсть. Изд. второе. М. 97. Ц. 40 к.

Народный театръ. Сборникъ. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. М. 96. Ц. 2 р.

В. Немировичъ-Данченко. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Ergänzungen und Skizzen. Rotarenko, von Wilhelm Arnold Christiani. Мировая хрестоматія. Часть вторая. I и II. Составилъ М. С. Ломшаковъ. Спб. 96. Ц. I ч.—40 к., II—60 к.

Д. Н. Овсяннико Кулизовскій. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьковъ. 96. Ц. 1 руб.

Gedichte von Iwan Sawitsch Nikitin. Uebersetzungen von Friedrich Fiedler. Leipzig. 12 pfennig.

Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщеніе П. П. Михайлова въ Археолог. Инст. 23-го марта 1895 года. Спб. 97.

Первобытная культура. Эдуарда В. Тэйлора. Второе изданіе, исправленное и дополненное подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Томъ I. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 96.

Шарль Летурно. Физиологія страстей. Переводъ съ франц. В. В. Святловскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1 р.

Соціологія по даннымъ этнографіи. Д-ра Шарля Летурно. Переводъ съ послѣдняго франц. изданія подъ ред. и съ предисловіемъ проф. А. Ткачевскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Счастье и трудъ. Составилъ П. Мантегацца. Перевелъ со 2-го итальянскаго изд. д-ръ Н. Лейненбергъ. Третье удешевленное изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 50 к.

Антропология. Л. Кржижицкаго. Переводъ съ польскаго С. Д. Романовскаго-Романько, подъ ред. Р. И. Сементковскаго. (Популярно-научная библ. Ф. Павленкова). Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Общеполевная библиотека для самообразованія. Изданіе М. Б. Ключина. № 3. Заборовскій. Доксторическій чловѣкъ. Переводъ съ франц. М. 96. Ц. 40 к. № 4. Е. С. Трудъ и капиталъ. Переводъ съ польскаго Сченсковица, подъ ред. В. А. Гольцева. М. 97. Ц. 30 к. № 8. Ив. Семеновъ. Исторія культуры. М. 97. Ц. 75 к.

Общественная жизнь Англіи. Изд. Г. Д. Трайля. Томъ I. Отъ древнѣйшаго времени до восшествія на престолъ Эдуарда I. Переводъ съ англійскаго Л. Ч., подъ ред. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 96. Ц. 8 р.

Исторія чловѣческой культуры. I. Гонеггера. Переводъ съ нѣм. М. Чепинской. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 96. Ц. 60 к.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Вып. I-ый. М. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія сооруженія и эксплуатаціи Закавказской желѣзной дороги за двадцать пять лѣтъ ея существованія. Составилъ А. Аргутинскій Долгоруковъ. Изд. Зак. жел. дор. Тифлисъ. 96.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. Вып. I. Изд. Общ. для распр. просв. между евреями въ Россіи. Спб. 96.

Исторія первобытнаго чловѣчества. М. Бёрнеса. Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 96. Ц. 50 к.

Е. Вестермаркъ. Исторія брака. Переводъ И. Семенова. Изд. Д. П. Ефимова. М. 96. Ц. 60 к.

В. А. Мошниковъ. Скины и ихъ соплеменники Фракійцы. Слѣды этихъ народовъ въ наше время. Этнографическій этюдъ. Варшава. 96. Ц. 50 к.

Проф. Н. Сумцовъ. Личные обереги отъ сглаза. Харьковъ. 96.

Памяти Конст. Дмит. Ушинскаго. По случаю 25-лѣтія со дня кончины К. Д. Ушинскаго. Спб. 96. Ц. 50 к.

Францискъ Ассизскій, его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Э. К. Пяменовой. Съ портретомъ Франциска. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 25 к.

Жизнь Ф. Лассала, въ связи съ его научною и общественной дѣятельностью. Составилъ В. Я. Классенъ. Изд. М. В. Ватсонъ. Спб. 96. Ц. 1 р.

Цеварь Антоновичъ Кюи, какъ романистъ. Музыкальный очеркъ. Составилъ П. П. Веймарнъ. Спб. 96. Ц. 30 к.

Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Популярный очеркъ П. Геффридинга. Переводъ съ нѣм. М. Эльциной. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 96. Ц. 20 к.

Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ. Историко-біографическій очеркъ Дм. Цвѣтаева. Варшава. 96. Ц. 75 к.

Организація общественныхъ и школьных библиотекъ. Н. О. Сумцова. Харьковъ. 96.

Проф. Н. Сумцовъ. Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстого: «Чѣмъ люди живы». Харьковъ. 96.

П. Г. Якушеничъ. Недуги школьнаго классицизма и мѣры для борьбы съ ними. Дидактическій этюдъ. Витебскъ. 96. Ц. 35 к.

Николай Сперанскій. Очерки по исторіи народной школы въ Зап. Европѣ. М. 96 г. Ц. 2 р.

А. П. Аргамашовъ. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкѣ. 96. Ц. 1 р.

Ал. Острогорскій. Коммерческое образованіе. Его современная организациа на Западѣ и возможная постановка въ Россіи. Часть I. Спб. 96. Ц. 1 р.

Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Составилъ В. И. Васильевъ. М. 95. Ц. 25 к.

Ариметика дробныхъ чиселъ. Составилъ В. И. Васильевъ. М. 96. Ц. 25 к.

Ариметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Составилъ В. И. Васильевъ. Изд. 2-ое, исправленное. М. 97. Ц. 25 к.

Учебникъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ I-й. Составилъ М. Азбукинъ. Орелъ. 96. Ц. 20 к.

Адольфъ Принсъ. Новыя доктрины уголовного права. Переводъ съ франц. Н. Р. Изданіе Юрид. Кн. Маг. Н. К. Мартынова. Спб. 97. Ц. 30 к.

Учебникъ русскаго гражданскаго права. Проф. Каз. Унив. Г. Ф. Шершеневича. Второе изданіе. Казань. 96. Ц. 5 р.

Опредѣленіе понятія о правѣ. Проф. Каз. Унив. Г. Ф. Шершеневича. Казань. 96. Ц. 75 к.

Причины упадка предварительнаго слѣдствія и мѣры къ его поднятію. Критическій очеркъ. Составилъ суд. слѣд. Д. Базиловичъ. Орелъ. 96. Ц. 30 к.

Негмапп de Baets. Искусство говорить на судѣ. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ переводчика В. В. Быховскаго. М. 96. Ц. 50 к.

Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. П. Новгородцева. М. 96.

Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Популярный очеркъ Г. Гросса. Переводъ и предисловіе Н. С. Рашковскаго. 2-е изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 20 к.

Карлъ Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. И. Румянцева, подъ ред. А. А. Мануилова. 2-ое изд. безъ перемѣнъ Влад. Бончъ-Бруевича. М. 96. Ц. 1 р.

Краткое руководство политической экономіи. В. Стэнли Джевонса. Съ шестого англійскаго изданія перевелъ А. Гольдшерштейнъ. Спб. 97. Ц. 60 к.

А. Гурьевъ. Реформа земельнаго обращенія. Часть первая. Часть вторая, вып. I и II. Спб. 96.

Библ. обществ. знаній. Вып. 8-й. Грядущая опасность. Европа и ея соперники. Поль д'Эстурнель де Кснстанъ. Переводъ съ франц. А. С. Одесса. 96. Ц. 25 к.

Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономического и культурнаго развитія Вятскаго края. Составилъ П. Голубевъ. Изд. Вятскаго Губ. Земства. Вятка. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губерніи. 1895 годъ. Вып. I. Спб. 96.

Экономическія нужды Вятскаго края. (По даннымъ земской статистики). Составилъ А. Новиковъ. Вятка. 96.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1895 г. Вып. III. Подъ ред. Члена-Производителя дѣлъ Комитета А. К. Голубева. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

С.-Петербургская товарная биржа. 1895. Годовой обзоръ хода тор-

голки и движенія цѣнъ по главнѣйшимъ биржевымъ товарамъ, изданный С.-Петербур. Биржевымъ Комитетомъ. Спб. 96.

П. П. Мигулинъ. Регулированіе бумажной валюты въ Россіи. Отд. оттискъ изъ «Южно-Русской Сельско-Хозяйств. Газеты» 1896 года. Харьковъ. 96.

Положеніе хлѣбной торговли въ Александровскомъ уѣздѣ и возможныя со стороны земства мѣропріятія для устраненія посредниковъ между производителями хлѣба и потребителями. Екатеринославъ. 96.

Взаимное Земское страхование въ Вятской губерніи за послѣдніе 10 лѣтъ. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 96.

Очеркъ мѣропріятій Вятскаго губ. земства по снабженію населенія рабочими лошадьми. Вятка. 96.

О мѣропріятіяхъ Вятскаго губернскаго земства по улучшенію кустарной промышленности. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 96.

Краткій очеркъ кустарной промышленности въ Вятской губ. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 96.

Журналы Вятскаго губернскаго земскаго собранія XXIX очередной сессіи и приложенія къ нимъ. Томы I-й и II-й. Вятка. 96.

Земскій сборникъ Черниговской губ. 1896. № 7. Іюль. Изд. Черн. губ. зем. управы. Черниговъ. 96.

Журнальныя постановленія Черниговской губернской земской управы. За 1895 годъ. Черн. 96.

В. С. Кривенко. По Дагестану. Вдали отъ родныхъ. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Волга отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Очеркъ А. С. Размадзе. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ. 96. Ц. 5 р. 50 к.

Проф. В. Я. Данилевскій. Душа и природа. 2-ое дополн. и переработанное изд. книжнаго маг. П. А. Брейтгама. Харьковъ. 97. Ц. 1 р.

Начальная физика для низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ библиотекъ Станислава Крамштыка. Пер. съ польскаго Д. Воронова и А. Никольскаго. Ч. I. Варшава. 96. Ц. 30 к.

Краткій курсъ ботаники. Составилъ М. Сіановъ. 2-ое, испр. и дополн. изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Проф. С. Ростовцевъ. Картофельная болѣзнь или мокрое гніеніе картофельной ботвы и клубней. Изд. К. И. Тихомирова. М. 96. Ц. 15 к.

Удобренія и микроорганизмы почвы. П. П. Дегерена. Переводъ Д. И. Каченовскаго. Кіевъ. 96. Ц. 80 к.

Искусственное удобреніе и сидерація въ Германіи и Россіи. А. Ф. Альтгаузенъ. М. 96.

Н. П. Коломійцовъ. Труды сельско-хозяйственной метеорологической сѣти Имп. Моск. Общ. сельскаго хозяйства. Сельско-хозяйственный и метеорологическій очеркъ Воронежской губерніи за іюль 1896 года. М. 96 г.

Къ вопросу о постановкѣ метеорологіи въ Россіи. Рѣчи и д. директора Гл. Физ. Обс. М. А. Рыкачева, проф. Э. Лейста, Н. П. Коломійцова и В. А. Михельсона; заключит. слово І. И. Желяднова. М. 96.

Начальныя основанія метеорологіи для промышленныхъ училищъ и другихъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Д. М. Богомѣловъ. Екатеринбургъ. 96. Ц. 1 р. 25 к.

К. И. Масляничковъ. За десять лѣтъ (1886—1895). Изъ дневника неунывающего ховяина. Спб. 96. Ц. 1 р.

Труды Имп. Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства. Описанія частно-влас-

дѣльческихъ хозяйствъ. Вып. I. Имѣніе «Хуторокъ» бар. В. Р. Штейнгеля въ Куб. области. Составилъ К. В. Лащенко. М. 95.

Журналы сельско-хозяйственной комиссіи Тульского губернскаго земства іюньской сессіи 1896 года. Тула. 96.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль Томской губ. Отчетъ за 1895 годъ. Барнаулъ. 96.

Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. Отчетъ о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ за 1895 г. Харьковъ. 96.

Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Томъ III. Изд. департамента земледѣлія. Спб. 96. Ц. 2 р.

Обзоръ дѣятельности профессионально-техническихъ съѣздовъ въ Россіи. А. В. Погожева. Воронежъ. 96.

Санитарная полиція при народныхъ сборищахъ и торжествахъ. А. В. Погожева. Спб. 96.

Д. Н. Жбанковъ. Матеріалы о распространеніи сифилиса и венерическихъ заболѣваній въ Смоленской губерніи. (По даннымъ 1898—1895 г.). Изд. Смоленскаго губ. земства. Смоленскъ. 96.

Отчетъ совѣта общества попеченія объ учащихъ въ уѣздномъ и начальныхъ училищахъ г. Тюмени за 1895 г. Тюмень. 96.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библиотеки за 1895 годъ. Вятка. 96.

Основанія и таблицы для вычисленія единовременнаго вознагражденія потерпѣвшихъ по желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ несчастіямъ. Составилъ Л. В. Купріяновъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

The American journal of sociology. September. 1896. Volume II. Number 2, Chicago. 96.

La revue des femmes russes. Organe du féminisme international. 1-oe Septembre 1896. Tome I. № 9.

Le comte de Chambrun. Conférence du 17 Septembre 1896. A sa mission aux Etats-Unis d'Amérique. Paris. 1896.

L'art au Caucase par J. Mourier. Seconde partie. Paris. 1896.

Изъ Германіи.

Женская недѣля—Frauenwoche! Иные называютъ ее дамской недѣлей—Damenwoche... Но всѣ говорятъ о ней и всѣ того мнѣнія, что это была интересная недѣля. Противъ ожиданія, дѣло затянулось даже долѣе недѣли, а его отголоски еще не скоро замолкнуть въ печати и обществѣ. Предположенный первоначально одинъ международный женскій конгрессъ свелся, можно сказать, на два конгресса. Одинъ происходилъ при свѣтѣ дня въ золоченномъ залѣ берлинской думы, другой собирался въ темные вечера поочередно — то въ обширныхъ, накуренныхъ залахъ пивоварни, то въ не менѣе накуренномъ танцклассѣ городской окраины. На обоихъ конгрессахъ была смѣшанная публика, но на одномъ господствовали женщины бургерскихъ классовъ, т. е. höhere Töchter среднего сословія, а на другомъ—женщины пролетаріата.

Дѣловитая берлинская старушка Лина Моргенштернъ, популярная учредительница народныхъ столовыхъ,—безъ которой вообще не обходится ни одна женская затѣя,—затѣяла и международный женскій конгрессъ въ Берлинѣ. Народу наѣхало много со всѣхъ концовъ свѣта. Берлиномъ впервые овладѣли женщины, и при этомъ случаѣ доказали довольно убѣдительно, что многія изъ нихъ обладаютъ такимъ запасомъ интеллигентности, таланта и пониманія общественныхъ проблемъ, какимъ средній мужчина похвалиться не можетъ. По крайней мѣрѣ, тѣ мужчины, которые выступали на конгрессѣ рядомъ съ женщинами, далеко не возвышались надъ ихъ уровнемъ.

На конгрессѣ говорилось о многомъ. Онъ, правда, назывался «конгрессомъ женскаго труда и женскихъ стремленій» и не упустилъ ни одного пункта, имѣющаго какое либо отношеніе къ этимъ предметамъ, но пестрота программы при ограниченномъ времени отчасти вредила занятіямъ конгресса. Здѣсь давались, между прочимъ, отчеты о состояніи женскаго движенія въ различныхъ странахъ; во второй день—такіе же отчеты о дѣтскихъ садахъ, пріютахъ, колоніяхъ и т. п.; въ третій—о воспитаніи дѣвушекъ, подготовкѣ учительницъ, профессиональныхъ женскихъ школахъ; въ четвертый—о женскихъ гимназіяхъ, о женскомъ университетскомъ и художественномъ образованіи; въ пятый—о положеніи женщины въ торговлѣ и промыслахъ; въ шестой—о роли женщины въ благотворительности, въ заботахъ о народномъ здоровіи, въ борьбѣ съ пьянствомъ и съ проституціей; седьмой день былъ занятъ разсужденіями о положеніи женщины различныхъ націй въ области семей-

наго и наслѣдственнаго права и опеки; восьмой день—объ участіи женщинъ въ наукахъ, искусствахъ и литературѣ; наконецъ, не забыта была и тема о братствѣ народовъ и объ участіи женщинъ въ обществахъ мира...

Еще сравнительно недавно на страницахъ «Русск. Богатства» помѣщались статьи г. Брандта о современномъ положеніи женщинъ въ З. Европѣ и въ Америкѣ *). Эти статьи избавляютъ меня отъ необходимости подробной передачи содержанія конгресса, и я останюсь здѣсь лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ, причемъ буду имѣть въ виду по преимуществу нѣмецкихъ женщинъ, ихъ участь и стремленія...

Извѣстный философъ безсознательнаго Эдуардъ Гартманъ выпустилъ недавно въ свѣтъ книгу о современныхъ злобахъ дня, въ которой одну главу посвящаетъ и женскому вопросу. Эта глава носитъ характерное названіе «Jungferfrage»,—что по-русски можно передать словами: вопросъ о засидѣвшихся дѣвахъ. Здѣсь имѣется въ виду тотъ пресловутый миллионный излишекъ женщинъ, о которомъ то и дѣло говорить не совсѣмъ дальнорзкіе печальники женской доли. Весь женскій вопросъ въ Германіи долгое время, да и теперь нерѣдко отождествляется съ интересами и участью этого женскаго излишка. Въ этомъ отношеніи основные мотивы женскаго движенія въ Германіи сильно разнятся отъ тѣхъ мотивовъ, изъ которыхъ исходило движеніе во Франціи, Англіи и Америкѣ. Тамъ женскій вопросъ былъ вопросомъ человѣческой справедливости въ отношеніи обоихъ половъ, здѣсь вся задача вертѣлась, главнымъ образомъ, около того, какъ бы пристроить къ дѣлу женскій излишекъ путемъ расширенія сферы дѣятельности женщинъ въ сторону высшихъ профессій. Было, впрочемъ, время,—и какъ это ни странно,—время это относится къ 16 и 17-му столѣтіямъ, когда нѣмецкія женщины составляли цѣлое ученое сословіе, такъ называемыхъ «gelehrte Frauenzimmer», когда совершенно серьезно проектировалась «Jungfern-Akademie» и нѣмецкія женщины даже занимались врачебной практикой. Но время это прошло, вопросъ покрылся толстымъ слоемъ раздраженія, нерасположенія, мужскихъ опасеній женской конкуренціи. Особенности политическаго развитія Германіи также способствовали расколу въ сферѣ женскаго движенія, обусловивъ въ немъ цѣлый рядъ разнообразныхъ теченій.

Въ упомянутыхъ статьяхъ г. Брандта съ достаточной подробностью изложена практическая сторона женскаго движенія въ Германіи, сосредоточенная въ основанномъ для этой цѣли «Обществѣ поощренія промышленной дѣятельности лицъ женскаго пола». Задачами болѣе высшаго порядка задались другое общество нѣмецкихъ женщинъ: Allgemeine deutsche Frauenverein, основанное въ 1865 г. Луизой Отто-Петерсъ. Это общество объявило въ своей программѣ,

*) Русское Богатство, 1894 г. Кн. 4, 5, 7, 9, 10.

что «трудъ есть обязанность и честь для женщины», оно поставило своей задачей «соединенными силами ратовать за высшее образование женщинъ и за освобожденіе женскаго труда отъ всѣхъ преградъ». Интересно спросить себя, чего достигли нѣмецкія женщины въ первомъ изъ названныхъ здѣсь отношеній. На женщинъ, имѣющихъ честь принадлежать къ «странѣ мыслителей и поэтовъ», должно было произвести крайне обидное впечатлѣніе сравненіе сдѣланныхъ ими завоеваній съ тѣмъ, чего добились другія страны. Отчеты делегатовъ рисуютъ слѣдующую картину: Америка и Англія ушли всѣхъ дальше по пути женскаго движенія. Академическая карьера открыта тамъ женщинамъ наравнѣ съ мужчинами. Богатыя пожертвованія создали множество учрежденій для научной подготовки женщинъ. Сотни женщинъ адвокатовъ, приблизительно пять тысячъ женщинъ-врачей, свыше тысячи проповѣдницъ дѣйствуютъ въ практической жизни. Въ Кембриджѣ учрежденъ Newnham-College, въ Лондонѣ и Эдинбургѣ имѣются женскіе университеты для изученія медицины. Во Франціи, въ одномъ Парижѣ нѣсколько сотъ женщинъ изучаютъ медицину. Въ Швейцарскихъ университетахъ въ 1894—95 учебномъ году числилось 600 студентокъ, между ними свыше 200 медичекъ. Въ Голландіи университеты также доступны женщинамъ. На сѣверѣ и на югѣ Европы, въ скандинавскихъ государствахъ и въ Италіи женщинамъ доступно университетское образованіе. Наконецъ, на востокѣ, въ Россіи имѣются высшіе женскіе курсы и предстоятъ открытіе женскаго медицинскаго института... Какъ же обстоитъ дѣло въ сердцѣ Европы, въ классической странѣ высшаго образованія? На точкѣ замерзанія Германія, конечно, не могла остановиться, окруженная со всѣхъ сторонъ прогрессирующими сосѣдями. Но какъ медленно и съ какой оглядкой нѣмецкій филистеръ идетъ на уступки! Послѣ большихъ усилій удалось на частныя средства открыть въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Карлсруѣ женскія гимназіи для подготовленія полноправныхъ университетскихъ слушательницъ. Одновременно съ этимъ добились отъ баденскаго правительства разрѣшенія приѣма женщинъ въ университеты, если онѣ обладаютъ аттестатами зрѣлости. Въ Пруссіи же допущеніе женщинъ въ университеты связано съ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда инстанцій—отъ приватъ-доцента до министра. Занятіе медициной въ германскихъ университетахъ женщинамъ вообще не разрѣшено. Отъ занятія другими науками для нихъ не вытекаетъ никакихъ правъ. По модному въ настоящее время способу «анкетъ» одинъ молодой берлинскій писатель опросилъ недавно нѣмецкихъ профессоровъ насчетъ женскаго высшаго образованія. Оказывается, что медики и хирурги всего сильнѣе упорствуютъ противъ женскаго труда въ медицинѣ. Кстаті сказать: нигдѣ такъ много не пишется въ настоящее время по женскому вопросу, какъ въ Германіи. Это вагядный признакъ ея отсталости въ этомъ вопросѣ.

Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что женщины болѣе пере-

довыхъ въ отношеніи женскаго вопроса націй нерѣдко являются первыми піонерками высшаго женскаго образованія въ Германіи. Благодаря энергическимъ домогательствамъ одной англичанки и русской, добивавшихся приѣма въ мюнхенскій университетъ, въ прошломъ году были возбуждены большіе дебаты въ баварскомъ ландтагѣ, и баварское министерство народнаго просвѣщенія вынуждено было пойти кое-на какія уступки. Это большое несчастье, что каждый разъ, когда университетскій вопросъ возбуждается въ рейхстагѣ, имперское правительство ссылается на компетенцію союзныхъ государствъ, а изъ этихъ послѣднихъ лишь немногія рѣшаются на починъ.

Въ области педагогической дѣятельности нѣмецкія женщины допущены къ преподаванію лишь въ низшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1873 и 1874 г.г. женщины были допущены къ желѣзнодорожной и телеграфной службѣ, но предубѣжденіе противъ женскаго труда въ этихъ областяхъ взяло верхъ, и приемъ женщинъ на желѣзнодорожную службу прекратился. Точно также отменена и первоначально дозволенная женщинамъ почтовая служба, и лишь крайне утомительная и нездоровая дѣятельность телефонистки доступна женщинамъ, благодаря общепризнанной внятности женскаго голоса. Въ области государственнаго и общественнаго управленія остается еще упомянуть второстепенную работу въ статистическихъ бюро, да еще въ нѣкоторыхъ отрасляхъ общественнаго надзора за жизненными продуктами, призрѣнія бѣдныхъ и т. п.

Быстрый темпъ промышленнаго развитія Германіи за послѣдніе 25 лѣтъ въ значительной степени усилилъ разнъ между отдѣльными классами населенія. Эта разнъ перешла и въ сферу женскаго движенія. Того дружнаго участія различныхъ классовъ въ пользу женщинъ, какое мы видимъ, напр., въ Англіи, Германія не знаетъ. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что англійская буржуазія, въ противоположность нѣмецкой, много раньше пришла къ сознанію равноправности обоихъ половъ и не имѣетъ основанія отказываться теперь отъ этого принципа, тѣмъ болѣе, что радикальныя англійскія партіи, сверхъ всякаго ожиданія, не являются особенно восторженными поборниками равноправности. Въ другихъ болѣе отсталыхъ политически и экономически странахъ, какъ напр., въ Австріи замѣтна солидарная работа въ сферѣ женскаго движенія. Здѣсь на очереди образовательная и избирательная реформы,—и онѣ окрашиваются замѣтно участіемъ женщинъ. Иначе сложились обстоятельства въ Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ начала расти рабочая партія, она включила въ свою программу и всѣ передовыя требованія женскаго движенія. Молодое, еще очень робкое движеніе среди женщинъ среднихъ сословій остановилось передъ этимъ обстоятельствомъ, какъ нѣсколько «компрометирующимъ». Постепенно началъ замѣчаться на обѣихъ сторонахъ крайне недружелюбный тонъ, а въ нѣкоторыхъ кругахъ женщинъ предубѣжденіе находило себѣ еще

богатую пищу въ совершенномъ невѣдѣніи жизни и быта другихъ слоевъ населенія. Въ какой другой странѣ мыслимъ такой, напр., инцидентъ: недавно дамы изъ поземельной аристократіи въ Силезіи обратились къ министру земледѣлія съ петиціей, въ которой было сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Если рабочіи въпрежнее время, при болѣе низкой заработной платѣ могъ тратить на свой хлѣбъ изъ два пфеннига больше, почему бы ему не дѣлать этого теперь, при болѣе высокой заработной платѣ? Напротивъ, это имѣло бы для нашихъ рабочихъ несомнѣнныя нравственныя выгоды: если бы имъ хлѣбъ обходился нѣсколько дороже, то у нихъ оставалось бы меньше денегъ на вино и водку, которыми они такъ злоупотребляютъ и отъ которыхъ съ каждымъ днемъ растетъ грубость и деморализація, что угрожаютъ государственному порядку»... До пагоса силезскихъ дворянокъ возвышаются, конечно, лишь немногія женщины среднихъ сословій. Напротивъ, многія изъ нихъ постепенно отрѣшаются отъ объявшаго ихъ страха и начинаютъ смотрѣть открытыми глазами на вещи. Изъ нѣдръ «всеобщаго ферейна» выдѣляется все большая группа женщинъ, которыя далеки отъ крайнихъ теченій, но понимаютъ женскій вопросъ не только въ смыслѣ Jungfernfrage. Этой группѣ, съ Миной Кауеръ во главѣ, обязано своимъ основаніемъ общество «Frauenwohl», ратующее за улучшеніе правового положенія женщинъ въ гражданской жизни; изъ этой же группы вышли учредительницы союзовъ прикащицъ въ различныхъ городахъ, причемъ берлинскій союзъ насчитываетъ свыше 2000 членовъ и такимъ образомъ представляетъ самое большее профессиональное товарищество женщинъ Германіи. Этой же группѣ, наконецъ, удалось перетянуть на свою сторону «союзъ нѣмецкихъ женскихъ ферейновъ» (Bund deutscher Frauenvereine) и съ его помощью агитировать въ пользу учрежденія женской фабричной инспекціи и противъ реакціонныхъ постановленій новаго гражданского уложенія.

Эти и подобныя требованія женщинъ такъ называемыхъ бургерскихъ или буржуазныхъ классовъ находятъ, къ сожалѣнію, лишь очень слабую поддержку со стороны мужчинъ тѣхъ-же классовъ. Это—характерная особенность такъ называемаго бургерскаго женскаго движенія, тормозящая его развитіе и успѣхъ. Рядомъ съ бургерскимъ женскимъ движеніемъ растетъ женское движеніе и въ рабочей средѣ, составляющее часть рабочаго движенія вообще. Само собою разумѣется, что и въ этихъ рядахъ, какъ въ бургерскихъ, знаютъ цѣну высшему женскому образованію и праву избирательнаго голоса. Эти и подобныя стремленія служатъ, конечно, общими пунктами соприкосновенія для обихъ теченій, но не въ нихъ центр тяжести стремленій женщинъ изъ среды пролетаріата. Тамъ хлопотуть о расширеніи сферы дѣятельности женщинъ, здѣсь, напротивъ, о возможномъ ея суженіи, такъ какъ женскій трудъ проникаетъ здѣсь во всѣ сферы промышленной дѣятельности, вытѣсняетъ по-

степенно мужской трудъ, понижаетъ тѣмъ самымъ заработную плату и создаетъ безотрадную картину тяжелой конкуренціи мужей и женъ.

Наглядной иллюстраціей поразительнаго роста промышленнаго развитія Германіи и участія въ немъ женскаго труда могутъ служить недавно опубликованные результаты промышленной переписи 1895 года. Я приведу здѣсь нѣкоторые общіе выводы этой переписи.

Населеніе, занятое въ сельскохозяйственныхъ промыслахъ, очень слабо увеличилось въ своей численности со времени предыдущей переписи 1882 г. Приростъ падаетъ здѣсь притомъ исключительно на долю женщинъ: за тринадцатилѣтній періодъ численность ихъ повысилась на 8,6%, тогда какъ число занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ мужчинъ упало почти на 3%. Иную картину видимъ мы въ промышленности обрабатывающей: численность занятыхъ въ горномъ дѣлѣ и фабрично-заводской промышленности мужчинъ поднялась на 28%, женщинъ—на 35%. Еще болѣе приростъ (и всего промысловаго населенія вообще, и женскаго въ частности) показываютъ данныя, относящіяся къ торговлѣ и транспортнымъ предпріятіямъ: все промысловое населеніе возросло здѣсь на 49%, а численность занятыхъ въ промыслѣ женщинъ—на 94%.

Эти сухія цифры показываютъ, что борьба за существованіе въ Германіи въ послѣдніе 13 лѣтъ значительно обострилась. Гораздо раньше и чаще прежняго должны дѣти и женщины обращаться къ промышленному труду. Сельское хозяйство потеряло первенствующую роль въ промышленной жизни страны. Его мѣсто занимаетъ обрабатывающая промышленность, въ своей совокупности обнимающая 50,64% всего населенія имперіи. Въ промышленности и торговлѣ растетъ женскій трудъ, въ размѣрѣ значительно превышающемъ ростъ труда мужскаго.

Обостряющаяся борьба за существованіе можетъ быть смягчена лишь съ помощью разумной организаціи труда. Въ Англіи, гдѣ зажиточные классы общества понимали женскій вопросъ нѣсколько шире и не отдѣляли его рѣзко отъ рабочаго вопроса, женщины высшихъ классовъ много потрудились на пользу профессиональной организаціи мужскаго и женскаго труда. Въ 1893 г. существовало 29 однихъ женскихъ профессиональныхъ союзовъ съ 5116 членами. Къ союзамъ смѣшаннаго типа принадлежало 82.363 работницы. При болѣе чѣмъ 5 милліонахъ женщинъ, занятыхъ въ англійскихъ промыслахъ, это конечно, не много. Но результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи въ Германіи, просто мизерны. Изъ 5.541.000 занятыхъ въ различныхъ промыслахъ нѣмецкихъ женщинъ, къ профессиональнымъ союзамъ принадлежала по послѣднему отчету т. н. Gewerkschafts Kommission всего 5.251 женщина. Правда, нужно имѣть въ виду, что эта цифра почти цѣликомъ относится къ фабричнымъ работницамъ. Свыше полутора милліона домашней женской прислуги и около 2½ мил. женщинъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, не знаютъ еще

никакой организаціи, что также не похоже на англійскіе порядки, гдѣ просвѣщенныя дамы распространяютъ свои организаторскія заботы даже на нянекъ, молочницъ и т. п.

То, что достигнуто въ этой области въ Германіи, есть по преимуществу дѣло самихъ работницъ и ихъ товарищей по труду. За исключеніемъ т. н. Гиршъ-Дункеровскихъ рабочихъ союзовъ, насчитывающихъ очень мало женщинъ, да еще разнаго рода небольшихъ женскихъ обществъ, преслѣдующихъ преимущественно благотворительныя дѣла,—существующіе фереинъ работницъ обязаны всѣмъ энергической агитаціи рабочей партіи. Крайне несовершенныя «каучукообразныя» нѣмецкіе законы о союзахъ сильно затрудняютъ организацію женскаго труда, но передовыя поборницы женскаго движенія не останавливаются передъ этими трудностями и, переѣзжая изъ города въ городъ, дѣлаютъ все, что могутъ. За нѣмецкими женщинами установилась неслестная репутація сентиментальныхъ и скучныхъ созданій. Это, однако, не вѣрно и всего менѣе вѣрно относительно нѣмецкой фабричной работницы, которая много развитѣе работницъ другихъ странъ, а въ томъ числѣ и Англій. Въ то время, какъ «женщины буржуазіи» подаютъ петиціи объ учрежденіи женской фабричной инспекціи,—«женщины пролетаріата» требуютъ того-же чрезъ своихъ представителей въ рейхстагъ; но между тѣмъ какъ первыя приходятъ въ отчаяніе отъ ужасовъ проституціи и требуютъ государственныхъ мѣропріятій противъ этого зла,— вторыя заявляютъ, что все это палліативы.

Литературная жизнь Европы испытала въ новѣйшее время коренное преобразованіе. До середины прошлаго вѣка литературная дѣятельность являлась въ большей или меньшей степени дѣломъ роскоши. Поэты и писатели были членами определенной профессиональной корпораціи: профессорами, духовными врачами, офицерами, чиновниками и т. п. Певціи и писательство были лишь побочными занятіями. Въ такъ называемую эпоху просвѣщенія обстоятельства мѣняются. Со второй половины 18-го вѣка духовныя потребности широкихъ слоевъ общества и народа растутъ хотя медленно, но неудержимо. Постепенно растетъ и значеніе печатнаго слова, газетъ, періодической прессы. На литературной сценѣ, рядомъ съ юристомъ Гете, медикомъ Шиллеромъ, филологомъ Виландомъ, теологомъ Гердеромъ—впервые появляется свободный литераторъ Лессингъ, а съ нимъ и невиданный до того типъ писателя, у котораго писательство—жизненная профессія, а перо—источникъ жизненныхъ средствъ... Слѣдуетъ эпоха революціи, возникаетъ все большая потребность въ людяхъ, способныхъ удовлетворять вновь заявленнымъ запросамъ. Съ другой стороны и строй хозяйственной жизни существеннымъ образомъ измѣняется. Господство капитала развивается съ неудержимой силой, конкуренція страшно

растетъ и для борьбы за жизнь требуетъ всего человѣка безъ остатка. Сладкій досугъ добраго стараго времени исчезъ, и для подавляющаго большинства едва ли остаются «свободные часы», чтобы отдаться «побочнымъ занятіямъ» поэзіей и литературой. Наступаетъ полное раздѣленіе труда, и изъ среды всевозможныхъ профессій выдѣляются въ особое сословіе люди, добывающіе свой хлѣбъ перомъ, выступаетъ новое сословіе писателей. Какъ въ другихъ сословіяхъ, такъ и здѣсь начали вскорѣ образовываться группы и товарищества заинтересованныхъ лицъ. Писатели стремятся во взаимной помощи найти поддержку въ жестокой борьбѣ за жизнь: они основываютъ кассы помощи на случай смерти, организуютъ страхованія для престарѣлыхъ литераторовъ, учреждаютъ пенсіонныя кассы для литературныхъ инвалидовъ, сиротъ и вдовъ. Писательскій міръ сдѣлался важнымъ моментомъ въ составѣ явленій современной социальной жизни.

Черезъ намѣченные здѣсь этапы литературно-общественнаго развитія прошла также и женщина, прикосновенная къ литературѣ. Число писательницъ въ наше время также необыкновенно возросло. Ихъ участіе въ литературной жизни носитъ тѣ же социальные признаки. Нѣмецкія писательницы, интересующія насъ въ данномъ случаѣ по преимуществу, также прилежно организуются для защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ.

Въ исторіи нѣмецкой литературы замѣчается, по мнѣнію одного историка, волнообразный характеръ развитія. За періодами мощнаго поэтическаго творчества—«мужественными періодами»—слѣдуютъ эпохи пассивнаго, мечтательнаго преклоненія передъ мистическимъ идеаломъ—словомъ «женственные періоды» литературнаго творчества. Время около 1200 года, 16-й вѣкъ и послѣдняя треть 18-го вѣка были періодами расцвѣта нѣмецкой литературы; слѣдующіе за ними періоды составляютъ «женственные» эпохи, когда женщины и въ дѣйствительности, въ противоположность другимъ періодамъ, играютъ самостоятельную литературную роль. Около 1300 года выступаютъ внезапно на сцену пишущія женщины, большей частью монахини, одушевленные мистическими идеями. Если затѣмъ въ бурную и дѣятельную эпоху реформаціи встрѣчаются лишь одинокія и мало замѣчательныя фигуры писательницъ, то въ слѣдующее за реформацией время, въ 17 и 18 столѣтіяхъ, съ ростомъ піетизма появляются сотни женщинъ, со всей силой внутренняго чувства и глубокой набожности отдающіяся религіозной поэзіи.—Это большей частью женщины изъ высшей знати... Въ третій разъ женщины играютъ выдающуюся роль въ нѣмецкой литературѣ въ эпоху романтики. Въ женщинахъ этой эпохи слышится уже духъ новаго времени, начавшагося съ текущимъ столѣтіемъ. Онѣ стараются сбросить съ себя путы условности и филистерскаго гнета. Онѣ стремятся къ полному развитію своихъ силъ, къ независимости. Неудивительно, что и при этихъ условіяхъ женщина обратилась къ лите-

ратурному труду, котораго ни оспорить, ни преградить ей не въ силахъ властолюбивый мужчина.

Если мы обратимся къ литературному календарю Кюршнера, то насчитаемъ въ немъ свыше тысячи женскихъ именъ. Само собою разумѣется, что не всѣ пишущія нѣмецкія женщины попали въ календарь, и мы не ошибемся, если число нѣмецкихъ писательницъ опредѣлимъ въ полторы тысячи. Представительницы знати составляютъ и теперь значительный контингентъ въ составѣ женщинъ писательницъ. Изъ 1024 писательницъ по календарю 1894 г.—220 женщинъ, или 22% принадлежатъ высшимъ сословіямъ. Во главѣ многочисленныхъ баронессъ, графинь и принцессъ мы встрѣчаемъ здѣсь королеву румынскую Елизавету, извѣстную подъ литературнымъ псевдонимомъ Карменъ Сильвы.

Эпическая поэзія была до послѣдняго времени наиболѣе симпатичнымъ для женщинъ родомъ литературнаго творчества. Романъ и повѣсть—это самая излюбленная сфера для литературнаго таланта женщинъ, не скрѣпленнаго систематическимъ образованіемъ. Семейные журналы, въ родѣ пресловутой «Gartenlaube», были и остаются главными пріютами этихъ женскихъ талантовъ. Эти журналы, съ претензіями на высокую литературную миссію, сплошь и рядомъ отдавали свои страницы круглымъ бездарностямъ. Многія, извѣстныя прежде имена вспоминаются теперь не безъ нѣкотораго ужаса, а между тѣмъ было время, когда эти романы читались съ захватывающимъ интересомъ, покуда не наступила реакція, и литературная критика не объявила войну этого рода словесности.

Надъ этими невысокими сферами женскаго эпическаго творчества возвышается фигура Маріи фонъ Эбнеръ-Эшенбахъ, которая пользуется неоспоримой репутаціей королевы современныхъ нѣмецкихъ рассказчицъ. Мужчины, гордые своимъ превосходствомъ, снисходительно говорятъ объ Эбнеръ, что она пишетъ, какъ мужчина. Г-жа фонъ-Милде, докладывавшая на берлинскомъ конгрессѣ «о женской любви и женскомъ бытѣ въ современной литературѣ», возмущилась противъ этого мужскаго высокомерія и заявила, что Эбнеръ пишетъ такъ, какъ мужчина писать не можетъ. Въ ея произведеніяхъ слышится бѣшеніе теплаго материнскаго сердца за всѣхъ бѣдныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ. Она искренно добра, — «а какимъ мудрецомъ нужно быть, чтобы быть добрымъ!» — восклицала докладчица. Въ престарѣлой Маріи Эбнеръ мы дѣйствительно имѣемъ достойную, цѣльную и здоровую личность, съ широкимъ міросозерцаніемъ и твердымъ взглядомъ на вещи и людей. Жеманство и излишній пуризмъ далеко не являются характерной особенностью всѣхъ нѣмецкихъ писательницъ. Среди романистокъ и новеллистокъ имѣется цѣлый рядъ извѣстныхъ именъ, разрабатывающихъ въ своихъ произведеніяхъ самыя интимныя стороны человѣческихъ отношеній, перѣдко даже съ нѣсколько утрированнымъ натурализмомъ. Такъ, напр., одна изъ наиболѣе популярныхъ писательницъ г-жа Марія

Лничекъ выпустила въ послѣднее время въ свѣтъ книгу «*Vom Weibe*», философскія откровенія которой показались черезчуръ крѣпкими даже читателямъ мужчинамъ. Русскимъ читателямъ вѣроятно знакома имя другой нѣмецкой писательницы—Лауры Маргольмъ, книга которой «*Das Buch der Frauen*», представляющая шесть женскихъ характеристикъ, переведена и на русскій языкъ. Эта необыкновенно талантливая женщина тоже далеко не жеманная писательница. Она вообще стоитъ какъ бы особнякомъ отъ всего женскаго писательскаго міра и въ оппозиціи ко всему женскому міру вообще. Она не то, что противница передовыхъ женскихъ стремленій, но не вѣритъ, чтобы даже полное осуществленіе этихъ стремленій способно было осчастливить женщину. Кто знаетъ Маргольмъ хотя бы по одной упомянутой ея «книгѣ о женщинахъ», тотъ не можетъ не признать въ ней сильный, нѣсколько парадоксальный умъ и выдающееся литературное дарованіе. Въ настоящее время, съ ростомъ сознанія въ рядахъ нѣмецкихъ женщинъ, нападки по ихъ адресу встрѣчаютъ съ ихъ стороны самый энергическій протестъ. Женская печать въ Германіи составляетъ уже силу, которая способна дать отпоръ и мужскимъ нареканіямъ и, тѣмъ болѣе, нападкамъ изъ своей же собственной среды. Съ Лаурой Маргольмъ идетъ въ женскихъ и въ женщинамъ расположенныхъ органахъ постоянная баталія. Эта баталія идетъ и на женскихъ собраніяхъ, гдѣ противъ нападокъ г-жи Маргольмъ берется подъ защиту не только нѣмецкая женщина, но женщина вообще и въ частности наша Софья Ковалевская, извѣстная среди передовыхъ нѣмецкихъ женщинъ подъ краткимъ ласкательнымъ именемъ Сони.

Нѣсколько молодыхъ именъ стоятъ теперь въ передовыхъ рядахъ такъ называемой современной (*modern*) повѣствовательной литературы. Г-жа Габриэль Ройтеръ, своимъ романомъ «*Aus Guter Familie*» заставила въ послѣднее время говорить о себѣ всю нѣмецкую критику. Юліана Дери, Адина Гембергъ—это также несомнѣнные литературныя дарованія. Я упомяну здѣсь еще г-жу Лу-Андреасъ Саломе, подругу Фридриха Нитче, написавшую между прочимъ о несчастномъ философѣ чрезвычайно интересную книгу. Саломе извѣстна больше по своимъ работамъ въ области литературной, философской и даже религіозно-философской критики. Изъ пишущихъ нѣмецкихъ женщинъ она самый глубокой и широко образованный умъ, заявившій себя недавно и въ области романа. Ея романъ «*Ruth*» (имя героини) рисуетъ космополитическій бытъ иностранной колоніи въ Россіи (Саломе долгое время жила въ Петербургѣ) и душевный процессъ необыкновенно одаренной созрѣвающей дѣвушки на почвѣ сложной романической интриги. Мы читали этотъ романъ съ дѣйствительно «захватывающимъ» интересомъ, насъ интересовала въ немъ и сила мысли, и рѣдкая сила языка, обличавшія близкое и многолѣтнее знакомство Саломе съ знаменитымъ авторомъ «Заратустры».

Довольно многочисленная группа писательниц стоит много ниже упомянутых только что авторов по силѣ таланта и глубинѣ мысли, но обнаруживаетъ за то ужъ ни съ чѣмъ несообразную литературную плодовитость. Имена Дары Дункеръ, Натали фонъ-Эшпрутъ, Софья Юнггаузъ и мн. др. то и дѣло можно встрѣтить въ фельетонахъ ежедневныхъ газетъ, подѣ необыкновенно длинными повѣстями и романами. Не такъ велики трофеи, которые стяжали себѣ нѣмецкія женщины въ области лирики. Со времени Гете и Гейне формы и содержаніе нѣмецкой лирической поэзіи не только не обновлялись, но этотъ родъ поэзіи былъ даже одно время совершенно дискредитированъ воиждѣвіе переполненія литературы посредственнымъ стихоплетствомъ лирическихъ эпигоновъ. Въ этой работѣ дѣятельное участіе принимали и женщины. Типическимъ образцомъ женскихъ лирическихъ упражненій служатъ стихотворенія Фридерики Кемпнеръ, составляющія теперь прочный инвентарь въ каждомъ домашнемъ обиходѣ и лучшій предметъ юмористическихъ семейныхъ забавъ. Есть, конечно, и поэтессы, свободныя отъ тривіальностей. Кемпнеръ, какъ Анна Ничке, Фрида Шанцъ, упомянутая выше Марія Яничекъ и др., которыхъ произведенія проникнуты мотивами новаго времени.

Совершенно особнякомъ стоитъ группа нѣмецкихъ поэтессъ изъ народа. Къ Юліанѣ Шубертъ, женѣ силезкаго ткача, баварской крестьянкѣ Катеринѣ Кохъ—присоединилась въ послѣднее время Іоганна Амброзіусъ—крестьянка изъ восточной Пруссіи, обратившая на себя всеобщее вниманіе. Недавно она пріѣзжала въ Берлинъ, гдѣ, подѣ покровительствомъ Зудерманна, выступала публично и вызвала рѣдкій фуроръ. За послѣднія десятилѣтія въ нѣмецкой поэзіи никто не имѣлъ такого успѣха, какъ Амброзіусъ, дѣлившая свою жизнь между сельской работой и перомъ. Больше чѣмъ въ 20 изданіяхъ вышелъ ея сборникъ стиховъ. Онъ поднималъ на ноги всю критику и вызвалъ цѣлую полемику. Споръ вертится около того такъ ли непосредственно ея творчество, какъ увѣряютъ ея почитатели, или она имѣла достаточный досугъ, чтобы развить свой талантъ и въ народной школѣ...

Въ области драмы нѣмецкія женщины, подобно женщинамъ другихъ странъ, дали немного. Изъ писательницъ послѣдняго времени можно, однако, отмѣтить два-три имени, успѣвшія завоевать себѣ и признаніе критики, и расположеніе театралныхъ антрепренеровъ. Одна изъ нихъ разносторонняя и хорошо извѣстная въ берлинскомъ литературномъ мірѣ русская дама, г-жа Эльза Шабельская. Она принадлежитъ болѣе нѣмецкой литературѣ, которая ей обязана нѣкоторыми переводами съ русскаго языка (въ самое послѣднее время новымъ переводомъ «Ревизора»). Изъ собственно нѣмецкихъ авторовъ современной драмы самый крупный талантъ проявила г-жа Эльза Бернштейнъ, извѣстная болѣе подѣ псевдонимомъ Эрнстъ Росмеръ. Ея драматическія произведенія печатаются обыкновенно

на страницахъ «органа молодежи»—Freie Bühne и ставятся на передовыхъ нѣмецкихъ сценахъ, гдѣ появляется Гауптманъ и другіе молодые драматурги. По характеру и широтѣ своего дарованія Росмеръ и въ дѣйствительности приближается къ автору «Ткачей».

Я только что упомянулъ о переводныхъ работахъ Шабельской. Этотъ родъ литературной дѣятельности повсюду является, такъ сказать, «доменомъ» женщинъ. Тоже замѣчается уже издавна и въ Германіи. Скандинавская литература, оказавшая такое сильное вліяніе на литературныя направленія въ Германіи, почти вся цѣлкомъ, т. е. въ своихъ главныхъ представителяхъ, переведена на нѣмецкій языкъ женщинами. Ибсенъ, Бьернсонъ, Петеръ Хансенъ, Понтопиданъ—все, что было хорошаго въ литературѣ шведовъ, норвежцевъ и датчанъ, переведено на нѣмецкій языкъ Маріей Борхъ, Маріей Герцфельдъ, Терезой Крюгеръ и самой популярной изъ нихъ — Матильдой Манъ. Кромѣ Шабельской, съ русскаго языка переводила Наталія фонъ-Бессель, Ида Альтманъ и мн. др. Наконецъ, въ самое послѣднее время, благодаря прекрасному переводу Гедвиги Янгъ, сдѣлалась, можно сказать, своимъ человѣкомъ въ Германіи молодая итальянская поэтесса Ада Негри, о которой начали теперь проникать кое-какія свѣдѣнія и въ русскую печать.

Послѣ этого сжатаго обзора, касающагося участія нѣмецкихъ женщинъ въ литературѣ вообще, мнѣ остается еще сказать объ ихъ участіи въ періодической печати, въ журналистикѣ *). Постепенный ростъ женскаго движенія въ Германіи вызвалъ къ жизни рядъ періодическихъ изданій, которыя, на-ряду съ устной пропагандой, задѣлились цѣлью агитаціи въ пользу реформы правоваго положенія женщины, расширенія сферы профессиональной ея дѣятельности и т. п. Женскія изданія предполагаютъ, конечно, и женскихъ писательницъ и журналистокъ. Начало было положено Луизой Отто-Петерсъ, основавшей въ 1849 году Frauenzeitung für höhere weibliche Interessen» которая, съ основаніемъ въ 1865 г. «всеобщаго союза нѣмецкихъ женщинъ», была преобразована въ журналъ «Neue Bahnen» (новые пути). Здѣсь, кромѣ Луизы Петерсъ, подвизалась еще Августа Шмидтъ, а въ самыхъ передовыхъ рядахъ—болѣе молодые и энергичныя поборницы женской эмансипаціи: Ирма Троль-Воростьяни и Елена Ланге, основавшая впослѣдствіи свой собственный журналъ «Die Frau».

Болѣе умѣренныя задачи ставить себѣ другая группа нѣмецкихъ женщинъ, съ Линой Моргенштернъ во главѣ, известной въ публикѣ подъ именемъ «первой берлинской Hausfrau». «Deutsche

*) Кто хочетъ подробно ознакомиться съ этимъ предметомъ, того отсылаю между прочимъ, къ трехтомному труду Heinrich Grop: «Deutsche Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Wort und Bild (Berlin 1885) и книгѣ Элизы Эльснеръ: «Die Leistungen der deutschen Frau in den letzten 400 Jahren auf wissenschaftlichem Gebiete» 1894.

Frauenzeitung»,—«Hausfrauenzeitung»,—«Fürs Haus»,—«Der Bazar» вотъ главные органы этой группы, агитирующей въ пользу расширения практической дѣятельности въ сферѣ благотворительной, педагогической и т. д.

Крайне враждебное отношеніе большинства нѣмецкихъ политическихъ партій къ женскимъ стремленіямъ служить причиной того, что громадная масса нѣмецкихъ женщинъ примыкаютъ къ радикальному лагерю. Процессъ такого перехода отъ «умѣренности и аккуратности» особенно рѣзко сказался въ политической и литературной карьерѣ одной изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ женщинъ—г-жѣ Лили Гижицкой, женѣ покойнаго проф. Гижицкаго, вышедшей недавно замужъ за д-ра Брауна, издателя «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik».

Еще молодой дѣвушкой эта дочь прусскаго генерала фонъ-Кречмана начала писать рассказы и повѣсти, въ которыхъ со скромной и граціозной манерой рисовала страданія женщины. Годы четыре тому назадъ она вышла замужъ за проф. Георга Гижицкаго, съ которымъ сблизилась, посѣщая его лекціи по этикѣ и философіи. Покойный Гижицкій былъ совершенно разбитый параличемъ челоуѣкъ, и нельзя было смотрѣть безъ умиленія на красивую молодую женщину, постоянно сопровождавшую передвижное кресло, въ которомъ помѣщался ученый калѣка. Супруги Гижицкіе сообща выступали устно и печатно на пропаганду «этической культуры», женской эмансипаціи и прочихъ передовыхъ стремленій. Никто не догадывался, что эти, въ сущности довольные и счастливые люди постепенно оставляли почву такъ называемаго буржуазнаго міровоззрѣнія. Обнаружилось это лишь послѣ смерти проф. Гижицкаго, когда его супруга совершенно открыто выступила на социалистическихъ собраніяхъ, повѣдавъ при этомъ міру тайну, что и ея покойный супругъ былъ убѣжденный социаль-демократъ. Этическая культура была брошена за бортъ, въ газетахъ былъ опубликованъ выходъ изъ состава Этического Общества, мотивированный тѣмъ, что на нейтральной почвѣ, т. е. внѣ определенной политической партіи невозможна при наличныхъ условияхъ цѣлесообразная общественная дѣятельность. Это былъ тяжелый ударъ для этического движенія, душой котораго была Гижицкая со своимъ мужемъ; это былъ также ударъ для «бюргерскаго» женскаго движенія, отъ котораго уходила въ социалистическіе ряды женщина въ своемъ родѣ единственная по таланту и образованію... Но это было великое торжество для женскаго пролетаріата, на сторону котораго всецѣло перешла Гижицкая-Браунъ. Теперь она работаетъ рука объ руку съ Кларой Цеткинъ, редакторомъ центрального органа рабочаго женскаго движенія «Die Gleichheit», той самой Цеткинъ, которая еще недавно метала громы и молніи на «этическую» дѣятельность Гижицкой, метала съ особеннымъ ожесточеніемъ, потому что Гижицкая и въ области «этической культуры» была самымъ опаснымъ и самымъ

интеллигентнымъ «буржуазнымъ» противникомъ. По части метанія грома и молній г-жа Петкинъ, конечно, не имѣетъ себѣ равной. Рѣдкій, на массовыхъ собраніяхъ и для массовыхъ собраній воспитанный ораторскій талантъ, сильный, уснащенный ѣдкими полемическими блестящими стилъ, блестящая діалектика, не знающая никакихъ трудностей аргументаціи—съ этими качествами она не только руководить женскимъ движеніемъ, но занимаетъ очень вліятельную позицію въ рабочей партіи вообще..

Въ попыткахъ примиренія различныхъ теченій въ женскомъ движеніи не было недостатка. Та же Гижицкая, въ сообществѣ съ Миной Кауеръ, основала года три тому назадъ нейтральную еженедѣльную газету «Die Frauenbewegung». Г-жа Кауеръ и по настоящее время терпѣливо и съ достойной лучшей участи выносливостью борется и ратуетъ въ своей газетѣ за любовь и примиреніе, а Гижицкая предала ее такъ же жестоко, какъ и общество этической культуры.

Въ связи съ женскимъ движеніемъ необходимо упомянуть еще одну, по времени возникновенія самую новую группу писательницъ христіанско-соціального направленія. Мнѣ неоднократно приходилось въ своихъ письмахъ упоминать имя главнѣйшей представительницы этой группы—г-жи Елизаветы Гнауку Кюна. Это та самая дама, которая впервые пробилась въ среду передовыхъ пасторовъ и христіански-соціальныхъ реформаторовъ и въ прошломъ году произвела необыкновенный фуроръ своимъ рефератомъ на евангелически-соціальномъ конгрессѣ. Послѣ этого реферата «о соціальномъ положеніи женщины» г-жа Гнауку опубликовала еще нѣсколько экономическихъ этюдовъ, изъ которыхъ этюдъ «о положеніи берлинскихъ работницъ въ бумажной индустріи» удостоился даже напечатанія въ ученомъ «Ежегодникѣ» проф. Шмоллера. Цѣнныя работы публицистическаго и соціально-экономическаго характера опубликованы и другими женщинами: Троль-Боростьяни, Гижицкой, Петкинъ, Левенгерцъ и др. Какъ сильно занимаютъ нѣмецкое общество соціально-экономическія темы, служитъ доказательствомъ то, что не мало простыхъ работницъ дѣлаютъ свои «вклады» въ область этого рода изслѣдованій. Въ самое послѣднее время мнѣ пришлось читать рассказы нѣсколькихъ горничныхъ о положеніи ихъ класса, а въ окнахъ книжныхъ магазиновъ и теперь еще красуется брошюра одной кельнерши (ресторанной прислуги) со страннымъ названіемъ: «Соціальное воззваніе къ обществу о тяжеломъ положеніи сословія кельнершъ!..»

Нѣсколько очень даровитыхъ женщинъ съ большимъ успѣхомъ подвизаются на поприщѣ литературной, театральной и художественной критики. Главнѣйшихъ изъ нихъ я уже раньше называлъ: это Лаура Маргольцъ, пишущая о женщинахъ и разбирающая по преимуществу произведенія о женщинахъ; затѣмъ—г-жа Лу Андреасъ-Саломѣ, критическія изысканія которой распространяются на

всѣ роды литературы. Если социалистическая агитація не поглотить всѣхъ силъ Лили Гижицкой-Браунъ, то художественная критика будетъ по прежнему имѣть въ ея лицѣ талантливую представительницу. Можно еще упомянуть очень удачные опыты театальной критики г-жи Иды Бой-Эдъ.

Я не даю здѣсь исчерпывающаго обзора участія нѣмецкихъ женщинъ въ литературѣ, наукѣ и журналистикѣ. Ихъ участіе въ наукѣ я совсѣмъ обхожу и упомяну лишь о существованіи ряда женскихъ научныхъ изслѣдованій, вызванныхъ мужскими нападками на недостаточное количество и качество женскаго мозга, на доводы противъ женской неспособности къ мужскимъ подвигамъ и т. п. Это большей частью научная полемика.

Руководители—конечно мужскіе руководители—наиболѣе вліятельныхъ органовъ нѣмецкой литературы далеко не съ распростертыми объятіями принимаютъ на страницы своихъ изданій шалости женскаго пера. Эта редакторская воздержность имѣетъ свои неосомнѣнные оправданія въ обилии литературной посредственности среди женскаго творчества. Въ виду этого, трудно пробить себѣ дорогу и несомнѣнному женскому дарованію. Распространенный скептицизмъ по отношенію къ пишущимъ женщинамъ внушаетъ имъ робость и заставляетъ сплошь да рядомъ скрываться за литературными псевдонимами большей частью мужскаго и средняго рода. Это ведетъ нерѣдко къ очень комическимъ недоразумѣніямъ. Такъ, напримѣръ, въ «Бреславльской газетѣ» корреспондировало цѣлый рядъ годовъ изъ Берлина лицо, получавшее письма и деньги изъ редакціи по мужскому адресу. Когда редакторъ вздумалъ какъ то, будучи въ Берлинѣ, навѣстить своего корреспондента, то этотъ послѣдній, къ большому изумленію редактора, оказался дамой!.. Этотъ случай удачной конспираціи говоритъ, конечно, въ пользу таланта журналистки и не въ пользу инстинкта редакторовъ, предубѣжденныхъ противъ сотрудницъ женщинъ.

Трудно пенять на скептицизмъ редакторовъ и публики, когда даже самое большое литературное общество—«Общество берлинской печати» (Verein Berliner Presse), президентомъ котораго состоитъ уже больше года Зудерманнъ, не принимаетъ въ свои члены женщинъ. Другія литературныя общества: «Deutsche Schriftstellergenossenschaft» и «Deutscher Schriftstellerverband»—болѣе милостивы. Впрочемъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нѣмецкія писательницы надумали основать свое собственное общество: «Bund der Schriftstellerinnen Deutschlands» (Союзъ писательницъ Германіи), поставившее себѣ цѣлю: 1) «Охрану женскихъ интересовъ вообще въ области науки и искусствъ, подъемъ отечественной поэзіи и дѣтской литературы. 2) Охрану литературныхъ интересовъ членовъ Общества путемъ посланки делегатовъ на будущіе литературные съѣзды. Сверхъ того Общество стремится къ подъему солидарности между пишущими женщинами и уваженія къ нимъ со стороны общественнаго мнѣнія и печати...»

А. Ковровъ.

Изъ Франціи.

«Чему же вы удивляетесь? Вѣдь мы еще продолжаемъ жить въ періодъ обжорства»,—сказалъ мнѣ, слегка покачивая своей оѣдой, много думавшей головой близкій пріятель, антропологъ, которому я прочиталъ въ газетѣ восторженное описаніе какого-то официального обѣда. Пиршество было устроено съ важной цѣлью и должно было соединить для общаго мыслей представителей разныхъ державъ. Но всѣ эти цѣли отступили на задній планъ передъ гастрономическимъ средствомъ, и самъ газетный Пиндаръ, слѣдуя этому отклоненію банкета отъ первоначальнаго смысла, явился достойнымъ соперникомъ Петра Петровича Пѣтуха: удивительное филе подъ какимъ-то соусомъ; какой-то изумительный фруктъ, предложенный въ необычное время года; вино, которое чуть не превосходило возрастомъ старѣйшаго изъ обѣдавшихъ дипломатовъ,—вся эта кухонная эпопея занимала чуть не весь отчетъ о пиршествѣ, и я досадливо бросилъ на столъ газету...

Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, но слова моего пріятеля вспоминаются мнѣ каждый разъ, какъ приходится задумываться надъ характеромъ цивилизаціи, которая и нынѣ окружаетъ насъ. Вполнѣ понятна громадная роль пищи въ жизни подавляющаго большинства людей, трудящихся массъ, у которыхъ, какъ извѣстно, болѣе трехъ пятыхъ бюджета идетъ на пропитаніе въ строгомъ смыслѣ слова и которымъ, при теперешнихъ условіяхъ, не хватаетъ зачастую вдосталь и хлѣба. Страшная необезпеченность этихъ обширныхъ слоевъ населенія, среди нашей хваленной классовой цивилизаціи, можетъ пожалуй объяснить возникновеніе теорій, находящей въ «вопросѣ желудка» основаніе всѣхъ соціологическихъ отношеній и во всякомъ обществѣ: представьте себѣ, что люди изучаютъ, такъ сказать, психологію общежитія на караванѣ, который бредетъ въ пустынѣ, томясь голодомъ и жаждою, и потому видитъ повсюду миражъ финиковыхъ пальмъ и студеной воды; немудрено, если эти наблюдатели сведутъ весь психическій міръ къ бреду голодающаго. Но и среди сытаго и имущаго меньшинства, которое тратитъ собственно на пищу лишь четверть, а при особенно благоприятныхъ условіяхъ, лишь одну седьмую бюджета,—и среди этихъ привилегированныхъ классовъ процессъ питанія играетъ чрезвычайную, прямо постыдную роль, облекаясь въ формы утонченнаго обжорства, пресловутой гастрономіи. Такъ еще скудна и бѣдна высшими наслажденіями жизнь этихъ «культурныхъ дикарей», какъ называетъ это привилегированное меньшинство одинъ современный соціологъ! Потребительныя священнодѣйствія—вотъ мѣткое выраженіе, принадлежащее, если не

ошибаюсь, нашему Бѣлинскому, которое какъ нельзя лучше подходитъ ко всѣмъ этимъ торжественнымъ, обставленнымъ всевозможными этикетами формамъ принятія пищи: свиная голова украшается лаврами, и поэтическое творчество идеализируетъ свареніе желудка!..

Я уже не буду говорить о герояхъ Гомера: то были наивные варвары. Не удивляйтесь поэтому, если «божественный старецъ» описывается съ такой подробностью, какъ Ахиллесъ и Патроклъ жарили «спину барана, жирной козы и хребетъ откормленной свиньи, весь пропитанный саломъ» *) на дипломатическомъ обѣдѣ, который они дали въ честь хитроумнаго Одиссея. Но не угодно-ли вамъ будетъ остановиться на слѣдующей картинкѣ, въ которой извѣстный гастрономъ-судья, Брилья-Саваренъ, изображаетъ эффектъ, произведенный на гостей артистически-свареннымъ палтусомъ (turbot):

„Межь тѣмъ, какъ мое ухо вдосталь насыщалось комплиментами, которые мнѣ расточались, глаза мои искали еще болѣе искреннихъ комплиментовъ въ самомъ видѣ обѣдавшихъ; и я наблюдалъ, полный внутренняго удовольствія, какъ генералъ Лабассэ былъ столь доволенъ, что улыбался при каждомъ кускѣ; какъ патеръ вытягивалъ шею и устремлялъ глаза въ потолокъ въ знакъ экстаза и какъ изъ двухъ академиковъ, одинаково остроумныхъ и лакомокъ, у перваго, г. Ожэ, блистали глаза и сіяло лицо, словно у автора, которому аплодируютъ, тогда какъ второй, г. Вильмэнъ, склонялъ свою голову и подбородокъ на западъ, въ позѣ глубокаго вниманія“ **).

Это, знаете-ли, превосходить всякаго Гомера и его героевъ, которые жили въ легендарной древности, извѣстной въ точности развѣ только ученому Шлиману. А тутъ дѣло происходило во Франціи, центрѣ цивилизаціи, и въ 20-хъ годахъ этого столѣтія. И смотрите, какія чудеса произвела гастрономически приготовленная рыба: она подняла, такъ сказать, шлюзы души собесѣдниковъ и вызвала аффекты, выраженіе которыхъ совпадало съ проявленіями высшихъ эмоцій у гостей, у каждого по его специальности,—патеръ погрузился въ состояніе религіознаго экстаза, академикъ плавалъ въ волнахъ авторскаго самолюбія!..

Да послужать эти нѣсколько строкъ размышленія введеніемъ къ задачѣ, которую я поставилъ себѣ въ этой корреспонденціи: изобразить въ общихъ чертахъ органы питательныхъ функцій Парижа, тѣ приспособленія, при помощи которыхъ обезпечивается потребленіе этого громаднаго центра. «Чрево Парижа»—такъ можно было бы назвать эту тему. Это выраженіе давно уже встрѣчается въ сочиненіяхъ авторовъ, посвятившихъ себя изученію Парижа, и Золатолько популяризировалъ его, поставивъ на обложкѣ одного

*) ἐν δ' ἄρα νότον ἔθνη' ὅλος καὶ πόνος αἰγὸς ἐν δὲ σὺος σάλας
ράχιν τεθαλυῖαν ἀλοιφῇ Iliad., IX, 207—208.

**) Brillat-Savarin, *Physiologie du goût. Variétés IX: Le turbot.*

изъ своихъ романовъ и притомъ съузивъ его приложеніемъ лишь къ одному Центральному рынку. Я здѣсь беру его въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ не только этотъ главный пунктъ снабженія Парижа, но и разныхъ производителей и посредниковъ, которые участвуютъ въ питаніи великаго города: огородниковъ и фруктовщиковъ, крупные магазины предметовъ потребления въ родѣ Потэна, мясныя, булочныя, колбасныя, рестораны и пр. За то я вынужденъ оставить внѣ круга изслѣдованія нѣкоторые спеціальныя органы питанія, въ родѣ хлѣбнаго рынка, колоссальнаго виннаго склада въ Берси, скотопригоннаго двора и боенъ Ля-Виллетъ. И это отчасти по недостатку новѣйшихъ монографій по этимъ предметамъ, отчасти по невозможности остановиться на всѣхъ такихъ вещахъ въ предѣлахъ журнальной статьи. Однако, чтобы дать читателю понятіе о размѣрахъ всего «чрева Парижа», я начинаю свой этюдъ съ общихъ цифръ потребления нѣкоторыхъ главнѣйшихъ продуктовъ *). Въ 1893 г. Парижъ потребилъ: вина—4.649,696 гектолитровъ (гектолитръ = 8,13 ведра); алкоголя—168,706 гектол.; сидра—219,184 гектол.; уксуса—36,571 гектол.; пива—285,905 гектол.; говядины, телятины и баранины—160.325,408 килограммовъ (килограммъ = 2,44 русскихъ фунта); свинины—25.561,297 кил.; колбасъ и пр.—2.520,863 кил.; разной птицы и дичи—27.617,403 кил.; свѣжей рыбы, раковъ и моллюсковъ (за исключеніемъ устрицъ)—31.873,631 кил.; устрицъ—7.856,428 кил.; прованскаго масла—1.181,865 кил.; другихъ растительныхъ маселъ—11.893,677 кил.; соли—17.361,966 кил.; овощей и фруктовъ (кромѣ винограда, и притомъ привезенныхъ исключительно въ Центральный рынокъ)—255.679,055 кил.; винограда—14.644,030 кил.; чухонскаго масла—19.767,602 кил.; яицъ—23.549,165 кил. и т. д.

Уже однихъ этихъ цифръ достаточно, чтобы читатель отдалъ себѣ отчетъ въ той громадной массѣ интересовъ, которая связана съ питаніемъ Парижа. Перехода къ болѣе подробному разсмотрѣнію различныхъ органовъ и приспособленій, при помощи которыхъ совершается снабженіе города, я, какъ всегда, буду останавливаться не столько на самой техникѣ дѣла, сколько на условіяхъ жизни людей, занятыхъ процессомъ этого снабженія.

Самое видное мѣсто между органами питанія принадлежитъ

*) Я даю ихъ по *Annuaire statistique de la ville de Paris*, 1895, пользуясь главами о «городскихъ таможенныхъ пошлинахъ» (*droit d'octroi et d'entrée*), стр. 226—236, и о «предметахъ потребления», стр. 241—300. Такъ какъ не всѣ такіе предметы обложены при входѣ въ Парижъ пошлинами, —напр. изъ фруктовъ онѣ берутся лишь съ винограда, изъ рыбъ лишь съ высшихъ сортовъ,—то цифры эти порою значительно ниже дѣйствительности и указываютъ въ такомъ случаѣ лишь на количества продуктовъ, привезенныхъ на Центральный рынокъ.

Центральному рынку. Мнѣ нечего долго распространяться о внѣшнемъ видѣ громаднѣхъ корпусовъ (павильоновъ, какъ зовутъ ихъ парижане) этой желѣзной машины, построенной между 1852 и 1868 гг., прорѣзанной крытыми улицами и проходами и населенной цѣлой арміей торговцевъ. Говорятъ, архитекторъ рынка, Вальтаръ, вдохновился моднымъ въ то время Хрустальнымъ дворцомъ Лондона. На меня это зданіе производитъ скорѣе впечатлѣніе обширной желѣзнодорожной станціи. Я совѣтую читателю, котораго привлекаетъ живописная сторона дѣла, перечитать «Чрево Парижа» Золя: въ общемъ внѣшняя картина рынка схвачена ярко и выпукло, хотя и въ этомъ произведеніи плодовитый авторъ, не смотря на свой пресловутый натурализмъ, гонится по обыкновенію за грандіозными, перехватывающими черезъ край изображеніями, которыя сдѣлали бы честь романтической школѣ; это—именно не «фотографія», а грандіозная декорація, берущая размахомъ кисти, но отнюдь не абсолютной точностью, и заключающая въ себѣ мѣстами довольно забавные промахи. Упомяну хоть о погребахъ рынка, которые изображение романиста загромождаетъ овощами, рыбой, сырами и пр. *) и которые на самомъ-то дѣлѣ не заключаютъ ничего такого. Нашъ романистъ впалъ въ обычное заблужденіе поверхностныхъ посѣтителей Центрального рынка, надъ которыми довольно зло посмѣивается специалистъ:

„Парижанинъ засыпаетъ болѣе спокойнымъ сномъ, ибо его внутреннее убѣжденіе развѣтывается передъ нимъ картину нагроможденія продуктовъ, отъ которыхъ якобы ломаются подвалы рынка. Порою даже иной высшій администраторъ приходитъ въ негодованіе отъ того, что, по его мнѣнію, недостаточно обращается вниманіе на эти громадныя подземелья, которыя должны бы служить „житницами изобилія для рабочаго улья Парижа“. И,—почти невѣроятная деталь!—самъ архитекторъ рынка былъ преслѣдуемъ этой идеей и, стремясь осуществить ее, создалъ цѣною миллионовъ цѣлый городъ, похороненный подъ каменными сводами. Но пресловутая житница остается пустой и никогда не можетъ быть наполнена. Причину этого вы можете прочесть на скалѣ термометра. Въ подвалахъ и надъ подвалами колебанія температуры крайне неправильны. Переносъ продуктовъ грозитъ немедленной же порчей ихъ. За исключеніемъ такъ называемаго „апельсиннаго погреба“ въ павильонѣ № 6, который предохраняетъ экзотическіе плоды отъ зимней непогоды, подвалы не сохраняютъ ничего, кромѣ корзины и прочей „посуды“. Запасы провизіи нагромождены наверху, прямо на воздухѣ, заполняя помѣщенія коммиссіонеровъ и факторовъ, не смотря на всевозможныя зловключенія, приходящіеся на ихъ долю“ **).

*) Помните описаніе любви Маржолена и Кадины въ разныхъ закоулкахъ огромнаго аданія и какъ «des caves voisines, à travers les madriers, toutes sortes d'odeurs leur arrivaient: la fadeur des légumes, l'Aprêt de la marée, la rudesse pestilentielle des fromages, la chaleur vivante des volailles» и пр.

**) Pierre du Maroussem et Camille Guérie, *La question ouvrière. IV. Halles centrales de Paris et commerce de l'alimentation*; Paris, 1894, стр. 203. Я не разъ пользовался въ статьѣ этой добросовѣстной монографіей.

Разумѣется, нечего ставить каждое лыко въ строку романисту, хотя бы и кичащемуся детальнымъ изученіемъ предмета. И если я здѣсь заговорилъ о представителѣ французскаго натурализма и его промахахъ, то лишь съ тою цѣлью, чтобы съ одной стороны указать читателю, гдѣ онъ можетъ найти изображеніе вѣшной картины рынка, а съ другой подчеркнуть, что въ романѣ Золя отсутствуетъ внутренняя, интимная жизнь этого гигантскаго органа, колеса котораго втягиваютъ въ свой непосредственный круговоротъ болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ. Нѣсколько цифръ, взятыхъ изъ статистики Центрального рынка, покажутъ, какое значеніе онъ имѣетъ въ общемъ питаніи Парижа. Въ настоящее время рынокъ этотъ состоитъ изъ 10 корпусовъ (всего предполагалось ихъ по плану 12, но 2 даже и не были начаты), которые занимаютъ въ центрѣ Парижа, между улицами Рамбюто, Пьера Леско, Берже и Вовилье, огромное пространство въ 25,272 кв. метровъ; затѣмъ крытыхъ проходовъ насчитывается 9,045 кв. метровъ; наконецъ, вокругъ рынка отведено мѣсто для торговли подъ открытымъ небомъ въ 32,000 кв. метровъ. Въ общемъ то, что называется Центральнымъ рынкомъ, охватываетъ площадь въ 66,317 кв. метровъ, т. е. болѣе 6 десятинъ, изъ нихъ 34,317 кв. метровъ, значить, болѣе половины, приходится на долю корпусовъ (съ проходами). Три цѣлыхъ корпуса и три пол-корпуса устроены для оптовой продажи мяса, птицы и дичи, тонкихъ овощей (*primeurs*), рыбы, устрицъ, масла, яицъ и сыра, и притомъ такъ, что продукты одного рода сосредоточены каждый въ специальномъ корпусѣ; во всѣхъ другихъ корпусахъ идетъ розничная торговля тѣми же продуктами. Мѣсто же для торговли подъ открытымъ небомъ отведено исключительно подъ овощи и фрукты. Въ 1893 г. изъ 188 милліоновъ килограммовъ всякаго мяса и колбасъ, ввезенныхъ въ Парижъ, черезъ Центральный рынокъ прошло болѣе 47 милліоновъ кил. или цѣлая четверть. Но еще большая доля приходится на рынокъ изъ другихъ предметовъ потребленія. Такъ изъ 27,6 милліоновъ кил. птицы и дичи, ввезенныхъ въ городъ, 22,5 милліоновъ кил. попали прежде всего на рынокъ. Туда же направлена была почти вся свѣжая рыба и около 44% всѣхъ устрицъ (3,4 милліона кил. изъ 7,8 милліоновъ); туда же 54% всего чухонскаго масла (10,5 милліоновъ кил. изъ 19,7); туда же 60% яицъ (16 милліоновъ кил. изъ 23,5). Что касается до овощей и фруктовъ, о которыхъ умалчиваетъ общая статистика Парижа, то достаточно сказать, что такъ называемое «Вѣшнее помѣщеніе для торговли» (*Carreau forain des Halles*), которое главнымъ образомъ состоитъ, какъ мы уже видѣли, изъ тротуаровъ вокругъ корпусовъ и въ сосѣднихъ улицахъ (отчасти и въ крытыхъ проходахъ), разгрузило въ теченіе 1893 г. 619,120 повозокъ,—значить, около 1,700 въ день,—доставившихъ въ Парижъ болѣе 244 милліоновъ килограммовъ всякой зелени.

Само собою разумѣется, что передъ этой громадной концентра-

цій продуктовъ и ихъ производителей, потребителей и посредниковъ-распределителей, передъ важною правильнаго и доброкачественнаго снабженія великаго города, сама богиня свободной конкуренціи теряетъ до нѣкоторой степени свои права. Центральныи рынокъ находится подъ двойнымъ надзоромъ: правительства и города; полицейская префектура является агентомъ перваго, тогда какъ Сенская префектура является представителемъ второго. Два эти вѣдомства располагаютъ въ рынокѣ цѣлой арміей своихъ чиновниковъ: главныхъ инспекторовъ, инспекторовъ, сборщиковъ муниципальных налоговъ съ товаровъ, занимающихъ помѣщеніе въ корпусахъ (такъ называемое *droit d'abri*), чиновниковъ, приставленныхъ къ вѣсамъ, нѣсколькихъ сотенъ официальныхъ грузчиковъ и крючниковъ (*forts de la Halle*), и т. п. Внутренній распорядокъ и санитарныя требованія—вотъ двѣ главныя цѣли (помимо фискальной), которыми задаются обѣ сложныя, переплетающіяся здѣсь между собою администраціи. «Потребитель долженъ быть поставленъ въ наиболѣе близкія и правильныя сношенія съ производителемъ»,—говорятъ рыночныя власти,—отсюда регламентація сдѣлокъ: напр., запрещеніе продавать-покупать ранѣе трехъ часовъ утра лѣтомъ, четырехъ зимою; устраненіе лишнихъ посредниковъ, кромѣ допущенныхъ администраціей, каковы такъ называемые факторы или торговцы оптомъ, вносящіе залогъ въ 10000 фр. и получающіе право сбывать продукты не только путемъ обыкновенной полюбовной сдѣлки, но и съ аукціона; ихъ соперники коммиссіонеры, не вносящіе залога и не могущіе продавать съ аукціона; торговки, имѣющія опредѣленные мѣста (4 кв. метра) и играющія такую роль въ исторіи парижскихъ движеній подъ именемъ «дамъ рынка» (*dames de la Halle*), и т. д. «Продукты должны быть свѣжи»,—говорятъ дагѣе администрація,—отсюда самый строгій санитарный надзоръ, конфискованіе и истребленіе недоброкачественной провизіи (около 5000 килограммовъ въ 1893, тогда какъ за нарушеніе рыночныхъ правилъ было заарестовано 220000 килограммовъ).

Подойдемъ съ читателемъ поближе къ этой рыночной сумятицѣ и приглядимся къ нѣкоторымъ типамъ, созданнымъ этимъ колоссальнымъ переищеніемъ продуктовъ. Возьмемъ прежде всего подгороднаго и во всякомъ случаѣ не особенно далеко живущаго отъ Парижа огородника и садовода, который самъ привозитъ свои овощи, фрукты и цвѣты. Выйдите на одну изъ главныхъ артерій, ведущихъ съ окраины Парижа къ рынку, въ то время, когда улегся послѣдній шумъ рабочихъ, засыпающихъ отъ усталости кварталовъ, а въ центрѣ кипитъ еще и сверкаетъ веселая жизнь праздныхъ людей: часовъ съ 11—12 ночи и вплоть до 3—4 часовъ утра (смотря по времени года) вы увидите на опустѣвшихъ и потускѣвшихъ улицахъ длинныя вереницы повозокъ, направляющихся каждая съ своимъ грузомъ къ «чреву Парижа». Мимо, читатель, этихъ громадныхъ крытыхъ фуръ, построенныхъ прочно и не безъ изящества! Это—по-

возки огородника-аристократа, богатаго, по большей части бездѣтнаго, который зачастую посылаетъ вмѣсто себя прикащика. Насъ интересуетъ преобладающій между повозками типъ небольшой телѣжки, которую везетъ принанятая для этой okazji кляча, а порою—и это, къ сожалѣнію, горькая истина!—самъ хозяинъ огорода. Вотъ это-то мелкій подгородній крестьянинъ и является однимъ изъ самыхъ интересныхъ типовъ въ категоріи производителей. Живущій всегда если не въ нуждѣ, то подѣ опасеніемъ ея, «непредусмотрительно» плодящій дѣтей на подобіе рабочаго-горожанина, онъ дрожитъ за свой маленькій клочокъ земли, холя, унавоживая, что называется перетирая его, и успѣваетъ свести концы съ концами, лишь загоняя и себя, и семью свою до полусмерти на работѣ. Въ лѣтнюю пору его рабочій день достигаетъ 15—16 часовъ, а не успѣвъ онъ путемъ вздремнуть, какъ ему уже надо собираться въ путь, на рынокъ, куда иной разъ онъ притаскиваетъ самъ телѣжку послѣ четырех-часового путешествія пѣшкомъ, скажемъ изъ-подъ Версаля. Проходить дѣлая недѣли, въ теченіе которыхъ на его долю не достается въ сутки и двухъ часовъ настоящаго сна: не даромъ еще Ле-Пле считалъ огородника, живущаго подѣ Парижемъ, наряду съ содержателемъ подгородней прачешной, за категорію трудящихся, которая наиболѣе изнемогаетъ подѣ бременемъ усталости въ современной Европѣ.

Какъ пытается пособить хоть отчасти своей бѣдѣ этотъ переутомленный поставщикъ «чрева Парижа»? Онъ какъ можно раньше старается быть на рынкѣ, чтобы получить мѣсто для стоянки на «Виѣшнемъ помѣщеніи». Получивъ его отъ чиновника Сѣнской префектуры, сидящаго тутъ же въ караулѣ (билетъ на 1 кв. метръ стоитъ 30 сантимовъ, на 2 кв. метра 60 сантимовъ), а затѣмъ, разложивъ свои овощи на мѣстѣ отмѣченномъ мѣломъ и отдавъ лошадь и повозку одному изъ особыхъ сторожей (это занятіе состоитъ на откупѣ), онъ удаляется въ какой нибудь изъ дешевыхъ трактировъ, которыми усыяны улицы вокругъ рынка, и тамъ, облокотившись на столикъ, спитъ свинцовымъ сномъ одинъ-два часа, пока не пробьетъ колоколъ, возвѣщающій открытіе сдѣлокъ.

Нѣтъ ничего интереснѣе, даже и для людей, которымъ живописная картина дороже самыхъ важныхъ задачъ общежитія,—нѣтъ ничего интереснѣе, говорю я, какъ этотъ гигантскій обозъ фуръ и тѣлежекъ, охватывающій кольцомъ все зданіе рынка и пускающій свои отроги далеко въ сосѣднія улицы. Это зрѣлище особенно поразительно раннимъ лѣтнимъ утромъ, когда первые отблески зари ложатся на это море овощей и фруктовъ, и широко развертываются отдѣльныя волны его, отливая какимъ нибудь однимъ оттѣнкомъ на десятки саженъ. Ибо съ давнихъ поръ продавцы каждаго продукта избрали себѣ специальное мѣсто для стоянки, и опытный парижанинъ, не колеблясь, направляется къ тѣмъ овощамъ и фруктамъ, какіе ему нужны. Такъ клубника, которая привозится, главнымъ образомъ, съ

юго-западныхъ окрестностей Парижа, изъ Фонтана-о-Розъ, изъ Палезо, заливаютъ своимъ яркимъ цвѣтомъ все пространство возлѣ церкви св. Евстафія и начало улицы Тюрбиго. Напротивъ церкви, на улицѣ Рамбюто, у самыхъ стѣнъ рынка, возлѣ корпусовъ, гдѣ продается мясо и колбасы, широкая зеленая полоса означаетъ мѣсто, гдѣ огородники сѣверныхъ окрестностей Парижа (Ангена, Гонессъ) размѣстили свой крессъ-салатъ, и тутъ же, удаляясь отъ желѣзной громады на мостовую и продолжая зеленую волну, сгущились артишоки Гонессъ и Женневилль и салаты Версаля. Продолжая далѣе путь вашъ по улицѣ Рамбюто, вы натываетесь на изжелта-бѣлые громады цвѣтной капусты, которая идетъ по преимуществу съ восточныхъ окрестностей Парижа (изъ Нейли-на-Марнѣ, Гроле), тогда какъ еще далѣе вы попадаете въ разноцвѣтную волну отборныхъ фруктовъ (персиковъ и т. п.) и цвѣтовъ Монтрѣйля. Но едва вы минули этотъ аристократическій уголокъ огородничества и садоводства и завернули въ улицу Пьера Леско, какъ передъ вами развернулось демократическое царство сѣраго овоща-картофеля и сѣраго мужика, загромаздившаго своими повозками все пространство вплоть до сквера Невинныхъ (square des Innocents) и кругомъ его. И такихъ специализировавшихся помѣщеній для каждаго крупнаго продукта вы найдете многое множество на внѣшней Площади (Casseau fogan) и вдоль тротуаровъ рынка.

Сюда приходятъ запасаться зеленью и крупный фруктовщикъ, и хозяинъ ресторана, и разнощикъ или вѣрнѣе развозчикъ овощей и фруктовъ (marchand des quatre-saisons, какъ онъ называется здѣсь), представляющій въ свою очередь интересный парижскій типъ, на которомъ стоитъ остановиться. Если вамъ случалось бывать въ Парижѣ, дорогой читатель, вамъ, конечно, сто разъ въ теченіе дни приходилось встрѣчаться съ мужчиной или женщиной, а чаще всего съ парой мелкихъ торговцевъ, которые тащутъ по улицѣ довольно большую тележку, по большей части съ овощами и фруктами (но также и съ дешевымъ мясомъ, рыбой, сырами) и звонкимъ голосомъ призываютъ покупателя, — каждый крича для своей специальности на особый ладъ. Особенно много такихъ странствующихъ торговцевъ въ рабочихъ кварталахъ на окраинахъ, гдѣ для хозяекъ, занятыхъ цѣлый день работой, эти ходячія лавки очень полезны въ томъ смыслѣ, что сокращаютъ время, надобное для покупокъ.

Приходилось вамъ, вѣроятно, видѣть не разъ и такую картину: гдѣ-нибудь возлѣ тротуара остановилась такая торговка, захватившись отъ тасканья тяжелой тележки, и наскоро продаетъ выспавшимъ изъ сосѣднихъ домовъ хозяйкамъ капусту или картофель и все зорко и боязливо оглядывается по сторонамъ, а привычныя руки ловко и быстро отгѣриваютъ и отвѣшиваютъ требуемый товаръ. Но вотъ, въ переулокъ послышались тяжелые мѣрные шаги, показалось кепи полицейскаго, и торговка наскоро собираетъ су

съ обступившаго ее рабочаго люда и торопливо отчаливаетъ съ мѣста своего временнаго привала, толкая усиленно свою телѣжку. Иногда наша гражданка увлекается скорой продажей и не доглядываетъ блюстителя закона. «Эй, вы, это что такое? Или жетонъ отобрать у васъ? Маршъ, сейчасъ же»... И подъ угрожающимъ жестомъ администратора коммерсанта съезживается, краснѣетъ, начинаетъ занскивающе улыбаться и, на-лету хватая мѣдъ за проданный картофель, роняя овощъ на мостовую, немедленно же пускается въ путь...

Хотите знать смыслъ этой сцены? Полицейская префектура разрѣшаетъ ходячую торговлю не всѣмъ и каждому, а лишь тому, кто заслуживаетъ этого съ ея точки зрѣнія: престарѣлымъ или слабосильнымъ отставнымъ солдатамъ; служащимъ государства, раненымъ при исполненіи обязанностей; бѣднымъ вдовамъ, сыновья которыхъ отбываютъ воинскую повинность, и т. п. По просьбѣ такихъ лицъ, достойнѣйшимъ изъ нихъ выдаются особые жетоны (или медали, какъ зовутъ ихъ въ Парижѣ), которые они должны предъявлять по требованію полиціи, равно какъ свои фотографическія карточки, во избѣжаніе всякой передачи этихъ жетоновъ другимъ лицамъ. Мало того: такъ какъ въ городѣ есть, само собою разумѣется, лавочные торговцы, платящіе патентъ, то, чтобы не дѣлать имъ конкуренціи, ходячіе торговцы обязуются въ громадномъ большинствѣ случаевъ продавать, такъ сказать, на-лету, передвигаясь постоянно съ мѣста на мѣсто: лишь крайне-незначительному меньшинству такихъ торговцевъ (главнымъ образомъ изъ категоріи торгующихъ мясомъ) разрѣшена стоянка, и эти люди составляютъ настоящую аристократію. Но громадная масса торговцевъ не имѣетъ права останавливаться, и полиція постоянно вспугиваетъ ихъ, при чемъ дѣло не обходится безъ произвола и взятокъ: я только-что продалъ фунтъ земляники, ко мнѣ подошелъ другой покупатель, за нимъ третій и т. д.; спрашивается, съ какого момента я нарушилъ принципъ ходячей торговли: не могу же я убѣгать отъ публики? Понятно, что истолкованіе этого вопроса въ пользу или противъ меня зависитъ отъ полицейскаго.

Среди буржуазіи, которая вообще любитъ умиляться надъ современными порядками, ходятъ самыя невѣроятныя слухи насчетъ благополучія и обезпеченной жизни странствующихъ торговцевъ. И я живо помню, какъ нѣкій шустрый фигаристъ, писавшій года три тому назадъ подъ псевдонимомъ Даниѣля, переодѣлся въ костюмъ ходячаго торговца для «добросовѣстнаго изученія вопроса» и, прохаживъ одинъ день съ телѣжкой по Парижу, не безъ самодовольства напечаталъ, что у него къ вечеру осталось барыша франковъ около 10 и что, значитъ, этой категоріи людей не житье, а масляница. Онъ и не подозревалъ, что рассказомъ своимъ онъ обрисовалъ положеніе не сѣраго, рядового развозчика, а торговца-кулака, который эксплуатируетъ голытьбу. Дѣйствительно, нашъ изучатель

вопроса примѣнилъ классическій методъ эксплуатаціи въ этомъ ремеслѣ; онъ явился на рынокъ и купилъ себѣ франковъ на 20 вишенъ; затѣмъ нашелъ бѣдную женщину, у которой былъ жетонъ, но ни гроша денегъ, условился съ ней, что за четыре франка въ день она отдастъ въ его распоряженіе и свой жетонъ, и свою опытность въ ремеслѣ; назвался, во избѣжаніе препирательствъ съ полиціей, подручнымъ возчикомъ этой женщины, наторговалъ франковъ на 15 барыша и, расплатившись со старухой, остался обладателемъ лишней десятифранковой монеты.

Расширьте размѣры этой операціи—и вы натолкнетесь на типичнаго эксплуататора-фруктовщика, который закупаетъ зелень на Центральномъ рынкѣ и отправляетъ свой тяжело нагруженный возъ въ заранее условленное мѣсто, по преимуществу въ рабочемъ кварталѣ; сюда являются закабаленные имъ обладатели и обладательницы жетоновъ и за ничтожную плату соглашаются распродавать получаемые ими отъ хозяина овощи, оставляя въ пользу булака громадную прибыль. И армія этихъ мнимыхъ самостоятельныхъ ходячихъ торговцевъ все больше и больше растетъ вокругъ ловкаго эксплуататора. Не забывайте, что изъ 6000 постоянныхъ обладателей жетоновъ (и 18000 временныхъ) найдется мало такихъ, которые могутъ закупать въ день на 20 фр. товара и имѣть свою телѣжку (которая стоитъ болѣе полутора ста франковъ). А большинство располагаетъ въ день оборотнымъ капиталомъ, не превышающимъ пяти-шести франковъ; наемъ телѣжки стоитъ восемь франковъ въ мѣсяцъ: помещеніе для нея и остающихся фруктовъ обходится франковъ въ пять ежемѣсячно; каждый день приходится платить сантимовъ 50 спеціальному извозчику, который развозитъ по отдѣленнымъ кварталамъ товаръ, закупленный ходячими торговцами въ Центральномъ рынкѣ. Подсчитайте все это, и вы поймете, почему истомленный владѣлецъ жетона приносить ночью домой не болѣе трехъ франковъ, а зачастую лишь половину этого, и почему онъ является легкой добычей зеленщика-эксплуататора.

Многое можно было бы еще сказать о Центральномъ рынкѣ, его павильонахъ и различныхъ типахъ, выросшихъ въ этой лихорадочной атмосферѣ обмѣна продуктовъ. Вотъ передъ нами крупный «факторъ», который, внося городу залогъ въ 10000 фр., получаетъ право играть роль маклера на этой биржѣ продуктовъ, беретъ опредѣленный куртажъ за комиссію и, постепенно расширяя свои операціи, доводитъ свой ежегодный оборотъ до нѣсколькихъ милліоновъ въ годъ. Вотъ «дама рынка», языкъ которой страшнѣе всякой гильотины для ея враговъ и которая, какъ замѣчаетъ не безъ остроумія одинъ изслѣдователь, передаетъ занимаемое ею мѣсто своимъ наслѣдникамъ на началахъ своеобразнаго феодальнаго майората и притомъ основаннаго на материнствѣ.

Четыре квадратных метра, принадлежащие этой рыбной или зеленой торговке, переходят обыкновенно ея старшей дочери, или той, которая кажется матери наиболее ловкой и опытной. Въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдницъ, Сенская префектура, которая играетъ роль сюзерена, отдаетъ этотъ лентъ старѣйшимъ и достойнѣйшимъ кандидатамъ. Вотъ и знаменитый крычникъ-грузчикъ (fort de la Halle), котораго вы сейчасъ узнаете по его войлочной, съ широчайшими полями шляпѣ, обязательно вымазанной слоемъ штукатурки: это—членъ дошедшей до насъ отъ среднихъ вѣковъ демократической артели, которая въ каждый моментъ не можетъ заключать болѣе 640 работающихъ участниковъ и попасть въ которую можно не иначе, какъ съ разрѣшенія префектуры и послѣ мускульнаго экзамена, состоящаго на первый разъ въ ношеніи 10-пудоваго груза. Но мнѣ приходится лишь вскользь упомянуть объ этихъ интересныхъ типахъ рыночнаго персонала. Кромѣ Центрального рынка, мнѣ предстоитъ пройти съ читателемъ не мало еще органовъ питанія Парижа.

Врядъ-ли для средняго парижанина, послѣ магазиновъ Лувра и Бонмарше, есть что-либо популярнѣе торговаго дома Феликса Потэна. У однихъ это имя вызываетъ улыбку удовольствія, чуть не признательности; другими произносится со скрежетомъ зубнымъ. Но оно почти у всѣхъ на устахъ. Фирма Потэна—самая крупная въ Парижѣ торговля бакалейными и колоніальными товарами. И мыслящіе наблюдатели, въ родѣ дю-Маруссема, полагаютъ, что въ недалекомъ будущемъ подобныя колоссальныя дома проявятъ все свое коммерческое могущество на развалинахъ мелкихъ и среднихъ лавокъ и обломкахъ самого Центрального рынка: если одной своей стороной они безжалостно раздавливаютъ мелкихъ конкурентовъ, то другой они перехватываютъ кліентовъ у «чрева Парижа» (для покупки яицъ, сыровъ, дичи и т. п.). Чтобы оставить себѣ понятіе о размѣрахъ этой «бакален», зайдите купить что-нибудь въ главный магазинъ Потэна, занимающій теперь три дома подрядъ (№№ 99—101—103) на Севастопольскомъ бульварѣ,—другой магазинъ меньшихъ размѣровъ находится на бульварѣ Мальзербъ (№№ 45—47). Уже приближаясь къ фирмѣ, вы будете поражены необыкновеннымъ движеніемъ толпы у трехъ входовъ, возлѣ которыхъ, въ горячіе дни, наканунѣ праздниковъ, вамъ придется подождать у хвоста, словно у дверей дающаго модную пьесу театра. Въ такую пору въ обширномъ помѣщеніи яблоку негдѣ упасть, и въ разношерстной и разновкусной толпѣ армія прикащиковъ маневрируетъ съ трудомъ. Къ вамъ не подлетятъ сразу нѣсколько «молодцовъ», предлагая наперерывъ свои услуги: вы въ демократической сферѣ равенства всѣхъ передъ прилавкомъ. Станьте скромно въ очередь возлѣ одной изъ балюстрадъ, ведущихъ къ той

или иной кассѣ по одну сторону которой движутся для расплаты лица, уже сдѣлавшія закупки, каждое въ сопровожденіи прикащика, служивавшаго ему, тогда какъ по другую пробираемся мы съ вами, читатель, соображая, что намъ нужно, а для вѣрности заготовивъ даже предварительно записку. Одинъ за другимъ подходятъ къ кассѣ прикащикъ съ своимъ кліентомъ, и въ то время, какъ кліентъ, поворачивая налѣво, платитъ и уходитъ, только-что освободившійся прикащикъ завертываетъ направо и предлагаетъ услуги движущемуся впереди всѣхъ вдоль баллюстрады покупателю, и т. д. И вотъ вы слѣдуете за прикащикомъ вглубь магазина и, пробираясь среди толпы, объявляете своему чичероне, что вамъ нужно. Въ противоположность моднымъ магазинамъ, гдѣ у каждого продавца есть свой «районъ», въ гигантской бакалѣй Потэна между служащими нѣтъ раздѣленія по специальностямъ. Но не бойтесь, чтобы, исполняя длинный заказъ, прикащикъ забылъ что-нибудь и перепуталъ: изощренная, дисциплинированная на службѣ капитала память его отмѣчаетъ требованія точнѣе вашей записки. «Столько-то фунтовъ того-то, по столько-то за фунтъ», и пока вы стоите въ толпѣ такихъ же, какъ вы, покупателей, слѣдуя невольно ея водворотамъ, вашъ прикащикъ въ нѣсколько секундъ нашель, взвѣсилъ и сложилъ на громадный контрольный столъ заказанные вами продукты, записывая ихъ въ особую книжечку съ талонами и подводя итогъ купленному на особомъ бюллетенѣ, который онъ тутъ же отрываетъ: приготовьте деньги! Еще нѣсколько секундъ—и, выкрикивая быстро вашъ заказъ по книжечкѣ, въ то время, какъ одинъ изъ контролеровъ бросаетъ, повидимому, бѣглый, а на самомъ дѣлѣ непогрѣшимый взглядъ на поставленные передъ нимъ продукты, вашъ прикащикъ подводитъ васъ къ кассѣ съ бюллетенемъ итога, который кассирша при получкѣ съ васъ денегъ нанизываетъ на длинную иглу. Вы уходите, забирая продукты, налѣво; продавецъ повертываетъ направо, за новымъ кліентомъ: развѣ что вы сдѣлали большой заказъ, и прикащикъ несетъ за вами покупки до извозчика, котораго вы оставили у дверей магазина.

Но, можетъ быть, вамъ некогда самому отправиться къ Потэну? Если вашъ заказъ будетъ на сумму не менѣе 10 франковъ, то вамъ стоитъ написать только въ магазинъ по почтѣ, обозначая вашъ адресъ, количество и цѣну продуктовъ, и на слѣдующій же, много на третій день, у воротъ вашего дома остановится тяжелая красивая фура, съ ярко горящими на темномъ фонѣ золотыми буквами *Félix Potin*, запряженная парой прекрасныхъ лошадей. Изъ фуры выпрыгнетъ проворный разсылный (*livreur*) съ корзиной и сче- томъ и сложитъ продукты въ вашей передней или кухнѣ: проверьте заказъ и платите! Для постоянныхъ кліентовъ фирма разсылаетъ нѣсколько разъ въ году особые прейскуранты (каталоги, какъ они называются здѣсь), съ присоединеніемъ заранѣе заготовленныхъ писемъ для заказовъ: вамъ остается только проставить вашъ адресъ

и что вамъ нужно, да наклеить марку. Будучи постояннымъ кліентомъ, вы легко можете дѣлать заказы даже и менѣе, чѣмъ на 10 фр.: надо лишь, когда прійдетъ разсылный, попросить его доставить вамъ требуемую вещь въ ближайшее его путешествіе по вашему кварталу. Наконецъ, если вы живете въ провинціи или даже внѣ Франціи, фирма предлагаетъ вамъ для дешевизны высылать иные продукты (напр. вина) не изъ самаго Парижа, а изъ складовъ, находящихся за городской чертой и не несущихъ городскихъ таможенныхъ сборовъ. Въ провинціи отдѣленій фирмы не имѣется, о чемъ самъ торговый домъ извѣщаетъ не безъ нѣкотораго кокетства, но за-то у него есть своя система, какъ расширить сбытъ за предѣлами Парижа. Фирма входитъ въ сношенія съ провинціальными лавочниками, особенно изъ бывшихъ прикащиковъ дома, прославившихся своимъ коммерческимъ геніемъ, и предлагаетъ снабжать исключительно ихъ въ данномъ городѣ своими продуктами. Обаяніе одного имени фирмы таково, что лавочникъ, который получаетъ право проставить на вывѣскѣ «торговля продуктами Потэна», сразу получаетъ громадное преимущество надъ мѣстными конкуррентами; а домъ находитъ свою выгоду въ томъ, что его товары все дальше и шире распространяются въ странѣ, увеличивая его обороты.

Хотите знать приблизительный размѣръ этихъ оборотовъ? Въ 1895 г. они достигли 45 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 16 милліоновъ приходилось на торговлю съ провинціею и заграницею, 16 милліоновъ на заказы въ Парижѣ (каждый не менѣе 10 фр.), а остальные 13 милліоновъ на торговлю въ самомъ магазинѣ. Пропорція чистаго барыша поразительно низка для коммерческаго предпріятія: она достигаетъ едва 5%! Понятно, что этотъ гигантскій домъ фатально дробить въ куски молотомъ конкурренціи всѣ эти бакалеи средней руки, которымъ надо по крайней мѣрѣ 10% прибыли, не говоря уже объ обыкновенныхъ мелочныхъ лавкахъ, владельцы которыхъ, чтобы жить, нуждаются въ 15% съ оборота.

Исторія развитія фирмы Феликса Потэна—цѣлая поэма! И эта поэма нашла если и не первоклассныхъ, то умиленныхъ бардовъ; упомяну хотя бы виконта Ж. Д'Авенеля *). Курьезнѣе всего то, что герой этой поэмы или, точнѣе, наслѣдники основателя династіи не остались вполнѣ довольны даже дневирамъ почтеннаго виконта и горько жаловались репортеру «Temps», нѣкому Адольфу Бриссону, на коварство сочинителя, который не далъ имъ просмотрѣть корректурные листы своего этюда. Но оставимъ сводить между собой счеты королей прилавка и ихъ историографа!.. Подобно прочимъ гигантскимъ базарамъ, фирма Потэна явилась истиннѣе благотѣльнымъ учрежденіемъ для потребителя, котораго она освободила

*) См. въ его «Le mécanisme de la vie moderne»; Paris, 1896, главы, посвященные «магазинамъ питательныхъ продуктовъ», особенно начиная со стр. 168.

отъ мелкаго грабительства лавочника: недоуѣшиваніе, недоуѣриваніе, обычай заставлять покупателя платить за толстую оборотную бумагу, недоброкачественность продукта,—все это исчезло въ образцовой фирмѣ. Но Потэнъ оказалъ, кромѣ того, специальную услугу хозяевамъ прислуги, всѣхъ этихъ домашнихъ рабовъ, которые платятъ господамъ за недостаточность платы и эксплуатацію, между прочимъ, мелкимъ мошенничествомъ при покупкѣ провизіи, ставиваясь съ лавочникомъ и тому подобными поставщиками. Парижскія кухарки и горничныя выработали даже особыя законныя формы добавочнаго жалованья, такъ называемое «су съ франка», или 5%, съ общей суммы покупокъ, сдѣланныхъ ими у торговцевъ: понятно, что этотъ налогъ лавочникъ перекладываетъ, въ концѣ концовъ, на хозяевъ. У Потэна нѣтъ и помину объ этихъ поборахъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть торговыхъ операцій въ Парижѣ совершается, какъ мы видѣли, безъ посредства прислуги, заказомъ по почтѣ: для развоза заказанныхъ продуктовъ магазинъ располагаетъ въ настоящее время (октябрь 1896 г.) 55 фурами, 300 лошадыми и соотвѣствующимъ числомъ кучеровъ и разсылныхъ.

Идея, которая въ половинѣ 40-хъ годовъ созрѣла въ головѣ основателя дома (умеръ въ 1871 г.) и которая заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать изъ потребителя союзника, объявивши напротивъ войну конкурентамъ цѣной и доброкачественностью продуктовъ,—эта идея носилась въ воздухѣ и скоро выразилась въ созданіи цѣлаго ряда гигантскихъ магазиновъ всякаго рода, а особенно модныхъ. Но Феликсу Потэну принадлежала другая идея, которая могла найти удачное приложеніе лишь въ предѣлахъ его специальности. Эта идея—стать самому фабрикантомъ продуктовъ, которыми торговалъ его магазинъ. Въ одной изъ своихъ корреспонденцій я показалъ, какъ гигантскіе модные базары почти исключительно живутъ продажей товаровъ, которые изготовляются не ими, а фабриками и мастерскими, хотя и работающими на магазинъ, но находящимися въ чужихъ рукахъ. Основателю знаменитой бакалейной торговли пришлось, наоборотъ, устроить заводы и фабрики для своихъ магазиновъ,—этого требовала сама природа продуктовъ, которые для успѣшной конкуренціи должны были, при дешевой цѣнѣ, отличаться доброкачественностью. И вотъ, начиная съ жалкой фабрички шоколада, которую Потэнъ устроилъ на дворѣ своей старой лавки на улицѣ Роше и на которой онъ самолично дробилъ въ теченіе семи лѣтъ зерно какао, нашъ геніальный коммерсантъ упорно шелъ къ своей цѣли и, наконецъ, достигъ ея. Въ настоящее время четыре отдѣльныхъ заведенія работаютъ на магазинъ Потэна. Въ Эпернѣ, въ Шампани, фирма владѣетъ громадными виноградниками и фабрикуетъ шампанское. Въ Мирамонѣ (департаментъ Ло-и-Гаронны) готовится черносмливъ, котораго ежегодно продается въ магазинахъ болѣе 56000 пудовъ. Въ Пянтенѣ, подъ Парижемъ, находится винный складъ, который занимаетъ болѣе десятины и въ

которомъ работаетъ цѣлый отрядъ (150 человекъ) специалистовъ по приготовленію вина. Наконецъ, въ самомъ Парижѣ, въ сѣверовосточной части его, на улицѣ Уркъ (въ кварталѣ Ла-Виллеттъ) возвышается знаменитый заводъ Потена, площадью въ полторы десятины, на которомъ армія въ тысячу рабочихъ (а въ горячее время цѣлыхъ двѣ тысячи) занята въ многочисленныхъ специальныхъ отдѣленіяхъ изготовленіемъ шоколада, варенья, всевозможныхъ пирожныхъ, бисквитовъ, мясныхъ и иныхъ консервовъ, солений, соусовъ и приправъ, сортировкой чая и кофе, и т. д., и т. д. вплоть до фабрикаціи различныхъ духовъ и косметикъ, рецепты которыхъ вырабатываются въ особой лабораторіи, куда фирма Потена сманиваетъ громаднымъ жалованьемъ лучшихъ химиковъ съ государственной службы. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этого фабричнаго города, достаточно сказать, что въ иное время, напримѣръ, передъ Рождествомъ, лишь одно бисквитное отдѣленіе занимаетъ около 180 человекъ, которые ежедневно превращаютъ въ пирожное 18000 яицъ, 25 мѣшковъ муки и 45 пудовъ чухонскаго масла.

Читатель уже видѣлъ, что чистаго барыша фирма Потена получаетъ въ годъ не болѣе 5%: этотъ крайне низкій процентъ достаточно указываетъ на то, что, фабрикуя продукты для себя, торговый домъ стремится не столько повысить относительные размѣры прибыли, сколько утопить своихъ конкурентовъ дешевизною и качествомъ своихъ продуктовъ. И если онъ, дѣйствительно, все больше и больше раскидываетъ по Парижу свою паутину, то его успѣхи сопровождаются усиленнымъ банкротствомъ мелкихъ торговцевъ. Потребитель, конечно, находитъ въ этомъ рѣшительную выгоду. Но, помимо раззоряющихся лавочниковъ, желѣзные клещи многомилліонной фирмы больно сказываются на здоровьѣ рабочихъ и прикащиковъ дома, которые изнемогаютъ подъ бременемъ страшнаго интенсивнаго труда...

Я могу лишь крайне недолго остановиться на нѣкоторыхъ любопытныхъ учрежденіяхъ, напоминающихъ размѣрами и внѣшней технической стороною фирму Потена, но выросшихъ изъ иной идеи. Я говорю о потребительныхъ кооперативныхъ обществахъ, которыя въ послѣднее время стали замѣтно развиваться въ Парижѣ, но которыя, къ сожалѣнію, въ атмосферѣ капиталистической конкуренціи, стремятся рано или поздно выродиться въ обыкновенную коммерческую компанію. Наиболѣе интересная изъ этихъ потребительныхъ коопераций, это такъ называемая «Жицца» (Moissonneuse), которая была основана въ 1874 г. полосою краснодеревцевъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья *) и которая въ прошломъ году об-

*) Ср. въ книгѣ Дю-Маруссеа и Герье 8-ую главу (Nouvelles organisations du détail); особенно начиная со стр. 180, и Д'Авенеля (Le mécanisme etc.) о «потребительныхъ кооперацияхъ», стр. 209 и слѣд.

ладала восемью бакалейными лавками, двумя булочными, пятью мясными, двумя большими винными складами въ Берси, магазиномъ платья и обуви, складомъ горючихъ матеріаловъ, скобяной лавкой; насчитывала около пятнадцати тысячъ членовъ и сдѣлала въ 1895 г. на 8 миллионъ франковъ оборота. До сихъ поръ ея организація остается демократической: всѣ члены равны въ правахъ и выгодахъ и имѣютъ каждый не болѣе одной акціи; надъ этимъ собраніемъ акціонеровъ стоитъ комитетъ изъ трехъ секретарей, которые выбираются лишь на 18 мѣсяцевъ, изъ боязни, чтобы этотъ исполнительный органъ не выродился въ торговую олигархію. Но уже начинаютъ замѣчаться среди членовъ коопераціи если не раздоры, то довольно противоположныя тенденціи. Покамѣстъ большая часть стоитъ за сохраненіе прежняго устава. Но меньшинство начинаетъ жаловаться на все болѣе и болѣе медленный ростъ оборотовъ, подчеркивать нѣсколько неудачныхъ операцій по покупкѣ, которыя отразились ущербомъ на общественномъ капиталѣ. Эти безпокойные «реформаторы» видятъ слабость коопераціи въ чрезчуръ быстрой смѣнѣ исполнительнаго комитета, которая мѣшаетъ, молъ, секретарямъ — триумвирамъ приобрести достаточную коммерческую опытность. Все чаще и чаще указываютъ они съ гордостью и не безъ зависти на единственнаго несмѣняемаго чиновника администраціи, главнаго счетовода (expert-comptable), на специальныхъ способностяхъ котораго только и держится, по ихъ мнѣнію, общій ходъ грандіозной машины. Эта психологія меньшинства — признакъ того, что атмосфера капиталистической конкуренціи уже въ достаточной степени охватила кооперацію, и жажда прибыли толкаетъ ея членовъ въ сторону обыкновенной предпринимательской эксплуатаціи. Уже и теперь въ «Жниці» есть брешь, черезъ которую войдетъ капиталъ со всѣми его послѣдствіями: я говорю о 150 служащихъ и прикащикахъ коопераціи, по отношенію къ которымъ общество ведетъ себя, какъ настоящій хозяинъ, нанимающій рабочихъ и выжимающій изъ нихъ прибавочную стоимость...

Перехода къ мяснымъ, колбаснымъ, булочнымъ и т. п. сравнительно мелкимъ питательнымъ органамъ Парижа, я хотѣлъ бы сначала сдѣлать одно мелкое замѣчаніе относительно внѣшняго вида ихъ. Франція — страна многовѣковой культуры, и здѣсь очень любяты извѣстныя традиціонныя формы. До сихъ поръ судьи и адвокаты при разбирательствѣ дѣлъ, профессора и медики на экзаменѣ облачаются въ средневѣковыя мантіи и прикрываютъ головы не менѣе древними шапочками. Подобную же внѣшнюю, если можно такъ выразиться, «одежду» сохраняютъ разныя спеціальныя лавки, и индивидуальныхъ отличій такъ мало, что вы издали лишь по виду и цвѣту ея можете безошибочно сказать, чѣмъ торгуетъ она. Мясная почти всегда выкрашена снаружи въ темно-красный цвѣтъ, и изъ

этого кадра ярко выдѣляется бѣлизна ея внутреннихъ стѣнъ и ея чистыхъ, словно вылизанныхъ мраморныхъ стоекъ съ заранѣе приготовленными кусками второразряднаго мяса, въ которые воткнуты синія дощечки съ бѣлыми цифрами, возвѣщающими цѣну куска; тогда какъ по обоимъ бокамъ широкаго съ колонками входа приложены два большихъ бѣлыхъ полога, а въ центрѣ развѣшаны въ чисто-военномъ порядкѣ туши быковъ и ряды телячьихъ и бараньихъ туловищъ, нерѣдко изукрашенныхъ у хвоста искусственнымъ цвѣткомъ. Колбасныя кидаются въ глаза бѣлымъ цвѣтомъ громадной мраморной стойки, зеркалами на стѣнахъ и цѣлой хитроумной арматурой сардинныхъ и паштетныхъ коробокъ, флаконовъ и баночекъ съ разными консервами и соусами, размѣщенныхъ за большимъ зеркальнымъ окномъ вокругъ художественно убранной кабаньей головы. А вонъ, видите тамъ черную зеркальную вывѣску, на которой горятъ золотомъ большія буквы и миеологическій снопъ Цереры? Это—булочная, какъ вы, впрочемъ, можете заключить и изъ хлѣбовъ всевозможнаго роста, выставленныхъ на подставкахъ изъ толстаго стекла за зеркальной витриной. И таковъ же приблизительно видъ кондитерской (по большей части уже отдѣлившейся отъ обыкновенной булочной), за исключеніемъ богатой выставки бонбоньерокъ и особыхъ разноцвѣтныхъ конусовъ, которые говорятъ вамъ о томъ, что здѣсь вы можете получить и мороженое. Что касается до фруктовыхъ и молочныхъ, то уже одинъ цвѣтъ ихъ вывѣсокъ, зеленыхъ въ первомъ случаѣ, бѣловатыхъ во второмъ, достаточно говоритъ объ ихъ назначеніи. Эти застывшія, іератическія такъ сказать, вышнія формы различныхъ «питательныхъ» учреждений какъ нельзя лучше говорятъ о томъ, что и во внутренней жизни ихъ царитъ рутинная въ гораздо большей степени, чѣмъ въ лихорадочной атмосферѣ современной фабрики. Въ самыхъ отношеніяхъ хозяина къ рабочимъ и служащимъ слышится еще отзвукъ прежнихъ условій жизни. Меня по преимуществу интересуютъ эти отношенія, ибо за ними стоятъ живыя, мыслящія и страдающія существа... Исследуя ихъ, я опираюсь на авторитетъ официального изданія министерства торговли *).

Всѣ эти заведенія характеризуются тѣмъ признакомъ, по мнѣнію официальныхъ авторовъ, что «общій ансамбль экономическихъ условій облегчаетъ въ извѣстной мѣрѣ рабочимъ, занятымъ въ нихъ, доступъ въ классъ хозяевъ **). Да такъ и должно быть въ этихъ отрасляхъ промышленности, сохранившихъ еще по большей части мелкій ремесленный характеръ производства. Но нечего преувеличивать этой возможности изъ пролетарія сдѣлаться капиталистомъ, а, главное, не надо забывать, какой цѣной рабочій персоналъ этихъ отраслей покупаетъ возможность для счастливыхъ перейти изъ

*) *La petite industrie. Tome I. L'alimentation à Paris*; Paris, 1893 .

**) *L. o., стр. 8.*

разряда эксплуатируемых въ разрядъ эксплуататоровъ, причемъ сами эксплуататоры вынуждены зачастую вести очень незавидную жизнь.

Наилучше обставлена жизнь мясниковъ: я говорю о типичной, мелкой мясной, которая повсюду встрѣчается въ Парижѣ и хозяйинъ которой не бьетъ скота за свой счетъ, а покупаетъ уже битый на бойняхъ въ кварталѣ Ла-Виллеттъ. Такая мясная, заключающая въ себѣ среднимъ числомъ отъ четырехъ до пяти прикащиковъ, сохранила довольно много патріархальныхъ чертъ, и люди, идеалъ которыхъ — ремесленное производство; не падая похвалъ этой идиллической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, говорить они, обычай требуетъ здѣсь, чтобы прикащикъ имѣлъ квартиру и пищу отъ хозяина и чтобы даже ѣлъ съ хозяиномъ за однимъ столомъ; жалованье онъ получаетъ достаточное; работа его здоровая, на чистомъ воздухѣ, и развиваетъ его мускулы; при благоразуміи и воздержности онъ въ нѣсколько лѣтъ можетъ самъ сдѣлаться хозяиномъ. Посмотримъ на обратную сторону медали. Главный прикащикъ получаетъ въ недѣлю 30, много 50 франковъ, т. е. отъ 1500 до 2500 фр. въ годъ. пища стоитъ около 500 фр., квартира франковъ сто: двѣ-три тысячи съ небольшимъ, — размѣры его дѣйствительной заработной платы. Теперь, каковъ его трудъ? Мясникъ работаетъ круглый годъ и не знаетъ отдыха ни въ воскресенье, ни въ праздничные дни, за исключеніемъ страстной пятницы, когда по незапамятному обычаю все мясныя закрываются. Его рабочий день начинается, смотря по времени года, съ 4½—5 часовъ утра и оканчивается лишь въ 7 вечера, съ перерывомъ для завтрака, т. е. состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ 13 часовъ труда, интенсивность котораго уменьшается, правда, среди дня, но получаетъ лихорадочный характеръ утромъ и передъ вечеромъ. Комната, которая ему дается отъ хозяина, поражаетъ своими малыми размѣрами и зачастую темнотой. А главное, — не смѣйтесь, читатель: тутъ своего рода трагизмъ! — первый прикащикъ долженъ быть молодъ и красивъ: къ 35 годамъ, если онъ не успѣлъ сдѣлаться къ тому времени хозяиномъ, онъ безжалостно выбрасывается на улицу. Хотите знать причину? Я позволю себѣ сдѣлать слѣдующую цитату изъ официальнаго документа, которая бросаетъ интересный психологическій колоритъ на самыя, повидимому, сѣрыя и будничныя отношенія эконоимики: «Реклама по отношенію къ покупающимъ кухаркамъ принимаетъ здѣсь всевозможныя формы: главные прикащики выбираютъ вполне преднамѣренно изъ «красавцевъ», со смѣлыми манерами, съ талантомъ красноречія, ибо имъ надо самое высокое дипломатическое искусство, въ этихъ ежедневныхъ дебатахъ, чтобы сбыть съ рукъ все выставленное мясо. Г. Чернуски уже изумлялся всей тонкости мясника. Но задумывался ли онъ надъ высшей степенью рекламы: эстетическимъ элементомъ въ прикащикѣ?.. Отсюда строгое отношеніе хозяина къ рабочему персоналу. Пожилые прикащики получаютъ расчетъ. Связь между

хозяиномъ и работникомъ съ каждымъ днемъ становится все слабѣе и слабѣе. И въ 35 лѣтъ главный прикащикъ долженъ зачастую удалиться *).

Пусть самъ читатель сообразить, какая жизненная драма скрывается за этими нѣсколькими тусклыми, какъ и полагается въ официальномъ документѣ, строками, и какой сомнительной идилліей дышетъ отъ этой «патріархальной» жизни. И вотъ, нашему прикащику совершенно естественно приходитъ въ голову пустить въ ходъ свой «эстетическій элементъ». И красота, и красноречіе пойдутъ, напр., на то, чтобы соблазнить хозяйскую дочь и сдѣлаться зятемъ патрона: вы зачастую увидите въ Парижѣ молодого хозяина-мясника типа «крови съ молокомъ» и уже пожилую, страшно некрасивую жену,—спросите, и вамъ почти всегда расскажутъ о такомъ бракѣ. Не удался этотъ прибыльный маневръ, и нашему Адонису приходится приложить свои таланты къ другому занятію, сдѣлавшись низкопробнымъ Альфонсомъ, этой ночной грезой парижскихъ улицъ. Меня поразило въ мемуарахъ Маса мѣсто, гдѣ этотъ бывший начальникъ парижской полиціи говоритъ о томъ, что лица, живущія эксплуатаціей проституціи, такъ называемые «souteneurs», преимущественно вербуются между прикащиками-мясниками: уже одна «баранья кость» (os de mouton), не менѣе страшная въ рукахъ этихъ господъ, чѣмъ нашъ разбойничій кистень, достаточно указываетъ на связь между двумя профессіями.

Но я говорилъ здѣсь о сравнительно привилегированномъ положеніи главного прикащика. Что же сказать о жизни обыкновенныхъ мясниковъ, которые получаютъ лишь 10—15 фр. въ недѣлю, подымаясь въ крайнемъ случаѣ до 20 фр., но спускаясь за то до 5 фр., или о положеніи подростковъ на побѣгушкахъ, которые работаютъ цѣлый день за пищу и квартиру? Каково ихъ будущее и не послѣдуютъ ли они примѣру главного прикащика?

Жизнь рабочаго въ колбасной представляется настоящимъ адомъ въ сравненіи съ жизнью мясниковъ. Читатель, который зайдетъ въ кокетливую съ позолотами и зеркалами, выложенную лавку (въ хорошихъ кварталахъ одно это убранство стоитъ до 3000 фр.), и не подумаетъ, конечно, что за существованіе владать позади или внизу этой лавки люди, приготовляющіе въ «кухнѣ» всѣ эти аппетитныя вещи подъ руководствомъ патрона! Заработная плата главного колбасника (chef) не превосходитъ 25 фр. въ недѣлю; простые работники получаютъ не болѣе 10 фр., а порою менѣе 5 фр. Правда, столъ и квартиру они получаютъ отъ хозяина. Но это только позволяетъ послѣднему уменьшать ихъ заработную плату деньгами. Лишній ротъ при всей этой громадной массѣ изготовляемой на продажу провизіи и не чувствуется. Что касается до квартиры, то это небольшая комнатка, въ которой рабочіе принуждены спать по два

*) L. c., стр. 227.

въ кровати и которая находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ невыносимо жаркой и душной кухней. Въ этой то кухнѣ рабочіе и проводятъ 15—16 часовъ въ сутки (съ 5 часовъ утра до 9 вечера, съ небольшими перерывами), а въ горячее время, подъ Рождество, изнемогаютъ подъ бременемъ двадцатичасовой работы, не ложась раньше полуночи, чему способствуетъ сама «патріархальная» обстановка ремесла, которая мѣшаетъ всякому контролю фабричныхъ инспекторовъ: извольте прослѣдить нарушеніе правилъ ночного труда рабочими, которые спятъ чуть не у самой печи!.. Въ довершеніе всего прибавьте профессиональныя болѣзни, которыя вызываются постояннымъ пребываніемъ въ страшно-высокой температурѣ,—воспаленіе легкихъ, желудочныя катарры,—такъ называемую «грыжу колбасниковъ», которая вызывается возмутительной небрежностью хозяина, приказывающаго рабочимъ воровать зачастую непосильные грузы мяса и сала, и вы составите себѣ приблизительное понятіе объ условіяхъ жизни персонала колбасныхъ.

Въ булочныхъ соединяются нѣсколько въ высшей степени неблагоприятныхъ условий труда: длинный рабочий день, постоянное пребываніе въ черезчуръ нагрѣтой атмосферѣ, ночной трудъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что по большей части работа начинается въ 3—4 часа пополудни и продолжается до 6—7 часовъ слѣдующаго утра, что составляетъ около 15 часовъ или, съ перерывами и отдыхомъ, по крайней мѣрѣ 12 часовъ интенсивнаго труда. Главный пекарь (такъ называемый *brigadier*), работая до полного истощенія, — ремесло не знаетъ праздниковъ, — можетъ достигнуть до 10 фр. въ день, считая плату за добавочныя партіи хлѣба. Его помощники въ лучшемъ случаѣ зарабатываютъ 6—7 фр. въ день. Къ 35 годамъ здоровье булочниковъ уже расшатано; напряженный трудъ въ страшномъ жару лишаетъ человѣка аппетита и, чтобы поддерживать себя, ему приходится прибѣгать къ легкой и вмѣстѣ питательной пищѣ, а такая обходится сравнительно дорого: до 4 фр. въ день; вѣчная испарина вызываетъ хроническую жажду и фатально ведетъ пекаря къ алкоголизму: вино необходимо ему не только для утоленія этой жажды, для возбужденія отсутствующаго аппетита, но и для поддержанія искусственной бодрости во время ночной работы, когда человѣка клонитъ ко сну. Зимой булочникъ выпиваетъ ежедневно около 2 литровъ вина, а лѣтомъ вдвое больше, т. е., значить, минимумъ франка на два съ половиной. Присоедините къ этому расходы на бѣлье и фланелевыя куртки, которыя необходимы противъ простуды и которыя быстро ветшаютъ отъ поту и пыли: въ годъ расходъ на одежду пекаря доходитъ до громадной сравнительно цифры въ 250 фр. Если вы подведете итогъ всѣмъ издержкамъ, то вы найдете, что все существованіе даже первостепеннаго булочника сводится единственно къ поддержанію рабочаго организма: онъ ѣстъ, чтобы имѣть возможность работать, а работаетъ, чтобы проѣдать заработокъ. Я уже не го-

ворю о болѣзняхъ, связанныхъ съ этой профессіей и которыя подстерегаютъ его на каждомъ шагѣ, чтобы свалить при первой осторожности: ревматизмы, болѣзни органовъ дыханія и пищеваренія крайне распространены въ этой средѣ.

Но есть существа, прямо несчастныя среди рабочаго персонала булочныхъ: это разнощицы хлѣба, которыя доставляютъ намъ его раннимъ утромъ, когда мы зачастую отдыхаемъ еще отъ нашихъ великихъ трудовъ. Съ 6 и до 12 часовъ утра эти женщины неутомимо снуютъ по улицамъ, зачастую въ грязь и холодъ, толкая свою крытую, на манеръ громаднаго ларца, тележку, отъ которой у насъ съ вами, интеллигентный читатель, отломались бы руки; онѣ оставляютъ ее у воротъ дома и разносятъ хлѣбъ «клиентамъ», зачастую взбираясь до шестого этажа. И сколько такихъ этажей пересчитаютъ онѣ за день, возвращаясь пять-шесть разъ въ булочную, чтобы снова и снова наполнить повозку. Плата—15 франковъ въ недѣлю и килограммъ хлѣба въ день. Живи, работай, гражданка!..

Въ кондитерскихъ непосильный трудъ и крайне неправильные часы для принятія пищи представляютъ характерныя черты ремесла. Здѣсь плата обыкновенно помѣсячная: главный кондитеръ (*chef de fourneau*) получаетъ до 200 франковъ; обыкновенные кондитеры половину и четверть того. Пища дается отъ хозяевъ. Рабочій день начинается по буднямъ въ 7 часовъ утра и, съ легкимъ перерывомъ для завтрака, продолжается до 7 часовъ вечера. Но по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ здѣсь настоящій адъ. Уже въ 6 часовъ всѣ на мѣстѣ, и самая напряженная работа идетъ до 11 ч. Затѣмъ короткий завтракъ, и послѣ полудня начинаютъ приходить заказы къ вечернему столу, чѣмъ дальше, тѣмъ все оживленнѣе и оживленнѣе. Въ 4 часа кондитеры подавлены этими заказами; въ 5 часовъ приходятъ еще запоздалыя требованія по телефону, такъ что раньше 8 часовъ нельзя отойти отъ печи. Но въ особенно экстренныхъ случаяхъ, въ день или наканунѣ большихъ праздниковъ (напр., 6 января, традиціонный «*jour de roi*», соответствующій нашему Богоявленію), работа начинается въ 5 часовъ утра и кончается за полночь, такъ что рабочіе и ученики не имѣютъ порою и трехъ часовъ сна за цѣлыя сутки. Вотъ о чемъ говорить кондитерскій пирогъ, прибытія котораго хозяйка ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ къ праздничному обѣду, расточая проклятія по адресу неаккуратныхъ поставщиковъ!..

Мнѣ понадобился бы весь лиризмъ Брилья-Саварена, чтобы изобразить достойными красками казовую сторону парижскихъ ресторановъ, нѣкоторые изъ коихъ приобрѣли всемірную извѣстность среди гастрономовъ. Но я беру себѣ болѣе посильную задачу: посмотреть на обратную сторону этой блестящей медали, противопоставить тому,

что посѣтителѣ видятъ въ этихъ храмахъ «потребительныхъ священнодѣйствій», то, чего не видятъ они и что скрыто въ полумракѣ подвального этажа и въ чадной атмосферѣ кухни (какъ видите, я припоминаю почтеннаго Бастіа и его «*ce qu'on voit et ce qu'on ne voit pas*»). Я лишь мимоходомъ упомяну о знаменитомъ домѣ Поталь и Шабо, который, собственно говоря, принадлежит не къ категоріи ресторановъ, а къ подрядчикамъ гастрономическаго искусства, создающимъ свои высокопрочувствованныя кулинарныя поэмы (*sit venia verbo!*) лишь по заказу. Къ этой доблестной фирмѣ, равно какъ къ нѣкоторымъ другимъ домамъ (напр. Шеве) обращаются даже сильные міра сего, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы дать обѣдъ на славу. Въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ президентскіе и министерскіе повара уступаютъ мѣсто великимъ артистамъ кухни и официантамъ Поталья и Шабо. И меня лишь удивляетъ, какъ дешево успѣваетъ правильно поставленная капиталистическая фирма заручаться подобными артистами. Вы, конечно, слышали о невѣроятныхъ суммахъ, какія платятся поварамъ разными высокопоставленными гастрономами. Не то у знаменитыхъ подрядчиковъ: главный поваръ (такъ называемый *gros bonnet*) получаетъ въ мѣсяцъ 400 фр. и даровую пищу, что въ годъ, очевидно, не превышаетъ пяти съ половиною тысячъ; специалистъ по части соусовъ (*saucier*) имѣетъ въ общемъ не болѣе 3000 фр.; заведующій закусками около 1800 фр.; и такъ,—спускаясь по этой лѣстницѣ функцій вплоть до второстепенныхъ и третъестепенныхъ помощниковъ, годовая плата которыхъ не превышаетъ (деньгами и натурою) 1100 фр.,—и это за 13 часовъ труда (съ 7 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ перерывомъ для завтрака). Но, повторяю, описаніе этихъ домовъ не входитъ въ мою задачу. Зато я нѣсколько больше останавлиюсь на собственно ресторанахъ и главнымъ образомъ на первоклассныхъ: контрастъ между удобствами и комфортомъ посѣтителей и условіями жизни работающаго и прислуживающаго персонала имѣетъ свой краснорѣчивый смыслъ.

Такіе первоклассные дома извѣстны, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ чуть не каждому парижанину; ихъ имя вы нерѣдко встрѣтите въ газетныхъ отчетахъ о разныхъ политическихъ и просто—шалопаискихъ банкетахъ; въ нихъ модные романисты помѣщаютъ зачастую перипетіи страсти между свѣтскими героями и героинями своихъ произведеній. Это, скажемъ, *maison Dorée* (на Итальянскомъ бульварѣ), славный не столько своими блюдами, сколько обычными посѣтителями,—богатѣйшими банкирами и шикарными кокетками. Это—*café Anglais* (тоже на Итальянскомъ бульварѣ), вина котораго гремятъ среди «интернаціональныхъ жуировъ» въ Европѣ и за океаномъ. Это—*café Durand*, претивъ церкви св. Магдалины, въ которомъ генераль Буланже прокушалъ не малую долю изъ трехъ милліоновъ, данныхъ герцогиней Д'Юзесъ на агитацію. Это—несравненный по своему вѣдшему великолѣпію ресторанъ П. Кюба (Р. Су-

bat), бывшаго повара Александра II, ресторанъ, который занимаетъ, на Елисейскихъ поляхъ, прежній отель танцовщицы Пайвы, изукрашенный художественными фресками, картинами и скульптурными произведеніями и т. п. Цѣны во всѣхъ такихъ домахъ разсчитаны на исключительно богатую или исключительно шальную публику. Самый скромный завтракъ стоитъ лундоръ; съ винами онъ колеблется между 50 и 100 фр.; максимума, разумѣется, не полагается. Каково же положеніе рабочаго персонала? Чтобы меня не обвинили въ умысленномъ противопоставленіи, я процитирую дословно официальный документъ министерства торговли: «Дурныя гигиеническія условія, отвратительное помѣщеніе! Все въ этихъ модныхъ ресторанахъ принесено въ жертву внѣшнему блеску: въ кухняхъ не достаётъ воздуха; кромѣ того, строго запрещается отворять форточку, чтобы дурной запахъ не обезпокоилъ посѣтителей. Поэтому преждевременная анемія, воспаленіе легкихъ и алкоголизмъ производить страшныя опустошенія среди этого рабочаго населенія. Намъ часто приходилось слышать во время официального изсѣдованія: «да что, 35-лѣтній поваръ между нами уже настоящій старикъ». Особенно жалуются тѣ, которые моютъ посуду» *). Читатели, обратили вы вниманіе на видъ этихъ роскошныхъ салоновъ, на цѣну этихъ яствъ и на все великолѣпіе картины, которая развертывается тамъ вверху, въ надземномъ Парижѣ? Теперь посмотрите на этихъ анемичныхъ и умирающихъ отъ ужасныхъ условій рабочихъ, которые кишатъ тамъ внизу, въ аду, малѣйшая щелка котораго забита, чтобъ не «обезпокоить» деликатныя ноздри небожителей! Послѣ этого—невольно опускается перо, и кажется вполне понятной и естественной жизнь вѣчныхъ рабовъ кухоннаго ада. Вы уже почти машинально читаете официальный отчетъ: въ большихъ отеляхъ и знатныхъ клубахъ «тяжелое существованіе; кухни, дурно устроенныя и поставленныя въ ужасныя гигиеническія условія; пища безвкусна и недостаточна въ виду требуемой суммы работы: она цѣлый годъ состоитъ изъ вареной говядины. Атмосфера кухонъ превосходитъ порою 40°. Въ результатъ этого—анемія и алкоголизмъ» **). Или дайте относительно столь популярныхъ въ Парижѣ ресторановъ Дювала и прочихъ заведеній средней руки: «Очень изнурительный трудъ требуетъ по крайней мѣрѣ одного или двухъ дней отдыха ежемѣсячно. Иные повара работаютъ въ году едва 300 дней, вслѣдствіе частаго заболѣванія» ***). Или, наконецъ, относительно дешевыхъ ресторановъ: «Запертые въ нездоровыхъ кухняхъ, въ числѣ пяти или шести, повара этой категоріи должны приготовить ежедневно до 600 порцій; изъ нихъ 300 порцій въ промежуткѣ между 6 и 8 часами вечера...

*) L. с., стр. 158.

**) L. с., стр. 149.

***) *ibid.*, стр. 163—164.

Усталость и болѣзнь заставляютъ ихъ покидать мѣсто еще чаще, чѣмъ непосидчивость. И никакой возможности перейти въ положеніе предпринимателя вслѣдствіе безработицы и истощенія силъ... *).

Н К.

Дневникъ Журналиста.

I.

Недавно въ *«Новомъ Времени»* мы прочли въ высшей степени важное сообщеніе, которое конечно обрадовало всѣхъ, искренно желающихъ мирнаго и правильнаго прогресса всѣхъ мѣстностей и частей русской имперіи, какъ бы они ни назывались, центромъ или окраиной, коренными или иными областями. Заимствуемъ это интересное сообщеніе: «По слухамъ, правдоподобность которыхъ не вызываетъ сомнѣній, на очередь поставлено введеніе земскихъ учреждений въ Западномъ краѣ. Не такъ давно въ петербургскихъ газетахъ была напечатана телеграмма изъ Ковны, что тамъ начались подготовительныя совѣщанія по вопросу о предстоящемъ введеніи въ Ковенской губерніи земства. Въ петербургской польской газетѣ *«Крај»* находимъ рѣшительное подтвержденіе важнаго извѣстія, что по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ въ губернскихъ городахъ Западнаго края образованы, подъ предводительствомъ губернаторовъ, спеціальныя комисіи во вопросу о введеніи въ этихъ губерніяхъ земскаго самоуправления. Нѣтъ надобности, полагаемъ, подробно указывать на огромную важность подобной реформы. Остается пожелать, чтобы не однимъ только губерніямъ, входящимъ нынѣ въ составъ кievскаго и виленскаго генералъ-губернаторствъ, посчастливилось скорѣе получить земское самоуправленіе. Никакъ не въ меньшей степени могутъ желать и желаютъ ихъ и другія губерніи Россіи; кстати же недавно и государственнымъ совѣтомъ отмѣчено наступленіе времени для соображенія о повсемѣстномъ введеніи земскаго хозяйства».

Мы не знаемъ, изъ какихъ источниковъ *«Новое Время»* и *«Крај»*, почерпнули свои свѣдѣнія «правдоподобность которыхъ не вызываетъ сомнѣній», но если руководствоваться тѣми данными, которыя проникаютъ въ печать, то опасенія *«Новаго Времени»*, что могутъ быть забыты неземскія губерніи, не входящія въ составъ кievскаго и виленскаго генералъ-губернаторствъ, едва ли

*) *ibid.*, стр. 156:

основательны. Такъ одновременно съ телеграммою объ образованіи въ Ковнѣ комиссіи для подготовительныхъ работъ по введеніи земскихъ учреждений, появилось въ газетахъ совершенно аналогическое извѣщеніе о выработкѣ такихъ же основаній архангельскою губернской администраціей. Нѣсколько раньше сообщалось также, что военное вѣдомство озабочено вопросомъ о тѣхъ особенностяхъ, которыя надлежитъ внести въ земское положеніе для примѣненія его къ остальнымъ областямъ. Если къ этому присоединить ходатайство тифлискаго дворянства о введеніи земскихъ учреждений въ закавказскихъ губерніяхъ, а также неоднократно появлявшееся въ печати извѣстіе объ изученіи подлежащими вѣдомствами вопроса о введеніи городского положенія въ городахъ Царства Польскаго, то представится достаточное количество данныхъ для надежды на распространеніе благъ и преимуществъ самоуправленія на районъ, гораздо болѣе обширный, чѣмъ онъ намѣченъ выше цитированною замѣткою петербургской газеты.

До сихъ поръ вся Россія дѣлилась на двѣ почти равныя, но не равновѣсныя части: земскую изъ тридцати четырехъ губерній, простирающуюся отъ границъ Финляндіи до Чернаго моря, и остальную, лежащую къ Западу и Востоку отъ привилегированной полосы и лишенную земскихъ учреждений, частью же и городскихъ и новаго суда. Постепенно судебная реформа вводилась и въ этихъ мѣстностяхъ, такъ что въ настоящее время, послѣ окончательнаго рѣшенія распространить ее и на сибирскія губерніи, только Туркестанъ остается внѣ района ея примѣненія. Городовое положеніе также постепенно распространяло свою компетенцію, такъ что въ настоящее время, кромѣ Туркестана, только Царство Польское еще не пользуется правами городского самоуправления. Повидимому, существуетъ надежда, что это исключеніе въ скоромъ времени прекратится, и городское населеніе этого края, отличающееся своею культурностью и трудолюбіемъ, получить возможность само вѣдать и устраивать свои городскія дѣла. Въ западномъ крайѣ давно уже введено городское самоуправленіе, и отъ этого до сихъ поръ никто никакихъ неудобствъ не чувствовалъ. Между тѣмъ, если этнографическій и религіозный составъ сельскаго населенія Западнаго края и отличается отъ сельскаго населенія польскихъ губерній, то городское населеніе, особенно литовскихъ губерній, едва-ли существенно отличается отъ городовъ Царства. Ясно, что удобное для однихъ, будетъ удобно и для другихъ. Городская и судебная реформы шли въ Польшу черезъ западный край. Повидимому, этимъ же путемъ пойдетъ и земская реформа. Какъ ни важна городская реформа, но блага, которыя несетъ съ собою земская, въ значительной степени заслоняютъ собою болѣе ограниченное значеніе городского самоуправления. Стоитъ только сравнить состояніе земскихъ и неземскихъ губерній, чтобы вполне оцѣнить благотворное значеніе земскаго самоуправления. Введеніе земскихъ учреждений въ запад-

номъ край имѣеть, кромѣ того, большое политическое значеніе, какъ признаніе, что край этотъ возвращается къ нормальнымъ общеперскимъ условіямъ жизни, и окончательно сдаются въ архивъ исторіи всѣ печальныя наслѣдія эпохи возстанія и его подавленія. Новымъ шагомъ къ такой же ликвидаціи этого наслѣдія въ Царствѣ Польскомъ надо считать введеніе городского самоуправления. Можно надѣяться, что успѣхъ этой реформы, какъ и распространеніе земскихъ учреждений на девять западныхъ губерній, ускорить ихъ распространеніе и на польскія губерніи, завершивъ этимъ возстановленіе нормальнаго порядка, нарушеннаго тому назадъ тридцать три года.

Распространеніе земскаго самоуправления на мѣстности имперіи, лежащей къ западу отъ нынѣшней земской Россіи, имѣеть перво-степенное значеніе, культурное, экономическое и политическое. Последняго значенія не имѣеть введеніе земскихъ учреждений въ полосу, лежащую къ Востоку отъ земской Россіи, но культурное и экономическое значеніе его не менѣе велико.

Вопросъ о введеніи земскаго самоуправления въ Кубанской области интересенъ между прочимъ и потому что область эта лежитъ въ предѣлахъ кавказскаго намѣстничества. Судебная реформа давно введена на Кавказѣ; городское самоуправленіе тоже давно совершенно успѣшно функціонируетъ въ главныхъ городахъ Кавказа; дѣятельность дворянскихъ собраній никогда не прерывалась въ край. Я уже упоминалъ, что недавно тифлисское дворянство возбудило ходатайство о введеніи земскихъ учреждений.

Вышеупомянутые слухи о Кубанской области и приведенное *Новымъ Временемъ* постановленіе Государственнаго Совѣта, которымъ «отмѣчено наступленіе времени для соображенія о повсемѣстномъ введеніи земскаго хозяйства» подають надежду, что тифлисское ходатайство можетъ рассчитывать на успѣхъ. Весьма возможно, что недавно присоединенныя области, какъ Карсская и Батумская, или такія сплошь магометанскія, какъ Дагестанъ, могутъ представить нѣкоторыя затрудненія при соображеніяхъ о распространеніи земскихъ учреждений, но безъ сомнѣнія никакихъ затрудненій не можетъ оказаться для земскаго самоуправления въ такихъ губерніяхъ, какъ Тифлисская, Кутаисская или Ставропольская.

Кромѣ Запада, Кавказа и казачьихъ областей, въ Европейской Россіи не введено земство въ губерніяхъ балтійскихъ, а также въ Архангельской, Оренбургской и Астраханской и въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи. Последнее даже какъ-то странно. Точно Россія не считаетъ край окончательно присоединеннымъ и не вводитъ общаго управленія. Дѣло, конечно, проще. Внѣшнее затрудненіе—въ томъ, что въ Измаильскомъ уѣздѣ нѣтъ дворянства (города населены русскими старобранцами, а села болгарами и въ небольшомъ числѣ малороссами), но едва ли дѣло, главнымъ обра-

зомъ, не въ томъ же обстоятельствѣ, вслѣдствіе котораго было упразднено земство въ Донской области и за тридцать лѣтъ не было распространено ни на одну губернію. Это сомнѣніе въ благотворности земскаго самоуправленія оказалось и въ нѣкоторыхъ реформахъ этого періода. Повидимому, сомнѣніемъ этимъ наступилъ конецъ и дѣло самоуправленія, заложенное тридцать два года тому назадъ, получить новый толчекъ и даруетъ свои преимущества всей имперіи. Въ Россіи всего считается около 115 милліоновъ населенія, причѣмъ на долю земской Россіи приходится безъ малаго 60 милліоновъ. Остальные же 55—56 милліоновъ обитаютъ за предѣлами привилегированной полосы. Нельзя не приветствовать рѣшительнаго намѣренія отмѣнить это ненормальное дѣленіе государства на двѣ почти равныя по численности населенія полосы, живущія въ существенно различныхъ условіяхъ общественнаго и культурнаго развитія. Распространеніе городской и судебной реформы на Сибирь возбуждаетъ надежду, что и въ земскомъ дѣлѣ это начатое уравниеніе правъ разныхъ частей имперіи не остановится на границахъ Европейской Россіи. Для такихъ губерній, какъ Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская, введеніе земства встрѣтитъ не большее затрудненіе, нежели оно встрѣтило въ Пермской и Вятской губерніяхъ, гдѣ тоже очень слабъ земледѣльческій классъ и почти вовсе отсутствуетъ дворянство.

Если общество съ справедливымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ земскаго самоуправления и за измѣненіемъ условій его дѣятельности, то меньшій интересъ представляетъ и его количественное *распространеніе*, дѣлающее изъ него не привилегію, а нормальное условіе національнаго и государственнаго быта. Съ этой точки зрѣнія свѣдѣнія, послужившія поводомъ къ этимъ замѣткамъ, касаются событій, которыя придется причислить къ важнѣйшимъ въ области нашей внутренней жизни за послѣднее время.

II.

Въ то время, когда наша общественная жизнь мало по малу начинаетъ освобождаться отъ летаргіи и апатіи, оживляется движеніе идей, возбуждается общественный интересъ къ вопросамъ внутренней жизни, эти вопросы получаютъ новое движеніе, можно было бы пожелать болѣе, чѣмъ когда либо, внѣшняго мира и спокойствія, досуга для работы надъ настоящими вопросами внутренней жизни, общественной и государственной. Вопросы экономическіе и финансовыя (хотя бы такіе, какъ сибирская дорога, винная монополія и возстановленіе металлическаго обращенія), вопросы просвѣщенія и культуры (общее народное образованіе, реформа средняго, расширеніе средствъ къ высшему), вопросы управленія и самоуправления (какъ намѣченные выше, въ первомъ параграфѣ этого *Дневника*) и многіе другіе, уже во весь ростъ

поставленные жизнью, всё требуют мира, спокойствия и досуга. И в это то время «больной человек», так давно беспокоящий Европу и медленно умирающий на ее руках, заматасился на своем ложу и требует напряженного внимания. Повидимому, он не хочет нам дать столь желанного досуга. Да и Европа начинает как будто требовать от России больше инициативы в делах, совершающихся на берегах Босфора. Ее публицисты и ораторы вызывают к традициям русской освободительной политики и готовы ставить в упрек современной русской дипломатии ее старание продлить status quo. Мы не посвящены в секреты русской и всякой иной дипломатии. Полагаем, что не более того осведомлены и многие наши собратья по журналистике, пробующие, однако, обсуждать ее намерения, обвинять и оправдывать. Мы не последуем их примеру и полагаем, что не в этом заключается и наша задача, как журналистов. Наше дело — выяснить общее положение, различные исторические силы, сопричастующие при данном событии, возможные и вероятные последствия их деятельности, откуда, смотря по точке зрения, выяснятся и общие задачи целесообразной политики. Частные же задачи каждого данного исторического момента не видны журналисту, не посвященному в тайны дипломатических канцелярий.

Еще недавно, в мартовском и апрельском *Дневнике*, мы обсуждали восточный вопрос и его современный фазис. Мы заключили наш анализ предположением, что наступила некоторая отсрочка в движении этого большого и опасного вопроса. Добившись утверждения султаном проекта реформ для Армении, как он был выработан Россией, Францией и Англией, дипломатия в самом деле достигла отсрочки по крайней мере на время, необходимое для введения реформ и их испытания. События однако не захотели поддержать усилий дипломатов и вновь обострили положение дела, притом до степени, в высшей мере опасной. Дипломатии опять пришлось вложить свои изношенные, полустгнившие заплаты и до сих пор еще невозможно утверждать, насколько удалось ей это. События эти так грозны, значение их именно для России так важно, а общий их исторический интерес так значителен, что мы остановимся прежде всего на их фактическом обзоре, чтобы потом уже попытаться дать им некоторое возможное истолкование.

Прошлой зимой, как уже упомянуто, был выработан англо-франко-русскою дипломатией проект реформ для Армении, тогда же утвержденный султаном. Познакомимся с сущностью этих реформ. В турецкой империи, как и всюду, низшею административною единицею является община, сельская и городская. Общины управляются единолично начальниками, частью наследственными, частью назначаемыми высшею администрацией. Эти мэры и старосты называются мухтарами и представляют низших административных

агентовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ населенію. Произволь и деспотизмъ мухтаровъ, назначеніе въ христіанскія общины мухтарами магометанъ, состоящіе при нихъ полицейскіе изъ магометанъ же, сборъ ими податей, сопровождаемый массою злоупотребленій, насилій и вымогательствъ, представляются повсемѣстнымъ зломъ турецкаго управленія. Реформы, выработанныя державами, и обратили прежде всего вниманіе на это явленіе. Онѣ установили во-первыхъ, что общины должны быть однороднаго вѣроисповѣднаго состава, такъ что если данное поселеніе заключаетъ въ себѣ жителей разныхъ религій, то образуется столько же общинъ, вполне другъ отъ друга независимыхъ. Мухтары болѣе не должны назначаться, но свободно избираться общимъ собраніемъ членовъ общины (ст. V, п. 15). При мухтарѣ состоитъ постоянный совѣтъ старѣйшинъ общины, на который возлагается и юстиція въ нѣкоторыхъ простѣйшихъ случаяхъ (ст. VI, п.п. 17 и 18). Для сбора податей община избираетъ (ст. XIV, п. 30) особаго сборщика, а чиновники правительства не имѣютъ права вмѣшательства. Въ случаѣ недоимокъ взысканіе происходитъ чрезъ судебныя власти (ст. XV, п. 31). Недоимка пополняется продажей имущества недоимщика, но продажѣ не подлежатъ ни предметы первой необходимости, ни необходимыя орудія хозяйства. Принудительныя отработки недоимки воспрещаются.

Извѣстное число сельскихъ общинъ соединяется въ Турціи, какъ и всюду, въ небольшія территоріальныя единицы, имѣющія, впрочемъ, болѣе административное, нежели хозяйственное значеніе. Такія волости называются *нахіями*, а ихъ начальники—*мудирами*. Это очень важный для населенія чиновникъ, потому что въ его рукахъ находятся полицейская стража и онъ находится въ прямомъ сношеніи съ высшимъ начальствомъ, которое располагаетъ войсками и жандармами, тюрьмами и палачами. Мудиръ тоже обыкновенно назначается администраціей, всегда изъ магометанъ такъ же, какъ и подчиненная имъ полицейская стража. Проектъ реформъ обратилъ вниманіе и на этотъ институтъ. Отнынѣ мудиръ долженъ выбираться на собраніи представителей всѣхъ общинъ данной нахіи (ст. V, п. 8). Если въ нахіи смѣшаны христіанскія и магометанскія общины, то мудиръ долженъ исповѣдывать религію большинства, но къ нему приставляется депутатъ, тоже выборный, но исповѣдующій религію меньшинства. Онъ опротестовываетъ всякое неправильное рѣшеніе мудира и переноситъ въ совѣтъ нахіи, гдѣ, кромѣ мудира и депутата участвуютъ еще четыре выбранныхъ члена. Полиція нахіи (ст. VII, п. 21) подчинена мудиру и заключается въ себѣ христіанъ и магометанъ пропорціонально ихъ численности въ нахіи. Нахія можетъ содержать кромѣ того (ст. IX, п. 24) особую сельскую стражу. На совѣтъ нахіи возлагаются судебныя обязанности, соответствующія компетенціи европейской мировой юстиціи.

Нахіи, составленныя изъ сельскихъ общинъ, и городскія общины,

расположенные на той же территории, соединяются въ Турціи въ административныя единицы (въ родѣ нашихъ уѣздовъ), которые называются *казами*, а ихъ начальники *каймаками*. Это уже значительные чиновники, нерѣдко носящіе званіе паши и всегда назначаемые приказами султана. Излагаемое нами положеніе о реформахъ оставляетъ неприкосновеннымъ этотъ порядокъ, но требуетъ, чтобы каймакамъ исповѣдывалъ религію, исповѣдуемую большинствомъ населенія его казы (ст. II, п. 3), чтобы штатъ его управленія состоялъ изъ христіанъ и магометанъ пропорціонально ихъ численности въ казѣ (ст. III, п. 5) и чтобы при немъ для контроля и совѣщанія состоялъ совѣтъ, избираемый населеніемъ (ст. IV, п. 6).

Казы соединяются въ *санджаки*, управляемые *мутесарифами* (всегда пашами), а санджаки—въ *вилайеты*, управляемые *валіями*, принадлежащими по рангу къ высшимъ сановникамъ имперіи. Конечно, и мутесарифы и валіи назначаются султаномъ. Проектъ это оставляетъ неприкосновеннымъ, но придаетъ тѣмъ и другимъ совѣты, избираемые населеніемъ и имѣющіе значеніе исключительно совѣщательныхъ собраній. Чиновники мутесарифовъ и валіевъ, какъ и ихъ жандармерія, должны состоять изъ христіанъ и магометанъ пропорціонально численности того и другого вѣроисповѣданія въ области. Если прибавить къ этому нѣкоторыя спеціальныя постановленія, ограничивающія кочеваніе курдовъ и обязывающія ихъ разоружить, то мы исчерпаемъ все существенное въ положеніи объ армянскихъ реформахъ. Важнымъ постановленіемъ должно считать образованіе контрольной комиссіи въ Константинополѣ, наблюдающей за введеніемъ реформъ и находящейся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ посольствами.

Положеніе это, конечно, очень далеко отъ задачи освобожденія армянъ, но было бы способно оградить ихъ элементарныя права, личныя и имущественныя, если бы можно было надѣяться на его дѣйствительное примѣненіе. Можно-ли на это надѣяться безъ европейской оккупации, вотъ въ чемъ сомнѣваются всѣ знатоки турецкаго быта. Надо сознаться, что исторія только подтверждаетъ эти сомнѣнія. Не будемъ, однако, забѣгать впередъ и вернемся къ изложенію фактовъ.

Послѣ утвержденія султаномъ этого положенія, была образована вышеупомянутая контрольная комиссія въ Константинополѣ; а на мѣсто въ Арменію былъ командированъ, въ качествѣ чрезвычайнаго султанскаго комиссара съ чрезвычайными правами Шакиръ-паша, одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей Турціи, внушающихъ нѣкоторое довѣріе. Можно было сначала ожидать, по крайней мѣрѣ, попытки осуществить реформы, хотя бы временно. Пять вилайетовъ были признаны армянскими, именно Эрзерумскій, Ванскій, Битлисскій, Карнутскій и Діарбекирскій. Особымъ постановленіемъ дѣйствіе положенія о реформахъ было распространено еще на Зейтунскую казу вилайета Алеппо. Шакиру-пашѣ были подчинены всѣ

власти и войска этого обширнаго края, и онъ отправился обозрѣвать его для подготовленія порученнаго ему дѣла. При участіи державъ было заключено соглашеніе съ зейтунцами, и дипломатія думала отдохнуть на лаврахъ. Больной организмъ сказался, однако, воспаленіемъ въ другомъ мѣстѣ. Заволновался Критъ и надъ Европою снова нависли грозовыя тучи.

Критское дѣло очень характерно для уясненія методовъ турецкаго хозяйничанія. Съ этой точки зрѣнія мы вкратцѣ остановимся на немъ. Послѣ трехлѣтняго возстанія 1866—1868 г. критяне, при посредничествѣ державъ, но безъ ихъ гарантіи, добились отъ Порты очень важныхъ уступокъ, извѣстныхъ подъ именемъ халепскаго договора. Криту было даровано самоуправленіе; всѣ низшія должности, мухтары и мудиры должны быть выборными; на высшія должности, вплоть до самаго валиа, должны назначаться христіане; полиція состоитъ изъ христіанъ и магометанъ; при валии состоитъ особое періодическое созываемое народное собраніе, безъ согласія котораго не можетъ быть издаваемо законовъ. Осуществленіе этихъ реформъ тогда обезпечивалось фактическимъ состояніемъ острова, который былъ въ рукахъ критянъ. Туркамъ оставалось только не мѣшать установившагося порядка вещей и ввести его въ законныя нормы. Первое время это и было такъ, но мало-по-малу, введя на островъ значительные гарнизоны и вооружая мусульманское населеніе (составляющее около трети жителей), турки начали постепенно нарушать договоръ. Отдѣльныя вспышки вооруженнаго сопротивленія со стороны христіанъ подавлялись и мѣстности эти подчинялись новому военному режиму, отмѣнявшему ранѣе выговоренныя права. Отсюда эта отмѣна правъ и автономіи распространялась то на тотъ, то на другой сосѣдній округъ, которому оставалось или безмолвно подчиняться, или браться за оружіе изолированно и терпѣть пораженіе. Постановленія договора о центральномъ управленіи тоже постепенно отмѣнялись, если не юридически, то фактически. Чиновники и сами губернаторы давно назначались изъ магометанъ. Народное собраніе не созывалось. Обычная коррупція турецкой администраціи, обычный фанатизмъ мусульманскаго населенія и обычная разнузданность турецкой солдатчины привели, наконецъ, къ тому, что весной этого года вся западная половина Крита взялась за оружіе. Дипломаты, только что уладившіе было армянскія затрудненія, увидѣли себя лицомъ къ лицу съ новыми. Эти новыя затрудненія могли бы научить дипломатію между прочимъ и тому, что если бы и дозволено было Шакиру-пашѣ ввести армянскія реформы (ему это дозволено не было, какъ мы ниже увидимъ), то и тогда это было бы спектаклемъ на короткій срокъ. Потому все было бы потихоньку отобрано.

Внимательство державъ, но болѣе всего грозныя событія въ самомъ Константинополѣ побудили Порту уступить въ Критскомъ вопросѣ, причемъ новый договоръ взять подъ гарантію державъ. Въ

существенномъ подтвержденъ лишь халепскій договоръ, но гарантія державъ и назначеніе валия на 5 лѣтъ съ согласія державъ является очень важнымъ. Этимъ Критъ пріобрѣтаетъ политическую автономію. Возможны еще разныя частичныя недоразумѣнія, но въ существенномъ вопросъ можно считать порѣшеннымъ. Такія рѣшенія возможны и въ другихъ мѣстностяхъ Турціи, гдѣ достаточно многочисленно христіанское населеніе и гдѣ можно избѣгнуть столкновенія великодержавныхъ интересовъ и политическаго соперничества. Къ такимъ мѣстностямъ никакъ не можетъ быть причисленъ Константинополь. Между тѣмъ именно здѣсь въ настоящее время обострено положеніе и отсюда можно ожидать всякихъ сюрпризовъ. Произошло это обостреніе первоначально на почвѣ армянскаго вопроса. Пользуясь тѣмъ, что вниманіе Европы было отвлечено опаснымъ положеніемъ на Критѣ, волненіями въ Македоніи, возстаніемъ друзовъ въ Сиріи и англо-египетскими дѣлами, Турція подъ шумекъ отсрочила введеніе реформъ въ Арменіи, пріостановивъ на неопредѣленное время дѣятельность Шакира-паши. Въ то же время Порта назначила въ Зейтунъ, вопреки обѣщанію, каймакама изъ магометанъ. Покуда дипломаты торговались съ Портою по поводу этого зейтунскаго инцидента, Порта открыла или измыслила (кто ихъ тамъ разберетъ) новый армянскій заговоръ, смѣстила армянскаго патріарха Измирліана, назначила новыхъ членовъ церковнаго комитета и провела на патріаршую кафедру свою креатуру Бартоломіоса. Измирліану грозила ссылка въ Триполи, отъ которой его спасло лишь заступничество державъ. За то новыя избіенія армянъ произошли въ Требизондскомъ и Ванскомъ вилайетахъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда разразились ужасныя событія 14—17 августа. Заимствуемъ изъ газетъ слѣдующее фактическое описаніе этихъ достопамятныхъ дней, совершенно измѣнившихъ терминъ восточнаго вопроса. «14-го августа, во второмъ часу дня, кучка вооруженныхъ армянъ, всего какихъ-нибудь 25 человѣкъ, ворвалась въ оттоманскій банкъ, убивъ часовыхъ, разогнала служащихъ въ немъ и, забарикадировавшись, стала стрѣлять и бросать динамитныя бомбы въ осаждавшихъ банкъ полицію и солдатъ. Справиться съ этой горстью людей было-бы не трудно, еслибы она не грозила взорвать банкъ прежде, чѣмъ сдать. Въ виду этого, для переговоровъ съ осажденными явились англійскій консулъ Винцентъ и русскій драгоманъ Максимовъ. Заговорщики имъ заявили, что овладѣли банкомъ не съ тѣмъ, чтобы произвести демонстрацію противъ султана или противъ банка, а для протеста противъ державъ, которыя оставили армянъ на произволъ судьбы. Они избрали зданіе банка потому, что оно всего удобнѣе для подобной демонстраціи. Они ставятъ условіемъ, чтобы имъ были оставлены револьверы, даны были провожатые и позволено было покинуть страну. Динамитныя бомбы они сдадутъ. Условія были приняты, и поздней ночью армяне сдались Винценту и Максиму. Ихъ тотчасъ пере-

вели на яхту Максимова, гдѣ они и провели ночь. Англійское сторожевое судно «Imogene» и турецкія вѣстовыя суда охраняли яхту. На яхту были посланы русскій, англійскій и французскій драго-маны съ цѣлью устроить отъѣздъ армянъ. Между тѣмъ демонстрація армянъ привела въ ярость магометанъ, которые не замедлили начать преслѣдованіе и рѣзню армянъ въ различныхъ кварталахъ. Часть армянъ заперлась въ нѣкоторыхъ домахъ и бросала оттуда бомбы. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, наиболѣе пострадали люди безобидные. На желѣзнодорожной станціи турки перерѣзали нѣсколько десятковъ носильщиковъ и служащихъ изъ армянъ, въ томъ числѣ машиниста, котораго стащили съ паровоза. Перебиты также были армяне, нагружавшіе каменнымъ углемъ англійскій торговый пароходъ, причемъ толпа ворвалась на пароходъ, не смотря на протесты капитана. Главнымъ центромъ беспорядковъ были торговый кварталъ Галата, гдѣ разграблены магазины, и европейскій кварталъ Пера. Женщинъ и дѣтей выбрасывали изъ оконъ; одного священника варварски изувѣчили на глазахъ турецкихъ солдатъ. Полиція и войска вообще не принимали никакихъ мѣръ противъ своихъ единовѣрцевъ. Станціонеры всѣхъ держав приблизились къ городу и высадили десанты для защиты посольствъ. Если вѣрить слухамъ, турки щадили европейцевъ и убивали только армянъ, хотя трудно предположить, чтобы въ такой сумятицѣ можно было отличить армянъ отъ другихъ европейцевъ. Многіе изъ турецкихъ солдатъ ранены бомбами; есть и убитые. Между прочимъ, убиты взрывомъ бомбы четыре одалиски, проѣзжавшія по улицѣ въ экипажѣ. За четыре дня 14, 15, 16 и 17 августа жертвъ рѣзни насчитываютъ нѣсколько тысячъ. До чего доходила наглость турокъ, видно изъ того, что 17-го числа на глазахъ драгомановъ трехъ посольствъ, ѣхавшихъ въ Ильдызъ-Кіоскъ, въ окрестностяхъ Долма-Бахче, четыре турка напали на одного армянина и убили его. Драгоманъ русскаго посольства Максимовъ, выскочивъ изъ экипажа, обезоружилъ злодѣевъ и доставилъ ихъ къ ближайшему полицейскому посту. Когда послѣдній отказался задержать убійцъ, то Максимовъ какъ самихъ убійцъ, такъ и отказавшагося отъ задержанія ихъ полицейскаго комиссара препроводилъ въ Ильдызъ-Кіоскъ, гдѣ выяснилось, что одинъ изъ злодѣевъ состоитъ *придворнымъ служителемъ*. Такая-же рѣзня шла и въ окрестностяхъ Константинополя, куда бѣжали многіе армяне въ надеждѣ спастись.

«Въ Константинополѣ повсюду пропали безъ вѣсти армяне, состоявшіе въ услуженіи или занимавшіе мѣста сторожей. Почти всѣ ночные сторожа и носильщики тяжестей изъ армянъ перебиты. По Константинополю провозили фургоны, нагруженные изувѣченными трупами, прикрытыми листовою. Одинъ очевидецъ изъ окна нѣмецкаго почтамта насчиталъ за одну ночь болѣе 150 возовъ съ трупами».

Впослѣдствіи подсчитали число убитыхъ—свыше семи тысячъ.

Это констатированныя смерти... Не мало осталось, конечно, не констатированныхъ. Такъ же было вполнѣ удостовѣрено, что избіеніе было впередъ организовано самимъ правительствомъ. Турки знали о заговорѣ, но имъ воспользовались, чтобы расправиться съ армянами. Они предварительно вооружили и фанатизировали мусульманскую чернь и выпустили ея толпы въ минуту полученія извѣстія о покушеніи армянскихъ повстанцевъ. Фактъ этой организаціи преступленія самимъ правительствомъ до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что дипломатія сочла себя въ правѣ объ этомъ заявить открыто въ коллективной нотѣ, представленной послами шести великихъ державъ Портѣ 31 августа. Вотъ этотъ любопытный историческій документъ: «Представители великихъ державъ честь имѣютъ обратить вниманіе Блистательной Порты на совершенно исключительную серьезность кровопролитія, обогрившаго недавно столицу имперіи. Положительно доказано и удостовѣрено, что разбойническія шайки, избивавшія и грабившія армянъ, вовсе не были случайными сборищами фанатической толпы, но имѣли превосходную организацію, несомнѣнно признаваемую многими агентами правительства, если только не руководимую ими. Это удостовѣряется между прочимъ слѣдующимъ: сборища появились въ одно и то же время въ самыхъ различныхъ частяхъ города прежде, нежели полиція и войска прибыли къ мѣсту, гдѣ армянскіе агитаторы произвели безпорядокъ (къ Оттоманскому банку). Однако, сама Блистательная Порта не отрицаетъ, что ей заблаговременно было извѣстно о приготовлявшемся покушеніи армянскихъ агитаторовъ. Кромѣ того, значительный контингентъ участвовавшихъ въ этихъ избіеніяхъ и грабежахъ были вооружены и одѣты одинаковымъ образомъ. Съ ними, а иногда во главѣ этихъ сборищъ шли не только софты и солдаты, но и полицейскіе офицеры, которые допускали эти злодѣянія, порою и сами принимая въ нихъ участіе. Нѣкоторые полицейскіе офицеры, какъ то свидѣлствуютъ вполнѣ достовѣрные очевидцы, сами раздавали книжалы злодѣямъ и указывали имъ, гдѣ можно найти укрывающихся армянъ. Сборища свободно двигались по городу, свободно и безпрепятственно совершая свои злодѣянія въ присутствіи войскъ и даже вблизи императорскаго дворца. Одинъ злодѣй, задержанный драгоманомъ посольства на мѣстѣ преступленія, заявилъ, что его не имѣютъ права арестовать, и, доставленный во дворецъ, былъ тамъ принятъ, какъ знакомый. Два турка, находившіеся въ услуженіи у европейцевъ, бросили службу въ дни безпорядковъ, объясняя по ихъ окончаніи, что должны были это сдѣлать, такъ какъ были вооружены и по приказу избивали армянъ. Эти факты не нуждаются въ комментаріяхъ. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что злодѣянія эти весьма напоминаютъ предшествующія событія въ Аватоліи (официальное имя Арменіи и Малой Азіи) и что эта сила, организуемая свѣдома властей и при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ стать въ высшей степени опасною. Теперь направляемая противъ одной изъ

народностей имперіи, затѣмъ она можетъ направиться противъ всѣхъ иностранцевъ или даже противъ тѣхъ, кто вызвалъ эту силу къ жизни. Представители великихъ державъ считаютъ своею обязанностью довести эти факты до свѣдѣнія Блистательной Порты и, сообщивъ о нихъ своимъ правительствамъ, они считаютъ необходимымъ пригласить Блистательную Портѣ разслѣдовать происхожденіе указанной организаціи и примѣрно наказать ея организаторовъ и дѣятелей. Представители державъ съ своей стороны предлагаютъ свои услуги для содѣйствія такому разслѣдованію, сообщая всѣ извѣстные имъ факты и участвуя въ ихъ провѣркѣ».

Языкѣ этой ноты превзошелъ всѣ традиции дипломатическихъ условностей. Нельзя яснѣе объявить правительству, что великія державы считаютъ его самого соучастникомъ и даже организаторомъ событій, которыя тутъ же, не стѣсняясь, именуютъ злодѣяніями. Что же дальше, однако? Порта назначила комиссію для разслѣдованія и судъ. Прошло уже полтора мѣсяца, но судъ этотъ покуда вѣшаетъ и ссылаетъ только армянъ. О взысканіяхъ съ мусульманъ, залившихъ кровью константинопольскія улицы, что-то доселѣ ничего не слышно. Да и какъ взыскивать съ исполнителей, творящихъ волю султана?! Между тѣмъ, частныя, тѣмъ не менѣе очень значительныя избіенія христіанъ продолжаются въ разныхъ частяхъ Турціи. Въ Требизондскомъ вилайетѣ, на русской границѣ, у береговъ Чернаго моря, произошла жестокая рѣзня христіанъ въ Никаріи, торговомъ городѣ съ греко-армянскимъ населеніемъ. Потомъ сообщали о подобныхъ же избіеніяхъ въ Сивасскомъ вилайетѣ, гдѣ въ долинѣ Кизил-Ирмака расположены значительныя армянскія поселенія. Подробностей объ этомъ избіеніи еще достовѣрными свидѣтелями не доставлено. За то о другомъ избіеніи, въ армянскомъ городѣ Эгинѣ въ Карнутскомъ вилайетѣ, которое совсѣмъ было отрицалось Портою, европейскіе консулы доставили потрясающія подробности. Избіеніе произошло 15 сентября, вслѣдствіе полученной изъ Константинополя телеграммы о готовящемся армянами возстаніи. Вооруженныя магометанскія толпы разрушили до основанія 980 армянскихъ домовъ, причемъ убито не менѣе 2000 мирныхъ жителей. Теперь съ другой стороны сообщаютъ «изъ официального турецкаго источника, что слухъ объ избіеніи христіанъ въ Митиленѣ лишенъ основанія». Вѣроятно, скоро получится и здѣсь такое же разъясненіе, какъ и относительно Эгины. Не надо ждать никакого разъясненія относительно 'Александреты (по турецки Искандеруна) въ Аданскомъ вилайетѣ, гдѣ «700 рекрутовъ, ожидавшихъ посадки на суда, вторглись въ дома и разгромили ихъ». О всѣхъ ли фактахъ насилія и избіенія узнаетъ Европа? Конечно, далеко не о всѣхъ, вѣроятно, о наименьшей части, о происходящихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ есть европейцы. А такихъ мѣстностей сравнительно немного.

Послѣ выше приведенной коллективной ноты отъ 31 августа; послѣ того, что обличаемыя въ ней организованныя злодѣйства

остались безнаказанными, а въ Эгинѣ, Никаріи, Сивассѣ, Митиленѣ, Александретѣ повторялись и постоянно повторяются подобныя же; послѣ того, какъ шесть великихъ державъ Европы открыто и единодушно признали соучастіе турецкаго правительства въ этомъ злодѣйствѣ, становится немислимымъ прежнее отношеніе европейскаго міра къ Портѣ. Нота 31 августа открыто признала ее исключенною изъ состава цивилизованныхъ государствъ, какъ бы находящеюся внѣ охраны международнаго права, которая не можетъ быть дарована варварской ордѣ разбойниковъ и грабителей. Въ сущности, это и произошло въ настоящее время. Принципъ «цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи», который въ теченіе XIX вѣка былъ однимъ изъ основныхъ устоевъ международного политическаго равновѣсія и руководящимъ началомъ международной европейской политики, болѣе никѣмъ не защищается и ни для кого не служитъ путеводною нитью политическихъ задачъ и международныхъ комбинацій. Если при этомъ, однако, Турція продолжаетъ существовать, а турки продолжаютъ рѣзать и грабить христіанскую райю, обитающую на территоріи, занятой османскою ордою, то никакъ не потому, конечно, чтобы кто либо гдѣ либо поддерживалъ это существованіе дикаго и выродившагося государства, а единственно по той причинѣ, что Европа не знаетъ, чѣмъ замѣнить существующій порядокъ или вѣрнѣе безпорядокъ вещей. Она не знаетъ, чѣмъ замѣнить его, и опасается прямо и открыто ставить вопросъ о ликвидаціи турецкаго господства, вопросъ, исполненный самой серьезной опасности для общеевропейскаго міра и, при неосторожномъ рѣшеніи, способный нанести трудно поправимые ущербы интересамъ той или другой изъ великихъ націй Европы. Разсматривая весною восточный вопросъ, мы еще не останавливались на этой сторонѣ дѣла. Это наиболѣе измѣнчивая сторона, но когда становится все неминуемѣе немедленное рѣшеніе, нельзя разсчитывать на эту измѣнчивость для созданія болѣе благопріятныхъ комбинацій и приходится внимательнѣе отнестись къ современному сплетенію великодержавныхъ интересовъ и тяготившій въ этомъ Гордіевомъ узлѣ турецкаго кризиса. Это мы и попытаемся теперь сдѣлать.

III.

Всѣ великія державы Европы и многія второстепенныя заинтересованы въ томъ или иномъ развитіи восточныхъ дѣлъ, но издавна, уже болѣе столѣтія, главнымъ нервомъ этихъ дѣлъ являются отношенія къ нимъ двухъ великихъ державъ, Англіи и Россіи. Систематическая охрана варварскихъ могуществъ Востока со стороны Англіи и постепенное ихъ разрушеніе и низложеніе Россією являются наиболѣе характеристическою чертою восточной исторіи въ теченіе XIX вѣка. Это относится къ Персіи, Хивѣ, Бухарѣ, независимому Кавказу, независимой Туркменіи, но болѣе всего и система-

тичнѣ всего къ Турціи, гдѣ у береговъ Пропонитиды и ея двухъ проливовъ сходились и сходятся доселѣ всѣ главнѣйшія нити восточной исторіи. Существуетъ мнѣніе, что въ настоящее время роли Россіи и Англіи радикально переѣнились и въ то время, какъ Англія поставила своею задачею совершенное разрушеніе Турціи, Россія взяла будто бы послѣднюю подъ свою охрану. Если бы дѣйствительно произошла эта переѣнка ролями, то это было бы едва ли не крупнѣйшимъ европейскимъ событіемъ послѣ франко-германской войны. Потому что сама восточная война 1876—78 гг., происходившая и развивавшаяся на почвѣ прежнихъ международныхъ отношеній, и завершилась обычнымъ прежде путемъ: Россія кое что разрушила, Англія существенное спасла отъ разрушенія. Прошло восемнадцать лѣтъ, и намъ говорятъ, что Англія теперь глубоко раскаивается въ своей вѣковой политикѣ и готова присоединить свои усилія, чтобы довершить дѣло разрушенія, столь уже подвинутое Россіей. Намъ говорятъ также, будто Россія отказывается отъ дѣла, на которое она затратила столько силъ и средствъ, принесла столько жертвъ, достигла столько успѣховъ. Россія будто бы взяла подъ свою защиту дѣло турецкой орды. И все это случилось въ какіе нибудь нѣсколько мѣсяцевъ! Для того, чтобы хотя немного разобраться въ этой страстной и, конечно, не всегда безпристрастной полемикѣ, оглянемся на прошлое и въ достовѣрныхъ фактахъ исторіи и современныхъ событій поищемъ разъясненія этого страннаго недоумѣнія, повисшаго надъ современною восточною политикою великихъ державъ.

Впервые въ 1791 году, сто пять лѣтъ тому назадъ, былъ поднятъ въ Англіи голосъ въ защиту Турціи и противъ разрушительной политики Россіи. Тогда палъ Очаковъ, былъ взятъ приступомъ Измаилъ, на поляхъ мачинскихъ Суворовъ уничтожилъ главные турецкія силы, Долгоруковъ занялъ Крымъ, и въ Яссахъ открылись переговоры о мирѣ между разбитою Портою и торжествующею Россіею. Крымъ и берегъ Чернаго моря отъ Перекопа до Аккермана должны были явиться уплатою за побѣды и можно было ожидать, что Россія, уже создавшая внушительный флотъ въ Балтійскомъ морѣ, создастъ его такъ же на Черномъ и съумѣетъ воспользоваться морскимъ господствомъ на этихъ изолированныхъ водахъ для завершения этого дѣла разрушенія, начатаго Петромъ и такъ блистательно продолженнаго полководцами Екатерины. Не безызвѣстны были въ Англіи и «греческіе прожекты» Потемкина и одобреніе этихъ плановъ въ Вѣнѣ (въ обвинѣ за такое же одобреніе въ Петербургѣ подобныхъ же сербо-дакійскихъ плановъ австрійскаго императора). Австрія въ то время считалась традиціоннымъ врагомъ Турціи и еще не оставила этихъ традицій. Планы эти, какъ извѣстно, разстроились главнымъ образомъ благодаря неудачамъ именно Австріи. Односторонніе успѣхи Россіи передавали въ ея руки всю задачу борьбы съ мусульманскимъ владычествомъ

въ Европѣ, но и ограничивали возможные требованія побѣдителя. Польскія и шведскія дѣла и успѣхи французской революціи начали отвлекать вниманіе Петербурга и тамъ согласились на сравнительно благопріятныя туркамъ условія. Крымъ былъ лишь вассаломъ Порты, Новороссійскія степи были пустыней, но зато позиціи, приобретаемыя Россіей, были очень угрожающими. Это-то и встревожило впервые политиковъ на берегахъ Темзы. Старый Питтъ требовалъ, чтобы Англія послала флотъ для защиты султана и не допустила русскихъ утвердиться на берегахъ Понта, въ разстояніи двухъ дней морского пути отъ Босфора. Несмотря на краснорѣчивую оппозицію Борка, Фокса и другихъ ораторовъ изъ партіи виговъ, голосъ стараго вождя торійскаго большинства вѣроятно имѣлъ бы успѣхъ, если бы не опасенія, возбужденныя успѣхами французской революціи именно среди правотѣрныхъ тори. На этотъ разъ Англія не выѣпалась въ восточныя дѣла и окончательное вскрытіе англо-русскаго антагонизма на Востокѣ было отсрочено до наступленія приближавшагося XIX вѣка. Война, объявленная Англіи въ 1798 году императоромъ Павломъ, планъ похода на Индію, обсуждавшійся въ это время въ Петербургѣ, такое же обсужденіе индійскаго похода на свиданіи императоровъ Александра и Наполеона въ 1807 году, все это могло только усилить въ Англіи ряды сторонниковъ восточной политики, которую В. Питтъ рекомендовалъ въ 1791 году.

Время этой политики, однако, не наступило еще, и слѣдующая русско-турецкая война, завершившаяся Бухарестскимъ миромъ 1812 года, не только не видѣла англійскаго вмѣшательства въ пользу Турціи, но даже наоборотъ. Именно движенію англійскаго флота въ Дарданеллы Россія въ значительной степени обязана тѣмъ, что Порта подписала миръ въ то самое время, когда великая армія Наполеона вторглась въ русскіе предѣлы. Приобрѣтеніе Бессарабіи въ Европѣ, Абхазіи и турецкихъ крѣпостей Поти, Редутъ-Кале и Сухума въ Азіи закрѣпляло положеніе Россіи на берегахъ Чернаго моря, хотя и не совсѣмъ соответствовало достигнутымъ успѣхамъ. Миръ былъ очень нуженъ для соединенія всѣхъ силъ противъ французовъ. Того же желала и Англія. Бухарестскій миръ 1812 года имѣетъ свое специальное историческое значеніе и потому еще, что здѣсь впервые выговорена автономія Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Автономія была административная, военная же оккупация оставалась турецкая. Во всякомъ случаѣ, это было начало новаго метода расчлененія и разрушенія Оттоманской имперіи. Методъ этотъ былъ широко примѣненъ въ Адрианопольскомъ мирномъ трактатѣ 1829 года, завершившемъ собою слѣдующую затѣмъ русско-турецкую войну.

Эта война 1828—29 гг. уже видѣла всю ту комбинацію великодержавныхъ антагонизмовъ, которая затѣмъ въ теченіе всего XIX вѣка руководила исторіей Востока. Рядъ жестокихъ избиеній мирнаго христіанскаго населенія въ отместку за греческое возстаніе

(избиеній, по своей жестокости и многочисленности жертвъ, много превосходившихъ современныя намъ), вызвали такое негодование Европы, что соединенные флоты Англии, Франціи и Россіи подъ Навариномъ истребили турецкій флотъ, между прочимъ особенно и специально занимавшійся избиеніемъ островныхъ грековъ. Тогда сама Турція объявила войну Россіи, но вмѣстѣ съ этимъ измѣнились немедленно и отношенія западныхъ державъ къ русской политикѣ. Англія, Франція и Австрія немедленно соединились для противудѣйствія Россіи и защиты «цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи», этой формулы, тогда впервые произнесенной Меттернихомъ и сейчасъ же усвоенной англійскими государственными людьми. Извѣстно, что только личное довѣріе, соединявшее императора Николая I и французскаго короля Карла X предотвратило серьезное столкновеніе. Россія, однако, общалась Франціи, а Франція какъ бы поручилась передъ Англіей и Австріей, что цѣль русской войны отнюдь не завоеваніе Константинополя и никакъ не расширение русскихъ владѣній, а единственно наказаніе Турціи и облегченіе положенія угнетенныхъ и избиваемыхъ христіанъ. Благодаря этому Россія не воспользовалась своимъ господствомъ на Черномъ морѣ для удара на Босфоръ, а по мирному трактату, заключенному послѣ совершеннаго разгрома Турціи въ Европѣ и Азіи, выговорила себѣ лишь то, что называется исправленіемъ границъ. Острова въ дельтѣ Дуная, а въ Азіи присоединіе Ахалцыха и Анапы явились этимъ исправленіемъ. Между тѣмъ, русская армія въ Европѣ была въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя, въ Азіи покорила почти всю Арменію. Фракія, Болгарія, Арменія были возвращены Турціи. Зато была создана Греція; Молдавія и Валахія получили расширеніе автономіи и освобождены отъ турецкой оккупации; расширеніе автономіи получила и Сербія, а турецкая оккупация строго ограничена гарнизонами въ трехъ укрѣпленных пунктахъ. Этимъ путемъ около шести милліоновъ христіанъ вышли изъ-подъ турецкаго управленія и получили условія для развитія національной культуры. Остальные христіане были поставлены подъ покровительство Россіи, условіе, впервые внесенное въ мирный Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ 1783 года и затѣмъ послѣдовательно переписываемое въ мирныхъ договорахъ 1791, 1812 и 1829 годовъ. Давая Россіи права исключительнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи, это условіе возбудило неудовольствіе западныхъ державъ, но очевидно было, что устранить его можно только вопреки русскому желанію. На это не отважились въ 1829 году. Этого достигли въ 1856 г.

Можно не обинуясь сказать, что въ 1829 году вмѣшательство западныхъ державъ спасло, если не Турцію вообще, то турецкое господство въ Европѣ. Если вспомнить, что въ эпоху франко-русской дружбы 1806—12 годовъ было условлено между союзными тогда Парижемъ и Петербургомъ приобрѣтеніе Россіей Валахіи и Молда-

ви, то ясно, что цѣль эта не была осуществлена въ 1829 году лишь въслѣдствіе выше цитированныхъ переговоровъ между Франціей и Россіей, Франціей, Австріей и Англіей. По той же только причинѣ Россія не воспользовалась своимъ черноморскимъ флотомъ для комбинированнаго съ сухопутной арміей удара на Константинополь. Можно гадать объ участи западной половины Балканскаго полуострова въ случаѣ свободы дѣйствій Россіи въ 1829 году, но восточная его половина, Румынія, Болгарія, Эракія и оба пролива, конечно, стали бы русскими провинціями. Вѣроятно и турецкая Арменія, какъ уже ранѣе обратилась въ русскую провинцію Арменія персидская, а въ 1812 году восточная половина Молдавіи (Бессарабія). Методъ основанія автономныхъ княжествъ явился компромиссомъ между разрушительною политикою Россіи и охранительною политикою Англіи, Франціи и Австріи. Благодаря тому же компромиссу Греція была урѣзана сравнительно съ первоначальнымъ русскимъ планомъ; именно возвращены Турціи Фессалія и Эпиръ, переданныя снова грекамъ лишь по Берлинскому трактату. То же столкновение съ англо-франко-австрійскою политикою заставило возвратить Болгарію и Эракію туркамъ даже безъ установленія автономіи, а въ Сербіи оставить три турецкихъ гарнизона.

Такимъ образомъ, если бы не взаимное соперничество и недобѣріе великихъ державъ, османская орда уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ очистила бы почву Европы. Можно гадать, насколько выгоденъ былъ бы для Европы, для самихъ отнятыхъ у турокъ странъ и для Россіи тотъ порядокъ, который при этомъ возникъ бы. Можно думать по многимъ причинамъ, что для Россіи и ея внутренняго развитія это ея неестественное расширеніе инородными территориями было бы очень сомнительною выгодною. Можно поэтому предпочитать избобрѣтенный тогда компромиссный методъ основанія туземныхъ автономныхъ владѣній. Но несомѣнно, что другая сторона этого компромисснаго рѣшенія, именно сокращеніе Греціи, исключеніе Болгаріи и Эракіи изъ основываемыхъ автономій, турецкіе гарнизоны Сербіи, обходъ молчаніемъ фактически независимой Черногоріи, — явились рядомъ серьезныхъ ошибокъ и даже грѣховъ европейской дипломатіи, издержки которыхъ оплачивало несчастное христіанское населеніе, подчиненное турецкой ордѣ. Нѣкоторою гарантіей, хотя не очень значительною, являлось официально признанное право русскаго вмѣшательства въ защиту обижаемыхъ христіанъ. Гарантія эта могла имѣть нѣкоторое значеніе лишь до тѣхъ поръ, покуда турки помнили урокъ 1829 года и покуда они не узнали доподлинно, что имѣютъ могущественныхъ защитниковъ въ лицѣ трехъ великихъ державъ Европы. Я уже упомянулъ, что и эта слабая гарантія была отмѣнена послѣ восточной войны 1853—1856 гг.

Восточная война 1853—56 гг. представляетъ очень сложное историческое явленіе. Она не походила въ этомъ отношеніи на девять предъ-

идушихъ русско-турецкихъ войнъ. Тѣ были дѣйствительно восточными войнами, хотя и не носятъ въ исторіи этого имени. Война же 1853—56 гг. была гораздо больше западною войною и значеніе ея историческое заключается преимущественно въ тѣхъ громадныхъ политическихъ перемѣнахъ, которыя вслѣдствіе нея претерпѣла вся христіанская Европа, и въ гораздо меньшей степени въ томъ сохраненіи status quo ante, которымъ она завершилась для Востока. Перемѣщеніе европейской гегемоніи изъ Россіи во Францію, разложеніе Священнаго Союза, эпоха реформъ въ Россіи, разгромъ Австріи, не охраняемой болѣе Священнымъ Союзомъ, объединеніе Италіи, какъ послѣдствіе австрійскаго разгрома, возвышеніе Пруссіи и многое другое въ европейской исторіи второй половины XIX вѣка тѣсно связано съ исходомъ великаго столкновенія, называемаго восточною войною. Все это намъ сегодня не подлежитъ, и потому наше освѣщеніе этого крупнаго событія было бы односторонне и неполно, если бы мы не сдѣлали настоящей оговорки, которую и просимъ помнить при чтеніи нижеслѣдующихъ строкъ. Вызванная больше борьбою за гегемонію въ Европѣ, восточная война возникла однако именно на почвѣ великодержавныхъ антагонизмовъ въ дѣлахъ Востока. Естественно, если именно эти дѣла и были прежде всего регулированы, какъ только Россія отказалась отъ дальнѣйшаго спора за гегемонію. Передавая гегемонію Франціи, Россія должна была сдѣлать существенныя уступки въ дѣлахъ Востока. Эти уступки заключались главнымъ образомъ въ трехъ пунктахъ: Россія вмѣстѣ со всею Европою признала принципъ цѣлости и неприкосновенности Оттоманской Имперіи, который изъ принципа международной политики трехъ западныхъ державъ превратился отнынѣ въ принципъ европейскаго международного права; Россія отказалась отъ права покровительства христіанъ, выговореннаго раньше по четыремъ трактатамъ и нынѣ переданнаго коллективному надзору всѣхъ великихъ державъ; наконецъ, Россія отказалась отъ права содержать флотъ на Черномъ морѣ, что лишало ее возможности нанести турецкому господству тотъ центральный ударъ, котораго такъ опасался еще старикъ Питтъ въ 1791 году. Сравнительно съ этими тремя уступками отторженіе части Бессарабіи и ограниченіе по укрѣпленію Аландскихъ острововъ являлись уступками гораздо меньшаго значенія. Разрушенію Турціи, уже полтора столѣтія шагъ за шагомъ подвигаемому Россіей, былъ положенъ предѣлъ, и ей предоставлено время для возрожденія и укрѣпленія. Исторія двадцати ближайшихъ лѣтъ немедленно обнаружила, какъ она воспользовалась этимъ временемъ.

Черезъ четыре года послѣ заключенія парижскаго трактата Европа была потрясена извѣстіями объ ужасающемъ избіеніи сирійскихъ христіанъ. Избіеніе было организовано валиемъ Сиріи Куршидъ-пашей. Оно совершенно напоминаетъ недавнія рѣзни Сассунскую, Константинопольскую и другія. Погибло свыше одиннадцати

тысячъ христіанъ. Для прекращенія рѣзни пришлось высадить европейскія (французскія) войска, послѣ чего спокойствіе, конечно, было немедленно восстановлено. Хотя соучастіе турецкой администраціи было вѣдъ всякаго сомнѣнія, но дипломатія постаралась закрыть глаза на это обстоятельство, столь явно противурѣчащее только что провозглашенному на конгрессѣ включенію Турціи въ число равноправныхъ цивилизованныхъ державъ. Было признано, что виновенъ фанатизмъ черни и рѣшено даровать Ливану (область, гдѣ наиболѣе пострадали христіане и гдѣ они составляютъ большинство населенія) административную автономію. Ливанъ составилъ самостоятельный вилайетъ, начальникъ котораго назначается султаномъ изъ христіанъ. Христіанами же должны быть и главнѣйшіе чиновники. Организована была христіанская полицейская стража. Въ прочемъ дарованы учрежденія аналогичны нынѣ выработаннымъ для Арменіи.

Едва успѣли французы очистить умиротворенную нѣсколько Сирію, какъ на противоположномъ концѣ Оттоманской имперіи въ 1862 году турки и албанцы своими насиліями вызвали возстаніе Герцеговины, за которую заступилась и Черногорія. Русская дипломатія воспользовалась этими событіями, чтобы указать въ циркулярной нотѣ на ненормальность положенія христіанъ въ Турціи, нигдѣ не огражденныхъ отъ насилія. Время было благоприятно для Россіи. Событія въ Италіи возбуждали антагонизмъ между Франціей и Австріей. Изъ-за африканскихъ и аравійскихъ дѣлъ произошло сильное охлажденіе и между Франціей и Англіей. Поговаривали даже объ англо-французской войнѣ. Франція искала сближенія съ Россіей. Пруссія неизмѣнно держалась традицій русской дружбы. Это-то временное разстройство западно-европейскаго согласія и пыталась эксплуатировать нота кн. Горчакова, возбудившая восточный вопросъ всего черезъ шесть лѣтъ послѣ парижскаго конгресса. Въ дѣлахъ Востока западныя державы оказались, однако, и теперь единодушны. Удалось только добиться сносныхъ мирныхъ условій для Черногоріи, амнистіи и обычныхъ турецкихъ обѣщаній для Герцеговины.

Еще не улеглось возбужденіе послѣ черногорской войны и герцеговинскаго возстанія 1862 года, какъ подъ вліяніемъ отчасти этого самаго возбужденія, турецкій гарнизонъ Бѣлградской цитадели открылъ пальбу по сербской столицѣ. Послѣ мучительно долгихъ переговоровъ, когда каждую минуту можно было ожидать обостренія сербскаго кризиса до восточнаго вообще, въ 1865 году было достигнуто соглашеніе. Турція вывела свои гарнизоны изъ сербскихъ крѣпостей.

Одинъ за другимъ были улажены такимъ путемъ три частныхъ кризиса на Востокѣ, но уже черезъ годъ послѣ улаженія сербскаго кризиса Европа очутилась лицомъ къ лицу съ новымъ. Выведенные изъ терпѣнія угнетеніемъ и насиліями,

критяне взяли за оружіе. Возстаніе это, какъ уже выше упомянуто продолжалось три года. Островъ былъ превращенъ въ пустыню, населеніе сильно порѣдѣло, но при посредствѣ Европы критянамъ удалось добиться извѣстнаго уже нашимъ читателямъ халепскаго договора. Великія державы еще разъ локализовали неизлечимую болѣзнь турецкаго государственнаго организма. Кн. Горчаковъ и на этотъ разъ пробовалъ обобщить леченіе. Въ циркулярной нотѣ, произведшей большое впечатлѣніе своею рѣшительною характеристикой турецкихъ порядковъ, кн. Горчаковъ предлагалъ распространить выработанныя для Крита условія на всѣ европейскія провинціи Турціи. Нота эта только заставила близко сплотиться Францію и Англію, которые опять начинали было вздорить изъ за разныхъ колоніальныхъ вопросовъ. Начавшееся было сближеніе Россіи и Франціи тоже нашло свою преждевременную кончину въ этихъ разногласіяхъ по восточному вопросу. Во Франціи такъ же, какъ въ Англіи и Австріи, охраненіе Турціи являлось всетаки руководящимъ началомъ восточной политики. Скоро вспыхнувшая франко-германская война перемѣшила всѣ карты европейской политики, и русская восточная политика получила на короткое время нѣсколько большую свободу дѣйствій. Кн. Горчаковъ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы отмѣнить нейтрализацію Чернаго моря и возвратить Россіи право имѣть флотъ въ его водахъ. Поддержка побѣдоносной Германіи содѣйствовало тому, что Европа санкціонировала эту отмѣну. Отмѣтимъ для памяти, что Франція поддерживала Англію въ ея протестѣ противъ заявленія кн. Горчакова, и Гамбетта даже отдалъ приказъ о снаряженіи французскаго средиземнаго флота для совмѣстнаго съ англійскимъ флотомъ дѣйствія противъ Россіи.

Въ 1875 году началось герцеговинское возстаніе, которое въ томъ же году распространилось на Боснію и вызвало въ слѣдующемъ 1876 году военное вмѣшательство Сербіи и Черногоріи съ памятнымъ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи и съ горестнымъ откликомъ въ Болгаріи въ видѣ массовыхъ избіеній. Все это, послѣ тщетныхъ попытокъ дипломатіи снова замазать трещины, привело къ новой, одиннадцатой по счету, русско-турецкой войнѣ, называемой обыкновенно второю восточною войною. Какъ и въ 1829 году, эта война стала возможна лишь послѣ обѣщаній, данныхъ Россіей, что цѣлью ея является не расширеніе русскихъ предѣловъ, а лишь наказаніе Турціи за насилие и правонарушенія и облегченіе участи христіанъ. Какъ и въ 1829 году, и теперь она кончилась полнымъ разгромомъ Турціи, которая и въ 1878 году не очистила европейской территоріи единственно вслѣдствіе заступничества западныхъ державъ. Исправленіе границъ было и на этотъ разъ вознагражденіемъ Россіи за миллиарды расходовъ и сотни тысячъ погибшихъ въ борьбѣ (Карсъ и Батумъ въ Азіи, возвращеніе отторгнутой части Бессарабіи на европейской границѣ). Независимость Румыніи, независимость и расширеніе Сербіи и Черногоріи, расширеніе Греціи,

образование Болгаріи—таковы всетаки значительные плоды этого рѣшенія, столь же компромисснаго, какъ и рѣшеніе 1829 года. Такъ же, какъ и тогда, этотъ характеръ компромисса не допустилъ выгнать дикую орду изъ Константинополя, съ чѣмъ связано окончаніе ея владычества въ Европѣ. Такъ же, какъ и тогда тотъ, же компромиссъ продиктовалъ сокращеніе уже освобожденной территоріи. Тогда Фессалія и Эпиръ, теперь Македонія, западная Фракія (санджакъ Драмы), часть Старой Сербіи и часть Арменіи, отъ которыхъ уже отказались турки по С.-Стефанскому договору, были имъ возвращены по Берлинскому. Исторія повторилась вполнѣ. Повторилась она вполнѣ и во внутреннихъ событіяхъ турецкой государственной жизни, гдѣ насилія, избіенія и покровительство этому режиму со стороны правительства составляютъ и теперь такое же отличительное свойство турецкаго управленія, какъ и во все продолженіе XIX вѣка, насколько обзоръ турецкой жизни было доступно безпристрастному наблюдателю. На Берлинскомъ конгрессѣ Россія была такъ же полно изолирована, какъ и на парижскомъ. Германія явно руководила конгрессомъ въ интересахъ Австріи и Англіи, французскіе уполномоченные часто опережали даже англійскихъ и австрійскихъ въ своемъ усердіи умалить результаты второй восточной войны. Вообще слѣдуетъ помнить, что Франція въ теченіе всего XIX вѣка совершенно такъ же, какъ Англія и Австрія, является неизмѣнною и самою усердною охранительницею Турціи, при всѣхъ режимахъ и при всѣхъ политическихъ колебаніяхъ. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты и республиканцы расходятся, кажется, во всемъ, кромѣ охраны турецкой неприкосновенности. Кажется, нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ этомъ отношеніи во Франціи произошло сколько нибудь значительное измѣненіе воззрѣній, хотя бы такое, какое замѣчается нынѣ въ Англіи. Несомнѣнно также, что въ Австріи и въ Германіи тоже въ общемъ держатся прежнихъ взглядовъ. Что же измѣнилось въ такомъ случаѣ, что открыто обсуждается вопросъ объ упраздненіи Турціи, и серьезные люди это обсужденіе отнюдь не считаютъ, однако, забавою политическихъ утопистовъ и неизлечимыхъ мечтателей?}

Произошло два крупныхъ измѣненія въ европейскомъ культурномъ мірѣ. Измѣнилось соотношеніе интересовъ и силъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, выросла до неизвѣстнаго прежде, могущества сила нравственнаго чувства европейскихъ народовъ. Ужасы, вызвавшіе войну 1828—29 годовъ, жестокости, приведшія къ войнѣ 1877—78 годовъ были не только не меньше, но даже сильнѣе и распространяебѣе, нежели теперешнія. Въ самомъ Константинополѣ избіеніе грековъ передъ войною 1828 года (когда былъ распятъ греческій патріархъ, а дороги Валахіи были, какъ фонарями, обставлены посаженными на колъ христіанами), много превосходитъ своими ужасами нынѣшнюю константинопольскую рѣзню. Наваринъ былъ правда и тогда послѣдствіемъ этихъ избіеній, какъ согласіе на русское вмѣ-

шательство было результатомъ болгарскихъ звѣрствъ 1876 года. Ростъ нравственнаго чувства требуетъ теперь большаго и затрудняетъ традиціонную политику правительствъ. Это одна сторона вопроса, достаточно ярко бросающаяся въ глаза, чтобы на ней больше не настаивать. Другая сторона вопроса, измѣненіе въ соотношеніи европейскихъ великодержавныхъ интересовъ и силъ, не такъ очевидно и требуетъ нашего вниманія. Остановимся же теперь на этихъ главныхъ и повелительныхъ пружинахъ современной восточной исторіи.

IV.

Цѣлое столѣтіе систематически, безъ малѣйшихъ колебаній и отступленій, Англія, Франція и Австрія защищаютъ цѣлость и неприкосновенность турецкаго господства. Во всемъ остальномъ политика трехъ кабинетовъ была зачастую несолидарна, порою доходя до рѣзкаго антагонизма. Только на этомъ пунктѣ Парижъ, Лондонъ и Вѣна всегда чувствовали и проявляли трогательное согласіе. Больше того, довольно было первыхъ грозовыхъ тучекъ на небѣ османскаго Востока, чтобы три державы мгновенно забывали обострившіяся по тому или иному случаю отношенія, откладывали всѣ споры и раздоры и соединялись для поддержанія шатающагося могущества османской орды. Если помнить при этомъ, что народы, политикою которыхъ завѣдуютъ кабинеты Парижа, Лондона и Вѣны,— всѣ добрые христіане, стоящіе на высшей ступени культуры и просвѣщенія, и что ужасы турецкаго господства, конечно, никогда не были секретомъ ни для этихъ народовъ, ни для ихъ правительствъ и дипломатовъ, то должно признать, что причины, диктовавшія въ теченіе цѣлаго столѣтія туркофильскую политику этимъ народамъ и этимъ правительствамъ, должны быть очень значительны, очень важны и очень прочны. Для каждой націи причины туркофильства—нины и въ этомъ, пожалуй, даже залогъ прочности ихъ согласія и солидарности.

Франція принадлежитъ къ великимъ державамъ того первенствующаго значенія, которое позволяетъ періодически достигать политическаго преобладанія въ Европѣ и на этомъ преобладаніи, на этой европейской гегемоніи опирать удовлетвореніе и своихъ собственныхъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ. Поддержаніе гегемоніи дорого обходится, но лучше всего обезпечиваетъ повсемѣстное удовлетвореніе интересовъ, ихъ неприкосновенность и безопасность. Немудрено, если и Франція, и Германія, и Россія не мало истратили силъ на пріобрѣтеніе и сохраненіе гегемоніи, которая и переходитъ періодически къ одной изъ этихъ трехъ первенствующихъ европейскихъ державъ. Съ XV по XVIII вв. главною соперницею Франціи была австрійская Германія, опиравшаяся на союзы съ Англіей, Голландіей, а до Людовика XIV и съ Испа-

ней. Франція тоже искала союзниковъ и нашла ихъ въ государствахъ, географически расположенныхъ въ тылу ея враговъ и соперниковъ. Это были Швеція, Польша и Турція, въ то время очень грозная держава, постоянно отвлекавшая воинскія силы Германіи и тѣмъ развязывавшая руки французамъ. Такимъ образомъ, еще со времени Франсуа I туркофильская политика руководила восточными отношеніями Франціи. Для французовъ сами восточныя дѣла были мало интересны, но западныя, для которыхъ могущество османовъ являлось важнымъ факторомъ въ пользу французовъ и въ ущербъ ихъ соперниковъ. Когда съ ослабленіемъ Германіи соперницею Франціи въ борьбѣ за европейскую гегемонію выступила Россія, Франція продолжала видѣть, и совершенно справедливо, въ существованіи и силѣ турецкаго государства важный факторъ, ослабляющій русское политическое преобладаніе. Въ 1853 году Франція и воспользовалась этимъ факторомъ, чтобы опираясь на него и на англійскіе и австрійскіе интересы, группирующіеся вокругъ него, собрать антирусскую коалицію и возстановить французскую политическую гегемонію, сорокъ лѣтъ назадъ отнятую русскими. Франція *теперь* не соперница Россіи, но ея союзница, притомъ именно однимъ фактомъ этого союза перемѣстившая гегемонію изъ Берлина въ Петербургъ, возвративъ русскимъ то, что отняла подъ Севастополемъ и сама потеряла затѣмъ подъ стѣнами Меца. Это перемѣщеніе преобладающаго центра европейской политики во многихъ отношеніяхъ выгодно не только Россіи, но и Франціи. При данныхъ историческихъ условіяхъ французамъ было очень рискованно поднимать борьбу за возвращеніе гегемоніи себѣ. Такъ пускай лучше она перейдетъ къ дружественной Россіи, нежели находится въ рукахъ враждебной и постоянно угрожающей Германіи. Это понятно, естественно и политично, но слѣдуетъ-ли изъ этого, что Франція навсегда отрывается отъ мысли возвратитъ преобладаніе себѣ? А въ такомъ случаѣ, содѣйствовать совершенно несомнѣнному росту русскаго могущества, которое явится результатомъ утвержденія русскаго господства въ Константинополѣ, проливахъ и Малой Азіи, не можетъ и не должно входить въ виды французской политики. Несомнѣнно, что оно и не входитъ. Этотъ важный факторъ современнаго политическаго кризиса на Востокѣ никогда не должно упускать изъ виду. Франція можетъ согласиться на такое разрѣшеніе восточнаго кризиса только цѣною равноцѣннаго приобрѣтенія. Едва ли даже Египетъ можетъ считаться равноцѣннымъ. Быть можетъ, сверхъ того, возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи? Изъ этого видно, что вопросъ о разрушеніи турецкой имперіи, хотя и рѣшенный нравственнымъ чувствомъ всего цивилизованнаго міра, политически представляется трудно разрѣшимымъ даже между друзьями. Тѣмъ труднѣе, между открытыми, издавна признанными соперниками, каковы Россія и Англія, Россія и Австрія. Посмотримъ и въ эту сторону.

Если Франція съ XV вѣка и по сіе время держится неизмѣнно

туркофильской политики, то Австрія совершенно наоборотъ съ XV по XVIII вв. вела постоянную и неустанную борьбу съ турками и только въ XIX вѣкѣ стала въ ряды туркофиловъ, но за то сразу въ первые ряды и, вѣроятно, послѣднія ихъ покинетъ. Неся въ продолженіе четырехъ вѣковъ тягостную и опасную борьбу съ мусульманскою ордою, основавшеюся на европейской почвѣ, защищая христіанскій и цивилизованный міръ отъ напора варварства, порою изнемогая въ этой часто одинокой борьбѣ, порою же далеко вспять отбрасывая господство орды, Австрія естественно смотрѣла на Балканскій полуостровъ съ его христіанскимъ населеніемъ, родственныхъ населенію пограничныхъ областей Австріи, какъ на свое законное наслѣдіе. Разрушеніе Турціи было явнымъ и открыто поставленною цѣлью австрійской политики, но при этомъ и завоеваніе ея владѣній въ Европѣ. Когда, въ концѣ XVII в. начала на Турцію съ сѣверо-востока наступать постепенно усиливающаяся Россія, Австрія съ радостью привѣтствовала новую союзницу, которая въдобавокъ вела борьбу съ Польшею и Швеціей, этими давнишними союзниками французовъ. Новороссійскія степи, Крымъ, Кавказъ представлялись обширною областью, на которую можно было смотрѣть, какъ на вознагражденіе Россіи. Балканскій полуостровъ оставался для австрійцевъ. Весь XVIII вѣкъ и видитъ Россію и Австрію въ союзѣ противъ Турціи. Эти войны дѣйствительно принесли Россіи Новороссійскія степи, Крымъ и Кавказъ, но ничего не принесли Австріи, которая увидѣла, что задача разрушенія турецкаго господства перешла къ Россіи. Вѣнскому правительству приходилось или отречься отъ вѣковой задачи своей политики, или постараться задержать дѣло разрушенія, остановить русскіе успѣхи и выиграть время въ надеждѣ, что измѣнятся обстоятельства и вновь вернуть Австріи ея руководящую роль на Востокъ. Въ началѣ несомнѣнно эти расчеты руководили переменною австрійской политики на Востокъ. Когда же уже не осталось сомнѣнія, что могущество Россіи не временное, случайное явленіе, тогда уже не столько надежда вернуть прежнее значеніе, сколько опасеніе потерять и то, которое сохранилось, должно было диктовать Вѣнѣ ея туркофильство. И безъ того полувеликая держава, Австрія превратилась бы во второстепенную если бы Россія завладѣла Балканскимъ полуостровомъ. Простое чувство самосохраненія диктуетъ государственнымъ людямъ Вѣны и Пешта ихъ неисправимую приверженность принципу «цѣлости и неприкосновенности Оттоманской Имперіи». Въ послѣднее время къ этой основной и неотъемлемой причинѣ прибавились нѣкоторые новые факторы, которые уже и теперь приобрѣли серьезное значеніе, а могутъ приобрести и очень значительное. Развитие католическо-австрійскаго панславизма, особенно знаменательнаго въ средѣ галиційскихъ поляковъ, должно быть поставлено въ первомъ ряду. Славянскій Балканскій полуостровъ, какъ естественное дополненіе славянской федеративной Австріи и какъ поприще для католической пропа-

ганды, можетъ быть цѣлью очень значительной и вліятельной группы государственныхъ людей Австріи. Не забудемъ, что графы Голуховскій и Бадени, руководящіе австрійскою политикою, поляки, не отрекающіеся отъ своего національнаго патріотизма. Если мы прибавимъ къ этому значительные матеріальныя интересы австрійской промышленности, торговли и капитала, такъ быстро развившіяся за послѣднюю четверть вѣка на Балканскомъ полуостровѣ; если мы примемъ еще во вниманіе національную антипатію мадяровъ и поляковъ; если не забудемъ и исторической инерціи австрійскаго политическаго движенія, то довольно ясно представимъ естественное туркофилство Австріи. Безъ благословенія Германія Австрія слишкомъ слаба, чтобы рискнуть серьезнымъ вмѣшательствомъ. Тѣмъ логичнѣ ей держаться за status quo, которое по крайней не измѣняетъ ея положенія къ худшему. Нельзя, конечно, ручаться даже за ближайшее будущее австрійской политики (въ виду вышеуказаннаго австрійско-католическаго панславизма), но для этого необходимо прочное соглашеніе съ Германіей и Англіей; безъ этого же защита status quo будетъ несомнѣннымъ руководящимъ началомъ австрійской дипломатіи. По челоуѣчеству, конечно, жалко армянъ, но и себя пожалѣть австрійцы имѣютъ основаніе.

Этотъ бѣглый взглядъ на восточную политику Франціи и Австріи въ XIX вѣкѣ обнаружилъ, что обѣ эти державы руководились главнымъ образомъ интересами политическими, защищая цѣлость Турціи. Матеріальныя интересы были преимущественно причиною такой же политики Англіи. Подробно объ этихъ интересахъ я говорилъ въ книжкѣ моей «Англо-русская распря». Сущность дѣла въ томъ, что къ концу XVIII вѣка, но особенно въ первыя три четверти девятнадцатаго, Англія почувствовала потребность въ обширныхъ рынкахъ для сбыта продуктовъ своей все растущей обрабатывающей промышленности. Протекціонистскія доктрины закрывали для нея рынки цивилизованной Европы. Рынки варварскаго Востока явились для нея факторомъ ея національнаго процвѣтанія. Частью она ихъ прямо завоевывала, какъ Индію съ ея 250 милліонами потребителей, частью насильственно открывала войнами и договорами, какъ Китай и Персію, не считая болѣе мелкихъ. Турція, никогда по своему варварству не имѣвшая собственной промышленности и задушившая промышленность покоренныхъ народовъ, являлась тоже важнымъ и цѣннымъ рынкомъ для англійской промышленности. Она могла сохранить это значеніе, единственно сохраняя варварскій строй и дикую некультурность. Варварство Турціи, какъ и другихъ рынковъ, являлось для англичанъ важною гарантіей, что туземная промышленность никогда не явится серьезною соперницею англійской. Отсюда эта упорная и систематическая политика Англіи къ сохраненію всевозможныхъ варварскихъ могуществъ, на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ; въ Передней и Центральной Азіи, на Балканскомъ полуостровѣ и въ Африкѣ, всюду, гдѣ можно было

открыть «рынокъ». Когда, въ 1853 году Англія ополчилась въ союзѣ съ Франціей противъ Россіи, ее мало интересовали вопросы гегемоніи въ Европѣ; еще менѣе того—вопросы о Святыхъ Мѣстахъ, послужившіе непосредственною причиною войны. Дѣло было въ спасеніи турецкаго господства, которое одно гарантировало неприкосновенность рынковъ. Россія предлагала Англіи Египетъ и образованіе на всемъ Балканскомъ полуостровѣ автономныхъ христіанскихъ княжествъ (извѣстная бесѣда императора Николая I съ англійскимъ посломъ), но, именно, послѣдняго Англія не могла желать даже цѣною подарка Египта. Она теперь была бы готова для Египта и на большія жертвы; а за основаніе автономныхъ христіанскихъ владѣній готова сама ратовать. Времена перемѣнились, потому что перемѣнился составъ англійскихъ интересовъ. Это самое важное измѣненіе въ международномъ положеніи есть результатъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ всемірной исторіи.

Изъ страны, процвѣтающей въ силу процвѣтанія своей обрабатывающей промышленности, Англія превращается въ страну, опирающую свое процвѣтаніе на снабженіе отсталыхъ странъ своими капиталами. Изъ всесвѣтнаго фабриканта она становится всесвѣтнымъ заимодавцемъ, а это измѣняетъ всѣ отношенія къ отсталымъ странамъ. Варварство выгодно всесвѣтному поставщику товаровъ; прогрессъ и безопасность необходимы всесвѣтному заимодавцу. вмѣсто того, чтобы затрачивать капиталы дома въ промышленность и затѣмъ прибыль получать въ цѣнѣ товара, покупаемаго иностраннымъ потребителемъ, англійскіе капиталисты теперь предпочитаютъ переводить свои капиталы на мѣсто жительства этого иностраннаго потребителя, тамъ создавать предпріятія и выручать изъ нихъ десятирные барыши, совершенно невозможные дома. Прежде англійскій капиталъ опасался матеріальнаго прогресса своихъ рынковъ, боясь конкуренціи. Теперь онъ самъ вызываетъ эту конкуренцію, затрачиваясь въ туземную промышленность. Это выгодно, но этому мѣшаютъ варварскія правительства. Насколько прежде охраненіе варварства было въ интересахъ Англіи, настолько въ настоящее время эти интересы требуютъ упраздненія варварства. Нравственное чувство негодованія само собою, но если съ этимъ совпадаютъ и матеріальныя интересы, тѣмъ лучше, конечно. Это до такой степени представляется явнымъ и несомнительнымъ, что даже завоеваніе иностранною державою выгодно продолженія варварства. Съ другой стороны, еще выгодно собственное завоеваніе. Отсюда нмѣвшаяся египетская политика Англіи, ставящая ее въ такой рѣзкій антагонизмъ съ Франціей, а потому лишающая послѣднихъ шансовъ англо-русское соглашеніе. Англія изъ охранительницы варварскаго могущества становится его разрушительницею....

С. Юмановъ.

Съ Нижегородской выставки.

Очень хорошая гостиная и блестящая публика. Это не барскій домъ и не избранная публика. Слишкомъ крупны брилліанты удамъ, чересчуръ модны смокинги кавалеровъ, немножко развязанъ тонъ и нѣсколько вульгарны лица. И очень ужъ ново и пестро все,—мебель прямо изъ магазина, свѣтлое совсѣмъ новенькое серебро, новенькія масляныя картины въ слишкомъ большихъ золоченныхъ рамахъ. Такъ и кажется, что хозяева недавно переехали изъ темныхъ душныхъ комнатъ въ эти свѣтлые чертоги, недавно перелѣзли съ дѣдовскихъ перинъ на пружинные матрацы и не могутъ еще попасть въ надлежащій тонъ. Впрочемъ гости все хорошіе, изъ чистой публики, и все, какъ въ хорошихъ домахъ. Даже получается нѣкоторая иллюзія. Есть военные и морскіе мундиры, безукоризненные фраки, кое-кто лепечетъ по-французски. Шампанское льется рѣкой, много цвѣтовъ, слишкомъ много цвѣтовъ, музыка играетъ туши и марши, ораторы въ чистомъ бѣлѣ говорятъ заправскія рѣчи и проч., и проч. Нѣкоторый диссонансъ вносятъ бѣдные родственники, которые жмутся по угламъ и которыхъ обносятъ шампанскимъ и фруктами — дядюшка-крестный, тетенька изъ деревни, но въ общемъ блестяще, шумно и весело.

Такова всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Она въ полномъ смыслѣ слова очаровательна. На огромномъ пространствѣ раскинулись блестящіе дворцы, кокетливыя домики, изящныя веранды, фантастическіе замки въ античномъ, мавританскомъ, въ китайскомъ стилѣ, въ русскомъ стилѣ и, кажется, со всѣмъ разнообразіемъ его мотивовъ. Ихъ соединяють великолѣпныя цвѣтники, аллеи изъ розъ, граціозныя мостики, миленькія дорожки. Изъ средины пруда, вырытаго посреди выставки, высокой струей брызжетъ къ небу фонтанъ, превосходный оркестръ играетъ Бетховена, Чайковского и Сенъ-Санса, изящныя вагончики электрической дороги скользятъ между павильонами; а когда вечеромъ загораются электрическія лампочки и огромные фонари, и въ этомъ ровномъ блѣмѣ свѣтъ ярко выступаютъ на фонѣ темной ночи смягченные контуры зданій,—картина становится волшебной.

Царицей бала—Россійская Промышленность. Съ своимъ центральнымъ зданіемъ и окружающими его дополнительными заводско-фабричными, машинными и частными павильонами отдѣльныхъ промышленяющихъ людей, она заняла центръ выставки и составила ядро ея. Спереди и по бокамъ разиѣстались среднеазиатскій и сибирскій отдѣлы, военный, морской, воздухоплавательный, научно-учебный, церковъ-школа, а сзади и по угламъ пріютились бѣдные родствен-

ники — земледѣліе, крохотные кусочки земства, русская медицина, кустарный отдѣлъ — плохо одѣтые, неприбранные, пасмурные. Тамъ, въ центральномъ зданіи, все грандіозно, великолѣпно. Витрины стоимостью въ десятки тысячъ рублей самыхъ удивительныхъ стилей, «симфонія цвѣтовъ», какъ любили выражаться газеты, роскошь и блескъ выставленныхъ предметовъ. Ихъ слишкомъ много, этихъ витринъ. Кажется всякая фирма хотѣла удивить и поразить своихъ соперниковъ и грандіозностью размѣровъ, и матеріальной стоимостью, и экстравагантностью стиля, и каждая отдѣльно взятая витрина выглядѣла бы эффектно, но онѣ собрались въ такомъ огромномъ количествѣ и такъ тѣсно столпились, что совершенно задавили другъ друга. Какъ будто самыя фасонистыя купеческія дамы пожелали надѣть въ праздникъ самые пышные фасонистыя костюмы, и ихъ собралось такъ много, а помѣщеніе оказалось такъ тѣсно, что ни одного фасона по настоящему видѣть нельзя.

Промышляющій человѣкъ ходить гоголемъ и чувствуетъ себя именинникомъ, ораторы говорятъ о праздникѣ промышленности, о прогрессѣ и благосостояніи Россіи, о подъемѣ, ростѣ, расцвѣтѣ, гигантскихъ шагахъ, колоссальныхъ успѣхахъ и проч., слушатели неистово аплодируютъ и предлагаютъ тосты другъ за друга — много тостовъ и очень много шампанскаго, музыка играетъ тушь, а промышленныя газеты кричатъ: наша взяла! «Мы все можемъ!»

II.

Я не имѣлъ въ виду въ настоящей замѣткѣ дѣлать обзоръ всей выставки и желалъ только подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями, одѣланными въ продолженіе четырехмѣсячнаго ея существованія.

Въ мануфактурномъ отдѣлѣ меня останавливаетъ знакомый, владѣлецъ суконной фабрики.

— Представьте, какой мерзавецъ! — онъ указываетъ на только что пройденную мною витрину одного изъ суконныхъ фабрикантовъ, — выставилъ сукно въ восемьдесятъ копѣекъ аршинъ, которое меньше рубля семидесяти нельзя съ фабрики выпустить!

— То есть, какъ же это? — искренно удивляюсь я.

— Конечно, мошенникъ, — отвѣчаетъ онъ. — Ну, да мы ему и устроили штуку, — веселѣе продолжалъ онъ. — Онъ объявилъ, что заказы принимаетъ, ну мы и стали ему заказывать — кто десять тысячъ аршинъ, кто двадцать, кто пятьдесятъ тысячъ.

— Ну и что же? — заинтересовался я.

— Сбѣжалъ. Приказчики объявляютъ, что хозяинъ вчера уѣхалъ и велѣлъ приостановить пріемку заказовъ.

Встрѣчаю своего пациента, служащаго въ одной изъ огромныхъ мануфактурныхъ фирмъ.

— Любуется? — спросилъ онъ меня, когда я разсматривалъ симфонію красокъ.

— Какъ же не любоваться—вѣдь удивительно хорошо.

— Ничего бы, если бы не жульничество.

— То есть какъ жульничество?

— Да вѣдь этихъ матерій въ продажѣ не существуетъ. Попробуйте у нихъ въ лавкѣ спросить. Для выставки они работали специально, нѣкоторые даже машины особымъ способомъ выписывали, и отдельные рабочіе не одинъ мѣсяцъ работали.

— Такъ послѣ выставки-то будутъ же они работать, я думаю, машины-то останутся?

— Ничего не останутся, въ сарай свалить. И ужъ будьте увѣрены, по такимъ цѣнамъ продавать не будутъ.

Я не повѣрилъ. Думаю, либо ему отказали отъ мѣста, либо просто-на-просто онъ врагъ Россіи и ея промышленнаго прогресса. Спросилъ свидущаго человѣка, фабриканта и давняго пріятеля.

— Правда,—говорить.—Другъ передъ дружкой стараемся; выставка—тоже всякому орла хочется.

О машинахъ я не спрашивалъ; но то, что въ продажѣ выставленныхъ образцовъ по означеннымъ цѣнамъ не существуетъ, онъ вполне подтвердилъ.

— Это еще ничего. Вѣдь это всѣ знаютъ—тутъ обмана нѣтъ, а вотъ слышали вы, экспертиза открыта у...—онъ назвалъ тоже одну изъ извѣстныхъ мануфактурныхъ фирмъ—иностранные товары выставили. Вотъ это ужъ подлость!

— Это какъ?

— Очень просто. Купилъ въ Парижѣ да и выставилъ за свои. Разказами о продѣлкахъ «промышленявшихъ орла» людей полна была выставка.

— А вы слышали?...

И начинается разсказъ, какъ одинъ изъ винодѣловъ купилъ нѣсколько бутылокъ стараго французскаго вина, перелилъ въ свои бутылки, наклеилъ ярлыки своей фирмы и представилъ въ экспертизу и какъ среди экспертовъ отыскался такой геній, который послѣ перваго глотка опредѣлилъ, какое это французское вино и даже какого урожая.

Кто-то разсказываетъ въ «Нижегородскомъ Листѣ», какъ, соблазнившись эффектнымъ сервизомъ, стоявшимъ на выставкѣ всего 16 рублей и оказавшимся, конечно, проданнымъ, онъ отправился на ярмарку, въ лавку того же торговца.

...«На вопросъ о шестнадцати рублевомъ сервизѣ приказчики лукаво улыбаются и замѣчаютъ не безъ ехидства, что онъ дѣйствительно очень нравится публикѣ и что всѣ его спрашиваютъ, но цѣна его теперь повышена и что все-таки въ продажѣ у нихъ его не имѣется.

— «Но нельзя-ли хоть заказать подобный?—допрашиваемъ мы.

«Опять лукавая улыбка и не менѣе лукавый отвѣтъ, будто бы заказъ могутъ исполнить лишь по окончаніи выставки...

«Спрашиваемъ про вазы, статуэтки и пр.; но намъ вмѣсто нихъ (изящныхъ, которыя господинъ видѣлъ на выставкѣ) предлагаютъ какіе-то неуклюжіе горшки и безобразно размалеванныя куклы... и по такимъ возвышеннымъ цѣнамъ, что мы поневолѣ убѣждаемся въ существованіи той бездны, которая иногда отдѣляетъ нѣкоторыя выставочныя витрины отъ представляемой ими промышленности».

Мой пріятель, соблазнившійся папирсами, которыя онъ купалъ на выставкѣ, купилъ ихъ гдѣ-то на югѣ и искренно удивлялся, что и укупорка, и цѣна, и форма папирсовъ совершенно такая же и такъ же на обложкѣ значится «Нижегородская Выставка», а табакъ оказался другой, гораздо хуже.

Я не буду дольше останавливаться на всей той массѣ слуховъ, какіе циркулировали на выставкѣ относительно аналогичныхъ случаевъ, и передамъ лишь нѣсколько неожиданное для меня освѣщеніе, сдѣланное однимъ изъ моихъ знакомыхъ, тоже коммерческимъ человѣкомъ. Когда я замѣтилъ, что есть же, конечно, фирмы, не прибѣгающія къ подобнымъ приемамъ, онъ отвѣтилъ:

— Конечно, есть, только вѣдь это не выгодно: всѣ же для выставки отдѣльно работаютъ, какъ же онъ съ ходовымъ товаромъ сунется—срамъ, и награды не получить. Кромѣ того, выставка вѣдь это реклама...

Означенные слухи, главнымъ образомъ, шли изъ мануфактурнаго отдѣла, но, очевидно, стремленіе показать товаръ лицомъ и выставить свое дѣло въ такомъ видѣ, какъ оно не существуетъ, настолько велико, что проявлялось даже въ такихъ отдѣлахъ выставки, которые не имѣютъ ничего общаго съ куплей и продажей.

Благодаря все тому же стремленію показать свое производство въ наивыгоднѣйшемъ освѣщеніи (я не знаю, были ли здѣсь еще другія соображенія), тѣ свѣдѣнія и объясненія, которыя можно было получить въ витринахъ, носили нѣсколько односторонній характеръ. Любезно сообщалось все, что касается расширенія производства, насколько увеличилось количество веретенъ на такой-то хлопчатобумажной фабрикѣ, съ какого года перешли къ новой системѣ выработки и какіе отъ этого получились результаты, какіе завоеваны фирмой рынки и проч., и проч.; когда же желали знать о положеніи рабочихъ, размѣрѣ рабочаго дня, о движеніи заработной платы, о жилищахъ рабочихъ, о положеніи школьнаго и медицинскаго дѣла на фабрикѣ — точныхъ свѣдѣній въ большинствѣ случаевъ въ витринѣ не оказывалось. Кое-гдѣ предлагались брошюры, написанныя специально для выставки, но и въ нихъ излагалось главнымъ образомъ то, что касается расширенія производства и техническаго прогресса.

Мы можемъ получить точныя свѣдѣнія, насколько увеличилось хлопчатобумажное производство, выработка и сбытъ нефти, насколько больше добывается чугуна въ Россіи, какія явились новыя отрасли производства, въ родѣ добыванія марганца и ртути, вообще

относительно всего, что касается внѣшней стороны роста промышленности; но гораздо труднѣе судить о внутренней сторонѣ этого роста, о тѣхъ условіяхъ и той обстановкѣ, въ которой онъ совершается, о причинахъ, вызвавшихъ его,—есть ли это результатъ общаго культурнаго подъема страны, идетъ ли онъ рука объ руку съ поднятіемъ экономическаго состоянія страны вообще и проч., и проч.

Эта трудность зависитъ отъ того, какъ было представлено на выставкѣ крестьянство и земледѣліе, отъ невозможности составить себѣ широкое и цѣльное представленіе о культурной и экономической жизни главной массы трудящагося населенія Россіи.

III.

Не задолго до открытія выставки ко мнѣ является санитарный врачъ одного изъ губернскихъ земствъ,—приходитъ встревоженный.

— Нѣтъ ли у васъ ходовъ на выставкѣ, протекціи? Экспонаты наши пропали.

— Какъ пропали?—удивился я.

— Такъ и пропали. Служащій, котораго управа послала рази́щать ихъ, недѣлю разыскивалъ ихъ по выставкѣ и, не нашедши, прислалъ отчаянную телеграмму, что найти не можетъ. Вотъ мнѣ и пришлось ѣхать, бросивши всѣ дѣла.

Ушелъ онъ тоже огорченный, такъ какъ ходовъ у меня не оказалось. Черезъ нѣсколько дней встрѣчаю его повеселѣвшимъ.

— На слѣдъ попалъ!—объявилъ онъ мнѣ.—Кое-что разыскано. Спасибо, одинъ изъ завѣдующихъ (оказался знакомымъ) вошелъ въ мое положеніе. Теперь вотъ другое горе: не пускаютъ никуда, мѣста говорить нѣтъ.

Мой знакомый прожилъ еще недѣлю, пока «распихалъ», какъ онъ выразился, свои экспонаты.

Отсутствіе особаго земскаго отдѣла было огромнымъ пробѣломъ въ организаціи выставки. За отсутствіемъ такового, земскіе экспонаты размѣстились въ самыхъ разнообразныхъ и часто совсѣмъ неподходящихъ отдѣлахъ выставки. Тотъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ различными отдѣлами земской жизни, долженъ былъ потратить много времени, обладать терпѣніемъ и проявить исключительную ловкость и сообразительность. Земская медицина пріютилась въ баракахъ общества охраненія народнаго здравія,—частнаго общества, чуждаго задачамъ собственно земской медицины,—но эту же медицину можно встрѣтить въ инженерно-строительномъ отдѣлѣ. Обзоръ земскаго хозяйства и экономическаго положенія населенія Ирбитскаго земства почему-то пріютился рядомъ съ высшими женскими курсами, а свѣдѣнія объ исторіи народнаго образованія и о постановкѣ земскаго школьнаго дѣла въ Московской губерніи—въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ. Одно и то же московское земство на-

шло пріютъ въ четырехъ отдѣлахъ—сельско-хозяйственномъ, инженерно-строительномъ, въ кустарномъ и въ обществѣ охраненія народнаго здравія. Благодаря такому распределенію, невозможно было составить себѣ представленія ни объ отдѣльныхъ сторонахъ земской жизни, ни о характерѣ дѣятельности отдѣльныхъ земствъ. Самое же главное,—благодаря отказу въ устройствѣ особаго земскаго отдѣла, многія изъ земствъ не участвовали на выставкѣ, такъ что, несмотря на очень цѣнные экспонаты отдѣльныхъ земствъ, общаго представленія о ходѣ земской жизни по выставкѣ получить было нельзя.

А между тѣмъ, едва ли нужно доказывать, что общій обзоръ земской дѣятельности за истекшія 15—20 лѣтъ представилъ бы огромный интересъ. Судьбы земской медицины, принципами которой Россія въ правѣ гордиться, колоссальная работа, исполненная земствомъ за указанное время въ сферѣ почвенныхъ и земкостатистическихъ изслѣдованій, новое пробужденіе интереса къ народному образованію и выдвинутый вопросъ о всеобщемъ обученіи почти новое дѣло—экономическая дѣятельность земствъ, возникшіе въ послѣднее время экономическіе совѣты, агрономическіе смотрителя,—все это, собранное вмѣстѣ, демонстрированное со всей Россіи, представило бы огромный интересъ и дало бы цѣльную и яркую картину того, чѣмъ живетъ земство.

Въ отсутствіи особаго земскаго отдѣла была еще большая бѣда, Земство единственный представитель крестьянства и земледѣлія коренной Россіи и, за отсутствіемъ его, отсутствовалъ на выставкѣ и крестьянинъ. Какъ между всякими стилями и всѣми мотивами русской архитектуры отсутствовала обыкновенная русская изба, такъ между остяками и бурятами, киргизами и сартами, выставленными въ полныхъ костюмахъ, съ моделями ихъ жилищъ, орудіями производства, съ демонстраціей тѣхъ измѣненій въ ихъ культурной жизни, которыя произошли въ послѣднее время,—между всѣми этими окраинными народностями не было крестьянина центральной Россіи. Не было типовъ крестьянскихъ хозяйствъ разныхъ полосъ Россіи съ картиной ихъ культурной жизни и, если не считать далеко не полнаго кустарнаго отдѣла, не было ничего, что давало бы возможность составить представленіе о тѣхъ культурныхъ и экономическихъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ крестьянствѣ за послѣднее 15-лѣтіе.

Мужику вообще не посчастливилось на выставкѣ. Въ числѣ субсидій, такъ щедро раздававшихся на устройство гостинницъ для пріѣзжающихъ, не было ни одной, которая назначалась бы на какой нибудь баракъ, постоялый дворъ, ночлежный пріютъ, словомъ на помѣщеніе, гдѣ могли бы останавливаться люди, платящіе за ночлегъ 5 и 10 коп., а не два рубля.

Среди выставочныхъ ресторановъ, не знаю субсидированныхъ ли, не было ни одной народной столовой,—общедоступную столо-

ую г-на Вухвалова (субсидированную) таковою считать нельзя такъ какъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ стоилъ въ ней 40 коп. Среди всякихъ выставочныхъ развлеченій не было организовано ни одного, которое имѣло бы въ виду рабочихъ. Все было приготовлено для чистой публики, и черная публика, очевидно, понимала это, должно быть чувствовала себя на выставкѣ не у мѣста, почему и не посѣщала ее.

Я не говорю о пріѣзжей крестьянской публикѣ—это не удивительно—и имѣю въ виду только Нижегородскую губернію. Въ продолженіи ярмарки есть нѣсколько дней, 15-е іюля, 1-е, 6-е, 15-е и 25-е августа, когда на ярмарку стекается масса народу изъ окрестныхъ деревень и близлежащихъ мѣстностей—Балахны, Городца, Павлова, Лыскова и другихъ. Въ такіе дни плашкоутный мостъ, соединяющій городъ съ ярмаркой, занятъ непрерывной толпой народа, а въ павильонахъ и лавкахъ, торгующихъ крестьянскимъ товаромъ, и на Самокатской площади, гдѣ сосредоточены народныя развлеченія, бываетъ биткомъ набито.

Почти всѣ эти дни я посѣщалъ выставку и, къ моему удивленію, встрѣчалъ тамъ крестьянъ только какъ рѣдкія исключенія, не смотря на то, что выставка была въ какой нибудь верстѣ отъ ярмарки и входная плата была такъ не велика, что не могла служить препятствіемъ,—самокатскія удовольствія тоже вѣдь не даются даромъ.

Странныя мысли тогда приходили въ голову. Пустующая выставка—газетными статьями, расклеенными по всѣмъ желѣзно-дорожнымъ станціямъ объявленіями горячо зоветъ къ себѣ публику, всѣ эти изящные дворцы и блестящія витрины приглашаютъ, чтобы полюбовались на нихъ, бьетъ высокій фонтанъ, всѣми цвѣтами радуги переливаются цвѣтники, оркестръ наполняетъ выставку сладкими звуками,—а рядомъ, бокъ-о-бокъ, движется стотысячная толпа, и цѣлыми часами въ тѣнотѣ и духотѣ слушаетъ визгливую шарманку на Самокатской площади, рассматриваетъ голову верблюда, высовывающуюся изъ балагана, одѣтаго въ шкуру человѣка, который ѣсть живыхъ голубей, даму съ бюстомъ, на которомъ помѣщается поднось съ чашками, и не идетъ на выставку.

IV.

Кто были посѣтители выставки? Для кого эти милліоны, для кого строились замки и дворцы?

За четыре мѣсяца выставку посѣтило 991 тыс. съ небольшимъ, не считая пятнадцати тысячъ почетныхъ, служебныхъ и постоянныхъ билетовъ. Раздѣляя это число на 126 выставочныхъ дней, мы получимъ около 8 тыс. ежедневныхъ посѣщеній. Очень крупную долю этихъ посѣщеній нужно отнести насчетъ нижегородскихъ жителей и ярмарочныхъ людей, пріѣхавшихъ въ текущемъ году въ

большемъ противъ обыкновеннаго количества, которые являлись на выставку, такъ сказать, по спопутности. Не малую долю остальныхъ посѣтителей нужно отнести насчетъ, такъ называемой, курортной публики. У насъ уже давно выработался типъ лѣтняго фланера. Это состоятельные люди, которые вмѣсто дачъ предпочитаютъ уѣзжать въ русскіе или заграничные курорты, находя, что это гораздо веселѣе и разнообразнѣе. Для такихъ людей нижегородская выставка явилась сущимъ кладомъ, а если пристегнуть комфортабельную поѣздку по Волгѣ на шикарномъ пароходѣ, то и все лѣто можно было провести интереснѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ успѣвшихъ надоесть Ялтѣ и Кисловодскѣ.

Какъ-то въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ нынѣшнемъ году въ Ялтѣ поразительно малый съѣздъ публики и что ялтинскіе обыватели винятъ въ этомъ нижегородскую выставку. Я посмѣялся надъ такимъ, показавшимся столь несообразнымъ, объясненіемъ и забылъ.

— Вы не въ Ялтѣ?—приходилось мнѣ слышать выставочные разговоры.

— Нѣтъ, на коронаціи былъ, а потомъ вотъ на выставку. А вы вѣдь лѣто проводите на Кавказѣ?

— Да вотъ тоже—выставка.

Въ Ялтѣ я убѣдился, что газетное извѣстіе, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ его было справедливо. Съѣздъ былъ малый, и это замѣчалось особенно въ лучшихъ гостиницахъ, гдѣ останавливаются богатые люди.

— Вдвое хуже прошлогодняго торговали,—объяснили мнѣ въ одной изъ гостиницъ. Оно и понятно: лѣтній-то бюджетъ спустили въ Нижнемъ, ѣхать сюда и не съ чѣмъ.

Осмотръ выставки всей этой публикой производился болѣе или менѣе по одному шаблону. Передъ завтракомъ художественный отдѣлъ, павильонъ удѣловъ и тюлень, который говорилъ «мама» и «благодарю» и быстро снискалъ расположеніе публики; въ 12 завтракъ въ Эрмитажъ до часу-двухъ, а потомъ снова осмотръ. Репутація того, что стоитъ осматривать, установилась очень быстро. Центральное зданіе, панорама Нобеля, осетры и севрюги, плававшія въ акваріумѣ, бутылка сидра подъ пальмами Ноева, Сибирскій отдѣлъ, Среднеазиатскій, водолазъ въ морскомъ отдѣлѣ, воздушный шаръ, въ промежутки оркестръ Главача, въ 6 обѣдъ, въ томъ же Эрмитажѣ, или въ одной изъ выставочныхъ гостиницъ, а въ 8 и выставка закрывается. Таковъ средній и преобладающій типъ выставочнаго посѣтителя.

Были, конечно, и другого рода посѣтители, добросовѣстнѣйшимъ образомъ отдававшіеся изученію выставки и цѣлыми днями систематически работавшіе въ интересовавшихъ ихъ отдѣлахъ. Но такихъ посѣтителей было мало и они терялись въ массѣ фланирующей и развлекающейся публики.

Объ одной категоріи этихъ рѣдкихъ гостей на выставкѣ я хочу поговорить подробнѣе, такъ какъ они явились необыкновенно свѣтлымъ пятномъ на общемъ фонѣ и представляли собою совершенно своеобразное явленіе на выставкѣ.

Помню, въ началѣ іюня, въ 10 часовъ свѣтлаго радостнаго утра на Похвалинскомъ съѣздѣ, ведущемъ отъ моста въ городъ, мнѣ пришлось увидѣть интересную картину. Двадцать, тридцать извозчиковъ медленно поднимаются, на каждомъ двѣ дѣвушки съ узелками, старыми чемоданчиками, а сверху горы спускаются группы по четверо и пятеро молодыхъ людей и дѣвушекъ съ выставочными путеводителями, брошюрками, съ записными книжками въ рукахъ. Однѣ—учительницы, ѣдущія съ вокзала въ городъ, другіе—пріѣхавшіе раньше и идущіе на выставку. Они встрѣчаются и весело осматриваютъ другъ друга.

Я помню, какъ, увидѣвши эту картину, я невольно остановился и долго слѣдилъ глазами за тѣми и другими. Было что-то необыкновенно милое и пріятное въ этихъ молодыхъ, одушевленныхъ лицахъ, съ жаднымъ любопытствомъ всматривавшихся въ живописный берегъ Волги, въ свѣтлую панораму блестящей въ лучахъ утренняго солнца рѣки.

Мнѣ приходилось ежедневно въ этотъ часъ ѣздить въ городъ тѣмъ же съѣздомъ, много проводилъ и встрѣтилъ я такихъ группъ и всякій разъ я не могъ смотрѣть на нихъ безъ какого-то чувства умиленія. Въ первое время, іюнь и іюль, когда ярмарка еще не начиналась и пріѣзжихъ было чрезвычайно мало, а выставка наполнялась главнымъ образомъ досужими нижегородцами, экспонентами и ихъ служащими и тѣми молодыми людьми въ форменныхъ фуражкахъ съ значками на сюртукахъ, которыхъ такъ много было на выставкѣ,—учителя и учительницы были необыкновенно замѣтны.

Въ научно-учебномъ отдѣлѣ, въ павильонѣ воскресныхъ школъ г-жи Алчевской, въ образцовой министерской школѣ, въ сибирскомъ отдѣлѣ, въ несгораемыхъ постройкахъ, на опытныхъ поляхъ, въ экскурсіяхъ по лѣсоводству, которыя устраивались въ прилегающемъ къ выставкѣ шуваловскомъ лѣсу—вездѣ можно было встрѣтить эти характерныя группы, съ тѣми же одушевленными лицами и съ тѣмъ же серьезнымъ вниманіемъ ко всему, что встрѣчалось. Въ театрахъ—оперномъ и драматическомъ—верхи были заняты главнымъ образомъ учителями и учительницами (имъ дѣлалась большая скидка), многіе изъ которыхъ никогда въ жизни не видали путной драматической труппы и не слыхали хорошо поставленной оперы,—и едва-ли артисты имѣли когда нибудь болѣе внимательныхъ и благодарныхъ слушателей и болѣе восторженныхъ цѣнителей.

Я помню, около часу ночи меня позвали въ одно изъ городскихъ училищъ, гдѣ останавливались пріѣзжіе учителя,—къ заблѣвшему учителю земской школы. Въ корридорѣ, около двухъ длин-

ныхъ столовъ за самоварами сидѣли и горячо о чемъ-то спорили человекъ двадцать учителей. Я прошелъ въ одинъ изъ классовъ, биткомъ набитый кроватами, на которыхъ спали учителя. Послѣ осмотра, я спросилъ у больного, почему не ложатся тѣ, которые сидятъ за чаемъ.

— Да видите-ли, за однимъ столомъ сидятъ пришедшіе изъ оперы, а за другимъ изъ драмы,—вотъ часъ битый и спорять о значеніи оперы и драмы.

Они, учителя и учительницы, были такъ замѣтны, особенно въ первое пустое время выставки, что очень скоро привлекли къ себѣ вниманіе и администраціи выставки, и мѣстныхъ нижегородскихъ людей. Я помню одну изъ первыхъ лекцій въ нижегородскомъ отдѣлѣ общества охраненія народнаго здоровья, гдѣ д-ръ Виреніусъ читалъ о прямомъ и косомъ почеркѣ. Лекція была вызвана исключительно пріѣздомъ учителей и учительницъ. Она имѣла характеръ бесѣды, и нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ относились къ ней слушатели. Скоро количество лекторовъ быстро возросло,—бывали дни, въ которые назначались по 3 лекціи. Они касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ школьно-педагогическаго міра. Вопросъ былъ такъ великъ, слушатели относились съ такимъ захватывающимъ интересомъ, что положительно увлекали лекторовъ. Въ концѣ концовъ лекціи сдѣлались однимъ изъ самыхъ крупныхъ и выдающихся фактовъ выставки и внесли въ нее струю живого дѣла. Вмѣстѣ съ лекціями измѣнился характеръ тѣхъ объясненій, которыя давались публикѣ завѣдующими отдѣлами. Они систематизировались, назначены были опредѣленные часы для объясненій и эти объясненія приняли характеръ лекцій, какъ напр. въ сибирскомъ отдѣлѣ, гдѣ давалась публикѣ и демонстрировалась на выставленныхъ экспонатахъ широкая характеристика быта населенія, его культурнаго уровня, экономическихъ условій, его религіи и духовной жизни.

Это былъ первый импровизированный всероссійскій съѣздъ учителей и учительницъ начальныхъ школъ, и въ первый разъ они почувствовали себя предметомъ вниманія и заботливости. Они были изумлены и растроганы той необыкновенной предупредительностью, съ которой относились къ нимъ. Когда Острогорскій въ своей лекціи коснулся положенія сельскихъ учителей и учительницъ, нѣкоторые плакали, а двѣ учительницы, изъ которыхъ одна прослужила въ сельской школѣ 19 лѣтъ, а другая 16, возвращаясь на пароходѣ съ выставки и передавая свои впечатлѣнія, говорили моему знакомому, что десять дней, проведенные ими на выставкѣ, останутся навсегда, до могилы самымъ свѣтымъ воспоминаніемъ въ ихъ жизни. Затравленный, загнанный, изголодавшійся по духовной пищѣ, не видящій ни откуда ни ласки, ни привѣта, ни вниманія, сельскій учитель былъ пораженъ и вволнованъ, и нужно было

видѣть, какъ горячо благодарилъ онъ и лекторовъ, и всѣхъ тѣхъ, кто оказывалъ ему вниманіе и поддержку.

Весь этотъ съѣздъ устроился, благодаря дѣятельности одного маленькаго нижегородскаго общества—О-ва Взаимнаго вспомо- ществованія учителямъ и учительницамъ нижегородской губерніи. Оно нашло средства *) и отыскало помѣщеніе (городскія училища); оно широко извѣстило дирекціи народныхъ училищъ, училищныя совѣты, земскія и городскія управы; оно устроило такъ, что пріѣзжавшіе учителя и учительницы за 1 р. 50 к. въ десять дней, т. е. по 15 коп. въ день, могли имѣть помѣщеніе съ самоварамъ и прислугой. И вотъ на кличъ, поданный маленькимъ частнымъ обществомъ, съѣхалось около 6 тыс. учителей и учительницъ изъ самыхъ дальнихъ угловъ Россіи. Безъ него, этого общества, очень многіе не имѣли бы возможности посѣтить выставку, такъ какъ были учителя, которые къ 15 копѣйкамъ обязательной платы могли прибавить только 5 коп. и въ десять дней пытались исклю- чительно чаемъ и хлѣбомъ.

Я потому такъ долго остановился на посѣщеніи выставки учи- телями и учительницами, что нѣкоторая окраска, приданная ими выставкѣ, можетъ лучше всего показать, чѣмъ должна быть выстав- ка и при какихъ условіяхъ она можетъ имѣть смыслъ и крупное общественное значеніе; она должна преслѣдовать образовательныя цѣли, имѣя въ виду, конечно, не однихъ только учителей и учитель-ницъ, а всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ получить сгруппированныя, ши- роко освѣщенные и демонстрированныя свѣдѣнія въ той или дру- гой области русской экономической и культурной жизни.

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

Вопросы труда на торгово-промышленномъ съѣздѣ.

Вопросъ о положеніи труда въ фабрично-заводской промышлен- ности—несомнѣнно одинъ изъ самыхъ важныхъ и серьезныхъ во- просовъ нашей общественной жизни. Въ послѣднее время рядъ разнообразныхъ обстоятельствъ выдвинулъ его на первый планъ и вызвалъ особенное вниманіе и правительственныхъ круговъ, и обще- ственнаго мнѣнія къ различнымъ сторонамъ фабричнаго быта и къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ поставленъ фабричный трудъ.

*) 150 рублей было ассигновано Министерствомъ Народнаго Просвѣще- нія; думаю, самая скромная субсидія изъ всѣхъ выданныхъ на выставкѣ.

Само собою разумеется, что этот вопрос не могъ быть обойденъ и въ сужденіяхъ всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда, имѣвшаго своею цѣлью «практическое уясненіе нуждъ русской промышленности и торговли и пожеланій торгово-промышленнаго сословія».

Въ утвержденной министромъ финансовъ программѣ «вопросовъ, могущихъ подлежать обсужденію на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ» положенія труда въ промышленности касались два пункта, 9-й и 10-й. Пунктъ 9-й выдвигалъ специальный вопросъ «о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ фабричныхъ рабочихъ». Въ слѣдующемъ, 10-мъ пунктѣ ставился болѣе общій вопросъ «о мѣрахъ къ улучшенію быта рабочихъ, предупрежденію несчастныхъ случаевъ и обезпеченію рабочихъ и ихъ семействъ на случай старости и неспособности къ труду». Въ частности, изъ числа такихъ мѣръ упоминались «кассы: сберегательныя, пенсіонныя, вспомогательныя, врачебной помощи и др. образованіе частныхъ союзовъ владѣльцевъ промышленныхъ предприятий для предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ рабочими и профессиональных болѣзней; распространеніе потребительныхъ товариществъ; учрежденія для возвышенія уровня умственнаго и нравственнаго развитія рабочихъ; жилища для рабочихъ; страхованіе рабочихъ».

Какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня, вопросъ объ условіяхъ фабрично-заводскаго труда не былъ поставленъ на съѣздѣ *съ полнымъ своимъ объемомъ*. Программа съѣзда не затрогивала многихъ существенныхъ сторонъ этого вопроса (напр., всего того, что касается размѣровъ и формъ вознагражденія наемнаго труда). Во время съѣзда кругъ вопросовъ, подвергнутыхъ обсужденію, еще болѣе сужился....

Тѣмъ не менѣе и въ этихъ рамкахъ работы съѣзда дадутъ очень цѣнный матеріалъ для освѣщенія нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ фабрично-заводскаго быта. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ вниманіе нашихъ читателей.

По перечисленнымъ выше вопросамъ министерской программы къ съѣзду представлено было 35 печатныхъ докладовъ—болѣе, чѣмъ по какому-либо изъ остальныхъ отдѣловъ этой программы.

Наибольшая часть этихъ докладовъ касалась трехъ крупныхъ вопросовъ: 1) о нормировкѣ рабочаго времени на фабрикахъ, 2) объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и 3) о мѣрахъ для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня рабочихъ.

Въ наиболѣе общей формѣ вопросъ о *рабочемъ времени* на фабрикахъ и заводахъ поставленъ былъ въ докладѣ инженеръ-

технолога Голгофскаго *),—излагавшемъ результаты 25-лѣтнихъ наблюденій автора надъ рабочими, занятыми въ хлопчато-бумажной и льняной промышленности.

«При входѣ на благоустроенную фабрику,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ—свѣжій человѣкъ поражается двумя, на первый взглядъ несовмѣстными явленіями; это, съ одной стороны, опрятность и чистота фабричныхъ залъ, доходящая иногда до изысканности, блескъ машинъ, теплый и сухой воздухъ, а главное, такая легкость работы, что даже женщины и дѣти работаютъ безъ особаго напряженія силъ; это скорѣе гулянье, чѣмъ трудъ. Другое поражающее явленіе—это видъ рабочихъ: они худосочны, ростомъ малы, хотя зрѣлаго и даже почтеннаго возраста, корпусъ недостаточно развитъ, всѣ части тѣла какъ-то миниатюрны, худоба бросается въ глаза, людей со свѣжимъ и здоровымъ тѣломъ разъ-два, да и обчелся а атлетовъ и въ поминѣ нѣтъ; словомъ это какія-то пожилыя дѣти или молодые старики».

Это непосредственное впечатлѣніе подтверждается и результатами антропометрическихъ изслѣдованій. Московскими санитарными врачами произведенъ былъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ измѣреній роста, вѣса, объема груди и другихъ признаковъ физическаго развитія среди фабричныхъ рабочихъ центрального района. Измѣренія эти дали очень неблагопріятныя указанія, въ особенности по отношенію къ рабочимъ, занятымъ обработкою волокнистыхъ веществъ. Г. Голгофскій приводитъ въ своемъ докладѣ свѣдѣнія о подобныхъ же наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ надъ рабочими Норской мануфактуры (Ярославской губ.). Имъ было произведено болѣе 300 параллельныхъ измѣреній роста и вѣса тѣла фабричныхъ рабочихъ и другихъ категорій сельскихъ работниковъ (именно имъ было изслѣдовано до 200 фабричныхъ и 119 не фабричныхъ рабочихъ: плотниковъ, пильщиковъ, землекоповъ, возчиковъ дровъ и чернорабочихъ). Результаты этихъ изслѣдованій сгруппированы въ особой таблицѣ, приложенной къ докладу. Цифры этой таблицы показываютъ, что въ каждой изъ двухъ большихъ возрастныхъ группъ, на которыя авторъ разбилъ всѣхъ подвергнутыхъ измѣренію рабочихъ (отъ 17 до 24 лѣтъ и отъ 25 до 50) средній вѣсъ и средній ростъ фабричныхъ рабочихъ *ниже* средняго вѣса и роста каждой изъ остальныхъ категорій работниковъ, а среди фабричныхъ рабочихъ меньшія цифры роста и вѣса приходятся на рабочихъ смѣнныхъ, работающих *по ночамъ*, сравнительно съ рабочими дневными.

Гдѣ же лежатъ тѣ причины, которыя такъ неблагопріятно отъзв-

*) «Современный фабрично-рабочій въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи; причины, поддерживающія невысокій уровень его развитія, и мѣры къ подъему его благосостоянія».

ваются на физическомъ ростѣ и развитіи рабочихъ? Г. Голгофскій главную изъ этихъ причинъ видитъ въ *переутомленіи* рабочаго. «Самымъ угнетающимъ и самымъ губительнымъ образомъ—говоритъ онъ—дѣйствуетъ на организмъ фабрично-рабочаго *продолжительность его рабочаго дня* и, въ особенности, *ночная работа*. Плотники, пильщики, землекопы, возчики дровъ и чернорабочіе зимою работаютъ по 7—8 часовъ, лѣтомъ по 13—14 часовъ, въ среднемъ не болѣе 10½ часовъ въ сутки. Нашъ же фабрично-рабочій съ 17 лѣтняго возраста обыкновенно работаетъ 12 часовъ въ сутки». На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ существуетъ ночная работа, рабочее время распределяется обыкновенно такъ, что послѣ 6 часовой работы, рабочій имѣетъ 6 часовъ отдыха, затѣмъ опять слѣдуетъ 6 часовъ работы и 6 отдыха. «Смѣны фабрично-рабочихъ всего чаще устанавливаются: въ 4 ч. утра, въ 10 ч. утра, въ 4 ч. дня и въ 10 ч. вечера. Первая смѣна рабочихъ, начиная работать въ 4 ч. утра, кончаетъ въ 10 и приходитъ домой въ 10½ ч. утра, 1 часъ тиши она проводитъ за чаемъ и обѣдомъ, а въ 3½ ч. она уже должна уходить на второй періодъ работы, такъ что на отдыхъ остается всего 4 часа. Но въ этотъ промежутокъ рабочему рѣдко удается спать: дневной свѣтъ, съ одной стороны, и общее движеніе и шумъ, съ другой, гонять отъ него сонъ; у иного найдется еще какая нибудь домашняя работа, которая обыкновенно откладывается на эту же часть свободнаго времени, такъ что въ большинствѣ случаевъ рабочій не отдыхаетъ и, не возстановивъ своихъ силъ, идетъ на второй срокъ работы; окончивъ и эту работу, рабочій, наконецъ, въ 10 ч. вечера уходитъ домой. Выключая изъ этого 6-часоваго свободнаго времени 1 часъ на переходы и 1 часъ на чай и ужинъ, рабочій имѣетъ 4 часа на сонъ... Въ результатъ на 20 ч. бодрствованія только 4 часа сна». Положеніе другой смѣны рабочихъ еще хуже, такъ какъ здѣсь оба свободные отъ работъ промежутка приходится днемъ (съ 4 до 10 ч. утра и съ 4 ч. дня до 10 ч. вечера). «Въ лѣтнее время тамъ, гдѣ устроены бараки, рабочіе удаляются отъ своихъ и сосѣдскихъ семей въ бараки и спятъ болѣе нормально. Къ сожалѣнію, лѣтніе бараки представляютъ роскошь, встрѣчающуюся на немногихъ фабрикахъ». «Итакъ—заключаетъ г. Голгофскій—въ большинствѣ случаевъ рабочіе въ одну недѣлю спятъ настоящимъ сномъ 4 ч. въ сутки, а въ другую только урывками, случайно и не всегда»...

Въ зависимости отъ этого основного недостатка — чрезмѣрной продолжительности и неправильнаго распредѣленія рабочаго времени, находятся и многія другія ненормальныя явленія въ строѣ фабричной жизни. Здѣсь же лежитъ и причина, ослабляющая воздѣйствіе многихъ добрыхъ начинаній для возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня рабочихъ. Среди рабочихъ есть не мало грамотныхъ (въ умственномъ отношеніи фабричный рабочій также опере-

диль своего деревенского собрата, какъ отсталъ отъ него въ отношеніи физическомъ), но рабочему некогда читать» *).

И трактиръ пріобрѣтаетъ особую привлекательность именно для утомленнаго рабочаго, который идетъ сюда, «чтобы забыться за чаркой хлѣбнаго, которая даетъ ему мимолетное возбужденіе. Отъ этого рабочій часто предпочитаетъ его гуляніямъ и чтеніямъ,—не рѣдко тоже довольно утомительнымъ. Рядъ любопытныхъ данныхъ, сгруппированныхъ въ докладѣ г. Голгофскаго относительно случаевъ «прогула рабочихъ», показываетъ, что и здѣсь главною причиною, вліяющею на большое относительно число такихъ случаевъ, является тоже утомленіе фабричнаго рабочаго отъ общей продолжительности рабочаго дня и ночной работы въ частности.

Все это вмѣстѣ приводитъ автора излагаемаго доклада къ тому общему выводу, что «первая и существенная мѣра къ подъему общаго благосостоянія нашего фабрично-рабочаго есть *сокращеніе рабочаго дня и полная отмена ночной работы*. При этой и *только при этой мѣрѣ* всѣ остальные благія начинанія и учрежденія, какъ библіотеки, систематическія воскресныя чтенія, періодическія музыкальныя и другія развлеченія, регулярныя гимнастическія упражненія и пр. окажутъ свое благотворное дѣйствіе».

Ночная работа на фабрикахъ не представляетъ у насъ всеобщаго факта, но всетаки она имѣетъ значительное распространеніе. Примиѣняется она какъ въ тѣхъ производствахъ, которыя, какъ напр. стеклянное, работаютъ непрерывнымъ огнемъ, такъ и тамъ, гдѣ по техническимъ условіямъ непрерывность работы не составлять необходимаго требованія. Всего болѣе распространена суточная, непрерывная работа, днемъ и ночью, въ центральномъ районѣ (въ губерніяхъ Московской, Владимірской и др.), гдѣ, какъ извѣстно,

*) Г. Голгофскій приводитъ не безынтересныя данныя по этому предмету, относящіяся къ Норекой мануфактурѣ. На этой мануфактурѣ съ 1892 г. заведена библіотека для рабочихъ. Грамотныхъ рабочихъ на мануфактурѣ 914 или 55% всѣхъ работающихъ; но пользуется книгами едва 1/10 ихъ часть. И это не постоянные абоненты библіотеки. Составъ читающихъ постоянно мѣняется. За все время существованія библіотеки въ ней перебывало 816 чел., или 89% всѣхъ грамотныхъ. Книги выдаются на домъ бесплатно. Интересуясь разъясненіемъ причинъ, почему рабочіе перестаютъ читать, г. Голгофскій началъ спрашивать рабочихъ «отчего они не берутъ книгъ и не читаютъ? Можетъ быть не интересны для нихъ книги, находящіяся въ библіотекѣ. Я получилъ, говорить онъ, неутѣшительные отвѣты, которые всѣ сводятся къ одному: «некогда читать». Подтвержденіемъ этого можетъ служить и тотъ фактъ, что всего менѣе читающихъ оказалось среди «смынныхъ» рабочихъ, занятыхъ работою и по ночамъ. За все время существованія библіотеки въ ней перебывало 33,75% всѣхъ смынныхъ рабочихъ, а денныхъ—112% (т. е. нѣкоторые по два и болѣе раза); въ послѣднее время среди денныхъ рабочихъ было читающихъ 27,5%, среди смынныхъ только 9,5%.

находятся самыя крупныя фабрики, занятыя обработкою волокна. Въ Петербургскомъ, Прибалтійскомъ и Привислянскомъ районахъ ночная работа существуетъ только въ видѣ исключеній.

При суточной работѣ рабочіе распределяются обыкновенно на двѣ смѣны, работающія каждая по 12 часовъ. Въ большинствѣ случаевъ рабочий день каждой смѣны раздѣляется на два періода, по 6 часовъ каждый, съ промежуткомъ тоже въ 6 часовъ; такимъ образомъ то распределение рабочаго времени, отъ котораго исходить въ своихъ соображеніяхъ г. Голгофскій, является типичнымъ для фабрикъ, работающихъ цѣлыя сутки, смѣнными рабочими. Иногда, впрочемъ, работы распределяются и иначе. Такъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ рабочіе въ каждой смѣнѣ работаютъ по 12 часовъ непрерывно. Такой распорядокъ работъ существуетъ, напр., на свекло-сахарныхъ заводахъ*).

Затѣмъ послѣ изданія закона 1885 г., запретившаго ночную работу женщинъ и подростковъ, на многихъ фабрикахъ установились постоянныя дневныя и постоянныя ночныя смѣны: «въ первой работаютъ женщины и подростки; ихъ работа начинается въ 5 часовъ утра и кончается въ 9 часовъ вечера, съ 4-хъ часовымъ перерывомъ посреди дня. На долю же мужчинъ приходится рабочее время съ 11 до 3 часовъ дня и съ 9 часовъ вечера до 5 часовъ ночи... мужчины обречены, такимъ образомъ, на постоянную ночную работу**).

Эти условія работы, конечно, нисколько не легче тѣхъ, которыя разсматриваются въ докладѣ г. Голгофскаго.

Рабочій день менѣе чѣмъ въ 12 ч. на фабрикахъ, работающихъ смѣнными рабочими, встрѣчается относительно рѣдко. При 24-хъ часовой работѣ фабрики, это бываетъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда работа ведется не двумя, а тремя смѣнами рабочихъ (по 8 часовъ каждая), затѣмъ иногда, при двухъ смѣнахъ рабочихъ, фабрика работаетъ не 24, а только 18 часовъ въ сутки; причемъ на каждую смѣну приходится по 9 рабочихъ часовъ.

Этотъ послѣдній случай относится уже къ типу работъ *дневныхъ*, такъ какъ въ теченіе тѣхъ 6 часовъ (отъ 10 вечера до 4 утра), которые оффиціально признаются *ночью*, работы останавливаются.

Фабрики, работающія только днемъ, пользуются обыкновенно однимъ комплектомъ рабочихъ, которые работаютъ въ теченіе всего

*) «На всѣхъ безъ исключенія свекло-сахарныхъ заводахъ» — говорится въ докладѣ г. Евтушевскаго «о трудѣ женщинъ и подростковъ на свекло-сахарныхъ заводахъ» — принять двѣнадцати часовой періодъ въ сутки для каждаго изъ двухъ комплектовъ рабочихъ, причемъ одинъ изъ нихъ занятъ работою съ 12 часовъ дня до 12 часовъ ночи, другой съ 12 часовъ ночи до 12 часовъ дня. Никакихъ перерывовъ въ производствѣ не бываетъ, во всѣ воскресныя и праздничныя дни работы не прекращаются» (стр. 5).

**) Докладъ инженеръ-технолога А. Быкова: «Какъ обезпечить воскресный отдыхъ фабричнымъ рабочимъ», (стр. 5—6).

рабочаго дня фабрики (за исключеніемъ упомянутого случая, когда при протяженіи этого рабочаго дня въ 18 часовъ, работа ведется двумя сѣнами). Число рабочихъ часовъ такой дневной работы часто *превышаетъ* 12-ти часовой періодъ, обычный при сѣнной работѣ.

Есть фабрики, на которыхъ рабочіе заняты 14—15 часовъ въ сутки. Трнадцати часовой рабочій день примѣняется на очень многихъ крупныхъ мануфактурахъ*). Вообще тамъ, гдѣ существуетъ рядомъ и сѣнная, и дневная работа, продолжительность послѣдней всегда нѣсколько болѣе, чѣмъ первой.

Съ другой стороны, встрѣчается не мало случаевъ рабочаго дня короче 12 часовъ (на фабрикахъ съ вредными производствами, какъ напр. выдѣлка оцинцовыхъ бѣлилъ, количество рабочихъ часовъ падаетъ даже до 6).

Сколько нибудь точной статистики рабочаго времени на русскихъ фабрикахъ и заводахъ мы не имѣемъ. Нѣкоторая попытка опредѣлить относительную распространенность рабочаго дня разной продолжительности сдѣлана была въ статьѣ бывшаго главнаго фабричнаго инспектора Я. Т. Михайловскаго: «о заработной платѣ и продолжительности рабочаго времени на русскихъ фабрикахъ и заводахъ», помѣщенной въ изданіи департамента торговли и мануфактуръ: «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи».

По исчисленіямъ г. Михайловскаго, основаннымъ на данныхъ, собранныхъ фабричною инспекціею—круглыя сутки, сѣнными рабочими, работаетъ около 20%, всѣхъ промышленныхъ заведеній Европейской Россіи. Какъ мы видѣли, въ такихъ случаяхъ каждая сѣнна рабочихъ работаетъ обыкновенно 12 часовъ, причемъ ночная работа или распределяется между обѣими сѣнами поочередно, или же одна сѣнна (мужская) постоянно работаетъ ночью, а другая (женщины и подростки) днемъ.

Рабочій день свыше 12 часовъ примѣняется, по вычисленію г. Михайловскаго, въ 19% всѣхъ промышленныхъ заведеній. Всѣ эти заведенія работаютъ только днемъ.

Такимъ образомъ около $\frac{1}{5}$ всѣхъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи принадлежать къ тѣмъ категоріямъ промышленныхъ заведеній, въ которыхъ рабочіе (мужчины) или работаютъ ночью, или болѣе 12 часовъ въ сутки днемъ.

*) «На основаніи имѣющихся данныхъ, мы можемъ принять, что въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ длина рабочаго дня при сѣнной (мужской) работѣ равна 12 часамъ, при денной—13 часамъ». Докладъ инж.-техн. М. Ковальскаго «о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ фабричныхъ рабочихъ». Наблюденія автора относятся къ центральному району. Г. Деметъевъ опредѣляетъ среднюю продолжительность рабочаго дня для фабрикъ Московской губерніи въ 13 часовъ; г. Янжулъ (по даннымъ 1882—83 г.) въ $12\frac{1}{2}$ часовъ. Трнадцати часовой рабочій день,—съ 6 ч. утра до 8 ч. вечера, съ часовымъ перерывомъ для обѣда,—принятъ и на многихъ петербургскихъ прядильно-ткацкихъ мануфактурахъ. См. «Правительств. Вѣсти.» 1896, № 158.

Двѣнадцать часовъ въ сутки работаютъ 36,8% всѣхъ фабрикъ и заводовъ; въ 20,8% заведеній существуетъ 11-часовой, въ 18,1%—10-часовой рабочий день; наконецъ менѣе 10 часовъ въ сутки рабочіе заняты въ 4,1% всѣхъ промышленныхъ заведеній. *)

Всѣ эти числа имѣютъ, впрочемъ, только приблизительное и условное значеніе. Г. Михайловскій свои процентные выводы строить по отношенію къ числу *промышленныхъ заведеній* (фабрикъ и заводовъ); но «промышленное заведеніе» единица далеко не однородная. Есть заведенія, на которыхъ занято по нѣскольку тысячъ человекъ, и есть такія, гдѣ число рабочихъ не достигаетъ и десятка. Группы, составленныя изъ такихъ разнородныхъ единицъ, не всегда соизмѣримы одна съ другой. Мы видѣли выше, что къ категоріи фабрикъ съ ночными работами или съ продолжительнымъ рабочимъ днемъ отходить большая часть фабрикъ центрального района, гдѣ расположены самыя крупныя промышленныя заведенія, а также извѣстное число крупныхъ мануфактуръ и въ другихъ районахъ (напр., петербургскомъ, съ 13-часовымъ рабочимъ днемъ). Поэтому едва ли будетъ ошибочно предположить, что та поправка, которую слѣдуетъ внести въ цифры г. Михайловскаго,—если мы захотимъ перейти отъ числа *фабрикъ* къ числу *рабочихъ*,—должна быть сдѣлана въ сторону *увеличенія*, а не уменьшенія коэффиціента, вычисленнаго имъ для заведеній, гдѣ рабочіе заняты ночью или болѣе 12 часовъ въ сутки днемъ.

Въ виду всего этого совершенно понятно, что вопросъ о необходимости *сокращенія рабочаго дня* и *ограниченія ночной работы* (не только для подростковъ и женщинъ, но и для взрослыхъ рабочихъ) давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе и въ обществѣ, и среди заинтересованныхъ круговъ. При этомъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе получаетъ распространеніе мысль о необходимости *законодательнаго нормированія* рабочаго времени. Сторонниками такого нормированія являются не только рабочіе (что вполнѣ понятно), но и значительное число фабрикантовъ. Переутомленіе рабочихъ неизбежно отражается на самомъ качествѣ работы, въ особенности тамъ, гдѣ требуется напряженное вниманіе со стороны

*) Въ статьѣ «Количество труда на нашихъ фабрикахъ», помѣщенной въ № 282 «Спб. Вѣдом.», отъ 13 окт. 1896 г., приводятся слѣд. данныя о рабочемъ днѣ на фабрикахъ и заводахъ: 14,6% всѣхъ фабрикъ имѣютъ рабочий день менѣе 12 часовъ, 72,5%—отъ 12 до 13½ часовъ (въ томъ числѣ 33,3% фабрикъ работаютъ 12—12½ ч. и 39,2%—13—13½ ч.); болѣе 13½ часовъ (отъ 14 до 18) работаетъ 12,9% всѣхъ фабрикъ. Средняя арифметическая на всѣхъ случаяхъ даетъ *средній* рабочий день для всѣхъ фабричныхъ заведеній въ 12 часовъ 39 мин. Средняя недѣльная работа составляетъ 74 часа; въ Англіи она равна 56 час. Повидимому приведенныя цифры заимствованы изъ какихъ-то еще не опубликованныхъ официальныхъ матеріаловъ.

рабочаго (такъ, напр., при механическомъ пряденіи и ткачествѣ и другихъ т. п. процессахъ). Поэтому за извѣстными предѣлами чрезмѣрно длинный рабочій день перестаетъ быть выгоднымъ и для фабриканта. Этимъ обстоятельствомъ въ значительной степени объясняется наблюдаемый въ послѣднее время фактъ добровольнаго перехода нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній къ болѣе короткому рабочему дню. Затѣмъ извѣстное вліяніе въ данномъ случаѣ должны были оказать и узаконенія о работѣ женщинъ и подростковъ, косвенно отражающіяся и на распорядкахъ работы остальныхъ категорій рабочихъ.

Проектъ законодательнаго воспрещенія *ночной* работы для рабочихъ всѣхъ категорій и во всѣхъ фабричныхъ производствахъ (за исключеніемъ только тѣхъ, которые по своему своему не допускаютъ перерыва въ работѣ) возникъ еще въ 1884 году по инициативѣ петербургскихъ фабрикантовъ. Въ виду сильныхъ протестовъ со стороны промышленниковъ другихъ районовъ, петербургскій проектъ не получилъ осуществленія. Все дѣло ограничилось только изданіемъ законовъ 1885 и 1886 г.г., воспрещавшихъ ночную работу для подростковъ (15—17 лѣтъ) и для женщинъ. Такое ограниченіе примѣнялось при этомъ только къ фабрикамъ хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и смѣшанныхъ тканей. Одновременно съ этимъ, по ходатайству фабрикантовъ центрального района, рабочій день былъ увеличенъ для нихъ на 2 часа, а ночь настолько же сокращена, противъ опредѣленій закона о малолѣтнихъ 1882 г. Теперь—для тѣхъ случаевъ, когда на фабрикѣ устанавливался непрерывный 18-часовой рабочій день—«ночнымъ» признавалось время между 10 ч. вечера и 4 утра, а не между 9 и 5 часами, какъ устанавливалъ законъ 1882 г.

Черезъ 10 лѣтъ петербургскій проектъ вновь поднимается фабрикантами лодзинскаго района, но уже въ болѣе широкомъ видѣ. Теперь дѣло шло не объ одномъ только ограниченіи ночныхъ работъ, но и о законодательной нормировкѣ продолжительности рабочаго дня. Въ началѣ 1894 г. общее собраніе лодзинскаго отдѣленія Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, рассмотрѣвъ подробно мотивированный проектъ правленія общества, постановило ходатайствовать предъ министромъ финансовъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго времени во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ Европейской Россіи. Въ лодзинскомъ проектѣ предполагалось запрещеніе ночной работы съ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра и установленіе нормальнаго рабочаго дня въ предѣлахъ отъ 9 до 12 часовъ въ сутки, примѣнительно къ условіямъ различныхъ отраслей промышленности, съ обязательнымъ перерывомъ, по крайней мѣрѣ, на 1 часъ, для обѣда. Проектъ этотъ разосланъ былъ и въ другія техническія и торгово-промышленныя общества. При московскомъ «Обществѣ для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности» образована была по этому поводу, въ концѣ

1894 г., особая комиссія. Комиссія эта, послѣ двухлѣтней работы, выработала извѣстныя предположенія, принятыя потомъ и «обществомъ». Докладъ по этому поводу внесенъ былъ, по порученію общества, на торгово-промышленный съѣздъ г. Алянчиковымъ (директоромъ одной изъ самыхъ крупныхъ нашихъ мануфактуръ, Никольской, Саввы Морозова и К^о).

Московский проектъ исходитъ изъ того общаго положенія, что «установившаяся въ большинствѣ нашихъ фабрикъ и заводовъ продолжительность рабочаго времени въ теченіе сутокъ *должна быть признана слишкомъ высокою*».

«Поэтому въ интересахъ предпринимателей и рабочихъ, т. е. въ интересахъ самой промышленности, слѣдуетъ желать, чтобы былъ изданъ законъ, нормирующій рабочее время не только женщинъ и дѣтей, но также и взрослыхъ мужчинъ» (п. 1-й).

Максимальный предѣлъ рабочаго дня для всѣхъ производствъ вообще проектированъ *въ 12 часовъ на каждого работника*, не включая сюда перерыва на ѣду и отдыхъ (п. 2-й). Для тѣхъ отраслей производства, «гдѣ работа отличается особою интенсивностью или гдѣ рабочіе неизбежно, вслѣдствіе свойствъ самаго производства, поставлены въ особо вредныя для здоровья условія», продолжительность рабочаго дня должна быть понижена. Въ частности для промышленности по обработкѣ волокна проектъ московскаго «общества» предполагаетъ 11 часовой день для механическаго пряденія, механическаго ткачества, а также побочныхъ производствъ: ремонтно-механическаго и гравернаго (п. 3-й). Работа въ теченіе рабочаго дня должна идти съ промежутками, именно: «непрерывность работы *каждаго отдѣльнаго рабочаго не должна превышать 6 часовъ*»; при этомъ въ числѣ перерывовъ долженъ быть хоть одинъ, продолжительностью не менѣе часа» (п. 4-й).

Таковы главныя положенія, касающіяся продолжительности рабочаго дня. По отношенію къ ночной работѣ московскій проектъ считаетъ необходимымъ установить закономъ, что «ночная работа (считая таковую между 10 часами вечера и 4 утра) на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ воспрещается. Исключеніемъ изъ этого общаго правила являются лишь такія производства, условія коихъ по существу своему требуютъ непрерывной работы» (п. 5).

Впрочемъ, помимо этого, такъ сказать, постоянного исключенія, проектъ допускаетъ и рядъ другихъ, временныхъ отступленій отъ общаго правила, воспрещающаго ночную работу; именно такія отступленія могутъ быть разрѣшаемы фабричнымъ присутствіемъ каждый разъ, когда процессы какого нибудь производства потребуютъ непрерывности, а также въ случаяхъ экстренныхъ, какъ напр. послѣ пожара, разрушенія и т. п. Равнымъ образомъ ночная работа или работа сверхъ установленной нормы можетъ быть допущена, съ разрѣшенія фабричнаго присутствія, и «въ случаяхъ необходимаго ремонта машинъ и принадлежностей, а равно при тѣхъ случайномъ»

ствахъ, когда непринятіе мѣръ въ теченіе ночи повлечетъ за собою остановку работъ при наступленіи дня» (п. 6-й).

Остальные пункты проекта московскихъ фабрикантовъ опредѣляютъ изъятія отъ примѣненія правилъ о нормировкѣ рабочаго дня и сроки введенія этихъ правилъ въ дѣйствіе, въ случаѣ ихъ законодательнаго утвержденія.

Именно, составители проекта считаютъ желательнымъ изъять изъ дѣйствія закона о нормировкѣ всѣ ручныя ткацкія заведенія съ числомъ рабочихъ не болѣе 50, на томъ основаніи, что большинство такихъ заведеній «имѣютъ кустарный характеръ и рабочіе на нихъ въ большинствѣ принадлежатъ къ мѣстному земледѣльческому населенію, занимающемуся ткацкимъ промысломъ только временно». Точно также правила о нормировкѣ не должны распространяться на сторожей, возчиковъ и случайныхъ рабочихъ, не участвующихъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ.

Срокъ для введенія въ дѣйствіе закона о нормировкѣ предполагается годовой со дня его обнародованія; но при этомъ авторы проекта находятъ необходимымъ установленіе на первые 4 года дѣйствія закона извѣстнаго переходнаго порядка. Именно, на эти 4 года должна быть допущена ночная работа на всѣхъ фабрикахъ, при томъ лишь условіи, «чтобы для рабочихъ, занятыхъ въ ночное время (отъ 10 час. вечера до 4 утра), продолжительность работы въ сутки не превышала 9 часовъ, съ главнымъ перерывомъ не менѣе 1 часа» (п. 10).

Таковы въ основныхъ чертахъ предположенія относительно нормировки рабочаго времени, выработанныя московскими фабрикантами.

Нѣтъ сомнѣнія, что проектируемый ими порядокъ по сравненію съ теперешнимъ положеніемъ вещей являлся бы извѣстнымъ шагомъ впередъ, но несомнѣнно также, что онъ далеко не удовлетворяетъ уже выяснившимся потребностямъ фабричной жизни.

По отношенію къ главному пункту проекта—предполагаемой нормѣ рабочаго дня—нельзя не замѣтить, что здѣсь выводъ не соответствуетъ тѣмъ соображеніямъ, которыми онъ подкрѣпляется. Необходимость законодательной нормировки рабочаго времени мотивируется въ проектѣ тѣмъ соображеніемъ, что «установившаяся въ большинствѣ нашихъ фабрикъ и заводовъ продолжительность рабочаго времени въ теченіе сутокъ должна быть признана слишкомъ высокою»; но въ такомъ случаѣ двѣнадцатичасовой рабочей терминъ не можетъ внести существеннаго улучшенія, ибо въ большинствѣ фабрикъ работа и теперь не превышаетъ этого термина, а между тѣмъ она по справедливости считается слишкомъ продолжительною. Двѣнадцать часовъ работы означаютъ не менѣе 13¹/₂ часовъ пребыванія рабочаго на фабрикѣ; прибавляя сюда время на проходъ туда и назадъ, получимъ около 14¹/₂ часовъ, отдаваемыхъ рабочимъ фабрикѣ. Въ его распоряженіи остается затѣмъ не болѣе 9¹/₂ часовъ

въ сутки. Это въ извѣстной мѣрѣ обезпечиваетъ ему ночной отдыхъ и сонъ, но не даетъ еще *досуга*, который является необходимымъ условіемъ для поднятія жизненнаго уровня (*standart of life*) рабочаго и потребность въ которомъ въ настоящее время уже очень живо чувствуется многими категоріями фабрично-рабочихъ. Рабочій, обязанный 12-часовою напряженною работою на фабрикѣ, останется рабочею машиною, въ теченіе большей половины сутокъ тратящей, а въ остальную часть возобновляющей свою физическую энергію,

Между тѣмъ,—какъ поясняетъ въ своемъ докладѣ г. Алянчиковъ,—и коммиссія, составлявшая проектъ, и общее собраніе «общества для содѣйствія мануфакт. промышленности», ее обсуждавшее, имѣли въ виду не только санитарныя требованія работы, не только охраненіе здоровья рабочаго, подрываемаго слишкомъ утомительною работою, но также и потребности его умственной и нравственной жизни. Для удовлетворенія этихъ потребностей двѣнадцатичасовой рабочій день оставляетъ очень мало возможности. На 12 часовой нормѣ собраніе остановилось, «чтобы не затягивать дѣло, какъ на максимумѣ, который уже многими принятъ или не оспаривается»; отдѣльными мнѣніями высказывались за болѣе короткіе сроки, причемъ, какъ на наиболѣе цѣлесообразныя, указывалось на 10 часовъ для дневныхъ работъ въ одинъ комплектъ, 9 — для двухъ сѣмѣй (при продолжительности работы на фабрикѣ въ 18 часовъ) и 8—для трехъ сѣмѣй (при непрерывной работѣ въ теченіе круглыхъ сутокъ).

Въ окончательномъ проектѣ такой градаціи не проведено, чего нельзя не отнести къ числу его слабыхъ сторонъ. Въ особенности казалось бы необходимымъ установить сокращенный противъ нормальнаго рабочій день для фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ непрерывно, гдѣ рабочіе, по смѣнно, должны выполнять и ночныя работы. Такой сокращенный рабочій день (9 часовъ) по отношенію къ рабочимъ, занятымъ въ ночное время, предполагается въ проектѣ только для переходнаго періода въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ со времени изданія закона о нормировкѣ. Трудно понять, по какимъ соображеніямъ то же ограниченіе не распространяется и на тѣ фабрики, для которыхъ ночная работа допускается, какъ общее правило, и послѣ 4 лѣтняго переходнаго срока. При двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ въ положеніи рабочихъ этихъ фабрикъ и заводовъ не произойдетъ никакихъ перемѣнъ къ лучшему, а между тѣмъ здѣсь-то такія улучшенія и представляются всего болѣе нужными. Въ производствахъ съ непрерывною работою техническія условія этой работы бываютъ по большей части очень тяжелыя. Часто это еще усугубляется недостаточною заботливостію объ облегченіи этихъ условій. Въ докладахъ, представленныхъ съѣзду, имѣются данныя, обрисовывающія обстановку труда въ трехъ производствахъ съ непрерывнымъ дѣйствіемъ—писчебумажномъ, свеклосахарномъ и стекольномъ; во всѣхъ трехъ случаяхъ изнуритель-

ность работы выше средней. Да и вообще ночной трудъ тяжелѣе дневного; поэтому было бы вполне справедливо, чтобы эта большая тяжесть уравнивалась менѣе продолжительностью труда.

По отношенію къ предположеніямъ, касающимся ночной работы, нельзя не отмѣтить еще довольно широкаго простора, предоставляемаго фабричнымъ присутствіямъ для опредѣленія случаевъ изъятія отъ дѣйствія закона и въ особенности очень длиннаго срока переходнаго періода. По проекту московскихъ фабрикантовъ ночная работа *на всѣхъ фабрикахъ* должна быть допущена въ продолженіе цѣлыхъ 5 лѣтъ со дня обнародованія закона о ея запрещеніи (считая тутъ и годовой срокъ до вступленія закона въ силу). Это настолько большой промежутокъ времени, что можетъ казаться даже, будто дѣло идетъ не столько объ ограниченіи ночной работы, сколько объ обезпеченіи ея существованія, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго.

Наконецъ, трудно признать достаточно убѣдительными тѣ доводы, по которымъ проектируется изъятіе отъ дѣйствія закона о нормировкѣ полукустарныхъ заведеній ручного ткачества. Эти заведенія воевакомъ случаѣ эксплуатируютъ наемный трудъ, и рабочіе, на нихъ занятые, въ такой же мѣрѣ нуждаются въ охранѣ со стороны закона, какъ и рабочіе прочихъ фабрикъ и мастерскихъ.

Вообще проектъ, выработанный московскими фабрикантами, имѣетъ болѣе значенія, какъ *принципіальное признаніе* необходимости и своевременности законодательнаго урегулированія вопроса о рабочемъ времени, нежели какъ попытка практическаго разрѣшенія этого вопроса.

Препятствіемъ къ сокращенію рабочаго дня выставляется обыкновенно опасеніе, что такая мѣра можетъ сократить размѣры выработки, вслѣдствіе чего должны пострадать матеріальные интересы фабрикантовъ или рабочихъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Коммиссія при московскомъ обществѣ содѣйствія мануфактурной промышленности, разработывая вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени, желая выяснить точнѣе послѣдствія, какихъ можно ожидать отъ сокращенія рабочихъ часовъ, разослала во всѣ значительныя прядильно-ткацкія фабрики вопросные листы съ просьбою сообщить: «какъ онѣ работаютъ сейчасъ и какъ работали въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ; если были измѣненія въ числѣ часовъ работы, то какъ они отозвались».

Наибольшее количество отвѣтовъ получено было изъ центрального района. Въ общей суммѣ они представляли собою 1.120,000 веретенъ прядильныхъ, 58,228—крутильныхъ и 27,250 механическихъ станковъ,—т. е. довольно значительную долю общихъ итоговъ для района. Добровольный переходъ къ болѣе короткому рабочему времени отмѣченъ былъ для заведеній, представляющихъ 86% указаннаго количества веретенъ крутильныхъ, 77,6% приготавительныхъ ма-

шинъ прядильныхъ и 78,4% всѣхъ ткацкихъ станковъ. Болѣ медленное движеніе показываютъ цифры, относящіяся къ прядильнымъ веретенамъ, но и здѣсь этимъ движеніемъ захвачено уже около половины всѣхъ случаевъ,—для 43% всѣхъ веретенъ сокращеніе рабочаго времени уже осуществилось, для 12%—оно готовится. Случаевъ обратнаго перехода—къ старымъ порядкамъ указано очень мало и притомъ всѣ они вызывались исключительно желаніемъ воспользоваться благопріятно сложившимся положеніемъ рынка въ данный моментъ, а никакъ не сознаніемъ общей невыгодности произведенной ранѣ перемѣны.

Къ сожалѣнію въ докладѣ г. Аляничкова не приведено параллельныхъ цифровыхъ данныхъ о *самыхъ разноразныхъ* сокращеніяхъ рабочаго времени и увеличеніи производительности труда, имѣвшихъ мѣсто въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь; но и въ настоящемъ своемъ видѣ приведенныя общія указанія далеко не лишены значенія. Они подтверждаютъ еще разъ существованіе и при наличныхъ условіяхъ русской фабричной дѣйствительности той же связи между обоими названными фактами, которая установлена многочисленными наблюденіями надъ аналогичными явленіями въ странахъ съ высокимъ уровнемъ промышленнаго развитія.

Интересныя указанія въ томъ же общемъ направленіи даетъ докладъ г. Стульгинскаго «О восьми—и девяти-часовомъ рабочемъ днѣ и воскресномъ отдыхѣ рабочихъ на писче-бумажныхъ фабрикахъ». Въ этомъ докладѣ разсказывается исторія перехода отъ двѣнадцати-часоваго къ восьми-часовому рабочему дню, имѣвшая мѣсто на крупной Добрушской писчебумажной фабрикѣ (кн. Паскевича).

Обычный распорядокъ работъ на писчебумажныхъ фабрикахъ таковъ. Въ большинствѣ отдѣленій работы производятся непрерывно, днемъ и ночью, безъ остановки машинъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ—только днемъ. Для непрерывныхъ работъ имѣются всегда двѣ смѣны, работающія каждая по 12 ч. въ сутки, попеременно, одну недѣлю днемъ, другую ночью. Работы въ отдѣленіяхъ, дѣйствующихъ только днемъ, продолжается отъ 10¹/₂ до 11 часовъ, въ промежуткѣ времени между 5 ч. утра и 7 вечера.

Воскресный и праздничный отдыхъ имѣютъ регулярно только дневные рабочіе, смѣнные рабочіе (составляющіе около ²/₃ общаго числа рабочихъ) свободны отъ работъ только 27—30 праздничныхъ дней въ году. Воскресенье они работаютъ; мало того, этимъ рабочимъ, при переходѣ изъ дневной смѣны въ ночную и наоборотъ, приходится чрезъ недѣлю работать однѣ сутки 18 часовъ, причемъ другая смѣна въ тѣ же сутки работаетъ только 6 часовъ.

Обстановка работы на писчебумажныхъ фабрикахъ, въ особенности для смѣнныхъ рабочихъ, очень тяжела. «Въ виду непрерывности нашего производства—говоритъ г. Стульгинскій—смѣнный рабочій писчебумажныхъ фабрикъ не можетъ во все время своей

работы отлучиться на болѣе или менѣе продолжительное время отъ своихъ работъ. Даже завтракъ и обѣдъ приносятъ такому смѣнному рабочему на фабрику. Мало того, нашъ рабочій при самыхъ лучшихъ гигиеническихъ условіяхъ фабрики, при образцово-устроенной вентиляціи, во все время своей смѣны находится безусловно не въ нормальныхъ условіяхъ. Въ варочной, напримѣръ, онъ дышетъ парами амміака, выделяющагося изъ свареннаго тряпья, въ отбѣльномъ отдѣленіи онъ не можетъ избѣгнуть запаха хлора, а въ машинномъ отдѣленіи онъ находится все время при температурѣ отъ 25° до 30° R.

Возвращаясь домой послѣ двѣнадцати часоваго пребыванія при такихъ условіяхъ на фабрикѣ, смѣнный рабочій чувствуетъ себя настолько усталымъ, что къ какому либо домашнему труду онъ уже абсолютно не способенъ. Онъ или ложится отдохнуть, или отправляется зачастую въ кабакъ выпить рюмку-другую для возбужденія своей жизненной энергіи. Оставаясь безвыходно по 12 часовъ въ сутки въ стѣнахъ фабрики, работая половину года въ ночное время и зачастую въ не совсѣмъ благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ по самому роду производства,—такой рабочій, само собою разумѣется, не можетъ отличаться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и претендовать на долговѣчность. Переходя затѣмъ каждую недѣлю изъ одной смѣны въ другую, онъ долженъ около 50 разъ въ году работать по 18 часовъ въ сутки. При такихъ условіяхъ работы трудно требовать отъ рабочаго и постоянного напряженнаго вниманія при работѣ...

На Добрушской фабрикѣ, 4 года тому назадъ, въ 1892 г. сдѣланъ былъ опытъ измѣненія такого порядка вещей. Именно вмѣсто 2 смѣнъ введена была работа 3 смѣнами рабочихъ, каждая изъ которыхъ работала только 8 часовъ. Достигнуть такого сокращенія рабочаго дня имѣлось въ виду съ возможно меньшими потерями для фабрики. Поэтому для третьей смѣны не былъ набранъ новый, добавочный контингентъ рабочихъ. Вся работа должна была по прежнему выполняться тѣмъ же количествомъ рабочихъ. Наверстать потерянное время предполагалось болѣе цѣлесообразнымъ распределеніемъ рабочихъ и работъ между смѣнами и ожидавшимся повышеніемъ производительности труда.

Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ техническія подробности вновь введенныхъ расписаній работъ на фабрикѣ при замѣнѣ двухсмѣнной работы трехсмѣнною. Скажемъ только о результатахъ опыта.

Новая система работъ введена была въ началѣ въ видѣ пробы, на 3 мѣсяца. Первое время рабочіе отнеслись къ ней довольно недовѣрчиво. Скоро, однако, этотъ скептицизмъ исчезъ и уже чрезъ два мѣсяца, раньше конца назначеннаго первоначально срока, трехсмѣнная работа была,—по согласному желанію и рабочихъ, и распорядителей фабрики,—закрѣплена, какъ постоянное правило.

«Первые дни послѣ установленія трехсѣмной работы—разсказываетъ г. Стульгинскій—люди работали съ нѣсколько лихорадочною поспѣшностью, не будучи въ состояніи учесть ни силъ своихъ, ни выпавшей на ихъ долю работы. Бывали даже такіе случаи, что нѣкоторые отдѣленія фабрики дѣлали въ 3 сѣмны больше того, что имъ приходилось раньше дѣлать въ двухъ. Однако, послѣ весьма не продолжительнаго времени суетливость эта исчезла, трудъ раздѣлился равномерно, и работа пошла совершенно нормальнымъ порядкомъ».

Обойтись совсѣмъ безъ увеличенія числа рабочихъ при введеніи третьей сѣмны оказалось, однако, невозможнымъ. Но такое увеличеніе ограничилось 8% общаго числа рабочихъ, а общая цифра всѣхъ добавочныхъ расходовъ для фабрики отъ сокращенія рабочаго дня (при оставленіи рабочимъ той же платы) опредѣлилась, на основаніи двухлѣтняго опыта, въ $\frac{1}{2}$ коп. на пудъ выработанной бумаги.

На сколько болѣе этого ничтожнаго минуса для фабрики тотъ плюсъ, который приобретаетъ рабочій—объ этомъ нечего много распространяться.

Четыре лишнихъ часа въ сутки значатъ очень много. Прежде—рабочій имѣлъ очень мало свободнаго времени и «не дорожилъ имъ, какъ не дорожить бѣднякъ единственнымъ имѣющимъ у него пятаконъ, обладаніе которымъ не можетъ измѣнить его бѣдственнаго положенія. Со введеніемъ 8 часоваго рабочаго дня онъ сразу сталъ обладателемъ 4 лишнихъ часовъ въ сутки. Этотъ излишекъ настолько великъ, что надъ нимъ стоило уже призадуматься, какъ употребить его въ дѣло. Двухлѣтній опытъ примѣненія 8 часоваго дня на Добрушской фабрикѣ доказалъ, что рабочій умѣетъ пользоваться производительно свободнымъ временемъ. Получивъ досугъ, онъ «не только не сталъ чаще посѣщать кабакъ и не сдѣлался безразличнѣе и лѣнивѣе, а напротивъ того прогуловъ у него за два послѣдніе года гораздо меньше, онъ сталъ безусловно внимательнѣе и лучше относиться къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ относился, работая по 12 часовъ въ сутки».

Я могу—заявляетъ г. Стульгинскій—назвать по имени нѣсколькихъ рабочихъ нашей фабрики, которые слыли раньше за отъявленныхъ лѣнтяевъ и постоянно подвергались всевозможнымъ взысканіямъ за упущенія въ работѣ; въ настоящее время, при 8-часовой работѣ, эти люди сдѣлались неузнаваемо аккуратными и во всѣхъ отношеніяхъ отличными работниками».

Сокращеніе рабочаго времени и ограниченіе ночной работы отразилось и на здоровьѣ рабочихъ. «Рабочій выглядитъ уже теперь много свѣжѣе, прежняя вялость, особенно у рабочихъ, стоящихъ при бумажныхъ машинахъ, исчезла безслѣдно». Но, конечно, въ полномъ объемѣ результаты реформы могутъ сказаться позже, не на теперешнемъ поколѣніи зрѣлыхъ рабочихъ, а на «тѣхъ подросткахъ,

которые, работая теперь на фабрикахъ всего 8 часовъ въ сутки, успѣютъ во время окрѣпнуть и на двадцатомъ году отъ роду не будутъ казаться стариками или совсѣмъ дѣтьми, какъ это мы сплошь да рядомъ видимъ среди рабочаго фабричнаго люда».

Свой докладъ г. Стульгинскій заканчиваетъ совершенно справедливыми замѣчаніями о томъ, что теперь болѣе, нежели когда нибудь, своевремененъ былъ бы переходъ къ сокращенному рабочему дню.

Отъ заграничной конкуренціи наше производство ограждено пока высокими пошлинами, рабочій трудъ у насъ еще такъ дешевъ, что на фабрикахъ всегда имѣется извѣстный запасъ рабочей силы для образованія третьей сѣтны. Наконецъ и внутренняя конкуренція далеко еще не такъ сильна, какъ за границей.

«Въ настоящее время, слѣдовательно—говоритъ нашъ авторъ—осуществленіе этой реформы еще возможно, а упустивши это благоприятное время, подождавши извѣстное число лѣтъ, будетъ пожалуй уже поздно».

Г. Стульгинскій имѣетъ въ виду собственно писчебумажное производство, но его разсужденія примѣняются и не къ однимъ только бумажнымъ фабрикамъ.

Утомительность фабричной работы увеличивается еще тѣмъ, что рабочій не пользуется правильнымъ *воскреснымъ* отдыхомъ.

Русское законодательство не содержитъ въ себѣ общаго постановленія о запрещеніи работы по воскресеньямъ и праздникамъ. На фабрикахъ работа въ праздничные дни запрещена только для малолѣтнихъ (по закону 1882 г.). Эти дни точно указаны закономъ (уст. о пред. и прес. прест. ст. 25); ихъ въ году насчитывается 90.

Другое ограниченіе касается арестантовъ и мастеровыхъ, занятыхъ на казенныхъ и общественныхъ работахъ. Работы эти могутъ идти въ праздники только съ особаго, высочайшаго разрѣшенія. Для ремесленныхъ заведеній законъ устанавливаетъ, какъ общее правило, 6 рабочихъ дней; работать въ воскресенье не слѣдуетъ «безъ необходимой нужды»; мастера не христіане не должны при этомъ принуждать христіанъ къ работѣ въ христіанскіе праздники; съ другой стороны и христіанамъ воспрещается принуждать къ работѣ не христіанъ въ ихъ праздники. Страннымъ образомъ «пропущенъ только одинъ случай: принужденія въ христіанскіе праздники христіанами къ работѣ христіанъ же *).

Обычные порядки, установившіеся на нашихъ фабрикахъ по отношенію къ празднованію воскреснаго дня, представляютъ очень большое разнообразіе. Далеко не всегда это разнообразіе обуслов-

*) «Какъ обезпечить воскресный отдыхъ фабрич. рабочему?» Докладъ А. Быкова.

ливается техническими особенностями разныхъ производствъ; не рѣдко фабрики одной и той-же категоріи рѣзко разнятся между собою числомъ принятыхъ на нихъ праздничныхъ и рабочихъ дней. Существовать, однако, извѣстныя отрасли промышленности, поставленныя въ данномъ отношеніи особенно неблагоприятно. На свеклосахарныхъ заводахъ, въ большинствѣ писчебумажныхъ фабрикъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ промышленныхъ заведеній въ воскресные дни работа совсѣмъ не прерывается, и рабочіе вовсе не пользуются воскреснымъ отдыхомъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ воскресный отдыхъ дается рабочимъ чрезъ недѣлю или разъ въ три недѣли. Какъ извѣстно, фабричныхъ праздниковъ у насъ значительно больше, чѣмъ на Западѣ; благодаря экономіи на воскресной работѣ—уравновѣшивающей это обиліе праздниковъ—общее количество не рабочихъ дней на нашихъ фабрикахъ, *въ среднемъ*, мало отличается отъ западно-европейскаго *),—только распределены они очень неравномѣрно въ теченіе рабочаго года. Но если отъ числа нерабочихъ *дней* перейти къ числу *часовъ* отдыха, которымъ пользуется у насъ рабочій,—то условія нашей фабричной жизни окажутся гораздо менѣе благоприятными. Въ Англіи, гдѣ при небольшомъ количествѣ праздниковъ свято чтится воскресный день, рабочій день въ субботу составляетъ только 6 часовъ и затѣмъ работы приостанавливаются до утра понедѣльника; каждую недѣлю рабочій имѣетъ такимъ образомъ для отдыха сплошной промежутокъ въ 40—41 часъ. У насъ воскресный перерывъ въ работѣ не превышаетъ обыкновенно 24 часовъ. Нерѣдко фабрики работаютъ не только сплошь всю субботу, но и до 4—5 часовъ утра въ воскресенье. Въ понедѣльникъ работа возобновляется въ тотъ же утренній часъ. Если работа ведется двумя смѣнами, причемъ мужскія смѣны чередуются на дневной работѣ понедѣльно, — то тѣ же рабочіе, которые заканчиваютъ ночную работу въ субботу, должны начинать ее утромъ въ понедѣльникъ. Праздничный отдыхъ нерѣдко еще сокращается сверхурочными работами, за отдѣльную плату, по уговору съ рабочими. Но даже и оставляя въ сторонѣ эти сверхурочныя работы, нельзя не признать—говорить въ своемъ докладѣ фабричный инспекторъ г. Быковъ—что рабочій, располагающій въ воскресенье 24 часами свободнаго времени (нѣкоторую часть котораго приходится употребить на чистку машинъ), «не можетъ ни отдохнуть, какъ слѣдуетъ, ни въ церковь сходить, ни въ банѣ вымыться, ни поспѣть, наконецъ, воскресные классы или какое бы то ни было другое образовательное учрежденіе, хотя бы оно и имѣлось при фабрикѣ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ утомительной ночной работы, которая окончилась въ 4—5 часовъ утра въ воскресенье, прежде всего нужно выспаться, на что пой-

*) Въ Англіи всѣхъ рабочихъ дней считается 281, у насъ: въ заведеніяхъ съ машиннымъ производствомъ 276, а съ ручнымъ 268.

деть, конечно, все утро до полудня; а въ 9—10 часовъ вечера рабочий уже долженъ снова ложиться спать, чтобы въ 3¹/₂—4 часа вставать на работу. Такимъ образомъ въ продолженіи всего воскресенья, послѣ утомительнаго ежедневнаго или, вѣрнѣе сказать, ежедневнаго труда, рабочий имѣетъ лишь 9—10 часовъ свободныхъ въ своемъ распоряженіи. Голова его не свѣжа, какъ это всегда бываетъ у человѣка, которому въ продолженіе нѣсколькихъ ночей подрядъ приходилось работать. Последнее обстоятельство весьма важно. «Мнѣ лично—замѣчаетъ г. Быковъ—какъ технику, пришлось въ продолженіи 2 лѣтъ часто и много принимать участіе въ ночной работѣ. Она необыкновенно утомительна; вопреки установившемуся взгляду, всѣ рабочіе говорили мнѣ, что къ ней нельзя привыкнуть, и я долженъ согласиться съ ихъ мнѣніемъ». По крайней мѣрѣ, субботняя ночь должна быть поэтому свободна, чтобы воскресный отдыхъ имѣлъ для рабочаго дѣйствительное значеніе.

Необходимость обезпеченія рабочему регулярнаго и достаточнаго ежедневнаго отдыха составляла тему цѣлаго ряда докладовъ, представленныхъ торгово-промышленному съѣзду.

Всѣ эти доклады высказываются въ пользу *законодательнаго* урегулированія этого вопроса. Положенія, которыя желательно при этомъ установить законодательнымъ порядкомъ, опредѣлительно сформированы въ нижеслѣдующихъ тезисахъ, въ докладѣ фабричнаго инспектора г. Быкова:

«1) Во всѣхъ производствахъ и отдѣльныхъ операціяхъ производства, въ которыхъ непрерывная или ежедневная работа не можетъ быть признана безусловно необходимой, долженъ быть установленъ обязательный перерывъ работъ на воскресныя и двенадцатые праздники. Перерывъ этотъ не долженъ быть короче 36 часовъ подрядъ и долженъ начинаться въ 5 или 6 часовъ вечера наканунѣ праздника.

«2) Во время этого перерыва безусловно запрещается всякая работа, соответствующая производству предметовъ, составляющихъ продукты или товаръ, вырабатываемый фабрикой. Чистка машинъ должна производиться въ рабочее время до наступленія праздничнаго перерыва въ работѣ. Этотъ періодъ времени можетъ служить только для производства работъ по необходимому текущему ремонту.

«3) Если бы было признано нужнымъ допустить нѣкоторыя изъятія изъ этого положенія, то они могутъ быть разрѣшаемы лишь высшею властью и по особо уважительнымъ причинамъ, указаннымъ въ самомъ законѣ.

«4) Законъ долженъ точно указать, въ какихъ, именно, отдѣльныхъ операціяхъ различныхъ производствъ разрѣшается *непрерывная* работа или *временная праздничная работа*» *).

*) А. Быковъ «Какъ обезпечить воскр. отдыхъ фабр. раб.», стр. 18.

По отношенію къ производствамъ съ *непрерывною* работою установленіе обязательнаго воскреснаго отдыха для всѣхъ рабочихъ каждое воскресенье, конечно, невозможно, ибо въ такомъ случаѣ работы прерывались бы каждую недѣлю. Но это не значитъ, однако, чтобы рабочіе, занятые въ такихъ производствахъ, совсѣмъ не могли пользоваться воскреснымъ отдыхомъ. Такой отдыхъ долженъ быть обезпеченъ имъ, хотя бы и не всѣмъ заразъ, а посмѣнно. Въ фабричномъ законодательствѣ нѣкоторыхъ изъ государствъ западной Европы, установившихъ у себя обязательный воскресный отдыхъ, — ставится требованіе, чтобы въ тѣхъ производствахъ, для которыхъ допущена воскресная работа, рабочіе, проработавшіе воскресный день, имѣли каждое слѣдующее воскресенье 24 часа полнаго отдыха или каждое третье воскресенье 36 часовъ.

Подобное же правило должно быть установлено и для русскихъ фабрикъ, въ тѣхъ, точно указанныхъ въ самомъ законѣ, случаяхъ, для которыхъ, по условіямъ производства, обязательная остановка работы въ воскресные дни признана будетъ невозможною. Сверхъ того было бы вполне справедливо для такихъ производствъ принять и болѣе короткій рабочий день, дабы этимъ возмѣстить отчасти для рабочихъ лишеніе полнаго еженедѣльнаго отдыха. Возможность такого сокращенія доказывается приведеннымъ выше примѣромъ Добрушской писчебумажной фабрики.

Доклады, сущность которыхъ мы старались изложить выше, не были обсуждены на торгово-промышленномъ съѣздѣ.

Объ этомъ конечно нельзя не пожалѣть, такъ какъ взаимное сопоставленіе и перекрестная провѣрка наблюденій, приведенныхъ въ этихъ докладахъ, несомнѣнно прибавили-бы еще много цѣннаго къ тѣмъ матеріаламъ, которые были подготовлены къ съѣзду.

Но сгруппированныя въ докладахъ данныя имѣютъ большой интересъ и въ настоящемъ своемъ видѣ. Они ярко свидѣтельствуютъ о томъ, насколько назрѣла уже и чувствуется людьми, близко стоящими къ фабричному дѣлу, потребность въ законодательной нормировкѣ продолжительности и обстановки фабричнаго труда не только малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, но и взрослыхъ рабочихъ.

Опредѣленно обрисовываются и три главные задачи такой нормировки, это именно: во 1-хъ *ограниченіе*, до предѣловъ безусловной необходимости, *ночной работы* на фабрикахъ, во 2-хъ, *установленіе* закономъ *предѣловъ* наибольшей *продолжительности рабочего дня* и въ 3-хъ *обезпеченіе* правильнаго и достаточнаго *воскреснаго отдыха* для рабочихъ.

Нельзя не отмѣтить также, съ одной стороны, что всѣ изложенные доклады идутъ отъ людей практики (директоровъ фабрикъ, фабричныхъ инспекторовъ и другихъ лицъ, близко знакомыхъ съ условіями фабричной жизни), а съ другой, что въ нихъ, кромѣ ука-

заній на желательность тѣхъ или другихъ мѣръ, приводятся и доказательства полной (нерѣдко опытомъ уже подтвержденной) возможности ихъ практическаго осуществленія.

Въ настоящее время обстоятельства складываются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особенно благопріятно для проведенія названныхъ мѣръ въ жизнь. Въ пользу законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ склоняются обѣ заинтересованныя стороны. Москва, долгое время составлявшая оппозицію всѣмъ проектамъ такого рода; въ настоящее время, какъ видно изъ доклада г. Алянчикова, видимо мирится съ идеею о необходимости разстаться съ традиционными порядками фабричной работы въ центральномъ районѣ. Аналогичное движеніе проявляется и среди лодзинскихъ фабрикантовъ. Въ послѣдніе дни газеты сообщили извѣстіе, что вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени дѣятельно разрабатывается и представителями петербургскихъ фабрикъ. Все это, конечно, значительно облегчаетъ задачу осуществленія соответственныхъ законодательныхъ мѣропріятій.

Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ приведеннымъ выше замѣчаніемъ одного изъ докладовъ, что переходъ къ болѣе короткому рабочему дню легче въ то время, когда фабричная промышленность защищена отъ иностранной конкуренціи протекціонными пошлинами и когда внутреннее соперничество не довело еще до minimum'a цѣнъ продуктовъ и до maximum'a напряженности фабричнаго труда.

Вопросъ *объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ* вызвалъ къ себѣ очень оживленный интересъ со стороны торгово-промышленнаго съѣзда. По этому вопросу съѣзду представлено было нѣсколько докладовъ. Засѣданіе 10 августа, посвященное обсужденію этихъ докладовъ, было самое многолюдное изъ всѣхъ засѣданій съѣзда; участіе въ преніяхъ принимало 28 членовъ съѣзда.

Какъ извѣстно, дѣйствующее у насъ законодательство почти совсѣмъ не ограждаетъ рабочихъ отъ послѣдствій, причиняемыхъ имъ различными несчастными случаями при выполненіи работъ. Спеціальныя законы объ ответственности предпринимателей за несчастія съ рабочими существуетъ только для желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ предпріятій. По отношенію ко всѣмъ прочимъ промышленнымъ предпріятіямъ примѣняются общія постановленія гражданскихъ законовъ, касающіяся вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ. Эти постановленія открываютъ для потерпѣвшаго возможность искать вознагражденія только въ тѣхъ случаяхъ, когда несчастіе произошло по винѣ предпринимателя (или его слугъ и повѣренныхъ) и когда истецъ можетъ доказать эту вину. Эти ограниченія весьма существенны. Къ прямой винѣ фабрикантовъ можетъ быть отнесена только небольшая

относительно доля всѣхъ несчастныхъ случаевъ, наибольшая же ихъ часть связана съ такъ наз. «профессиональнымъ рискомъ», т. е. съ опасностями, свойственными самому характеру и обстановкѣ работы, выполняемой рабочими въ томъ или иномъ предпріятіи. За такіе случаи не несетъ ответственности по закону никто, т. е. въ сущности несетъ ее самъ пострадавшій рабочій. Затѣмъ общія статьи гражданскаго кодекса не содержатъ въ себѣ точныхъ указаній и о размѣрахъ вознагражденія, на которое имѣетъ право потерпѣвшій рабочій. Вознагражденіе это опредѣляется по усмотрѣнію суда.

Въ 1893 г. министерствомъ финансовъ былъ составленъ и внесенъ въ государственный совѣтъ проектъ спеціальнаго закона объ отвѣтственности предпринимателей. Проектъ этотъ разрабатывался очень долго, болѣе 10 лѣтъ, при трехъ министрахъ. Начать онъ былъ еще при Н. Х. Бунге, представленъ въ государственный совѣтъ уже нынѣшнимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте. Въ основу законопроекта министерства финансовъ положено прежде всего измѣненіе въ порядкѣ представленія доказательствъ. Бремя доказательства (*onus probandi*) перенесено съ истца на отвѣтника. По новому законопроектѣ владельцы фабрикъ и заводовъ, желѣзно-дорожныхъ и иныхъ мастерскихъ, горныхъ промысловъ, а равно предприниматели строительныхъ работъ, въ случаѣ смерти, увѣчья и другихъ поврежденій въ здоровьѣ (профессіональныя болѣзни), причиненныхъ рабочему работою въ означенныхъ предпріятіяхъ, обязаны вознаграждать его или его семейство за вредъ и убытокъ, отъ того проистекающіе. Отъ этой отвѣтственности владельцы предпріятій освобождаются въ тѣхъ случаяхъ, когда докажутъ, что единственною причиною нанесенія вреда пострадавшему является: или 1) непреодолимая (внѣшняя или стихійная) сила, или 2) преступленіе или проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непричастныхъ, и 3) умыселъ или исключительно и непосредственно собственная вина пострадавшаго лица. Въ законопроектѣ опредѣляется и размѣръ вознагражденія за несчастные случаи съ рабочими, въ зависимости отъ степени понесеннаго ущерба, причемъ въ случаѣ смерти потерпѣвшаго вдовѣ его, дѣтямъ и родителямъ назначаются пенсіи въ суммѣ до 60% его содержанія.

Изложенный законопроектъ до сихъ поръ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Но все таки онъ не остался совсѣмъ безъ результатовъ. Перспектива усиленія индивидуальной отвѣтственности за несчастія съ рабочими послужила для фабрикантовъ толчкомъ къ разработкѣ вопросовъ о замѣнѣ такой отвѣтственности отвѣтственностью коллективной, т. е. тою или другою формою страхования убытковъ отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими.

Вопросъ этотъ разрабатывался въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, предлагалась организація страхования добровольнаго и частнаго, съ другой—государственнаго и обязательнаго.

Всѣ эти три формы обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ имѣли своихъ защитниковъ на сѣздѣ. Главнымъ защитникомъ усиленія индивидуальной ответственности фабрикантовъ являлся профессоръ Яроцкій. Проектъ добровольнаго и взаимнаго страхованія — въ довольно своеобразной формѣ — выдвигался группою петербургскихъ фабрикантовъ, имѣвшихъ своимъ представителемъ присяжнаго повѣреннаго П. П. Соколова. Наконецъ въ пользу организациі всеобщаго государственнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ высказывалось большинство представленныхъ сѣзду докладовъ, точно также, какъ и большинство выступавшихъ въ засѣданіи ораторовъ.

Обсужденіе на сѣздѣ началось съ доклада г. Соколова. Докладъ этотъ посвященъ былъ защитѣ выработаннаго петербургскими фабрикантами проекта *синдиката* предпринимателей для взаимнаго страхованія отъ ответственности, падающей на нихъ по закону за несчастія съ рабочими. Въ синдикатъ этотъ могли входить только владѣльцы крупныхъ предпріятій (имѣющихъ не менѣе 50 рабочихъ и служащихъ). Хотя докладъ и носилъ заглавіе «страхованіе *рабочихъ* отъ несчастныхъ случаевъ», но въ сущности въ немъ дѣло шло только о страхованіи *предпринимательскихъ рисковъ*. Для фабрикантовъ индивидуальная ответственность замѣнялась коллективной, но рабочій и при существованіи страхованія въ указанной формѣ долженъ былъ по прежнему доказывать свое право на вознагражденіе; причемъ вмѣсто отдѣльнаго фабриканта ему приходилось имѣть теперь дѣло съ цѣлымъ синдикатомъ, борьба съ которымъ на юридической почвѣ — въ случаѣ какого нибудь спора — представлялась еще труднѣе, чѣмъ взысканіе убытковъ съ индивидуальнаго предпринимателя. По отношенію къ *предлагамъ ответственности* работодателя проектъ стоялъ на почвѣ существующаго закона. Цѣлью проектируемаго общества ставилось возмѣщеніе его членамъ тѣхъ убытковъ, «которые они, въ силу возлагаемой на нихъ закономъ гражданской ответственности, обязаны нести за смерть или увѣче ихъ рабочихъ и служащихъ».

Въ объяснительномъ докладѣ къ проекту г. Соколовъ развивалъ теоретическія соображенія о томъ, что право рабочаго на вознагражденіе за увѣчья должно быть поставлено шире, чѣмъ теперь, но на самомъ проектѣ эти соображенія ни въ какой мѣрѣ не отразились. По мнѣнію г. Соколова, сверхъ случаевъ несчастій, вызванныхъ прямою виною работодателей, рабочіе должны (при условіи изданія соотвѣтственнаго узаконенія) получать вознагражденіе и за случаи, объясняемые такъ называемымъ «профессіональнымъ рискомъ», но вознагражденіе это должно падать не на доходъ предпринимателя, а на «самое производство». Это и достигается путемъ страхованія. Внося ежегодно опредѣленную сумму въ страховую кассу, фабрикантъ имѣетъ возможность присоединить ее къ расходамъ производства и разложить на цѣну продуктовъ. Всѣ эти раз-

сужденія о распредѣленіи убытковъ между «доходомъ предпринимателя» и «самымъ производствомъ» очень смутны. Если и тѣ, и другіе риски предпринимателя будутъ страховаться, то всѣ они падутъ на одинъ и тотъ же источникъ, т. е. или будутъ уплачены потребителемъ въ цѣнѣ продукта, если ихъ удастся передожить на товаръ, или же составить вычетъ изъ прибыли предпринимателя. Ясно здѣсь только одно, что предполагаемое страхованіе во всякомъ случаѣ касается только рисковъ предпринимателя и не обнимаетъ собою тѣхъ рисковъ, которые сопряжены съ виною самого рабочаго. Рабочій долженъ страховаться на этотъ случай самъ, изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Выдвигая свою теорію распредѣленія убытковъ отъ несчастныхъ случаевъ между фабрикантами, рабочими и «самымъ производствомъ», г. Соколовъ отвергаетъ, какъ неправильное, то положеніе министерскаго законопроекта, по которому всѣ случаи, когда отвѣтчикомъ фабрикантомъ не будетъ доказана вина рабочаго, должны считаться лежащими на отвѣтственности фабриканта. Это положеніе противорѣчитъ общему положенію гражданскаго права, что отвѣтственность за убытки несетъ только то лицо, которое виновно въ нанесеніи этихъ убытковъ. Правильное распредѣленіе убытковъ отъ несчастныхъ случаевъ можетъ быть только таково, чтобы убытки по винѣ работодателя падали на работодателя, по винѣ рабочаго—на рабочаго, убытки по профессиональному риску—на самое производство.

Этимъ разрѣшается коренной вопросъ о распредѣленіи отвѣтственности. Затѣмъ возникаетъ вопросъ объ организаціи самого страхованія убытковъ. Г. Соколовъ является рѣшительнымъ сторонникомъ частной инициативы въ этомъ дѣлѣ, «ибо—говорить онъ—если и возможно еще допустить необходимость вмѣшательства государства въ формѣ обязательнаго страхованія рисковъ, то только тамъ, гдѣ общество настолько еще некультурно, что не можетъ понять всей пользы гарантіи рисковъ, какъ, напр., обязательное страхованіе отъ огня крестьянскаго имущества. Вводить же принципъ обязательности страхованія въ культурномъ обществѣ равносильно вторженію государства въ частные интересы лицъ... На обязанности государственной власти лежитъ только строгое опредѣленіе предѣла отвѣтственности работодателя передъ рабочимъ, а за симъ гарантія этихъ убытковъ работодателя должна быть предоставлена цѣликомъ частной инициативѣ; участіе государства въ этой стадіи можетъ быть допущено только въ видѣ извѣстной опеки надъ рабочимъ для правильной организаціи гарантіи рисковъ, остающихся на его долю; вмѣшиваться же въ форму обезпеченія работодателемъ своихъ рисковъ государственной власти нѣтъ никакого основанія».

Проектъ петербургскихъ фабрикантовъ не встрѣтилъ на сѣздѣ никакой поддержки и сочувствія, не смотря на всѣ старанія его защитника. Предвидя возраженія въ томъ смыслѣ, что

проектируемое общество въ сущности имѣетъ цѣлю только удешевить судебный процессъ (наймомъ общаго адвоката) и что у коллективнаго отвѣтчика будетъ гораздо меньшій стимулъ къ полюбовнымъ соглашеніямъ съ пострадавшими, нежели теперь у индивидуальнаго, — г. Соколовъ завѣрялъ, что подобнаго рода «подозрѣнія» не должны имѣть мѣста: «я знаю, говорилъ онъ, петербургскихъ фабрикантовъ, проектирующихъ такое общество, и знаю, что они желаютъ обезпечить рабочихъ безъ всякаго судебного процесса».

Но противъ такого увѣренія выставлялись факты изъ дѣятельности аналогичныхъ съ проектируемымъ обществомъ, существующихъ уже въ западной Европѣ. Такъ, былъ приведенъ примѣръ, что одно изъ обществъ, возникшихъ въ Германіи послѣ изданія закона объ отвѣтственности предпринимателей въ 1871 г., за 4 года вело 172 процесса и изъ 650.000 марокъ предъявленныхъ къ нему претензій заплатило только 124.000, — но зато истратило на судебныя издержки сумму въ полтора раза большую. Далѣе, сильныя возраженія вызвало ограниченіе страхованія только нѣсколькими категоріями рисковъ, не вводя сюда же и случаевъ, относящихся къ винѣ самихъ рабочихъ. Всѣ эти возраженія г. Соколовъ старался отпаривать тѣмъ соображеніемъ, что распространеніе операций общества на рабочіе риски вызвало бы участіе представителей рабочихъ въ дѣлахъ общества. Но организовать такое представительство, при настоящихъ условіяхъ, было бы затруднительно и неудобно: можно предвидѣть недоразумѣнія и развитіе антагонизма между фабрикантами и рабочими, «который хотятъ подчеркнуть, но котораго теперь совсѣмъ нѣтъ». Наконецъ, въ преніяхъ указывалось и на замкнутый характеръ проектируемаго синдиката, изъ котораго совершенно исключались мелкія предпріятія, хотя быть можетъ они то всего болѣе и нуждались-бы въ организаціи обезпеченія рисковъ на началахъ страхованія.

Вообще въ защиту той формы добровольнаго страхованія, которая проводилась въ проектѣ петербургскихъ фабрикантовъ и въ докладѣ г. Соколова, на сѣздѣ ни одинъ голосъ, кромѣ голоса самаго докладчика, не поднялся, хотя нѣсколько ораторовъ и говорили о возможности примѣненія къ страхованію рабочихъ началъ страхованія добровольнаго, не только взаимнаго, но даже и акціонернаго. Приводились и результаты сдѣланныхъ въ настоящее время опытовъ воспользоваться для этого услугами существующихъ страховыхъ обществъ. Но главнымъ образомъ пренія на сѣздѣ сосредоточивались на обсужденіи преимуществъ системы индивидуальной отвѣтственности предпринимателей, съ одной стороны, и обязательнаго, государственнаго страхованія съ другой.

Какъ мы уже упоминали, послѣдній способъ обезпеченія рекомендовался въ большинствѣ докладовъ, представленныхъ сѣзду. Въ этомъ же смыслѣ высказывалось и большинство лицъ, говорив-

шихъ на сѣздѣ. Въ ихъ числѣ были представители многихъ крупныхъ нашихъ мануфактуръ (богородско-глуховской, кренгольмской, ярославской и др., точно также какъ и лодзинскихъ фабрикъ). Обстоятельный проектъ государственнаго страхованія рабочихъ отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ, вызванныхъ *всякими причинами* (въ томъ числѣ и собственной неосторожностью рабочихъ) былъ внесенъ на сѣздъ отъ московскаго биржевого комитета. Какъ одно изъ главныхъ преимуществъ системы обязательнаго страхованія и въ докладахъ, и въ преніяхъ выставлялась именно эта возможность болѣе широкаго распространенія вознагражденій, чѣмъ это можетъ имѣть мѣсто при примѣненіи личной отвѣтственности, когда известная группа несчастныхъ случаевъ всегда остается на отвѣтственности самихъ рабочихъ. Въ преніяхъ на сѣздѣ требованія обязательнаго вознагражденія семьи пострадавшаго расширялись даже и на случаи злонамѣренной вины самого рабочаго, подвергшагося увѣчью: виновный можетъ быть привлеченъ къ суду на общемъ основаніи, а семья, отъ него зависящая, во всякомъ случаѣ должна быть вознаграждена за послѣдствія увѣчья. Далѣе указывалось на то, что система индивидуальной отвѣтственности предпринимателей не обезпечиваетъ достаточно рабочихъ, такъ какъ отдѣльные предприниматели могутъ оказаться несостоятельными. Неудобна она еще и съ той стороны, что легко можетъ лишить болѣзненныхъ рабочихъ средствъ къ существованію, такъ какъ законъ, возлагая на предпринимателя отвѣтственность за профессиональныя болѣзни, неизбѣжно побудитъ его не принимать на фабрику болѣзненныхъ субъектовъ, какъ болѣе подверженныхъ вреднымъ влияніямъ работы. Наконецъ, при системѣ индивидуальной отвѣтственности, также какъ и при добровольномъ страхованіи рабочихъ въ частныхъ акціонерныхъ обществахъ, неизбѣжно возникаетъ множество процессовъ, тяжелыхъ для рабочихъ во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ ихъ исходъ. При обязательномъ страхованіи отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ, безъ разбора причинъ ихъ породившихъ, поводовъ искать свои права судомъ не можетъ представиться. Если по всѣмъ этимъ причинамъ система обязательнаго общаго страхованія выгоднѣе другихъ способовъ обезпеченія для рабочихъ, то она также предпочтительнѣе начала индивидуальной отвѣтственности и для фабрикантовъ, уже потому, что ставить это дѣло на почву точнаго расчета, невозможнаго при индивидуальной отвѣтственности, и ложится равномерно на все предпріятія. При такомъ условіи расходы страхованія могутъ войти въ составъ издержекъ производства и окажутся не чувствительными для фабриканта. Эти послѣднія соображенія несомнѣнно и склонили значительное число крупныхъ промышленниковъ въ пользу страхового начала. Вопросъ объ источникѣ, изъ котораго должны идти страховые взносы, рѣшался различно въ разныхъ докладахъ. Ростовскіе на-Дону комитеты: биржевой и торговли и мануфактуръ

высказывались за обязательный сборъ, какъ съ хозяевъ, такъ и съ рабочихъ, въ равной долѣ. Въ проектѣ московскаго биржеваго комитета предполагалось «уплату сбора возложить на обязанность владельцевъ предпріятія, безъ всякаго участія въ томъ со стороны рабочихъ». На сѣздѣ категорическаго постановленія по этому пункту не было сдѣлано.

Въ преніяхъ на сѣздѣ предлагалось далѣе распространить обязательное страхованіе на больший кругъ лицъ, чѣмъ это имѣлось въ виду въ докладахъ, и на большее число случаевъ. Именно нѣкоторые ораторы высказывались за распространеніе страхованія, кромѣ собственно фабричныхъ рабочихъ, и на рабочихъ сельско-хозяйственныхъ, нерѣдко получающихъ увѣчья отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, особенно молотилокъ. Говорилось также о желательности расширить страхованіе сверхъ случаевъ увѣчий и тѣлесныхъ поврежденій также и на случаи потери способности къ работѣ отъ болѣзней и старости.

За предпочтительность системы индивидуальной отвѣтственности предъ началомъ страховымъ, *со стороны принципиальной*, не говорилъ на сѣздѣ никто. Но по соображеніямъ практической цѣлесообразности г. Яроцкій поддерживалъ и въ особомъ докладѣ, и въ нѣсколькихъ рѣчахъ на сѣздѣ, предложеніе ходатайствовать прежде всего объ изданіи закона объ отвѣтственности предпринимателей. «Если законопроектъ въ 13 параграфовъ—говорилъ г. Яроцкій—можетъ обсуждаться 13 лѣтъ, то сколько же времени потребуется для разсмотрѣнія проекта обязательнаго страхованія, можетъ быть, съ 113 параграфами и болѣе. Гораздо практичнѣе позаботиться о скорѣйшемъ осуществленіи уже разработаннаго законопроекта министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, чѣмъ долъ ое время ждать введенія обязательнаго государственнаго страхованія. Одно дѣло не помѣшаетъ другому, почему же не постараться сперва достигнуть меньшаго блага, которое подвинетъ насъ и къ большому. Въ Царствѣ Польскомъ дѣйствуетъ французскій кодексъ Наполеона, въ которомъ шире и опредѣленнѣе устанавливается отвѣтственность за несчастные случаи, чѣмъ въ нашемъ законѣ. Это заставляетъ польскихъ фабрикантовъ страховать своихъ рабочихъ, и страхованіе тамъ болѣе развито, чѣмъ у насъ». Указавъ затѣмъ на особенности законопроекта министерства финансовъ, проф. Яроцкій предложилъ сѣзду ходатайствовать о возможно скорѣйшемъ изданіи проектируемаго закона, который поставитъ въ лучшія условія обезпеченіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Къ этому же ходатайству необходимо добавить, что сѣздъ считаетъ наиболѣе совершенной формой обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ введеніе обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ.

Ту-же мысль поддерживалъ и д-ръ Погожевъ (делегатъ московскаго гигиеническаго общества). Считаая весьма желательнымъ госу-

дарственное страхование, онъ доказывалъ, что вопросъ объ его введеніи не исключаетъ необходимости изданія закона объ отвѣтственности фабрикантовъ за увѣчья. Законъ этотъ обезпечить развитіе профессиональной гигиены и фабричной санитарной техники, которыя сдѣлали такіе гигантскіе успѣхи въ Германіи, послѣ изданія соотвѣствующаго закона, а у насъ такъ плохо поставлены, что на все-россійской выставкѣ нѣтъ даже отдѣла фабричной гигиены.

Г.г. Вѣловъ, Евг. Рагозинъ и нѣкоторые другіе находили такое раздвоеніе ходатайства вреднымъ для дѣла и настаивали на совершенномъ исключеніи пожеланія объ изданіи закона объ отвѣтственности предпринимателей изъ резолюціи сѣзда.

Предсѣдатель, Д. О. Кобеко, резюмируя пренія, замѣтилъ, что въ дебатахъ вопросъ о страхованіи рабочихъ поставленъ былъ гораздо шире, чѣмъ въ докладахъ. Здѣсь высказано пожеланіе, чтобы страхованіе распространилось и на сельскихъ рабочихъ, пострадавшихъ при сельско-хозяйственныхъ работахъ (что собственно не входило въ программу докладовъ), во-вторыхъ, въ собраніи рельефнѣе чѣмъ въ докладахъ, выразилась мысль о необходимости государственнаго страхованія. Эта мысль восторжествовала на сѣздѣ: огромное большинство членовъ высказалось за осуществленіе общаго обязательнаго страхованія. Поэтому мнѣніе сѣзда можно формулировать такъ: «ходатайствовать объ обязательномъ государственномъ страхованіи насчетъ производства». Но это дѣло трудное и сложное. Пока оно осуществится, фабрикантамъ придется прибѣгать къ страхованію въ частныхъ обществахъ или образовывать союзы для взаимнаго страхованія. Что касается законопроекта министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей, то онъ представленъ въ государственный совѣтъ и пока еще не получилъ разрѣшенія. Нужно надѣяться, что этотъ законъ устранимъ много недоразумѣній и принесетъ несомнѣнную пользу рабочимъ. Одно признаніе, что фабрикантъ долженъ отвѣчать и за несчастія, происходящія отъ профессиональнаго риска, уже составляетъ шагъ впередъ. Поэтому сѣзду слѣдуетъ выразить пожеланіе, чтобы законопроектъ этотъ получилъ скорѣйшее осуществленіе.

Такимъ образомъ, наравнѣ съ ходатайствомъ о введеніи обязательнаго государственнаго страхованія, сѣздъ вотировалъ и пожеланіе, чтобы законопроектъ министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими получилъ возможно скорое практическое примѣненіе.

Въ окончательной редакціи, которую получила резолюція сѣзда, послѣдній пунктъ предсѣдательскаго резюме выраженъ однако въ формѣ гораздо менѣе категоричной и опредѣленной.

Вотъ текстъ этой резолюціи:

«По подробномъ обсужденіи вопроса о томъ, которая изъ двухъ системъ обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, — т. е. страхованіе рабочихъ или изданіе особаго закона объ имущественной

отвѣтственности предпринимателей за тѣлесныя поврежденія и смерть рабочихъ,—должна быть признана наиболѣе совершенною, съѣздъ пришелъ къ заключенію, что таковой должно быть признано страхование рабочихъ. Обращаясь засимъ къ предложеніямъ объ осуществленіи на дѣлѣ этой системы, съѣздъ призналъ, что съ точки зрѣнія интересовъ какъ рабочихъ, такъ и нанимателей, наилучшею формою обезпеченія участи рабочихъ (и ихъ семействъ), утрачивающихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ (несчастные случаи, болѣзнь, старость) способность къ труду и снискиванію себѣ или своей семьѣ пропитанія, представляется такое обязательное страхование рабочихъ, которое не преслѣдовало бы коммерческихъ выгодъ и потому находилось бы въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, и что заботы объ обезпеченіи участи увѣчныхъ, больныхъ и дряхлыхъ рабочихъ должны имѣть въ виду не только исключительно фабрично-заводскихъ рабочихъ, но по возможности и рабочихъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности. Если бы, однако, организація обязательнаго страхования въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства оказалась неосуществимою въ ближайшемъ будущемъ, то съѣздъ признавалъ бы крайне желательнымъ, чтобы владѣльцы промышленныхъ заведеній озаботились какъ распространеніемъ страхования рабочихъ въ существующихъ частныхъ страховыхъ обществахъ, такъ и образованіемъ между собою союзовъ для такового страхования на началахъ взаимства, съ предоставленіемъ возможности участія въ сихъ союзахъ не только крупнымъ промышленнымъ заведеніямъ, но и мелкимъ. Усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ главное несовершенство нынѣ дѣйствующихъ общихъ началъ гражданской отвѣтственности, въ примѣненіи ихъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и смерти рабочихъ, занятыхъ промышленными производствами, въ недостаточно опредѣлительномъ выраженіи въ самомъ законѣ, что наниматели отвѣтствуютъ и за случаи профессиональнаго риска, съѣздъ призналъ существенно важнымъ, чтобы страхование въ частныхъ обществахъ и въ указанныхъ выше союзахъ покрывало и означенный профессиональный рискъ, и чтобы въ этомъ смыслѣ дополнены были дѣйствующія узаконенія».

Разработка вопроса о страхованіи рабочихъ составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ крупныхъ положительныхъ заслугъ съѣзда. Быть можетъ пожеланія, высказанныя на съѣздѣ, двинуть впередъ такъ долго тормозящійся почему-то вопросъ объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ,—вопросъ безспорной и громадной важности.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться сколько нибудь подробно на остальныхъ вопросахъ фабричнаго труда, подвергнутыхъ обсужденію на торгово-промышленномъ съѣздѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ только о той группѣ докладовъ, ко-

торые касались вопроса о мѣрахъ для *поднятія умственнаго и нравственнаго уровня рабочихъ*.

Центральное мѣсто среди этихъ докладовъ занималъ докладъ А. Г. Небольсина «Организація курсовъ для взрослыхъ рабочихъ».

По мнѣнію докладчика, среди цѣлой массы различныхъ условий, отъ которыхъ зависитъ промышленное развитіе страны, несомнѣнно одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ успѣхъ образованія рабочихъ. Цѣлый рядъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, а также мнѣнія многихъ авторитетныхъ лицъ указываютъ на громадное значеніе образованія для производительности труда, а стало быть и для развитія той или другой отрасли промышленности. Девятая секція минувшаго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію выработала рядъ соответственныхъ вопросовъ и разослала ихъ по фабрикамъ, заводамъ и сельскимъ хозяйствамъ. Получено 62 отвѣта, касающіеся 24 тыс. фабричныхъ и около 1300 сельскихъ рабочихъ. Большинство допрошенныхъ лицъ категорически высказалось за вліяніе грамотности на производительность труда, на уменьшеніе срока выучки и на увеличеніе заработка рабочихъ. Изъ цѣлаго ряда любопытныхъ отвѣтовъ г. Небольсинъ отмѣчаетъ характеристическое показаніе одного петербургскаго фабриканта, который высказался безусловно въ пользу обучавшихся въ школѣ рабочихъ и объяснилъ, что всѣ болѣе ответственные должности, какъ напр., машинистовъ и кочегаровъ въ Петербургѣ, занимаютъ финляндцы только потому, что они грамотны. Въ другомъ, очень обстоятельномъ сообщеніи, говорится, что «опытъ подтверждаетъ, почти безъ исключенія, что чѣмъ грамотнѣе рабочій, тѣмъ болѣе онъ пригоденъ на тѣ посты, гдѣ, помимо простой физической силы, требуются еще наблюдательность, сообразительность и вниманіе». Одна извѣстная писчебумажная фабрика сообщаетъ, что когда введенъ былъ на фабрикѣ 8-часовой трудъ, то на нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, гдѣ рабочіе почти всѣ грамотны, оказалось возможнымъ сократить число людей въ сменѣ отъ 20 до 50%, между тѣмъ какъ въ отдѣленіяхъ съ безграмотными это сокращеніе оказалось совершенно невозможнымъ, въ виду того, что пошло въ ущербъ количество и качество работы и т. д.

Въ настоящее время въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы уже никто не сомнѣвается въ тѣсной связи матеріальнаго преуспѣянія страны и просвѣщенности ея населенія. Докладчикъ съ особою обстоятельностью останавливается на системѣ начальнаго народнаго образованія въ Англіи и на мѣрахъ, предпринимаемыхъ для пополненія образованія взрослыхъ рабочихъ. Англійскій рабочій, благодаря цѣлой сѣти образовательныхъ учреждений, существующихъ въ странѣ, можетъ научиться всему и большею частію даромъ или за ничтожную плату: научнымъ основамъ своей профессиональной дѣятельности, основамъ навигаціи и астрономіи, физиологіи и ботаникѣ, основамъ государственнаго управленія, главнымъ

факторамъ, характеризующимъ устройство органовъ исполнительной, законодательной и судебной власти въ своемъ отечествѣ и т. п.

Англійская образовательная система поучительна и съ другой стороны: она показываетъ наглядно, какое капитальное значеніе въ дѣлѣ распространенія школьнаго и внѣшкольнаго образованія рабочихъ имѣетъ развитіе самостоятельности и инициативы среди самаго общества. На этихъ началахъ зиждется все зданіе общественной жизни Англии. Они же являются руководящимъ началомъ и въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія въ массахъ.

Въ общемъ выводѣ изъ всѣхъ приведенныхъ въ докладѣ соображеній и фактическихъ данныхъ, г. Небольсинъ приходитъ къ заключенію о «крайне настоятельной необходимости приблизить школу къ взрослымъ рабочимъ, какъ непосредственнымъ уже дѣателямъ отечественной промышленности». Для достиженія этой цѣли онъ проектируетъ цѣлый рядъ мѣръ, къ осуществленію которыхъ необходимо приступить немедленно же, въ интересахъ нашей промышленности.

Мы приведемъ здѣсь цѣликомъ тезисы г. Небольсина, представляющіе собою систематическое изложеніе тѣхъ desiderata въ настоящемъ дѣлѣ, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ далека наша дѣйствительность.

Докладчикъ признавалъ необходимымъ:

„I) Разрѣшить законодательнымъ порядкомъ общественнымъ учрежденіямъ (городскимъ, земскимъ, сословнымъ и проч.), частнымъ обществамъ и лицамъ—устройство для взрослыхъ рабочихъ и подростковъ обоаго пола нижеслѣдующихъ воскресныхъ и воскресно-вечернихъ учреждений: 1) курсовъ грамоты и общеобразовательныхъ предметовъ; 2) законченныхъ популярныхъ курсовъ по физикѣ, химіи, механикѣ и естествознанію, какъ лежащихъ въ основѣ всякихъ специальныхъ знаний; 3) курсовъ графическихъ искусствъ (рисованія и черченія); 4) курсовъ для приготовленія специалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ техники, напр., курсовъ для кочегаровъ и машинистовъ, электротехниковъ, пивоваровъ и т. п.; 5) народныхъ чтеній съ туманными картинками, какъ общеобразовательнаго характера, такъ и специальнаго; причемъ, для избѣжанія лишннихъ затрудненій, необходимо, чтобы спеціальныя чтенія могли быть разрѣшаемы и фабричною инспекціей, или властью, ее замѣняющей; 6) народныхъ читаленъ и библиотекъ, какъ отдѣльно, такъ и при курсахъ,—съ допущеніемъ въ эти послѣднія всѣхъ книгъ, дозволенныхъ для первыхъ, причемъ, въ виду того, что книги спеціальнаго характера почти не разсматриваются ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, необходимо, чтобы такіа книги допускались также съ разрѣшенія фабричной инспекціи; 7) показательныхъ мастерскихъ въ большихъ фабричныхъ, ремесленныхъ и кустарныхъ центрахъ, т. е. такихъ мастерскихъ, гдѣ специалисты по отдѣльнымъ отраслямъ техники могли бы показывать, за небольшую плату, лицамъ, уже освоившимся съ даннымъ ремесломъ, новые или болѣе совершенные инструменты и приемы мастерства.

II. Устранить препятствія, дѣлающія почти невозможнымъ въ настоящее время открытіе всѣхъ вышеперечисленныхъ учреждений, а для этого необходимо, чтобы эти послѣднія (если уже нельзя обойтись безъ

особаго разрѣшенія) позволялись властью ближайшихъ мѣстныхъ органовъ учебной администраціи и притомъ въ самый кратчайшій срокъ; хотя, конечно, для успѣшнаго ихъ развитія, желательно, опредѣливъ въ законѣ извѣстныя требованія, коимъ должны удовлетворять лица и учрежденія, которымъ предоставляется право устраивать подобные курсы, чтенія, читальни и библіотеки,—ограничиться, въ цѣляхъ надзора, однимъ лишь доведеніемъ до свѣдѣнія подлежащей власти о лицѣ или учрежденіи, которое желаетъ устроить для чтенія читальню или библіотеку, времени и мѣстѣ, гдѣ предполагается открыть то или другое учрежденіе.

III. Урегулировать рабочее время подростковъ и взрослыхъ рабочихъ обоюго пола для доставленія имъ возможности посѣщать всѣ приведенныя образовательныя учрежденія.

IV. Облегчить разрѣшеніе учрежденія частныхъ обществъ распространенія грамотности и знаній той или другой специальности при помощи курсовъ, предоставивъ такимъ обществамъ надлежащую свободу и самостоятельность, необходимыя для плодотворной ихъ дѣятельности.

V. Предоставить учредителямъ, въ виду наилучшаго приспособленія курсовъ къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ промышленности,—возможно широкое участіе какъ въ выборѣ предметовъ преподаванія, такъ и въ установленіи объема курса и въ выработкѣ программъ (съ утвержденія ближайшей мѣстной учебной администраціи) и проч.

VI. Допустить, въ качествѣ преподавателей специальныхъ предметовъ, лицъ, близко стоящихъ къ промышленности, а для общеобразовательныхъ предметовъ—лицъ, обладающихъ нужными свѣдѣніями.

VII. Просить о повтореніи циркуляра министерства народнаго просвѣщенія отъ 27-го октября 1885 года, каковымъ предлагалось всѣмъ учебнымъ учрежденіямъ въдомства оказывать возможное содѣйствіе въ смыслѣ доставленія постоянно бесплатнаго помѣщенія для воскресно-вечернихъ курсовъ не только для распространенія техническихъ знаній, но и для всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ.

Наконецъ, VIII. Просить министерство финансовъ оказать денежное пособіе на устройство упомянутыхъ выше курсовъ для взрослыхъ рабочихъ и подростковъ, ассигновать по смѣтѣ ежегодный на этотъ предметъ кредитъ, изыскавъ специальный для этого источникъ дохода, при чемъ желательно, чтобы размѣръ пособія по возможности соответствовалъ стоимости вознагражденія учебнаго персонала“.

Сѣздъ единогласно принялъ всѣ эти положенія и постановилъ возбудить соответственныя ходатайства.

Дополненіемъ къ докладу г. Небольсина служатъ доклады гг. Станчинскаго, Барышникова и Гавришева, посвященные выясненію вопроса о влияніи грамотности рабочихъ на улучшеніе фабричной промышленности.

Докладъ Н. В. Станчинскаго основывался на изслѣдованіи грамотности рабочихъ 30 заведеній въ Тверской губ., принадлежащихъ къ разнымъ отраслямъ производства. Опросъ 2820 рабочихъ (обоюго пола) показалъ, что въ изслѣдованныхъ производствахъ грамотный рабочий получаетъ болѣе неграмотнаго на 50—65%. Въ производствахъ технически развитыхъ, т. е. гдѣ ручной трудъ замѣненъ механическимъ, процентъ грамотныхъ рабочихъ наибольшій. Последнее обстоятельство доказываетъ, что фабрики—можетъ быть сами не сознавая этого—даютъ предпочтеніе грамотному рабочему, какъ болѣе исправному и ловкому. Слѣдовательно, грамотность рабо-

чаго, увеличивая его заработокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ развитію промышленности, давая ей лучшаго рабочаго. Къ аналогичнымъ выводамъ приводятъ и наблюденія г. Барышникова надъ соотношеніемъ грамотности и заработной платы среди рабочихъ Олонецкой губ. и г. Гавришева надъ грамотностью мастеровыхъ города Николаева.

Сѣздъ согласился съ общими выводами докладчиковъ и въ заключеніе, по докладу г. Барышникова (фабричнаго инспектора Олонецкой губ.), призналъ, что *лучшая форма покровительства отечественной промышленности есть введеніе всеобщаго обученія.*

Этимъ общимъ положеніемъ мы и закончимъ нашъ обзоръ вопросовъ труда, выдвинутыхъ на последнемъ торгово-промышленномъ сѣздѣ.

Н. Анненкинъ.

Съ 1894 г. издается въ Петербургъ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№№
книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Луку-Оле. Ленъ. Свинья. Капля воды. Съ 3 рис. (10 к.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна Лизбета. Съ 10 рис. (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣва. Съ 3 рис. (8 к.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 к.).
13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 к.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Вольшой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 к.).
17. Золотое сокровище. Влоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 к.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должна же быть разница. Съ 10 рис. (10 к.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со свѣчками. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 к.).
26. Исторія одной матери. Кто же въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 к.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 к.).
32. Сказка о Калифъ-аистѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).
33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-нось. Съ 10 рис. (12 к.).
35. Приключеніе Саида. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видитъ. Съ 7 рис. (10 к.).

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друга короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій бессонницей. Каменная глыба. Скоро-спѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 к.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и биографіей Жоржъ-Зандъ (18 к.).
 43. Розовое яблоко. Съ 5 рис. (12 к.).
 44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 к.).
 45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 к.).
- №№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждого номера—10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Бармонъ Сильви, сказки Андерсена, Братъевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

- 1) Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.—3) Руководство къ рисованію акварелью А. Кассана. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) На всякій случай. А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) Домашній опредѣлитель подѣлокъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.—7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Съ франц. подъ редакціей профес. Пономарева. Ц. 1 р.—8) Гигіена дѣтства. Э. Перье. Ц. 50 к.—9) Уходъ за больными въ семьѣ. Энциклера. Ц. 50 к.—10) Уходъ за больными дѣтьми. Э. Перье. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Экстазы человѣка П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.;
- 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты. д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. А. Далле, съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физиологія души. А. Герцена. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. Г. Жоли. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. Э. Ферьера. Обще-доступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к., 9) Миръ грѣвъ. Д-ра Симона, Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р.; 10) Первобытные люди. Дебьера. Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. Домброво. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Обще-доступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 4) Гигіена семьи. Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Мигулы. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физиологія чело-вѣка. И. Лункевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дори. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача Тило. Ц. 40 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ. П. Луковникова.

(Сиб., Лештуковъ пер., № 12).

ЛЕНИНЪ

ЦЕНТЪ

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его *М.*

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Widener Library

3 2044 098 421 738

